

б3.3(22-4(сам)

1850

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА
ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ НА 1997–2000 ГОДЫ»

История Самарского Поволжья

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Римский железный век и средневековье

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Ранний железный век и средневековье

МОСКВА «НАУКА» 2000

УДК 947.0
ББК 63.3(235.54)
И 90

Редакционная коллегия:

П.С. КАБЫТОВ (главный редактор),
И.Б. ВАСИЛЬЕВ (зам. главного редактора),
Э.Л. ДУБМАН, Ю.Н. СМИРНОВ, Л.В. ХРАМКОВ

Редакторы книги:

И.Н. ВАСИЛЬЕВА, Г.И. МАТВЕЕВА

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука: 2000. – 423 с., ил.

ISBN 5-02-008718-1

На основе анализа результатов многолетних археологических и исторических исследований на территории Самарского Поволжья в книге предлагается целостная картина исторического прошлого края в I тысячелетии до н.э. – середине II тысячелетия н.э.

Для археологов, этнографов, краеведов, преподавателей ВУЗов и школ, студентов, учащихся и всех интересующихся историей и археологией.

Без объявления

ISBN 5-02-008718-1

ISBN 5-02-008708-4 (общий)

© Центр “Интеграция”, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (VIII ВЕК ДО Н.Э. – IV ВЕК Н.Э.)	9
Глава первая. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке (Н.В.Мышкин, В.А.Скарбовенко)	9
1. Предсавроматский период	10
2. Культура кочевников савроматского времени	12
3. Ранние сарматы. Памятники прохоровской (раннесарматской) культуры	20
4. Памятники среднесарматской культуры	28
5. Памятники позднесарматской культуры	31
Глава вторая. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городецкая культуры) (Г.И.Матвеева)	82
1. Белогорский вариант ананьинской культуры	84
2. Городецкая культура	86
ЭПОХА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (V–IX ВЕКА Н.Э.)	94
Глава третья. Памятники начала эпохи великого переселения народов (II–IV века н. э.) (Г.И.Матвеева)	94
1. Памятники славянского типа	94
2. Памятники лбищенского типа	98
Глава четвертая. Памятники именьковской культуры (V–VII века н. э.) (Г.И. Матвеева)	113
Глава пятая. Древности кочевников гунского и постгунского времени (V–VI века н. э.) (А.В.Богачев)	135
1. Памятники гунского времени	135
2. Памятники постгунского (раннетюркского времени)	144
Глава шестая. Памятники раннеболгарского времени (Г.И.Матвеева, А.В.Богачев)	155
Глава седьмая. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII веков н. э. (А.В.Богачев)	189
Глава восьмая. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье (Салугина Н.П.)	216
1. Методика исследования	217
2. Городецкая культура	223
3. Славянский тип керамики	227
4. Городище Лбище	229
5. Керамика именьковской культуры	232
6. Истоки гончарных традиций населения именьковской культуры	235

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (X–XIV ВЕКА Н.Э.)	247
Глава девятая. Волжская Болгария (X век – 1236 год) (Г.И.Матвеева)	247
Глава десятая. Волжская Печенегия и половцы (X–XIII века)	267
1. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье (И.Н.Васильева)	267
2. Заволжская Печенегия (В.И.Иванов)	272
3. Кыпчаки (половцы) в Самарском Заволжье (И.Н.Васильева)	281
Глава одиннадцатая. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья (И.Н.Васильева)	293
Приложение	347
Список использованной литературы	407
Список сокращений	427

ВВЕДЕНИЕ

Самарское Поволжье расположено на границе лесной и степной зон, в лесостепи. С древнейших времен оно было пограничьем различных по происхождению этнических массивов. Особенно ярко это проявилось в эпоху раннего железного века и в средневековье, т. е. в I тысячелетии до н. э. – середине II тысячелетия н. э.

В раннем железном веке южные степные районы Самарского Поволжья являлись кочевьем савроматских, а позднее сарматских племен. Единственным источником для их изучения служит материал раскопок курганных могильников и одиночных курганов. Кочевники порой продвигались к северу, однако севернее района г. Тольятти их памятники неизвестны. Самарская Лука и северо-восточные районы Самарской области (бассейн р. Черемшан) были заселены оседлыми племенами, сначала “белогорскими”, названными так по городищу Белая гора у с. Подгоры, а позднее племенами “городецкой” культуры, пришедшими в IV в. до н. э. с запада, из бассейна среднего течения р. Оки. Белогорцев можно с наибольшей долей вероятности связать с финно-уграми, близкими по происхождению к племенам ананьинской культуры, городецкая культура также, по мнению большинства исследователей, принадлежала финно-угорским племенам, хотя вопрос о ее этнической принадлежности нельзя считать до конца решенным.

С конца I в. н. э. на обширных лесостепных пространствах Восточной Европы распространяется население позднезарубинецкой культуры. Пришельцы достигают Среднего Поволжья и основывают здесь свои поселения. Одно из таких поселений – Славкинское селище подвергнуто раскопкам. Характер его материалов свидетельствует о смешении позднезарубинецких и пшеворских элементов. Те же компоненты ярко выражены в культуре городища Лбище и других аналогичных ему памятников. Славкинские и лбищенские памятники отражают первый этап освоения Поволжья славянами.

Более мощная миграционная волна захлестнула Среднее Поволжье в период гуннского нашествия: в конце IV – начале V в. н. э. Жившие в нашем регионе потомки позднезарубинецких племен и родственные им группы населения, пришедшие с запада и юго-запада черняховско-пшеворские племена, создали именьковскую культуру V–VII вв. н. э. Долгое время вопрос об ее этнической принадлежности вызывал споры, однако в последние годы большинство исследователей разделяют точку зрения о славянском происхождении племен, оставивших данную культуру. По-прежнему остается дискуссионным вопрос об исторических судьбах населения именьковской культуры. Одни исследова-

тели считают, что после прихода болгар оно покинуло Среднее Поволжье и переселилось на левобережье Днепра, создав там волынцевскую культуру. По мнению других, именьковские племена остались после VII в. в Среднем Поволжье, смешались с болгарами и приняли участие в формировании болгарской народности. Для окончательного решения этого вопроса необходимы широкомасштабные археологические работы на именьковских поселениях и могильниках.

В I тысячелетии н. э. в южных районах Самарского Поволжья продолжали обитать кочевники. Однако этнический состав их изменился по общей для всех евразийских степей причине, а именно из-за нашествия гуннов – тюркоязычных кочевников из Азии. Наш регион был самой северной периферийной частью огромного степного пояса, где все политические, экономические и демографические процессы, бурно протекавшие в основном районе расселения кочевников, приобретали сглаженный характер. Археологически это проявляется прежде всего в малочисленности памятников, оставленных средневековыми кочевниками. В конце IV – начале V в. сюда проникали лишь отдельные группы тюркоязычных кочевников. Гуннским временем датируются два комплекса: у с. Федоровка и у с. Владимировка. К настоящему времени исследовано несколько погребений VI в. н. э. Можно предполагать, что до массовой болгарской миграции в конце VII в. в степных районах Самарского Заволжья практически не было кочевников.

В последние два десятилетия благодаря усилиям самарских археологов на территории Среднего Поволжья выявлен новый пласт памятников конца VII – первой половины VIII в., который можно связать с первой волной болгарской миграции. В основном, это курганные и грунтовые могильники, погребальный обряд и инвентарь которых указывает на их связь с районами Северного Причерноморья и Приазовья. По первому исследованному могильнику у с. Новинки (Самарская Лука) вышеупомянутые памятники были отнесены к новинковскому типу. Анализ их материальной культуры позволил прийти к выводу о том, что вещевой комплекс, характерный для салтово-маяцкой культуры, сложился уже к концу VII в.

Следующая миграционная болгарская волна, достигшая Среднего Поволжья в середине VIII в., представлена могильниками типа Больше-Тарханского и Кайбельского. На территории Самарского Поволжья переселенцы этой волны оставили впускные погребения в кургане у трудового лагеря “Золотая Нива”, недалеко от г. Тольятти. С VIII в. в Самарское Поволжье начали проникать группы прикамского населения. Их появление четко фиксируется благодаря распространению круглодонной посуды с примесью раковины, украшенной отпечатками перевитого шнура на шейках сосудов. Самая ранняя находка сосуда такого типа происходит из Брусянского II могильника. В IX в. на территории нашей области, как и в более северных районах Среднего Поволжья (Татарстан), жили группы угорского населения. Об этом свидетельствуют погребения, изученные на 116 км г. Самары и в окрестностях разъезда Немчанка. По погребальному обряду и инвентарю они сближаются с кушнаренковско-караякуповскими памятниками Башкирии.

Характер взаимоотношений между болгарами и другими переселившимися в Среднее Поволжье этническими группами выяснен не до конца. Можно предполагать, что болгары поддерживали тесные контакты с прикамским населением, проживая с ними совместно в рамках единых хозяйственных комплексов – поселений. Взаимоотношения с угорским населением были иными: они носили, по-видимому, враждебный характер, что и привело к уходу угров из Среднего Поволжья в Западную Европу, где ими было основано Венгерское государство.

В X в. в среде болгарского населения, заселившего совместно с другими этническими группами Среднее Поволжье, происходили очень важные процессы: постепенная централизация власти и борьба за независимость от хазар, переход к оседлости и начало строительства городов, развитие ремесел и торговли, а также принятие мусульманства в качестве государственной религии. Итогом этих процессов было сложение в данном регионе сильного феодального государства – Волжской Болгарии.

Как и повсеместно, в Среднем Поволжье во второй половине X в., на Самарской Луке возникают болгарские поселения. Самым значительным среди них был Муромский городок – один из крупнейших городов Волжской Болгарии и ее форпост на южных границах. Площадь города составляла 150 га, а с пригородными селищами достигала 300 га. Средневековое название города остается неизвестным. “Муромским городком” его называет местное население, проживающее в окрестных селах Валы и Жигули. Под этим названием он вошел в литературу. Муромский городок был важным административным, ремесленным, торговым и культурным центром. В связи с его географическим расположением на южной границе государства болгар он играл роль значительного стратегического пункта. Город был сметен с лица земли татаро-монгольским нашествием в 1236 г.

Образование централизованного феодального государства волжских болгар явилось очень важным фактором, повлиявшим на демографию Самарского Поволжья в X–XIII вв. Средоточие городов и поселений болгар располагалось на Самарской Луке и севернее: в пределах Ульяновской области и Татарстана. В Заволжье буферной зоной было междуречье Сока и Самары, где, по-видимому, патрулировали болгарские пограничные отряды, не допускавшие кочевников в пределы своего государства. Все известные кочевнические комплексы X–XIII вв. найдены южнее р. Самары, что позволяет предполагать принадлежность степных районов Самарского Заволжья к кочевьям тюркоязычных кочевников. К настоящему времени изучено несколько памятников, которые по комплексу характерных черт погребального обряда и наличию хронологически определенных типов вещей в них могут быть отнесены к печенежскому периоду истории Заволжья и датированы X–XI вв. В начале XI в. началось массовое переселение на запад кыпчакских кочевых родов, которые вытеснили печенегов и огузов и завоевали огромные степные пространства от озера Балхаш до Дуная. Впоследствии эту территорию стали называть Дешт-и-Кыпчак. Спецификой археологического изучения памятников средневековых

кочевников в Самарском Заволжье является почти полное отсутствие комплексов, которые можно было бы с большой степенью достоверности датировать концом XI – первой половиной XIII в. и отнести к кыпчакскому (половецкому) кругу памятников. Резкое увеличение кочевнического населения в Поволжье происходит в золотоордынский период, что было связано с политикой ханов Золотой Орды.

Татаро-монгольское нашествие настигло Среднее Поволжье в 1236 г. Оно оказало огромное влияние на дальнейшую историю и культуру Волжской Болгарии и тюркоязычных кочевников, освоивших степные районы Заволжья в домонгольское время. В период существования Золотой Орды в Самарском Поволжье жили русские, мордва, тюркоязычные кочевники и болгары. Именно в это время закончилось формирование поволжских тюркоязычных народностей: чувашей, татар, башкир. Можно считать, что современная этническая карта Самарской области в основных своих чертах сложилась в данный период. Однако после военного похода Тамерлана в 1391 г. традиции прочной оседлости были нарушены здесь надолго, и возрождение оседлой земледельческой культуры относится уже к XVII в. – периоду вхождения Поволжья в Российское государство.

Данное издание подготовлено коллективом авторов в составе: кандидата исторических наук, профессора Г. И. Матвеевой, доктора исторических наук В. А. Иванова, кандидатов исторических наук И. Н. Васильевой, Н. П. Салугиной, А. В. Богачева, В. Н. Мышкина и научного сотрудника В. А. Скарбовенко. Оно является первой попыткой полного обобщения результатов почти 30-летних работ Средневожской археологической экспедиции, с учетом всех материалов, накопленных в ходе предыдущих археологических исследований, проводившихся в Самарском Поволжье. На основе анализа всех имеющихся источников в работе предлагается реконструкция истории населения Самарского Поволжья в раннем железном веке и средневековье (I тысячелетие до н. э. – середина II тысячелетия н. э.). Издание рассчитано как на специалистов-археологов, историков и этнографов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей родного края.

*Г. И. Матвеева
И. Н. Васильева*

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (VIII ВЕК ДО Н.Э. – IV ВЕК Н.Э.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОЧЕВНИКИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Ранний железный век. Формирование кочевого скотоводства. Начало I тысячелетия до н. э. (IX–VII вв.) – очень важный период для истории степей Восточной Европы. Именно в это время на рассматриваемой территории начинается распространение и активное использование изделий из железа. К концу указанного периода железо постепенно вытеснило из основных сфер человеческой деятельности бронзу – господствующий металл двух предыдущих тысячелетий. Начался ранний железный век, длившийся с VIII в. до н. э. по IV в. н. э. включительно.

В начале раннего железного века происходило формирование и распространение кочевничества как специфического хозяйственного уклада и связанного с ним образа жизни. Специфику кочевничества определяют следующие характеристики: 1) скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности; 2) экстенсивный характер хозяйства, связанный с круглогодичным востойловым содержанием скота на подножном корму; 3) периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории; 4) участие в перекочевках большей части населения; 5) преобладание натуральных форм хозяйства (Хазанов А.М., 1975. С. 6).

Сложной проблемой является определение *причин* повсеместного перехода евразийских племен в начале эпохи железа к новому хозяйственному укладу. Предлагавшиеся исследователями модели этого процесса акцентировали внимание на различных причинных факторах, обусловивших масштабные экономические, социальные и этнические трансформации. Среди причин могли быть: изменение климатических условий в сторону большей засушливости или, наоборот, влажности; антропогенное воздействие на природную среду, в результате которого стало невозможным оседлое хозяйствование; развитие производительных сил (развитие скотоводства, обусловившее постоянный рост поголовья стад); развитие имущественной и социальной дифференциации с накоплением скота в качестве богатства; обмен с древними государствами, стимулировавший увеличение поголовья стад; изобретение железа, приведшее к употреблению строгих металлических удилищ и введению многих военных новшеств, в результате которых кочевники получили преимущество перед оседлым населением в жизнеобеспечении своих коллективов. Многие версии, особенно те, которые отдавали предпочтение какому-либо одному причинному фактору, имеют уязвимые стороны (Клейн Л.С., 1980). Переход к кочевому скотоводству был, скорее всего, обусловлен целым комплексом разноплановых факторов, включая перечисленные выше, и взаимосвязь этих факторов требует дальнейших исследований.

1. Предсавроматский период

Киммерийцы и киммерийская эпоха. Первые века I тысячелетия до н. э. для степей Восточной Европы традиционно рассматриваются как киммерийская эпоха. Название эпохи возникло в результате попыток совместить при ее исследовании свидетельства письменных источников и данные археологии. Дело в том, что ассирийские клинописные тексты неоднократно упоминают *варваров-гимирри*. В сочинениях древнегреческих авторов гимирри фигурируют как киммерийцы. Военные отряды киммерийцев в конце VIII – второй половине VII в. до н. э. активно действовали в Закавказье и Малой Азии, создавая серьезную угрозу ряду государств этого региона. Так, например, в донесениях ассирийских шпионов из Ванского царства (722–715 гг. до н. э.) сообщалось о разгроме киммерийцами ванского царя Русы I. В 679–678 гг. до н. э. киммерийцы вторглись в Ассирию, но потерпели поражение. Около 676–674 гг. до н. э. они в союзе с Ванским царством и еще каким-то народом разгромили малоазиатское государство Фригию. Чуть позже они вторглись в Лидию и захватили столицу этого государства г. Сарды (Артамонов М.И., 1974. С. 27–28). Киммерийцы перестали упоминаться в ближневосточных текстах после того, как были разгромлены лидийским царем Алиаттом (Ильинская В.А., Терсножкин А.И., 1986. С. 19). В качестве почти мифологического народа киммерийцы упоминаются Гомером в “Одиссее”: “Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами – ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными” (Латышев В.В., 1992. С. 29–30). Древнегреческие авторы и, прежде всего, Геродот указывают на Северное Причерноморье как первоначальную территорию обитания киммерийцев. Оттуда в Малую Азию они были вытеснены скифами. Таким образом, согласно письменным источникам киммерийцы в севропричерноморских степях являлись непосредственными предшественниками скифских племен (Там же. С. 76–77).

Памятники киммерийской эпохи в Северном Причерноморье, междуречье Волги и Дона, Заволжье. Эти свидетельства легли в основу этнической атрибуции памятников Северного Причерноморья, датированных первыми веками I тысячелетия до н. э. Памятники рассматриваемого времени объединены исследователями в две группы: *черногоровскую* (или *камышевахско-черногоровскую*) и *новочеркасскую*. Разброс мнений по поводу более точной датировки этих двух групп, территориального распространения и этнической принадлежности племен, их оставивших, взаимосвязи друг с другом весьма велик. Так, согласно получившей широкое признание концепции А.И. Тереножкина, черногоровские и новочеркасские памятники отражают факт существования киммерийской культуры с IX до середины VII в. до н. э. (Тереножкин А.И., 1976). По другой версии черногоровская группа, дата которой – середина VIII в. до н. э. – начало VII в. до н. э., может быть связана с исторически-

ми киммерийцами. Новочеркасские же памятники были оставлены скифами в период с конца VIII в. до н. э. – по начало последней четверти VII в. до н. э. (Лесков А.М., 1984. С. 147–152). Существует гипотеза о синхронном существовании черноголовского и новочеркасского культурных комплексов в пределах VII в. до н. э. и принадлежности первого из них скифам, а второго – киммерийцам (Членова Н.А., 1984. С. 41). Наконец, сравнительно недавно вышла работа, в которой подвергается сомнению киммерийская принадлежность как черноголовских, так и новочеркасских памятников, и, следовательно, сама возможность использовать факт их существования для подтверждения длительного обитания киммерийцев в Северном Причерноморье (Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993. С. 51–91).

У античных авторов нет сведений о том, что киммерийцы обитали к востоку от Дона. Однако памятники киммерийского (или предсавроматского) времени в междуречье Волги и Дона, а также в Заволжье практически ничем не отличаются от одновременных им северопричерноморских комплексов. Они представляют собой немногочисленные относительно бедные погребения и случайные находки. Следы оседлости в Поволжье отсутствуют, а относительная редкость памятников может являться следствием перехода к кочевому образу жизни и новому способу ведения хозяйства. Имеющиеся материалы указывают на связи населения Поволжья и Подонья с населением северопричерноморских степей и Северного Кавказа (Дворниченко В.В., Коренько В.А., 1989. С. 148, 152).

Памятники предсавроматского времени в Самарском Заволжье. Некоторые погребения и случайные находки на территории Самарского Заволжья можно включить в группу именно этих памятников.

VIII–VII вв. до н. э. датировано погребение, раскопанное Н.Я. Мерпертом у с. Ягодное в Ставропольском районе (Мерперт Н.Я., 1954. С. 51–53; Смирнов К.Ф., 1961. С. 71; 1964. С. 29). Так как могила прорезала лишь верхний слой материкового грунта, ее форма и конструкция не были прослежены. Н.Я. Мерперт, исследовавший памятник, предположил, что погребенный был втиснут в узкую яму. Скелет юноши 16–18 лет лежал вытянуто на спине головой на юго-восток-восток. Его правая нога была слегка согнута в колене. Неподалеку от погребенного были обнаружены зубы лошади и бронзовые принадлежности конской упряжи (табл. 6, 1). Автор раскопок определил эти предметы как псалии, К.Ф. Смирнов – как застёжки уздечки.

Ко времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку, судя по радиоуглеродным датам, относятся два погребения, исследованные П. Ф. Кузнецовым в могильниках Нижняя Орлянка I (курган 1, погребение 3) и Спиридоновка II (курган 1, погребение 1). Возраст первого комплекса – 2870 ± 70 лет, второго – 2840 ± 80 лет (Кузнецов П.Ф., 1998. С. 57). Эти захоронения были впускены в курганы эпохи бронзы. Заупокойный сопровождающий инвентарь отсутствовал. В погребении 3 кургана I Нижнеорлянского I могильника скелет лежал на правом боку с завалом на спину, со слегка согнутыми руками и ногами, го-

ловой на юго-запад. Костяк, обнаруженный в погребении I кургана I Спиридоновского II могильника лежал скорченно на левом боку, головой на юго-восток.

Остальные предметы, относящиеся к рассматриваемой эпохе, представляют собой случайные находки или происходят из разрушенных курганов.

Около поселка Серноводск Сергиевского района, по данным краеведа П.Д. Лупаева, был найден бронзовый топорик с плоским лезвием, овальным проухом и уплощенным обухом (табл. 6, 3). Наиболее точной аналогией этой находке является экземпляр, найденный возле с. Билярска в Татарии. А.Х. Халиков счел возможным отнести билярский топор к кругу бронзовых топоров-секир киммерийской эпохи (а точнее, второй половины VIII–VII в. до н. э.), являвшихся символами власти (Халиков А.Х., 1977. С. 179, 180, рис. 68, 1). Однако своей формой серноводский и билярский топоры больше похожи на некоторые образцы подобного оружия из раннескифских памятников, например, на парадную секиру (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. С. 57) из Келермесского 1-го кургана. Но все скифские боевые топоры изготовлены из железа (Черненко В.Е., 1986. С. 142). Исключение составляет бронзовая секира из кургана конца VII – начала VI в. до н. э. у Цукар-Лимана в Крыму (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. С. 107–108).

Найденные около станции Марычска Богатовского района бронзовые удила с большими одинарными кольцами (табл. 6, 5) относятся к типу, который был распространен в VII в. до н. э. на Северном Кавказе (Иессен А.А., 1953. С. 104–105). Дата бронзовых двуколычатых удил (табл. 6, 4), происходящих из кургана Железный Мар у с. Благодаровка Борского района – VIII–VII вв. до н. э. (Там же. С. 104). В Среднее Поволжье они попали, видимо, с территории Кавказа или Нижнего Дона (Смирнов К.Ф., 1964. С. 78). Концом VII – началом VI в. до н. э. следует, видимо, датировать костяной псалий с зооморфным изображением (табл. 6, 2), найденный у с. Рысайкино Похвистневского района (Смирнов К.Ф., 1961. С. 80).

Таким образом, в начале I тысячелетия до н. э. степные и лесостепные районы Самарского Заволжья занимали немногочисленные группы населения. Незначительность археологических данных и полное отсутствие письменных свидетельств не позволяют определить характер этих групп, их культурную и этническую принадлежность. Следует отметить, что они каким-то образом были связаны с населением Северного Кавказа и миром финно-угорских племен Волго-Камья.

2. Культура кочевников савроматского времени

Кочевые племена Поволжья и Южного Приуралья в савроматское время. В VI в. до н. э. в степях Поволжья и Южного Приуралья появились кочевые ираноязычные племена, которые создали яркую и своеобразную культуру, значительно отличавшуюся от культуры киммерийской эпохи. Новая культура стала частью обширного “скифо-сибирского мира”, то есть ареала культур кочевых и полукочевых евразийских

племен, объединяемых широким распространением сходных форм оружия, конской упряжи и изображений, выполненных в зверином стиле.

Территорию степного Поволжья к востоку от Дона, по свидетельствам античных письменных источников, заселили *савроматы*. По данным Геродота, их земли начинались сразу же за рекой Танаис, на ее левобережье. Эта река идентифицируется либо с Доном (Смирнов К.Ф., 1984. С. 30), либо с нижним течением Дона и Северским Донцом (Артамонов М.И., 1949. С. 157, 161, 170; Рыбаков Б.А., 1979. С. 107; Максименко В.Е., 1997. С. 44). Протяженность савроматских владений простиралась на 15 дней пути к северу от угла Меотиды (Латышев В.В., 1992. С. 262), то есть Азовского моря. В другой части своей "Истории" Геродот, рассказывая о происхождении савроматов, отметил, что местность первоначального обитания этого племени находится в трех днях пути на восток от Танаиса и трех днях пути на север от Меотиды (Там же. С. 280). Противоречие между этими двумя сообщениями можно объяснить, если предположить, что в первом случае речь шла о всей территории обитания савроматов, а во втором – о местонахождении их племенного центра (Мошкова М.Г., 1989а. С. 153; Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С., 1995. С. 62). Возможно также, что передаваемая древнегреческим историком информация отражает различные этапы освоения кочевниками степных пространств Волго-Донского междуречья. Не случайно, о меньшей территории речь идет именно в связи с периодом становления савроматов как отдельного этноса.

О конкретных событиях в истории этих кочевников, их обычаях известно немного. По легенде, переданной Геродотом, савроматы произошли от браков скифских юношей и амазонок и говорили на издревле искаженном скифском языке (Латышев В.В., 1992. С. 95). Диодор Сицилийский назвал савроматов выходцами из Мидии (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. С. 145). Гай Плиний Секунд сообщает, что они – потомки мидян (Там же. С. 219).

В конце VI в. до н. э. (514 или 512 г. до н. э.) какой-то контингент савроматских воинов участвовал в знаменитой скифо-персидской войне (Латышев В.В., 1992. С. 97). Союзнические отношения во время нашествия Дария Гистаспа не исключали конфликтов между скифами и савроматами. Например, известно что савроматский отряд из 10 тысяч конников и 30 тысяч пеших воинов совершил набег на территорию Скифии (Хазанов А.М., 1971. С. 66).

В своих трудах греки отмечали некоторые удивительные для них савроматские обычаи. Например, достаточно часто упоминается значительная роль женщин в общественной жизни савроматов. Античные авторы подчеркивали, что "народ савроматов управляется женщинами", "савроматы... женам своим во всем повинуются как господам..." (Смирнов К.Ф., 1964. С. 37; Граков Б.Н., 1947. С. 111). Они сообщали также, что савроматские женщины ездят верхом, участвуя в сражениях, стреляют из лука и бросают дротики. Девушки не могут выйти замуж до тех пор, пока не убьют трех врагов. Замужние женщины участвовали в походах лишь в случае крайней необходимости. Вместе с

мужьями или без них они ездили на охоту и носили одинаковую с мужчинами одежду (Латышев В.В., 1992. С. 96).

Идентификация поволжских кочевников VI–IV вв. до н. э. или их какой-то части с савроматами античных источников является общепризнанной. Определить этническую принадлежность скотоводов Самаро-Уральского региона (включая Самарское Поволжье) гораздо труднее. Некоторые исследователи полагают, что это были *исседоны* (Шилов В.П., 1975. С. 134; Мачинский Д.А. 1971. С. 30–37). Существует гипотеза о заселении степей Южного Приуралья сначала *массагетами*, потом *дахами* (Пьянков И.В. 1975. С. 46–70). К.Ф. Смирнов, исследовавший южноуральские памятники савроматского времени на протяжении многих лет, полагал, что восточная группа памятников Южного Приуралья могла быть оставлена исседонами, а южная и юго-западная – дахо-массагетским массивом племен (Смирнов К.Ф., 1984. С. 14–17). Еще по одной версии (Таиров А.Д., 1991. С. 15, 25) кочевники Южного Зауралья принадлежали к *сакскому* миру.

Исследование памятников савроматского времени. Раскопки памятников савроматского времени были начаты в конце XIX в. Ф.Д. Нефедовым и П.С. Назаровым – в Южном Приуралье, А.А. Спицыным – в Нижнем Поволжье (Смирнов К.Ф., Петренко В.А., 1963. С. 6). Этническая принадлежность племен, оставивших степные курганы раннего железного века либо вообще не определялась, либо эти племена рассматривались как “чуждые” или скифские. В 1918 г. был издан первый обобщающий труд по культуре кочевников Приуралья в раннем железном веке. Его автором являлся М.И. Ростовцев – великолепный знаток древности и ее блестящий исследователь. Книга называлась “Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма”. Анализируя имеющиеся к тому времени приуральские материалы, автор датировал наиболее ранние курганы временем не позже V–IV вв. до н. э. и связал их с иранскими племенами сарматов (Ростовцев М.И., 1918. С. 76, 81). В 20-е годы П.С. Рыковым, Б.Н. Граковым в урало-поволжских степях были раскопаны большие серии близких по своему облику погребений VI–IV вв. до н. э. Значительное влияние на дальнейшее развитие знаний о кочевниках Волго-Уралья оказали исследования П.Д. Рау. Среди поволжских памятников он выделил группу курганов VII–IV вв. до н. э. и в соответствии с сообщениями письменных источников интерпретировал их как савроматские. Кроме того, он отметил значительное сходство поволжских и приуральских погребальных памятников, но вопрос об этнической атрибуции последних оставил открытым (Рау П., 1928. С. 60). Сходство памятников Поволжья и Южного Приуралья позволило впоследствии объединить их в одну *савроматскую культуру* (Граков Б.Н., 1947. С. 100–125).

В 50-е годы проводились масштабные новостроечные экспедиции в Поволжье, где работали И.В. Сеницын, К.Ф. Смирнов, В.П. Шилов. В конце пятидесятых годов под руководством К. Ф. Смирнова начались целенаправленные исследования степей Южного Приуралья. Результа-

том стало окончательное оформление тех представлений о савроматской культуре, которые складывались в 20–40-е годы. Согласно этим представлениям, савроматская культура была распространена на значительных степных пространствах от левобережья Дона до верховьев рек Урал и Орь. Эта культура не была однородной. Различия в облике вещей и особенности погребальной обрядности позволили выделить два локальных варианта – *Волго-Донской* и *Самаро-Уральский*. Их существование было обусловлено разным этническим составом племен Поволжья и Южного Приуралья, а также их разнонаправленной культурной, экономической и социально-политической ориентацией. Если связи кочевников Поволжья и Подонья были ориентированы на Северное Причерноморье и Северный Кавказ, то скотоводы Самаро-Уральского региона были связаны преимущественно с населением Средней Азии (Смирнов К.Ф., 1964. С. 289).

С конца 60-х годов во многих областных центрах региона начали работу специализированные научно-исследовательские лаборатории, проводившие работы в зонах новостроек и исследовавшие значительное количество памятников савроматского времени.

Накопление новых данных и развитие методики археологических исследований предопределило появление гипотез, не укладывающихся в рамки традиционных устоявшихся представлений.

Так, различия в культуре поволжских и южноуральских племен, достаточно наглядно проявляющиеся в многочисленных материалах, полученных в последнее время, позволили сформулировать гипотезу о том, что на территории Волго-Уральского региона следует выделять две археологические культуры, а не одну, пусть и представленную двумя локальными вариантами (Очир-Горяева М.А., 1988. С. 18–20). В настоящее время эта гипотеза начинает получать признание (Мошкова М. Г., 1994. С. 19).

Происхождение кочевников, населявших Поволжье и Южное Приуралье в савроматское время. Происхождение кочевых племен Поволжья и Южного Приуралья, а также истоки их культуры и сам процесс ее формирования – проблема, пока не нашедшая удовлетворительного решения. Достаточно долго существует гипотеза о том, что кочевническая культура VI–IV вв. до н. э. в Волго-Уралье сложилась на основе предшествующих культур эпохи бронзы – *срубной* в Поволжье и *андроновской* – в Приуралье. Савроматы же являлись прямыми потомками волго-уральских племен эпохи бронзы (Смирнов К.Ф., 1964. С. 182–188). Однако сейчас эта концепция вызывает определенные возражения. Сравнительно недавние исследования памятников позднего бронзового века в Среднем и Нижнем Поволжье не дают достаточных оснований для их датировки позднее XV в. до н. э. (Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983; Малов Н.М., 1987). Более того, в последнее время на этих территориях выделен ряд культур, которые демонстрируют своеобразное, отличное от срубных памятников, развитие культурных традиций в период с XIII–XII вв. до н. э. по IX/VIII в. до н. э. (Черных Е.Н., 1983. С. 81–99; Колев Ю.И., 1988. С. 103, 110; 1991. С. 162–206). Эт-

ногенетическая связь культур эпохи финальной бронзы и савроматской культуры весьма проблематична (Железчиков Б.Ф., 1997а. С. 12). Непосредственно савроматской культуре предшествовали памятники киммерийского времени (Дворниченко В.В., Кореняко В.А., 1989. С. 148–152). В целом, культура населения степного Поволжья киммерийского времени сильно отличается от культуры кочевников савроматского времени. Поэтому, скорее всего, в создании этнополитического объединения савроматов приняли участие лишь незначительные группы этого населения (Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С., 1995. С. 57–58).

Альтернативная гипотеза о миграции в степи Волго-Уралья кочевников со вполне сложившейся культурой оставляет вопрос о родине мигрантов открытым (Железчиков Б.Ф., Пшеничниук А.Х., 1994. С. 5–6). Предполагается, что истоки культуры приуральских кочевников следует искать на востоке и юге, поволжских и донских – на Кавказе и в протоскифском мире (Железчиков Б.Ф., 1997а. С. 12–13). Однако памятников, идентичных по характеру погребальной обрядности и облику предметов материальной культуры большинству “савроматских” комплексов Волго-Уралья, в указанных регионах нет.

Выше уже было отмечено, что античные писатели достаточно прочно связывали появление савроматов как отдельного народа с ранней историей скифов. В настоящее время фиксируется тяготение некоторых памятников Нижнего Поволжья (по элементам погребального обряда и инвентарю) к скифскому миру и кочевникам Северного Кавказа (Там же. С. 22). Интерес представляет гипотеза о формировании савроматского этноса в результате проникновения в поволжские степи скифских воинов, вернувшихся из переднеазиатских походов и вступивших в контакты с местным населением. Впоследствии началось культурное обогащение этого региона, которое завершилось во второй половине VI в. до н. э. (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1997. С. 82–85). В этой связи следует упомянуть, что некоторые погребальные комплексы Южного Приуралья, по мнению исследователей, могут отражать этногенетическую связь какой-то части населения этого региона со скифскими племенами, локализовавшимися на западе (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. С. 149; Гуцалов С.Ю., 1998. С. 130–131). Следует добавить, что нижневолжские кочевники испытывали влияние не только скифской культуры, но и южноуральских племен, а также их более восточных соседей (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. С. 112).

Исследование памятников савроматского времени в Самарском Поволжье. Степи Самарского Заволжья являлись северо-западной периферией огромной территории, на которой, по традиционным представлениям, была распространена савроматская культура (Смирнов К.Ф., 1964. С. 6). Археологическое изучение памятников этой культуры на территории современной Самарской области началось в 20-е годы нашего столетия. В 1925 г. В.В. Гольмстен исследовала курган у хутора Истомина (Гольмстен В.В., 1925). Материалы савроматского времени были получены в результате раскопок, осу-

ществлявшихся Куйбышевской новостроечной экспедицией Института археологии АН СССР в 50-е годы (Алихова А.Е., 1955, С. 91–99). Масштабы полевых работ в Самарской области значительно возросли после организации археологических лабораторий в университете и педагогическом институте г. Самары. Однако южные степные районы Самарской области оказались наименее изученными, и количество известных сейчас памятников первой половины I тысячелетия до н. э. невелико (табл. 2). Среди них можно назвать савроматские погребения, открытые в могильниках у с. Андреевка Богатовского района (курган 2, погребение 2), Новопавловка Красноармейского района (курган 9), Неприк (курган 4, погребение 3) и Гвардейцы (курган 25, погребения 1, 3) Борского района, Утевка Нефтегорского района (IV могильник, курган 1, погребение 8). В одном из курганов около с. Спасское Приволжского района обнаружен комплекс, являвшийся, возможно, жертвенным местом. Перечисленные памятники исследованы экспедициями под руководством Г.И. Матвеевой, И.Б. Васильева, В.А. Скарбовенко, С.А. Агапова, В.Н. Мышкина. Параллельно с раскопками осуществлялся сбор вещей, происходивших, по всей видимости, из разрушенных погребальных памятников. Многие материалы уже опубликованы в ряде работ (Смирнов К.Ф., 1961; 1964; Алихова А.Е., 1955; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963; Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А., 1977; Мышкин В.Н., 1987; Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996).

Характеристика савроматских памятников Самарского Поволжья. Памятники савроматского времени, раскопанные в Самарской области, представлены одиночными погребениями или курганами в составе могильников более ранних эпох. Некоторые погребения вписаны в курганы эпохи бронзы. Зафиксированы также случаи, когда над захоронениями возводились индивидуальные насыпи. Из-за небольшого числа погребальных комплексов остается неясным, какая из этих двух традиций преобладала. Захоронения совершались в простых грунтовых могилах прямоугольной и подпрямоугольной формы (табл. 8, 1). Ямы имели широтную ориентировку. В ряде случаев их конструкцию установить не удалось. Обусловлено это тем, что многие могилы, вырытые с поверхности кургана, были неглубокими. Они прорезали лишь курганную насыпь и древний поверхностный почвенный слой, перекрытый насыпью. Фиксация контуров погребений в таких случаях крайне затруднена. В некоторых могилах прослеживались остатки деревянных, иногда обгоревших, перекрытий. Захоронения преимущественно одиночные. Умерших клали вытянуто на спине, головой на запад, часто с отклонением к северу или югу (табл. 8, 1).

В раскопанных памятниках обнаружены разнообразные вещи, которые служили хозяевам при жизни и должны были служить после смерти. Это плоскодонные лепные горшки, имеющие вертикальные пропорции (табл. 8, 2; 9, 1; 12, 16). Орнамент на них либо отсутствует (табл. 12, 16), либо ограничен несколькими элементами, например, ямками по горловине (табл. 8, 2).

Часто встречаются каменные блюда-алтари – плоскодонные, без

ножек. В погребениях, исследованных у сел Неприк (табл. 8, 4) и Комаровка, алтари, судя по сохранившимся обломкам, были круглыми. Алтарь из погребения у с. Андреевка имел в плане форму удлинненного овала (табл. 7, 6).

Встречены бронзовые зеркала различной формы. Одно, происходящее из погребения у с. Неприк, выполнено в виде плоского круглого диска без ручки (табл. 8, 3). Два зеркала так называемого "ольвийского" типа имеют вид достаточно крупных круглых дисков с вертикальными бортиками и рельефными боковыми ручками. Концы ручек украшены изображениями. В одном случае это фигурка стоящего кошачьего хищника, в другом — головка барана (табл. 7, 1, 4).

Среди украшений савроматского времени следует отметить нашивную бляшку, изготовленную из листа золотой фольги (табл. 7, 5). Бляшка обнаружена в погребении 2 кургана 2 Андреевского могильника и представляет собой овальную пластину с отверстиями для крепления к одежде. На бляшке оттиснуто изображение горного козла. Голова животного повернута назад, ноги подогнуты. Контур животного удачно вписаны в овальную форму бляшки.

Оружие, найденное в савроматских погребениях Самарской области, представлено только бронзовыми наконечниками стрел — трехлопастными, с внутренней или выступающей втулкой (табл. 9, 2–20). Как принадлежность конской упряжи следует, видимо, рассматривать изделие из (кабаньего?) клыка, имеющее два отверстия и обнаруженное в погребении 8 кургана 1 Утевского IV могильника (табл. 18, 3).

Кроме того, исследованные погребальные комплексы содержали предметы быта (ножи, иглу, булавку), украшения (бусы, браслет, серьги) и вещи, имевшие, возможно, какое-то ритуальное значение — гальки, колесико-амулет (табл. 7, 3, 7, 8; 12, 5–15).

Среди случайных находок много оружия: мечей, наконечников стрел. В группу случайно найденных вещей входят также удила, колчаный крючок, каменные алтари, бронзовый клевец (табл. 11, 4). Особый интерес вызывают находки мечей и кинжалов (табл. 10, 1–5; 11, 2–3).

Длина найденных в Самарской области мечей-акинаков варьирует в пределах от 26,7 до 70,1 см (при длине клинков 16–56,7 см). Оформление наверший и перекрестий различно. Так, экземпляры, обнаруженные у с. Винновка (Ставропольский район), Камышла (Клявлинский район), ст. Марычевка (Богатовский район), в Богатовском районе (точное место находки неизвестно), имеют брусковидное навершие. При этом навершие марычевского кинжала слегка изогнуто. Перекрестья этих акинаков либо бабочковидные (табл. 10, 2), либо приближаются по форме к почковидному и украшены изображениями голов хищных птиц со спирально закрученными клювами (табл. 10, 5).

Некоторые кинжалы и мечи имеют зооморфное навершие. Навершие меча, который случайно найден в окрестностях с. Петровка Борского района, оформлено в виде двух медвежьих голов, соприкасающихся затылками и повернутых мордами в противоположные стороны

(табл. 10, 3). У кинжала, обнаруженного около с. Большой Толкай Похвистневского района (табл. 10, 4), оно имеет вид колодочки, от торцовых граней которой отходят две птичьи головки, обращенные клювами друг к другу. Еще два акинака (табл. 11, 2–3) имеют когтевидные навершия, причем изображения когтей на одном из них соединены перекладиной. В основании обоих наверший изображены птичьи глаза. Упомянутые экземпляры клинкового оружия с зооморфными навершиями имеют, в основном, бабочковидные перекрестья. Лишь у одного из этих кинжалов перекрестье почковидное.

Памятники савроматского времени позволяют составить представление лишь о некоторых моментах ранней истории кочевников железного века на территории Самарского Поволжья.

Можно достаточно уверенно говорить о том, что кочевники – “савроматы” во второй половине VI в. до н. э. уже освоили степи Самарского Заволжья. Территория их расселения на севере доходила до рек Самара и Большой Кинель. Какой характер носило проникновение их культуры далее на север, а этот факт отмечен случайными находками (табл. 2), покажут лишь дальнейшие полевые исследования.

Имеющиеся материалы явно неоднородны по своему облику. Если одни тяготеют к самаро-уральской группе памятников и шире, к “сакскому” культурному ареалу, то другие – к западному “скифскому” миру. Прежде всего, это проявляется в предметах материальной культуры и способах их художественного оформления.

На существование связей с западным “скифским” миром указывают зеркала “ольвийского” типа, обнаруженные в погребении 2 кургана 2 Андреевского могильника и в кургане у с. Спасское (табл. 7, 1, 4). Подобные зеркала получили название “ольвийских” в связи с тем, что наибольшее их число обнаружено в некрополе древнегреческого г. Ольвия (Кузнецова Т.М., 1990. С. 110). По одной версии их “поставщиками” являлись скифы (Скуднова В.М., 1962. С. 23–25), по другой, более распространенной, они производились в мастерских Ольвии (Скржинская М.В., 1984. С. 119, 123). Особо следует отметить находку в кургане у с. Спасское Приволжского района. В этом кургане “ольвийское” зеркало было найдено вместе с кожаным мешочком, наполненным каким-то веществом. Вещи лежали на травяной или соломенной подстилке, и с каким-либо погребением кургана их связать трудно. Существует гипотеза о связи зеркал “ольвийского” типа с культами греческих богов Диониса и Аполлона. В таком случае распространение этих предметов осуществлялось не только по торговым, но и по священным путям, связывавшим античные города Адриатики и Северного Причерноморья с варварской периферией (Кузнецова Т.М., 1991. С. 86–88, 96). В связи с этой гипотезой и находкой зеркала в кургане у с. Спасское, “у Кашпирского поворота” следует упомянуть сообщение Геродота о существовании “священных даров, обернутых в солому”, которые передавались от гипербореев через аримаспов, исседонов, скифов до Аттики (Там же. С. 88).

Еще одним свидетельством западных связей является золотая нашивная бляшка с изображением горного козла, найденная в погребении

нии 2 кургана 2 Андреевского могильника (табл. 7, 5). Это изображение по своей стилистике и композиционному решению аналогично произведениям искусства из многих раннескифских памятников Северного Причерноморья (Ильинская В.А., 1965. С. 96, рис. 8; Мелюкова А.И., 1976. Рис. 2, 1; Яковенко Э.В., 1976. Рис. 6; Мурзин В.Ю., 1984. С. 17, рис. 5, 5).

В то же время, каменные блюда-алтари, достаточно часто встречающиеся в Самарском Заволжье, характерны, прежде всего, для кочевников Южного Приуралья (Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972. С. 17; Смирнов К.Ф., 1989. С. 168).

Следует обратить внимание и на сосуд, обнаруженный в кургане 9 Новопапавловского курганного могильника в Красноармейском районе (табл. 9, 1). Различные варианты горшков этой формы изредка встречаются в Южном Приуралье (Мошкова М.Г., 1972. С. 54, 61; рис. 2, 7; 5, 3) и широко представлены в памятниках Приаралья, Алтая и Тувы (Вишневская О.А., 1973. С. 75–76; табл. XXII, 23, 24; Руденко С.И., 1953. Табл. XXIII; 1960. Табл. XVII; Грач А.Д., 1980. Рис. 37, 1, 2, рис. 49, 2, 4, 5). Поэтому “сакское” происхождение указанной формы посуды представляется наиболее вероятным.

Многие акинаки с территории Самарской области по особенностям оформления близки оружию из восточных регионов Евразийских степей. Среди таких деталей можно назвать навершия в виде головок хищных птиц, повернутых клювами друг к другу; наличие специальной колодочки в основании зооморфных наверший, зооморфное оформление перекрестий, узкие бабочковидные перекрестья с приподнятыми вверх концами крыльев (Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А., 1977. С. 77–91).

В целом же, среди савроматских материалов преобладают находки, указывающие на культурное единство кочевников Самарского Заволжья и населения степей Южного Приуралья. Поэтому говорить о том, что степи Самарского Заволжья населяли савроматы можно лишь условно.

3. Ранние сарматы.

Памятники прохоровской (раннесарматской) культуры

Первые письменные свидетельства о сарматах. В IV в. до н. э. у савроматов, обитавших в степях близ Танаиса, появились новые соседи, которых античные писатели стали называть “сирматами” и “сарматами”. Геродот, чьи сведения относятся ко времени не позднее середины V в. до н. э., вообще не знал племен под такими названиями.

Впервые этноним “сирматы” появился в “Землеописании” Евдокса Книдского, составленном, как полагают, в 370–365 гг. до н. э. Один из фрагментов “Землеописания”, сохранившийся в передаче более позднего автора Стефана Византийского, сообщает о том, что “вблизи Танаиса живут сирматы” (Латышев В.В., 1947. С. 273). Таким образом, Евдокс спустя примерно столетие после Геродота не только знал о существовании сирматов, но вполне определенно связывал территорию их расселения в первой половине IV в. до н. э. с рекой Танаис.

Несколько позднее локализацию сирматов уточнил Псевдо-Скилак. В перипле "Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии", содержащем сведения, в основном, второй половины IV в. до н. э. сообщается, что народ сирматов обитает к востоку от скифов, но западнее Танаиса, за которым начинается Азия и живут савроматы (Там же. С. 241). Упомянем в этом ряду еще одно сочинение – "Землеописание", которое одно время приписывалось Скимну Хиосскому, жившему на рубеже III–II вв. до н. э. Впоследствии авторство Скимна было оспорено и упомянутый труд получил название "Землеописание Псевдо-Скимна". Принято считать, что это "Землеописание" составлено примерно в конце II – начале I в. до н. э., но в качестве источников для него послужили труды более ранних авторов – Деметрия Каллатийского (рубеж III–II вв. до н. э.) и Эфора (IV в. до н. э.).

В разделе "Азия" Псевдо-Скимн пишет: "На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, – первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам писателя Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов" (Там же. С. 312).

Приведенные отрывки из сочинений античных авторов свидетельствуют об изменении общей картины расселения племен на территории Северного Причерноморья и доно-волжских степей по сравнению с той, которую зафиксировал Геродот в середине V в. до н. э. Не позднее IV в. до н. э. вблизи реки Танаис, по соседству с савроматами, появляются племена сирматов/сарматов. Античные авторы вполне определенно отличают эти племена от савроматов, обитавших на этой территории в течение нескольких столетий. Как долго длилось это соседство источники не указывают, но уже в сочинениях Гераклида Понтийского (IV в. до н. э.) и Теофраста (рубеж IV–III вв. до н. э.) наряду с этногеографическим названием "*Скифия*" появляется название "*Сарматия*", которое закрепляется за некоторой частью территории северо-восточного Причерноморья (Там же. С. 245, 275). Впоследствии это новое название распространилось и на саму Скифию, и на степи к востоку от Дона. Точно также этноним "сарматы" постепенно вытеснил на страницах сочинений античных авторов более поздних эпох этнонимы "скифы" и "савроматы". Этот факт, несомненно, отражает процесс смены одного населения другим в степях южной России.

Формирование и распространение прохоровской (раннесарматской) культуры. Анализ письменных и археологических источников привел исследователей к выводу о том, что на рубеже V–IV вв. до н. э. в степях восточнее Дона происходили серьезные этнополитические и культурные изменения. Результатом стало появление на западном рубеже обширного мира азиатских кочевников нового объединения – сарматов. Материальным выражением этого исторического феномена стала смена культур. В степях Волго-Уралья распространилась культура, получившая название прохоровской, или раннесарматской. Свое название культура получила от курганов, раскопанных в 1915 г. у с. Прохоровка Шарлыкского уезда Оренбургской губернии.

Ее формирование началось в восточных районах Южного Приура-

ля в V в. до н. э. (Железчиков Б.Ф., М., 1997а. С. 24) или даже в конце VI в. до н. э. (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. С. 151–152; Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993. С. 66). Процесс сложения нового культурного комплекса первоначально, видимо, происходил как обособление субкультуры одной из групп социальной элиты южноуральских кочевников – “савроматов”. С течением времени многие элементы этой субкультуры начали распространяться среди рядового населения, становясь характерными для всех слоев нового кочевнического этнокультурного объединения. Кроме того, в формировании прохоровской культуры определенную роль сыграли, видимо, племена лесостепного Зауралья (Мошкова М.Г., 1974. С. 48). В IV в. до н. э. прохоровская культура распространилась в степях Южного Приуралья уже повсеместно. Согласно наиболее распространенной версии дальнейших событий, в конце IV в. до н. э. прохоровские племена начали продвижение в степи Заволжья, а потом в Междуречье Волги и Дона (Смирнов К.Ф., 1964. С. 286; 1984. С. 117; Мошкова М.Г., 1974. С. 47). Миграция должна была иметь массовый характер, так как в последующее время население южноуральских степей, по данным археологии, значительно уменьшилось (Мошкова М.Г., 1974. С. 47; 1997. С. 72). Видимо, имело место завоевание Нижнего Поволжья, в результате которого предводители военных дружин “прохоровцев” стали возглавлять новые родоплеменные объединения (Лукашов А.В., 1986. С. 80–81). При этом запад не был единственным направлением движения прохоровских племен. Они продвинулись на север, в лесостепные районы Зауралья, а также на юг – в район оседлых поселений Бухарского оазиса (Смирнов К.Ф., 1984. С. 117).

Согласно другой версии распространения раннесарматской (прохоровской) культуры в западном направлении, в Поволжье проникали лишь отдельные небольшие группы южноуральских кочевников. Эти проникновения обусловили сходство культурных комплексов населения приуральских и доно-волжских степей. В целом же культурные трансформации в пределах двух регионов происходили одновременно, что привело к формированию прохоровской культуры в Южном Приуралье и раннесарматской – в Поволжье (Шилов В.П., 1975. С. 133–134).

В Нижнем Поволжье, несмотря на многолетние раскопки, количество памятников IV и III вв. до н. э. остается сравнительно небольшим (Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997. С. 33–34; Железчиков Б. Ф., 1997б. С. 67–74), что противоречит гипотезе о массовой миграции кочевников из Южного Приуралья. Однако следует учесть, что очень большое количество поволжских раннесарматских памятников сейчас датируется III–I вв. до н. э. (Скрипкин А.С., 1997. С. 132). Выделение среди них комплексов III в. до н. э. – важная и сложная задача дальнейших исследований. Сложность данной проблемы обусловлена тем, что даты материалов из северопричерноморских памятников, служивших хронологическими реперами для датировки урало-поволжских древностей, сейчас пересмотрены.

Во II в. до н. э. культурный комплекс, характеризующий кочевые

племена Волго-Уралья, существенно изменился. На всем пространстве распространения раннесарматская культура стала однообразной и приобрела ряд характеристик, во многом отличающих ее от прохоровской культуры более раннего времени. Имеющиеся отличия делают необходимым деление памятников на две хронологические группы: IV–III вв. до н. э. и III–I вв. до н. э. Причины произошедшей культурной трансформации еще не определены. Одновременно с изменением культурного комплекса произошло значительное увеличение кочевого населения поволжских степей (Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997. С. 34–36). При этом нижневолжские ранние сарматы II–I вв. до н. э. по своим антропологическим характеристикам резко отличаются от прохоровцев Южного Приуралья (Балабанова М.А., 1998. С. 20–21).

Сарматы и скифы. В период утверждения сарматов на территории Волго-Уралья происходили важные события в Северном Причерноморье. Прекратила свое существование Великая Скифия. Археологи зафиксировали, что в последней трети IV в. до н. э. в северопричерноморских степях было прекращено сооружение царских скифских курганов. Не позднее начала III в. до н. э. перестали функционировать курганные могильники рядового населения (Полин С.В., Симоненко А.В., 1997. С. 94). Скифские степи опустели. Возможно, с кризисной ситуацией в Скифии связана попытка царя Атея во второй половине IV в. до н. э. продвинуться за Дунай. Конфликт скифов с Филиппом II Македонским закончился поражением скифов, что усугубило ситуацию и предредило судьбу скифских племен (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я., 1997. С. 11–13). О том, насколько сложной была обстановка, говорит тот факт, что в III в. до н. э. на территории Северного Причерноморья погибли очень многие сельские поселения эллинов и скифов (Там же. С. 7–8). Столь значительные изменения этнополитической ситуации могли быть обусловлены только очень серьезными причинами.

Походы кельтских или германских военных отрядов из районов Карпато-Дунайского бассейна, возможность которых исключать нельзя, вряд ли имели достаточно серьезные масштабы для того, чтобы вызвать упомянутые события (Там же. С. 6–7). Более распространенной является другая версия, по которой падение Скифии стало результатом военных действий сарматских племен, захвативших, в конечном итоге, скифскую территорию (Смирнов К.Ф., 1984. С. 66–69, 118–123). Данная точка зрения сформировалась на основе интерпретации сообщений античных авторов и анализа археологических источников. Так, например, сообщение Диодора Сицилийского о том, что савроматы “много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню” (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. С. 145) можно рассматривать как описание завоевания Скифии сарматами (при возможном отождествлении античными авторами савроматов и сарматов). Возможным свидетельством сарматских набегов является Ольвийский декрет второй половины III – начала II в. до н. э. в честь Протогена. В это время Ольвия находилась под постоянной угрозой нападения варварских племен, среди которых были саяны. Но сил

для их отражения не было. Приходилось откупаться золотом, но при пустой казне только пожертвования богачей могли спасти город. Одним из них и являлся ольвийский гражданин Протоген. Упоминавшиеся в декрете сайи во главе с царем Сайтафарном могли быть сарматами (Смирнов К.Ф., 1984. С. 67). Таким образом, упомянутый декрет, в случае, если отождествление сарматов и сайев правильно, может свидетельствовать о появлении восточных кочевников вблизи Ольвии уже где-то во второй половине III в. до н. э. или начале II в. до н. э.

Однако исследования последнего времени показали, что у этой версии есть уязвимые стороны. Между скифскими и сарматскими древностями выявлен хронологический разрыв. Судя по датам археологических материалов, сарматы появились в Междуречье Дона и Днепра не ранее II в. до н. э., а самые поздние скифские памятники в степях Северного Причерноморья датируются первой третью III в. до н. э. (Полин С.В., Симоненко А.В., 1997. С. 95–96). Конечно, вполне возможно, что сарматы совершали походы из-за Танаиса, не задерживаясь при этом в северопричерноморских степях. В какой степени эти вторжения могли подорвать основы существования Скифии, остается неясным.

Некоторые исследователи полагают, что отнюдь не сарматское завоевание послужило причиной падения Скифии, а факторы иного порядка – изменение климата в сторону засушливости, хозяйственный кризис, связанный с истощением пастбищ и вызвавший изменения в направленности хозяйственной деятельности, а также географии расселения скифов. Хронологический же разрыв между скифскими и сарматскими памятниками говорит о том, что сарматы пришли уже в опустевшие степи (Там же. С. 87, 94–96).

Предпочтительнее рассматривать падение Великой Скифии как результат действия целого комплекса причинных факторов разного порядка (Смирнов К.Ф., 1984. С. 66; Максименко В.Е., 1997. С. 43).

Выход сарматов на международную арену. Начиная со II в. до н. э. в степях Восточной Европы началась *сарматская эпоха*. Среди сарматов античные авторы начали выделять народы, которые не составляли единого целого и часто оказывались в составе противоборствующих военно-политических союзов. Так, Страбон (65 г. до н. э. – 25 г. н. э.), чьи сведения получены из более ранних источников и отражают ситуацию либо рубежа III–II вв. до н. э., либо конца II – середины I в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1989а. С. 155), называет *аорсов, верхних аорсов, сираков, роксаланов, языгов*. Скорее всего, это были наиболее крупные этнополитические объединения, состоявшие из нескольких племен.

Сарматские племена вошли в сферу политики понтийских государств и великих держав того времени. В частности, у Полибия (около 201 г. до н. э. – около 120 г. до н. э.) в “Истории” упоминается мирный договор 179 г. до н. э. понтийского царя Фарнака I с рядом азиатских и европейских государств и автономных общин. В числе европейских правителей был упомянут сарматский царь Гатал (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. С. 134). Конец III в. до н. э. – начало II в. до н. э. – таково, видимо, время действия рассказа о царице сар-

матов Амаге (Смирнов К. Ф., 1984, С. 120). Она правила вместо своего мужа и оказала помощь Херсонесу после того, как жители этого города пожаловались на набеги скифов. Вместе со 120 отборными воинами, каждый из которых получил по три коня в свое распоряжение, сарматская царица за сутки преодолела более 200 км и внезапно появилась в ставке скифов. Амага убила скифского царя, а власть передала его сыну, приказав править справедливо и не трогать соседей (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. С. 334–335). Рассказ больше похож на легенду, но характеризует отношения, складывавшиеся между сарматами и скифами в этот период. Этой характеристике можно, видимо, доверять, так как автор рассказа Полиен обращался за информацией к какому-то местному историческому источнику, возможно, прямо к хронике Херсонеса (Бози Ф., 1997. С. 36).

В конце II в. до н. э. роксоланы в союзе со скифами воевали против Диофанта – полководца царя Митридата Евпатора (Смирнов К. Ф., 1984. С. 120), стремившегося создать великое Понтийское государство. По данным Помпея Трога, какие-то сарматские племена привлекались Митридатом для борьбы с римлянами (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. С. 204).

Трудно определить, как назывались кочевники, занимавшие степи Самарского Заволжья в это время и оставившие здесь свои курганы. У Страбона есть любопытный момент в перечислении племен, населявших Азию (то есть земли к востоку от Танаиса). Перечисляя народы с севера на юг, он пишет: “первую часть – от северных стран и океана – населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них вглубь страны – сарматы (тоже скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор” (Там же. С. 176–177). Сираков исследователи локализируют в пределах довольно ограниченного района: в Прикубанье либо в бассейне рек Егорлык и Маныч (Шилов В.П., 1983. С. 41–43). Аорсы обитали на левобережье Нижнего Дона, верхние аорсы владели северным и западным побережьями Каспийского моря, степями Нижнего Поволжья (Там же. С. 37; Скрипкин А.С., 1990. С. 196). В Самарском Заволжье, следовательно, могли обитать те группы кочевников, о существовании которых Страбон располагал сведениями, но, не зная их названий, обозначил как *скифов – кочевников и сарматов*.

Исследование прохоровских (раннесарматских) памятников в Самарском Заволжье. В Самарской области первые находки, связанные с раннесарматской культурой, были сделаны в XIX в. Найденные мечи и кинжалы с серповидными навершиями и прямыми перекрестьями (Зап. Имп. русского археологического общества, 1855. С. 166; Мошкова М.Г., 1963. С. 16; Хазанов А.М., 1971. Табл. I, 7) позволили предположить, что Самарское Заволжье входило в территорию распространения раннесарматской культуры (Мошкова М.Г., 1963. С. 7, рис. 1).

Это предположение подтвердили шесть раннесарматских погребений, исследованных И. Б. Васильевым в 1972–1973 гг. в процессе раскопок могильников Утевка I–IV в Нефтегорском районе (Скарбовенко В.А., 1976. С. 174–178). Кроме того, в Утевском II могильнике впер-

вые был обнаружен комплекс (курган 3, погребение 2) IV в. до н. э. с тальковой круглодонной керамикой, характерной для прохоровских памятников Южного Приуралья. В результате последующих раскопочных работ на территории Самарской области стало известно тринадцать курганных могильников, содержавших погребальные комплексы раннесарматской культуры. Раннесарматские погребения обнаружены при раскопках могильников Утевка I–IV в Нефтегорском районе, Гвардейцы в Борском районе, Тамбовка II в Большеглушицком районе, Красные Пески в Похвистневском районе, Новопавловского, Кировского I и Андросовского II в Красноармейском районе, Нижнеозерского V в Приволжском районе, Красносамарского I в Кинельском районе, Вилловатовского I в Богатовском районе (табл. 3). Эти памятники исследованы экспедициями под руководством И. Б. Васильева, В. А. Скарбовенко, Р. С. Багаутдинова, В. Н. Мышкина, М. А. Турецкого. Известно также 11 пунктов, где были случайно найдены вещи этой культуры.

Характеристика раннесарматских памятников Самарского Поволжья. Раннесарматские памятники сосредоточены, в основном, на юге и востоке Самарской области. Самые северные пункты, где были сделаны находки, расположены в бассейне р. Сок. Севернее этой реки и на правом берегу Волги раннесарматские памятники пока не зафиксированы. Более половины известных сейчас комплексов концентрируются в бассейне р. Самары. Остальные открыты в долинах рек Волга, Большой Иргиз, Чагра и на водоразделе Чагры и Чапаевки (табл. 3). География расположения раннесарматских памятников носит до некоторой степени случайный характер, так как в большинстве случаев они были исследованы при проведении охранно-спасательных работ. Однако их концентрация в бассейне р. Самара вряд ли случайна. Пока не выявлены могильники со значительным числом курганов, свидетельствующих о стабильном и долговременном пребывании кочевников на какой-либо определенной территории Самарского Заволжья. Большинство памятников – это курганы в составе могильников более ранних эпох и отдельные погребения, впущенные в курганы предшествующего времени.

В прохоровское (раннесарматское) время на территории Самарской области были распространены как обычай впускать погребения в курганы эпохи бронзы, так и традиция возводить над захоронениями индивидуальные земляные насыпи. Иногда возводимые курганы усложнялись каменными и глиняными конструкциями (табл. 15, 1). Чаше всего захоронения совершались в грунтовых ямах, имевших прямоугольную в плане форму и ориентированных по оси север–юг (табл. 21, 1, 7, 13; 23, 1). Дно некоторых ям имело в центральной части углубление, в которое помещался умерший (табл. 14, 1; 15, 5). Не исключено, что это своеобразная разновидность катакомбно-подбойных могил, в которых специально выделялись погребальные камеры. В ряде случаев фиксировались деревянные надмогильные конструкции. Отмечены случаи их сожжения и дополнения каменными набросками. Как правило, умерших укладывали вытянуто на спине, головой в южном направ-

лении. Известны захоронения, в которых погребенные лежали с подогнутыми ногами или согнутыми руками. Во многих могилах встречены кости животных, которые являлись остатками мясной заупокойной пищи. Наиболее распространенным был обычай класть в могилу мясо барана. Сопровождающий инвентарь из прохоровских погребений представлен различными категориями предметов. Это мечи и кинжалы с серповидными навершиями и прямыми перекрестьями (табл. 19, 2; 21, 5), бронзовые (табл. 14, 2–17; 15, 4; 19, 10–11) и железные (табл. 19, 12–16) наконечники стрел, колчаные крючки (табл. 14, 18; 19, 6), портупейные принадлежности (табл. 19, 7–9), украшения конской сбруи (табл. 13, 15), бусы (табл. 16, 5; 20, 3–18; 21, 8–11; 22, 2–5), зеркала плоские (табл. 16, 2; 18, 2) или с валиком по краю (табл. 19, 5), пряслица (табл. 16, 4; 17, 6; 20, 24; 22, 6; 23, 2), железные ножи (табл. 18, 1; 19, 4; 21, 12; 25, 4), глиняные лепные сосуды (табл. 13, 2; 14, 20–21; 17, 2; 20, 1–2; 21, 6; 22, 7–8; 23, 3; 24, 3–5; 25, 2–3), курильницы (табл. 17, 3), бронзовые пряжки (табл. 18, 4), костяные ложечки (табл. 15, 3; 17, 4–5), молоточковидные предметы (табл. 20, 19–21; 21, 2–4), каменные алтари (табл. 16, 3). Практически все материалы прохоровской культуры, полученные в последние годы, достаточно подробно описаны в специальных работах (Скарбовенко В.А., 1976. Мышкин В.Н., 1987; Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996).

Время появления прохоровских памятников в Самарском Заволжье можно отнести к рубежу V–IV вв. до н. э. или самому началу IV в. до н. э*. В настоящее время известно семь комплексов этого периода, имеющих приуральский облик. К ним относятся два кургана у пос. Красные Пески (табл. 15), курган 10 Новопавловского могильника (табл. 14), погребение 20 в кургане 9 Кировского I могильника (табл. 13), погребение 1 в кургане 1 Красносамарского I могильника (табл. 16), погребение 2 в кургане 2 Утевского I и погребение 2 в кургане 3 Утевского II могильника (табл. 17). Наиболее ранним из них является погребение 20 в кургане 9 Кировского I могильника. По сочетанию элементов прохоровской (южная ориентировка погребенного, наличие круглодонного сосуда) и савроматской (акинак с когтевидным навершием) культур его можно датировать рубежом V–IV вв. до н. э. или ранним IV в. до н. э. В некоторых погребениях прохоровской культуры IV в. до н. э. обнаружены круглодонные сосуды приуральского облика с примесью талька. Это погребение 1 в кургане 10 могильника Новопавловка (табл. 14, 20–21) и погребение 2 кургана 3 могильника Утевка II (табл. 17, 2). Пять раннепрохоровских погребений расположены в бассейне р. Самары (табл. 3). Возможно, именно долина р. Самары с притоками, связывала степи Самарского Заволжья и Южного Приуралья, являясь ос-

* Представления о времени и характере распространения прохоровской культуры (или ее элементов) в Самарском Заволжье могут быть скорректированы после всестороннего анализа материалов из курганов у с. Березки в Волжском районе, полученных в период, когда эта глава была уже подготовлена к печати и потому не нашедших в ней отражения.

новным коридором, по которому носители прохоровской культуры проникали в Среднее Поволжье.

Среди памятников развитой раннесарматской культуры можно назвать погребения, обнаруженные в могильниках Утевка III (курган 1, погребение 1), Утевка IV (курган 1, погребения 1, 2, 10), Гвардейцы (курган 25, погребение 2), Виловатое I (курган 1, погребения 1, 2, 4, 5; курган 4, погребение 1; курган 17, погребения 3, 4), Тамбовка II (курган 2, погребение 5), Нижнеозерецкое V (курган 2, погребения 1–4), Андросовка (курган 2, погребение 2). Эти комплексы ни по составу инвентаря, ни по типам вещей не отличаются от одновременных раннесарматских погребений Приуралья, Поволжья и Подонья. Сколько-нибудь выраженные локальные отличия не фиксируются.

4. Памятники среднесарматской культуры

Из истории среднесарматских племен. На рубеже двух эр происходят новые перемещения сарматских племен и активизация их политической и военной деятельности. Сарматы вновь продвинулись на запад и заняли степи между Днестром и Дунаем. На границах Римской империи появились сарматские племена языгов и роксоланов. Ко II в. н. э. роксоланы смогли добиться от этой державы уплаты дани под видом даров (Хазанов А.М., 1971. С. 81). Сираки и аорсы ввязались в конфликт между претендентами на престол Боспорского царства. Конфликт возник после смерти в 38 г. боспорского правителя Аспурга. Рим попытался утвердить на престоле своего ставленника – фракийского царевича Полемона. Митридат, один из сыновей Аспурга, не допустил Полемона на Боспор и провозгласил себя царем. Рим объявил Митридата смещенным и отдал престол Котию (Котису) – второму сыну Аспурга. Для поддержки Котия (Котиса) были присланы римские войска. Кроме того, его союзниками стали аорсы, возглавляемые Евноном. На стороне Митридата выступили сираки (Шелов Д.Б., 1984. С. 17–18) во главе с царем Зорсином. Возможно, в это время аорсы или какие-то их группы уже кочевали в Западном Приазовье и стали известны как амаскинии (Скрипкин А.С., 1990. С. 198, 216). В результате боевых действий Митридат и его союзники потерпели поражение, Успа – столица сираков была захвачена. На престоле Боспора утвердился Котий. После этих событий и сираки и аорсы перестали упоминаться в сочинениях античных авторов.

На исторической же арене не позднее третьей четверти I в. н. э. появились *аланы* (Мошкова М.Г., 1989а. С. 157), ставшие вскоре ведущей военнополитической силой в степях Восточной Европы. Интересно, что античные авторы, впервые отмечая появление этих кочевников, фиксировали их на территориях, иногда весьма удаленных друг от друга: на Кавказе, около Меотиды, на Дунае (Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С., 1995. С. 86).

Обстоятельства появления аланов в степях Восточной Европы являются предметом дискуссий в среде специалистов. Некоторые археологические данные и письменные свидетельства позволяют предпо-

жить, что эти ираноязычные кочевники пришли из Средней Азии. Так, устойчивая античная традиция связывает генезис аланов с массагетами, жившими в Средней Азии. При этом многие древние авторы отличали аланов от других сарматских племен. Распространение в I в. н. э. полихромного звериного стиля, родиной которого могли быть Парфия и Бактрия, также может служить подтверждением переселения. К перечню аргументов следует добавить появление в южнорусских степях различных вещей восточного происхождения: бронзовых китайских зеркал, некоторых типов мечей, сосудов, а также знаков – тамг (Скрипкин А.С., 1990. С. 203–209).

По мнению других исследователей, аланы выделились как самостоятельное объединение из среды сарматских племен (Смирнов К.Ф., 1950. С. 108; Гаглойти Ю.С., 1989. С. 86). Возможно, что первоначально аланы представляли собой не этнос, а социальный слой сарматского общества, ремеслом которого была война (см., например, Каминский В.Н., 1989. С. 96).

Аланы постепенно заняли господствующее положение в восточно-европейских степях. Аммиан Марцеллин (333–391), наиболее значительный историк эпохи заката Римской империи, написал: “они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам” (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. С. 382–383). Активность этого кочевого объединения выплескивалась походами за пределы степей. В середине I в. н. э. аланы уже совершали набеги на границы Римской империи. В 72 г. последовало их опустошительное вторжение в Закавказье (Хазанов А.М., 1971. С. 81, 82). Вот некоторые строки из описания этого похода Иосифом Флавием: “аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... И так, производя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении... Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен... Аланы... возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи их обоих царств” (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. С. 239–240).

Проблема формирования среднесарматской культуры. Описанному периоду в истории сарматских племен соответствует время существования среднесарматской культуры, традиционно датированной концом II в. до н. э. – началом II в. н. э. (Граков Б.Н., 1947. С. 103). Предложенные в последнее время хронологические разработки показывают, что дата этой культуры может быть ограничена I в. н. э. – началом или первой половиной II в. н. э. (Скрипкин А.С., 1990. С. 175). Впрочем, данная хронологическая схема может вызывать возражения. Например, по мнению М.Г. Мошковой, существуют данные, которые не позволяют исключить вторую половину I в. до н. э. из периода существования среднесарматской культуры (Мошкова М.Г., 1989г. С. 37–43).

Различия во взглядах на хронологию среднесарматской культуры

связаны с расхождениями в реконструкции процесса ее формирования. С одной стороны, появление нового культурного комплекса рассматривается как результат изменений, происходивших в среде кочевников, прежде всего, левобережья Нижнего Поволжья, а также междуречья Волги и Дона (см., например, Там же. С. 42; Мошкова М.Г., 1989в, С. 177). С другой стороны, распространение основных элементов среднесарматской культуры видится как результат появления в Восточной Европе где-то в I в. н.э. аланов. При этом кочевники Поволжья были включены в новые этнополитические объединения, что способствовало сохранению существовавших ранее культурных традиций (Скрипкин А.С., 1990. С. 223).

Исследование среднесарматских памятников на территории Самарского Поволжья. Первый погребальный комплекс среднесарматской культуры в Самарской области был открыт в 1923 г. В.В. Гольмстен (Гольмстен В.В., 1928) во время исследования курганного могильника Березняки в Кинель-Черкасском районе, на р. Малый Кинель (курган 13). Вскоре после этого, в 1925 г. В.В. Гольмстен исследовала еще одно среднесарматское погребение (Гольмстен В.В., 1925) в могильнике у хутора Истомина близ железнодорожной станции Безымянка на р. Падовке (разрушенное впускное погребение в кургане 3). В 1951 г. во время проведения охранно-спасательных раскопок, предпринятых в связи со строительством Куйбышевской ГЭС, было выявлено среднесарматское погребение (курган 2, погребение 3) в могильнике у с. Хрящевка Ставропольского района (Мерперт Н.Я., 1954). Исследование остальных погребальных комплексов среднесарматской культуры на территории Самарской области связано с работами Средневолжской археологической экспедиции в 70–90-е годы. Группа погребений была раскопана в 1970–1972 и 1994 годах Г.И. Матвеевой, В.Н. Мышкиным и В.А. Скарбовенко в могильнике Гвардейцы I на р. Самаре (Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976. С. 136–147; Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 1999). Погребения среднесарматской культуры исследованы в 1975 г. Р.С. Багаутдиновым в могильнике Преполовинка I в Безенчукском районе (Багаутдинов Р.С., Пятых Г. Г., 1987. С. 56–57), в 1977 г. И. Б. Васильевым в могильнике у с. Андреевка и в 1986 г. В. Н. Мышкиным в могильнике у с. Виловатое Богатовского района (Мышкин В.Н., 1992. С. 121–136). Таким образом, на территории Самарской области в настоящее время известно семь курганных могильников (табл. 4), содержащих 19 погребений среднесарматского времени. Кроме того, один меч с кольцевидным навершием был случайно найден на р. Большой Кинель, у пос. Красные Пески Похвистневского района.

Характеристика среднесарматских памятников Самарского Поволжья. Среднесарматские погребения, открытые в Самарской области, в количественном плане уступают памятникам как предшествующей раннесарматской культуры, так и последующей – позднесарматской. Но распространены эти комплексы более широко. Самый северный пункт зафиксирован в Ставропольском районе у с. Хрящевка на р. Сускан, вблизи границ Ульяновской области, где памятники предшествующих культур ранних кочевников неизвестны.

Тринадцать из девятнадцати среднесарматских погребений обнаружены в курганном могильнике Гвардейцы. Таким образом, только в среднесарматское время на территории Самарского Поволжья в бассейне р. Самары, появились могильники с относительно большим числом синхронных курганов. Остальные комплексы представлены впускными погребениями или курганами в составе могильников иных эпох. Они обнаружены в могильниках: Андреевском и Вилотовском на р. Самаре (Богатовский район), Березняки на р. Малый Кинель (Кинель-Черкасский район), Хрящевском (Ставропольский район) и Преполовенковском I (Безенчукский район) в долине р. Волги, у хутора Истомина на р. Падовка в Волжском районе. Следует обратить внимание, что среднесарматские памятники, также как и раннесарматские, концентрируются в бассейне р. Самары и ее притоков (табл.4).

При исследовании курганов встречены практически все типы могильных сооружений, характерных для среднесарматской культуры: узкие прямоугольные, квадратные или овальные ямы, ямы с подбоями (табл. 28, 1; 29, 1; 30, 1; 31, 2; 32, 1, 34, 1). Зафиксированы случаи сочетания разных типов могил под одной насыпью. Над могилами сооружались деревянные перекрытия. Умерших погребали вытянуто на спине, иногда их располагали по диагонали могилы. Господствующая ориентировка погребенных – головой в южном направлении. Существовал обычай применения огня в ритуале захоронения и помещения в могилу красящих веществ – кусков мела, реальгара, серы.

Вещевые комплексы погребений представлены стандартным для культуры набором предметов: глиняной посудой – сарматской (табл. 33, 1; 34, 2) и импортной (табл. 28, 2–3; 29, 3–5; 31, 3; 33, 3), курительницами (табл. 33, 2, 4; 34, 3), миниатюрными алебастровыми сосудиками, зеркалами с валиком по краю (табл. 27, 12) и ручками в виде шипа или петельками для подвешивания, костяными ложечками, украшениями (табл. 27, 2–11; 30, 3–7; 32, 7, 9, 10; 34, 6–18), ножами (табл. 32, 2, 8), оселками, пряслицами (табл. 29, 2; 34, 5), а также оружием – железными мечами и кинжалами с кольцевидным навершием (табл. 32, 3), железными трехперыми черешковыми наконечниками стрел (табл. 30, 2; 32, 4,5).

Исследованные на территории Самарской области среднесарматские погребения обнаруживают полное сходство с одновременными им комплексами в могильниках Нижнего Поволжья, составляя с ними единую группу памятников.

5. Памятники позднесарматской культуры

Формирование позднесарматской культуры. Во II в. н. э. начался новый этап в развитии степных племен, населявших Поволжье. Произошло формирование позднесарматской культуры, просуществовавшей вплоть до последней четверти IV в. н. э.

Существуют как автохтонная, так и миграционная концепции ее сложения. Сторонники миграционного подхода полагают, что начало

процессу сложения позднесарматской культуры положило появление ираноязычных кочевников из Средней Азии (Скрипкин А.С., 1990. С. 223; 1984, С. 95–96). Многие специалисты в своих взглядах на происхождение позднесарматской культуры придерживались эволюционного подхода. П.Д. Рау рассматривал памятники кочевников позднеримского времени (III–IV вв. н. э.) как результат слияния культурных традиций предшествующего периода (I–II вв. н.э.). Изменения, по его мнению, были обусловлены влиянием греко-римских колоний Северного Причерноморья (Rau P., 1927. S. 111–112). Этот подход был поддержан в ряде работ других исследователей (Граков Б.Н., 1947. С. 120–121; Смирнов К.Ф., 1950. С. 108). Следует отметить, что сторонники и миграционной и автохтонной модели зачастую признают определенную роль в первом случае местного (Скрипкин А.С., 1984. С. 98–100), а во втором – пришлого населения (Смирнов К.Ф., 1950. С. 108) в формировании позднесарматской культуры.

Этническая принадлежность позднесарматских племен. Во взглядах специалистов на проблему соотношения позднесарматской культуры с аланским или еще каким-либо этносом также нет единства. Некоторые из них вполне определенно связывают позднесарматскую культуру с этническим массивом, который стал известен под именем аланов (Rau P., 1927. S. 79, 111, 112; Смирнов К.Ф., 1950. С. 111–114). Еще одна точка зрения сводится к тому, что аланы, мигрировавшие в Поволжье из Средней Азии, стали создателями среднесарматской культуры. Распространение же позднесарматской культуры по этой версии обусловлено миграцией еще одной группы ирано-язычного скотоводческого населения во II в. н. э. из Средней Азии (Скрипкин А.С., 1990. С. 202–203, 222–223). Эта группа была смешанная и состояла из потомков сако-массагетов и сарматов, ушедших ранее в Среднюю Азию (Скрипкин А.С., 1984. С. 96). Существует гипотеза, согласно которой в позднесарматское время на территории Волго-Уралья кочевали две группы населения: сармато-аланская, автохтонная для степей Северного Кавказа, и алано-аорская – на просторах, простиравшихся от Дона до Южного Приуралья (Мацулевич А.А., 1947. С. 125–147). Кроме того, предложена гипотеза о присутствии в этот период на территории Нижнего Поволжья гуннов, которые оставили, в частности, подбойные захоронения (Нечаева Л.Г., 1961. С. 156–157). Как бы то ни было, этноним “аланы” на протяжении всего периода существования позднесарматской культуры оставался одним из самых распространенных.

Из истории позднесарматских племен. Рассматриваемый период в истории сарматов был столь же бурным, как и все предыдущие. Они продолжали участвовать в антиримских выступлениях. В частности, сарматы поддерживали царя даков Децебала во время дако-римской войны. Вместе с другими варварами сражались против римских войск во время так называемых Маркоманских войн. Первая из них была названа Сарматской (Хазанов А.М., 1971. С. 81). Отряды варваров опустошали пограничные провинции империи, а некоторые из них доходили даже до северной Италии. Понадобились весьма значительные уси-

лия мировой державы, чтобы справиться с опасным противником. В конечном итоге варвары подчинились Риму и обязались поставлять ему вспомогательные отряды. Например, после того как в 175 г. на Дунае император Марк Аврелий заключил мир с сарматами, 8 тысяч сарматских воинов влились в римскую армию. Часть их была послана в Британию и, видимо, впоследствии была компактно поселена в форте, получившем название *Bregetennasium Veteranorum* (Трейстер М.Ю., 1994. С. 52–53).

В это время сармато-аланы безраздельно господствовали в степях Северного Причерноморья, устанавливая связи с населением греческих городов и скифами Крыма, либо конфликтуя с ними. Сохранилось сообщение о том, что римскому императору Антонину Пию, который “часто обуздывал злоумышленников аланов”, пришлось оборонять Ольвию от нападающих варваров (Вязьмитина М.И., 1986. С. 188). Давление сарматских племен ощущало на себе Боспорское царство. Происходило оседание сарматов и аланов в боспорских городах. В 134–136 гг. аланы вторглись в Албанию, Гордиену, Медию и дошли до малоазиатской римской провинции Капподокии (Хазанов А.М., 1971. С. 82).

В середине III в. н. э. сармато-аланские племена стали терять господствующее положение в Северном Причерноморье. Причиной было вторжение в этот регион *готов* (Скрипкин А.С. 1984. С. 104). В результате усилилось продвижение позднесарматских племен в римские провинции (Хазанов А.М. 1971. С. 81). На востоке их основной территорией стали степи Заволжья (Скрипкин А.С., 1984. С. 115). Перемещения племен привели к разрушению и упадку большинства северопричерноморских торговых и ремесленных центров, нарушению торговых связей. Все это отразилось на материальной культуре поздних сарматов.

Конец позднесарматских племен как самостоятельной силы в степях Восточной Европы приходится на 70-е годы IV в. По Аммиану Марцеллину, “гунны, вторгнувшись в земли тех алан, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора” (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. С. 385). После поражения часть аланов вместе с гуннами дошла до Гибралтара (Мошкова М.Г., 1989а. С.158). Аланы, обитавшие в Предкавказье, отошли в предгорные и горные районы и там вместе с местными племенами образовали Аланию, просуществовавшую до XII века. Осетины являются их потомками. Остатки сарматских племен, смешиваясь с другими племенами, приняли участие в сложении ряда культур и народов средневековья в лесостепных районах Зауралья и, возможно, Поволжья. Вместе с черняховскими племенами сарматы могли стать основой формирования *древнеславянских* племен (Мошкова М.Г., 1989б. С. 214).

Этапы развития позднесарматской культуры. В развитии позднесарматской культуры на территории Поволжья выделяются три этапа. Каждый из них связан с конкретной исторической ситуацией в степях

Восточной Европы и фиксирует изменение облика культуры поволжских кочевников.

Первый этап (рубеж I–II вв. н. э. – первая половина II в. н. э.) – время становления позднесарматской культуры. В этот период появляются детали обряда и вещи, характерные для нового культурного комплекса (Скрипкин А.С. 1984. С. 80–100).

Второй этап (третья четверть II – середина III в. н. э.) характеризуется утверждением ведущих черт позднесарматской культуры на всей территории степного Поволжья, стиранием локальных отличий в распространении предметов материальной культуры, единством развития погребального обряда. Концом этого периода становится готское вторжение в Северное Причерноморье, разорвавшее связи позднесарматских племен с городами Северного Причерноморья (Там же. С. 101–105).

Третий этап (середина III–IV в. н. э.) являлся завершающим в истории позднесарматских племен. В это время основной территорией обитания поволжских кочевников становятся степи Заволжья. Погребения этого времени бедны находками, практически отсутствуют многие категории импортных предметов, увеличивается количество впускных погребений. Последнее на общем фоне может свидетельствовать о нестабильности положения сарматов в это время (Там же. С. 105–109).

Изучение позднесарматских памятников Самарского Поволжья. В Самарской области памятники позднесарматской культуры впервые были выявлены В.В.Гольмстен. В 1923–1924 гг. она произвела раскопки курганного могильника у с. Березняки Кинель-Черкасского района (Гольмстен В.В., 1928). Впоследствии позднесарматские курганы исследовались археологическими экспедициями под руководством И.Б.Васильева, В.А.Скарбовенко, В.Н.Мышкина (Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976; Мышкин В.Н., 1992; Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982). Погребальные комплексы II–IV вв. н. э. были раскопаны в Виловатовском и Андреевском могильниках, расположенных на территории Богатовского района, в могильниках у с. Гвардейцы Борского района, у с. Осинки в Безенчукском районе и у с. Черновка в Волжском районе. Всего в Самарской области исследовано 26 позднесарматских погребальных комплексов, большая часть которых сконцентрирована, как и памятники предыдущих двух сарматских культур, в бассейне р. Самары (табл. 5).

Характеристика позднесарматских памятников Самарского Поволжья. Чаще всего небольшие курганы этого времени содержат одно погребение. В Самарской области представлены все основные типы могильных ям, характерных для позднесарматских курганов. Это узкие и широкие прямоугольные или квадратные могилы, а также ямы с подбоями. Как правило, они ориентированы по оси север–юг. Встречены случаи ориентации погребений углами по сторонам света. Захоронения преимущественно одиночные. Господствует северная ориентировка погребенных при их положении вытянуто на спине. В некоторых памятниках зафиксировано помещение умерших головой на юг по диагонали могилы (табл. 35, 18; 36, 1; 37, 1; 38, 1; 39, 1; 40, 1; 41, 1–5).

Чаще всего погребенных сопровождают достаточно богатые наборы погребального инвентаря. Керамика представлена лепными и гончарными кувшинами и горшками (табл. 35, 15; 36, 2–3; 37, 1; 38, 2; 39, 2, 4, 6, 7; 40, 3; 42, 1; 44, 1–2), миниатюрными сосудиками (табл. 38, 5) и курильницами (табл. 42, 9; 44, 9). Сосуды встречаются во всех погребениях независимо от пола умершего. В мужских захоронениях, кроме того, встречаются предметы вооружения и сбруи (табл. 37, 2, 3; 44, 28), орудия труда. Женщин сопровождают туалетные принадлежности, украшения, мелкие бытовые предметы, орудия труда (табл. 35, 1–14, 17).

Материалы, полученные при исследовании погребений, показывают, что на территории Самарской области выявлены памятники разных этапов позднесарматской культуры.

Погребения раннего этапа, то есть первой половины II в. н. э. (табл. 38; 41, 1, 2) совершены не только в узких прямоугольных могилах (Мышкин В.Н., 1992. С. 130–132), но и в широких прямоугольных или квадратных ямах (Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982. С. 118–120, 122). Именно в этих захоронениях встречена южная ориентировка погребенных и их диагональное положение (Там же. С. 107, рис. 1), что можно рассматривать как среднесарматскую обрядовую традицию, какое-то время сохранявшуюся в культуре поздних сарматов. Сопровождающий инвентарь из этих погребений представлен гончарной или тщательно сформированной от руки и снабженной зооморфными элементами керамикой (табл. 38, 2; 42, 1; 44, 2), лучковыми фибулами с подвижным приемником (табл. 38, 6), сильно профилированными фибулами с крючком для тетивы (табл. 44, 10), четырехгранными курильницами (табл. 42, 9; 44, 9), зеркалом с боковой ручкой (табл. 42, 11), наконечником копья (табл. 42, 28) (Васильев И.Б., Скарбовенко В.А. С. 122). Кроме того, встречены оселок, нож, миниатюрный сосудик, бронзовые пронизи и нашивные бляшки (табл. 38, 3–7), а также некоторые другие предметы (Мышкин В.Н., 1992. С. 130–132).

Для третьей четверти II – середины III в. н. э. характерны подбойные могилы, ориентировка погребенных головой на север (табл. 41, 4, 5). Среди вещей, попавшихся при исследовании археологических памятников этого времени – одночленные лучковые подвижные фибулы 4-го и 5-го вариантов (табл. 42, 5; 43, 23–24), железные ножницы (табл. 42, 4), набор бус из камня, стекла, кости, египетского фаянса, пронизи в виде проволочной спирали с напущенной бусиной четырнадцатигранной формы (табл. 42, 6; 43, 1–21), маленькие зеркала-подвески (табл. 43, 22) с боковой ручкой (Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982. С. 122–123).

К последнему, третьему этапу развития позднесарматской культуры удалось отнести только два погребения. Одно из них обнаружено в кургане 13 Андреевского могильника (табл. 41, 3), другое – в кургане 26 могильника Гвардейцы I (табл. 35, 18). Захоронения совершены в подбойных могилах. Погребенные лежали головой на север. В погребениях обнаружены застежки-фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и ромбическим, коленчато изогнутым щит-

ком (табл. 35, 16; 44, 5). Кроме того, найдены многочисленные бусы: гранатовые и стеклянные в виде 14-гранника, 6-гранника, параллелепипеда, длинного и короткого цилиндра, а также округлые (одинарные и двойные), бугристые и бочковидные (табл. 35, 1–14; 44, 13–25). Цвет стеклянных бусин различен. Наборы состоят из экземпляров красного, темно-синего, светло-синего, серо-голубого, желтого цвета. Кроме того, в них входят бусы из прозрачного стекла с внутренней позолотой. В погребениях также были обнаружены глиняные лепные сосуды, один из которых украшен налепами (табл. 35, 15; 44, 1), глиняные пряслица (табл. 35, 17; 44, 7), бронзовые колокольчики и серьги (табл. 44, 12, 6), небольшое зеркальце из белого сплава с коротким боковым выступом и петелькой-шишечкой на тыльной стороне (табл. 44, 4). (Там же. С. 112–115; С. 111, рис. 4).

Все обнаруженные в Самарской области предметы материальной культуры аналогичны или идентичны соответствующим типам вещей из Нижнего Поволжья. Поздние сарматы занимали территорию Самарского Заволжья на протяжении всего периода существования их культуры. Средневожские степи не были изолированы от основной территории обитания позднесарматских племен и здесь происходили те же культурно-исторические процессы, что и в Нижнем Поволжье.

В Самарской области в настоящее время наиболее полно исследованы четыре, в основном, сарматских могильника: Березняки, Гвардейцы I, Андреевский и Виловатовский. Все они находятся сравнительно недалеко друг от друга (табл. 5). Но количественное соотношение среднесарматских и позднесарматских погребений в этих могильниках различно. При раскопках Виловатовского могильника, состоявшего из 24 курганов, было исследовано 15 курганов: из 16 сарматских погребений лишь один комплекс оказался среднесарматским, тогда как к позднесарматской культуре относятся 7 захоронений (Мышкин В.Н., 1992. С. 133). Андреевский могильник на момент раскопок в 1977 году состоял из 21 насыпи, 10 из которых исследовано. В процессе раскопок было выявлено одно среднесарматское погребение и восемь позднесарматских (Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982. С. 106–109). Из раскопанных В.В. Гольмстен раннекочевнических курганов в могильнике Березняки один был возведен в среднесарматское время и восемь сооружены над позднесарматскими захоронениями. Наконец, при исследовании могильника Гвардейцы I, которое началось в 1970–1972 гг., сотрудники археологической экспедиции зафиксировали 32 насыпи. В течение полевых сезонов 1970–1972 и 1994 гг. были раскопаны 22 кургана и выявлено 22 захоронения ранних кочевников. Из них к среднесарматскому периоду можно отнести тринадцать погребений, к позднесарматскому – лишь четыре.

Не исключено, конечно, что такое соотношение могло бы измениться при полном исследовании рассматриваемых памятников. Однако имеющиеся в настоящее время данные позволяют зафиксировать вполне устойчивую тенденцию: в Березняках, Виловатовском и Андреевском могильниках преобладают позднесарматские комплексы, в могильнике Гвардейцы I – среднесарматские. Это позволяет предположить, что поздние сарматы в пределах Самарского Поволжья измени-

ли местоположение своих родовых кладбищ и практически не использовали территорию могильника, функционировавшего в среднесарматское время. Возможно, данное обстоятельство указывает на отсутствие этногенетической связи между группами, кочевавшими на территории степей Самарского Заволжья в среднесарматское и позднесарматское время.

Позднесарматские памятники отражают последний этап тысячелетней истории ираноязычного населения степей Самарского Поволжья, которая в дальнейшем связана с новыми тюркскими народами.

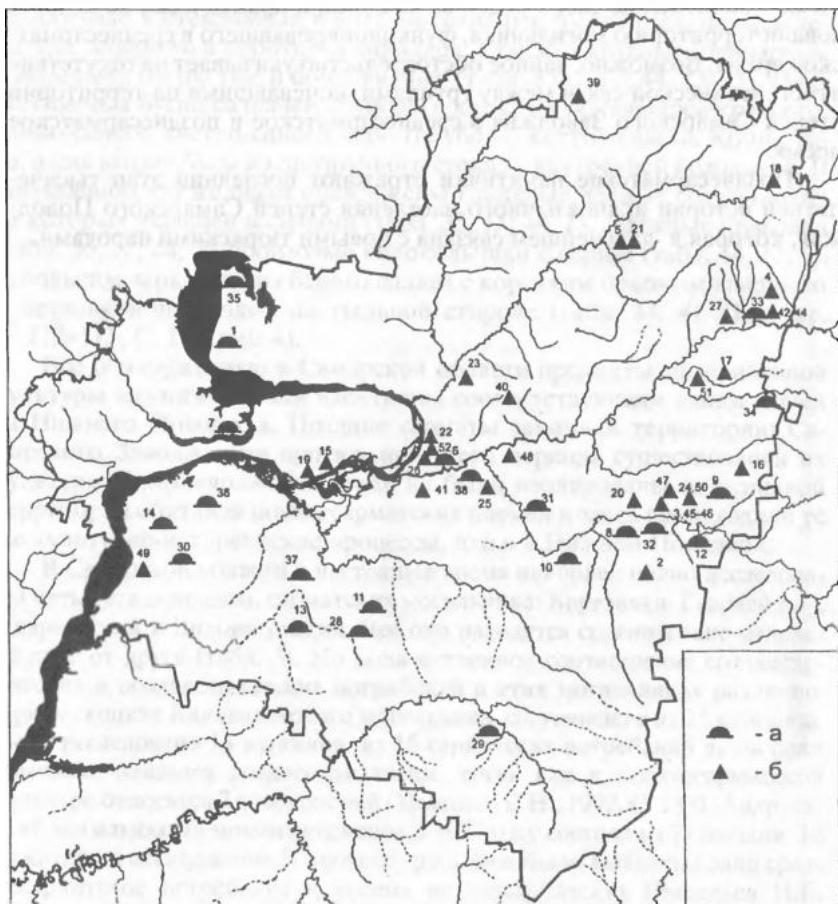

Таблица 1. Памятники кочевников раннего железного века на территории Самарского Поволжья.

а – курганы; б – случайные находки

1 – Ягодное; 2 – Железный Мар. Благодаровка; 3 – Марычевка; 4 – Рысайкино; 5 – Серноводск; 6 – хут. Истомина; 7 – Комаровка; 8 – Андреевка; 9 – Неприк; 10 – Утевка I-IV; 11 – Новопавловка; 12 – Гвардейцы; 13 – Андросовка; 14 – Спасское “у Капширского поворота”; 15 – Винновка; 16 – Петровка; 17 – Большой Толкай; 18 – Камышла; 19 – Лбиче; 20 – Богатовский р-н; 21 – свх. “Серноводский”; 22 – Студеный овраг; 23 – Красный Яр; 24 – Немчанка, свх. “Серноводский”; 25 – Нур; 26 – г. Самара; 27 – Сухая речка; 28 – свх. “Кировский”; 29 – Тамбовка; 30 – Нижнеозерецкий; 31 – Красносамарский; 32 – Виловатое; 33 – Красные Пески; 34 – Березняки; 35 – Хрящевка; 36 – Преполовенка; 37 – Осинки; 38 – Черновский; 39 – Челно-Вершины; 40 – Алакаевка; 41 – Ребужное; 42–44 – Красные Пески; 45 – Марычевка; 47 – Коноваловка; 48 – Студенцы; 49 – Приволжский р-н; 50 – Немчанка; 51 – Ерзовка; 52 – Овраг Подпольщиков, Самара

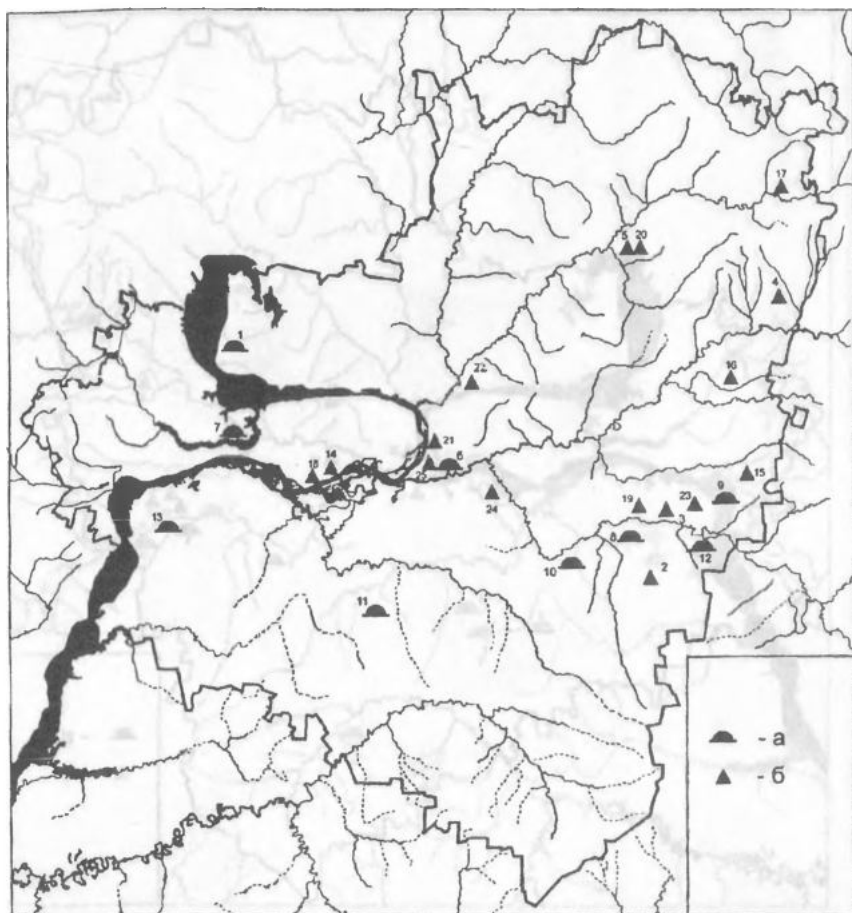

Таблица 2. Памятники предсавроматского и савроматского времени на территории Самарского Поволжья.

а – курганы; б – случайные находки

1 – Ягодное; 2 – Железный Мар, Благодаровка; 3 – Марычевка; 4 – Рысайкино; 5 – Серноводск; 6 – хут. Истомина; 7 – Комаровка; 8 – Андреевка; 9 – Неприк; 10 – Утевка; 11 – Новопавловка; 12 – Гвардейцы; 13 – Спасское, “у Кашпирского поворота”; 14 – Винновка; 15 – Петровка; 16 – Большой Толкай; 17 – Камышла; 18 – Лбище; 19 – Богатовский р-н; 20 – свх. “Серноводский”; 21 – Студеный овраг; 22 – Красный Яр; 23 – Немчанка; 24 – Нур; 25 – г. Самара

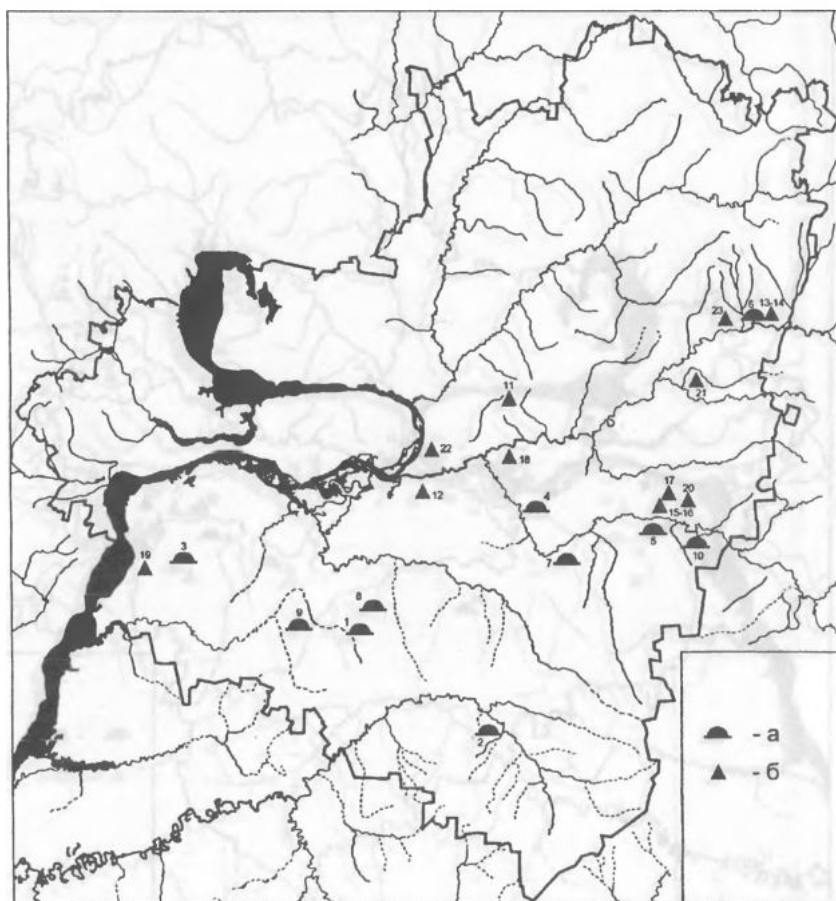

Таблица 3. Памятники раннесарматской (прохоровской) культуры на территории Самарского Поволжья.

а – курганы; б – случайные находки

1 – свх. “Кировский”; 2 – Тамбовка; 3 – Нижнеозерецкий; 4 – Красносамарский; 5 – Вилловатое; 6 – Красные Пески; 7 – Утевский I–IV; 8 – Новопавловка; 9 – Андросовка; 10 – Гвардейцы; 11 – Алакаевка; 12 – Рубежное; 13, 14 – Красные Пески; 15, 16 – Марычевка; 17 – Коноваловка; 18 – Студенцы; 19 – Приволжский р-д; 20 – Немчанка; 21 – Ерзовка; 22 – Овраг Подпольщиков, г. Самара; 23 – Сухая речка

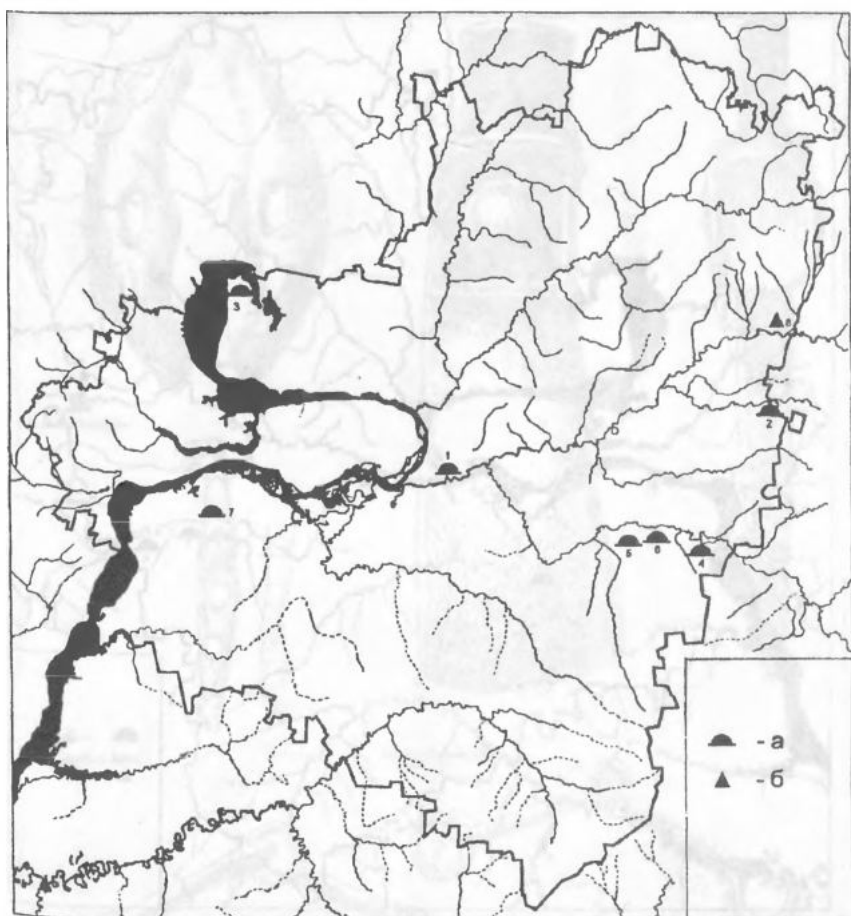

Таблица 4. Памятники среднесарматской культуры на территории Самарского Поволжья.

а – курганы; б – случайные находки

1 – хут. Истомина; 2 – Березняки; 3 – Хрящевка; 4 – Гвардейцы; 5 – Андреевка; 6 – Виловатое; 7 – Преполовенка; 8 – Красные Пески

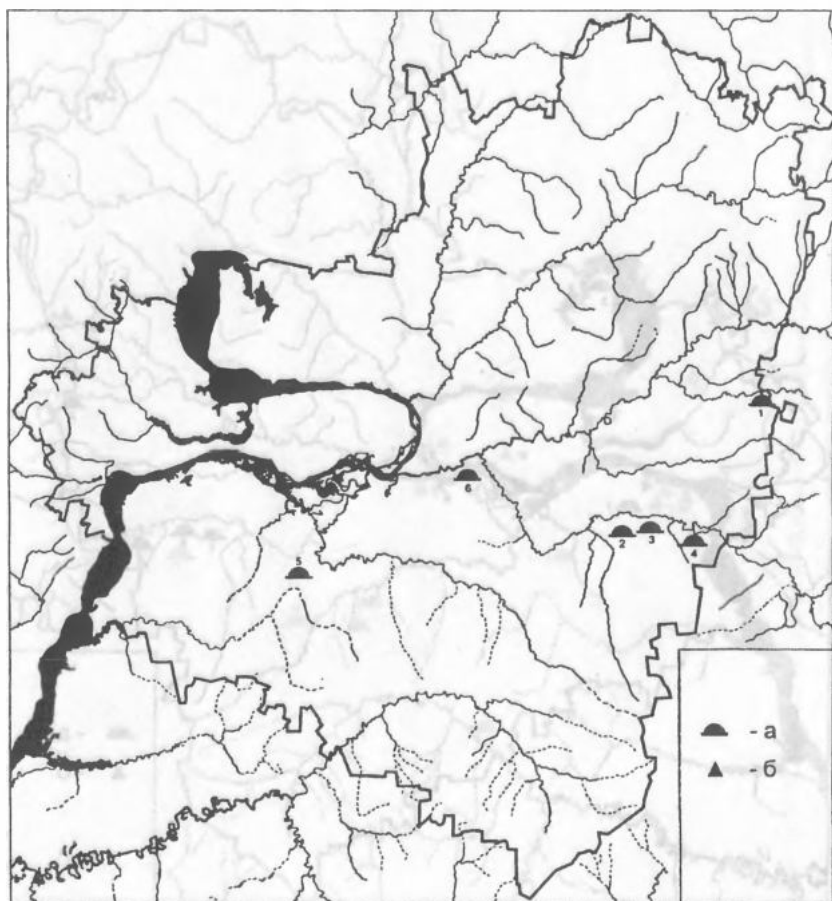

Таблица 5. Памятники позднесарматской культуры на территории Самарского Поволжья.

а – курганы; б – случайные находки

1 – Березняки; 2 – Андреевка; 3 – Вилатовое; 4 – Гвардейцы; 5 – Осинки; 6 – Черновский

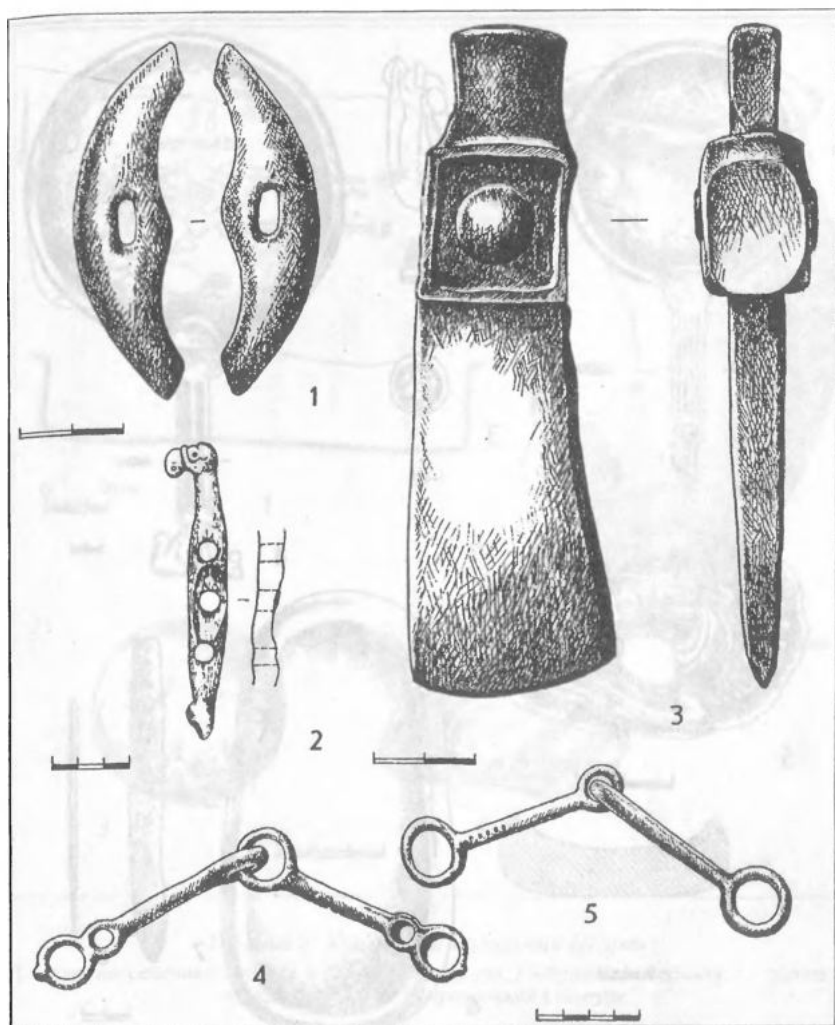

Таблица 6. Вещи предсавроматского времени с территории Самарского Поволжья:

- 1 – уздечные застёжки из погребения 1 кургана 4 у с. Ягодное; 2 – псалли, с. Рысайкино;
3 – топор-секира, пос. Серноводск; 4 – удила, курган "Железный Мар", с. Благодаровка;
5 – удила, с. Марычевка (1; 3; 4; 5 – бронза; 2 – кость)

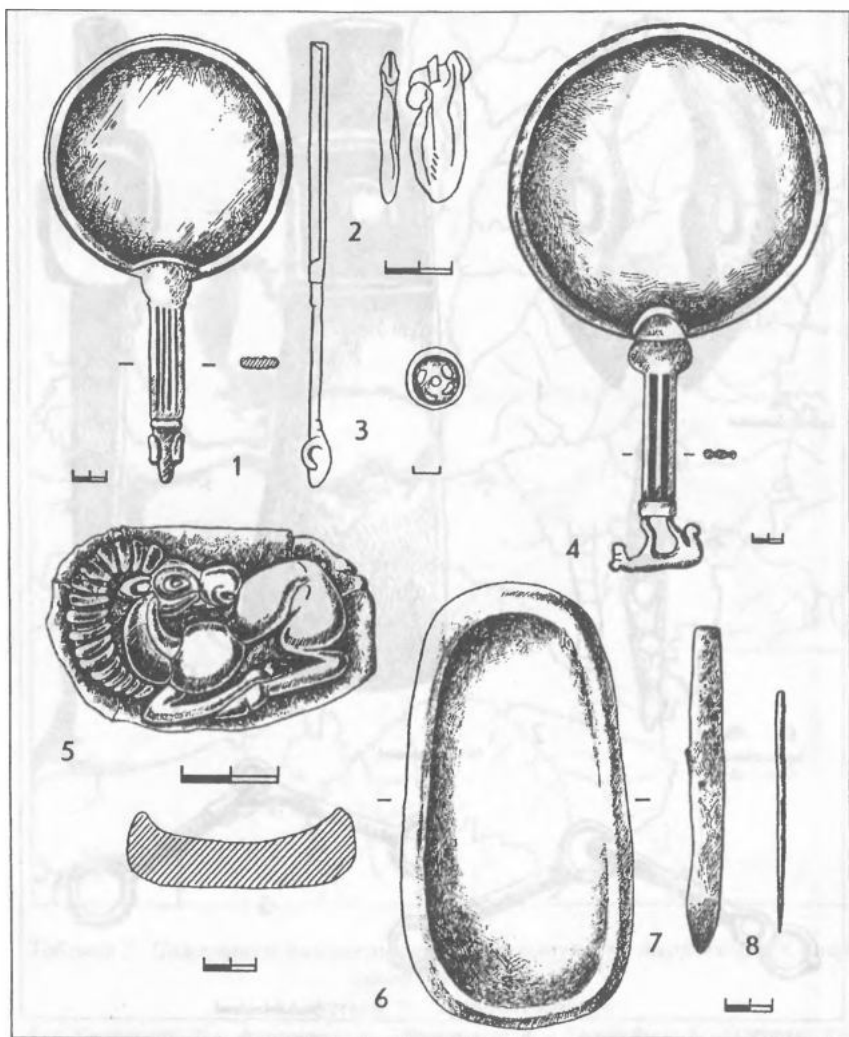

Таблица 7. Вещи из памятников савроматского времени:

1 – зеркало; 2 – мешочек с черным веществом – курган у с. Спасское, “у Каширского поворота”; 3 – амулет-колесико; 4 – зеркало; 5 – пахивная бляшка; 6 – алтарь; 7 – нож; 8 – игла – Андреевский курганный могильник, курган 2, погребение 2 (1, 3, 4, 8 – бронза, 2 – кожа; 5 – золото; 6 – камень; 7 – железо)

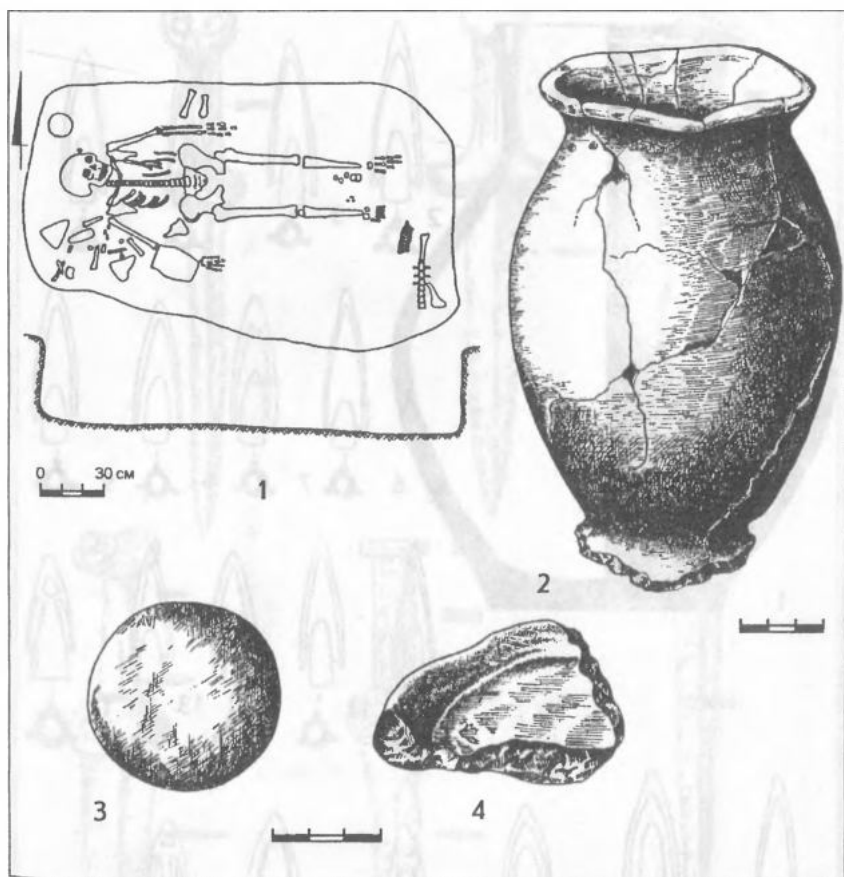

Таблица 8. Курганный могильник Неприк

1 – план погребения 3 кургана 4; 2 – глиняный сосуд; 3 – бронзовое зеркало; 4 – обломок каменного алтаря. Савроматская культура

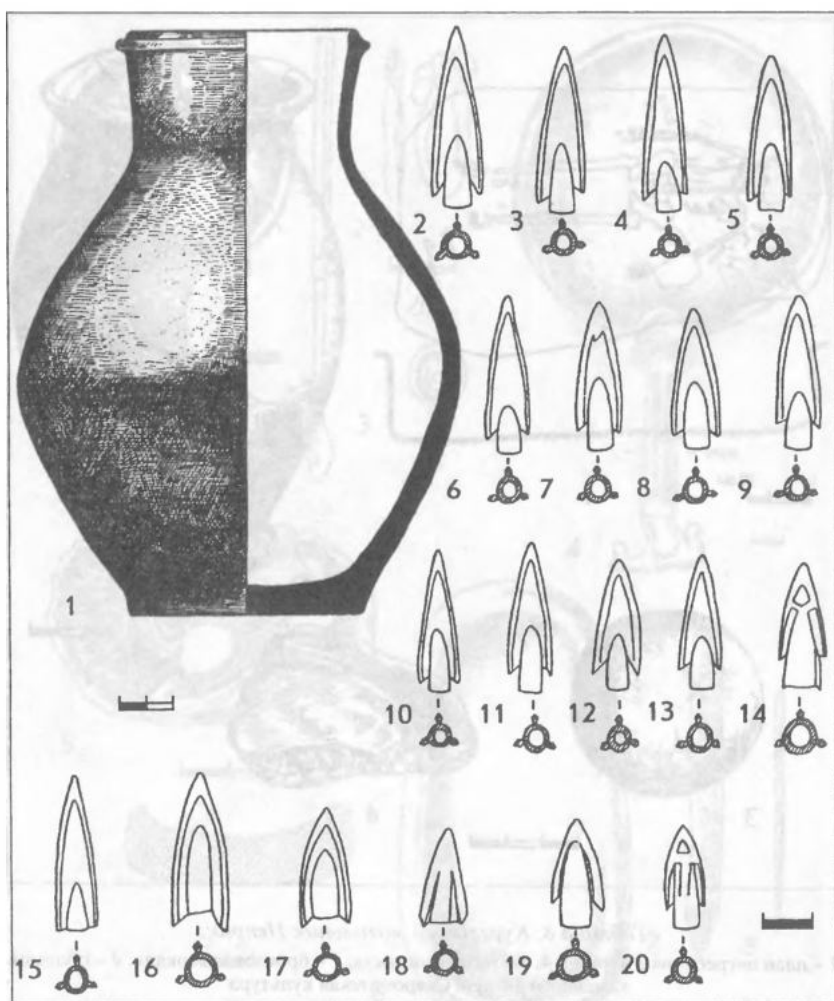

Таблица 9. Новопавловский курганный могильник.

Вещи из погребения в кургане 9: 1 – глиняный сосуд; 2–20 – бронзовые наконечники стрел. Савроматская культура

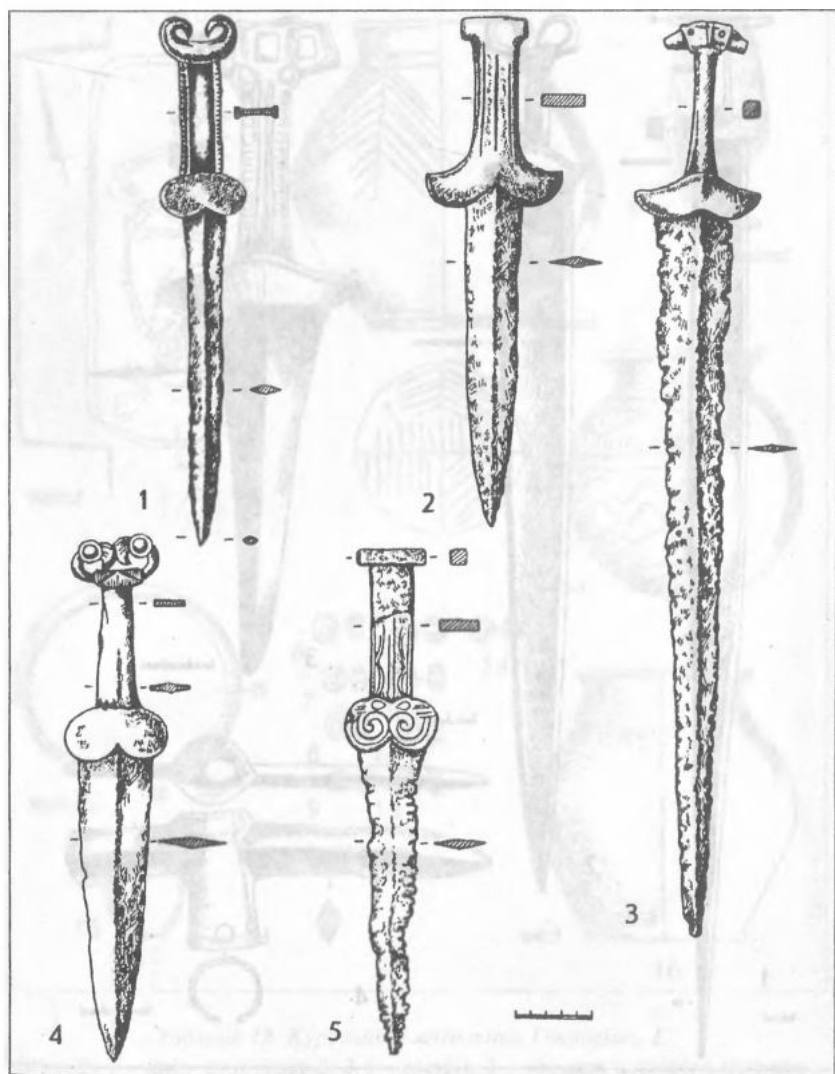

Таблица 10. Случайные находки. Акинаки:

1 – с. Лбище, Ставропольский район; 2 – с. Камышла, Клявлинский район; 3 – с. Петровка, Борский район; 4 – с. Большой Толкай, Похвистневский район; 5 – с. Винновка, Ставропольский район. Савроматская культура

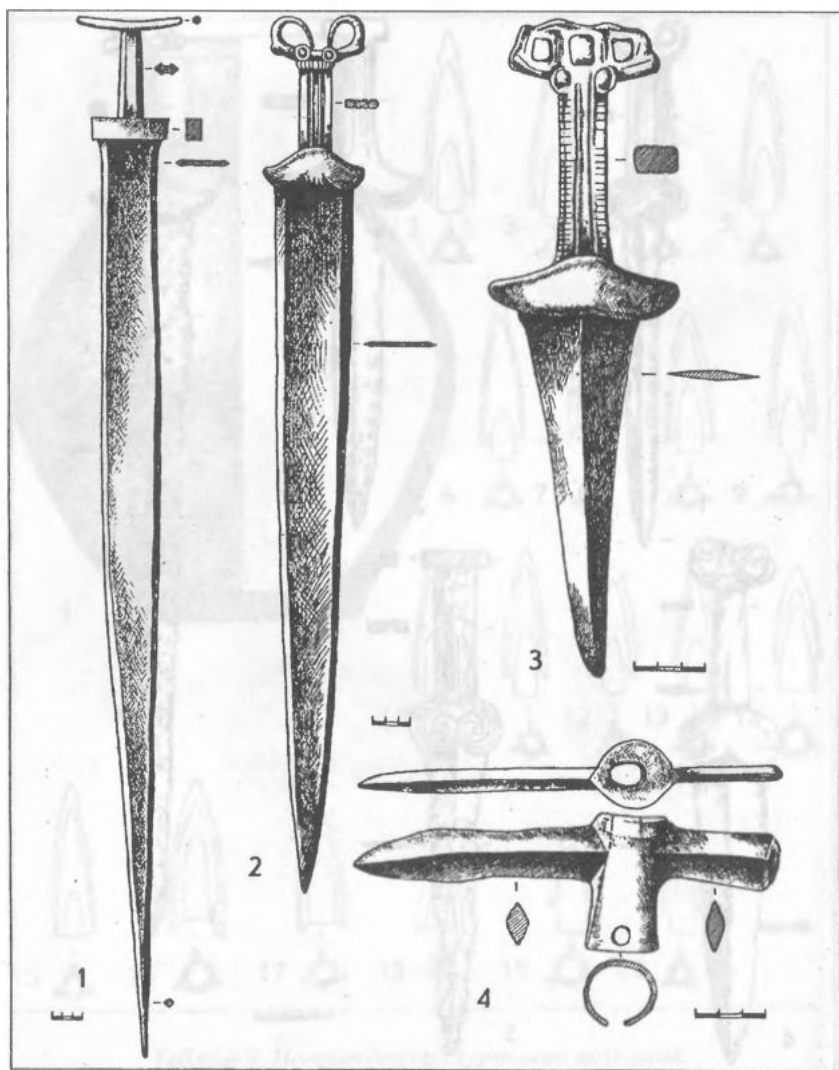

Таблица 11. Савероматское (2-4) и раннесарматское (1) оружие.

Случайные находки: 1 – меч из Сергиевского района; 2 – меч, совх. Серноводский; 3 – княжал, Студеный овраг, г. Самара; 4 – клевец, с. Красный Яр (1-3 – железо; 4 – бронза)

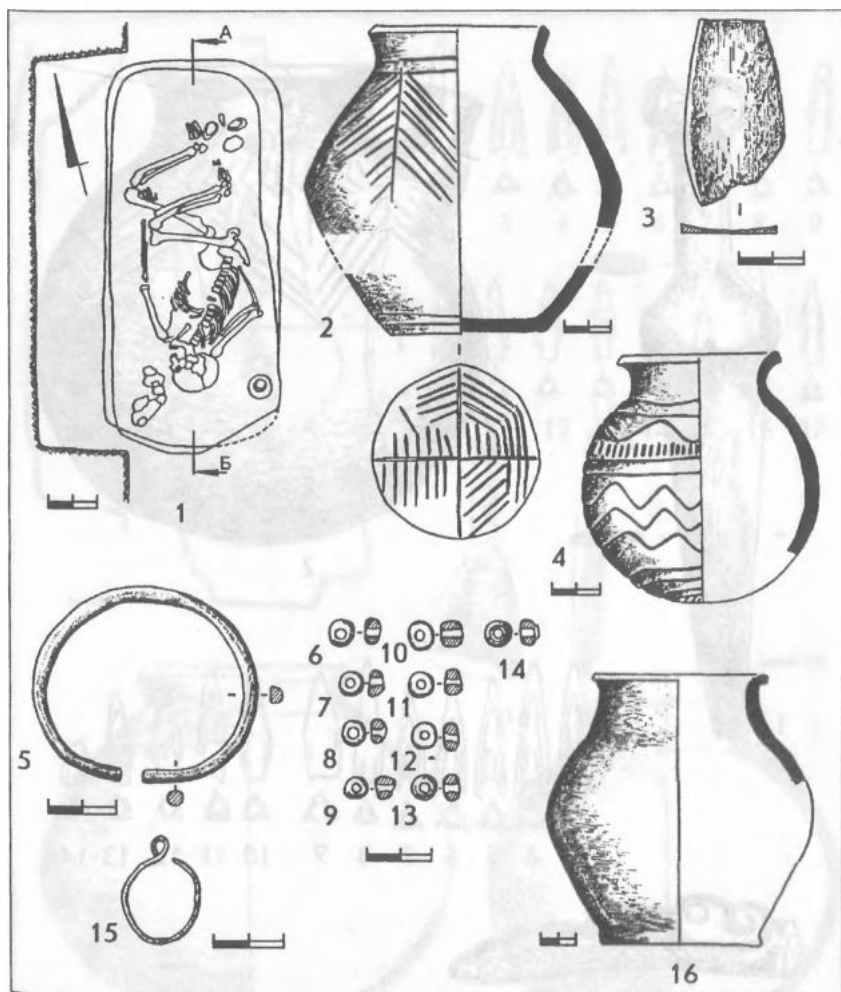

Таблица 12. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 25: 1 – план погребения 2; 2–4 – сосуды; 3 – обломок костяного предмета – погребение 2; 5 – браслет; 6–14 – бусы; 15 – серьга – погребение 1; 16 – сосуд из погребения 3 (2, 4, 16 – глина; 5, 15 – бронза; 6–14 – стекло). Савроматская (5–16) и раннесарматская (1–4) культуры

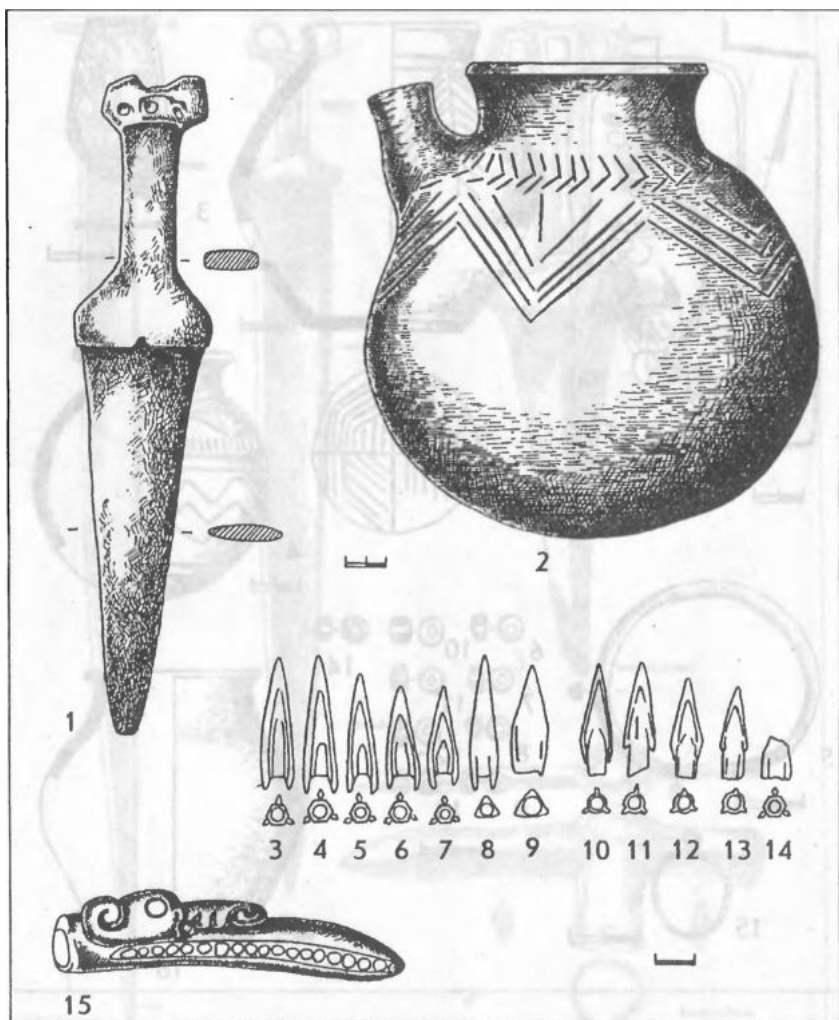

Таблица 13. Вещи из погребения 20 кургана 9 Кировского I курганного могильника:

1 – железный акинак; 2 – глиняный сосуд; 3–14 – бронзовые наконечники стрел; 15 – костяная повеска

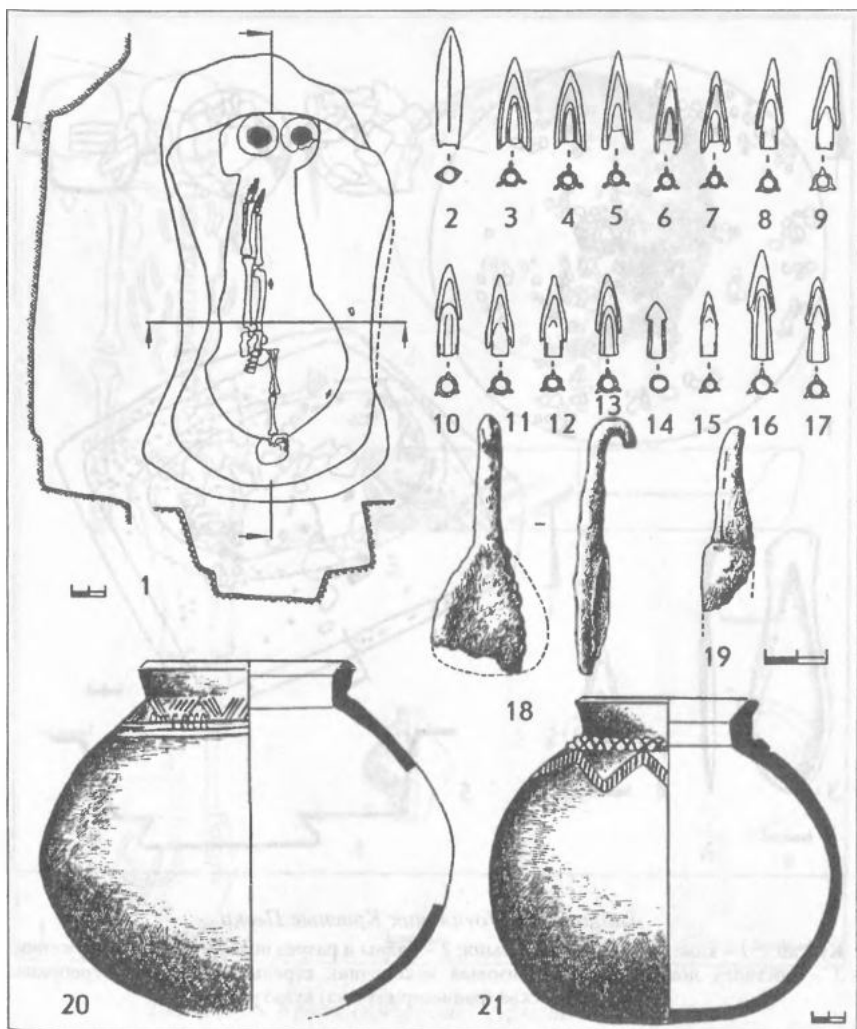

Таблица 14. Новопавловский курганный могильник.

Кургan 10, погребение 1: 1 – план погребения; 2–17 – бронзовые наконечники стрел; 18 – железный колчаный крючок; 19 – обломок железного ножа; 20–21 – глиняные сосуды. Прохоровская (раннесарматская) культура

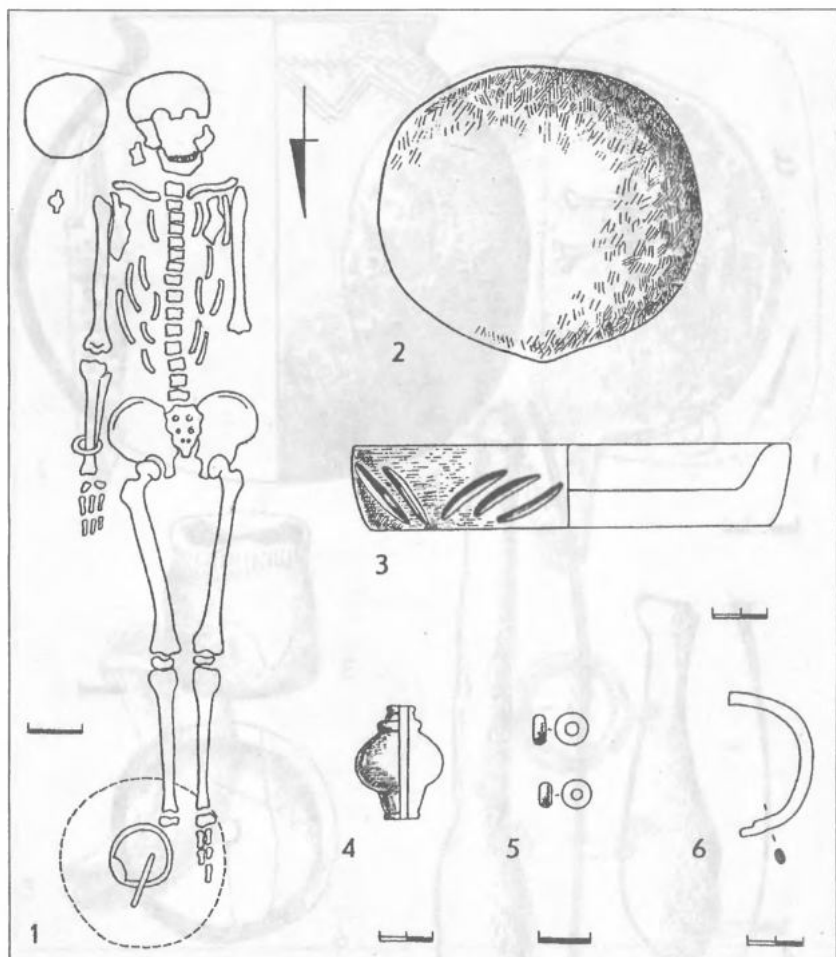

Таблица 16. Красносамарский I курганный могильник.

Курган I, погребение 1: 1 – план погребения; 2 – бронзовое зеркало; 3 – каменный алтарь; 4 – глиняное пряслице; 5 – стеклянные бусы; 6 – обломок железного браслета.

Прохоровская (раннесарматская) культура

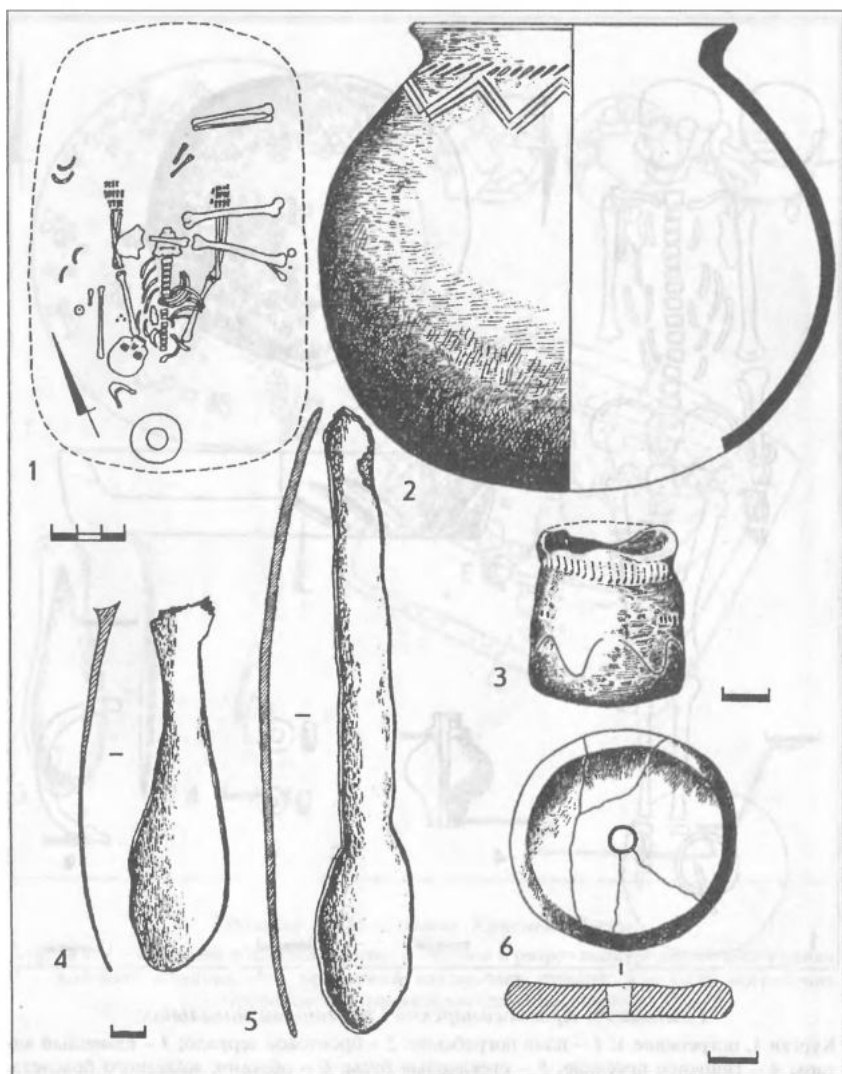

Таблица 17. Утевский III курганный могильник.

Курган 3, погребение 2: 1 – план погребения; 2 – глиняный сосуд; 3 – глиняная курильница; 4–5 – костяные ложечки; 6 – глиняное пряслице. Прохоровская (раннесарматская) культура

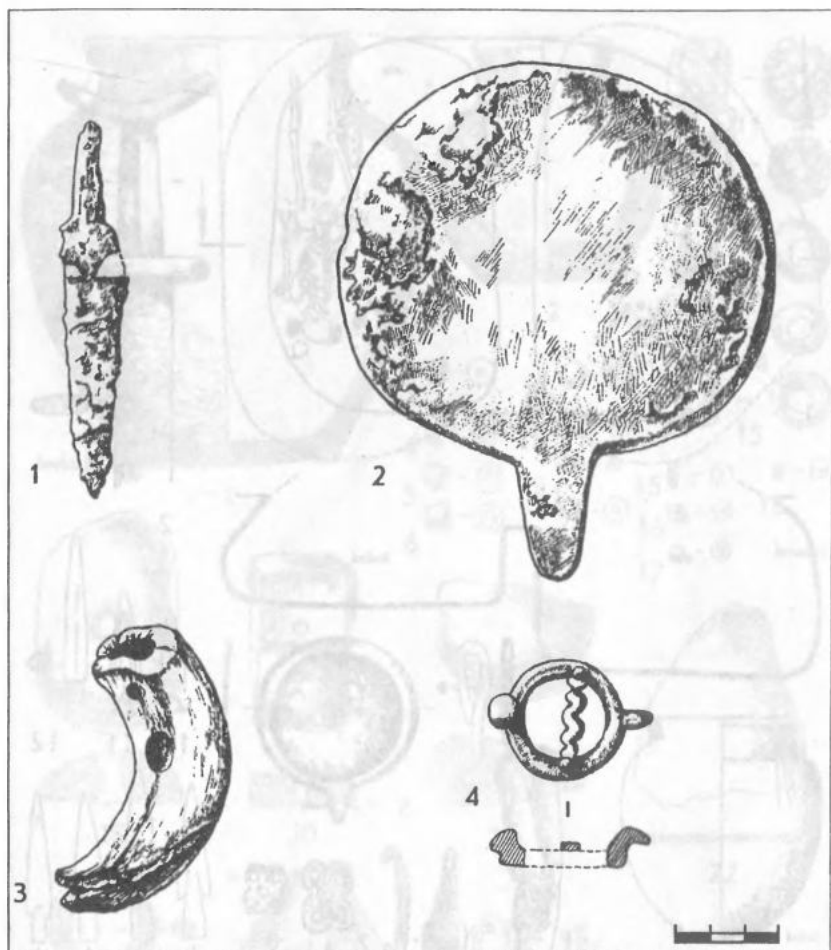

Таблица 18. Вещи из погребений у с. Утевка:

1 — железный нож; 2 — бронзовое зеркало из погребения 2 кургана 2 Утевского I могильника; 3 — клык кабана, украшавший узду из погребения 8 кургана 1 Утевского IV могильника; 4 — бронзовая пряжка из погребения I кургана 1 Утевского IV могильника.

Прохоровская (раннесарматская) культура (1, 2, 4), савроматская культура (3)

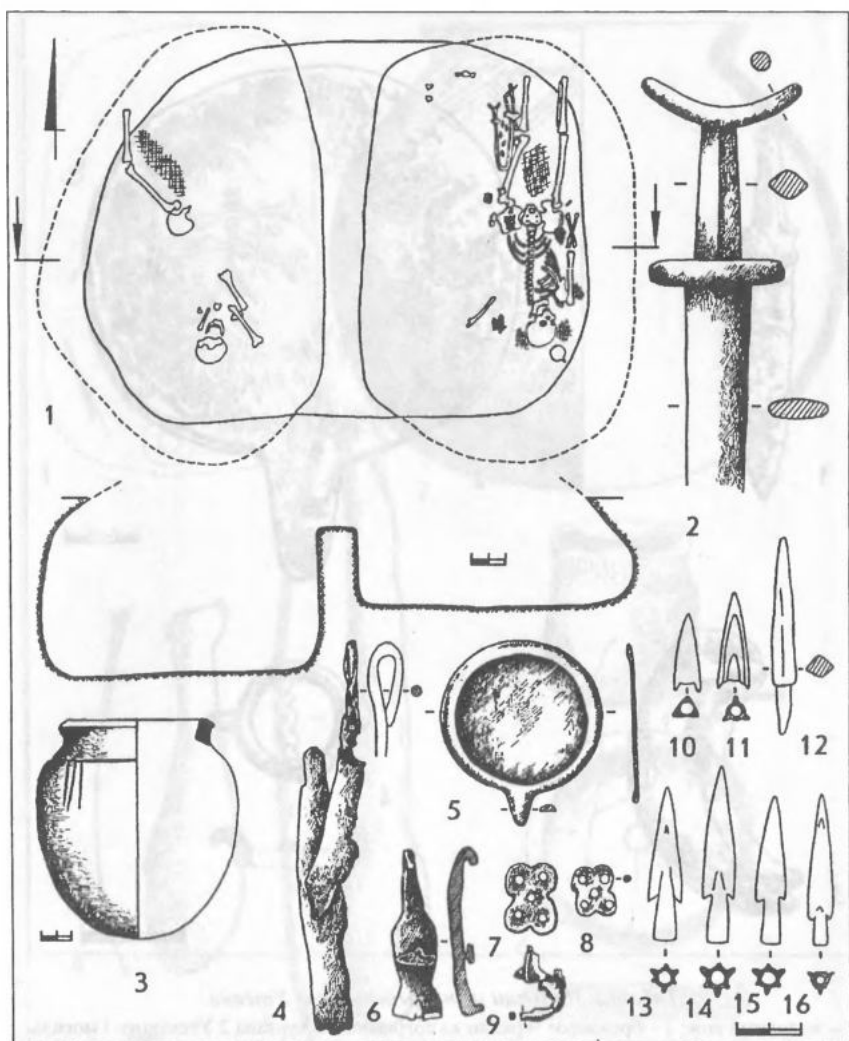

Таблица 19. Тамбовский курганный могильник.

Курган 2, погребение 5: 1 – план погребения; 2 – меч; 3 – сосуд из ровика; 4 – ножи; 5 – зеркало; 6 – колчанный крючок; 7–8 – портупейные обоймы; 9 – пряжка; 10–16 – наконечники стрел (2, 4, 6–9, 12–16 – железо; 3 – глина; 5, 20, 21 – бронза). Прохоровская (раннесарматская) культура

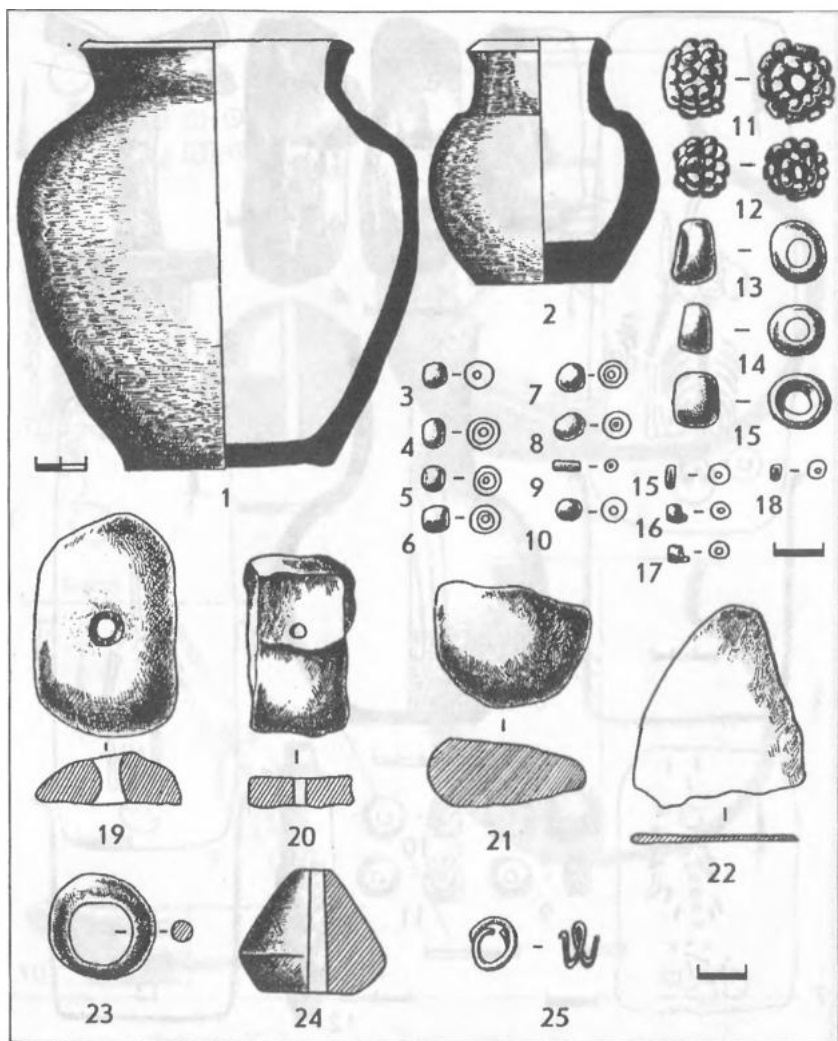

Таблица 20. Нижнеозерецкий V курганный могильник.

Курган 2. Вещи из погребений 1 (1-23), 2 (25), 3 (24): 1-2 – глиняные сосуды; 3-18 – стеклянные бусы; 19-21 – молоточковидные предметы из талька и глины; 22 – обломок бронзового зеркала; 23 – железное кольцо; 24 – глиняное пряслице; 25 – бронзовое височное кольцо. Прохоровская (раннесарматская) культура

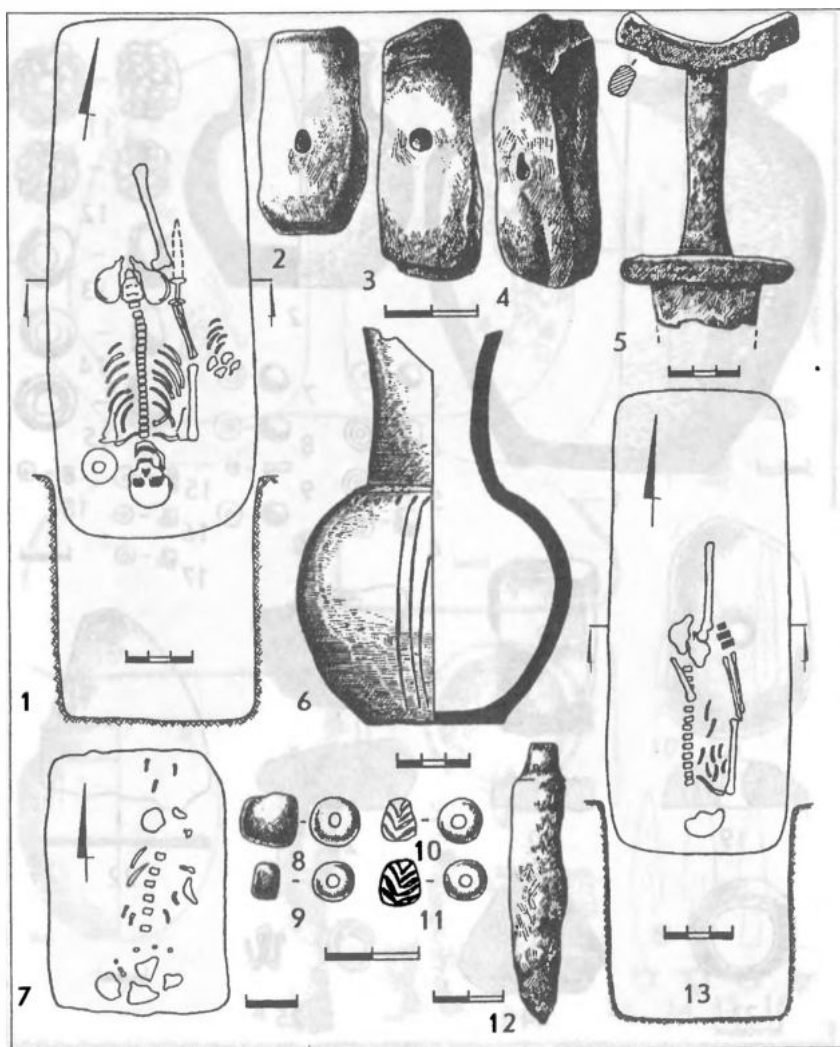

Таблица 21. Виловатовский курганный могильник.

Курган 1: 1-6 – погребение 1 (1 – план погребения; 2-4 – молоточковидные предметы из тадыка; 5 – железный кинжал; 6 – глиняный кувшин); 7-11 – погребение 5 (7 – план погребения; 8-11 – стеклянные бусы); 12 – железный нож из погребения 4; 13 – план погребения 2. Прохоровская (раннесарматская) культура

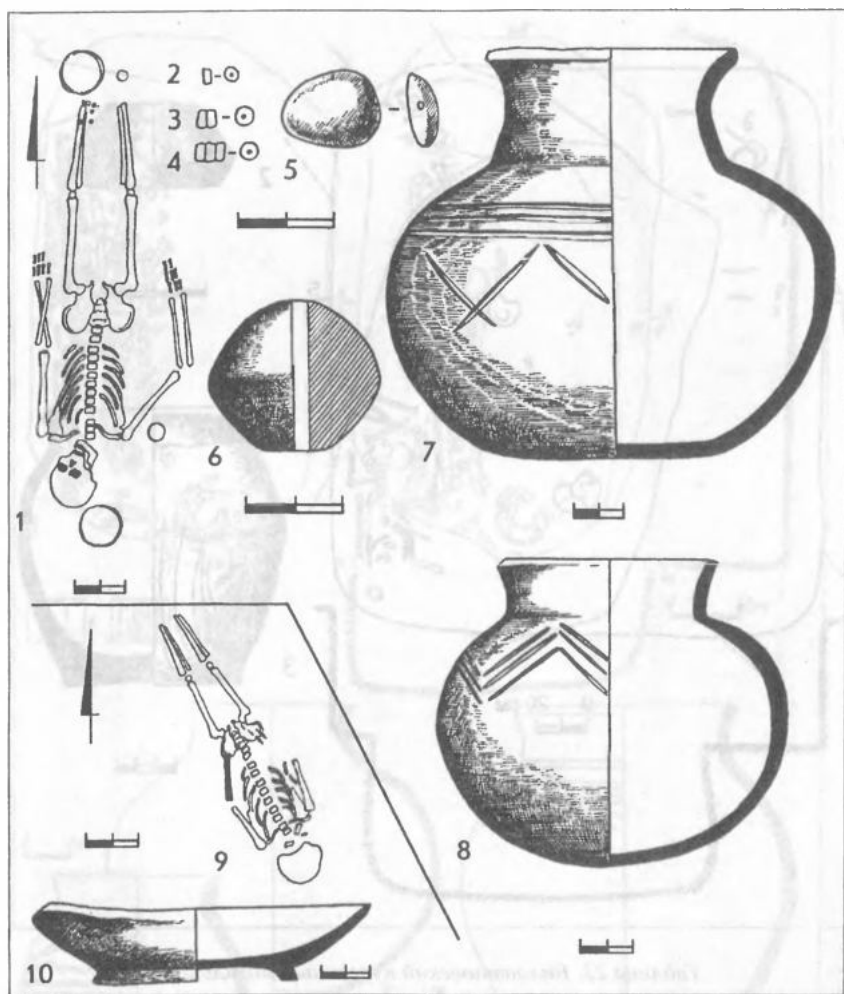

Таблица 22. Вилловатовский курганный могильник.

Курган 4: 1-8 - погребение 1 (1 - план погребения; 2-4 - стеклянные бусы; 11 - янтарная бусина; 6 - глиняное пряслице; 7-8 - глиняные сосуды); 9 - план погребения 2; 10 - днище сосуда из насыпи. Прохоровская (раннесарматская) культура

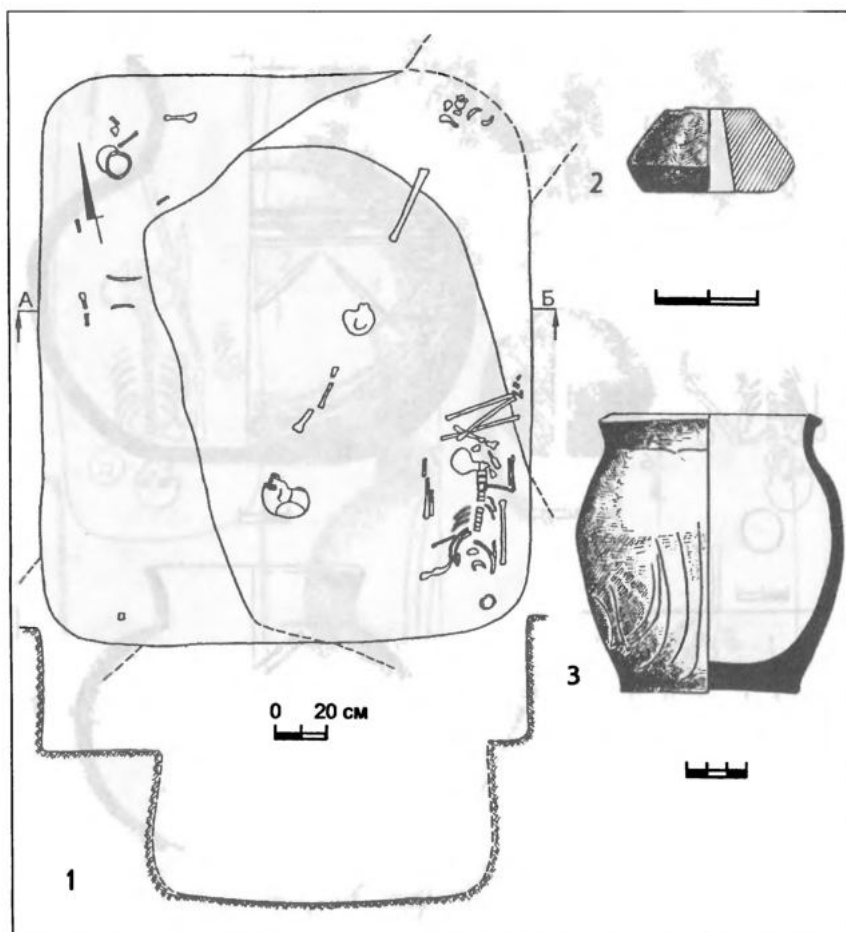

Таблица 23. Виловатовский курганный могильник.

Курган 17, погребение 2: 1 – план погребения; 2 – глиняное пряслице; 3 – глиняный сосуд
Прохоровская (раннесарматская) культура

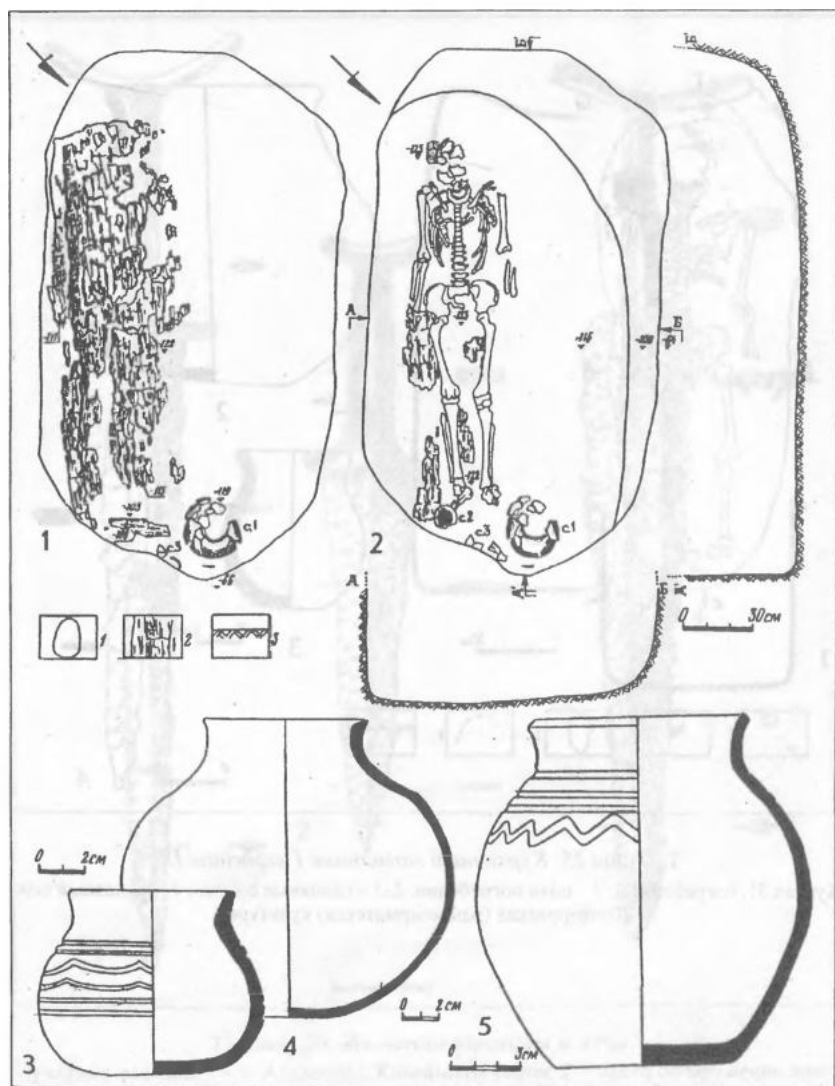

Таблица 24. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 31, погребение 1: 1 – деревянное гробовище в погребении; 2 – план погребения.
3–5 – глиняные сосуды. Прохоровская (раннесарматская) культура

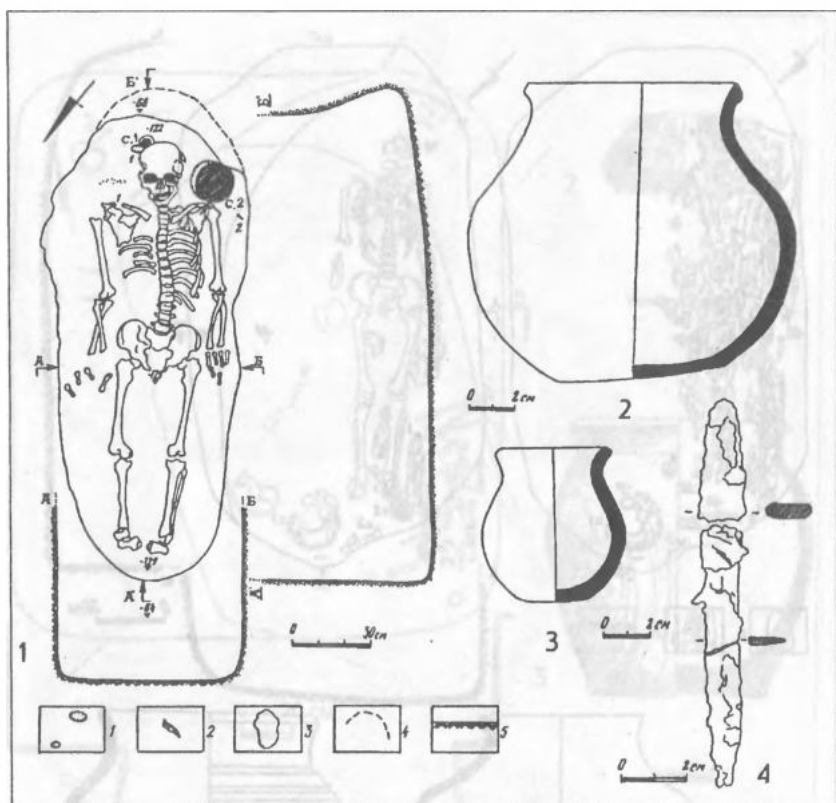

Таблица 25. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 31, погребение 2: 1 – план погребения; 2–3 – глиняные сосуды; 4 – железный нож.
Прохоровская (раннесарматская) культура

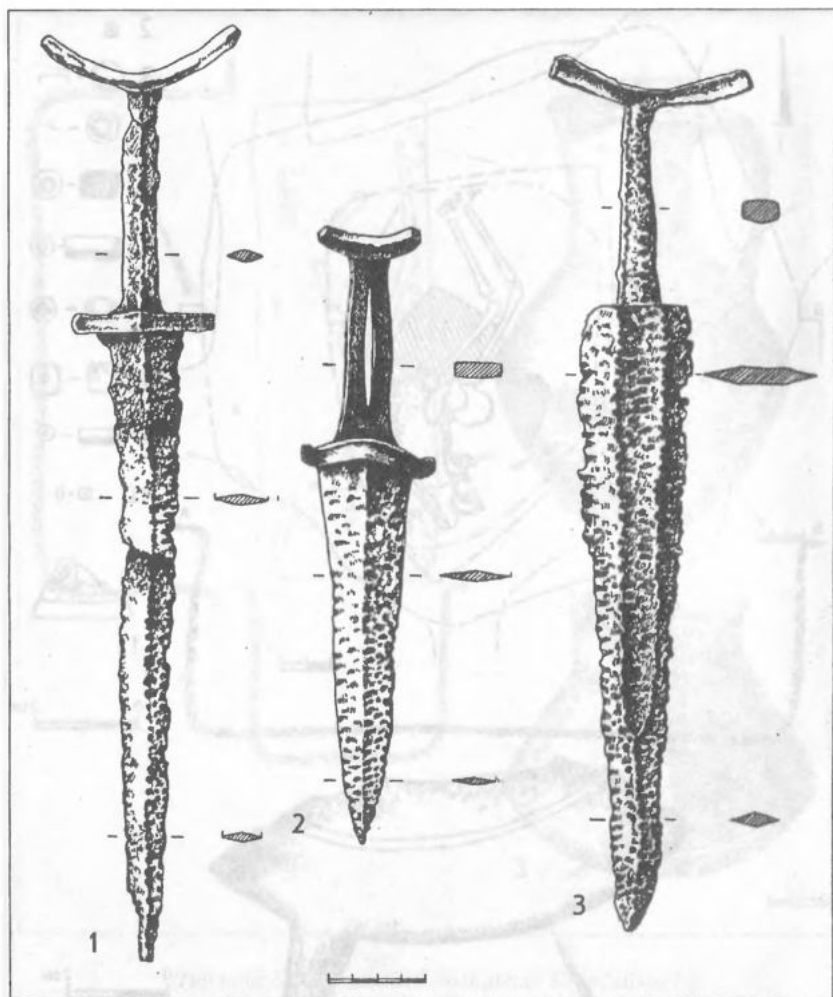

Таблица 26. Железные кинжалы и мечи.

Случайные находки: 1 — с. Алакаевка, Кинельский район; 2 — место обнаружения неизвестно; 3 — с. Рубежное, Волжский район

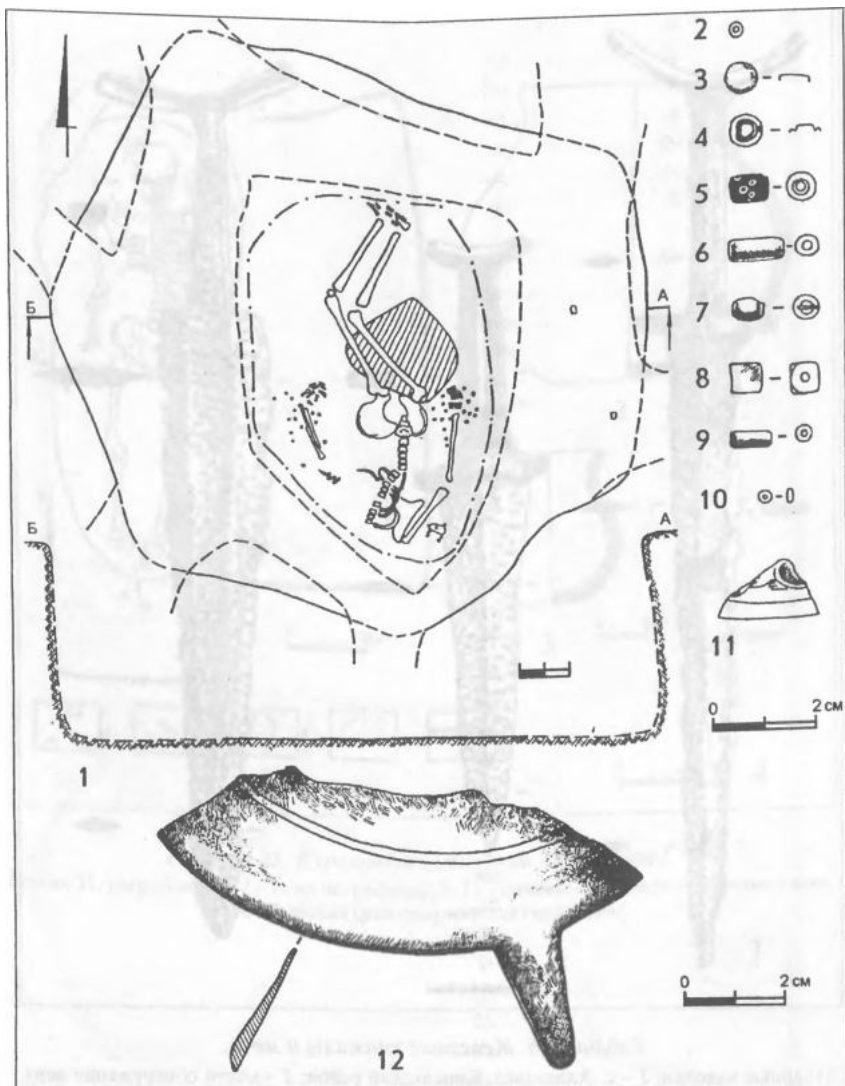

Таблица 27. Вилатовский курганный могильник.

Курган 18: 1 – план погребения; 2; 5–10 – стеклянные бусы; 3; 4 – золотые нашивные бляшки; 11 – фрагмент фаянсовой пронизы; 12 – бронзовое зеркало. Прохоровская (ранне-сарматская) культура

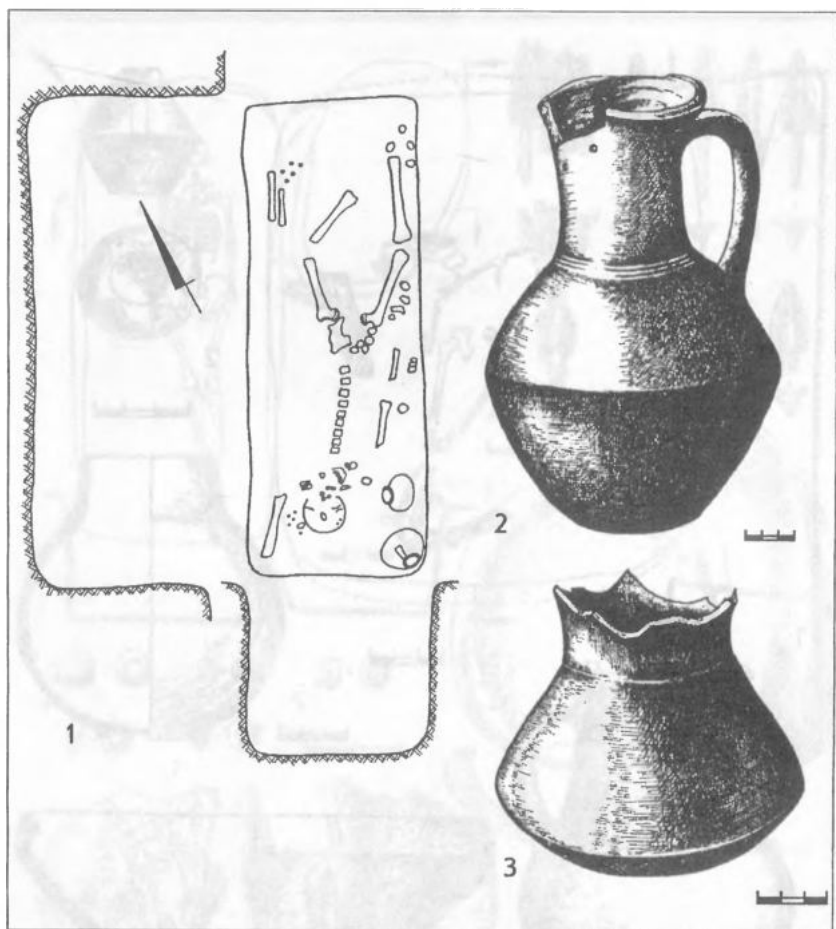

Таблица 28. Курганный могильник Гвардейцы 1.

Курган 1, погребение 1: 1 – план погребения; 2–3 – глиняные сосуды. Среднесарматская культура

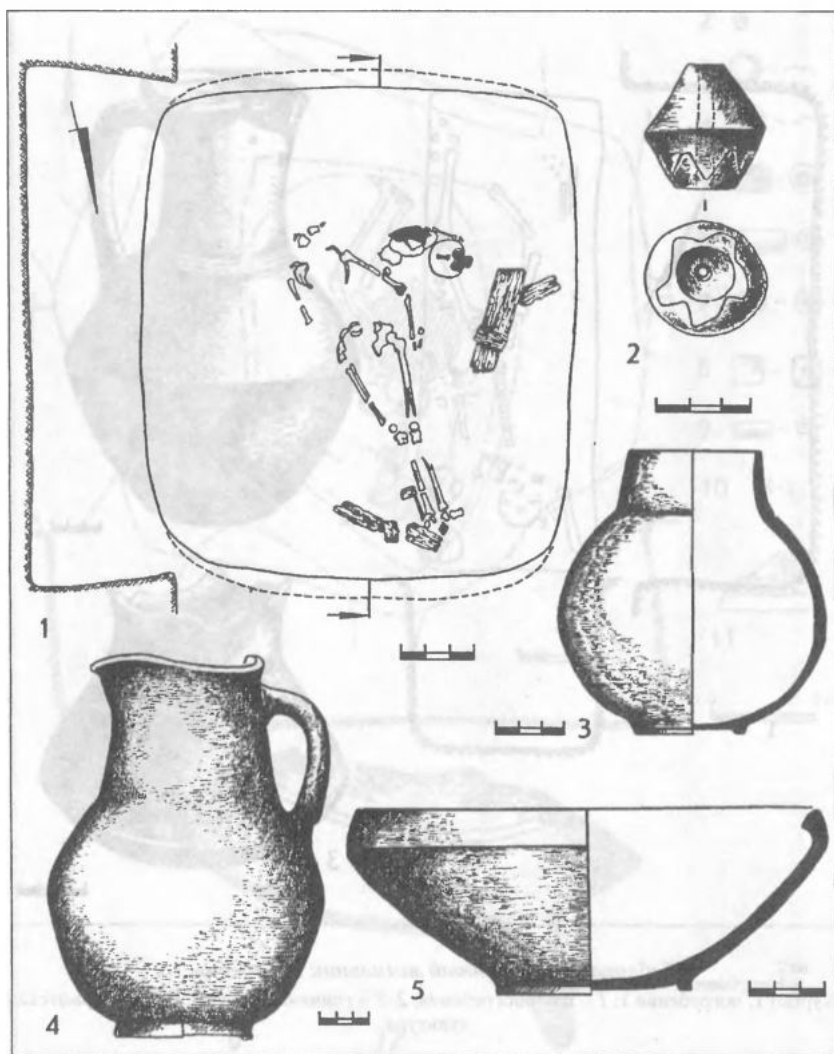

Таблица 29. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 27, погребение 1: 1 – план погребения; 2 – пряслице; 3 – миниатюрный сосудик, 4 – ойнохоя; 5 – миска (2–5 – глина). Среднесарматская культура

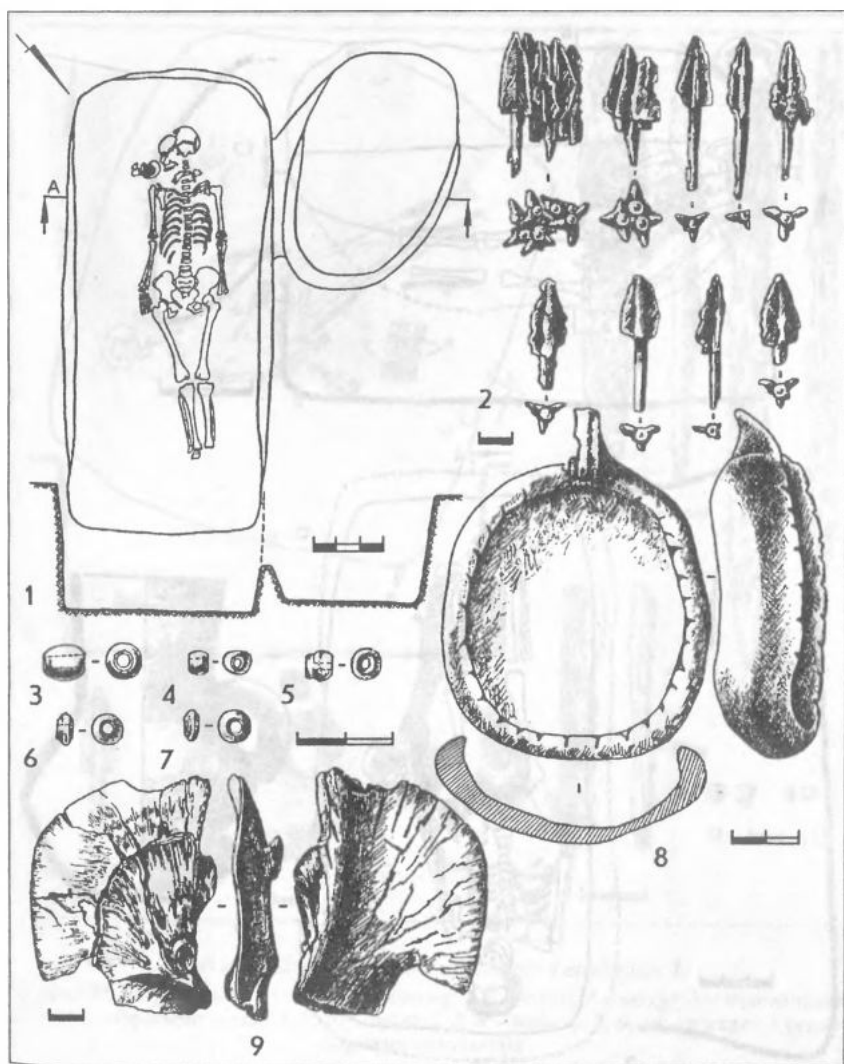

Таблица 30. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 30, погребение 1: 1 – план погребения; 2 – наконечники стрел; 3–7 – бусы; 8 – чашечка; 9 – обломок панциря черепахи (?) (2 – железо; 3–7 – стекло; 8 – алебастр).
Среднесарматская культура

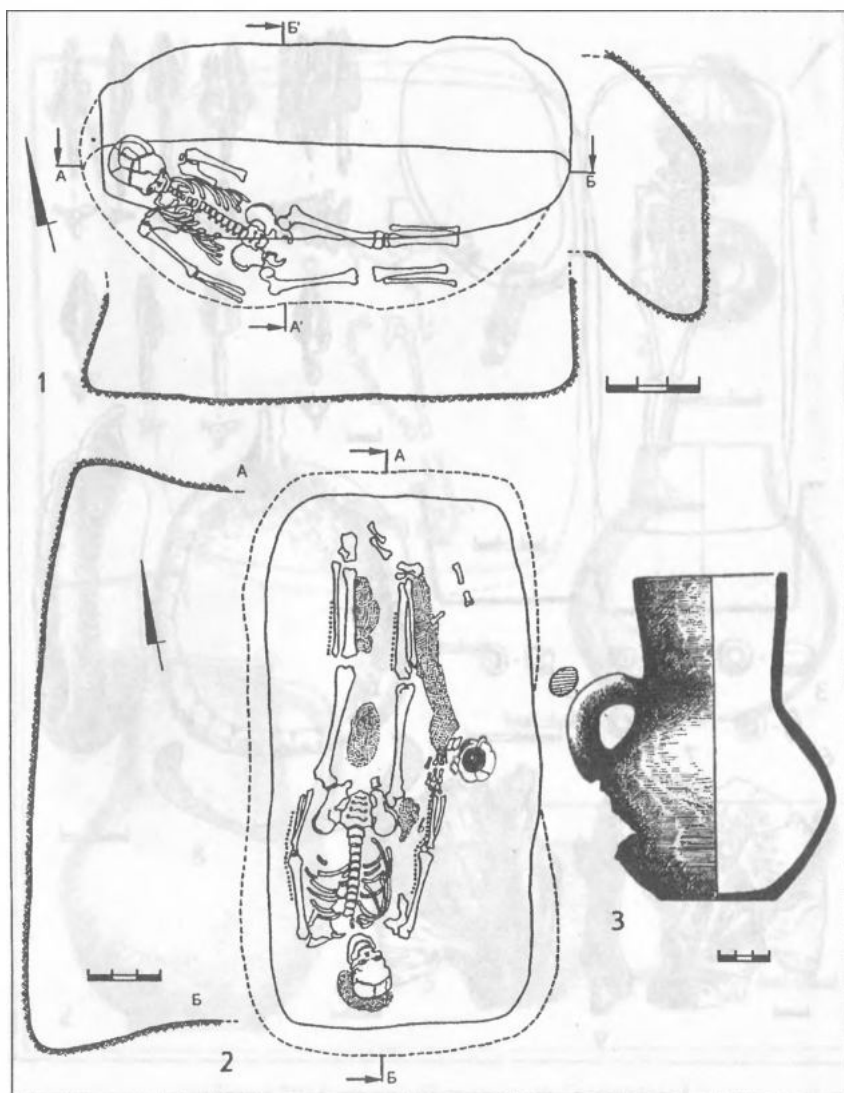

Таблица 31. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 31: 1 – план погребения 4; 2 – план погребения 3; 3 – глиняный сосуд из погребения 3. Савроматское (?) время – 1, среднесарматская культура – 2, 3

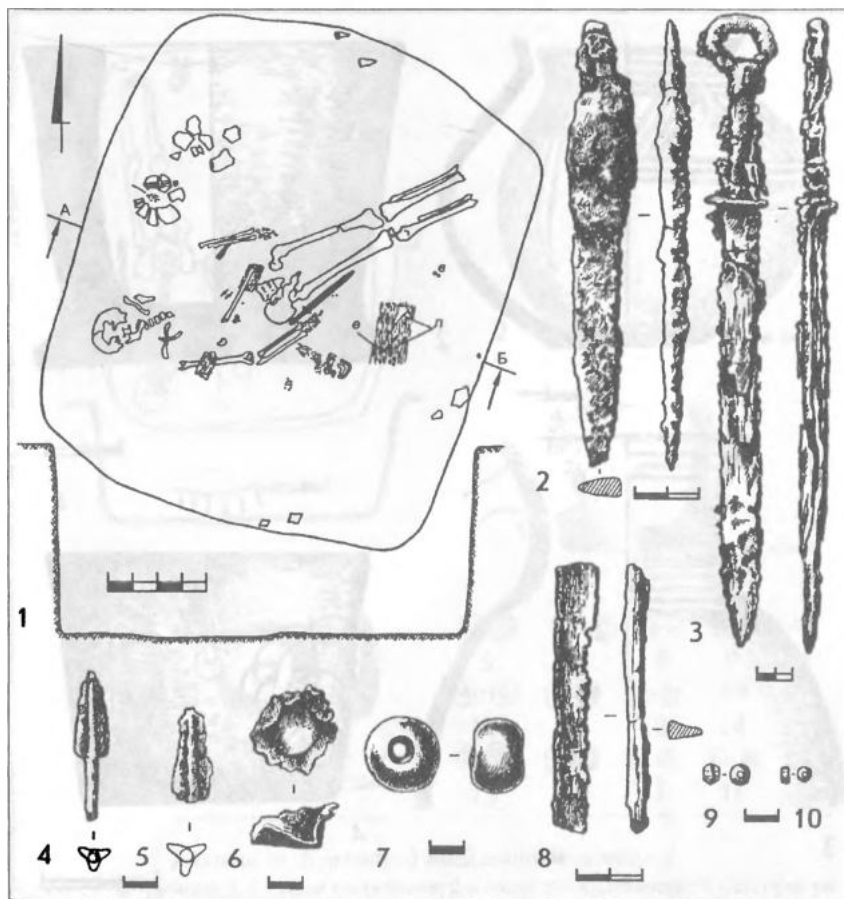

Таблица 32. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 32, погребение 1: 1 – план погребения; 2, 8 – ножи; 3 – меч; 4, 5 – наконечники стрел; 6 – фрагмент кожи; 7, 9, 10 – бусы (2–5; 8 – железо; 7, 9, 10 – стекло). Средне-сарматская культура

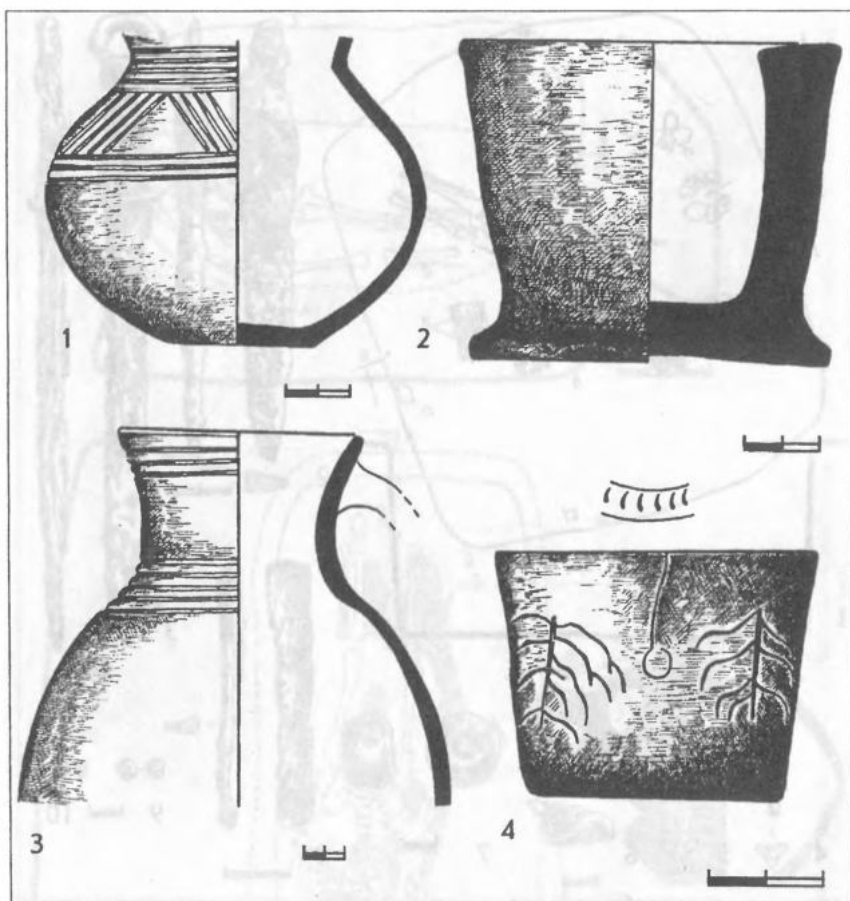

Таблица 33. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 32, Керамические изделия из погребения 1: 1, 3 – сосуды; 2, 4 – курильницы.
Среднесарматская культура

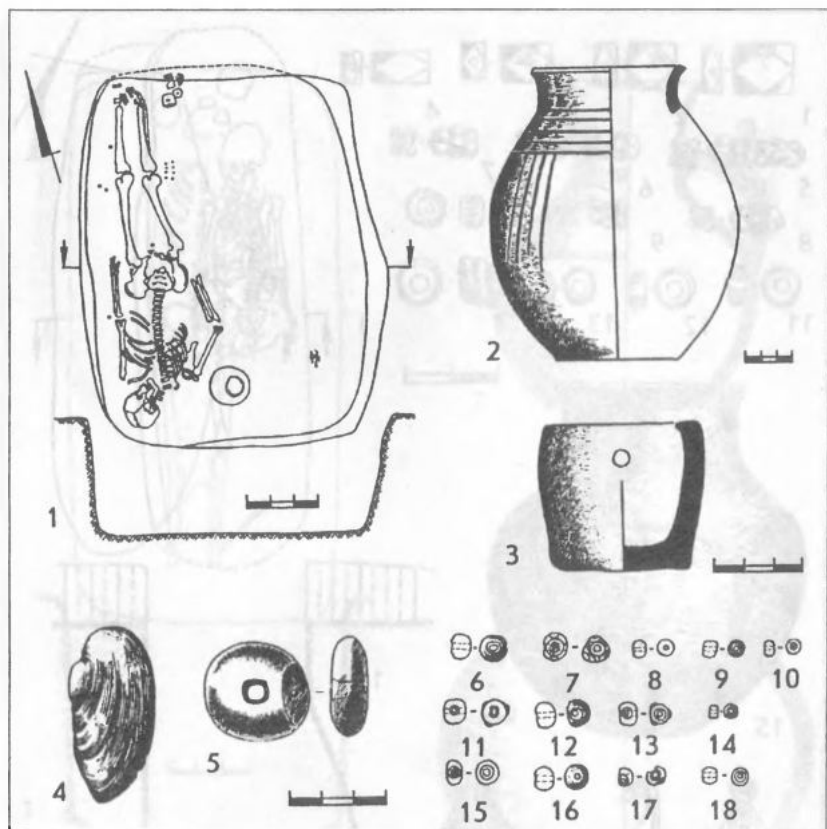

Таблица 34. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 32, погребение 3: 1 – план погребения; 2 – сосуд; 3 – курильница; 4 – створка раковины; 5 – пряслице; 6–18 – бусы (2, 3 – глина; 5 – камень; 6–18 – стекло). Средне-сарматская культура

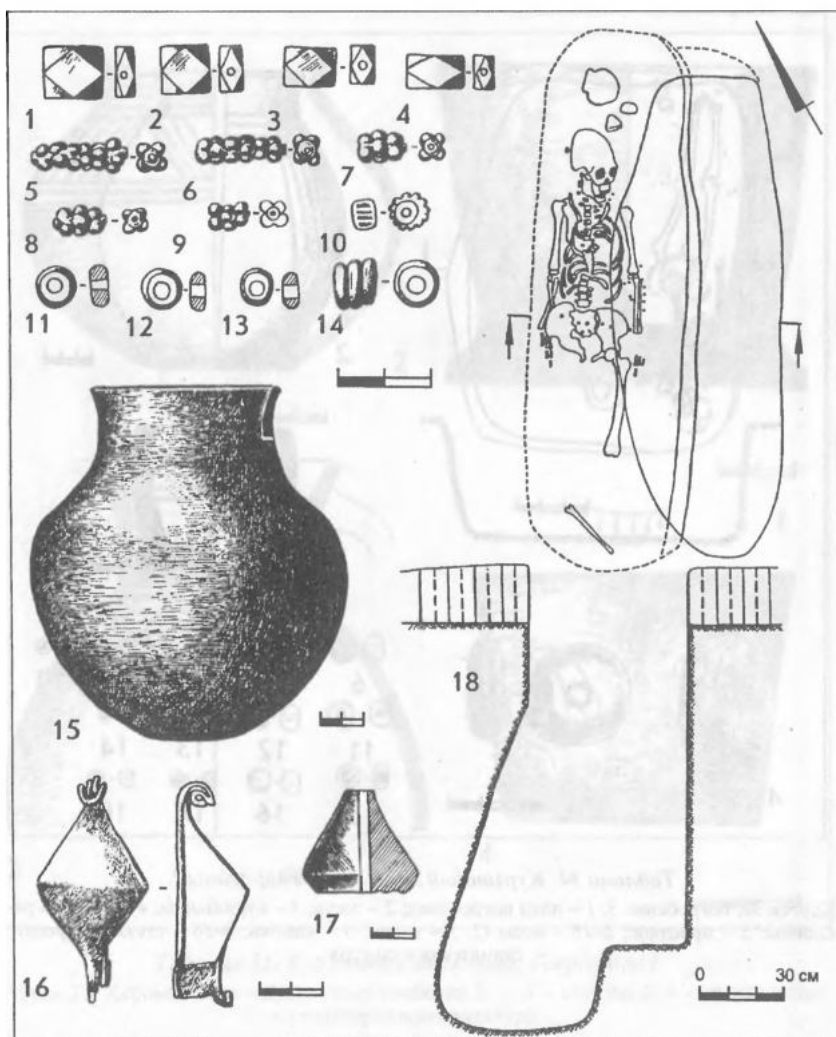

Таблица 35. Курганный могильник Гвардейцы I.

Курган 26, погребение 1: 1-14 - бусы; 15 - сосуд; 16 - фибула; 17 - пряслице; 18 - план погребения (1-4 - гранат; 5-14 - стекло; 15, 17 - глина; 16 - бронза). Позднесарматская культура

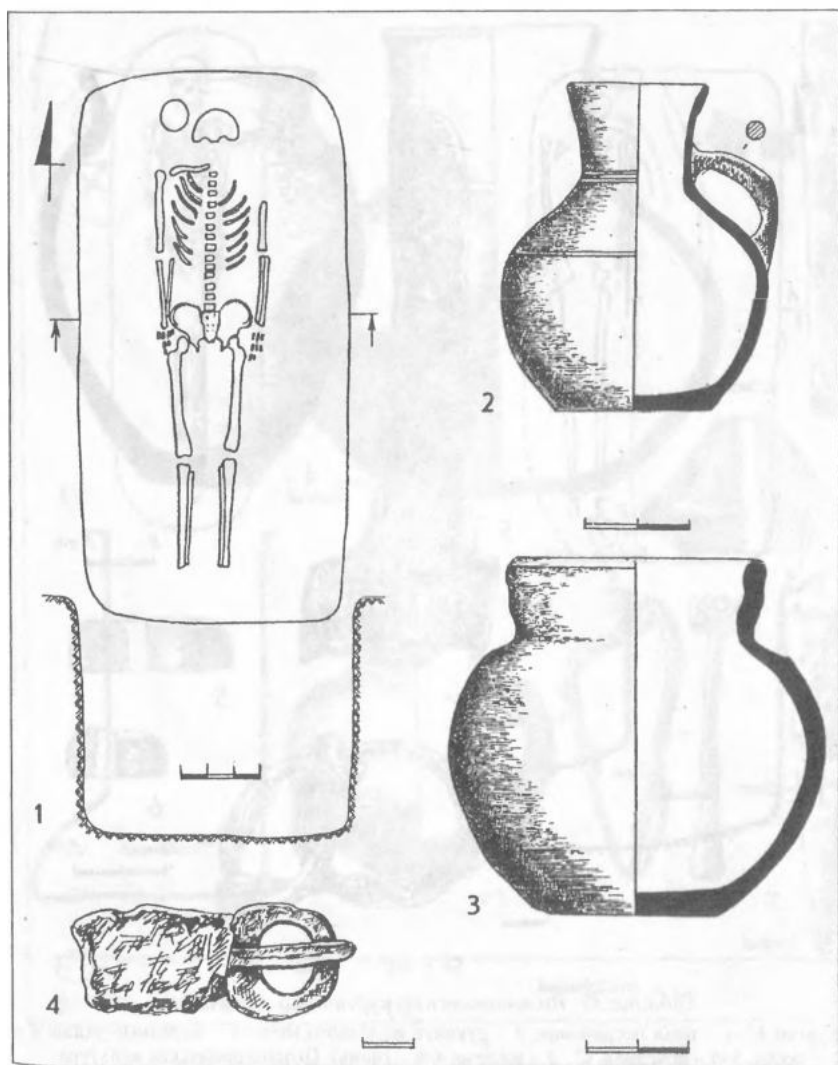

Таблица 36. Вилловатовский курганный могильник:

1 – план погребения кургана 8; 2 – кувшин из кургана 6; 3 – глиняный сосуд из погребения кургана 8; 4 – железная пряжка из кургана 14. Позднесарматская культура

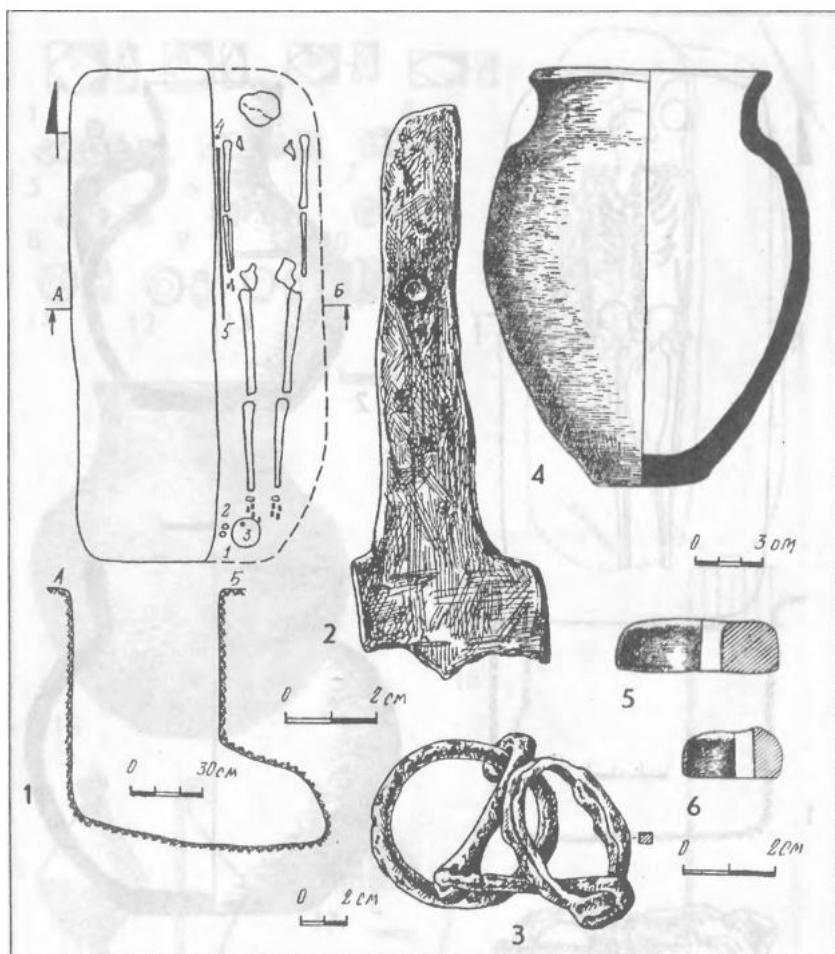

Таблица 37. Вилатовский курганный могильник.

Курган 15: 1 – план погребения; 2 – рукоять железного меча; 3 – железные удила; 4 – сосуд; 5–6 – пряслица, (2, 3 – железо; 4–6 – глина). Позднесарматская культура

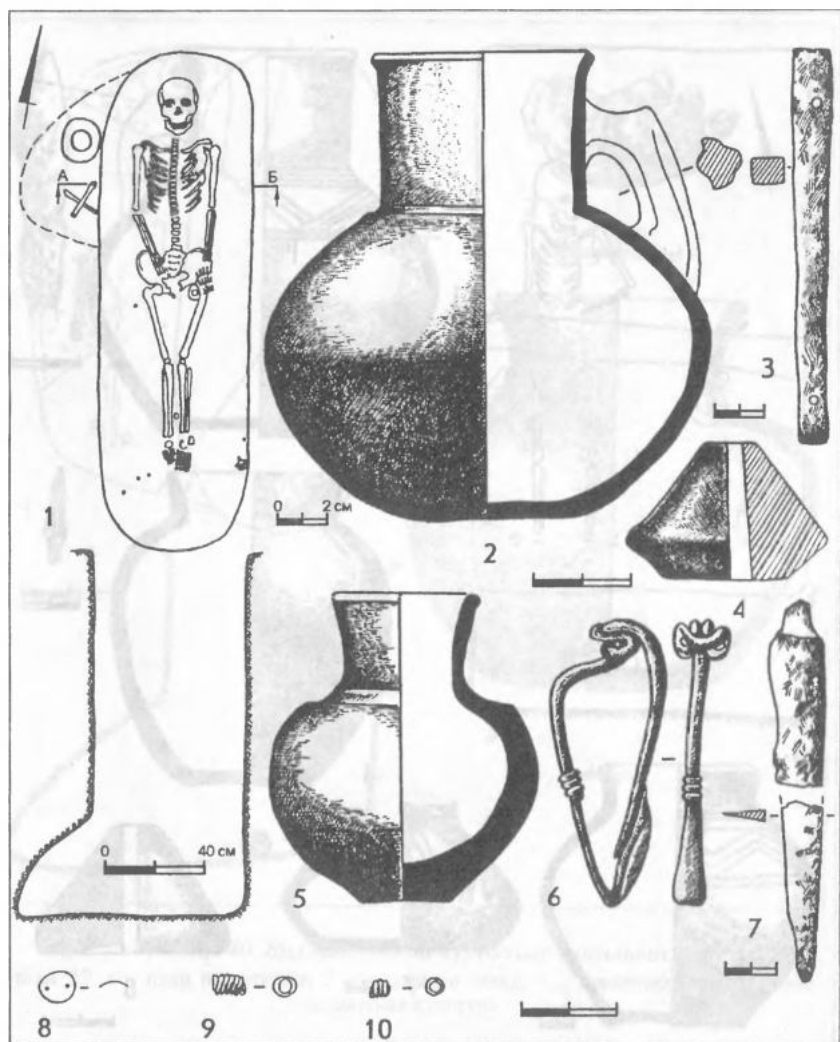

Таблица 38. Вилатовский курганный могильник.

Курган 20: 1 – план погребения; 2 – кувшин; 3 – оселок; 4 – пряслице; 5 – миниатюрный сосудик; 6 – фибула; 7 – нож; 8 – нашивная бляшка; 9–10 – пронизи (2, 4, 5 – глина; 3 – камень; 6, 8–10 – бронза; 7 – железо). Позднесарматская культура

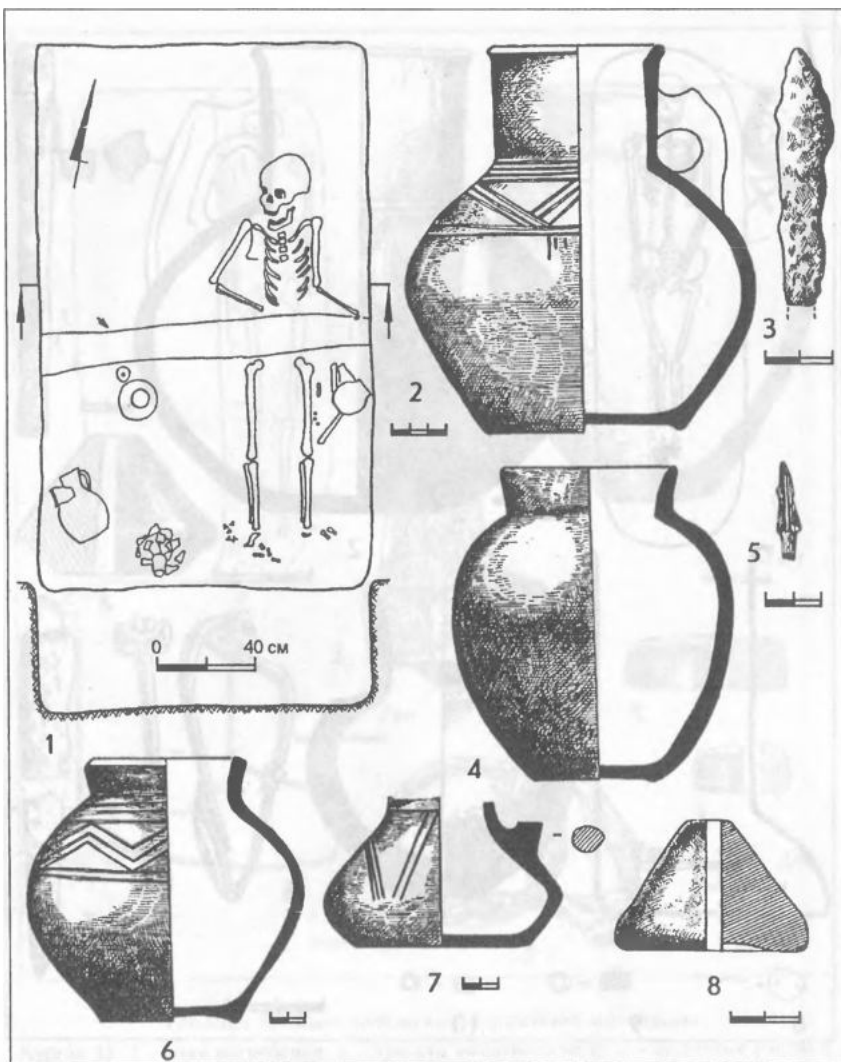

Таблица 39. Вилатовский курганный могильник.

Курган 21: 1 – план погребения; 2, 4, 6, 7 – глиняные сосуды; 3 – железный нож; 5 – железный наконечник стрелы; 8 – глиняное пряслице. Позднесарматская культура

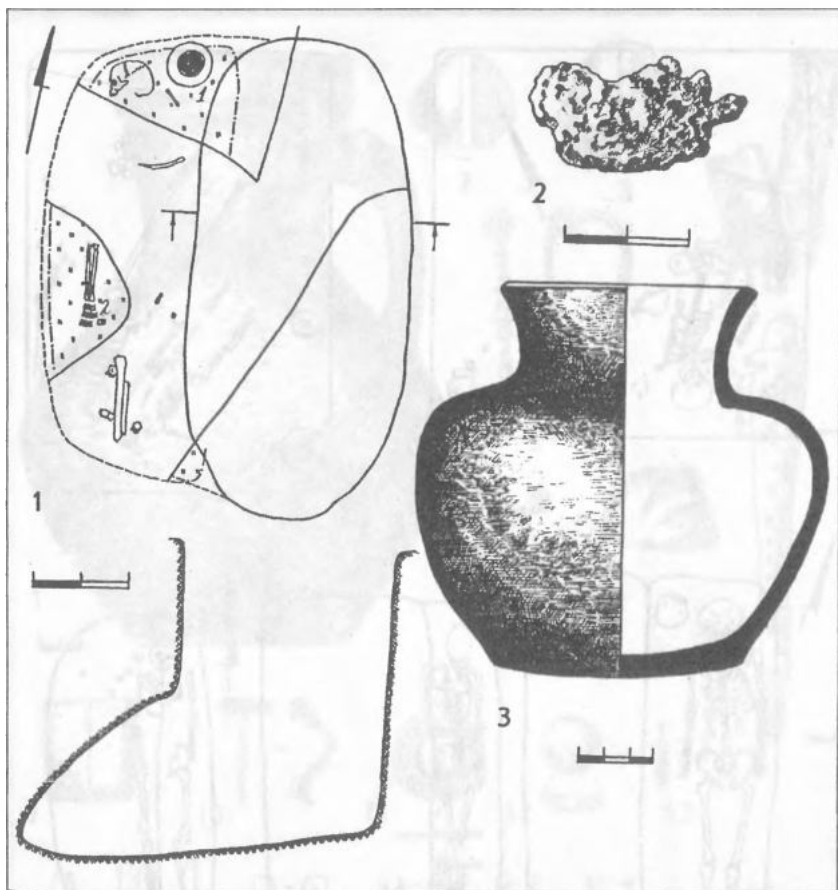

Таблица 40. Виловатовский курганный могильник.

Курган 22: 1 – план погребения; 2 – железный плак; 3 – глиняный сосуд. Позднесарматская культура

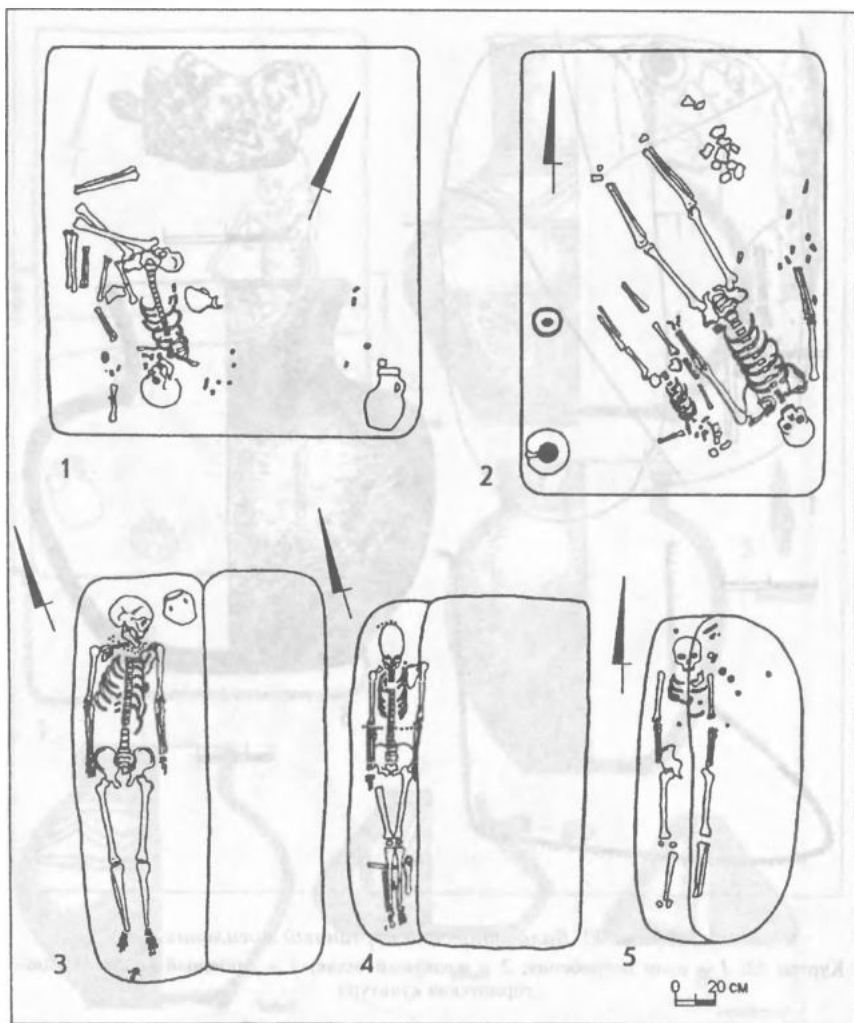

Таблица 41. Андреевский курганный могильник.

Планы погребений: 1 – курган 21; 2 – погребение 2 в кургане 9; 3 – курган 13; 4 – курган 14; 5 – курган 3. Позднесарматская культура

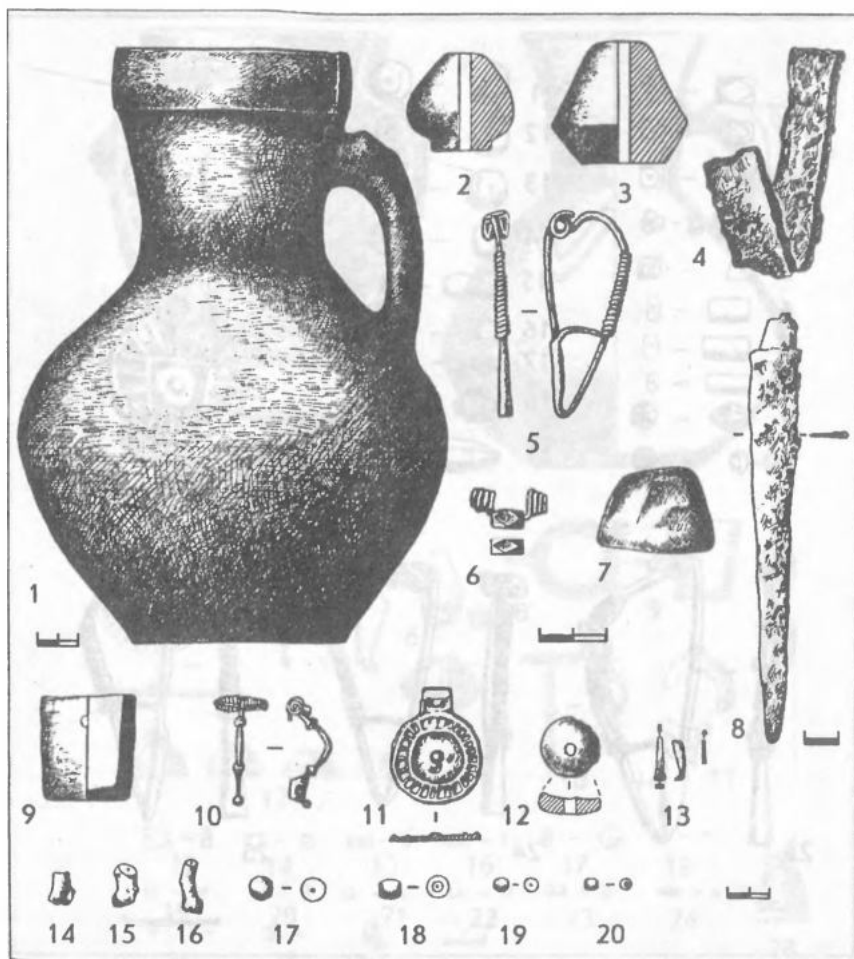

Таблица 42. Андреевский курганный могильник.

Вещи из погребений в кургане 3 (2-8) и кургане 21 (1, 9, 20): 1 - кувшин; 2-3 - пряслица; 4 - обломок ножа; 5, 10 - фибулы; 6 - бусина; 7 - кусок мела; 8 - нож; 9 - курильница; 11 - зеркальце; 12 - обломок пряслица; 13 - обломки браслета; 14-20 - пронизи и бусы. (1-3, 9 - глина; 5, 10, 13 - бронза; 6 - камень и бронза; 14-16 - коралл, 17-20 - коралл и янтарь). Позднесарматская культура

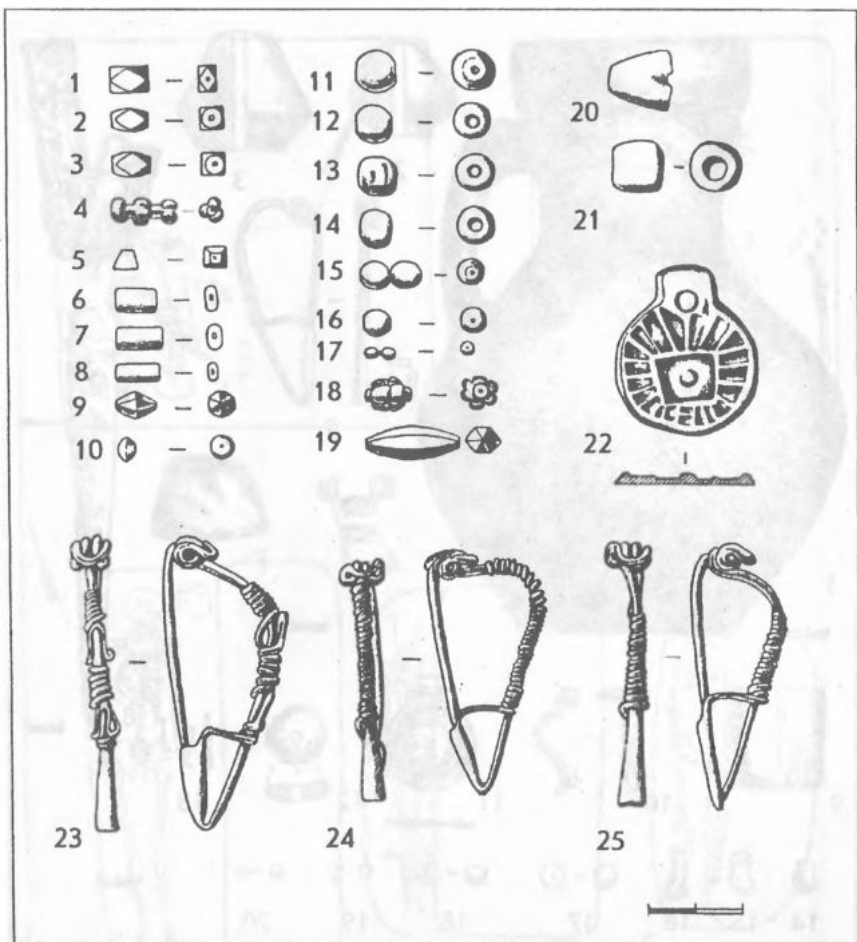

Таблица 43. Андреевский курганный могильник.

Вещи из погребения в кургане 14: 1-21 - бусы; 22 - зеркальце; 23-25 - фибулы (1 - сердолик; 2-17 - стекло; 18, 19 - египетский фаянс; 20 - камень; 21 - кость; 22 - (?); 23 - бронза). Позднесарматская культура

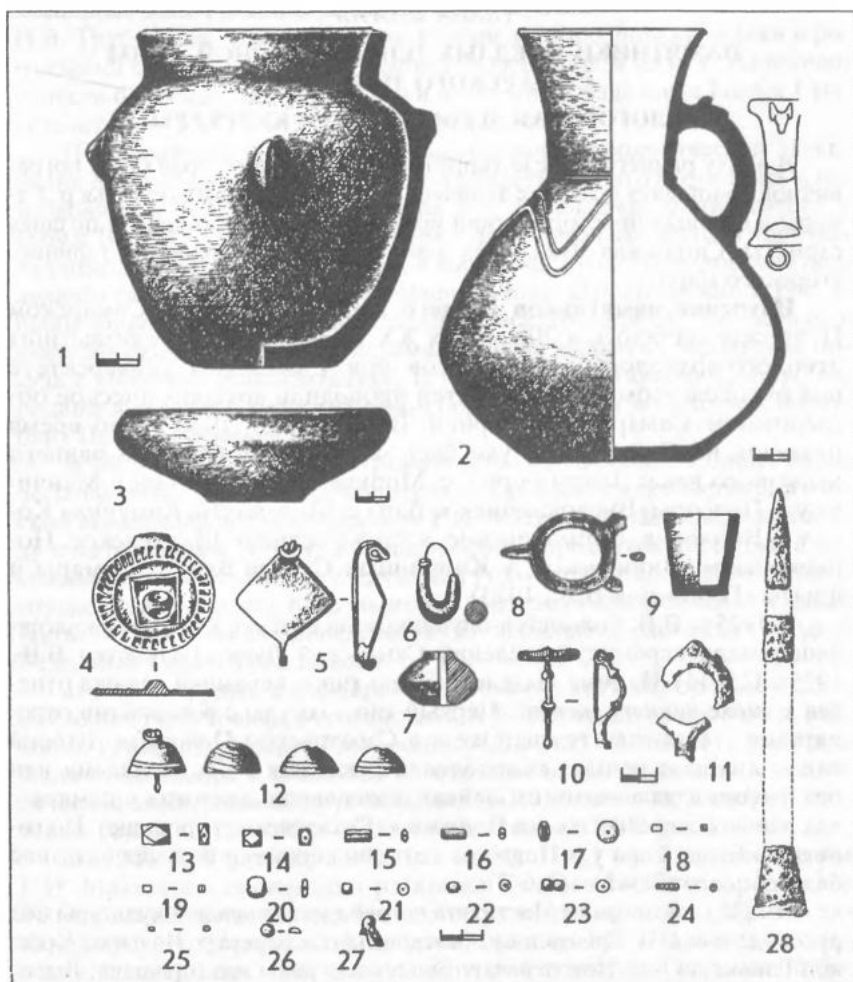

Таблица 44. Андреевский курганный могильник.

Вещи из погребения 2 кургана 9 (2, 3, 8, 9, 11, 28) и погребения в кургане 13 (1, 4-7, 12-24): 1 - сосуд; 2 - кувшин; 3 - миска; 4 - зеркальце; 5, 10 - фибулы; 6 - серьга; 7 - пряслице; 8 - пряжка; 9 - курильница; 11 - кольцо; 12 - колокольчики; 13-25 - бусы; 26-27 - бляшки; 28 - наконечник копья. (1-3, 7 - глина; 4 - белый сплав; 6, 10, 12; 27 - бронза; 8 - кость; 11, 28 - железо; 13 - сердолик; 14-17, 20-25 - стекло; 18-19 - пирит (?); 26 - серебро). Позднесарматская культура

ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛЫХ ПЛЕМЕН ЛЕСНОЙ ЗОНЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

(БЕЛОГОРСКАЯ И ГОРОДЕЦКАЯ КУЛЬТУРЫ)

В эпоху раннего железа территория Самарского края была пограничной зоной двух больших этнических массивов. К югу от устья р. Самары в степных просторах жили ираноязычные савроматы, а позднее сарматы, Самарская Лука была южной окраиной обширного финно-угорского мира.

Изучение памятников раннего железного века в Самарском Поволжье началось в 20-х годах XX в., когда слушатели высших этнолого-археологических курсов при Самарском университете под руководством В.В. Гольмстен проводили археологическое обследование Самарской губернии. В 1922–1923, 1930 гг. во время разведок на Самарской Луке был выявлен ряд городищ раннего железного века: Лысая Гора у с. Моркваша, Белая Гора и Манчиха у с. Подгоры, Вислокаменское близ с. Шелехметь, Каменная Коза у с. Винновка, Кармалинское, а также селища: Ширяевское, Новинковское, Винновское, у Кирпичных Сараев близ г. Самары и другие (Гольмстен В.В., 1923).

В 1925 г. В.В. Гольмстен опубликовала статью, в которой классифицировала керамику поселений Самарской Луки (Гольмстен В.В., 1925а. С.5–14). Из семи выделенных ею типов керамики два она отнесла к эпохе раннего железа. Первый тип – сосуды с рогожными отпечатками – был известен на Оке и в Саратовском Поволжье. Второй тип – сосуды с примесью дробленой раковины с треугольными или овальными вдавлениями на шейках, находившие аналогии в памятниках раннего железного века Прикамья (Сухаревское городище). По городищу Белая Гора у с. Подгоры этот тип керамики получил название *белогорского* (Там же. С. 6–7).

В 1936 г. экспедиция Института истории материальной культуры под руководством Г.П. Гроздилова обследовала оба берега р. Волги от Красной Глинки до пос. Новодевичье. Были осмотрены два городища: Лысая Гора у с. Моркваша (ныне г. Жигулевск) и Молодецкий курган. На Лысой горе был заложен шурф, в котором найден фрагмент сосуда с сетчатым орнаментом и железная шпилька, на утолщенном конце которой имелись закрученные в спираль волюты (Гроздилов Г.П., 1941б. С. 147).

В 1938 г. Куйбышевская археологическая экспедиция ИИМК под руководством А.П. Смирнова обследовала Царев Курган, где среди материалов разных эпох были обнаружены фрагменты сосудов с примесью дробленой раковины и известняковой крошки с орнаментом в виде треугольных вдавлений (Збруева А.В., Смирнов А.П., 1947). Были осмотрены также городища Белая Гора и Манчиха у с. Подгоры. В 1952–1954 гг. разведочный отряд Куйбышевской археологической экспедиции ИИМК под руководством Н.В. Трубниковой произвел обследование нескольких поселений раннего железного века на Самарской Луке. На городище Задельная Гора у с. Жигули были проведены реког-

носцировочные раскопки и обнаружена керамика белогорского типа. Н.В. Трубникова, ссылаясь на отсутствие на городище керамики с рогожными отпечатками, датированной I тысячелетием до н. э., ошибочно отнесла белогорский тип керамики и городище Задельная Гора к I тысячелетию н. э. (Трубникова Н.В., 1960. С. 123).

После завершения работ Куйбышевской археологической экспедиции исследования в Куйбышевской области надолго прервались и возобновились лишь после открытия в г. Куйбышеве университета в 1969 г. В 1970 г. Средневожская археологическая экспедиция произвела раскопки городищ Лысая гора и Каменная Коза. Исследование последнего было продолжено в следующем году. Одновременно в 1971 г. были произведены раскопки Малорязанского селища, где наряду с именковской и болгарской керамикой была выявлена городецкая посуда с рогожной орнаментацией. В 1969 г. было открыто Коптево городище в черте г. Самары на левом берегу р. Волги, в Сокольных Горах, близ Пещеры Братьев Греев.

В 1973 г. краевед Е.Ф. Гурьянов посетил городище Лбище, после чего памятник был обследован отрядом Средневожской археологической экспедиции под руководством Г.И. Матвеевой. На городище наряду с материалами IV в. н. э. была собрана городецкая керамика с рогожными отпечатками. В следующем году было обследовано селище городецкой культуры близ ныне не существующего поселка Новый Путь. В 1974 г. были проведены также небольшие раскопки городищ Задельная Гора и Торновского.

В 1981 г. группа членов археологического кружка городской станции юных туристов под руководством А.В. Расторопова произвела раскопки городища Лбища (Расторопов А.В., 1985. С.100–111), которые были продолжены в 1982–1984 гг. отрядом Средневожской археологической экспедиции под руководством Г.И. Матвеевой. За четыре полевых сезона на городище было вскрыто свыше 3600 кв. м.

В 1984–1987, 1990, 1991 гг. отряд САЭ под руководством Г.И. Матвеевой производил раскопки Старомайнского городища в Ульяновской области, где была обнаружена керамика с примесью раковины и известняковой крошки, орнаментированная треугольными вдавлениями. Она имеет некоторое сходство с керамикой белогорского типа.

Этими, в общем незначительными по масштабам работами, исчерпываются исследования памятников раннего железного века в Самарском Поволжье и на сопредельной с ним территории Ульяновской области. Совершенно очевидно, что ранний железный век – наименее исследованная эпоха в южной части Среднего Поволжья. Некоторые итоги исследований памятников раннего железного века подведены в ряде работ Г.И. Матвеевой (Матвеева Г.И., 1980. С. 93–104) и в книге И.Б. Васильева и Г.И. Матвеевой “У истоков истории Самарского Поволжья” (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. С. 104–113).

1. Белогорский вариант ананьинской культуры

Еще В.В. Гольмстен были выделены два типа керамики, бытовавшие в Самарском Поволжье в эпоху раннего железа: *городецкий* с рогожными отпечатками на внешней поверхности сосудов и *белогорский*, названный так по городищу Белая Гора у с. Подгоры, представленный сосудами с треугольными вдавлениями на шейках (Гольмстен В.В., 1923). В.В. Гольмстен ошибочно считала более ранним городецкий тип, дальнейшие исследования позволили определить более раннюю дату существования белогорского типа. Имеются городища, где каждый из названных типов представлен в отдельности, но иногда оба типа присутствуют на одних и тех же поселениях, что свидетельствует о функционировании этих поселений в период существования белогорских, а затем городецких племен. Поселения белогорского типа сосредоточены на Самарской Луке и на левом берегу р. Волги, в окрестностях г. Самары.

Белогорская керамика представлена на 10 городищах: Белая Гора, Лысая Гора, Манчиха, Задельная Гора, Висло-Каменское, Сосново-Солонецкое, Усинский курган, Каменная Коза, Коптево, Царев Курган, а также на Новинковском, Ширяевском и Валовском селищах.

Укрепленные поселения-городища составляют наиболее многочисленную категорию белогорских памятников. Все они невелики по площади — от 900 до 3600 кв. м и располагаются на высоких прибрежных мысах или горах с крутыми склонами. За исключением труднодоступного со всех сторон Царева Кургана все городища защищены валами и рвами. Городище Лысая Гора имеет три вала, Задельная Гора — два; все остальные — по одному. Валы, как правило, невысокие, сильно оплывшие. Высокий (4 м из рва) кокошничкообразный вал городища Каменная Коза составляет исключение. Вероятно, он был насыпан в I тысячелетии н. э. племенами именьковской культуры. Почти все городища заселялись неоднократно, так как на них встречаются наряду с белогорским и другие типы керамики: городецкий, именьковский и др.

Керамика белогорского типа на всех названных памятниках очень однородна. Сосуды сформованы из глины с примесью дробленой раковины или известняковой крошки. Они имели цилиндрическую или раструбообразную расширенную кверху шейку, резко переходящую в круглодонное реповидное или сферическое тулово (табл. 2). Края венчиков разнообразны: плоские, скошенные внутрь, округлые с утолщением и без утолщения, заостренные. Орнамент располагается на шейках и состоит из двух-трех рядов вдавлений треугольной (табл. 2, 16), овальной (табл. 2, 18) или круглой (табл. 2, 6) формы. У одного сосуда с Царева Кургана кроме вдавлений на шейке был орнамент из рядов мелких круглых вдавлений, расположенных в виде треугольника на плечиках (табл. 2, 15). Цвет сосудов желтый или серый. Внешняя поверхность сосудов была заглажена мягким предметом, внутренняя обработана также мягким предметом или зубчатым штампом.

Близкий к белогорскому тип керамики представлен на Старомайном городище в Ульяновской области. Сосуды имеют отогну-

тые наружу (табл. 3, 1, 2) или прямые цилиндрические шейки (табл. 3, 6). Края венчиков округлые или плоские. Переход к тулову плавный. Сосуды округлобокие круглодонные. Их поверхности обрабатывались внутри и снаружи зубчатым штампом. Внешняя поверхность иногда после этого заглаживалась мягким предметом. Орнамент, состоящий из насечек, располагался на венчиках. На шейках и плечиках сосудов обычно располагались треугольные вдавления. Сосуды содержали примесь мелкого шамота, органики и песка. Изредка встречается примесь толченой раковины. Керамика, близкая к белогорской, представлена на городищах южной части Татарстана: Антоновском, Маклашеевском и других (Ишмуратова Г.Р., 1975). Отдаленные аналогии вышеописанным типам керамики можно найти в памятниках ананьинской, кара-абызской, пьяноборской культур, что было отмечено еще В.В. Гольмстен (Гольмстен В.В., 1925. С. 7). Кроме фрагментов сосудов, на городищах встречаются глиняные пряслица (табл. 2, 4) и воронкообразные предметы неизвестного назначения (табл. 2, 2). На городище Задельная Гора найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (табл. 2, 3).

На городищах встречаются кости животных. На Задельной Горе 62,6% составляли кости лошади, 14,5% – кости крупного рогатого скота, 12,8% – кости свиньи, 7,7% – мелкого рогатого скота. Как у многих других лесных оседлых племен раннего железного века, у белогорцев лошадь была самым распространенным животным. Это объясняется тем, что она могла добывать себе корм из-под снега. Лошадь использовалась как тягловая сила, а мясо ее употреблялось в пищу. Важную роль играли крупный рогатый скот и свиньи. Наряду со скотоводством развивалось земледелие. Большое значение имела охота на лосей, кабанов и пушного зверя. 2,4% найденных на городище костей принадлежат диким животным: лосю 1,8%, лисе 0,6%. Другим важным занятием обитателей городищ, судя по находкам костей рыб, было рыболовство. Никаких следов металлургического производства пока не найдено.

Могилиники белогорских племен на территории Самарского Поволжья неизвестны. В Ульяновской области, на левом берегу р. Утки, близ д. Зеленковка Старомайнского района А.В. Збруевой в 1950 г. был исследован Гулькинский могильник. В одном из его погребений был найден круглодонный сосуд с треугольными вдавлениями на шейке, близкий к керамике белогорского типа. Всего в могильнике было исследовано десять погребений, в восьми из них погребенные лежали ногами к реке, как это было принято у племен ананьинской культуры. Вместе с ними найдены вещи: втульчатый топор-кельт, височные подвески, головной венчик, изготовленный из бронзового листа, проноски и бляшки. Все эти вещи находят аналогии в памятниках ананьинской культуры, поэтому Гулькинский могильник А.В. Збруева считала самым южным памятником ананьинской культуры и датировала его VII в. до н. э. на основании находки бронзового двухлопастного наконечника стрелы (Збруева А.В., 1954. С. 253).

Приведенные выше аналогии позволяют включить поселения с бе-

логорской керамикой в круг памятников ананьинской культуры в качестве ее южного варианта.

Исторические судьбы носителей белогорского варианта ананьинской культуры не вполне ясны, однако исследования, проводившиеся на территории Татарстана и Ульяновской области, свидетельствуют о том, что ананьинское население покинуло Среднее Поволжье не позднее рубежа VI и V вв. до н. э. А.Х. Халиков предполагал, что его уход был вызван землетрясением 492 года (Халиков А.Х., 1992). Однако более вероятной представляется гипотеза В. Н. Маркова, согласно которой причиной миграции ананьинских племен была опасность все более учащающихся набегов южных соседей – кочевников-савроматов (Марков В.Н., 1994. С. 80). Скорее всего, белогорцы ушли на северо-восток в Прикамье, где позднее приняли участие в формировании *пьяноборской культуры*. Не случайно В.В. Гольмстен отмечала близость белогорской керамики к пьяноборской (Гольмстен В.В., 1925). Особенно значительно сходство белогорской посуды с керамикой пьяноборских поселений низовьев р. Ик, где преобладает орнамент в виде треугольных вдавлений.

2. Городецкая культура

Не позднее IV в. до н. э. в Среднее и Нижнее Поволжье продвинулись с запада племена городецкой культуры, которая сформировалась в начале раннего железного века в бассейне р. Оки.

Изучение памятников городецкой культуры. Городецкая культура была выделена В.А. Городцовым, исследовавшим в 1898 г. городище у с. Городец Спасского уезда Рязанской губернии. В последующие годы В.А. Городцов обследовал в рязанском течении р. Оки ряд городищ этой культуры. На всех городецких поселениях встречалась керамика с орнаментом, напоминающим отпечатки рогожи, а также изделия из кости и камня. Находки металлических предметов крайне редки (Городцов В.А., 1898; 1901).

В дальнейшем городецкие городища были открыты на территории Нижнего Поволжья. Их исследовали члены Саратовской ученой архивной комиссии Б.В. Зайковский (Зайковский Б.В., 1913), А.А. Кротков (Кротков А.А., 1912. С. 157–166), С.Н. Щеглов. М.А. Радищев в 1914 г. опубликовал результаты исследования городищ окрестностей г. Хвалынска (Радищев М.А., 1914. С. 159–171).

А.А. Спицын отнес городища с рогожной керамикой к *памятникам дьякова типа*. Он считал их жертвенными местами (Спицын А.А., 1912).

В 20-х годах городецкие городища Самарской Луки обследовались В.В. Гольмстен (Гольмстен В.В., 1925). В 1920 г. П.П. Ефименко исследовал городище Вышгород под Рязанью, где он выделил два слоя, разделенных стерильной прослойкой: ранний собственно городецкий с рогожной керамикой и поздний, в котором обнаружены вещи, идентичные находимым в рязанских могильниках. По мнению П.П. Ефименко, существовал хронологический разрыв между собственно горо-

децкой культурой и культурой рязанских могильников, представленной в верхнем слое рязанских городищ (Ефименко П.П., 1937. С. 39–56).

Позднее, в 50–60-х годах изучением городецкой культуры занимались А.П. Смирнов и Н.В. Трубникова, которым принадлежат обобщающие работы (Трубникова Н.В., 1953; Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965).

В 70-х годах памятники городецкой культуры исследовали В.Г. Миронов, В.И. Ледяйкин, В.А. Калмыкова.

Несмотря на столетнюю историю изучения этой культуры, связанные с ней проблемы далеки от своего разрешения. Например, не решены вопросы *происхождения, хронологии городецкой культуры и дальнейших исторических судеб ее носителей.*

После переселения в Поволжье городецкие племена обосновались на Самарской Луке, в окрестностях г. Хвалынска и в других районах Саратовской области.

Приход городецкого населения повлек за собой большие изменения на Самарской Луке. На некоторых оставленных белогорцами городищах жизнь не возобновилась (Лысая Гора, Манчиха, Задельная Гора). На других поселились пришельцы (Каменная Коза). Они также основали ряд новых городищ (Лбище, Переволоцкое, Торновское). Возникли и новые селища (у поселка Новый Путь, Винновское, Новинковское и др.). Небольшие группы городецкого населения переселились на левый берег Волги, об этом свидетельствуют находки отдельных фрагментов городецких сосудов на р. Самаре (поселение Кирпичные Сарай в г. Самаре, дюны р. Самары в Борском и Богатовском районах).

Характеристика памятников городецкой культуры. Городища располагаются на высоких мысах и стрелках между оврагами. Их площадь невелика: 1–2 тыс. кв. м. Среди них своими размерами выделяется городище Лбище, площадь которого достигает 7 га. Городища защищены валами и рвами, но, возможно, на некоторых из них укрепления были сооружены более поздними обитателями, например, на городище Каменная Коза – племенами именьковской культуры. Селища располагаются на высоких надпойменных террасах р. Волги.

Жилища на городецких поселениях Самарского края не найдены, но выявлены каменные площадки – жертвенники на городищах Каменная Коза и Лбище. Причем на первом городище площадка была выложена людьми, а на городище Лбище в качестве жертвенника были использованы естественные выходы песчаника. Камни площадок носят следы огня. В восточной части Лбищенского жертвенника обнаружено большое кострище.

Основную массу находок на поселениях составляли фрагменты плоскодонных сосудов в виде слабо профилированных горшков и банок, сформированных из глины с примесью дробленого камня, в частности, красного железняка. Венчики сосудов плоские, имеющие небольшой наплыв с внутренней или внешней стороны, а иногда с обеих сторон. Внутренняя поверхность сосудов заглажена мягким предметом,

внешняя покрыта отпечатками рогожного штампа (табл. 4, 3–6) или сетки (табл. 4, 7). Цвет сосудов желтый, серый или красноватый.

Встречаются пряслица цилиндрической и реповидной формы. На Вислокаменском городище найдено пряслице, изготовленное из фрагмента сосуда с рогожным орнаментом.

Железные изделия встречаются крайне редко. Это ножи и шилья. На Хвалынских городищах встречены шлаки и крицы.

Основные отрасли хозяйства: скотоводство, земледелие, охота и рыболовство. Кости домашних животных на городецких поселениях Самарской Луки составляют не менее 75% всех найденных костей. Разводили лошадей, крупный рогатый скот и свиней. Охотились на лосей, медведей, бобров, лисицу, куницу, зайца, белку. Встречаются кости рыб.

А.П. Смирнов и Н.В. Трубникова *датировали* городецкую культуру с VIII–VII вв. до н. э. по V в. н. э. (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. С. 5). Если нижняя дата не вызывает возражений, то верхняя должна быть пересмотрена. Основным диагностирующим признаком городецкой культуры является керамика с отпечатками рогожного штампа. Эта керамика исчезает на всей территории распространения городецкой культуры не позднее чем в середине – второй половине I в. н. э. На смену ей появляются сосуды горшковидной и мискообразной формы, не имеющие орнамента, за исключением насечек на венчике. Наряду с преобладающими грубыми сосудами появляются немногочисленные миски, поверхность которых покрыта лощением. Эта керамика имеет сходство с посудой, которую археологи относят к *позднезарубинецкой* культуре (Обломский А.М., 1991; Щукин М.Б., 1986). Появление подобной керамики можно объяснить расселением позднезарубинецкого населения на всей территории городецкой культуры в середине или второй половине I в. н. э.

Уже сам факт исчезновения керамики с “рогожным” орнаментом можно считать показателем прекращения существования городецкой культуры. К этому следует добавить, что исследователи, занимавшиеся изучением этой культуры, отмечают с I в. н. э. ее резкое изменение, в частности появление новых типов украшений, широкое распространение железных изделий, появление грунтовых могильников с обрядом *ингумации* (Ледяйкин В.И., 1975). Таким образом, верхней хронологической границей городецкой культуры следует считать вторую половину I в. н. э.

На Самарской Луке городецкие племена появились не ранее IV в. до н. э. Как и повсеместно, культура прекратила здесь свое существование в I в. н. э.

Исторические судьбы населения в северной и южной частях ареала городецкой культуры были разными. В северной части его, на территории современных Мордовии, Рязанской и Пензенской областей вскоре после прихода позднезарубинецкого населения в конце II в. появились племена пьяноборской и кара-абызской культур, продвинувшиеся с востока, из Прикамья и Южного Приуралья. В результате интеграции городецких, позднезарубинецких и пьяноборско-кара-абыз-

ских племен сложилась *древнемордовская* культура. От пьяноборской она унаследовала обряд трупоположения в больших грунтовых могильниках с рядовым расположением могил, целый ряд металлических женских украшений и язык. В керамике сохраняются некоторые позднезарубинецкие традиции. Культура, близкая к древнемордовской, сложилась и на территории Чувашии, где "городецкие племена с "рогожной" керамикой никогда не жили" (Трубникова Н.В., 1964. С. 117–156).

Иначе сложились судьбы городецких племен в южной части городецкого ареала, на территории современных Тамбовской, Саратовской и Самарской областей. Здесь превалирующую роль играли позднезарубинецкие племена, а пьяноборско-кара-абызское население в эти районы не проникало. А.А. Хреков исследовал в Тамбовской области, в Прихоперье позднезарубинецкое поселение Шапкино II (Хреков А.А., 1995) и в Саратовской области Инясевский могильник с обрядом кремации (Хреков А.А., 1991), очень близкий по обряду к позднезарубинецким. Результаты этих исследований заставляют усомниться в правомерности распространенного мнения о финно-угорской принадлежности городецкой культуры. Если бы городецкие племена были финно-уграми, то на всей территории их обитания сложилась бы единая финно-угорская мордовская культура, однако, она возникла лишь там, куда проникли пьяноборские или кара-абызские племена. Уместно вспомнить, что лингвист Б.А. Серебренников ставил под сомнение финно-угорскую принадлежность языка племен дяковской культуры, родственной с городецкой. Он считал, что язык дяковского населения принадлежал к какой-то древнеевропейской семье языков, не дошедшей до нашего времени (Серебренников Б.А., 1955). Не исключена балтская принадлежность племен городецкой и дяковской культур. Возможно, этим объясняется наличие слов балтского происхождения в мордовском и марийском языках.

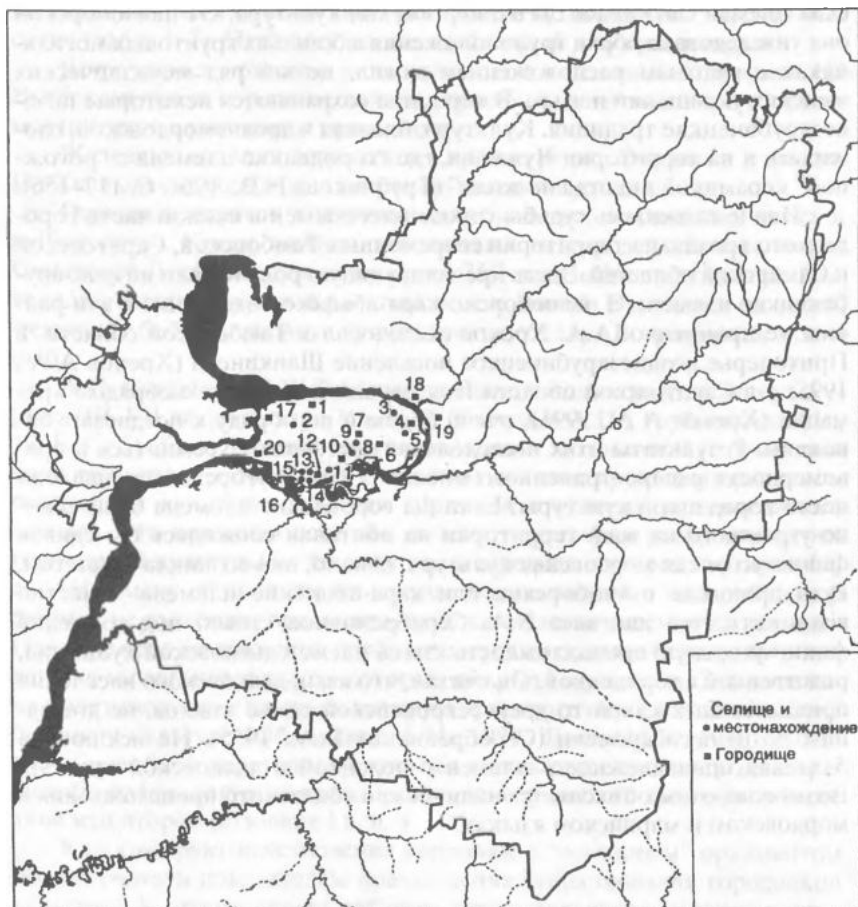

Таблица 1. Карта памятников оседлых племен лесной полосы Самарского Поволжья I тысячелетия н.э.

1 – Лысая Гора; 2 – Валы I; 3 – Полова Гора; 4 – Белая Гора; 5 – Манчиха; 6 – Торное I; 7 – Торное II; 8 – Новинковское IV; 9 – Новинковское VI; 10 – Вислый Камень; 11 – Винновское VI; 12 – Каменная Коза; 13 – Винновское; 14 – Лбище; 15 – Новый Путь IV; 16 – Севрюкаевское; 17 – Задельная Гора; 18 – Царев Курган; 19 – Коптево; 20 – Переволоки

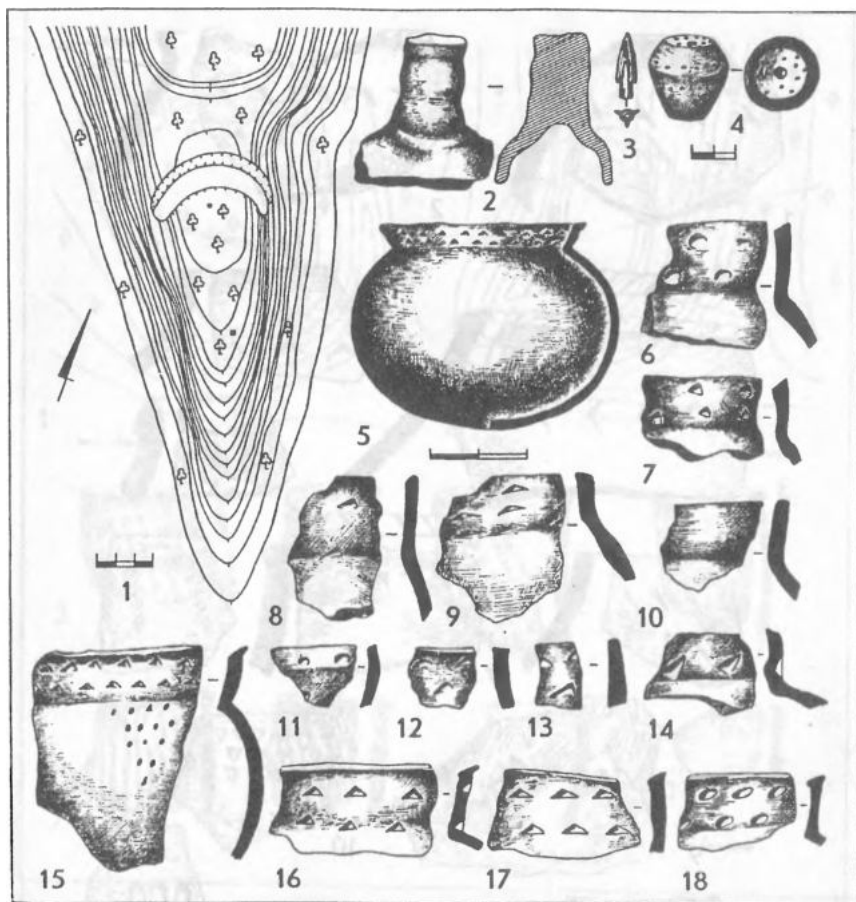

Таблица 2. План городища Белая Гора и находки с городищ белогорского варианта ананьинской культуры.

1 – план городища Белая Гора; 2 – глиняное изделие; 3 – наконечник стрелы; 4 – пряслице; 5 – реконструкция сосуда; 16–18 – фрагменты сосудов.

2–14 – с городища Задельная Гора; 15 – с городища Царев Курган; 16–18 – с городища Лысая Гора

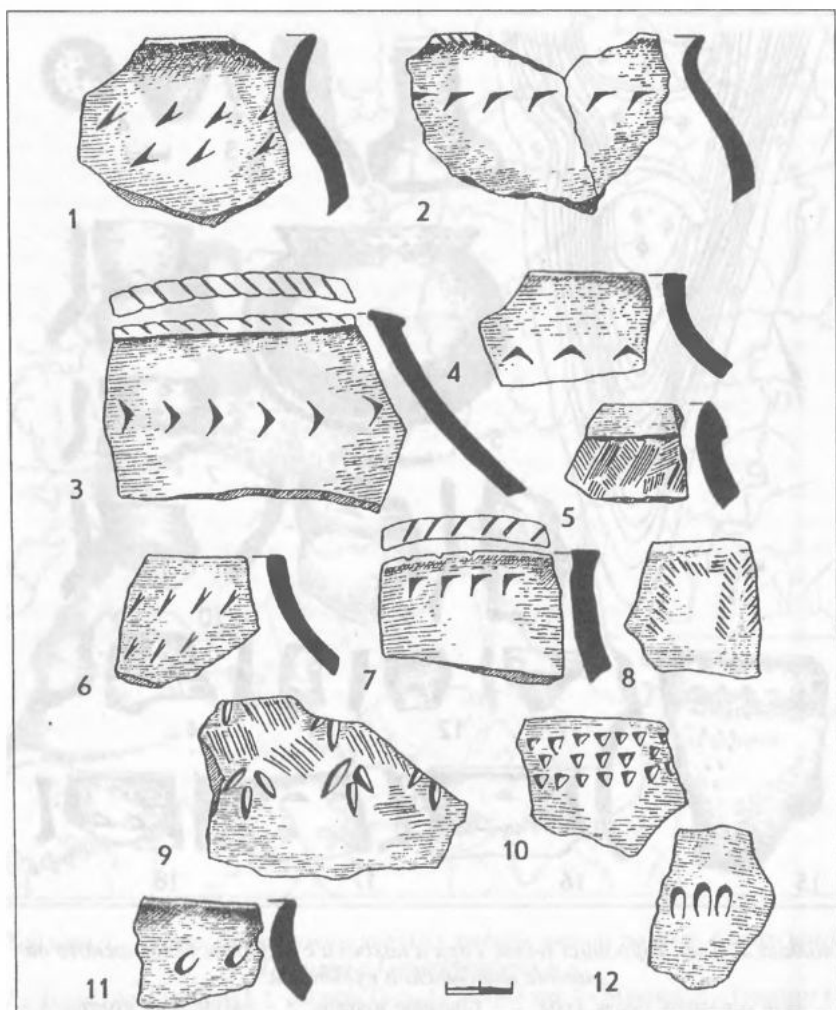

Таблица 3. Фрагменты сосудов раннего железного века со Старомайнского городища

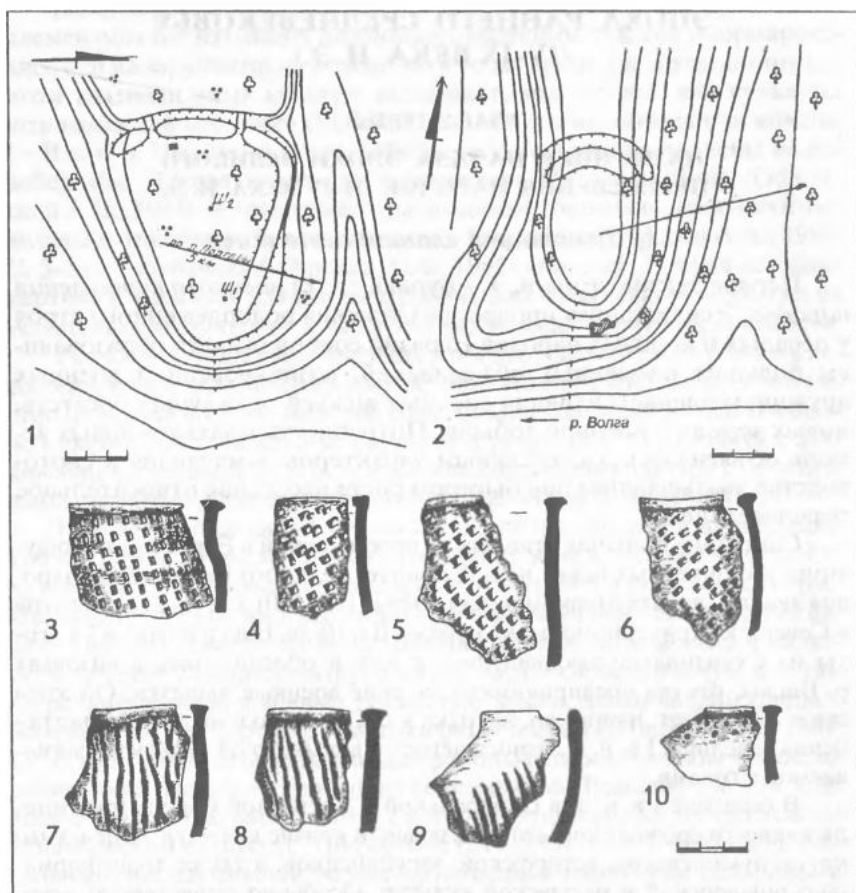

Таблица 4. Планы городищ и керамика городецкой культуры.
1 – Торновое; 2 – Каменная Коза; 3–10 – керамика с городища Каменная Коза

ЭПОХА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (IV–IX ВЕКА Н. Э.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПАМЯТНИКИ НАЧАЛА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (II–IV ВЕКА Н. Э.)

1. Памятники славянского типа

Первое тысячелетие н. э. – бурная эпоха великого переселения народов. Усилившийся процесс разложения родоплеменного строя у оседлых и кочевых народов Евразии сопровождался образованием больших племенных объединений, возникновением военных дружин, усилением влияния военных вождей, жаждущих богатств, новых земель и военной добычи. Потребность в захвате новых земель объяснялась экстенсивным характером земледелия и скотоводства, вызывавшим при быстром росте населения относительное перенаселение.

Симптомы больших этнических перемещений в Европе стали ощутимы уже в первых веках н. э. Прологом великого переселения народов явилась первая Маркоманская война (166–180) и переселение готов в Северное Причерноморье на рубеже II и III вв. Еще раньше, в I в., готы из Скандинавии продвинулись к югу и обосновались в низовьях р. Вислы, откуда предпринимали далекие военные вылазки. Об этом свидетельствует, например, находка у с. Пересыпки на р. Сейм погребения середины I в. н. э., относящегося к вельбарской культуре, связываемой с готами.

В середине I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе произошли какие-то грозные события, вызвавшие кризис культур *латенского круга*: лукашешской, ясторфской, зарубинецкой, а также трансформацию пшеворской и оксывской культур. Особенно существенно этнокультурная ситуация изменилась в Среднем Поднепровье и в Припятском Полесье: произошел распад зарубинецкой культуры. Зарубинецкие племена покинули Полесье не позднее середины I в. н. э., об этом свидетельствует внезапное исчезновение их памятников в этом регионе. В Среднем Поднепровье в это же время прекратили функционировать все зарубинецкие могильники и многие поселения. Начинается массовая миграция населения из вышеупомянутых районов в разных направлениях: до Южного и Западного Буга – на юго-западе и до Среднего и Нижнего Поволжья на востоке. Изменяется топография поселений – появляются селища на низких террасах и в поймах (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. С. 9).

Причины распада зарубинецкой культуры до настоящего времени окончательно не выяснены. Одни исследователи видят их в продвижении сарматов в области Среднего Поднепровья и Поднестровья (Шукин М.Б., 1994. С. 232), другие полагают, что распад вызван какими-то климатическими катаклизмами (подъем грунтовых вод, выщелачивание земли и т. д.) (Обломский А.М., Терпиловский А.М., Петраускас О.В., 1990).

Памятники расселившихся в разных направлениях зарубинецких племен обычно называют *поздnezарубинецкими*, так как сформировались они на зарубинецкой основе, но в то же время в них всегда ощущаются традиции иных культур: юхновской, пшеворской или культуры штрихованной керамики (Шукин М.Б., 1986). Они датируются концом I – II в. н. э. По мнению А.М. Обломского, они распространены на левобережье Днепра вплоть до водораздела Днепра и Дона (Обломский А.В., 1994). В последние годы поздnezарубинецкие памятники выявлены в бассейне р. Хопра в пределах Тамбовской (Хреков А.А., 1995. С. 3–5) и Саратовской (Хреков А.А., 1991) областей. Черная лощеная керамика, типичная для поздnezарубинецких памятников, выявлена на Алексеевском городище и на других памятниках Саратовской области.

Расселение поздnezарубинецких племен происходило не только в лесостепи, но и в южной части лесной зоны. На Верхней Оке вместе с местным балтским населением они создали мощинскую культуру. В западной части Волго-Окского междуречья в результате их контакта с дьяковским населением в I в. н. э. возникла смешанная культура с отчетливыми постзарубинецкими элементами (Третьяков П.Н., 1966. С. 23).

Поздnezарубинецкие племена проникли и на территорию городецкой культуры. Повсеместно на памятниках этой культуры в конце I в. н. э. исчезает керамика с рогожными отпечатками и появляются горшковидные и мискообразные сосуды, не имеющие орнамента, кроме насечек на венчиках. В западных районах городецкого ареала в рязанском течении Оки поздnezарубинецкие черты особенно ощутимы: там встречаются чернолощенные ребристые миски, диски-лепешечницы с бортиками и без бортиков, миниатюрные сосуды (Монгайт А.Л., 1961. С. 50, 63). Самые северо-восточные районы распространения поздnezарубинецких племен – территория современной Чувашии, где они контактировали с продвинувшимся с востока финно-угорским населением пьяноборской культуры (Трубникова Н.В., 1964. С. 117–155). А.М. Обломский, исследовавший поздnezарубинецкие памятники водораздела Днепра и Дона отметил, что в их формировании принимали участие *пшеворские племена*. Исследователь приходит к выводу, что в латенский и раннеримский периоды на востоке Днепровского левобережья по крайней мере два раза (во II–I вв. до н. э. и в I–II вв. н. э.) появлялись группы населения из Центральной Европы, хотя считает, что эти группы были невелики по численности (Обломский А.В., 1994. С. 163–164). Пшеворское влияние ощущается в материалах поселения Шапкино II в Тамбовской области (высокие островерхие миски с прочерченным орнаментом в виде свастик и ромбов) (Хреков А.А., 1995. Рис. 6, 1). Достаточно ярко пшеворские черты проявляются в памятниках *славкинского типа*, выявленных на левобережье Волги в Сергиевском и Челно-Вершинском районах Самарской области и получивших название по единственному исследованному селищу у с. Славкино Сергиевского района Самарской области.

Исследование памятников славкинского типа по-существу только начинается. Впервые они были выявлены в 1977 г. разведочным отрядом экспедиции Куйбышевского пединститута под руководством

Ю.Э. Петрова в Сергиевском районе Самарской области. В том же году производились раскопки поселения Славкино II отрядом экспедиции Куйбышевского педагогического института под руководством С.А. Агапова и В.И. Пестриковой. В следующем году работы были продолжены отрядом экспедиции Куйбышевского университета под руководством Н.П. Салугиной (Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П., 1981. С. 108). В 1979 г. близкие к славкинским материалы были получены во время разведок в Ульяновской области, а позднее и в Татарстане. В настоящее время известно более десятка памятников славкинского типа. Все они располагаются в поймах или на краю невысоких и пологих террас мелких рек, притоков р. Кондурчи (притока р. Сок) среди заболоченных пойм и стариц.

Характеристика памятников славкинского типа. Культурный слой селищ довольно тонок и беден находками, основная масса керамики сконцентрирована в сооружениях. На Славкинском I селище мощность культурного слоя составляла 70–80 см. Большая часть фрагментов сосудов происходила из двух слабо углубленных в материк основаниями прямоугольных жилищ размером 12х5,6 и 10х5,4 м (табл. 1, 1). Характер наземных конструкций этих жилищ установить не удалось. Рядом с жилищами обнаружены три хозяйственные ямы круглой формы.

Посуда формовалась из глины с примесью шамота и органики. По форме сосуды подразделяются на горшки (табл. 2, 1–17) и миски (табл. 2, 18). По обработке поверхности они делятся на грубые бугристые (66%) и тщательно заглаженные (34%). Имеются сосуды с подложенной поверхностью. Преобладают сосуды горшковидной формы, они составляют 72,8%. Выделено несколько типов горшков.

К первому типу относятся горшки с коротким отогнутым утолщенным и профилированным венчиком и высокими хорошо выраженными плечиками (табл. 2, 2, 3). Среди сосудов этого типа около 25% имеют лощение. Аналогии данному типу можно найти среди керамики пшеворского поселения Подберезцы (Козак Д.Н., 1985. С. 82, рис. 8, 2). Подобные сосуды характерны для пшеворских памятников позднелатенского времени Польши (Dambrowska K., Kozłowska R., 1959. Табл. V, 3; табл. II, 5).

К другому типу относятся сосуды со слегка отогнутым венчиком, слабовыраженными плечиками и округлобким туловом. Ширина горла заметно меньше максимального расширения сосуда (табл. 2, 5–7). Отдельные экземпляры имеют профилированные несколькими гранями венчики (табл. 2, 8, 9). Подобные сосуды известны на поселении Подберезцы и на других пшеворских памятниках.

Своеобразны также горшки с короткой, слегка отогнутой шейкой и высокими очень крутыми плечиками, которые переходят в тулово, образуя почти прямой угол (табл. 2, 16). Близкие типы сосудов встречаются в памятниках полесского варианта зарубинецкой культуры (Максимов Е.В., 1982. С. 15, табл. IV, 7).

Широко распространены горшки с цилиндрической, иногда утолщенной шейкой и округлобким туловом (табл. 2, 14) и горшки с отогнутым утолщенным округлым венчиком и округлобким туловом (табл. 2, 15).

Миски составляют 27,2% общего количества сосудов. Они имеют отогнутую наружу шейку и сглаженное ребро в месте максимального расширения тулова (табл. 2, 18).

Найдены две ручки от глиняных сосудов (табл. 2, 20, 27).

Цвет фрагментов желто-коричневый, серый, красноватый. Обжиг достаточно хороший. Орнаментированные фрагменты составляли лишь 4,2% общего числа керамики. Орнамент располагался на венчиках и состоял из насечек и пальцевых зацепов. Основная масса керамики не была орнаментирована. Найдено 26 фрагментов глиняных дисков, служивших крышками сосудов и сковородками для выпечки лепешек (табл. 2, 19). 15 найденных пряслиц имели биконическую, грушевидную и конусовидную форму (табл. 2, 21–24).

Особый интерес представляют керамические конусы (табл. 2, 26). Подобные предметы считают грузиками ткацких станков. Они были широко распространены в зарубинецкой, черняховской, пшеворской культурах, а также в меотских памятниках Прикубанья.

Из предметов, связанных с металлургией, представлены обломки сильно ошлакованных литейных форм, изготовленных из глины с примесью шамота, фрагменты также ошлакованных тиглей и глиняных трубочек-сопел. Найдено единственное бронзовое изделие – спиралевидная пронизка.

Могильники, связанные с поселениями славкинского типа пока не найдены, и это крайне затрудняет *датировку* и *этнокультурную атрибуцию* памятников. Поиски аналогий славкинским материалам уводят в районы Верхнего Поднестровья, где в I–III вв. жили племена пшеворской культуры, оставившие ряд селищ, материалы которых имеют много общего со славкинскими. Особенно следует упомянуть селище Подберезцы, исследованное Д.Н. Козаком (Козак Д.Н., 1985). Совпадает топография поселений, типы жилищ, их ориентировка строго с запада на восток, а также многие типы сосудов. Одинаково низок процент орнаментированных сосудов. Сходны пряслища конической и грушевидной формы. К сожалению, мы не имеем возможности сравнить погребальный обряд славкинских и пшеворских племен, а также их metallические изделия.

Судя по тому, что конические пряслища имели широкое распространение во II–IV вв., а также учитывая сходство с пшеворскими древностями I–III вв., можно с известной долей вероятности датировать памятники славкинского типа II–III вв.

В Среднем Поволжье материалы славкинских поселений наиболее близки к материалам памятников *именьковской культуры*. Их сближает сходство состава формовочных масс керамики: содержание в глине примеси шамота и органики, совпадение основных категорий сосудов, деление сосудов по характеру обработки поверхности на грубые бугристые и тщательно заглаженные или даже подлощенные, низкий процент орнаментированных сосудов, основные виды орнаментации на венчиках сосудов (насечки, зацепы) и т. д. Это сходство, видимо, свидетельствует об участии славкинских племен в формировании *именьковской культуры*. Однако, наряду с отмечен-

ными чертами сходства, славкинская керамика существенно отличается от именковской, прежде всего, формой венчиков и шеек горшковых сосудов. Многие типы шеек сосудов, распространенных на поселениях славкинского круга, никогда не встречаются на памятниках именковской культуры. Различны формы славкинских и именковских пряслиц, а также типы жилищ, выявленных на Славкинском селище и на именковских поселениях. Наконец, на славкинских поселениях мало хозяйственных ям, в то время как на всех именковских поселениях ямы обычно весьма многочисленны.

Все перечисленные различия не позволяют отнести памятники славкинского типа к именковской культуре. Совершенно очевидно, что славкинские материалы датируются более ранним временем, чем именковские. Однако отмеченные черты сходства позволяют предполагать этническую близость племен, оставивших славкинские и именковские памятники. Славкинские племена были "первопроходцами" в Среднем Поволжье, вслед за ними в этот регион начали проникать новые волны переселенцев с запада.

Среднее Поволжье привлекало к себе западные племена по целому ряду причин. Во-первых, потому, что район левобережья от устья Камы до Самарской Луки был почти незаселенным, так как финно-угорское население еще на рубеже VI и V вв. до н. э. в силу каких-то неизвестных нам причин покинуло эту территорию. Во-вторых, Среднее Поволжье было исключительно благоприятным по природным условиям районом. Наличие плодородных черноземов способствовало развитию земледелия, широкие заливные луга были прекрасными пастбищами. В реках водилось много рыбы, в лесах — зверя. Уже в конце I в. н. э. Среднее Поволжье стало конечным районом миграций позднезарубинецкого и пшеворского населения. Переселенцы первой волны, которым принадлежали памятники славкинского типа, поселились в Среднем Поволжье и впоследствии приняли участие в формировании именковской культуры.

2. Памятники лбищенского типа

Потомки зарубинецких и пшеворских племен, переселившиеся в Среднее Поволжье во второй половине I в. н. э. продолжали жить в этом регионе в последующее время. Им принадлежат поселения *лбищенского типа*, исследованные на Самарской Луке. Свое название они получили от первого раскопанного городища у пристани Лбище (табл. 3).

Изучение памятников лбищенского типа началось в начале 80-х годов. Ранее они были известны, но отличить их от более поздних именковских по материалам небольших разведочных коллекций не удавалось. Только после раскопок городища близ пристани Лбище стало ясно, что оно принадлежит к особой группе памятников, в культурном отношении близких к именковским, но относящихся к более раннему времени.

Городище Лбище было издавна известно жителям окрестных дере-

вень Кармалы и Севрюкаево. Симбирский археолог В.Н. Поливанов, издавший в 1900 г. работу "Археологическая карта Симбирской губернии", упомянул городище Лбище и нанес его на свою карту (Поливанов В.И., 1900). В 1923 г. В.В. Гольмстен с группой слушателей Высших этнолого-археологических курсов обследовала окрестности с. Кармалы и получила от одного из его обитателей сведения о городище Лбище. Для обследования его была направлена небольшая группа слушателей курсов во главе с А.А. Марущенко, но необычность конструкции оборонительных сооружений смутила начинающих исследователей, и они решили, что ров и вал имеют естественное происхождение. Сама же В.В. Гольмстен на городище не заходила, так как из Кармалов отправилась в Осиновку.

В 1973 г. краевед Е.Ф. Гурьянов получил сведения о наличии городища близ пристани Лбище от одного из жителей с. Ермаково. Он посетил городище, осмотрел систему оборонительных сооружений и высказал мысль о строительстве их Ермаком и его сподвижниками. Е.Ф. Гурьянов сообщил о городище в Куйбышевский государственный университет, после чего памятник был обследован группой студентов под руководством Г.И. Матвеевой. На вспаханной поверхности городища были собраны фрагменты сосудов, относящихся к двум разновременным группам. К первой относились фрагменты сосудов с отпечатками "рогожного" штампа, ко второй – неорнаментированные стенки сосудов, делящихся на грубые бугристые и тщательно заглаженные. Первая группа керамики относится к городищной культуре, существовавшей на Оке и в Среднем Поволжье в I тысячелетии до н. э. и до конца I в. н. э. включительно. Вторая группа керамики предположительно была отнесена к именковской культуре V–VII вв.

В 1981 г. отряд членов археологического кружка городской станции юных туристов под руководством А.В. Расторопова произвел раскопки городища, заложив два раскопа общей площадью 200 кв. м (Расторопов А.В., 1985).

В 1982–1984 гг. раскопки городища были продолжены отрядом Средневолжской археологической экспедиции Куйбышевского университета под руководством Г.И. Матвеевой. За три полевых сезона было вскрыто более 3600 кв. м. Верхний слой городища был датирован IV в. н. э.

В 1982 г. одновременно с раскопками городища проводились поиски могильника, связанного с ним. Во время закладки разведочных траншей на соседнем с городищем мысу было выявлено трехслойное поселение. Нижний слой его относился к среднему бронзовому веку (первая половина II тысячелетия до н. э.), средний – к городищной культуре. К верхнему слою принадлежали фрагменты сосудов, аналогичные найденным на городище Лбище. В 1989 г. раскопки поселения были продолжены совместной экспедицией Института археологии АН СССР и Куйбышевского государственного педагогического института под руководством И.Б. Васильева и Б.Г. Тихонова (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г., 1987. С. 40–54).

В 1982 г. разведочный отряд Средневолжской археологической

экспедиции под руководством А.В. Богачева выявил ранее неизвестное городище у с. Переволоки. Система оборонительных сооружений была аналогична системе укреплений городища Лбище. В 1988 г. отряд Средневолжской археологической экспедиции под руководством Г.И. Матвеевой и А.В. Богачева произвел раскопки этого городища.

Во время раскопок было открыто селище, примыкавшее к городищу с северной напольной стороны. Судя по характеру подъемного материала, оно принадлежало к лбищенскому типу памятников. Еще одно аналогичное селище открыто у бывшего поселка Новый Путь.

Таким образом, в настоящее время на Самарской Луке выявлено *пять памятников лбищенского типа*. Видимо, на Самарской Луке имеются и другие памятники лбищенского типа. Однако по небольшим разведочным коллекциям отличить их от именковских невозможно, так как сходство керамики весьма значительно. Топография памятников лбищенского типа имеет много общего с топографией именковских памятников. Единственная особенность селищ лбищенского типа – это расположение их на очень высоких участках волжских берегов, в то время как большинство именковских поселений занимает более низкие надпойменные террасы. Поиски поселений и могильников лбищенского типа необходимо продолжить как в южной прибрежной части Самарской Луки, так и в центральных ее районах, где имеется разветвленная сеть оврагов. Наверняка памятники лбищенского типа есть и за пределами Самарской Луки – в Ульяновской области и в Татарстане. Для того, чтобы четко разграничить памятники лбищенского типа и именковской культуры, необходимы хотя бы небольшие их раскопки. Только при наличии более или менее крупных коллекций можно выделить формы сосудов, характерные только для памятников лбищенского типа.

Характеристика памятников лбищенского типа. Оба известных в настоящее время городища аналогичны по топографии, форме площадки, системе оборонительных сооружений. Они занимают наиболее высокие участки волжского берега, ограниченные с запада и востока глубокими оврагами с крутыми склонами. С южной стороны площадки круто обрываются к Волге и практически неприступны. С северной напольной стороны оба городища защищены валами и рвами. Городище Лбище имеет два рва и вала, Перволокское – один ров и вал.

Внешний вал Лбищенского городища (табл. 3) – прямой, невысокий, длиной около 160 м, высота его от дна рва не превышает 2 м, ширина рва 5 м. Подобные валы характерны для городищ раннего железного века I тысячелетия до н. э. Внутренний вал имел дугообразную форму. Его внешний склон круто обрывается в ров, а внутренний – пологий, плавно переходящий в площадку городища. Валы данного типа весьма характерны для именковских городищ, однако вал лбищенского городища существенно отличается от них тем, что с наружной стороны он оформлен в виде 11-ти выступов-бастионов. Центральный бастион был самым высоким и большим. Он имел полукруглую форму, по обе стороны от него находилось по одному бастиону прямоугольной формы, далее с обеих сторон располагалось по четыре полукруглых

бастиона, которые постепенно уменьшались по мере приближения к краям вала. На Переволоцком городище вал был аналогичен внутреннему валу Лбищенского городища. Он также имел дугообразную форму и с внешней стороны был оформлен в виде девяти бастионов, выступавших за пределы вала на 10–15 м.

С целью выяснения конструкции валов на обоих городищах было вскрыто по одному бастиону. Устройство валов и бастионов обоих городищ было совершенно одинаковым. Внутренняя и наружная стороны бастионов были сложены из глины. Внутри валов найдены выкладки из обугленных бревен и веток, сжигавшихся с целью обжига и уплотнения глины. С внутренней стороны валы у основания были обложены некрупным известняковым камнем с целью предотвращения их размыва весенними водами.

Площадки городища имели подпрямоугольную форму. Площадь городища Лбища 70 000 кв. м, Переволоцкое уступает ему по размерам. Оба они многослойные. Площадка Переволоцкого городища заселялась четыре раза – во II тысячелетии до н. э. лбищенско-вольскими племенами, в раннем железном веке, в I тысячелетии до н. э. – племенами городецкой культуры, в IV в. н. э. – лбищенцами и в X–XIII вв. – болгарами. На городище Лбище выявлено два слоя – городецкий и собственно лбищенский.

Селища по своей топографии очень похожи на городища. Они примыкают к городищам. Раскопки проводились только на Лбищенском селище. Слой селища очень тонкий. Только одно из исследованных сооружений – яма овальной формы с отвесными стенками – связано с лбищенским слоем. Лбищенский слой очень беден, в нем найдены только фрагменты сосудов.

Таким образом, из пяти известных поселений лбищенского типа на трех производились раскопки. В культурном слое городищ и селищ находок было довольно мало, но на городище Лбище было выявлено свыше 100 углубленных в материк сооружений, в том числе более 30 очажных котлованов наземных жилищ (табл. 4). Именно в этих котлованах и была сосредоточена основная масса находок. Кроме очажных котлованов выявлены хозяйственные ямы и глинобитная печь.

На Переволоцком городище очажных котлованов и каких-либо других остатков жилищ не найдено. Вообще углубленных в материк сооружений на городище мало, видимо, это объясняется характером материка, каменистого и очень плотного.

Исследование очажных котлованов и остатков жилищ на городище Лбище позволило сделать некоторые выводы о *конструкции жилых построек*. Судя по всему, они были наземными срубными. Кое-где неподалеку от очажных котлованов обнаружены остатки обугленных горизонтально лежащих бревен, видимо, от нижних венцов срубов. В целом сохранность бревен очень плохая, так как культурный слой состоял из гумусированной супеси, в которой дерево не может долго сохраняться. Изредка поблизости от очажных котлованов встречаются отдельные ямы от каких-то столбов, связанных с наземными конструкциями жилищ.

Очажные котлованы довольно разнообразны по форме, они округлые, овальные, подпрямоугольные. Изредка встречаются котлованы неправильной формы. Размеры котлованов различны. Самый большой из них имел размеры 6х2 м, самый малый – 1,5 м в диаметре. Глубина котлованов от 15 до 60 см. Стенки их – отвесные прямые, дно плоское. Почти во всех котлованах обнаружены очажные пятна прокаленной глины. Кроме очажных пятен в котлованах иногда встречаются хозяйственные ямы округлой формы, предназначенные для хранения продуктов. В пол одного из котлованов был врыт большой сосуд – “зерновик”. Во всех котлованах обнаружены целые сосуды и их развалы. Видимо, городище было покинуто внезапно, поэтому вся посуда осталась в жилищах. Встречаются в котлованах и вещи, например, в котловане одного жилища найдены бронзовый браслет и фибула (табл. 8, 7), в котловане другого обнаружено несколько серебряных браслето-видных височных колец и т. д.

Иногда вещи встречаются не в котлованах, а рядом с ними, видимо, в пределах жилищ. Котлованы вырывались внутри жилищ по противопожарным соображениям, так как разводить костер на полу срубного наземного дома было небезопасно. Котлован служил кухней, в нем готовилась пища, хранились продукты и посуда. Котлованы занимали лишь часть наземного жилища, вероятно, центральную. Пол жилища у стен, таким образом, возвышался над дном котлована.

О конструкции кровли жилища судить трудно, скорее всего, она была двухскатной и крылась соломой.

Могильники лбищенского типа, несмотря на неоднократные поиски, до сих пор не найдены. Это в значительной мере обедняет наши представления о лбищенцах, ибо погребальный обряд весьма важен при решении вопросов происхождения и этнической принадлежности тех или иных племен.

Во время раскопок Лбищенского и Переволоцкого городищ найдены человеческие костяки. Одни из них, безусловно, принадлежат жертвам вражеского набега, уничтожившего данные поселения, другие как будто представляют собой погребения, совершенные в культурном слое городища. Судя по вещам, одни синхронны ему, другие более поздние (новинковский тип). К сожалению, сохранность черепов, найденных на городищах, очень плохая, поэтому они не исследовались антропологами.

Основную массу находок на всех поселениях лбищенского типа составляет *керамика*. Изучением технологии изготовления керамики лбищенского типа занималась Н.П. Салугина (Салугина Н.П., 1986а. С. 105–118).

По форме сосуды делятся на горшки и миски. Горшки различны по размерам – от огромных зерновиков до миниатюрных сосудов с диаметром горла 3–4 см. Шейки сосудов прямые цилиндрические (табл. 5, 1, 2, 12), расширенные кверху (табл. 5, 13) или отогнутые наружу (табл. 5, 4–11). Венчики округлые или плоские. Тулова сосудов округлобокие (табл. 5, 2, 3, 11) или со сглаженным ребром (табл. 5, 4, 5). Наибольшее расширение тулова находится в верхней или средней части сосуда. Днища плоские, изредка с закраиной.

Орнамент располагался на венчиках, он состоял из насечек или округлых вдавлений. Два горшка имели орнамент на плечиках. У одного он состоял из двойной зигзагообразной линии, у другого — из волнистой линии.

Миски довольно разнообразны (табл. 6). Они делятся на остроресберные и округлобокие. Среди них есть высокие, приближающиеся к горшкам, и низкие, приземистые. Большинство мисок было изготовлено без применения гончарного круга. Поверхности их были тщательно заглажены, а иногда покрыты лощением. Орнамент на мисках отсутствует, лишь одна миска имеет насечки на венчике. Встречаются воронкообразные крышки (табл. 5, 15) и диски-лепешечницы без бортиков. Почти все типы сосудов находят аналогии в памятниках зарубинецкой и пшеворской культур.

На городище Лбище найдены единичные фрагменты гончарной посуды серого цвета с полосчатым лощением, имеющей некоторое сходство с гончарной керамикой черняховской культуры, а также ручки сероглиняных амфор.

Керамика Переволоцкого городища аналогична лбищенской.

С городища Лбища происходят многочисленные изделия из железа, серебра, бронзы, кости. Особый интерес представляет клад кузнечных инструментов и продукции кузнеца: клещи (табл. 7, 1), молот (табл. 7, 6) и два топора (табл. 7, 2, 3). Из других железных изделий следует отметить долото (табл. 7, 5), крупный рыболовный крючок (табл. 7, 4), несколько более мелких рыболовных крючков (табл. 7, 9), кресало (табл. 7, 8), два наконечника стрел (табл. 7, 10, 11), несколько ножей. Бронзовые изделия представлены пряжками (табл. 8, 2–4) и щитками от них (табл. 8, 5), наконечниками ремней (табл. 7, 7; 8, 8), фибулой (табл. 8, 7), подвеской-лунницей (табл. 8, 6) и детской шейной гривной (табл. 8, 1). Из серебряных изделий следует упомянуть частично сохранившееся зеркало (табл. 8, 9). Из костяных изделий имеется наконечник стрелы с треугольным в сечении пером. Найдены также стеклянные бусы.

Среди металлических предметов есть датирующие. Так, пряжки овальной формы без щитков и с полуовальными щитками находят аналогии в памятниках черняховской культуры III–IV вв. Тем же временем датируются большинство найденных на городище бус. Фибула с городища Лбища относится к типу прогнутых подвязных фибул, которые А.К. Амброз датировал концом IV в. Видимо, именно к этому времени относится гибель городища.

Вопрос о происхождении населения, оставившего памятники Лбищенского типа, весьма сложен и в настоящее время не может быть решен окончательно. Основная масса горшков и мисок с городища Лбища находит аналогии в “классической” зарубинецкой культуре, в частности в *верхнеднепровском ее варианте*.

Несмотря на то, что городище Лбище относится к IV в., его керамический комплекс весьма архаичен. Он сохраняет многие черты, характерные для керамики “классической” зарубинецкой культуры (высокий процент сосудов с лощением, горшки со сглаженным ребром,

миски с зигзагообразным профилем и т. д.) в большей степени, чем керамические комплексы позднезарубинецких памятников конца I – II вв. н. э., в которых сильнее ощущаются влияния инокультурных элементов (пшеворских, сарматских, юхновских, культуры штриховой керамики).

Сохранение в лбищенской керамике черт “классической” зарубинецкой культуры, видимо, можно объяснить тем, что зарубинецкое население переселилось в Среднее Поволжье до того, как успело вступить в контакты с инокультурными группами населения. Правда, в Среднем Поволжье зарубинецкие поселения конца I–II вв. н. э. не известны, но это можно объяснить слабой изученностью памятников первой половины I тысячелетия н. э. в этом регионе. Отмеченная близость керамических комплексов городища Лбище и верхнеднепровских зарубинецких памятников позволяет предположить, что исходным районом миграции западного населения было Верхнее Поднепровье. Это предположение подтверждается наличием на лбищенских и верхнеднепровских памятниках наземных жилищ.

Вместе с тем нельзя не отметить, что планировка поселения, типы глинобитных печей и хозяйственных построек городища Лбище имеет много общего с памятниками черняховской культуры Верхнего Поднепровья (Рипнев II), что, возможно, свидетельствует об участии в формировании вышеупомянутых памятников общих этнических элементов.

Переселившееся в Среднее Поволжье население продолжало поддерживать контакты с племенами *черняховской культуры*, на что указывают находки вещей, близких к черняховским (пластинчатая подвязная фибула, бронзовые пряжки, ведроквидные подвески, а также фрагменты гончарных сосудов с полосчатым лощением, близких к черняховским).

Среднее Поволжье привлекало переселенцев благодаря своим благоприятным природным условиям (наличие плодородных черноземных почв и достаточно влажный климат), что весьма немаловажно для земледельческого населения. Кроме того, в начале I тысячелетия н. э. Среднее Поволжье было слабо заселено. Немногочисленные группы городецкого населения были довольно быстро ассимилированы пришельцами.

Материальная культура памятников лбищенского типа близка к именьковской. Жилища самых ранних именьковских поселений (Бахилоское селище) имеют много общего с котлованами городища Лбище. В именьковской культуре продолжают бытовать многие типы округлобоких горшков, известных на городище Лбище. Одинаковы глиняные диски и миниатюрные сосуды. Есть сходство в технологии изготовления лбищенской и именьковской керамики. Все перечисленное позволяет отнести памятники лбищенского типа к *раннему этапу именьковской культуры* и датировать их IV веком.

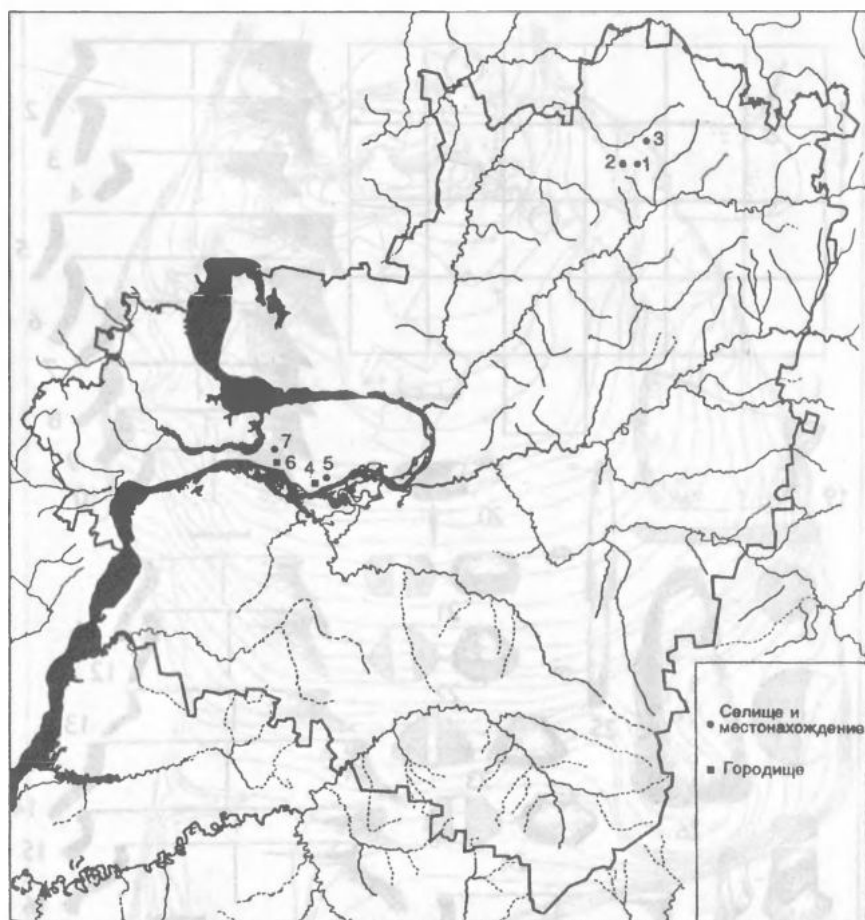

Таблица 1. Карта памятников первой половины I тысячелетия н.э. (славянский и лбищенский типы).

1 – Славкино I; 2 – Славкино II; 3 – Крепость Кондурча; 4, 5 – Лбище; 6, 7 – Переволоки

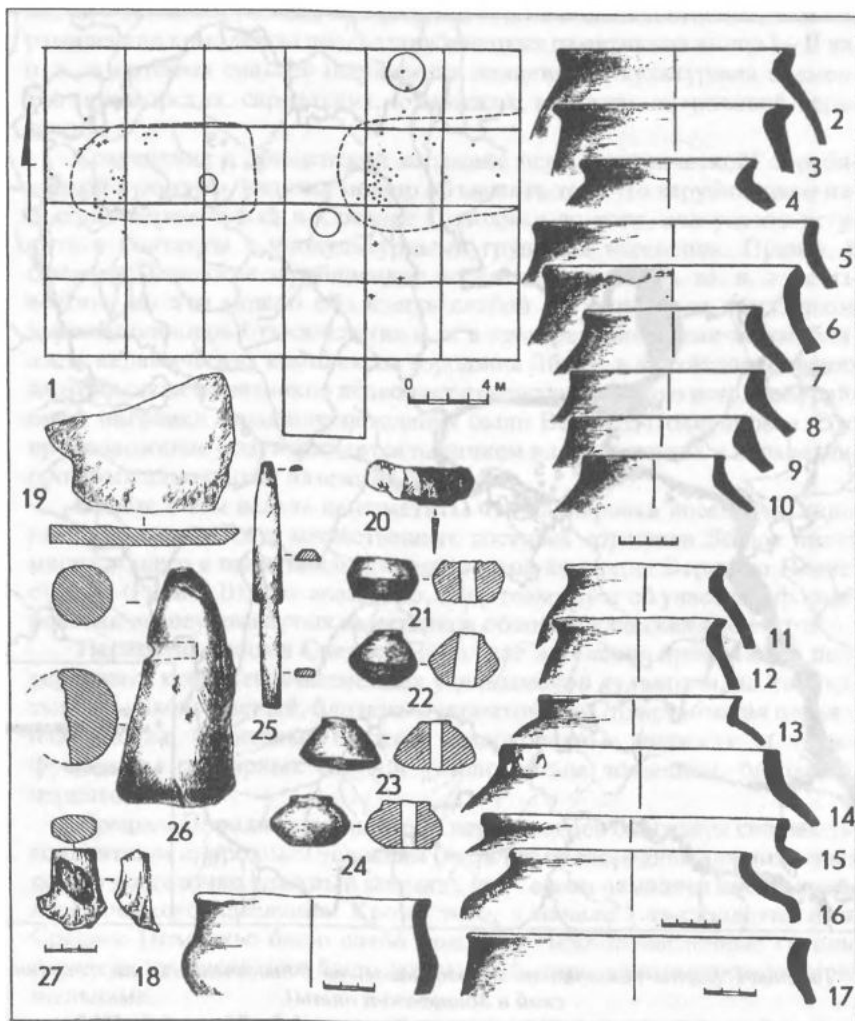

Таблица 2. План раскопа и находки с селища Славкино I.

1 – план раскопа с жилищами; 2–18 – фрагменты глиняных сосудов; 19 – фрагмент диска-делешечницы; 20, 27 – фрагменты ручек глиняных сосудов; 21–24 – пряслица; 25 – заготовка костяного изделия; 26 – глиняный конус (грузик ткацкого станка?)

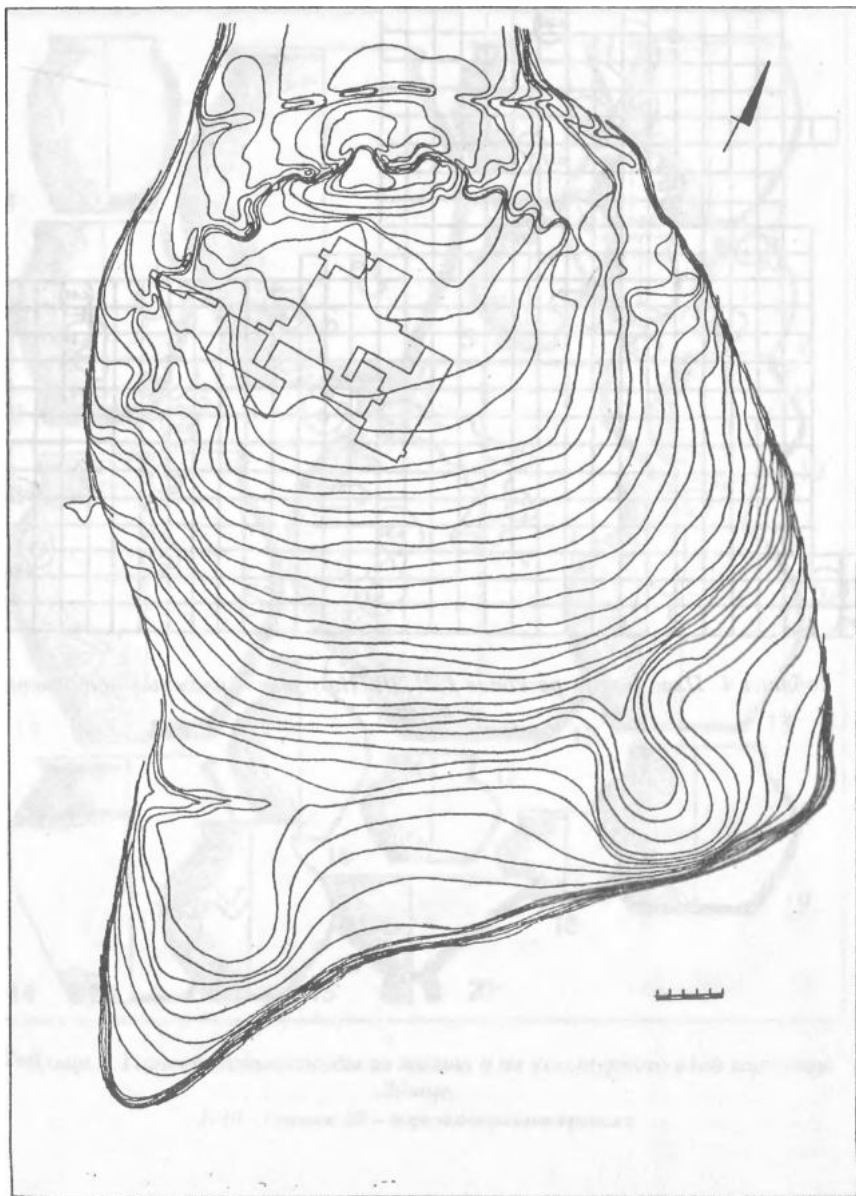

Таблица 3. План городища Лбище

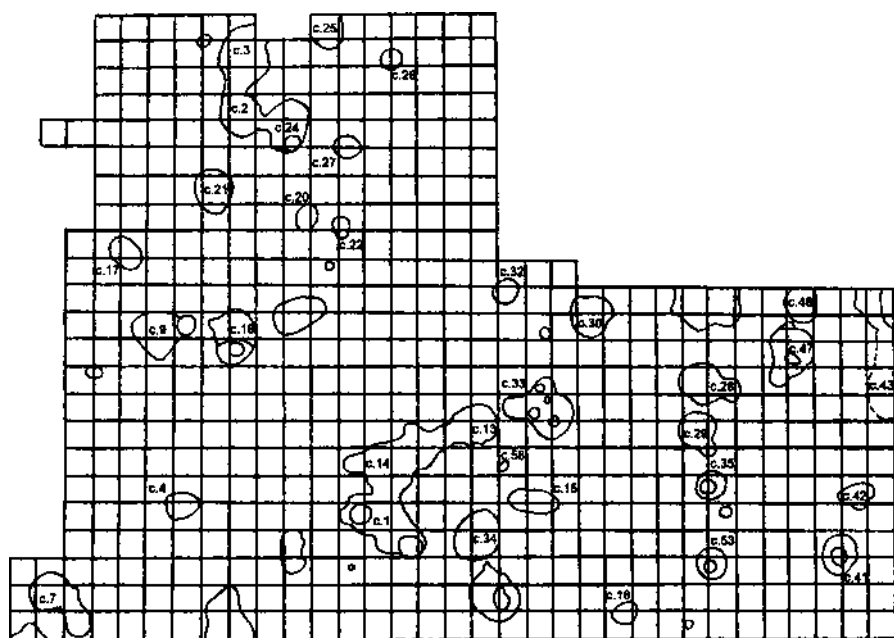

Таблица 4. План части раскопов I, II, III. На плане – очажные котлованы жилищ

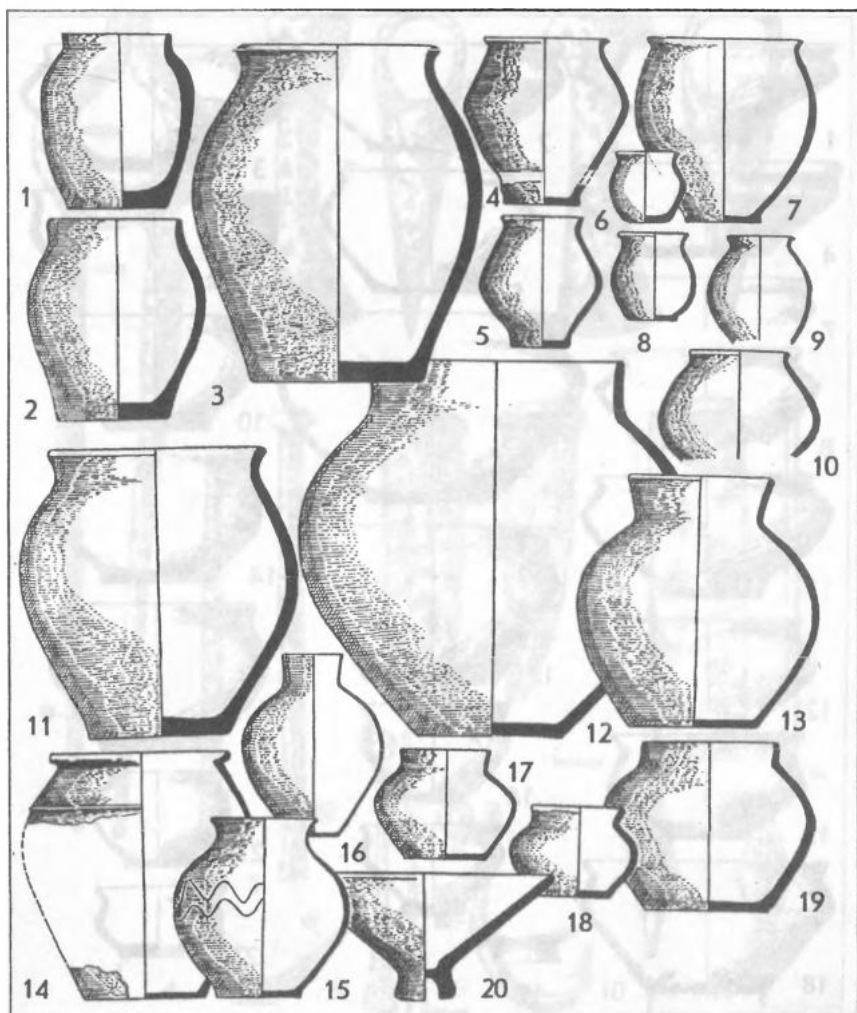

Таблица 5. Горшковидные сосуды из жилищ и из культурного слоя городища Лбище.

1–19 – горшки; 20 – воронкообразная крышка

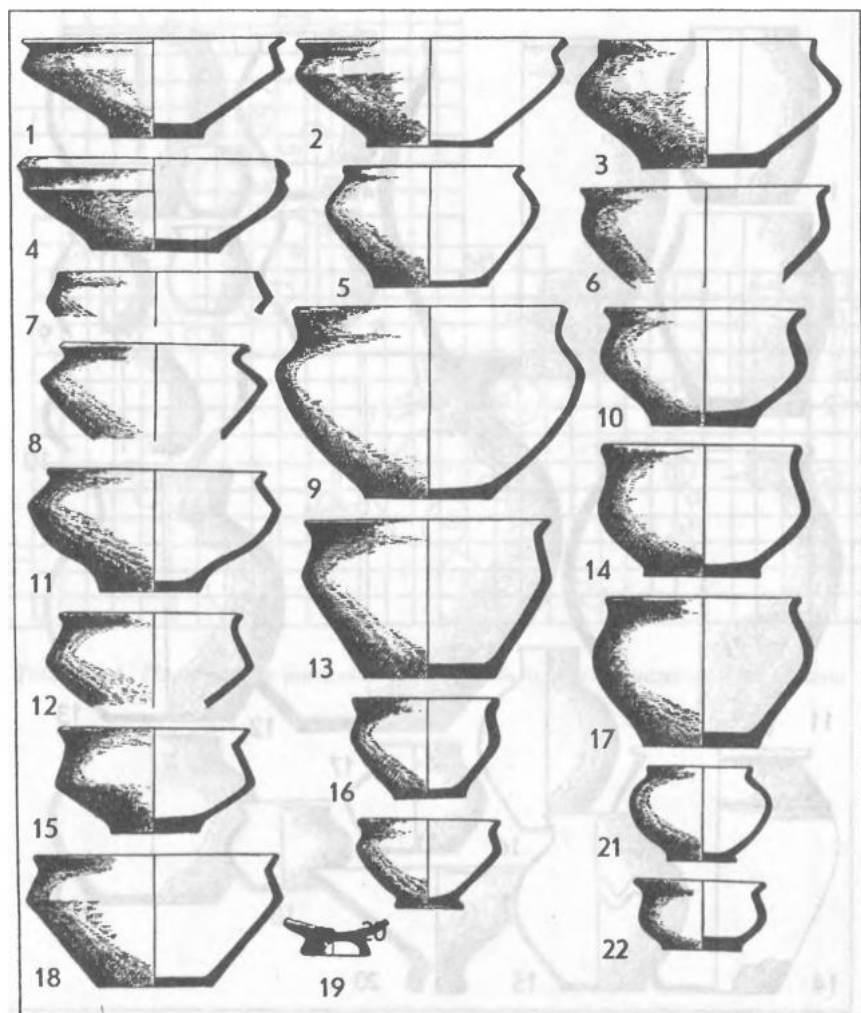

Таблица 6. Мискообразные сосуды из очажных котлованов и культурного слоя городища Лбичце

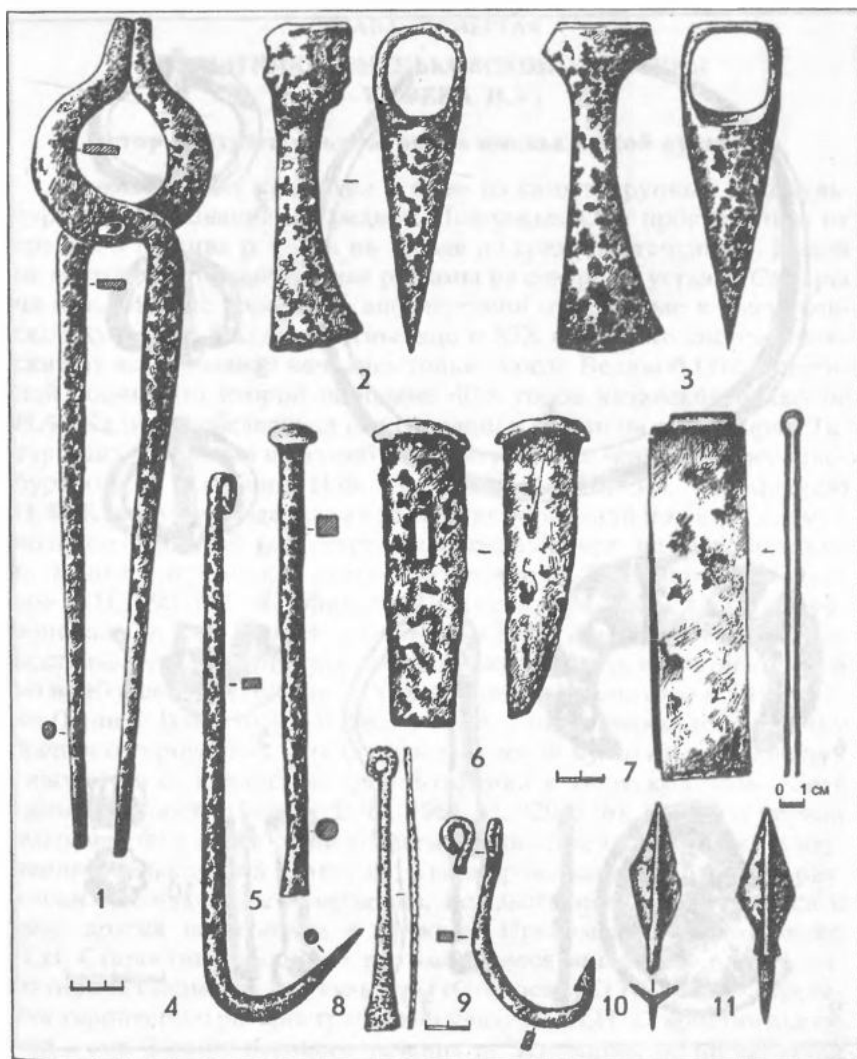

Таблица 7. Железные и бронзовые изделия с городища Лбище.

1 – кузнечные клещи; 2, 3 – топоры; 4 – крючок; 5 – долото; 6 – кузнечный молот; 7 – наконечник ремня; 8 – кресало; 9 – рыболовный крючок; 10, 11 – наконечники стрел.
7 – бронза; 1–6, 8–11 – железо

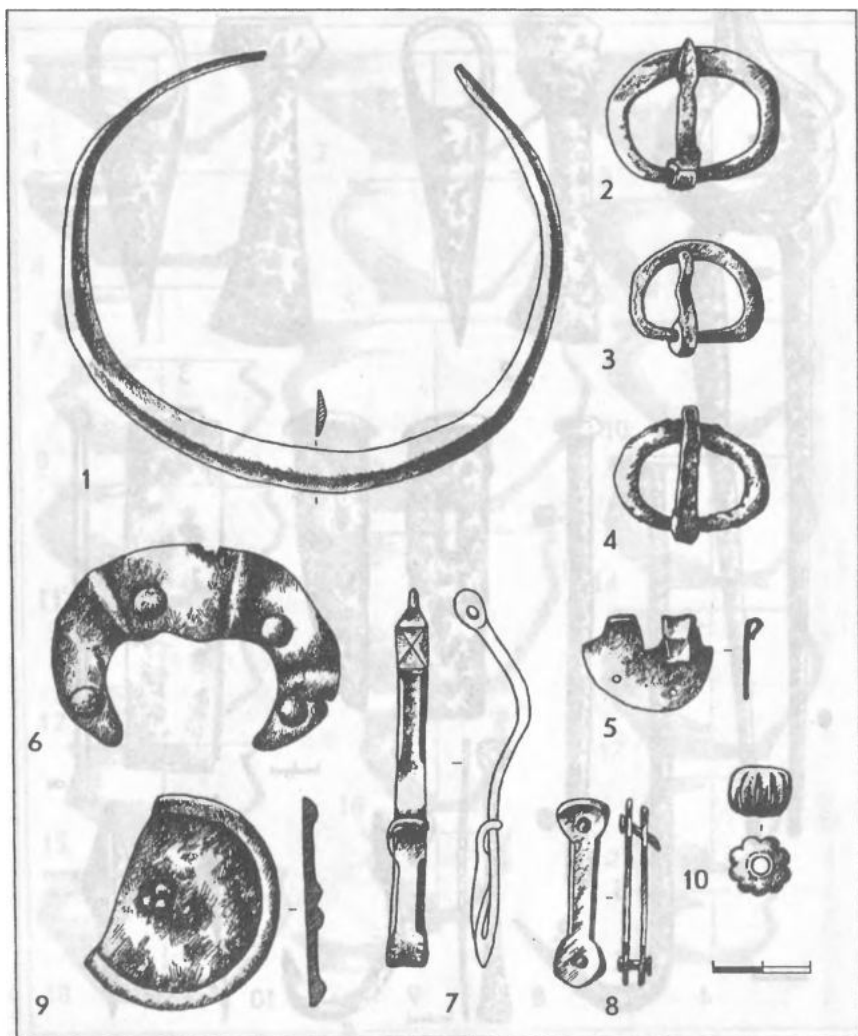

Таблица 8. Изделия из цветных металлов и стекла с городища Лбнице.

1 — шейная гривна; 2-4 — пряжки; 5 — щиток от пряжки; 6 — украшение-лунница; 7 — фибула; 8 — наконечник ремня; 9 — зеркало; 10 — бусина. 1-8 — бронза; 9 — серебро; 10 — стекло

ПАМЯТНИКИ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(V-VII ВЕКА Н.Э.)**История изучения памятников именьковской культуры**

Именьковская культура — одно из самых крупных этнокультурных образований в Среднем Поволжье. Она простиралась от среднего течения р. Суры на западе до среднего течения р. Белой на востоке, от правобережья р. Камы на севере до устья р. Самары на юге. Многие городища, впоследствии отнесенные к именьковской культуре, были известны еще в XIX в., однако систематические их исследования начались только после Великой Отечественной войны. Во второй половине 40-х годов казанский археолог Н.Ф. Калинин обследовал ряд городищ и селищ на территории Татарстана и выделил их в особую культуру, названную им восточно-буртасской (Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954). По мнению Н.Ф. Калинина, создателями этой культуры были потомки племен позднегородецкой культуры, переселившиеся на левобережье р. Волги. Эту точку зрения разделяли А.П. Смирнов (Смирнов А.П., 1955), А.М. Ефимова (Ефимова А.М., 1962, С. 33) и, первоначально, В.Ф. Генинг, который в 1959 г. подтвердил правомерность выделения культуры, но предложил назвать ее именьковской по наиболее исследованному городищу у с. Именьково в Татарстане (Генинг В.Ф., 1959). В 1961 г. В.Ф. Генинг пересмотрел точку зрения о городецких истоках именьковской культуры и выдвинул гипотезу о ее сибирском происхождении и тюркской этнической принадлежности (Генинг В.Ф., 1961, С. 329–336). В 50-х и первой половине 60-х годов были достигнуты значительные успехи в изучении именьковской культуры. Были проведены масштабные раскопки Именьковского городища, Рождественского могильника и ряда других памятников в Нижнем Прикамье. Это позволило П.Н. Старостину обобщить все имеющиеся материалы в своде памятников именьковской культуры (Старостин П.Н., 1967). Определяя территорию распространения культуры, П.Н. Старостин включил в нее бассейн верхнего течения р. Черемшан, но не включил Самарскую Луку, отметив, однако, близость памятников этого района к именьковским. В начале 70-х годов САЭ Куйбышевского университета исследован ряд поселений на Самарской Луке, отнесенных Г.И. Матвеевой к именьковской культуре. В настоящее время в Самарской области известно более 70 памятников именьковской культуры. Некоторые из них были выявлены еще во второй половине XIX в. Так, в 1962 г. в одном из номеров “Самарских губернских ведомостей” появилась заметка Д. Новосадского, содержащая описание городища Ош-Пандо-Нерь у с. Шелехметь (Новосадский Д., 1862). В статье К.Н. Невоструева (Невоструев К.Н., 1871) и в книге В.Н. Поливанова (Поливанов В.Н., 1900)

упоминаются городища: Ош-Пандо-Нерь и Междуреченское, расположенное между селами Переволоки и Печерское.

В 20-х годах XX в. экспедициями Общества истории, археологии, этнографии и естествознания под руководством В.В. Гольмстен производилось сплошное обследование Самарской губернии. В 1922, 1923 и 1930-х годах на Самарской Луке экспедиция открыла и обследовала ряд памятников, в том числе городища: Лысая Гора, Кармалинское, Каменная Коза, Ош-Пандо-Нерь и селища у сел Сосновый Солонец, Подгоры, Выползово и др. Раскопки ни на одном из этих памятников не проводились, но закладывались шурфы. В шурфах и на поверхности распаханых поселений участниками экспедиции были собраны фрагменты керамики двух типов. К первому типу относились фрагменты грубых толстостенных сосудов с бугристой поверхностью, ко второму – более тонкостенные и заглаженные фрагменты. В.В. Гольмстен датировала оба типа сосудов золотоордынским временем (XIII–XIV вв.). Первый она называла по городищу Ош-Пандо-Нерь ош-пандинским и связывала с чувашами, второй считала мордовским и именовала барбашинским (Гольмстен В.В., 1925).

В 50-х годах несколько памятников, впоследствии отнесенных к именьковской культуре, было выявлено отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.В. Трубниковой (городище Стенькин Городок у с. Большая Рязань и другие) (Трубникова Н.В., 1960. С. 123).

С 1969 г. исследования памятников именьковской культуры начинают проводить только что открытый Куйбышевский университет. Они начались с обследования Самарской Луки отрядом под руководством И.Б. Васильева. Были осмотрены памятники, открытые экспедицией под руководством В.В. Гольмстен в 20-х годах, а также выявлено новое, ранее неизвестное селище у с. Кармалы.

В 1970 г. проводились раскопки селищ: Ош-Пандо-Нерь и Новинковского и городищ: Каменная Коза и Лысая гора. Итоги этих исследований были подведены в статье Г.И. Матвеевой. Все вышеупомянутые памятники были отнесены к именьковской культуре (Матвеева Г.И., 1975в. С. 105–119).

В 1973–1976 гг. сотрудники совместной экспедиции Куйбышевского областного музея краеведения и Куйбышевского университета Р.М. Юнусова (Ключникова), а затем Н.П. Салугина произвели раскопки Выползовского и Муромского селищ именьковской культуры. Предварительные сведения о результатах раскопок опубликованы Р.М. Юнусовой (Юнусова Р.М., 1985. С. 179).

В 1974 г. во время раскопок Муромского городка на раскопе № 10 был обнаружен именьковский слой и исследовано жилище этой культуры. В 1980–1981 гг. отряд совместной экспедиции Куйбышевского университета и музея краеведения под руководством Р.М. Ключниковой и Г.И. Матвеевой продолжил раскопки селища

Ош-Пандо-Нерь III. Было заложено три раскопа общей площадью 372 кв. м. Результаты работ были опубликованы авторами раскопок (Ключникова Р.М., Матвеева Г.И., 1976). В 1983 г. неподалеку от Кармалинского селища Ю.А. Семькиным был исследован металлургический горн (Семькин Ю.А., 1985). В следующем году экспедицией Куйбышевского университета под руководством Г.И. Матвеевой производились раскопки Кармалинского городища, где был обнаружен клад из семи серебряных иранских монет-драхм VI в. (Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991. С. 172–184). В том же году А.В. Набоковым были произведены небольшие охранно-спасательные раскопки Ермаковского селища, разрушаемого оврагом.

В 1988 г. отряд экспедиции Куйбышевского пединститута под руководством В.Н. Пестриковой исследовал селище близ ныне уже несуществующего поселка Красный Пахарь в Ставропольском районе. В 1989–1990 гг. исследован именьковский слой на Междуреченском городище.

В 1992 г. отряд Средневожской археологической экспедиции под руководством Г.И. Матвеевой исследовал Бахилдовское селище. В 1994–1995 гг. отряд той же экспедиции под руководством В.А. Скарбовенко, Р.С. Багаутдинова и М.С. Седовой проводил раскопки селища Ош-Пандо-Нерь. Заложено три раскопа общей площадью свыше 600 кв. м.

В 1992–1995 гг. исследование памятников именьковской культуры проводилось отрядом экспедиции историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина под руководством Д.А. Сташенкова. На Новинковском селище исследовано углубленное основание в материк жилище округлой формы и следы бронзолитейного производства (Сташенков Д.А., 1995а. С. 268–285). Несколько жилых и хозяйственных построек было исследовано им на Карлинском селище, расположенном к востоку от с. Рождествено Волжского района.

Проводимые одновременно со стационарными работами разведочные обследования Самарской Луки позволили выявить ряд ранее неизвестных именьковских селищ (Подгорское I, Валовское V, Лбищенское и другие). С 1991 г. отряд экспедиции Самарского историко-краеведческого музея в составе А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенкова обследовал бассейн р. Большой Черемшан. Было исследовано Пролетарское городище и обследован ряд селищ.

Технико-технологический анализ керамического материала именьковских памятников разных районов, в том числе и Самарской Луки, проводился Н.П. Салугиной (Салугина Н.П., 1988. С. 119–145). Некоторые итоги изучения именьковских памятников Самарского края подведены в книге И.Б. Васильева и Г.И. Матвеевой (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986). Одновременно с работами на Самарской Луке экспедиция Самарского университета в

течение шести полевых сезонов исследовала Старомайнское городище в Ульяновской области.

Характеристика памятников именьковской культуры.

Племена именьковской культуры вели оседлый образ жизни. В настоящее время на территории распространения культуры известно свыше 600 памятников, большинство из которых составляют неукрепленные селища и городища. Обычно поселения располагались гнездами, состоящими из городища и нескольких селищ или только из нескольких селищ (табл. 1).

Из 60 именьковских поселений на Самарской Луке девять – городища, остальные – селища. В бассейне р. Большой Черемшан в пределах Самарской области известно более десяти поселений именьковской культуры. Селища занимают края высоких надпойменных террас р. Волги или располагаются на южных склонах оврагов, по дну которых протекали ручьи. Площадь селищ от 5000 до 250 000 кв. м. Городища расположены на высоких прибрежных мысах. Они невелики по площади (от 2500 до 50 000 кв. м). Система укреплений обычно состоит из одного или двух валов и рвов. Валы имеют кокошничкообразную форму. Овальная площадка Кармалинского городища на Самарской Луке была защищена двумя кольцевыми валами. В большинстве случаев использовались укрепленные городища, возникшие в эпоху раннего железа (Лысая Гора, Белая Гора, Каменная Коза). Одни городища были обитаемы постоянно (Кармалинское, Междуреченское городища), другие служили убежищами во время вражеских набегов (Белая Гора, Ош-Пандо-Нерь). Почти всегда у подножья городищ располагаются обширные селища (Городище Ош-Пандо-Нерь и селище к западу и югу от него, Белая Гора и Подгорское I селище, Торновские городище и селище, Кармалинские городище и селище и др.). Валы именьковских городищ Самарской Луки не исследовались. Раскопки валов в других районах именьковского ареала показали, что внутри них находились деревянные конструкции. На поселениях именьковской культуры выявлены жилища с углубленными в материк основаниями, среди которых выделяются три типа: 1) полуземлянки квадратной или прямоугольной формы (табл. 3, 4); 2) полуземлянки круглой или овальной формы (табл. 3, 3); 3) большие прямоугольные дома каркасно-столбовой конструкции со слабо углубленным в материк основанием (табл. 3, 1, 2). Последний тип жилищ представлен только на Старомайнском городище в Ульяновской области. На Самарской Луке исследованы жилища двух первых типов. На Ош-Пандо-Нерь, Бахилловском и Карлинском селищах выявлены квадратные и прямоугольные полуземлянки, на Новинковском селище – круглая. Наземные конструкции жилищ представляли собой бревенчатые срубы. Кровля у прямоугольных жилищ была двухскатной, у квадратных – четырехскатной. В жилищах с четырехскатной кровлей обычно находился центральный

опорный столб (жилища селища Ош-Пандо-Нерь). Размеры котлованов различны: самые крупные из них – 8х8 м, самые малые – 3,8х3,4 м. Иногда жилища имели выход в виде тамбура (Ош-Пандо-Нерь). Круглое жилище имело диаметр 5,6 м (Сташенков Д.А., 1995а. С. 170).

Отопительными сооружениями, служившими и для приготовления пищи, были открытые очаги типа кострищ, располагавшиеся в центре жилища, неподалеку от центрального столба, который, вероятно, обмазывался глиной в противопожарных целях. Нередко внутри жилищ находились хозяйственные ямы для хранения продуктов. В них часто встречаются развалы крупных сосудов-зерновиков. Иногда в жилищах прослеживаются столбовые ямы от нар. Наряду с жилищами на поселениях обнаружены хозяйственные сооружения: пристроенные к жилищам амбары, ямы для хранения зерна (табл. 4), погреба для хранения мясных и молочных продуктов, корнеплодов, орехов, желудей. Зерновые ямы обычно имели цилиндрическую или колоколовидную форму. Диаметр устья ям до 1 м, диаметр дна часто значительно больше. Глубина ям до 1 м и более. Стенки их обжигались соломой и облицовывались деревом. Ямы покрывались деревянными крышками, обмазанными глиной. Сверху их засыпали землей. Зерно без доступа воздуха могло храниться в яме несколько лет. Иногда над ямами сооружались небольшие постройки в виде шалашей. В ямах не только хранили зерно, но порою прятали самые ценные вещи. Например, на Кармалинском городище в цилиндрической зерновой яме найден клад, состоящий из семи серебряных сасанидских драхм, серебряных вещей (гривны, наконечника ремня) и золотой фольги (Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991. С. 172–184). Погреба для хранения мясных и молочных продуктов имели круглую или прямоугольную форму, в одной из стенок часто имелась ступенька.

Кроме хозяйственных ям, на селищах Муромском и Ош-Пандо-Нерь были выявлены печи ямного типа для обжига посуды, а на Новинковском селище обнаружены следы бронзолитейного производства. Иногда металлургические горны встречаются за пределами селищ в непосредственной близости от них (Торновское местонахождение железных шлаков, металлургический горн близ Кармалинского селища) (Семыкин Ю.А., 1985. С. 132).

Самым массовым материалом на всех исследованных поселениях является *керамика*. Сосуды формировались из пластичных глин с примесью шамота и органики (навоза) (Салугина Н.П., 1988. С. 119–145). По форме посуда делится на горшки, миски, банки и диски-лепешечницы. Горшки различны по форме и размерам. Одни из них – огромные корчаги, предназначенные для хранения зерна, меда и напитков (табл. 5, 12), другие – средних размеров, использовавшиеся в качестве столовой посуды (табл. 5, 3, 4), третьи – миниатюрные сосудики, возможно, солонки (табл. 6, 1, 2, 4, 5). Гор-

шки имели высокие цилиндрические (табл. 5, 4) или короткие отогнутые наружу шейки (табл. 5, 6). Тулова их округлобокие с максимальным расширением в середине высоты (табл. 6, 21) или выше нее (табл. 5, 3, 4). Днища плоские с закраинами (табл. 5, 7) или без закраин (табл. 5, 9). Миски имели отогнутые наружу шейки и округлобокие тулова. От горшков они отличались более низкими горизонтальными пропорциями и более тщательной обработкой поверхности. Иногда они покрыты лощением. Сосуды баночной формы встречаются очень редко. Они имеют вогнутые внутрь венчики с округлым краем. Изредка встречаются небольшие усеченно-конические баночки-стопки (табл. 6, 10). Поверхности большинства сосудов грубые, бугристые из-за наличия примеси крупного шамота, некоторые сосуды заглажены более тщательно и содержат мелкий шамот. В самых ранних именьковских памятниках (Выпозовское и Кармалинское селища) сосуды с подлощенной поверхностью составляют 3% всей посуды. Орнаментированные сосуды сравнительно немногочисленны. Орнамент, состоящий из насечек или защипов, расположен на венчиках (табл. 6, 5). Реже встречаются круглые ямочные вдавления или отпечатки пальцев на шейке или плечиках. Кроме сосудов, представлены глиняные диски-лепешечницы с бортиками (табл. 8, 18–20) или без бортиков. На наружной поверхности дисков обычно имеются отпечатки мякины и зерен. Их внутренняя поверхность тщательно заглажена. Иногда на ней беспорядочно расположены ямочные вдавления или сквозные отверстия. Диски предназначались для выпечки лепешек. Многие из них сильно прокалены и имеют в изломе красный цвет. Широко распространены глиняные пряслица усеченно-биконической формы с круглыми отверстиями большого размера (табл. 8, 13–17). Иногда они орнаментированы. Из других глиняных изделий следует отметить льячки для разливки расплавленного металла, фигурки животных: собак, лошадей, свиней (табл. 10, 8, 9), реже — чело-века, а также бусы и подвески (табл. 9, 5–8).

Основу *хозяйства* именьковских племен составляли земледелие и скотоводство. Именьковцы первыми в Поволжье начали поднимать черноземы с помощью рал с железными наконечниками. Во время раскопок на именьковских поселениях находят железные наральники (табл. 7, 1, 2), а также зерна овса, гороха, ржи и других культур. Урожай убирали с помощью серпов (табл. 8, 9–10) и кос (табл. 8, 3). Об изобилии зерна свидетельствует наличие амбаров и большого количества зерновых ям. Зерно размалывали с помощью ручных известняковых жерновов, обломки которых встречаются на всех именьковских поселениях.

Развитию скотоводства благоприятствовали природные условия Среднего Поволжья в целом и особенно Самарской Луки. Пойма Волги использовалась для выпаса скота и для заготовки кормов на зиму. Орудиями заготовки кормов служили косы-горбуши

(табл. 8, 3) и серпы (табл. 8, 9–10). Племена именьковской культуры разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот и свиней. С их приходом в Поволжье появляется новая порода крупного рогатого скота, отличающаяся наличием роговых стержней, грубокостностью и большим ростом в холке, близкая к среднеднепровскому скоту (Петренко А.Г., 1984. С. 47). В разных районах именьковского ареала преобладали разные домашние животные. Так, в пределах подзоны широколиственных лесов значительное место занимала свинья. На поселении Курган останки свиней составляют 37% общего количества домашних животных, на Троицко-Урайском городище соответственно – 30,8%. На поселении Курган 40,8% общего количества особей домашних животных этого памятника составляют кости лошади, на I Троицко-Урайском городище – 30,8%. На других памятниках их менее 17,9%. На Самарской Луке, судя по результатам анализа остеологических материалов, отмечен высокий процент костей мелкого рогатого скота. На Выпозовском селище число особей этого вида составляет 43,5%, на Муромском 28,6%. При этом количество крупного рогатого скота не превышает 21,4%, свиней 16,7%, лошадей 23,3% (Там же. С.133). Причины преобладания мелкого рогатого скота, видимо, объясняются природно-географическими условиями Самарской Луки. С приходом именьковских племен в Среднем Поволжье появилась кошка (Там же. С.133), что объясняется необходимостью сохранения от мышей больших запасов зерна. Находки на некоторых именьковских поселениях единичных костей верблюда, вероятно, указывают на южные связи их обитателей. Видимо, это останки верблюдов, прибывших в Среднее Поволжье в составе караванов и по какой-то причине забитых. О посещении Среднего Поволжья иранскими купцами свидетельствуют находки сасанидских драхм на I Троицко-Урайском и Кармалинском городищах.

Существенную роль в хозяйстве именьковских племен играла охота, позволявшая получать значительное количество мясной пищи, шкур и мехов. Основными объектами охоты были лось, медведь, заяц, бобр. Кости бобра с Выпозовского селища составляют 38,4% общего количества особей диких видов этого памятника, останки лося, кабана, куницы и зайца – соответственно по 15,4% (Там же. С.133). Основными орудиями охоты были лук и стрелы. Железные (табл. 9, 1) и костяные (табл. 9, 2) наконечники стрел встречаются почти на всех поселениях именьковской культуры. Рыболовство было не менее важной отраслью хозяйства. На именьковских поселениях много рыбных костей. Среди них преобладают кости осетровых. Встречаются также кости щук, карпов, сомов, жереха, судака и окуня. Анализ костных остатков рыб показал, что средний размер белуг 2,8 м, а отдельные особи достигали 3–4 м. Встречены кости осетров, достигавших в длину более 2 м (Старостин П.Н., 1967. С. 27). Рыбу ловили с помощью сетей, грузила от

которых постоянно встречаются на именьковских поселениях, а также с помощью железных крючков больших размеров. Вероятно, для лова применялись и верши.

Успехи в развитии экономики в немалой степени связаны с развитием *металлургии*. Остатки наземных сыродутных металлургических горнов были найдены на Маклашеевском II городище, на Рождественском IV селище в Татарстане (Там же. С. 27), на городищах Ош-Пандо на востоке Мордовии найдены шлаки, значительное количество железной руды и куски железа. Весьма выразительные следы металлургического производства выявлены и на Самарской Луке. В одних случаях они встречаются непосредственно на поселениях, в других — поблизости от них. Так, например, неподалеку от Торновского городища и расположенного у его подножья селища было обнаружено богатое местонахождение железных шлаков, встречавшихся на площади, не уступающей самому селищу. Остатки разрушенного горна обнаружены на берегу Воложки в 300 м от городища Ош-Пандо-Нерь. Горн ямного типа был исследован Ю.А. Семыкиным в 180 м от Кармалинского селища (Семыкин Ю.А., 1985. С. 131–135). При осмотре склонов оврага, отделявшего горн от селища, в 1–1,5 км от горна обнаружены выходы железной руды. На селище Ош-Пандо-Нерь найдены крицы и части распиленных криц. Почти во всех случаях наблюдается стремление вынести производственные металлургические сооружения за пределы поселения, что было вызвано как мерами противопожарной безопасности, так и желанием сохранить секреты ремесла (Там же. С.134).

На именьковских поселениях найдены орудия кузнецов: кузнечные молоты (табл. 8, 1), щипцы, а также их продукция: наральники (табл. 7, 1, 2), топоры (табл. 8, 2), мотыжки, серпы (табл. 8, 9–10), тесла, скобели, копыя, наконечники стрел (табл. 9, 1), рыболовные крючки, ножи (табл. 8, 5), ножницы (табл. 8, 7) и другие железные изделия. Металлографическое исследование коллекций кузнечных изделий позволило выявить технологические приемы именьковских кузнецов, а также характерные черты, отличающие технологию кузнечного производства именьковских племен от технологии финно-угорских племен Среднего Поволжья (Старостин П.Н., Хомутова Л.С., 1981). Уровень развития кузнечного дела у именьковцев был значительно выше, чем у мордовских племен. Наибольшая близость приемов обработки металла именьковцев обнаруживается с технологическими приемами черняховских кузнецов.

Наличие у именьковских племен цветной металлургии подтверждается находками остатков двух меднолитейных мастерских на Щербетском островном I селище (Старостин П.Н., 1967) в Татарстане и на Новинковском селище (Сташенков Д.А., 1995а), а также находками медных шлаков, тиглей, льячек и литейных форм

на многих именьковских поселениях, в том числе и на Самарской Луке. Бронзовые и серебряные изделия, хотя и не часто, встречаются на именьковских поселениях. Это серьги (табл. 9, 3), антропоморфные идола (табл. 9, 9), пинцеты (табл. 7, 4, 7), булавки (табл. 7, 6), фибулы (табл. 7, 10) и т. д. Самыми многочисленными находками на именьковских поселениях являются глиняные пряслица биконической формы. В каждом жилище их встречается не менее десятка. Это свидетельствует о широком распространении прядения и ткачества. Из других домашних производств необходимо назвать обработку кости и кож. Костяные изделия иногда встречаются на именьковских поселениях. Обычно это амулеты (табл. 10, 1, 2), мелкие поделки, разбивальники для обработки кожи. О высоком развитии деревообработки свидетельствуют находки топоров, тесел, скобелей, долот, зубил и других орудий.

Вопрос о *характере общественных отношений* именьковских племен не может быть решен окончательно. Основной ячейкой общества, несомненно, была семья, которая вела индивидуальное хозяйство. Совершенно очевидно хозяйственное обособление подобных семей. На Старомайнском городище, где вскрыто более десятка жилищ, прослежено, что хозяйственные ямы группируются вокруг каждого жилища, а не вынесены в сторону от них, как это бывает обычно при общинном ведении хозяйства. Во время раскопок селища Ош-Пандо-Нерь также хорошо прослеживаются отдельные усадьбы, в которых жилая постройка окружена наземными хозяйственными сооружениями (амбарами, помещениями для скота) и многочисленными погребями и ямами для хранения продуктов.

Для реконструкции идеологических представлений именьковских племен весьма важно изучение их *погребальных памятников*. К сожалению, их могильники до сих пор не известны на Самарской Луке, поэтому для характеристики погребального обряда именьковцев приходится прибегать к материалам могильников, исследованных на территории Татарстана (Старостин П.Н., 1986. С. 90–105). В настоящее время их выявлено не менее десятка. Наиболее полно исследованные Рождественский, Маклашеевский IV и Богородицкий могильники содержат более сотни погребений каждый. Могильники располагаются в непосредственной близости от поселений, обычно на надлуговых террасах. Никаких внешних признаков в настоящее время они не имеют, но в древности, несомненно, имели, так как нарушение могил более поздними захоронениями встречается крайне редко. Могильные ямы имели овальную, прямоугольную, квадратную или треугольную форму. Длина их колеблется от 60 до 120 см, ширина – от 60 до 80 см, глубина – 60–80 см. Днища ям плоские, чашевидные или ступенчатые.

Умерших сжигали на стороне в полном одеянии. Остатки кремации помещали в могилы компактной кучкой или рассыпали по всему дну. Часть кальцинированных костей встречается в заполне-

нии ям. Почти все погребения сопровождаются глиняными горшковидными сосудами. Иногда в сосудах или рядом с ними встречаются кости животных — остатки пищи.

Погребальный инвентарь довольно беден: из орудий труда встречаются только ножи, пряслица и шилья. Чаше находятся бронзовые и железные поясные пряжки, оплавленные в погребальных кострах бусы, единичные подвески. Все вещи носят следы пребывания в огне и иногда сломаны. Следует отметить, что в некоторых погребениях наряду с целыми сосудами встречаются их фрагменты.

На территории IV Маклашеевского могильника встречены поминальные комплексы, включающие черепа и кости конечностей лошади.

В Коминтерновском и Кушнаренковском могильниках наряду с трупосожжениями присутствуют и даже преобладают трупоположения, что, видимо, отражает процесс смешения именьковских племен с иными этническими группами.

Некоторые представления о духовном мире именьковцев позволяют составить находки амулетов (табл. 10, 1, 2), антропоморфных бронзовых идолов (табл. 9, 9) и зооморфных глиняных фигурок (табл. 10, 8, 9). Амулеты делались из клыков, челюстей и костей ног различных животных (табл. 10, 1—3), которые просверливались и носились на шее, как и некоторые из антропоморфных идолов. Ритуальное значение имели и глиняные изображения животных: лошадей, собак, свиней и др.

Самые ранние памятники именьковской культуры смыкаются с памятниками лбищенского типа. Однако пряжек черняховских типов в них уже нет. Основная масса пряжек из Рождественского, Богородицкого и IV Маклашеевского могильников датируется V — первой половиной VI в. Тем же временем датируется именьковский слой Старомайнского городища. Датирующими вещами в этом слое являются крестообразные фибулы (табл. 7, 10). Этот тип фибул А.К. Амброз датировал V в. Тем же временем датируется голубая рифленая бусина. В слое вышеупомянутого городища, как и в погребениях Рождественского могильника, представлены вещи, находящие аналогии в захоронениях Рязанских могильников (бутылковидные подвески, перстни с шумящими подвесками, крестообразная фибула (табл. 7, 10). К числу самых ранних (V в. н. э.) именьковских поселений Самарской Луки относятся Выпозовское и Карлинское селища. Кармалинское городище, благодаря находке клада сасанидских драхм первой половины VI в., может быть датировано серединой или второй половиной VI в.

Самым поздним из именьковских поселений Самарской Луки является селище Ош-Пандо-Нерь, особенно его северная часть. Самые ранние его жилища датируются VI в., скорее всего, второй его половиной. Об этом свидетельствуют находки серег с много-

гранником на одном конце, пряжки “предгеральдического” типа, антропоморфного идола (табл. 9, 9) и мозаичных бус.

Селище продолжало существовать и в VII в., в верхней части его культурного слоя встречаются вещи, характерные для могильников новинковского типа (стилетовидный предмет с волютообразным навершием, железная пряжка трапециевидной формы, фрагменты гончарных сосудов с полосчатым лощением). В отличие от ранних поселений именьковской культуры, для селища Ош-Пандо-Нерь характерно почти полное отсутствие посуды с лощением (менее 1%).

Вопрос о происхождении именьковской культуры долгое время оставался одним из самых дискуссионных в средневековой археологии Среднего Поволжья. Одни исследователи считали ее финно-угорской позднегородецкой (Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Смирнов А.П., 1952; Гольмстен В.В., 1925а), другие – тюркской сибирского происхождения (Генинг В.Ф., 1961), третьи – угромagyarской (Степанов П.Д., 1964. С. 144–147), четвертые предполагали участие в ее сложении славянских племен из левобережья Днепра (Смирнов А.П., 1971). В 80-х годах появилась гипотеза о зарубинецких истоках именьковской культуры (Матвеева Г.И., 1981а. С. 52–73). В.В. Седов высказал предположение о генетической связи именьковской культуры с черняховской (Седов В.В., 1994. С. 315).

В настоящее время относительно *этнической принадлежности* племен именьковской культуры существуют две точки зрения. А.Х. Халиков, воспринявший гипотезу о зарубинецких истоках племен именьковской культуры, считал их балтоязычными (Халиков А.Х., 1988. С. 119–126). Г.И. Матвеева предполагает славянскую их атрибуцию (Матвеева Г.И., 1988а. С. 11–13). О славянской принадлежности именьковских племен свидетельствовал их погребальный обряд. Безурновые трупосожжения с бедным погребальным инвентарем были характерны именно для славян. Со славянами именьковцев сближает отсутствие этноопределяющих украшений, столь распространенных у балтских и финно-угорских племен. Совпадает хозяйственный уклад именьковских и славянских племен: наличие пашенного земледелия, сходство основных типов земледельческих орудий и возделываемых культур (просо, пшеница, овес, ячмень, рожь, горох), а также способов хранения урожая в ямах и т. д. Несмотря на различие в деталях, есть общие черты в именьковской и пражско-корчакской керамике (примесь шамота, преобладание горшковидных форм сосудов с максимальным расширением в верхней половине сосуда, отсутствие орнамента, за исключением насечек на венчике). Для всех славянских памятников характерны диски-лепешечницы, которые в большом количестве представлены и на всех поселениях именьковской культуры.

Вопрос о дальнейших исторических судьбах именьковских

племен очень сложен. По мнению одних исследователей, они покинули Поволжье после прихода раннеболгарских племен (Седов В.В., 1994. С. 315), по мнению других, остались в Поволжье и были ассимилированы болгарами. Видимо, истина лежит где-то посередине. Часть именьковцев ушла на запад – на левобережье Днепра, где приняла участие в создании волынцевской культуры. Другая часть осталась в Поволжье, смешалась с пришельцами. Именно этим можно объяснить совпадение мест расположения именьковских и болгарских поселений, а также почти полное совпадение ареалов именьковской и болгарской культур, одинаковый уклад экономики, сходство типов хозяйственных ям, некоторых форм лепной посуды, пряслиц и т. д. Видимо, не случайно восточные авторы называли болгар славянами или народом смешанным, происходящим от тюрок и славян (Димашки).

Именьковские племена сыграли важную роль в исторических судьбах народов Среднего Поволжья. Они распахали заволжские черноземы и способствовали распространению пашенного земледелия в регионе. С ними появились новые породы крупного рогатого скота. Они распространили в Поволжье более совершенные методы металлообработки (получение стали путем цементирования железных изделий, сварку, ковку и т. д.). Оставшиеся в Поволжье группы именьковского населения способствовали оседанию пришедших в Поволжье кочевников-болгар, а позднее вошли в состав болгарской народности.

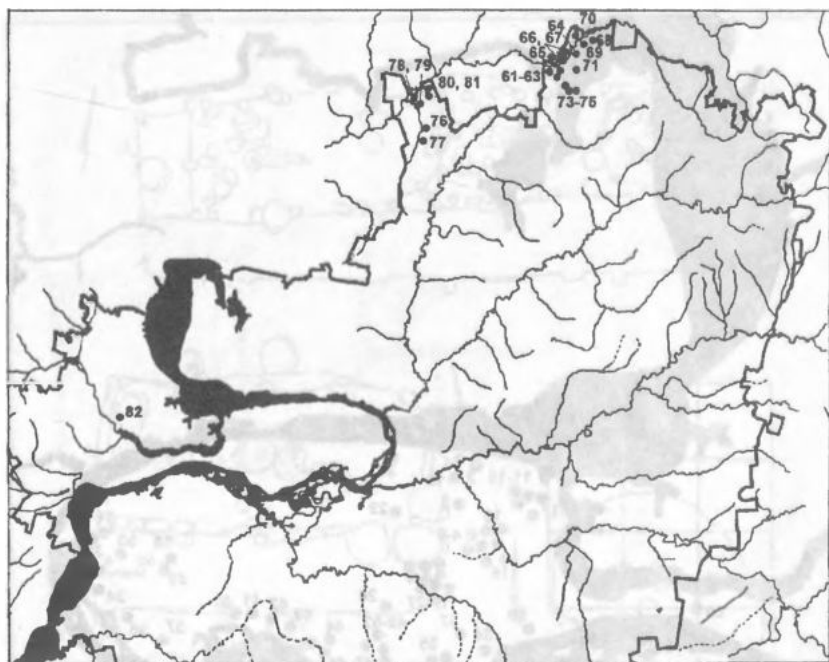

Таблица 1. Памятники именковской культуры на севере Самарской области.
 Нумерация памятников соответствует списку **памятников в** Приложении

В. А. Мухоморов

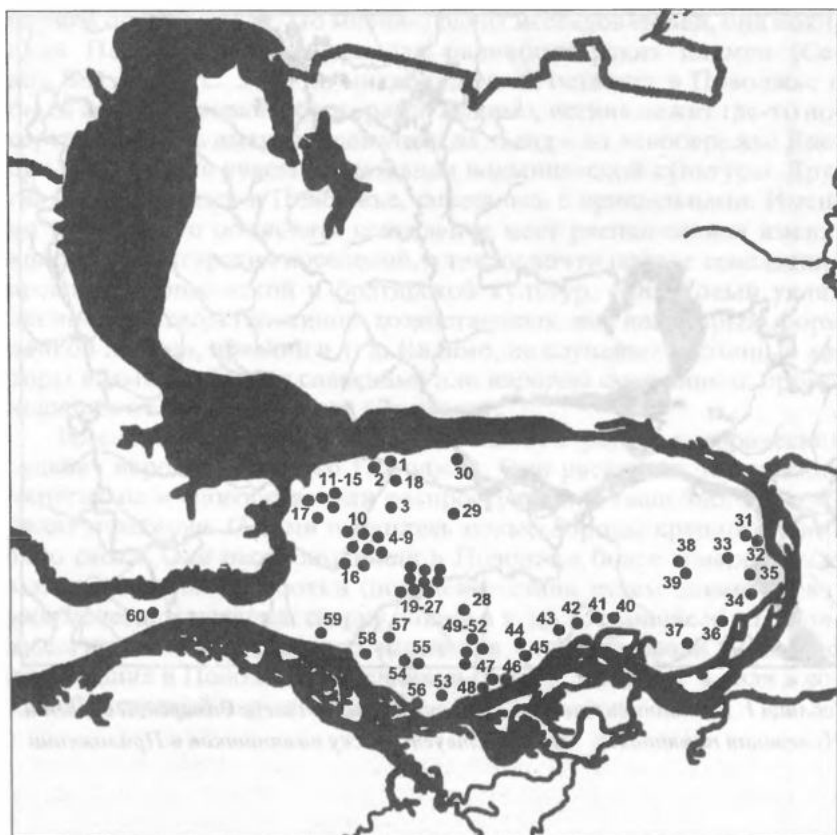

Таблица 2. Памятники именковской культуры на Самарской Луке

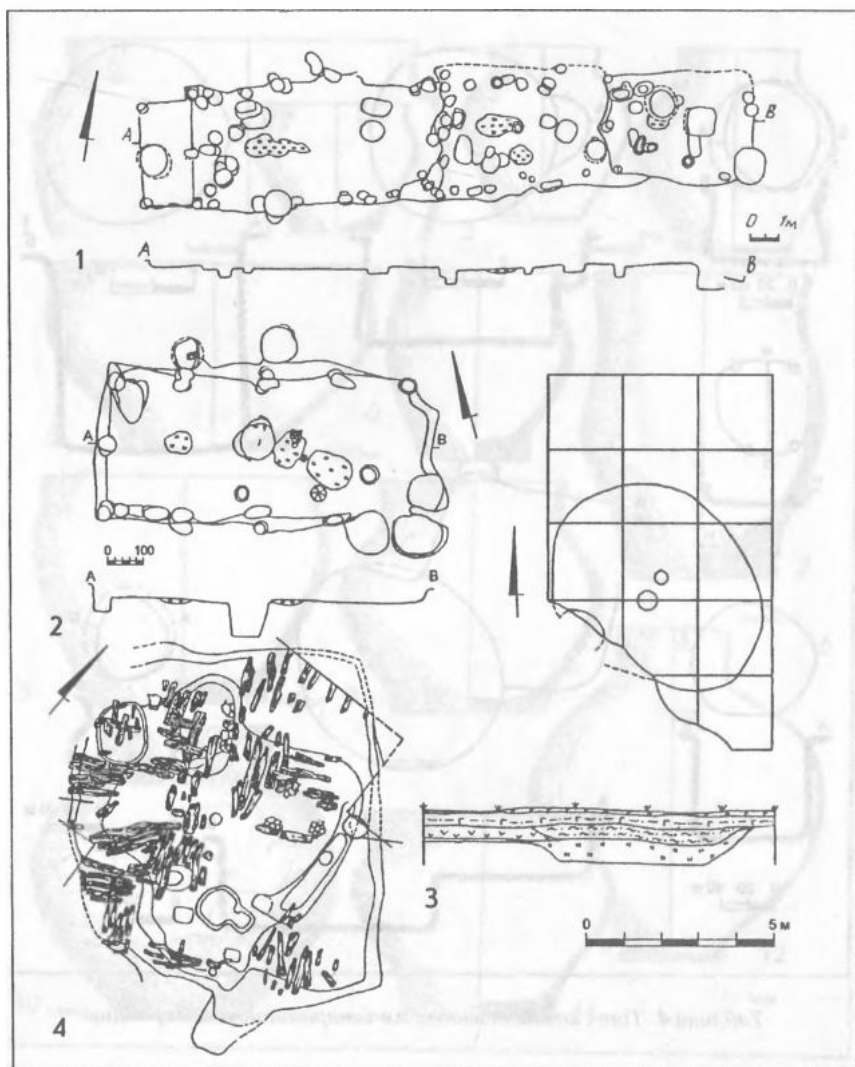

Таблица 3. Типы жилищ именьковской культуры.

1, 2 — длинные дома Старомайнского городища; 3 — округлая полуземлянка, Новинковское селище; 4 — квадратная полуземлянка, селище Ош-Пандо-Нерь

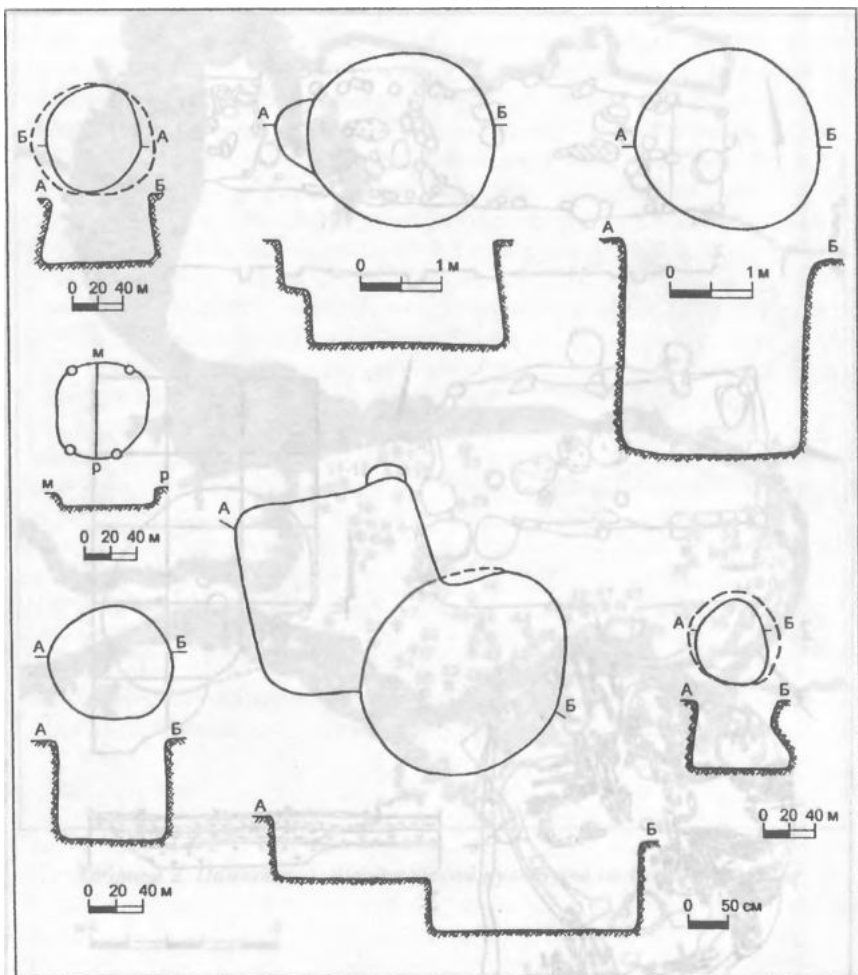

Таблица 4. Типы хозяйственных ям Старомайнского городища

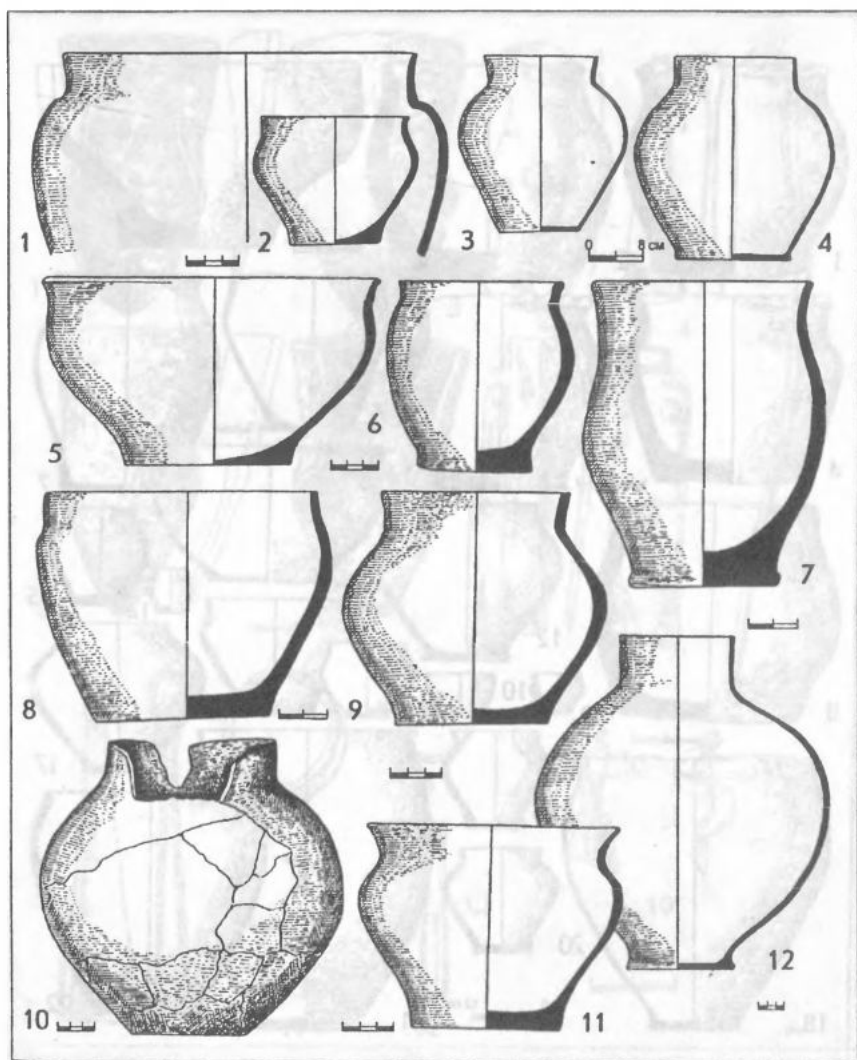

Таблица 5. Глиняная посуда Старомайнского городища

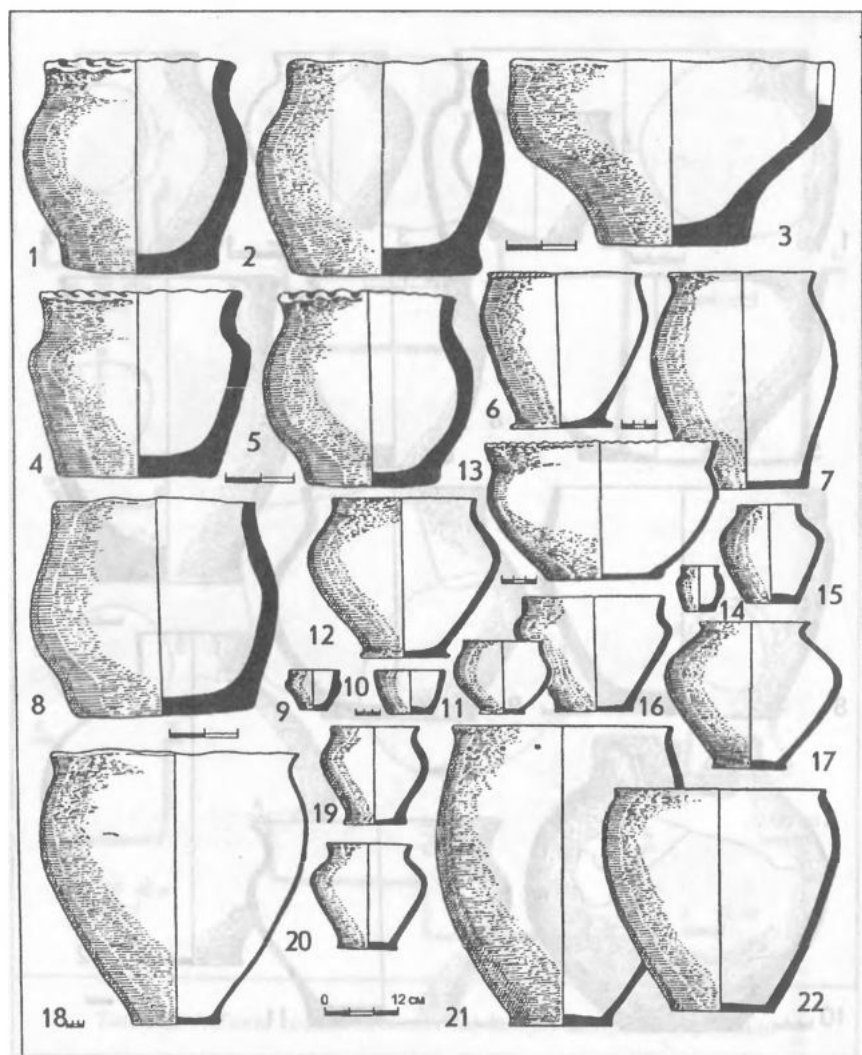

Таблица 6. Глиняная посуда Старомийнского (1-14) и Именьковского (15-22) городищ

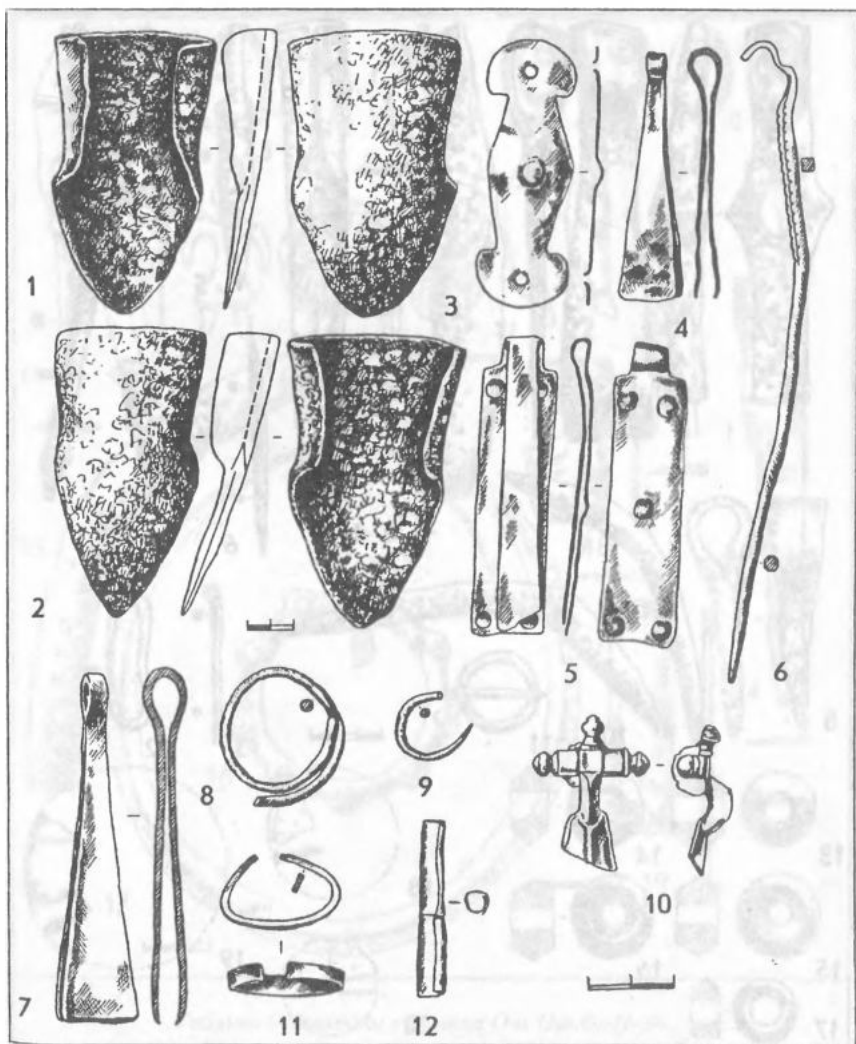

Таблица 7. Металлические изделия Старомайнского городища:

1-2 — наральники; 3 — поясная накладка; 4, 7 — пинцеты; 5 — наконечник ремня; 6 — булавка; 8, 9 — височные кольца; 10 — фибула; 11 — обойма; 12 — трубочка-пропизка.
1, 2 — железо; 3-10 — бронза

В. П. .

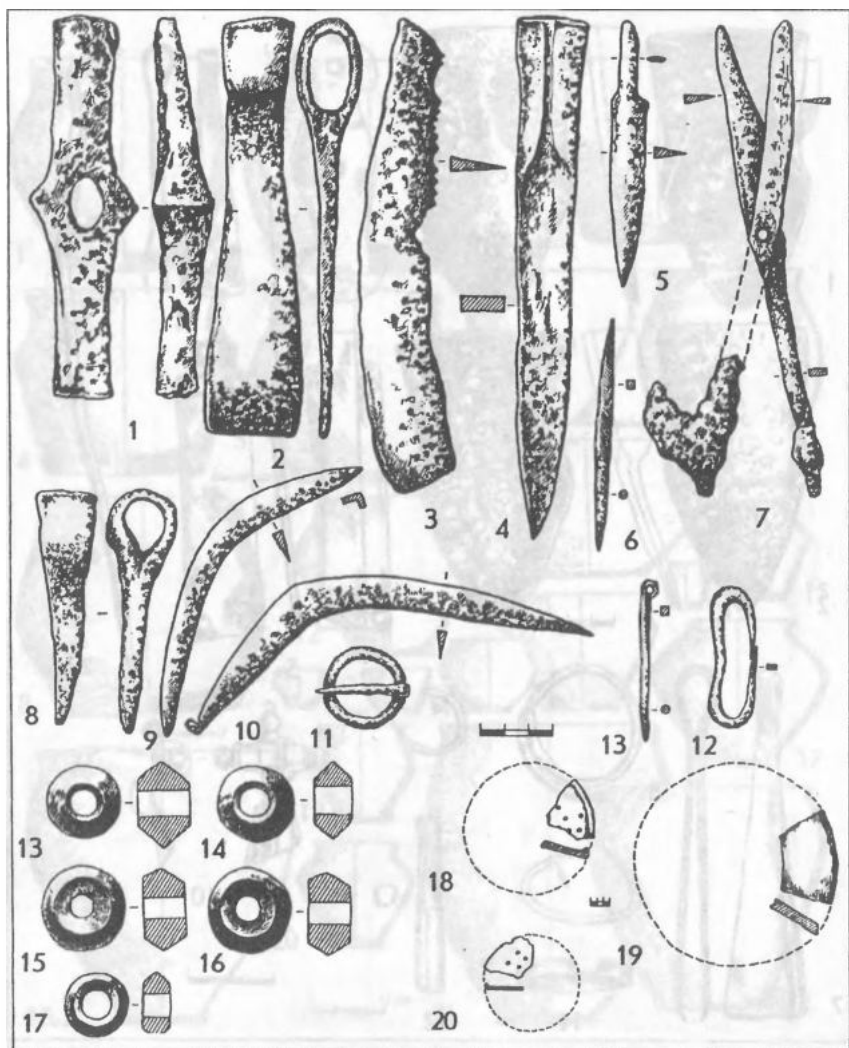

Таблица 8. Железные и глиняные изделия поселений именьковской культуры:

1 – кузнечный молот; 2 – топор; 3 – обломок косы (?); 4 – долото; 5 – нож; 6 – шило; 7 – ножницы; 8 – топор-клевец; 9, 20 – серпы; 11, 13 – пряжки; 12 – булавка; 13–17 – пряслица; 18–20 – диски-лепешницы. 1–10 – железо; 11–13 – бронза; 13–20 – глина.

1 – Ош-Пандо-Нерь; 2–19 – Старомайнское городище

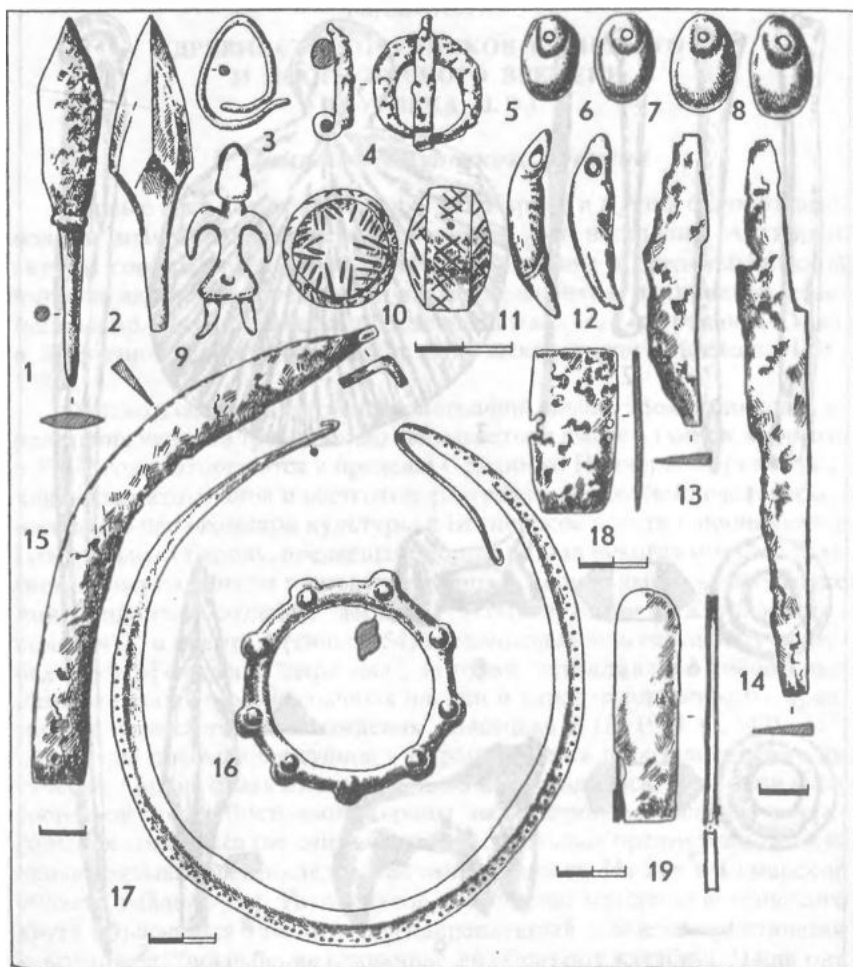

Таблица 9. Находки с селища Оси-Пандо-Нерь.

1, 2 – наконечники стрел; 3 – височное кольцо (серьга?); 4 – пряжка; 5–8 – подвески; 9 – антропоморфная подвеска; 10 – глиняное изделие; 11, 12 – амулеты из клыков животных; 13, 14 – ножи; 15 – сери; 16 – подвеска; 17 – шейная гривна; 18 – пластина от панциря; 19 – наконечник ремня.

1, 4, 13–15, 18 – железо; 2 – кость; 3, 9, 16, 19 – бронза; 17 – серебро; 5–8, 10 – глина

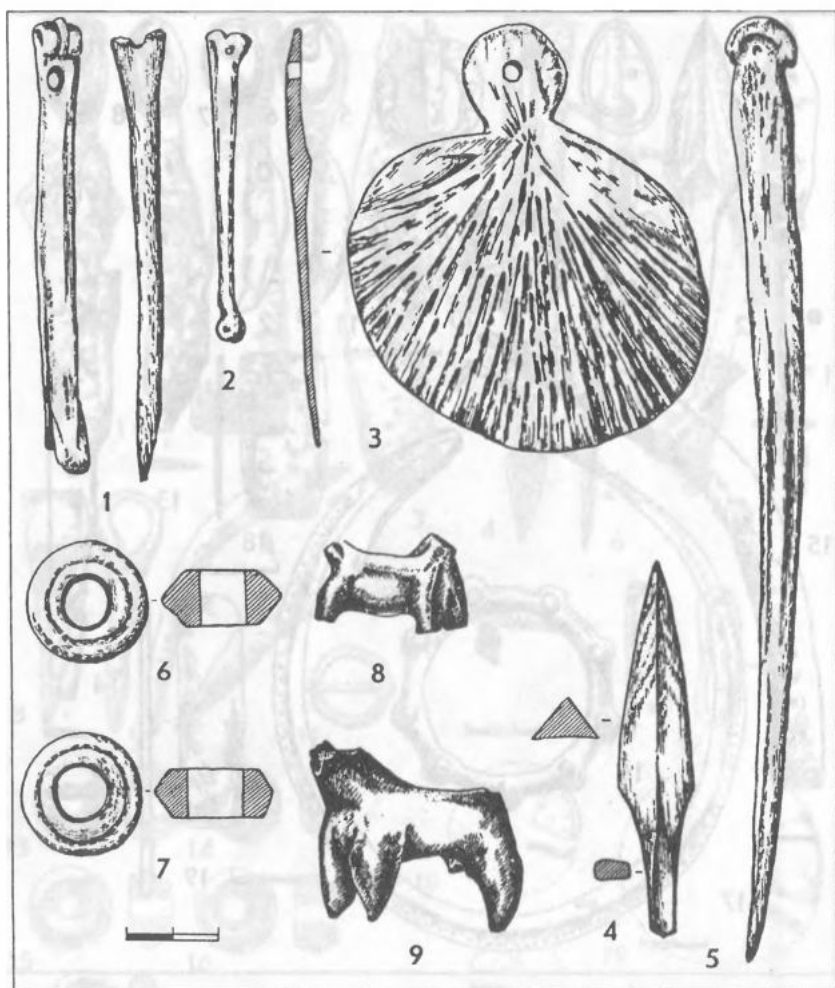

Таблица 10. Находки со Старомайнского городища.

1-3 – амулеты из костей животных; 5 – костяная проколка; 6, 7 – пряслица; 8-9 – зооморфные фигурки.

1-5 – кость; 6-9 – глина

**ДРЕВНОСТИ КОЧЕВНИКОВ ГУННСКОГО
И ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ
(V–VI ВЕКА Н. Э.)**

1. Памятники гуннского времени

Первые века I тысячелетия н. э. и в Европе и в Азии были ознаменованы значительными передвижениями масс населения. Античные авторы сообщают об участвовавших вторжениях в пределы Римской империи варварских племен готов, квадов, франков, маркоманов, аллеманов и др. Археологически прослежены массовые миграции II–IV вв. в Восточной Европе славянских этнических групп (Матвеева Г.И., 1986).

Однако в общепринятой историографии начало эпохи великого переселения народов традиционно связывается с именем гуннов, которые в 370-х годах вторгаются в пределы Северного Причерноморья и, подчинив сармато-аланов и вестготов, разгромив оседло-земледельческое население черняховской культуры и Боспорское царство, проникают в Центральную Европу, предвещая скорый развал некогда могучей Римской Империи. Пиком господства гуннов в Европе явилось завоевание ими Паннонии и создание “державы” Аттилы. Битва на Каталаунских полях (451) и смерть Аттилы (454) предопределили в середине V в. распад этой эфемерной “державы”, которая “представляла собой союз разноэтничных и разноязычных племен и народов германского, иранского и тюркского происхождения” (Засецкая И.П., 1994. С. 147).

Следы пребывания гуннов в Европе удалось проследить археологически. Они не столь многочисленны, как ожидалось. В степной и лесостепной зонах Восточной Европы зафиксировано лишь 54 погребальных комплекса (не считая находок отдельных предметов), так или иначе связываемых исследователями с гуннами. Из них в Самарской области найдено два. Такое малое количество материалов гуннского круга объясняется тем, что целенаправленный поиск их практически невозможен: “погребения единичны, не образуют кладбищ. Чаще они впущены в насыпи более древних курганов, реже имеют свою насыпь или вообще не имеют внешних признаков” (Амброз А.К., 1981. С. 11). В этой связи значительную часть имеющихся в настоящее время “гуннских древностей” составляют вещи, происходящие из разрушенных погребений, обнаруженных строителями или местными жителями.

Одним из таковых является Федоровское погребение (?), размытое внешней водой в 1927 г., на территории бывшего Бузулукского уезда Самарской области. Какие либо сведения о характере захоронения отсутствуют. Однако сохранился комплекс вещевого инвентаря, опубликованный в 1923 г. В.В. Гольмстен (Гольмстен В.В., 1923), хранящийся в настоящее время в фондах Самарского областного краеведческого музея (Инв. № 54).

Из разрушенного погребения у с. Федоровка происходят следующие предметы:

1. Меч железный короткий (длина клинка – 51,5 см, длина рукояти – 10,5 см), прямой, с параллельными лезвиями (ширина клинка 4,0 см, толщина 0,7 см) и плавнозаостренным концом. Сечение клинка линзовидное – без выраженного ребра. Черенок подпрямоугольный в плане и в сечении (10,5 х 2,0 х 0,8 см) с округлым сквозным отверстием (Дм 0,4 см) у основания. В месте соединения клинка с рукоятью имеется утолщение, образовавшееся, вероятно, в результате проковки (табл. 2, 1).

2. Кольчуга, состоящая из железных плоских клепанных колец, каждое из которых соединено (переплетено) с четырьмя соседними. Диаметр колец 1,5–1,8 см (лицевая часть), 1,0–1,2 см (спинная часть). Все кольца подпрямоугольные в сечении. В настоящее время кольчуга сохранилась в виде отдельных фрагментов, некоторые из которых сипелись ржавчиной в комки. Судя по самому большому фрагменту, ширина кольчуги в нижней части (подол) – 40 см, в районе грудной клетки – 54 см, длина переда – от плеча до подола – 88 см. Длина рукава – 23 см, ширина – 18 см (табл. 3, 2).

3. Котел медный тонкий (толщина листа 0,1–0,15 см), круглодонный. В настоящее время изделие находится в сильно окислившемся состоянии. Полусферический корпус его сильно помят, имеется целый ряд разрывов. Диаметр котла – 43 см, высота – 26 см. Верхняя часть котла декорирована уступчиком. Шейка его (1,8–2 см) вертикальная, край отогнут наружу. Судя по описи, котел имел плоскую массивную железную дужку (длина 62 см, ширина 2 см), которая в настоящее время не сохранилась (табл. 2, 2, 3).

4. Удила железные составные в виде двух прямых стержней с загнутыми в петли концами. Железная часть удил в настоящее время не сохранилась. В коллекции СОИМК остались лишь серебряные кольчатые псалии в виде небольших колец диаметром 3,0–3,2 см, слегка утолщенных с одной стороны, которые продевались сквозь петли удил. Каждое из колец имело по два серебряных зажима, один из которых крепился на кожаный ремень повода, другой соединялся с ремнем оголовья. Причем ремни упряжи вставлялись между пластинами зажима и скреплялись при помощи заклепок-гвоздиков длиной 3,8–4,5, шириной – 1,0–1,2 см. Три зажима из четырех были изготовлены из массивных серебряных пластин, первоначальное сечение которых было полу-кругло-подтреугольным. Таковым осталось сечение кольца зажима, а вот края были прикованы в прямоугольные пластины так, что верхняя (лицевая) пластина была более толстой (1,5 мм), чем задняя (0,7 мм). В пластинах было по два отверстия (Дм 2,0–2,5 мм) для клепки. Четвертый зажим отличался от трех первых. Он был изготовлен из тонкой серебряной (?) жестиной пластины подпрямоугольной формы, которая согнутая пополам охватывала кольцо псаля. В нем было лишь одно отверстие для закрепления ремня. Вероятно, четвертый зажим – результат замены старого, сломанного (табл. 4, 8).

5. Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел. Из 19 экземпляров, собранных в 1927 г., сегодня в фондах СОИМК сохранилось шесть. Боевые головки наконечников – ромбовидные. У одно-

го верхняя часть боевой головки значительно короче нижней (тип 1/2 в по И.П. Засецкой – Засецкая И.П., 1983), у четырех – верхняя часть боевой головки длиннее нижней (тип 1/3 в). У одного ровные края лопастей в верхней части головки и вогнутые в нижней (тип 1/1 Б в). Длина наконечников 5,3–7,5 см, при длине черешков 2,1–3,5 см (табл. 2, 4–9).

6. Наконечник ремня серебряный массивный – не сохранился. Судя по музейной описи № 211, он был склепан из двух пластин (длина 3,0 см, ширина 2,5 см), загнутых с одной стороны в виде рубчатого валика. На наружной поверхности его имеются перегородки, образующие три кружка и четыре прямоугольника (табл. 4, 6).

7. Четырехугольная бляшка с перегородчатой инкрустацией – не сохранилась. Судя по описи № 211, она представляла собой серебряную прямоугольную пластину с бортиком, разделенную рядом полушариков, имитирующих зерни. Середина пластины занята перегородками в виде кружка с вписанным ромбом из вогнутых линий. По четырем углам пластины были штифтики для прикрепления бляшки к ремню. Длина бляшки – 2,5 см, ширина – 2,0 см (табл. 4, 5).

8. Серебряное колечко диаметром 1,5 см, утолщенное в средней части, с висящей на нем бронзовой скобой (сечение – круглое, скобы – прямоугольные (табл. 4, 4).

9. Обломки тонкой электроновой пластины (от диадемы ?). Судя по описи, в 16-ти гнездах для вставки камней было девять красных гранатов различной формы: три – бобовидной, два – круглой, два – подпрямоугольной, один – подтреугольной, один – грушевидной. Сегодня на пластине имеется 12 гнезд и три камня-граната. Все гнезда имеют ободок из крупной зерни (табл. 3, 1).

10. Обломки тонких серебряных пластин подпрямоугольной (7 экз.) и полуовальной формы (1 экз.). На шести пластине имеется 1–2 отверстия круглой формы.

11. Поясные серебряные накладки (40 экз.) в виде узких прямоугольников (от 2,5 x 0,6 см до 3,0 x 0,6 см) с бортиками-закраинами (высота до 0,3 см). Причем, иногда бортик почти перпендикулярен плоскости накладки, иногда расположен под углом 45°. У двух концов прямоугольной накладки были сквозные отверстия, в которые продевались гвоздики с полыми шляпками (Дм шляпки 0,6 см, высота – 0,4 см). Другая сторона гвоздика, проткнув ремень, расплющивалась на его обратной стороне (фонд драгметаллов СОИМК № 130) (табл. 4, 10–11).

12. Плоское серебряное кольцо, которое, судя по охватывающей его скобе (между пластинами которой сохранились остатки ремня) и поясной накладке (аналогичной вышеописанным), укрепленной на скобе, первоначально было частью поясной гарнитуры. Изделие представляет собой плоское кольцо-основу с напаянными на нее тремя рядами проволоки (Дм 3,5 мм), причем, если срединная проволока была гладкой и овальной в сечении, то два боковых ряда были сделаны из гофрированной проволоки, круглой в сечении. Внешний Дм кольца 8 см, ширина кольца – 1,0 см (табл. 4, 12).

13. Поясная пряжка серебряная массивная сегодня в коллекции му-

зая не обнаружена. Судя по описи, кольцо рамки было овальное (4,5 x 2,5 см). Язычок "загнутый". Для скрепления с ремнем служила полукруглая двойная пластина (ширина 2 см), склепанная двумя штифтиками. По краю поверхности пластины вырезан орнамент в виде зубчатой линии (табл. 4, 7).

14. Две серебряные парные пряжки. Кольцо рамки в плане представляет собой подрезанный (в месте соединения с обоймой) полуовал (1,9 x 2,2 см). Сечение рамки – круглое. Рамка сильно утолщена в передней части. Щиток представляет собой подпрямоугольную в плане пластину, охватывающую рамку сзади на манер обоймы. Следует отметить, что лицевая часть щитка в 2,5 раза тоньше задней пластины и отделана с большей тщательностью. К ремню пряжки крепились при помощи двух заклепок-гвоздиков, расположенных по срединной оси щитка. Язычок хоботовидный, далеко выступает за рамку, круглый в сечении с уступчиком у основания (табл. 4, 1, 3).

15. Серебряная округлорамчатая трехсоставная пряжка, близкая по форме вышеописанным. Однако округлая рамка (2,0 x 1,8 см) заметно менее утолщена в передней части, а подпрямоугольная пластина-обойма (2,5 x 1,1 см) изготовлена из жести одинаковой толщины (лицевая и задняя) и с большей небрежностью, нежели у вышеописанных пряжек. Язычок хоботовидный, сильно выступает за рамку, округлый в сечении, с уступчиком у основания (табл. 4, 9).

16. Серебряная трехсоставная пряжка с В-образной в плане и восьмигранной в сечении рамкой. Трапецевидная в плане пластина обхватывает рамку сзади на манер обоймы. Конец ремня вставлялся между пластинами обоймы и закреплялся при помощи двух заклепок-гвоздиков. Задняя и лицевая часть обоймы идентичны. Хоботовидный язычок плотно ложится на переднюю часть рамки. У основания язычка имеется выступающая площадочка. Сечение язычка в средней части пятигранное (табл. 4, 2).

В.В. Гольмстен отнесла Федоровское погребение к периоду великого переселения народов и датировала его V в. (Гольмстен В.В., 1923. С. 134–135).

И сегодня, по прошествии более чем 60 лет с момента этой публикации В.В. Гольмстен, многие аспекты интерпретации Федоровского комплекса остаются не вполне решенными. В частности, его дата так и осталась одним из пунктов разногласий в известной дискуссии А.К. Амброза и И.П. Засецкой, предметом которой являлась хронология древностей эпохи великого переселения народов.

В периодизации раннесредневековых кочевнических древностей А.К. Амброза Федоровский комплекс был отнесен к памятникам второй хронологической группы (ХГА–II), датированной автором с рядом оговорок VI–VII вв. (Амброз А.К., 1981. С. 14–16), а в более поздней работе – VI – серединой VII в. (Амброз А.К., 1989. С. 78). Если дата материалов ХГА–I (V в.) ни у кого из специалистов не вызывает сомнений, то спорность хронологии ХГА–II признавал сам А.К. Амброз (Амброз А.К., 1981. С. 21). Вместе с тем, если бы автор перенес Федоровское погребение в ХГА–I (а возможность этого была заложена в самой

типологии вещей (мечи, удила, поясные наборы), разработанной А.К. Амброзом (Амброз А. К., 1981), то целый ряд противоречий хронологического плана удалось бы снять. На отдельные моменты несоответствия типологии и хронологии А.К. Амброза (в частности, в оценке удила из Федоровского комплекса) обратила внимание И.П. Засецкая (Засецкая В.П., 1986), которая в своей хронологической системе древностей гуннского круга помещает Федоровское захоронение в хронологическую группу 16 (ХГЗ-16) и рассматривает его как местный вариант данной группы, в отличие от северопрichernоморских находок этой группы, принадлежащей к иной этнокультурной традиции (Засецкая И.П., 1994. С. 115). Географическое положение (лесостепь Самарского Заволжья, близость Прикамья), по мнению исследовательницы, "объясняет общность некоторых материалов федоровского комплекса с прикамскими древностями IV-V вв." (Там же). Уточняя дату Федоровского погребения, И.П. Засецкая пишет, что оно "могло иметь место и в середине, и в конце V в." (Там же. С. 116). Такая дата несколько выбивается из общего контекста монографии – группа ХГЗ-1а синхронна группе ХГЗ-16 и датируется в пределах последней четверти IV – первой половины V в. (Там же. С. 116), хотя, вероятно, и может быть оправдана его периферийным характером.

Датировка Федоровского комплекса, предложенная И.П. Засецкой, представляется нам наиболее обоснованной, но нуждающейся в дальнейшем уточнении. Возможности такового видятся на пути более тщательного анализа вещевого инвентаря, в частности, прежде этого погребения.

Сегодня, когда фонды СОИКМ стали вновь доступными (после переезда музея в новое здание) и появилась возможность работать с материалом непосредственно, а не по прорисовкам более чем полувековой давности, вопрос об уточнении даты Федоровского комплекса вновь приобрел актуальность, ибо в свете теперешних представлений о раннесредневековой хронологии важны даже малейшие детали морфологии вещи. В частности, изучение деталей эволюции пряжек, позволило сделать их надежным датирующим материалом для эпохи "великого переселения народов" (Ковалевская В.Б., 1979; Богачев А.В., 1992).

В настоящее время в фонде драгметаллов СОИКМ хранятся четыре трехсоставные серебряные пряжки из Федоровки. Интересно, что одна из них – В-образная (табл. 4, 2) по своим морфологическим особенностям близка пряжкам тезиковского этапа (III-IV вв.) эволюции средневожских поясов (Богачев А.В., 1992). Две парные овальнорамчатые пряжки (табл. 4, 1, 3) типичны для материалов тураевского этапа (V – первая половина VI в.) (Там же). А одна округлоямчатая пряжка несет на себе черты как той, так и другой группы изделий (табл. 4, 9). Такое сочетание морфологических особенностей характерно для материалов федоровского этапа (первая четверть V в.) типологического развития поясной гарнитуры Среднего Поволжья (Там же. С. 149).

Пряжки федоровского (переходного) этапа в целом сохраняют морфологические традиции изделий предшествующего времени. Однако у них появляются новые язычки – хоботовидные, нависающие над

рамкой, не прогнутые в средней части и с уступчиком, а не с площадочкой у основания. Такие язычки являются неотъемлемой частью пряжек тураевского этапа. А поскольку нижние хронологические границы переходного и следующего за ним этапа совпадают, это означает фактически то, что пряжки тураевского этапа появляются тогда, когда пряжки тезиковского этапа еще остаются в быту. Самая тонкая деталь трехсоставных пряжек — язычок — ломалась быстрее и подлежала замене (не выбрасывать же всю пряжку!). Однако, поскольку в это время мастера отливали детали пряжек уже нового типа, сношенные язычки на старых пряжках заменялись новыми — хоботковыми. Таким образом складывалась особая морфология пряжек переходного федоровского этапа эволюции пряжек.

Определение даты Федоровского комплекса по пряжкам в пределах первой четверти V в. не противоречит более широким датировкам других вещей из этого погребения.

Еще одно погребение “гуннского круга” было исследовано отрядом Средневолжской археологической экспедиции под руководством И.Б. Васильева в 1974 г. во время раскопок Владимировского курганного могильника эпохи бронзы в Хворостянском районе Самарской области на правом берегу р. Чагры. Все материалы комплекса были опубликованы В.А. Скарбовенко в 1979 г. (Скарбовенко В.А., 1979).

Погребение 2 было впускным в самом большом кургане (№ 4) могильника. На глубине 1,0 м от уровня современной поверхности был расчищен костяк ребенка трех-пяти лет, лежавший на спине головой на северо-запад-север. Ноги его были согнуты в коленях так, что образовывали в плане ромб. Лучевая кость правой руки находилась на тазовых костях. Погребальный инвентарь был расположен в 0,6 м к югу от костяка и находился по правую сторону и несколько выше уровня скелета, то есть, вероятно, на краю могильной ямы, контуры которой не прослеживались. Все предметы спеклись в один комок и носили явные следы воздействия огня — между ними попадались отдельные угольки и вкрапления золы. Судя по отсутствию следов кострища, вещи были обожжены на стороне, а затем положены в могилу. Как отметил автор публикации: “мы имеем здесь редкое сочетание обряда трупоположения с частичным обожжением вещей на стороне и последующим помещением их рядом с захороненным” (Там же. С. 165).

В состав погребального инвентаря входили следующие предметы:

1. Звено удила, изготовленное из толстого бронзового прута с заостренными концами (табл. 5, 10). Сечение прута в средней части квадратное, на концах — овальное. Концы прута загнуты в кольца во взаимоперпендикулярных плоскостях.

2. Смятые и изорванные фрагменты двух треугольных в плане обкладок лука седла, изготовленных из золотой фольги (табл. 5, 13). Одна из обкладок восстанавливается почти полностью. Длина ее основания — 13 см, высота — 4,8 см. Края обкладок окаймлены штампованным орнаментом в виде волют со слабо закрученными концами, центральная часть покрыта чешуйчатым орнаментом, выполненным в технике мелкого зубчатого штампа.

3. Два фрагмента ленты, изготовленной из тонкой золотой фольги, шириной 3 см (табл. 5, 12). Лента украшена чешуйчатым орнаментом, но более крупным, нежели на обкладках луки седла. Назначение ленты неясно.

4. Двенадцать накладок прямоугольной формы, изготовленных из бронзовой пластины, обтянутой сверху золотой фольгой (табл. 5, 7–8). Накладки украшены тисненым орнаментом. Длинные стороны накладок окаймлены ложной веревочкой, короткие – рубчиком; внутреннее поле накладок украшено рядами зерновидных оттисков. В углах накладок имеются круглые сквозные отверстия (для крепления?). Полагают, что подобные накладки служили украшением уздечных ремней.

5. Три круглые бляхи, на каждой из которых изображено человеческое лицо, окаймленное рубчатым валиком (табл. 5, 9). Одна из них целая, две другие – в обломках. Бляхи изготовлены из бронзовой пластины, обтянутой сверху золотой фольгой. Диаметр изделий – 6 см, каждое имеет по четыре сквозных отверстия для прикрепления к предмету-основе. Изображения лиц выполнены тиснением. Волосы, брови и узкая борода переданы рубчиками. Считается, что такого рода бляхи являлись украшениями конской сбруи.

6. Железные наконечники стрел – семь экземпляров (табл. 5, 1–6). Один из них – плоский, ромбический, с уступчиком у основания головки, имеющий хорошо выраженное ребро на одной стороне головки и неглубокий желобок – на другой. Длина головки наконечника – 4,6 см. Остальные наконечники были трехлопастными, черешковыми, с ромбическими головками. Три наконечника из шести имеют уступ при переходе от черешка к основанию головки. Наконечники крупные, длина головки колеблется от 4,8 до 6 см, и лишь один наконечник имеет длину головки 3,5 см.

Одни наконечники – приземистые, с широкими лопастями, ромбический излом пера приходится примерно на середину длины головки; другие – более узкие, удлинённых пропорций, излом пера смещен к верхней части головки. У двух наконечников края лопастей были вогнутыми. В классификации И.П. Засецкой наконечники из Владимирского комплекса были отнесены к следующим типам: 1/1,А,а; 1/1,А,б; 1/1,Б,а; 1/2, а; 1/3,в; (Засецкая И.П., 1983. С. 74)

7. Десять накладок прямоугольной формы из тонкой золотой фольги (табл. 4, 11). Орнаментированы они тиснением. Орнамент имеет вид косой ромбической сетки. Края накладок загнуты для крепления на твердой основе. По своему назначению эта группа накладок, вероятно, являлась украшением уздечных ремней.

Определить время совершения Владимирского погребения, исходя из материалов самого комплекса, в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия в нем узко датирующих вещей. Вместе с тем, можно попытаться найти его место в типологической системе древностей “гуннского круга”.

И.П. Засецкая поместила Владимирское погребение в ХГЗ–2 (вместе с материалами из курганов 17, 18 у г. Покровска, кургана 3 у стан-

ции Шипово и колхоза “Восток”), отличительными особенностями которой являются бляхи с изображением “личины” и прямоугольные пластины, украшенные рядами зерновидных и катушечновидных фигур, а также почти полное отсутствие вещей полихромного стиля (Засецкая И.П., 1994. С. 126).

Интересно, что в последней монографии А.К. Амброза ХГА-II по составу комплексов почти совпадает с ХГЗ-2 (лишь могила 3 кургана 4 у с. Верхнепогромное не входит в ХГЗ-2, а комплекс из “Восхода” отсутствует в ХГА-II). Как отмечает автор: “степные погребения группы II отличаются прежде всего металлическими накладками, обтянутыми, как в гуннское время, золотой или тисненой фольгой, но с иным, пока не найденным в комплексах V в. выпуклым узором” (Амброз А.К., 1989. С. 74).

Однако абсолютные даты этой группы степных древностей а, следовательно, и Владимировского комплекса у И.П. Засецкой и А.К. Амброза далеко не совпадают: ХГЗ-2 – вторая половина V в. (Засецкая И.П., 1994. С. 128) ХГА-II – VI – середина VII в. (Амброз А.К., 1989. С. 81–82). Показательно, что в качестве основного хронологического индикатора авторы использовали пряжки, хотя привлекались и другие вещи.

Действительно, цельнолитные пряжки из Шипова (курган 3) и Верхнепогромного занимают особое место в дискуссии о верхней хронологической границе гуннских древностей.

Дело обстоит таким образом, что если, вслед за А.К. Амброзом (Амброз А.К., 1989. С. 76), поместить эти пряжки в разряд “геральдических”, то поздняя дата гуннских комплексов автоматически поднимется до второй половины VI – VII в. (эта датировка вещей геральдического стиля является общепризнанной). Если же мы, как и И.П. Засецкая, не согласимся с такого рода определением пряжек из Шипова и Верхнепогромного, то будем вынуждены признать, что во второй половине VI в. в южнорусских степях гуннских вещей уже не было (И.П. Засецкая ограничивает эту дату началом VI в.).

Поскольку вопрос о типологической идентификации названных пряжек является принципиальным в плане определения поздней даты гуннских комплексов, обратимся к аргументации авторов.

Говоря о пряжках из Шипова и Верхнепогромного как о геральдических, А.К. Амброз пишет: “все признаки украшений этого рода налицо: предметы сделаны из листа металла, рамка и щиток – из одного куска, имитирует массивные тяжелые вещи с толстыми широкими рамками” (Там же).

И.П. Засецкая считает, что “можно говорить с уверенностью о том, что данные пряжки не являются репликами геральдических пряжек VI–VII вв.” (Засецкая И.П., 1994. С. 91). По ее мнению, для изделий геральдического типа не характерны “такие признаки, как рубчатый орнамент, рифленые рамки, применение золотого покрытия”; и напротив, – “характерно наличие скошенных граней по краям рамки и щитка” (Там же). Кроме того, различны и способы крепления к ремню шиповских (при помощи сквозных заклепок-гвоздиков) и геральдиче-

ских (при помощи внутренних шпеньков, отлитых вместе со щитком) пряжек (Там же).

Точка зрения И.П. Засецкой по этому вопросу нам кажется наиболее аргументированной (Богачев А.В., 1992. С. 70). Но мы не вполне разделяем вывод о том, что шиповские пряжки относятся к V в. и “продолжают традиции сармато-гуннской эпохи” (Засецкая И.П., 1994. С. 91), поскольку в Восточной Европе в комплексах достоверно V в. пряжки с выпукло-вогнутыми рамками не известны. В качестве примера можно привести материалы из достоверно непереложенных закрытых комплексов раннесредневековых могильников Прикамья и Северного Кавказа, хронология которых изучалась целенаправленно. На Верхней Каме в погребениях ломоватовской культуры первые образцы (2 экз.) пряжек с выпукло-вогнутыми рамками появляются лишь в материалах VI в. (поздняя фаза харинского этапа) (Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973. Табл. 4 – 24, 25). В погребениях (№ 374, 259, 410) могильника Дюрсо близ г. Новороссийска самые ранние пряжки с выпукло-вогнутым сечением рамки по фибулам датированы временем не ранее второй трети VI в. (Дмитриев А.В., 1982. Рис. 11–17). Причем, пряжки из погребений 259 и 410 были цельнолитными, а из погребения 373 – трехсоставными с гофрированной рамкой, но и те и другие крепились к ремню при помощи заклепок-гвоздиков. Совокупность всех признаков названных пряжек из Дюрсо не позволяет безоговорочно отнести их к разряду геральдических. Не случайно в матрице взаимовстречаемости предметов в комплексах с фибулами (Там же. С. 96) они заняли место за трехсоставными округлорамчатыми пряжками (II этап периодизации Дюрсо – первая треть VI в.) и перед геральдическими пряжками (IV этап – последняя треть VI – VII в.). По всей видимости, лишь малочисленность такого рода пряжек на могильнике не позволила А.В. Дмитриеву, отнесшему их к разряду геральдических, выделить эти пряжки в особую группу переходного характера.

Заметим, что исследователями уже обращалось внимание на отдельные случаи находок пряжек этого переходного типа (Васкул И.О., 1985; Богачев А.В., 1990). Специальный анализ эволюции поясных наборов (529 пряжек) Среднего Поволжья (Богачев А.В., 1992а; 1992б) позволил выделить компактную группу пряжек (47 экз.), локализовавшуюся в матрице между трехсоставными и геральдическими пряжками и несущую на себе признаки как той, так и другой типологических групп. Такой подход позволил говорить не о случайном, а о закономерном характере существования в Восточной Европе переходной группы поясных принадлежностей “предгеральдического стиля”.

Пряжки из Шипова и Верхнепогромного необходимо отнести в разряд предгеральдических, так как их морфология, с одной стороны, действительно восходит к старым стереотипам изготовления трехсоставных пряжек (см. аргументацию И.П. Засецкой); с другой – в них выкристаллизовываются новые стилистические традиции, которые в полной мере проявились в последующее время в поясах геральдического типа (см. аргументацию А.К. Амброза).

Говоря об абсолютной дате пряжек из Шипова и Верхнепогромно-

го, следует иметь в виду, что нижняя хронологическая граница изделий переходной группы (предгеральдической), по всей видимости, должна совпадать со временем появления первых реплик геральдических украшений. Дата появления последних в настоящее время определяется в пределах второй половины VI в. Временные рамки бытования переходной группы пряжек не должны превышать 25–50 лет (Богачев А.В., 1992а. С. 159). А с учетом того, что в комплексах Дюрсо такие пряжки встречаются с фибулами второй трети VI в., можно предположить, что наиболее вероятная дата совершения захоронений в Шипово и Верхнепогромном – третья четверть VI в. Поскольку эти погребения являются наиболее поздними (судя по пряжкам) в серии древностей “гуннского круга”, постольку верхнюю хронологическую границу всех этих материалов, на сегодняшнем уровне знаний, следует определить в пределах третьей четверти VI в.

Однако могущество гуннов заканчивается в последней трети V в. – они сходят с политической арены и, как следствие, перестают упоминаться в хрониках. Насколько же корректен термин “гуннские” в отношении древностей кочевников VI в.?

Действительно, византийские источники VI в. сообщают, что в это время восточноевропейские степи заняли кочевые племена сарагуров, урогов, сногуров, болгар, сибир, утигуров, кутригуров и др. Вместе с тем, следует отметить, что утигуры и кутригуры, упомянутые Прокопием Кессарийским и Агафием Миринейским, рассматриваются в качестве потомков гуннов (Засецкая И.П., 1994. С. 149). Важно и то, что много лет племена болгар и сабир носят приставку – “гунно”..., то есть “причислять к гуннам в VI в. было гордо” (Гумилев Л.Н., 1993. С. 124).

В этой связи логично допустить, что “гуннский стиль” еще какое-то время (до третьей четверти VI в.) сохранился в манере одеваться, носить оружие, украшать упряжь боевого коня у тюркской родовой знати (все комплексы “гуннского круга” VI в. содержат достаточно богатый инвентарь).

Появление новой моды в степи (в частности на наборные боевые пояса геральдического типа) связано, вероятно, с усилением могущества I Тюркского каганата во второй половине VI – первой половине VII в.

Таким образом, начиная с рубежа IV–V вв. лесостепные районы Самарского Заволжья входят в зону влияния “гуннского мира”, являясь его периферией (Федоровка). По всей видимости, таковой они продолжают оставаться вплоть до третьей четверти VI в. (Владимировка).

2. Памятники постгуннского (раннетюркского) времени

Послегуннское время в раннесредневековой археологии остается наименее изученным периодом, и, прежде всего, по причине узости источниковой базы: кочевнические комплексы второй половины VI – первой половины VII в. в Восточноевропейской степи крайне редки и неоднородны.

Последнее обстоятельство можно объяснить, с одной стороны, от-

током значительной части кочевнического населения на запад вместе с гуннами и аланами; с другой — усилением в 70-х годах VI в. власти Тюркского каганата и распространением его влияния вплоть до Северного Кавказа и Северного Причерноморья, что и изменило демографию региона.

Так или иначе, но с середины VI в. (конец гуннской эпохи) и до второй половины VII в. (начало раннеболгарского времени) в Поволжских степях не было сколько-нибудь крупного этнокультурного образования, выявленного археологически. Известны лишь отдельные разнорядовые подкурганные захоронения, объединенные только хронологическим горизонтом.

Самое северное кочевническое захоронение этого времени в регионе было исследовано в 1985 г. отрядом Самарского государственного университета под руководством В.А. Скарбовенко около д. Новоселки Буинского района Татарстана. Погребение было введено в курган эпохи бронзы и было зафиксировано на глубине -0,9 м от 0 в северо-восточном секторе насыпи. Контуры могильной ямы не прослеживались.

Погребенный лежал вытянуто на спине головой на север-северо-восток (табл. 7, 1). Левая рука была вытянута вдоль тела, предплечье правой помещалось на тазовых костях. Под костями скелета местами сохранились следы подстилки из дерева. В ногах обнаружены кости барана.

Сопровождающий инвентарь состоял из металлических предметов и остатков кожаных ремней, входивших первоначально в поясной набор. Бронзовый прямоугольный с закругленным концом, полый внутри и прямоугольный в сечении наконечник ремня находился под плечевой костью левой руки (табл. 7, 4). Найдена также бронзовая пряжка с подвижным язычком, полукруглым щитком-обоймой и выпукло-вогнутой трапецевидной рамкой (табл. 7, 2). Другая железная пряжка имела овальную в плане и круглую в сечении рамку, утолщенную в передней части, а также хоботовидный язычок, выступающий за рамку (табл. 7, 3).

Дата Новоселовского погребения (вторая половина VI в.), была определена по бронзовой пряжке предгеральдического стиля (Богачев А.В., 1990). Детали погребального обряда находят ближайшие аналогии в материалах турбаслинской культуры Приуралья (Там же).

Погребение 2 из кургана 6 Преполовеновского курганного могильника также было введено в насыпь, сооруженную в эпоху бронзы (табл. 7, 5). Памятник находился в трех км к северо-западу от с. Преполовенка Безенчукского района Самарской области. Кочевническое захоронение прорезало основное погребение эпохи бронзы, находившееся в центре кургана (Диаметр 8,8; высота 0,25). Могильная яма имела овальную форму (3,2 x 1,5 м), глубину -1,05 м и было ориентировано по линии север-юг. В заполнении встречались кальцинированные кости и раковины. На глубине 0,9 м от уровня материка вдоль восточной стенки могильной ямы шел уступ, на котором в его южной части находились череп и кости ног крупного рогатого животного (быка?), покрытые берестой. В северной части уступа лежал череп козы и дру-

гие кости животного. Кости крупного животного были обнаружены и в небольшом подбое в южной стенке могилы. Скелет погребенного лежал на дне могилы вытянуто на спине, головой на север, руки вытянуты вдоль тела (табл. 7, 6). К востоку от скелета лежали в анатомическом порядке конечности ног собаки (волка?). Здесь же отмечено скопление кусочков мела и угля. В 15 см слева от черепа лежал фрагмент зеркала из белого металла диаметром 5–5,5 см с ячеистым орнаментом на обратной стороне (табл. 7, 7). Справа от костяка, в непосредственной близости от таза были найдены сильно окислившиеся обломки железного ножа с деревянной рукояткой.

По мнению автора публикации комплекса И.Н. Васильевой, погребение датируется концом IV – VII в. (Васильева И.Н., 1979). Определяя эту дату, автор прежде всего опиралась на датировки аналогичных зеркал юга Восточной Европы из сармато-аланских комплексов. Ввиду того, что датировка последних в настоящее время была несколько уточнена, сейчас представляется возможность сузить дату Преполовенковского комплекса. В частности, во вновь разработанной В. Б. Ковалевской хронологии могильника Мокрая Балка весь материал был сгруппирован в 13 фаз на основании распределения типов и вариантов керамики (Ковалевская В.Б., 1995а. Табл. 13). В таблице зеркала, аналогичные преполовенковскому оказались помещенными в 1 и 7 фазы могильника, где они встречаются с пряжками предгеральдического стиля (Там же. Табл. 13–42) второй половины VI в. (Богачев А.В., 1992а) и геральдическими поясами (Ковалевская В.Б., 1995а. Табл. 13–34, 94), верхняя дата которых определяется в пределах второй половины VI – конца VII в.

Поскольку идентифицировать погребальный обряд Преполовенковского комплекса в настоящее время не представляется возможным (хотя отдельные детали его известны у многих кочевых культур), датировка зеркала пока остается единственным основанием для включения погребения в группу постгуннских (раннетюркских) захоронений.

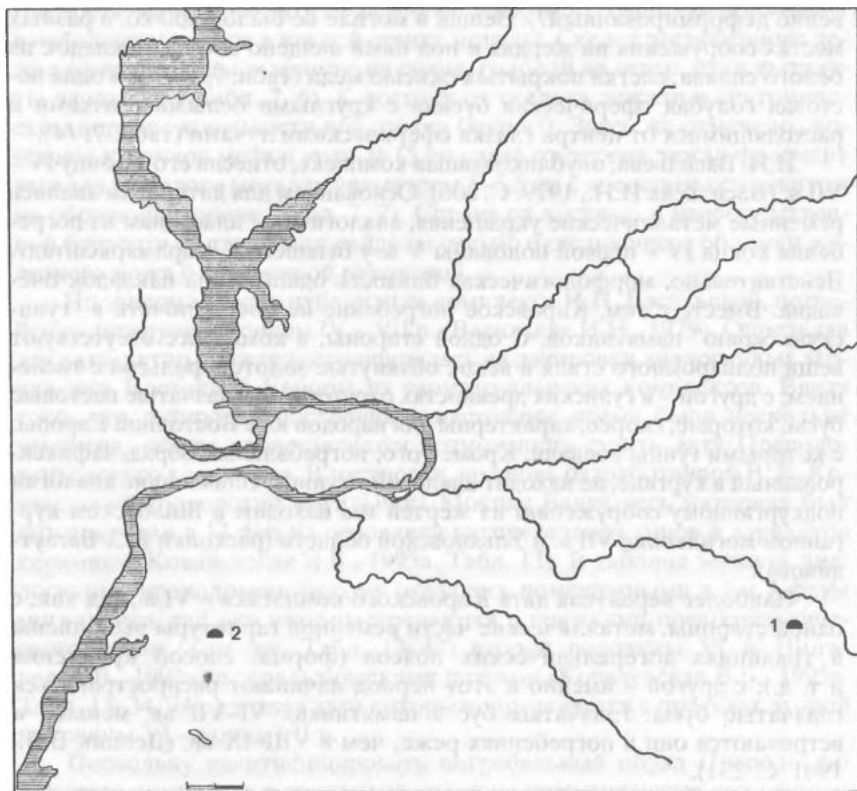
Третье захоронение послегуннского времени в Самарском Заволжье было исследовано в кургане 4 Кировского I курганного могильника (табл. 7, 8). Памятник расположен в 1,5 км к северо-западу от центральной усадьбы совхоза им. С. М. Кирова Красноармейского района Самарской области, на высокой коренной террасе. Большинство курганов могильника относятся к эпохе бронзы и раннего железного века. Курган 4 имел диаметр 12 м при высоте 0,2 м. На уровне древней поверхности было зафиксировано сооружение из березовых жердей диаметром 5–7 см, расположенных радиально в виде кольца шириной 1,5–2,5 см. В центре кургана деревянных плашек не зафиксировано. В центре кургана находилась могильная яма подпрямоугольной в плане формы (2,1 x 0,7 м), глубиной 2,2 м, ориентированная по линии север–северо-восток – юг–юго-запад. У восточного края могилы был выявлен фаселевидный в плане выкид мощностью 0,15 м. На глине выкида встречались кусочки древесного угля. Погребение полностью разрушено. В северной части могилы на дне найдены фаланги пальцев и верхняя часть человеческого черепа очень вытянутой формы (искусст-

венно деформированный?). Вещей в могиле не было, однако, в разных местах сооружения на жердях и под ними найдено восемь накладок из белого сплава, слегка покрытых окисью меди (табл. 7, 9–13), и одна пастовая голубая сферическая бусина с круглыми белыми глазками и расходящимися от центра глазка сферическими лучами (табл. 7, 14).

И.Н. Васильева, опубликовавшая комплекс, отнесла его к концу IV – VII в. (Васильева И.Н., 1979. С. 206). Основанием для датировки явились ременные металлические украшения, аналогичные пластинам из погребения конца IV – первой половины V в. у бывшего г. Карлмарксштадт. Действительно, морфологическая близость одного типа накладок очевидна. Вместе с тем, Кировское погребение нельзя включать в “гуннскую серию” памятников. С одной стороны, в комплексе отсутствуют вещи полихромного стиля и вещи, обтянутые золотой фольгой с тиснением; с другой – в гуннских древностях отсутствуют глазчатые пастовые бусы, которые, скорее, характерны для народов юга Восточной Европы, с которыми гунны воевали. Кроме того, погребальный обряд, зафиксированный в кургане, не находит аналогий у гуннов. Ближайшие аналогии подкурганному сооружению из жердей мы находим в Шиловском курганном могильнике VII в. в Ульяновской области (раскопки Р.С. Багаутдинова).

Наиболее вероятная дата Кировского комплекса – VI в., так как, с одной стороны, металлические части ременной гарнитуры выполнены в традициях догеральдических поясов (форма, способ крепления и т. д.); с другой – именно в этот период начинают распространяться глазчатые бусы: глазчатых бус в памятниках VI–VII вв. меньше и встречаются они в погребениях реже, чем в VIII–IX вв. (Деопик В.Б., 1961. С. 231).

Трудно сказать, чем вызвано появление в VI в. в Среднем Поволжье различных по погребальному обряду и инвентарю отдельных кочевнических подкурганных захоронений. Не исключено, что это представители малочисленных родов, не пожелавших подчиниться власти правителей I Тюркского каганата и ушедших на север, в районы, не контролируемые ими. Если это действительно так, то нижняя хронологическая граница всех этих комплексов ограничивается последней третью VI в., поскольку именно в 70-е годы VI в. власть Тюркского каганата распространяется далеко на запад, в том числе и в Поволжские степи.

*Таблица 1. Карта памятников гуннского времени.
1 – Федоровское погребение; 2 – Владимировское погребение*

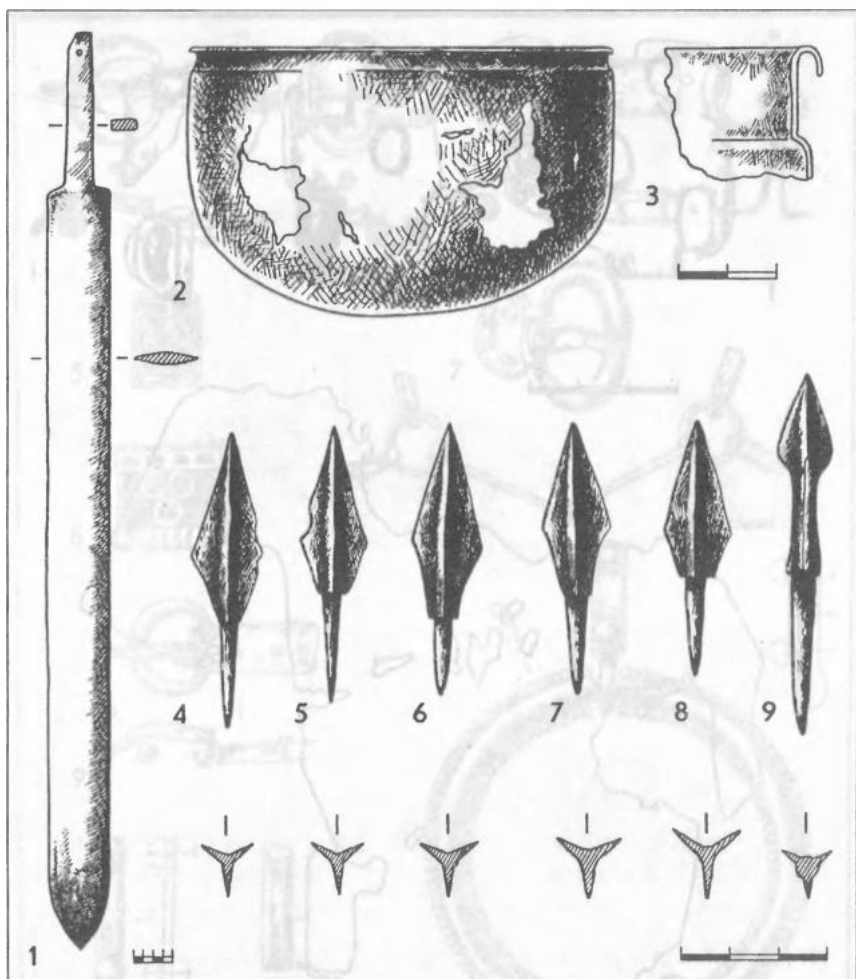

Таблица 2. Вещи из погребения у с. Федоровка.

1 — железный меч; 2 — бронзовый котел; 3 — увеличенный фрагмент края котла; 4-9 — железные наконечники стрел

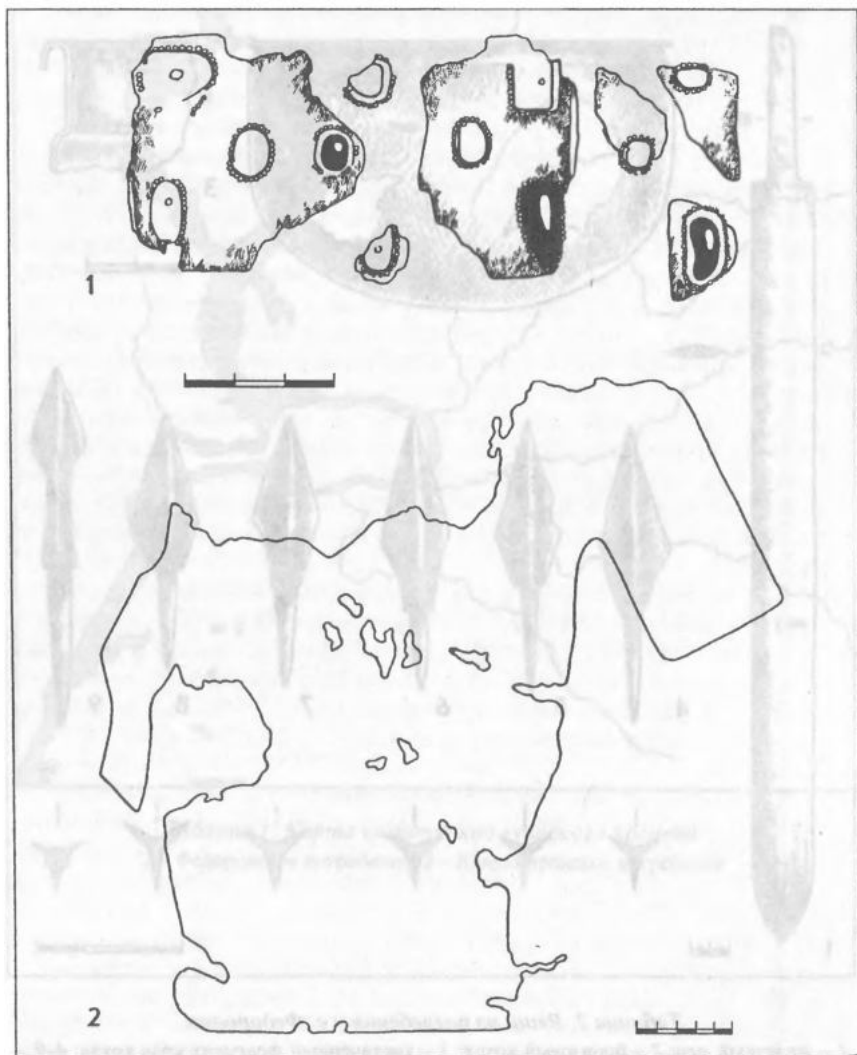

Таблица 3. Вещи из погребения у с. Федоровка.

1 – фрагменты диадемы из электронового сплава со вставками из гранатов; 2 – контур железной кольчуги

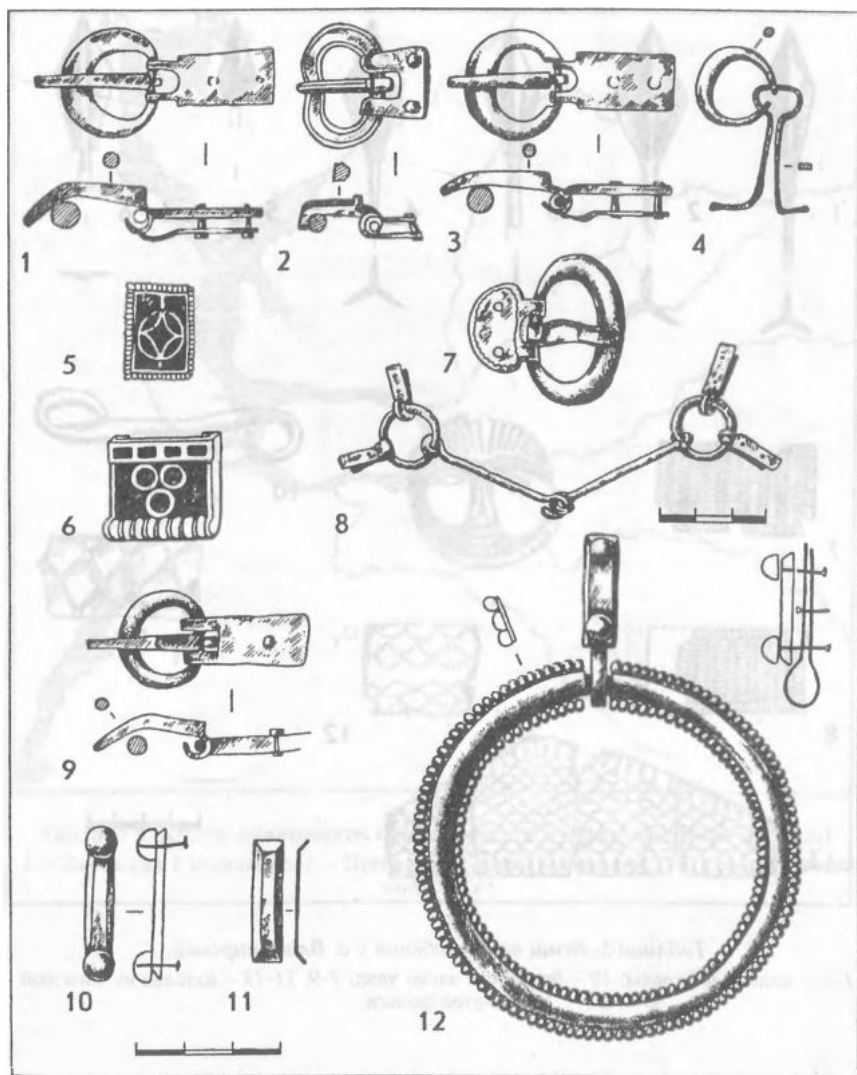

Таблица 4. Вещи из погребения у с. Федоровка.

1-3, 7, 9 – серебряные пряжки; 4 – серебряное кольцо со скобой; 5 – серебряная поясная накладка; 6 – серебряный наконечник пояса; 8 – железные удила с серебряными скобами; 10-11 – серебряные поясные накладки; 12 – серебряное кольцо

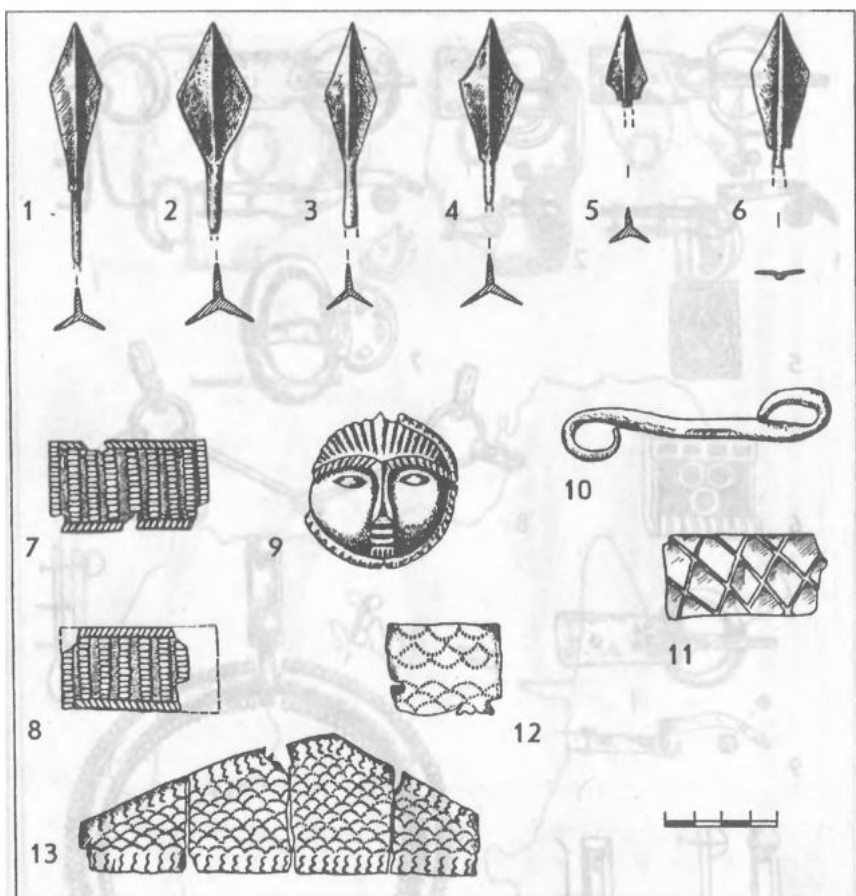

Таблица 5. Вещи из погребения у с. Владимировка.

1-6 – железные стрелы; 10 – бронзовое звено удил; 7-9, 11-13 – изделия из тисненой золотой фольги

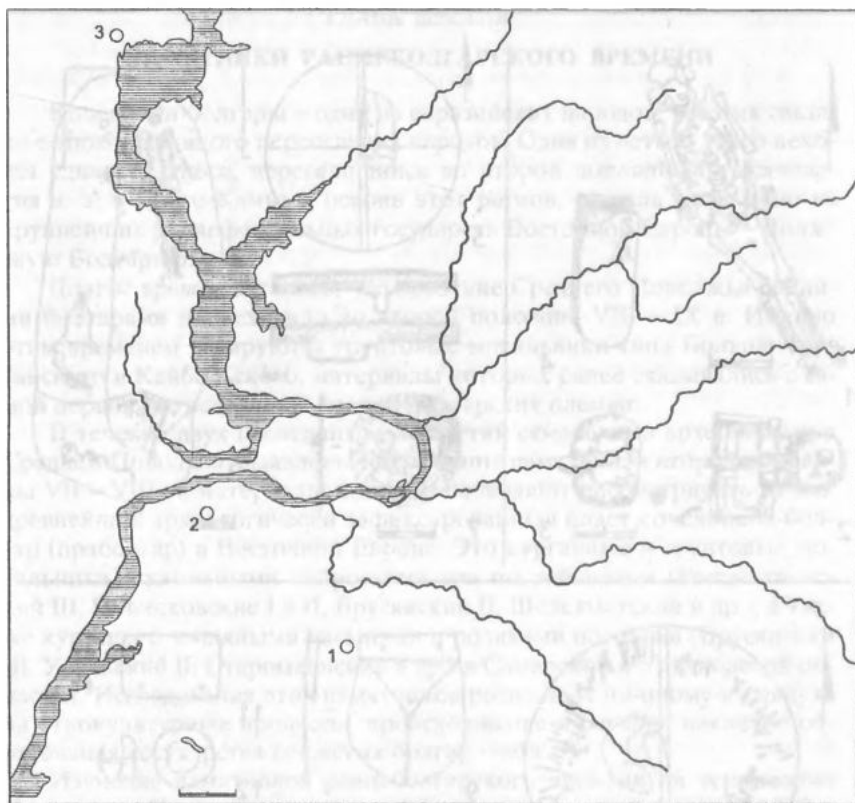

Таблица 6. Карта памятников постгуннского (раннетюркского времени).
 1 – Кировский I могильник; 2 – Преполовенковский могильник; 3 – Новоселковский
 могильник

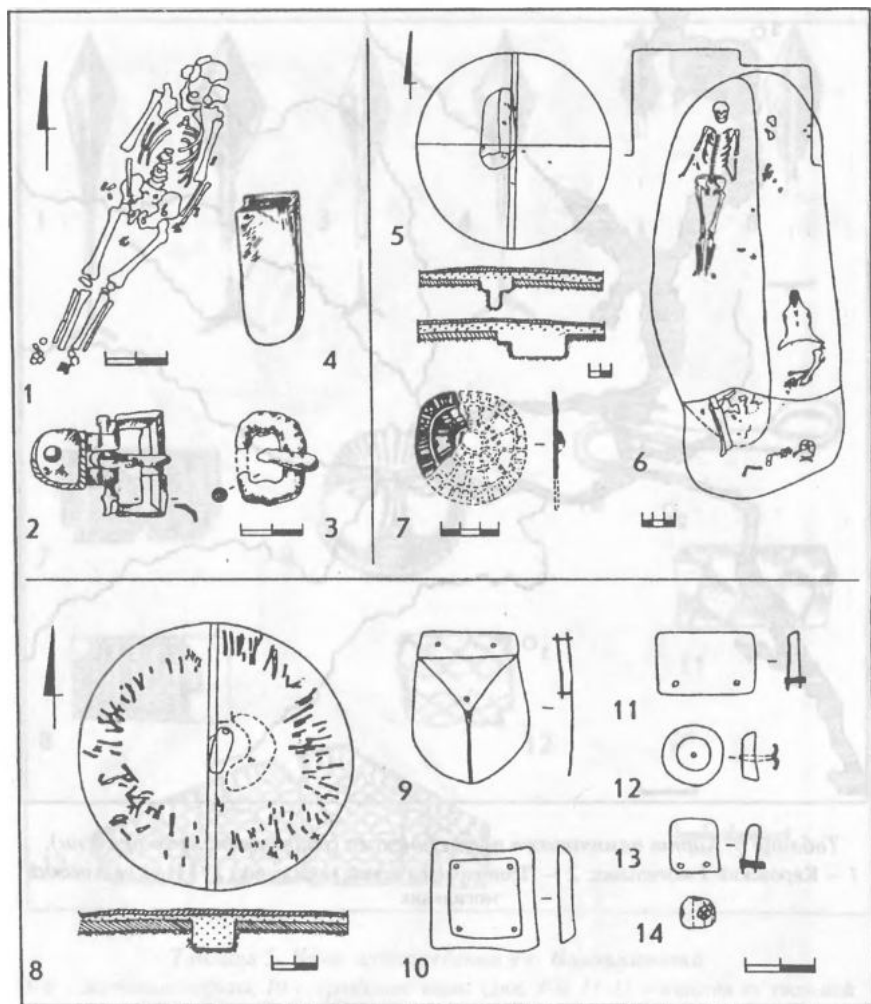

Таблица 7. Погребальные комплексы, найденные у сел Новоселки (1-4), Преполовенка (5-7), с-з им. Кирова (8-14)

ПАМЯТНИКИ РАННЕБОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Кочевники-болгары – один из евразийских народов, чье имя связано с эпохой великого переселения народов. Одна из ветвей этого некогда единого этноса, переселившись во второй половине I тысячелетия н. э. в Волго-Камье и освоив этот регион, создала здесь одно из крупнейших раннефеодальных государств Восточной Европы – Волжскую Болгарию.

Долгое время считалось, что освоение Среднего Поволжья ранними болгарами происходило во второй половине VIII – IX в. Именно этим временем датируются грунтовые могильники типа Больше-Тарханского и Кайбельского, материалы которых ранее связывались с самой первой миграционной волной болгарских племен.

В течение двух последних десятилетий самарскими археологами в Среднем Поволжье выявлены новые типы памятников второй половины VII – VIII в., материалы которых позволяют рассматривать их как древнейший археологически зафиксированный пласт кочевников-болгар (праболгар) в Восточной Европе. Это курганные и грунтовые могильники с каменными набросками над погребениями (Рождественский III, Новинковские I и II, Брусянский II, Шелехметский и др.), а также курганы с земляными насыпями и ровиками под ними (Брусянский III, Уреньский II, Старомайнский и др.) в Самарской и Ульяновской областях. Исследования этих памятников позволяют по-иному взглянуть на этнокультурные процессы, происходившие в регионе накануне образования государства волжских болгар (табл. 1).

Изучение памятников раннеболгарского времени на территории Самарского Поволжья началось с 20-х годов нашего столетия. В 1920 г. профессор Самарского университета П.А. Преображенский открыл на Самарской Луке, в 4,5 км к западу от с. Рождествено курганный группу, впоследствии получившую название Рождественского III могильника. В следующем году группа слушателей высших этнологического-археологических курсов при Самарском университете под руководством В. В. Гольмстен выявила еще две курганные группы между селами Рождествено и Новинки (Новинковские I и II могильники) и произвела раскопки двух курганов в одной из них и трех курганов – в другой. Бедность погребального инвентаря в значительной степени затрудняла атрибуцию и датировку исследованных погребений. Результаты раскопок остались неопубликованными, материалы, полученные в процессе исследований хранятся в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина.

После отъезда В. В. Гольмстен из Самары исследования в области надолго прекратились. Лишь после Великой Отечественной войны отряд Куйбышевской археологической экспедиции Института истории материальной культуры, работавший в зоне затопления Куйбышевского водохранилища, сосредоточил свои работы на северо-западе Самарской области. В 1952 г. Н. Я. Мерпертом в кургане эпохи бронзы у

с. Хрящевка было раскопано погребение VIII–IX вв. (Мерперт Н. Я., 1954. С. 126–129).

В 1970 г. Средневожская археологическая экспедиция Самарского университета под руководством Г. И. Матвеевой исследовала 3 кургана в Рождественском III могильнике. Результаты этих работ были опубликованы Н. Г. Рутто (Рутто Н. Г., 1975. С. 120). К сожалению, погребения были разрушены, а инвентарь их крайне беден, поэтому точно определить их культурную принадлежность и датировать не удалось. Той же экспедицией был исследован курган в 2 км к востоку от с. Новинки (Матвеева Г. И., 1975в. С. 115).

В том же году отряд экспедиции ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР под руководством М. Г. Косменко во время обследования местонахождения каменного века у д. Малая Рязань вскрыл грунтовое погребение с каменной закладкой, сопровождавшееся бронзовой серьгой, подвеской из раковины “каури” и стилетовидным предметом с волотообразным навершием.

Несколько раннеболгарских погребений было выявлено за пределами Самарской Луки. В 1969 г. во время строительных работ на 116 км в г. Куйбышеве было обнаружено погребение VIII–IX вв., сопровождаемое саблей, наконечниками стрел, удилами, стремянами и поясным набором (Матвеева Г. И., 1976. С. 33–39).

Другая интересная находка была обнаружена И. Б. Васильевым во время раскопок кургана эпохи бронзы у с. Васильевка Кошкинского района. Впущенное в курган погребение было ориентировано на северо-восток и сопровождалось стилетовидным предметом с волотообразным навершием. Комплекс был опубликован И. Н. Васильевой (Васильева И. Н., 1979. С. 213, 235).

Два погребения IX в. были обнаружены в 1975 г. на дюне у разъезда с. Немчанка Борского района (Матвеева Г. И., 1977а. С. 52–56). Сабля с серебряным навершием и серебряный поясной набор находит ближайшие аналогии в Больше-Тиганском могильнике в Татарстане. Есть основание полагать, что немчанские захоронения, а также погребение, открытое на 116 км, принадлежат угорским племенам, продвинувшимся в Среднее Поволжье из Приуралья.

В 1977 г. Северный отряд САЭ под руководством Л. Н. Жигулиной исследовал в Ставропольском районе в кургане эпохи бронзы два впускных погребения IX–X вв., имеющих некоторые общие черты с погребениями Больше-Тарханского могильника. Материалы этих погребений были опубликованы И. Н. Васильевой (Васильева И. Н., 1979. С. 52–56).

В 1978–1979 гг. САЭ Самарского университета произвела раскопки двух курганов Рождественского III могильника, где было вскрыто 5 погребений (Матвеева Г. И., 1995б).

Наиболее масштабные работы той же экспедиции под руководством Г. И. Матвеевой и В. Н. Зудиной были сосредоточены в 1980–1981 гг. на Новинковском II курганном могильнике, где было вскрыто 20 курганов и исследовано свыше 60 погребений. Анализ краиниологического материала из этого могильника был произведен

Н. М. Рудь, которая отметила брахикранный, в целом, европеоидный тип погребенных с небольшой монголоидной примесью (Рудь Н. М., 1987. С. 136–154). В те же годы Г. И. Матвеевой исследовано 5 погребений Шелехметского курганно-грунтового могильника. Наличие каменных закладок в заполнении могил, поза и ориентировка погребенных, а также погребальный инвентарь сближают эти погребения с подкурганными захоронениями Новинковского II и других могильников Самарской Луки (Матвеева Г. И., 1976. С. 191).

В 1984 г. во время раскопок городища Лбище Г. И. Матвеевой было исследовано два грунтовых погребения с северо-восточной ориентировкой, отнесенных к кругу раннеболгарских памятников.

В 80–90-х годах разведочными отрядами САЭ было выявлено около двух десятков могильников, курганы которых содержали большое количество камней в насыпях. Судя по внешнему виду, они аналогичны Новинковскому II, Брусянскому II и другим раннеболгарским могильникам.

Первые итоги исследований курганных могильников Самарской Луки были подведены в книге И. Б. Васильева и Г. И. Матвеевой “У истоков истории Самарского Поволжья”. Г. И. Матвеева по наиболее исследованному могильнику у с. Новинки выделила новинковский тип памятников, который связывала с первой болгарской миграционной волной, проникшей в Среднее Поволжье во второй половине VII в., после распада Великой Болгарии (Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1976. С. 160–161).

В 1986–1989 гг. отряд САЭ СГУ под руководством Р. С. Багаутдинова проводил раскопки курганных могильников на р. Урень (левый приток Волги) в Старомайнском районе Ульяновской области. В могильнике Урень II из пяти раскопанных курганов 3 были раннеболгарскими. В Старомайнском I курганном могильнике, состоящем из двух курганов, раскопан один раннеболгарский курган. Насыпи всех курганов были земляными и не содержали камней, под насыпями находились кольцевые или прямоугольные ровики (Багаутдинов Р., Набоков А., 1993. С. 13–18).

В 1988 г. на Самарской Луке А. В. Богачевым и С. Э. Зубовым были начаты раскопки Брусянского II могильника. Под девятью курганами с каменными набросками было исследовано 13 захоронений. В 1989 г. исследование памятника было продолжено – под четырьмя насыпями было расчищено 19 погребений.

Уже эти первые материалы позволили авторам интерпретировать памятник как раннеболгарский новинковского типа и датировать его второй половиной VII – первой половиной VIII в. (Богачев А. В., Зубов С. Э., 1989; Богачев А. В., Зубов С. Э., 1993. С. 19–41).

В 1990 г. А. В. Богачевым и С. Э. Зубовым были произведены раскопки пяти курганов (20 погребений) Малорязанского могильника, материалы которого дали возможность авторам поставить его в один ряд с памятниками новинковского типа и датировать в пределах конца VII – первой половины VIII в. (Богачев А. В., Зубов С. Э., 1990. С. 92–94; Богачев А. В., Зубов С. Э., 1991).

В 1991 г. раскопки Брусянского II могильника были возобновлены А. В. Богачевым, Р. С. Багаутдиновым и С. Э. Зубовым – было исследовано 11 курганов (30 погребений).

В 1993 г. теми же исследователями велись работы на Брусянском III могильнике – было раскопано два кургана из шести. Материалы одного (с камнями в насыпи), вероятно, следует рассматривать как раннеболгарские (новинковские). Конструкция другого (большой подпрямоугольный ровик, далеко выступающий за полы земляной насыпи) дает основания для сопоставления его с аналогичными раннеболгарскими курганами, исследованными в Ульяновском Поволжье (Урень II и др.). В том же году отряд экспедиции Самарского государственного педагогического университета под руководством В. Н. Мышкина исследовал курган 7 Осиновского курганного могильника, где было обнаружено мужское погребение, сопровождавшееся частью лошадиной туши (Богачев А. В., Мышкин В. Н., 1995).

Отрядом САЭ СГУ под руководством М. С. Седовой в Шелехметском курганно-грунтовым могильнике было вскрыто 8 грунтовых погребений, обряд и инвентарь которых находят аналогии в подкурганных и грунтовых погребениях новинковского типа (Седова М. С., 1995). В 1994 г. Р. С. Багаутдиновым были раскопаны два кургана, расположенные к западу от вышеупомянутых грунтовых погребений у подножия Львовой горы. Под насыпью одного из них было выявлено 4 погребения, под насыпью второго – одно, разрушенное и ограбленное. Им же был исследован один из курганов Новинковского III могильника, расположенного у восточной окраины с. Новинки (Багаутдинов Р. С., 1995).

В 1994 г. А. В. Богачевым и С. Ф. Ермаковым было исследовано 7 погребений в двух курганах Брусянского II могильника, материалы которых подтвердили ранее сделанный вывод о хронологии и культурной принадлежности памятника.

В 1992–1994 гг. раскопки Новинковского I могильника проводились экспедицией Самарского историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина под руководством Д. А. Сташенкова. В пяти раскопанных курганах исследовано 16 погребений, а также 2 грунтовых погребения, находившихся за пределами курганных насыпей.

Следует отметить, что во время раскопок селища Ош-Пандо-Нерь близ с. Шелехметь и Гундоровского поселения на р. Сок были обнаружены вещи, аналогичные найденным в курганах новинковского типа: стилетовидные предметы с волютообразным навершием, серьги салтовского типа, фрагменты лепных сосудов, аналогичных новинковским.

Таким образом, за два последних десятилетия в Самарской и Ульяновской областях исследовано около 300 погребений раннеболгарского времени (табл. 2). Они делятся на три группы: 1) погребения под каменно-земляными насыпями, 2) погребения под земляными насыпями, 3) грунтовые погребения без курганных насыпей.

Наиболее многочисленна первая группа. Все курганы с известняковыми камнями в насыпях находятся на Самарской Луке, главным об-

разом, в южной ее части. Они располагаются на высоких надпойменных террасах, откуда открывается вид на Волгу. Какой-то системы в расположении курганов нет.

Курганы имеют округлую или овальную форму. Их диаметры от 3 до 15 м, высота от 0,14 до 1,3 м. Характерной особенностью этой группы является наличие в насыпях большого количества известняковых камней различных размеров: от мелких (0,1х0,1х0,1 м) до очень крупных (1,2х1,5х1,5 м). Иногда вокруг курганов прослеживаются неглубокие ровики.

Мощность насыпей раскопанных курганов составляла 0,3–0,8 м. Насыпи состояли из рыхлых черноземов или гумусированной супеси.

Сверху насыпи были обложены камнями. Характер каменных обкладок неодинаков даже в пределах каждого из известных могильников. Можно выделить следующие типы обкладок: 1) в виде сплошного щита-панциря, покрывающего весь курган вне зависимости от числа находящихся под ним погребений, 2) обкладки из камней, лежащих разреженно, 3) мощные наброски из камней непосредственно над погребениями, 4) прямоугольные каменные оградки вокруг погребений.

В насыпях и под ними на уровне погребенной почвы встречаются зубы, кости, реже черепа и конечности лошадей, пятна прокала от кострищ. Вероятно, это остатки поминальных триз.

Под насыпями находилось от 1 до 12 погребений. Иногда прослеживается определенный порядок в их расположении: по окружности вокруг центрального захоронения или в один–два ряда параллельно центральному захоронению.

Форма могильных ям определена лишь в тех случаях, когда погребения были углублены в материк. В Новинковском II могильнике форму удалось определить в 64% погребений, а в Брусянском II – в 50%. Формы могильных ям различны. Среди них преобладали прямоугольные (иногда с закругленными углами). В Новинковском II могильнике они составляют 66,4%, в Брусянском II – 78% от числа прослеженных могил. Реже встречаются могильные ямы овальной формы (в Новинковском II – 28%, в Брусянском II – 22%). В Новинковском II были 2 могилы неправильной формы.

Конструкции могил также различны: преобладают простые ямы с отвесными стенками и ровным дном (43% в Новинковском II и 93% в Брусянском II могильниках). Могилы со ступеньками в одной из длинных стенок в Новинковском II составляют 43%, в Брусянском II – 4%. В Брусянском II могильнике обнаружены могилы с подбоями в обеих коротких стенках (менее 1%). Встречаются могилы с подбоями в одной из длинных стенок (18% в Новинковском II и около 2% в Брусянском II). В ряде случаев в заполнениях могил были выявлены остатки деревянных плах, принадлежавших к перекрытиям могил.

Длина и ширина могил в большинстве случаев зависела от роста и телосложения погребенного, однако, в Новинковском II могильнике погребальные камеры центральных в курганах погребений имели довольно большие размеры (до 3,5х2,5 м). Видимо, глубина могил зависела

ла от социального статуса и половозрастных особенностей погребенных.

Подавляющее большинство погребений одиночные, лишь одно погребение Бруснянского II и четыре Новинковского II могильников были парными.

В Бруснянском II могильнике около половины погребений содержали скелеты, большинство костей которых находились в анатомическом порядке. В десятой части погребений костяки были разрушены и кости собраны в кучу. В таком же количестве могил кости были беспорядочно разбросаны по дну могилы. Около четверти скелетов были нарушены частично, т. е. в сильно потревоженном состоянии находились кости верхней части скелета. Около 10% могил не содержали человеческих костей. Все они, за исключением одной (кенотафа), имели нормальные размеры.

В Новинковском II могильнике, за исключением четырех, все погребения взрослых были потревожены: в восьми случаях были нарушены только кости грудной клетки или верхние части костяков, в 11 случаях человеческие кости были разбросаны по дну могильной ямы, в семи случаях они лежали в куче в подбое или в другой части могилы. В семи могилах человеческие кости отсутствовали. Большинство детских костяков имели очень плохую сохранность, поэтому судить о положении костей часто невозможно.

Разрушение костяков, видимо, совершалось с ритуальными целями обезвреживания покойника.

В тех случаях, когда можно было определить положение погребенных, костяки лежали вытянуто на спине (в Бруснянском II могильнике – 92%, в Новинковском II – 100%). В Бруснянском могильнике 8% погребенных лежали с небольшим разворотом на бок. Головой на восток было обращено 39% погребенных в Новинковском II и 40% в Бруснянском могильниках, на северо-восток – соответственно 10% и 41,9%, на север – 36% и 2,3%, на северо-запад – 6% и 6,7%, на запад – 6% и 4,5%. Южную и юго-восточную ориентировку имели по 1% погребений Бруснянского II могильника.

Кости ног всех не потревоженных костяков в Новинковском II и 14% в Бруснянском II могильниках находились столь близко друг от друга, что создается впечатление преднамеренного связывания ног покойного. Руки у более чем половины костяков (58%) в Бруснянском II и у 50% в Новинковском II могильниках были вытянуты вдоль тела, соответственно у 35% и 50% одна рука была согнута в локте и кисть ее находилась на костях таза. Иногда стопы и кисти рук погребенных были отчленены.

За исключением четырех двойных погребений, в Новинковском II могильнике все погребения были одиночными.

Около пятой части всех погребений (19%) содержали кости животных, 5,1% – кусочки мела, порядка 19% – уголь или золу, 7% погребений содержали кости коня. В одном случае (Осиновка), все дно могилы было усыпано слоем угля. Из них в двух погребениях были найдены конские (жеребьячьи) черепа, а в одном (Осиновка) – на ступеньке в

анатомическом порядке лежали кости задней части лошади. В 7% могил кости человеческого скелета несли следы сильного воздействия огня. Одно погребение Шелехметского курганно-грунтового могильника совершено по обряду кремации. Кальцинированные кости лежали на каменной выкладке в центре могильной ямы.

В 70% погребений был найден погребальный инвентарь, в 40% — керамика (как в виде отдельных фрагментов, так и целых форм). В состав погребального инвентаря входили предметы вооружения, конской сбруи, быта, поясные наборы и другие детали костюма, украшения, соуды.

Другая обрядовая группа ранних болгар представлена погребениями под курганами с земляными (без содержания камней) насыпями. Это могильники Урень II, Шиловский, Старомайнский в Ульяновской области, а также Брусянский III могильник в Самарской области.

Насыпи курганов этой группы имели округлую в плане форму диаметром 18–40 м, при высоте 0,25–3,0 м. В насыпях некоторых курганов были зафиксированы остатки деревянных сооружений и столбиков.

Одной из особенностей этой разновидности погребальных сооружений является наличие подпрямоугольных (80%) или округлых (20%) в плане ровиков. Как правило, земляные насыпи перекрывали ровики. Однако в одном случае зафиксирован ровик вокруг погребения, расположенного за полкой кургана (Урень II, курган 4). Под курганом Брусянского III могильника прослежен прямоугольный в плане ровик, половина которого далеко выходила за границы курганной насыпи.

Все подпрямоугольные ровики были ориентированы вдоль оси северо-запад–юго-восток. В заполнении ровиков были найдены угли, кости животных (в том числе, конские черепа и зубы) и фрагменты керамики.

Под насыпями курганов находилось не более двух погребений. Могилы имели овальную или подпрямоугольную в плане форму, соразмерную с ростом погребенного. Лишь погребение в кургане 1 Брусянского III могильника совершено в могиле круглой в плане формы диаметром 5 м.

Длинные оси подпрямоугольных и овальных могил были вытянуты вдоль линии северо-запад–юго-восток (иногда с отклонениями). Углубленные в материк могильные ямы имели простую (с вертикальными стенками и плоским дном), подбойную и катакомбную конструкции.

Большинство костяков в погребениях было разрушено (в результате ограблений?). Не исключена возможность ритуального повреждения костяков. Там, где были обнаружены неповрежденные части костяков, можно установить, что погребенные лежали вытянуто на спине головой на северо-запад. В погребениях найдены угли (иногда они слоем лежали на дне могил).

В погребениях найдены кости животных (в том числе черепа и ко-

нечности лошадей), размещавшиеся в нише у головы погребенного и в подбоях).

Захоронения содержали также керамику и предметы быта.

Несколько особняком в этой группе стоит погребение из кургана Бруснянского III могильника. На уровне выкида у южного края могилы был расчищен скелет коня, кости которого лежали в анатомическом порядке. Над могилой было перекрытие в виде накатника из бревен, пробитого в центре грабительской воронкой. В полукруглой в плане погребальной камере диаметром 5 м был прокопан ровик-канавка, углубленный в пол на 0,5 м, что создавало эффект приподнятости центральной части дна погребения, где размещались кости человеческого скелета. На дне могилы были прослежены отпечатки ткани бордового цвета, устилавшей весь подиум. На дне могилы были найдены угли.

Кости человеческого скелета лежали в куче на дне могилы. Там же найдены предметы погребального инвентаря: амфора, принадлежности конской упряжи (бляха-решма, удила, пряжки и бляшки от сбруи), предметы вооружения (наконечники копья, кистень) и быта (подсвечник-шандал, игральная кость).

Особенности погребального обряда и характер инвентаря свидетельствуют о том, что погребенный здесь человек отличался особым социальным статусом.

Погребальный инвентарь

Поясные наборы (табл. 7) представлены, главным образом, в мужских погребениях.

Пояс кочевника в эпоху раннего средневековья являлся частью военной амуниции. К нему при помощи разного рода ремешков крепились мечи, сабли, кинжалы, колчаны, входившие в своеобразный определенный комплект воина-дружинника.

Помимо пряжки и наконечника поясной набор украшался разного рода бляшками-накладками, количество которых определяло статус воина в социальной структуре кочевнических армий: "моя гордая доблесть, мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками-украшениями" (Малов С. Е., 1952).

Поясная гарнитура праболгар Среднего Поволжья представлена пряжками, накладками и наконечниками.

Пряжки (по способу крепления рамки со щитком) были цельнолитыми и шарнирными. Рамки имели форму овала, утолщенного спереди и как бы срезанного сзади, или подпрямоугольно-трапециевидные формы. Передняя лицевая часть рамок имела ложе ("губы") для устойчивой фиксации язычка. Железные рамчатые пряжки (в отличие от бронзовых и серебряных) имели подпрямоугольную или округлую в плане форму. В щитке цельнолитых пряжек в месте их соединения с рамкой и параллельно задней стороне рамки делалось внутреннее сквозное отверстие, в которое просовывался тонкий железный стерженек. На этом стерженьке (в месте выреза в щитке) крепился свободно вращавшийся язычок. На таком же стержне крепились все элементы (рамка,

язычок, щиток) шарнирных пряжек. В материалах Малорязанского и Бруснянского II могильников имеются псевдошарнирные (когда шарниры обозначены только как элемент художественного оформления декора изделия) цельнолитые пряжки. Рамки пряжек иногда украшал литой спиралевидный орнамент. Единой встречена гофрированная рамка.

Щитки пряжек в плане имели форму вытянутого прямоугольника со скругленным концом или форму полуовала (полукруга). В углах и на конце щитков имелись сквозные отверстия, в которых закреплялись металлические шпеньки. Другой конец этих шпеньков пробивал кожаную основу пояса и загибался. Таким же образом к ремням крепились значительная часть раннеболгарских наконечников и накладок.

В основании всех сохранившихся язычков имелось отверстие, которое позволяло им держаться на стерженьке. Все язычки нависали над рамкой и имели массивный вид. Они отливались как самостоятельная деталь пряжки, но известен случай изготовления язычка посредством отливки и дальнейшего соединения двух симметричных его половинок. Причем, в этом случае обе половинки язычка были украшены литым спиралевидным орнаментом. В основании одного язычка имелось "гнездо" — ячейка для вставки драгоценного камня. Таким образом, литой орнамент мог украшать язычок, рамку и щиток пряжек того времени. Помимо спиралевидного и растительного орнамента (очень распространенных в ту эпоху), на щитке одной пряжки из Новинковского могильника была отлита сюжетная композиция — кошачий хищник, преследующий оленя (передний план), дерево (задний план).

На праболгарских могильниках Среднего Поволжья изучено две разновидности поясных наконечников: наконечник-окончание основного пояса, проходивший через рамку пряжки (в данном случае рамка пряжки всегда соотносима с шириной наконечника); наконечники подвижных (вспомогательных) ремешков, свисавших с пояса-основы.

Первые представляли собой толстую подпрямоугольную скругленную на одном конце литую пластину, украшенную литым же растительным (в виде причудливо переплетенных веток и листьев), прорезным или выгравированным орнаментом. Нередко на тыльную сторону ремня крепилась еще одна пластина, повторяющая по форме лицевую, в результате чего ремень оказывался зажатым между двух склепанных пластин.

Вторая группа наконечников (малых) представлена двумя экземплярами из погребения 1 кургана 2 Бруснянского II могильника. Их морфология восходит к формам поясных украшений геральдического типа, так как они имеют сердцевидные (гербовидные) окончания. Наконечники эти, в отличие от первых, не массивные, так как изготовлены методом штамповки. На их лицевой поверхности отштампован орнамент в виде двух цветочных розеток. К ремню они крепились при помощи петелек, что более характерно для ряда изделий геральдического типа.

Поясные накладки представлены различными в плане формами:

квадратные, полуовальные, подковообразные и т. д. Некоторые из них были штампованные, но большинство – литые; многие имели бортик-закраину. Более половины накладок имели прорези, сквозь которые должна была просматриваться яркая основа пояса, а отверстия в нижней части накладок служили для продевания в них подвязных ремешков. К ремню накладки крепились разными способами: 1) при помощи шпеньков, закрепленных в отверстиях накладок; 2) при помощи шпеньков, напаянных на внутреннюю поверхность накладок; 3) при помощи внутренних шпеньков задней и лицевой пластин, между которыми закреплялся сам ремень.

Практически все праболгарские накладки в регионе относятся к разновидности “прорезных” (в Прикамье их обозначают как “неволинские”), имеющих геометрические формы. Однако в этих же материалах встречены единичные экземпляры накладок геральдического типа. В частности, в погребении кургана 7 Новинковского II могильника была найдена архаичная мечевидная накладка, криволинейные очертания которой в совокупности с характером ее крепления и другими особенностями ее морфологии позволяют отнести ее к разряду геральдических.

Анализ морфологии поясных украшений является определяющим в плане датировки праболгарских памятников Среднего Поволжья.

Оружие (табл. 8). Мужские захоронения ранних болгар содержали оружие. Поскольку в эпоху раннего средневековья предметы вооружения представляли большую ценность, постольку при ограблении могил современниками праболгар, мечи, сабли и прочее изымались из захоронений с неменьшим желанием, чем изделия из драгоценных металлов. В этой связи наши знания о комплексе раннеболгарского вооружения не полны. Вместе с тем, имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют думать, что набор вооружения болгарского дружинника был достаточно разнообразным.

Рубяще-колющее оружие представлено двумя саблями из Новинковского II могильника. Одна сабля имела слабо изогнутый клинок, слегка скошенную в сторону лезвия рукоять и перекрестие с ромбовидным расширением в середине. Другая имела прямой однолезвийный клинок, прямую рукоять и брусковидное перекрестие (табл. 8, 10, 11).

Наконечники копий с узким ромбическим в сечении пером и широкой втулкой, по длине примерно равной перу. Все наконечники копий, происходящие из разных могильников (Бруснянских II и III, Новинковского II) достаточно однотипны.

Набор воина-лучника представлен костяными накладками (срединными и концевыми) на сложносоставной “тунский” лук, железными колчанными крючками и наконечниками стрел. Последние представлены железными черешковыми (средних и крупных размеров) и плоскими двурогими (срезными) экземплярами, а также костяными черешковыми (трехгранными и уплощенными в сечении) наконечниками.

Единственным экземпляром из кургана 1 Бруснянского III могильника представлены кистени. Кистень имел шарообразную бронзовую

оболочку, изнутри залитую свинцом, что придавало оружию значительный вес при достаточно малых размерах (диаметр 36 мм, высота 34 мм). Сквозное отверстие диаметром 5 мм на входе и на выходе было украшено восьмилепестковыми розетками. Внутри отверстия находился кожаный фрагмент плетеного ремня, соединявшего кистень с рукоятью.

Конское снаряжение (табл. 9, 10). Удила были найдены как в насыпях курганов, так и в погребениях. В настоящее время известно несколько разновидностей удил: 1) простые без псалиев; 2) со стрежневидными псалиями; 3) с кольцевыми псалиями; 4) с S-видными псалиями.

Стремена праболгар имели арочную форму. По характеру оформления верхней части, стремяна подразделяются на две группы: 1) с петлей, когда отверстие для крепления ремней изготавливается путем проковки верхней части стремени в незамкнутый петлеобразный прогиб; 2) с ушком, когда верхняя часть стремени прокована в плоскую площадку, средняя часть которой прорезана подпрямоугольным горизонтальным отверстием для ремня.

Путовые пряжки, изготовленные из кости, были найдены лишь в погребении I кургана Осиновского I могильника, в непосредственной близости от конского костяка. Они были плоскими, трапециевидной формы с подпрямоугольным щелевым отверстием, параллельным длинным сторонам упряжи.

Украшения конской сбруи были найдены в кургане I Брусянского III могильника. Бляха-решма состояла из двух склепанных между собой по окружности пластин округло-листообразной формы – железной (задней) и золотой (лицевой). Последняя была прорезной – прорези подчеркивали орнамент в виде листьев и веток. У основания бляхи (в месте, противоположном приостренному концу) была петля для крепежного ремешка. К ремешку, судя по расположению рядом с бляхой, крепилась небольшая цельнолитая пряжка и вытянуто-приостренный наконечник ремешка с “ушками” для крепления.

Серебряные бляшки округлой, подпрямоугольной и подтреугольной формы, большие позолоченные сложнофигурные прорезные бляхи, а также прямоугольные рамчатые пряжки входили в набор упряжи коня из кургана I Брусянского III могильника, но были сложены отдельно от конского костяка.

Орудия труда (табл. 11). Целый ряд орудий труда на праболгарских могильниках Среднего Поволжья представлен единичными экземплярами вещей: железные кузнечные клещи, топор, мотыжка, плужный резак. Значительно чаще встречаются железные однолезвийные черешковые ножи, железные шилья, железные коробочки-игольники, квадратные и прямоугольные в сечении. Раннеболгарские плоские либо реповидные пряслица изготавливались из хорошо отмученной глины или из стенок гончарных толстостенных сосудов, в частности, амфор.

Предметы быта (табл. 12). Зеркала, представленные двумя экземплярами, были найдены лежащими под черепами в женских погребени-

ях Малорязанского и Бруснянского II могильника. Оба зеркала имели круглую форму. Рукояти зеркал, украшенные циркульным орнаментом, оканчивались округлым в плане утолщением. Фрагмент круглого зеркальца найден в одном из погребений Шелехметского курганно-грунтового могильника.

Стилетовидные булавки с волкотообразными навершиями в женских погребениях находились в районе левого предплечья костяка (табл. 12, 3).

Пинцет был найден в районе кисти правой руки скелета (табл. 12, 5).

Сунаки — изделия из трубчатой кости, — как правило, происходят из детских захоронений (табл. 12, 4).

Железный подсвечник-шандал на трех ножках — атрибут кочевнической знати — был найден в комплексе инвентаря кургана I Бруснянского III могильника.

Игральная кость найдена в этом же погребении (табл. 12, 2).

Украшения и предметы одежды (табл. 13). Серьги (золотые, серебряные, бронзовые) — распространенный тип украшения ранних болгар. Наиболее многочисленны находки серег “салтовского” типа, имеющих вид незамкнутого кольца овальной или округлой формы, в нижней части которого припаяны (или нанизаны на стерженьке) разного рода привески (полые и цельнолитые шарики, трубочки, бусины и т. д.). Во впускном погребении 2 кургана 4 Новинковского II могильника найдены калачевидная серьга, серьга с многогранником на конце и серьга-лунница.

Браслеты изготовлены из бронзового дрота круглого или полукруглого сечения. Круглые в сечении браслеты иногда имеют расширяющиеся концы.

Встречаются подвески: полые бубенчики (с прорезью и без прорези), кольца с петелькой, подвески-ложечки и др.

Бусы довольно разнообразны: глазчатые, рубленные, полосатые, с выпуклыми глазками, мозаичные, синие стеклянные, посеребренные.

К предметам одежды относятся пуговицы и застежки. В материалах Рождественского III могильника представлены плоские литые золотые пуговицы. В погребении 1 кургана 2 Бруснянского III могильника найдены полусферические пуговицы с отштампованным орнаментом в виде розетки. Застежки бронзовые в виде стерженька с кольцевым углублением в середине и коническими навершиями на концах.

Посуда (табл. 14, 15). Данные раннеболгарских могильников позволяют говорить, что материалом для изготовления посуды кочевников служили дерево, кожа, металл (бронза) и глина.

Формы деревянных сосудов не сохранились, однако об их существовании можно судить по двум бронзовым обоймочкам (с остатками дерева), закреплявшимся на венчиках этих сосудов. Обоймочки происходят из Уреньковского II и Малорязанского могильников (табл. 15, 6). Костяное горлышко от бурдюка из Осиновского могильника — неотъемлемая деталь этой разновидности кожаной посуды (табл. 14, 1). Металлическая посуда представлена единственным

экземпляр — бронзовым стаканообразным сосудом из Осиновского могильника (табл. 14, 2).

Керамическая посуда делится на гончарную и лепную. Первая обычно встречается в погребениях взрослых, вторая преимущественно сопутствует детским захоронениям.

Гончарная посуда представлена амфорами и кувшинами.

Амфоры происходят из материалов Уреньского II (2 экз.) и Бруснянского III могильника (1 экз.). Все они имеют яйцевидное тулово. Цвет поверхности — желто-коричневый или кирпичный. В формовочной массе примесь песка. На внешней поверхности одной из амфор имеется П-образная тамга, на другой — процарапана композиция из двух рисунков, в одном из которых угадывается силуэт оленя. Фрагменты ручек амфор найдены в насыпи кургана 9 Бруснянского II могильника и в ровике кургана 1 Бруснянского III могильника.

Гончарные кувшины так называемого “салтовского” типа найдены как в курганах с каменными кладками (Малая Рязань, Брусняны II, Осиновка), так и в курганах с земляными насыпями (Урень II). Все они имели раздутое приземистое (как бы срезанное в нижней части) тулово, переходящее в узкое горло, имевшее четко обозначенный носик-слив, располагавшийся строго напротив ручки кувшина. Поверхность сосудов, как правило, серых оттенков, тщательно залощена. Кувшины украшены горизонтальными каннелюрообразными бороздками близ горизонта наибольшего расширения тулова и на переходе от тулова к горловине; пространство между этими полосами украшено сеткой неглубокого косого лощения. В формовочной массе этих сосудов были мелкие примеси (растительные, песок). Вторая группа гончарных кувшинов имела несколько иные пропорции: диаметр наибольшего расширения тулова приходится на его верхнюю половину. На их поверхностях лощение отсутствовало.

Кувшины сформованы без применения гончарного круга и представлены двумя типами: 1) без ручек; 2) с ручками. Первые имели округлое тулово (диаметр наибольшего расширения приходится на его середину), невысокое горло, заканчивавшееся отогнутым наружу венчиком без носика-слива. Цвет поверхности — оттенки коричневого. В тесте — примесь песка и мелкого шамота. Орнамент отсутствует. Кувшины с ручками практически все подправлялись на гончарном круге. Поверхность их тщательно заглажена, но не залощена и имела цвет от серого до красного. В тесте — примесь мелкого шамота и песка. Тулово — округлобкое, горло широкое, иногда оформлено в виде трилистника. Лишь на одном кувшине этого типа был нанесен орнамент в виде спирали. Один кувшин группы негончарных (курган 4 Брусняны II) стоит несколько особняком — его форма (округлобкий с невысоким горлом и отогнутым венчиком), низкие пропорции, крупные примеси (шамот), грубая обработка поверхности скорее напоминает раннеболгарские горшковидные сосуды. Однако наличие ручки и носика-слива позволяет рассматривать его в качестве особой разновидности кувшинов.

Миски (3 экз.) очень низких пропорций были найдены под насыпью кургана 8 Бруснянского курганного могильника. Одна из них, серо-коричневого цвета, имела высокое плечико и загнутый во внутрь венчик, тщательно залощенную поверхность, примесь мелкого шамота и мелкой белой крошки в тесте. Две другие миски, черного и коричневого цвета, имели четко выраженное ребро-плечико, прямую шейку и утолщенно-приостренный, скошенный наружу венчик, тщательно залощенную поверхность, в формовочной массе – мелкие примеси (песок?).

Банковидный сосуд представлен единственным экземпляром из погребения 1 кургана 3 Малорязанского могильника. Он имел низкие пропорции и при отсутствии шейки и горловины, плавно загибающийся во внутрь венчик. Цвет сосуда – серый, в тесте примесь шамота.

Горшковидные сосуды сформованы без применения гончарного круга. Это плоскодонная посуда вертикальных пропорций с округлым туловом, четко выделенной шейкой и прямой или отогнутой наружу горловиной. Диаметр наибольшего расширения тулова приходится на середину или его верхнюю треть. Поверхность горшков не залощена, но лишь заглажена с разной степенью аккуратности. В формовочной массе присутствует шамот. Цвет керамики – различные оттенки серого или коричневого. Около половины горшков украшено защипами по краю венчика.

Хронология. Хронология раннесредневековых восточноевропейских древностей разрабатывается, главным образом, на материалах могильников, представленных закрытыми комплексами (погребениями) кратковременного накопления. В качестве инструмента для синхронизации территориально далеких памятников и культур используется достаточно ограниченный круг хронологически “чувствительных” серий вещей, среди которых особое место отводится фибулам, бусам, сергам и поясным наборам.

Хронология поясных украшений Среднего Поволжья эпохи раннего средневековья (в том числе и раннеболгарских) уже была предметом отдельного рассмотрения (Богачев А. В., 1992а). Пряжки, накладки и наконечники поясов, найденные в погребениях Бруснянского II, Новинковского II, Малорязанского, Осиновского могильников датируются концом VII – первой половиной VIII в. и достаточно четко синхронизируются с аналогичными материалами из комплексов Верхнего Прикамья (Голдина Р. Д., 1970; Голдина Р. Д., 1979), Крыма (Айбабин А. И., 1982), Алтая (Гаврилова А. А., 1965), Северного Кавказа (Дмитриев А. В., 1982) – регионов, хронология раннесредневековых могильников которых исследовалась целенаправленно.

Вместе с тем, отдельные комплексы из Новинковского II (курган 7) и Бруснянского II (курган 2, погребение 1) могильников дали материалы, позволяющие несколько удревнить (до середины VII в.) нижнюю хронологическую границу этой группы раннеболгарских памятников. Основанием для этого явились накладки и наконечники поясов геральдического типа. Криволинейные (сердцевидные, гербовидные и т. д.) очертания геральдических украшений резко контрастируют с геометрическими формами (квадрат, полукруг, сегмент) прорезной (“неволинской” – в

Прикамье, "катандинской" – на Алтае) гарнитурой конца VII – VIII в. Датировка геральдических поясов: вторая половина VI – VII в. сегодня является общепризнанной. Геральдика из раннеболгарских комплексов Среднего Поволжья несет на себе поздние признаки морфологии этой разновидности поясных украшений. В частности, фигурное тиснение на изделиях геральдического типа – явление достаточно редкое, но имевшее место, в частности, в аварских материалах VII в. (Амброз А. К., 1971а. С. 117–120). Вследствие этого, комплекс из кургана 2 Брусянского II могильника, где были найдены штампованные наконечники ремней с тисненым орнаментом в виде двух цветочных головок, мы склонны датировать серединой VII в. Этим же временем датируется золотая несомкнутая округлая серьга с пирамидкой из шариков в нижней части, которая происходит из этого же комплекса. Аналогичные серьги найдены в аварских материалах VII в. в Венгрии и Чехословакии (Амброз А. К., 1971а. Рис. 8, 2; Dekan G., 1976). На Северном Кавказе подобные изделия найдены в материалах конца VI – VII в. вместе с геральдическими накладками (Дмитриев А. В., 1982. С. 96).

Нельзя не отметить, что в Новинковском могильнике найдены серьги еще более архаичного облика: серьга-лунница, серьга-калачик, серьги с многогранником на конце. Самые поздние находки этих серег происходят из комплексов с геральдическими поясами первой половины VII в. (могильники: Кушнаренокский, Дюрсо, Варнинский и др.).

Все эти факты свидетельствуют в пользу того, что самые первые раннеболгарские погребения на этих могильниках были совершены в середине VII в.

Более сложен вопрос о поздней дате раннеболгарских погребений Среднего Поволжья. Дело в том, что время совершения безынвентарных захоронений (а именно они могут оказаться самыми поздними) установить не представляется возможным. Погребения же с инвентарем (судя по "салтовским" серьгам, прорезным поясам, глазчатым и полосатым бусам) однозначно датируются первой половиной VIII в. (табл. 13). Отдельные находки позволяют омолодить эту дату до третьей четверти VIII в. Таким временем датируются двусоставные шарнирные наконечники поясов из Осиновского и Новинковского могильников. Аналогичные им найдены, в частности, в комплексах неволинской стадии неволинской культуры Прикамья (Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1990. Табл. XXXV, 18–22) и в слоях середины и третьей четверти VIII в. Пенджикента (Располова В. И., 1979. Рис. 5, 18–19).

Таким образом, самые ранние раннеболгарские комплексы (с инвентарем) из могильников Среднего Поволжья можно датировать серединой VII – VIII в.

К вопросу об этнокультурной интерпретации памятников

В период расцвета Великой Болгарии хана Кубрата (первая половина VII в.) этноним сравнительно небольшой этнической группы болгар принимается другими союзными и, вероятно, родственными племенами. Именно это имя стало в дальнейшем общим для большого объе-

динения племен. Однако на коренной праболгарской территории в приазовских степях, до настоящего времени не найден сколько-нибудь крупный пласт кочевнических погребений первой половины VII в. Это обстоятельство в значительной степени затрудняет решение вопроса об исходной территории миграции праболгар Среднего Поволжья. Фактически получается, что материалы именно этого региона в настоящее время являются наиболее ранними источниками по археологии болгар.

Вместе с тем, на юге Восточной Европы известны отдельные погребения кочевников, синхронные праболгарским комплексам Среднего Поволжья (Айбабин А. И., 1985; Круглов Е. В., 19926; Максимов Е. К., 1956). В Северном Причерноморье известны погребения (Ковалевка, Дымовка, Портовое, Ясиново, Христофоровка, Черноморское, Сивашевка), в которых нетрудно заметить общие со средневожскими признаки погребального обряда: положение костяка, ориентировка, конструкция могилы, культ коня и т. д. Много схожего и в погребальном обряде тюрок Алтая VII–VIII вв. (Гаврилова А. А., 1965; Савинов Д. Г., 1982). Однако сложность этой проблемы усугубляется тем, что в собственно средневожских материалах фиксируется значительная вариабельность погребальных обрядовых традиций и на уровне разных памятников, и на уровне одного могильника, и даже в пределах одного кургана.

Однако неоспорим тот факт, что керамика из курганных раннеболгарских могильников Среднего Поволжья, с одной стороны, а также посуда грунтовых болгарских могильников Волго-Камья (типа Больше-Тарханского) и некоторые группы керамики салтово-маяцкой культуры, с другой, – формировались на основе единых морфологических и технологических стереотипов. Изготовленные без применения гончарного круга горшковидные сосуды из погребений новинковского типа также имеют прототипы как в лепной посуде кочевнических погребений VI–VII вв. Северного Причерноморья (Сивашевка, Христофоровка) и Крыма (Наташино), так и могильников салтово-маяцкой культуры (станция Крымская). И это позволяет предполагать наличие общих корней у населения, оставившего все эти памятники.

Сегодня же можно констатировать, что в Среднем Поволжье выявлен хронологически (и типологически) новый пласт памятников середины VII – первой половины VIII в., который можно связывать с первой волной раннеболгарских переселений в этот регион.

Могильники типа Больше-Тарханского и Кайбельского могут быть связаны с новой волной болгар, переселившихся в Среднее Поволжье во второй половине VIII в. В Самарской области к кругу подобных памятников могут быть отнесены впускные погребения, открытые в кургане Золотая Нива. Приблизительно в это же время в Поволжье проникают небольшие группы финно-угорского прикамского населения, появление которых фиксируется по находкам в погребениях лепных круглодонных сосудов с примесью дробленой раковины и с многорядными отпечатками шнура на шейках. Самая ранняя находка такого сосуда происходит из погребения Брусянского II могильника

(раскопки 1995 г.). К более позднему времени (вторая половина VIII – IX в.) относится сосуд из впускного погребения у с. Хрящевка.

Этнический состав населения Самарского Поволжья в конце VIII – IX вв. усложняется за счет притока угорского населения из Приуралья, что достаточно хорошо подтверждается материалами двух погребений у разъезда Немчанка: серебряное навершие сабли (табл. 16, 1) и серебряные поясные украшения (табл. 16, 4–12) аналогичны материалам из Больше-Тиганского могильника Татарстана и из курганных могильников VIII–IX вв. Башкортостана. Видимо, к этому кругу памятников относится и погребение на 116 км в г. Самаре. В нем найдены стремя (табл. 16, 15), наконечники стрел (табл. 16, 16–20), поясной набор (табл. 16, 23–25), бронзовое кольцо (табл. 16, 26). Все эти вещи также находят аналогии в позднекушнаренковских памятниках Приуралья и Поволжья.

Таким образом, территория Самарского края первой в Среднем Поволжье начала заселяться болгарами и, возможно, другими этническими группами (аланы?), продвинувшимися с юга уже в середине VII в. или даже несколько раньше. В дальнейшем этнический состав населения региона усложнился в результате притока новых этнокультурных групп (финно-угорские племена Прикамья, угры Приуралья). Следовательно, здесь протекали те же этнические процессы, что и в более северных районах Среднего Поволжья, в частности на территории Татарстана. Все разнотнические группы впоследствии влились в состав населения государства Волжская Болгария.

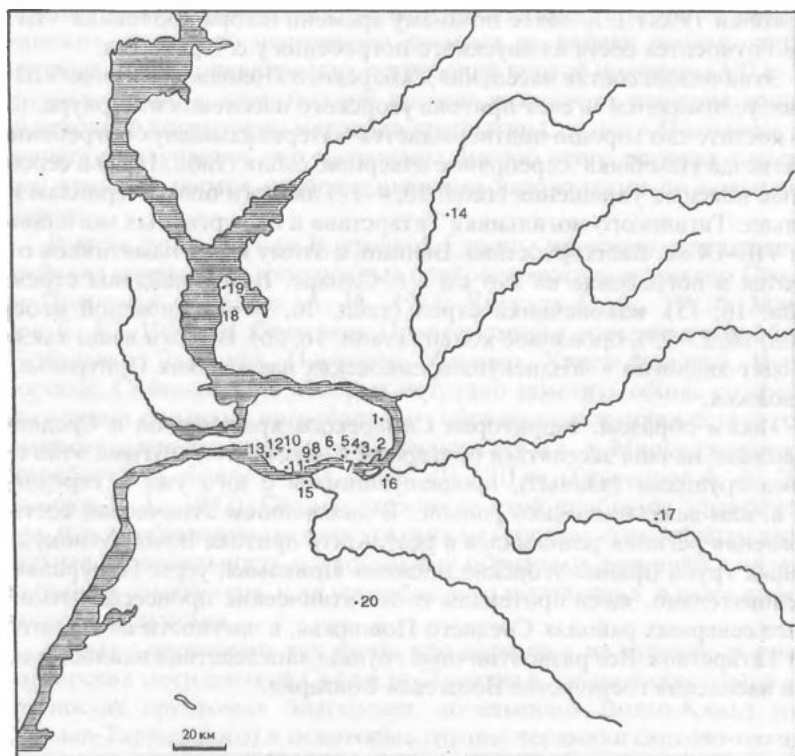

Таблица 1. Карта памятников раннеболгарского времени

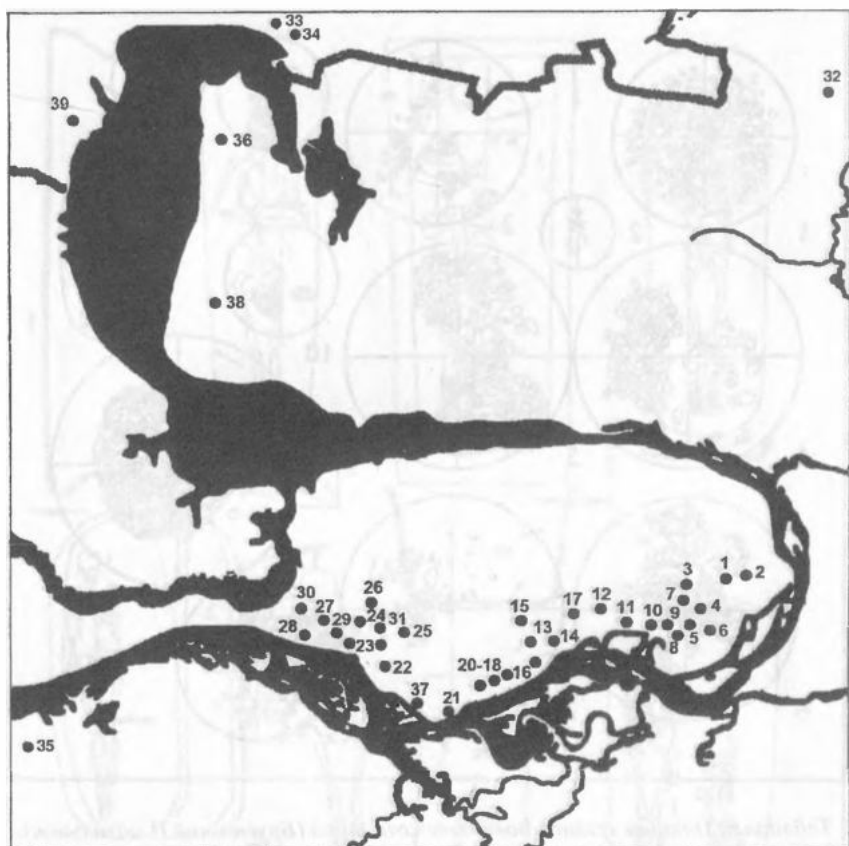

Таблица 2. Карта памятников раннеболгарского времени на Самарской Луке.
(Номера памятников соответствуют Приложению)

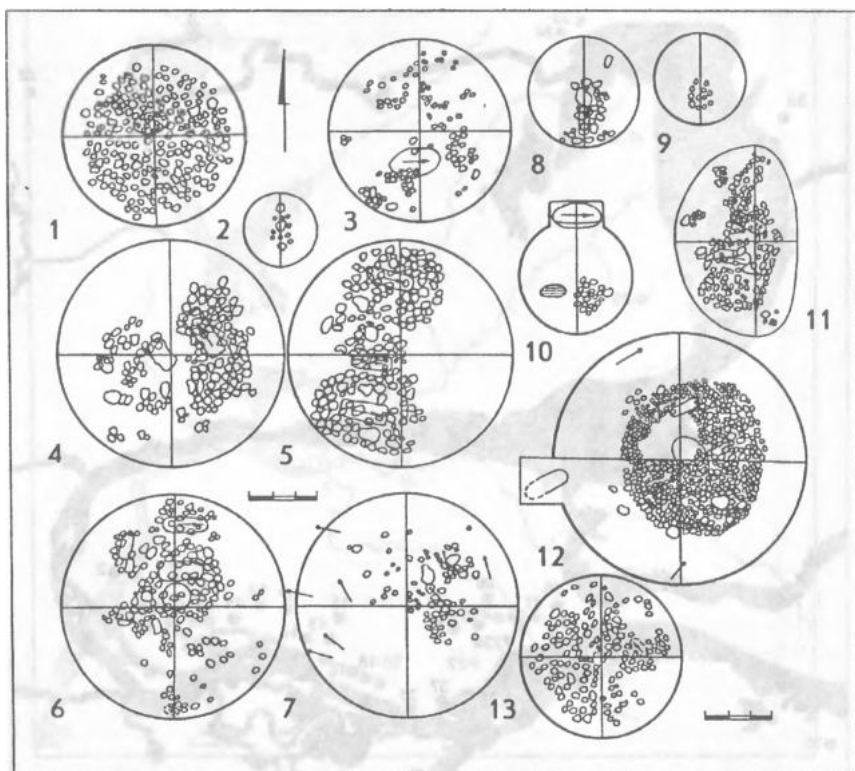

Таблица 3. Планы курганов новинковского типа (Брянский II могильник).

1 – курган 2; 2 – курган 5; 3 – курган 8; 4 – курган 15; 5 – курган 21; 6 – курган 22; 7 – курган 28; 8 – курган 1; 9 – курган 3; 10 – курган 6; 11 – курган 7; 12 – курган 9; 13 – курган 4

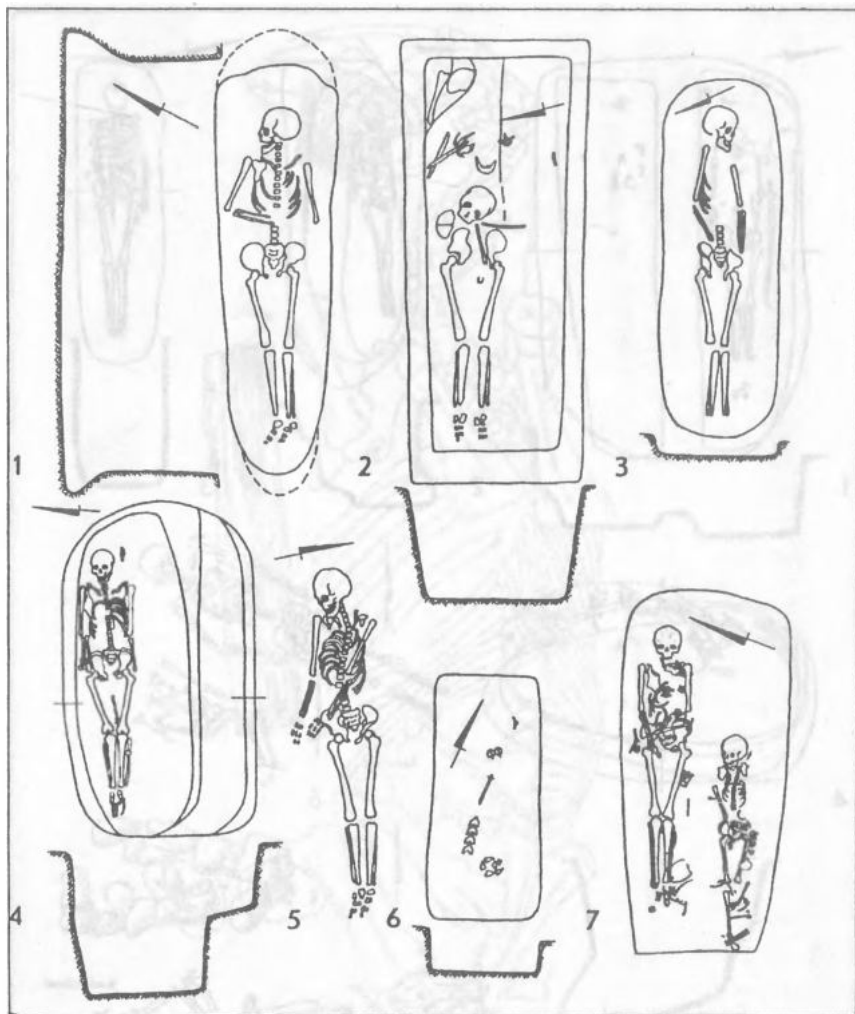

Таблица 4. Планы погребений.

1-3, 5, 6 – Брусянский II могильник (1 – к. 9, п. 4; 2 – к. 21, п. 1; 3 – к. 21, п. 2; 5 – к. 28, п. 4; 6 – к. 15, п. 2); 4, 7 – Новинковский II могильник (4 – к. 13, п. 5; 7 – к. 14, п. 5)

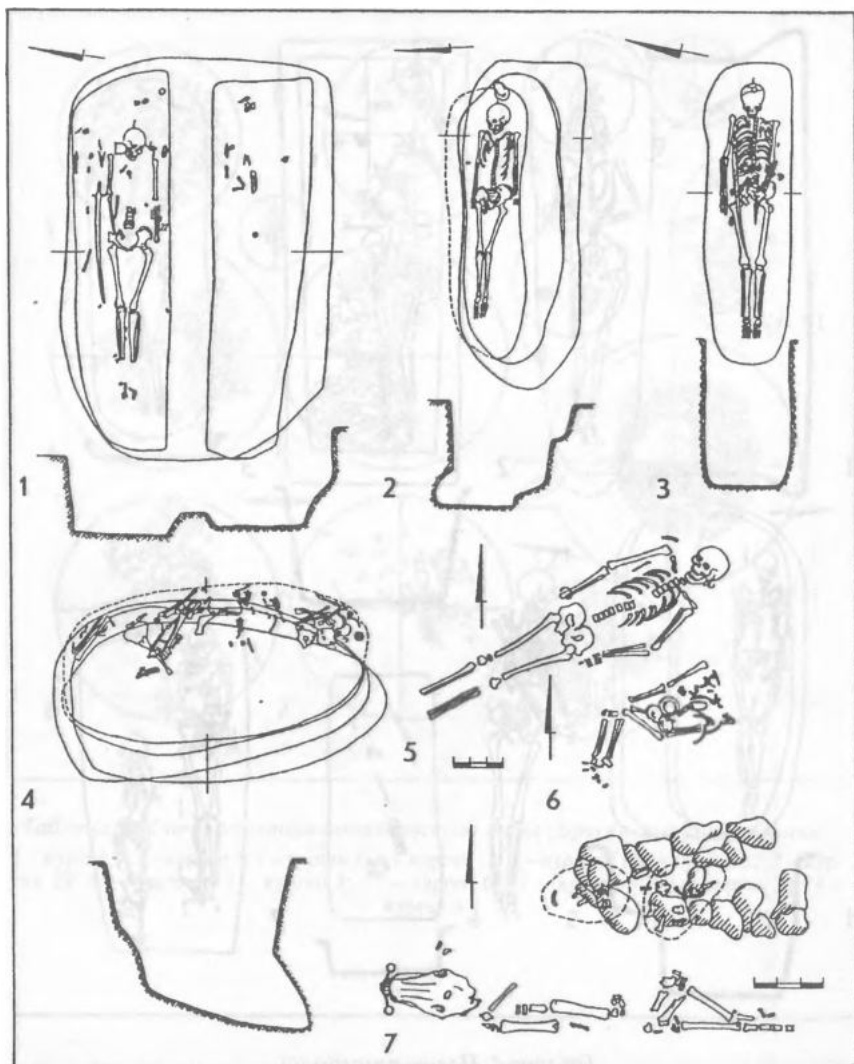

Таблица 5. Планы погребений.

1-4 – Новинковский II могильник (1 – к. 13, п. 2; 2 – к. 13, п. 4; 3 – к. 14, п. 3; 4 – к. 24, п. 5); 5-7 – Шелехметский I могильник (5 – п. 3; 6 – п. 2; 7 – п. 4)

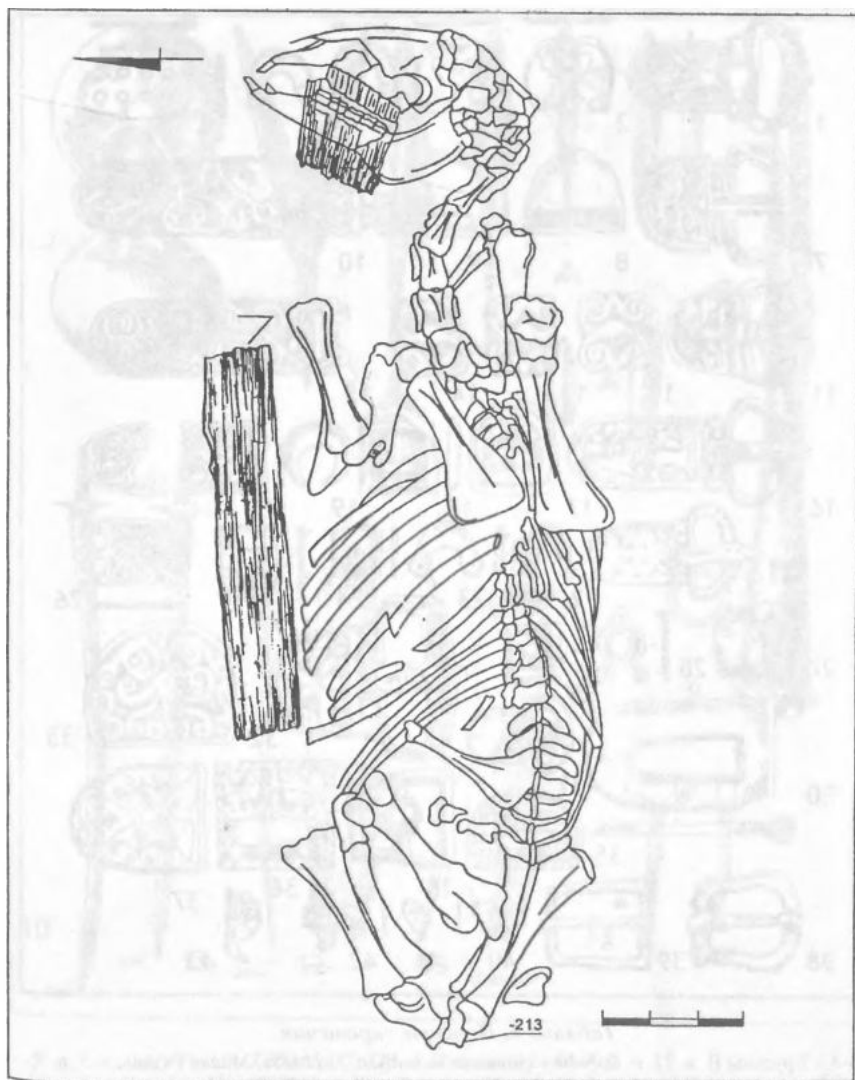

Таблица 6. Костяк лошади из погребения кургана 1 Брусянского III могильника

Таблица 7. Поясные украшения.

1-6 - Брусыны II, к. 22, п. 4; 7-10 - Новинки II, к. 14, п. 3; 11-15 - Малая Рязань, к. 5, п. 3;
 16-20 - Новинки II, к. 13, п. 2; 21-26 - Новинки II, к. 8, п. 5; 27-29 - Новинки II, к. 8, п. 6;
 30 - Брусыны II, к. 13, п. 1; 31 - Брусыны II, к. 6, п. 1; 32-33 - Брусыны II, к. 14, п. 5; 34 -
 Новинки II, к. 11, п. 2; 35-37 - Брусыны II, к. 34, п. 2; 38 - Новинки II, к. 1, п. 1;
 39 - Брусыны II, к. 22, п. 1; 40-43 - Брусыны II, к. 2, п. 1

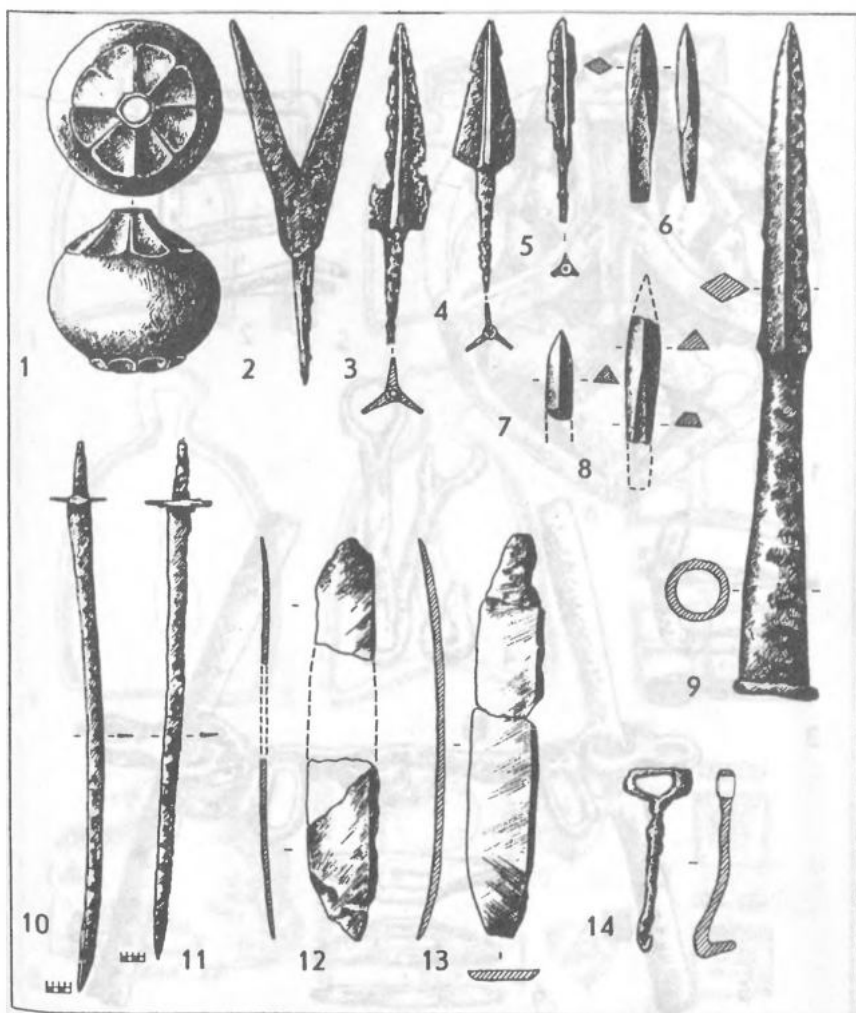

Таблица 8. Предметы вооружения.

1 – кистень (Брусняны III, к. 1, п. 1); 2–5 – стрелы железные (Новинки II, к. 14, п. 3); 6–8 – стрелы костяные (Брусняны II, к. 16, п. 6); 9 – наконечник копья (Брусняны III, к. 1, п. 1); 10 – сабля (Новинки II, к. 14, п. 3); 11 – палаш (Новинки II, к. 13, п. 2); 12–13 – костяные накладки на лук (Брусняны II, к. 16, п. 6); 14 – колчаный крючок (Брусняны II, к. 16, п. 6).

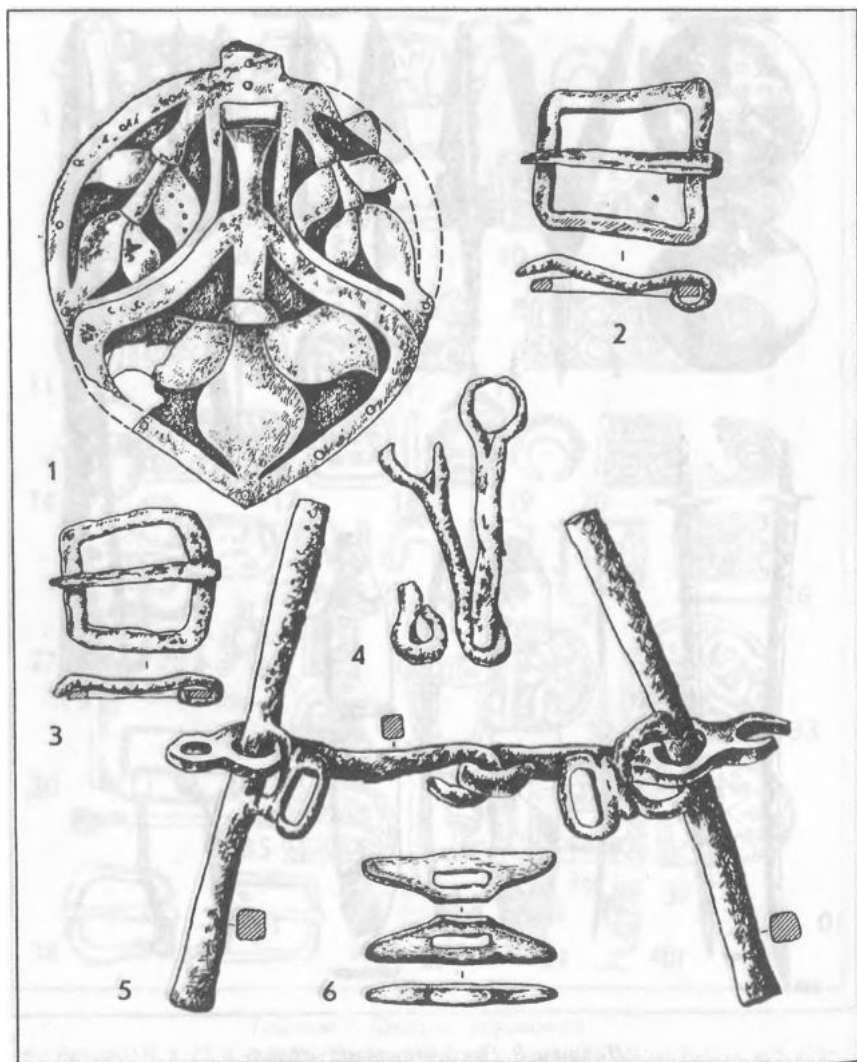

Таблица 9. Предметы конской упряжи.

1 – бляха-решма (Брусяны III, к. 1, п. 1); 2–3 – пряжки (Брусяны II, к. 18, насыпь); 4 – удила (Брусяны II, к. 14, насыпь); 5 – удила (Брусяны II, к. 18); 6 – костяные путовые пряжки (Осиновка III, к. 7, п. 1)

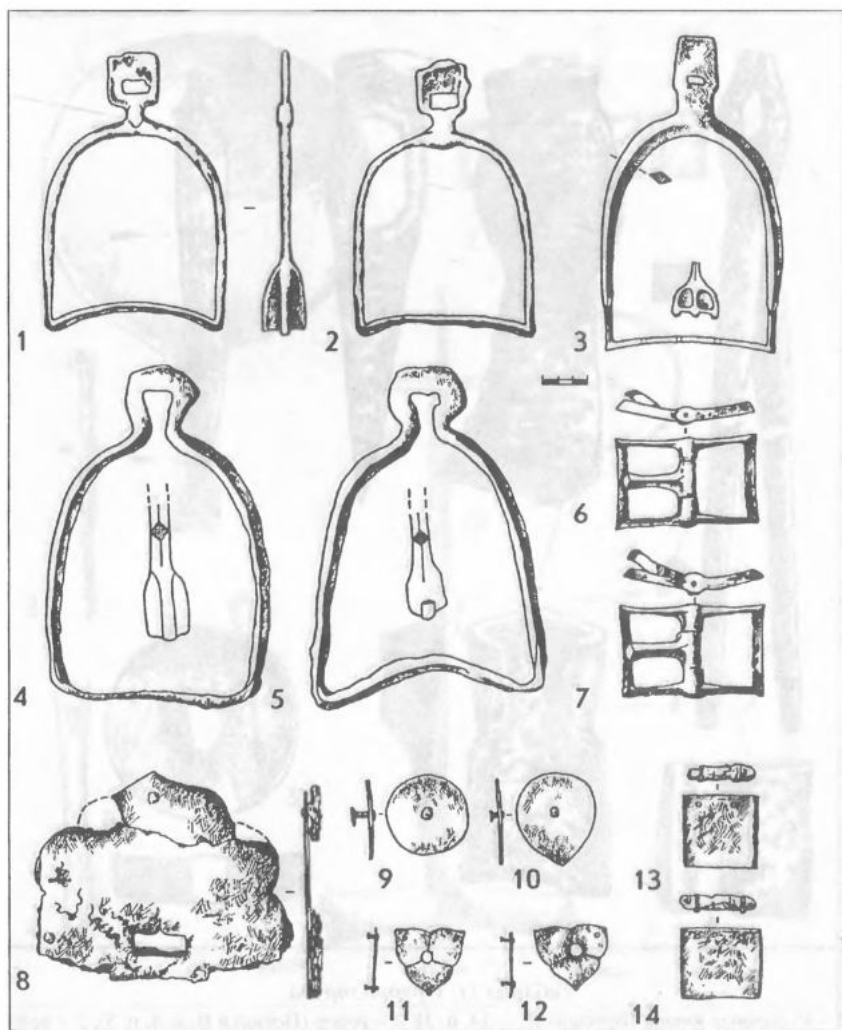

Таблица 10. Предметы конской упряжи.

1, 2 – стремени (Новилки II, к. 13, п. 2); 3 – стремя (Брусяны II, к. 4, насыпь); 4, 5 – стремени (Брусяны II, к. 12, п. 3); 6–14 – пряжки, накладки от конской сбруи (Брусяны III, к. I, п. 1)

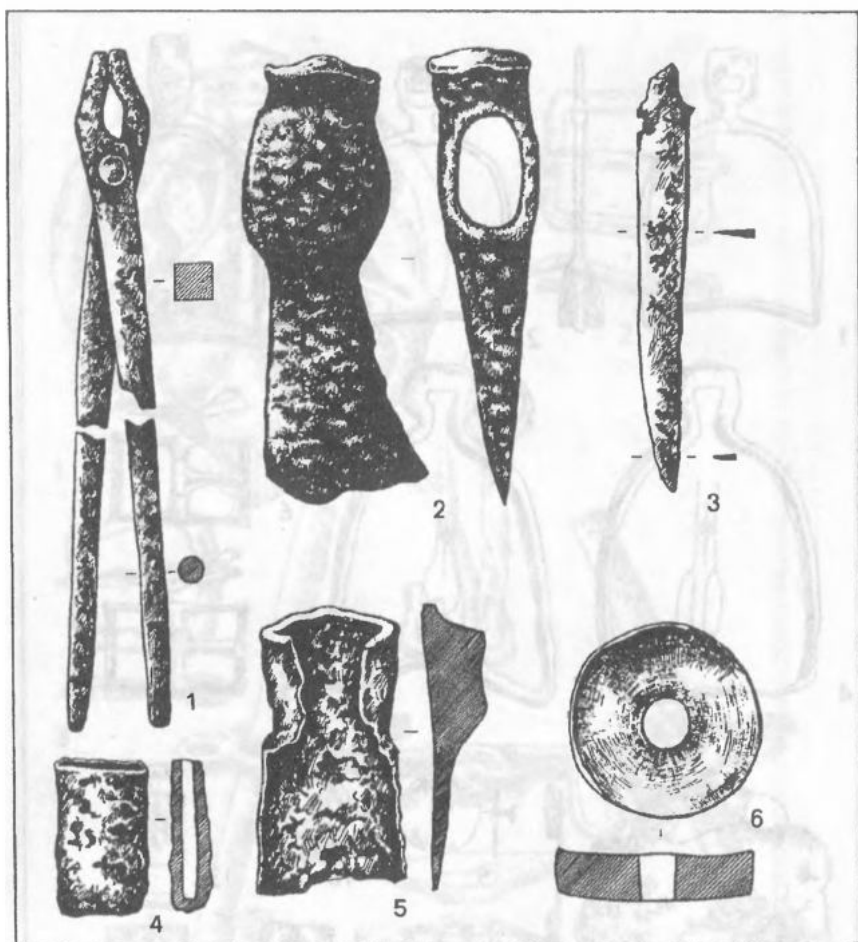

Таблица 11. Орудия труда.

1 – кузнечные клещи (Брусяны II, к. 14, п. 3); 2 – толпор (Новинки II, к. 8, п. 5); 3 – нож (Брусяны II, к. 15, п. 2); 4 – игольник (Брусяны II, к. 7, п. 2); 5 – мотыжка (тесло) (Новинки II, к. 8, п. 5); 6 – пряслице (Брусяны II, к. 14, п. 1)

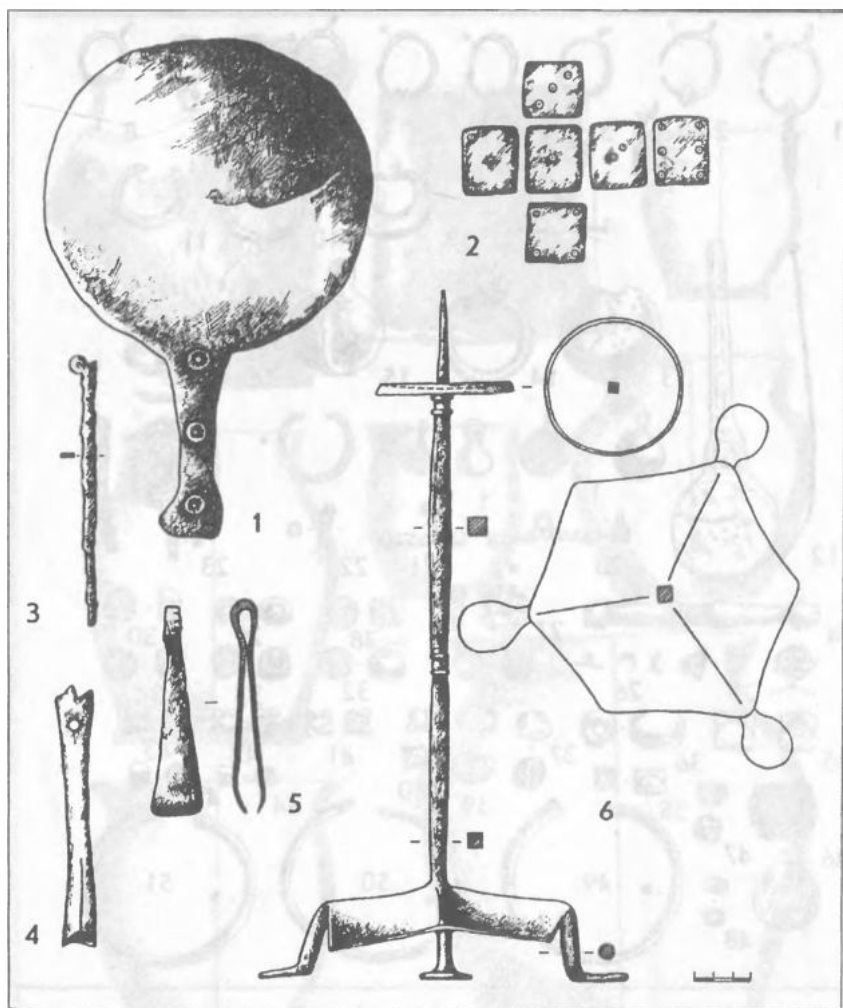

Таблица 12. Предметы быта.

1 – бронзовое зеркало (Брусяны II, к. 34, п. 2); 2 – игральная кость (Брусяны III, к. 1, п. 1); 3 – железная булавка (Шелехметь II, п. 3); 4 – сунак (кость) (Брусяны II, к. 16, п. 1); 5 – пинцет бронзовый (Брусяны II, к. 34, п. 2); 6 – шандал железный (Брусяны III, к. 2, п. 1)

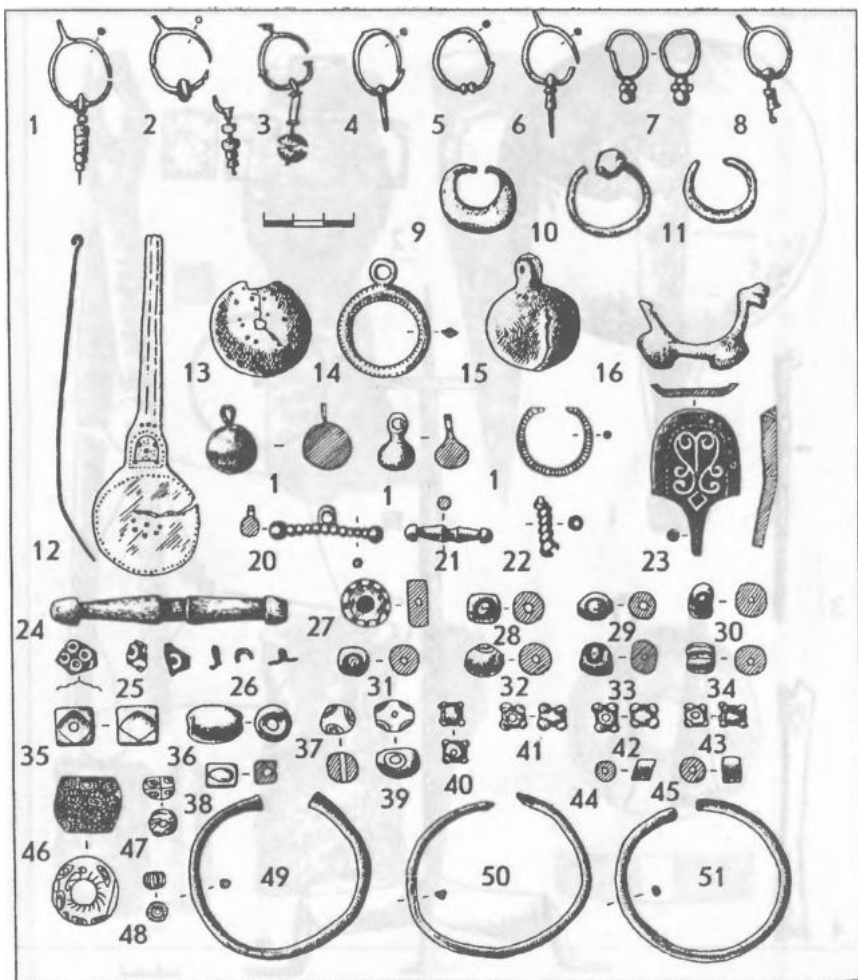

Таблица 13. Украшения.

1, 2, 4-8, 17-23, 15-34, 40-45, 49, 50 - Брусныи II (1, 2, 20 - к. 15, п. 2; 4, 5, 19, 21, 22 - к. 21, п. 1; 6, 18, 41 - к. 21, п. 3; 8 - к. 21, п. 2; 13, 23, 40, 42, 43 - к. 7, п. 2; 7, 25, 26 - к. 2, п. 1; 17, 27-34 - к. 15, п. 1; 44, 45 - к. 9, п. 1; 49-50 - к. 34, п. 4).
 3, 9-12, 14-16, 24, 35-39, 46-48 - Новинки II (3 - к. 8, п. 8; 9-11 - к. 4, п. 2; 12 - к. 8, п. 1; 14 - к. 14, п. 3; 15 - к. 8, п. 6; 16 - к. 4, насыль; 24 - к. 14, п. 3; 35-39 - к. 8, п. 8; 46-48 - к. 8, п. 4); 51 - Шелехметь II (п. 3)

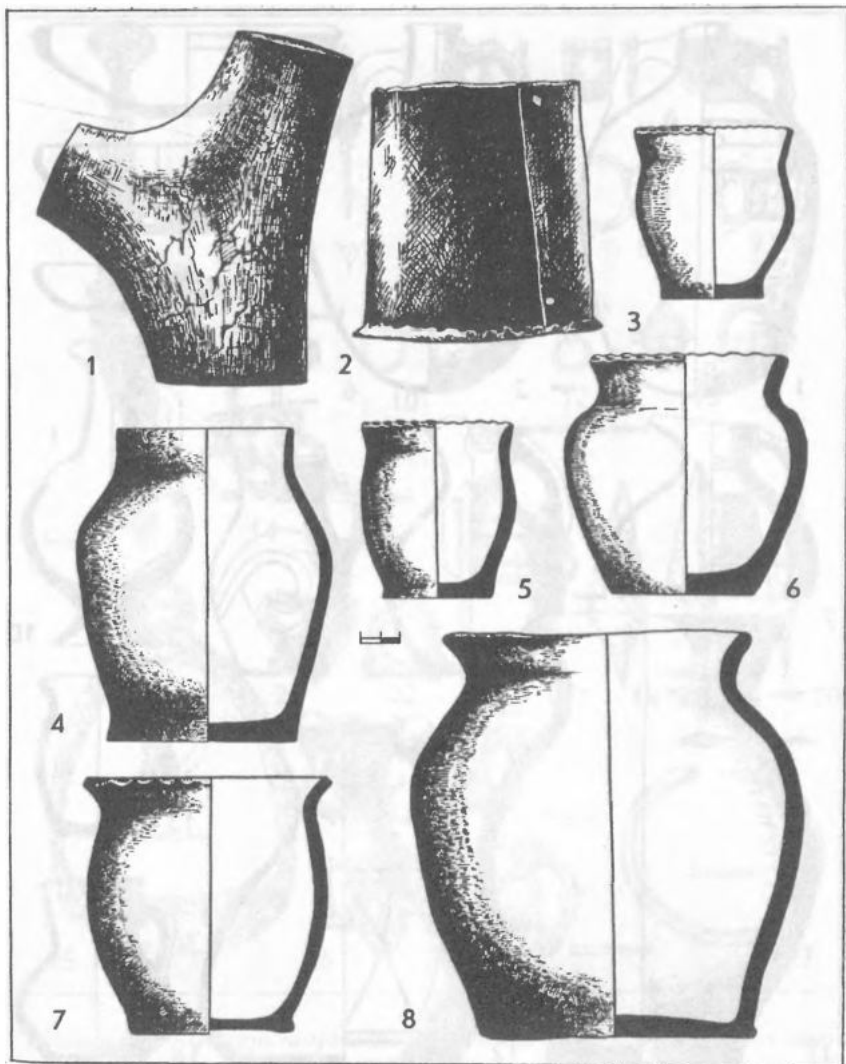

Таблица 14. Посуда.

1 – костяное горлышко бурдюка (Осиновка III, к. 7, п. 1); 2 – бронзовый стаканчик (Осиновка III, к. 7, п. 1); 3–8 – керамика из Брусянского II могильника (3 – к. 21, п. 4; 4 – к. 6, п. 1; 5 – к. 22, насыпь; 6 – к. 17, п. 1; 7 – к. 33, п. 1; 8 – к. 12, п. 4)

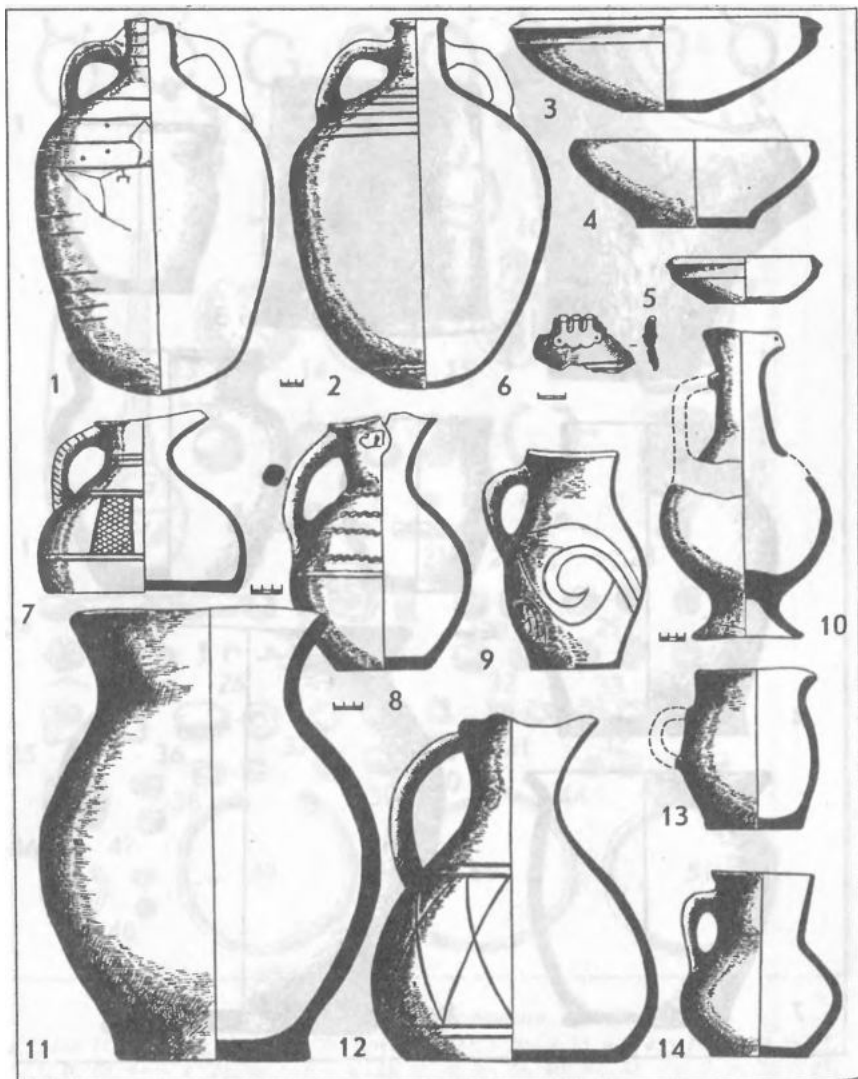

Таблица 15. Керамика.

1, 2, 6-8 - Урень II (1, 10 - к. 4, п. 2; 2, 6, 8 - к. 4, п. 1; 7 - к. 2, п. 2); 3-5, 9, 11-14 - Брусяны II (3-5 - к. 8, насыпь; 9 - к. 6, насыпь; 11 - к. 12, п. 2; 12 - к. 15, п. 1; 13 - к. 4, насыпь; 14 - к. 9, п. 2)

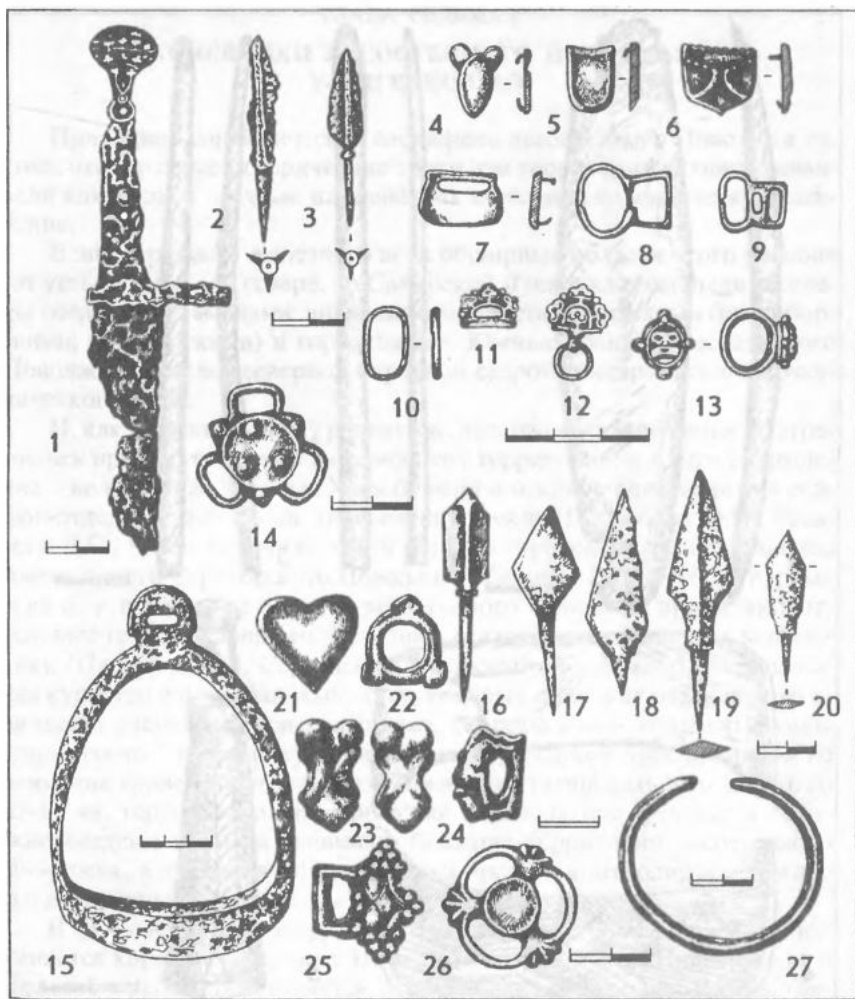

Таблица 16. Инвентарь погребений Немчанских (1-14) и на 116 км г. Самары (15-27).

1-3; 15-20 - железо; 4-13 - серебро; 14; 21-27 - бронза

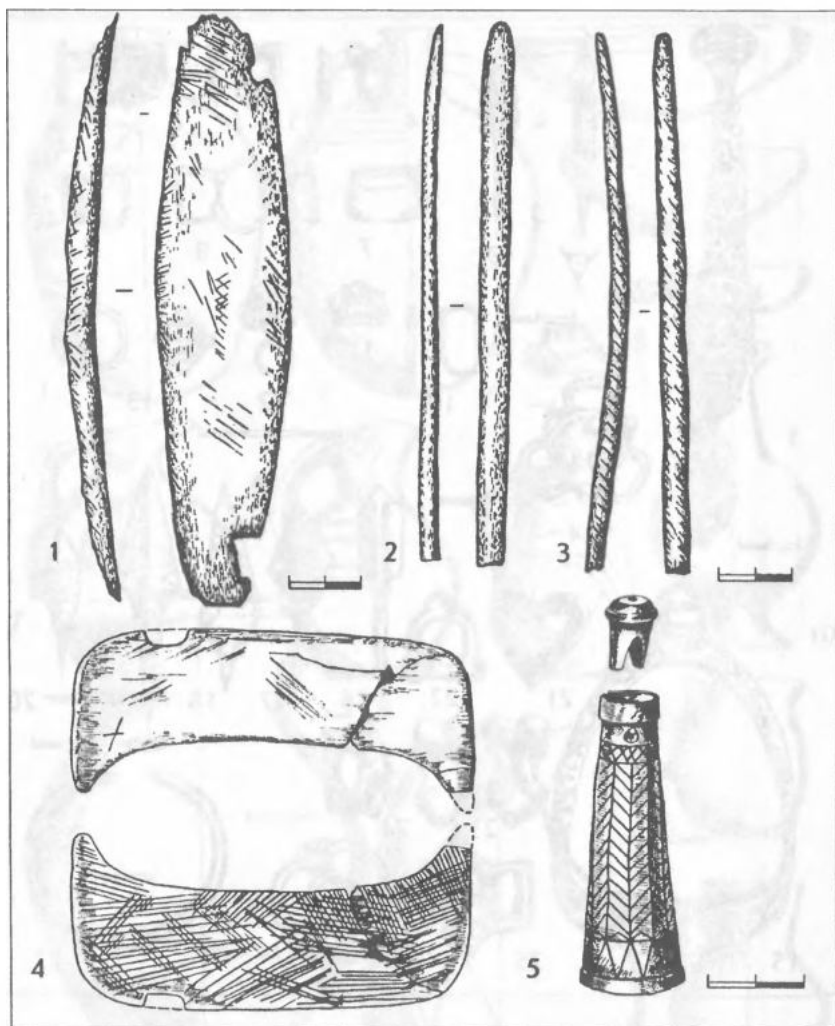

Таблица 17. Костяные изделия из погребения Золотая Нива.

1-4 – накладки луков; 5 – горлышко от бурдюка

**КОЧЕВНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ
V-VIII ВЕКОВ Н.Э.**

Природно-географическая специфика лесостепного Поволжья такова, что в разные исторические эпохи эти территории активно осваивали как лесные оседлые племена, так и степное кочевническое население.

В эпоху раннего железного века обширные области этого региона (от устья Камы – на севере, до Самарской Луки – на юге) были заселены оседлыми племенами: ананьинскими, постананьинскими (пьяноборскими, белогорскими) и городецкими. Южные границы лесостепного Поволжья являлись северной окраиной савромато-сарматского кочевнического мира.

И, как правило, в эпоху раннего железного века кочевники не стремились проникать далеко на север этих территорий; а оседлое население – не стремилось на юг. Хотя бывали и исключения: миграция скифов-отделившихся вглубь ананьинских земель (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992); заселение одной группой городецких племен районов современного Саратовского Поволжья (Миронов В.Г., 1976). В первые века н. э. в северные области лесостепного Поволжья проникают отдельные группы пришлого населения, оставившего курганные могильники (Писеральский, Сергачский, Андреевский курганы), материальная культура и погребальный обряд которых содержит ряд явно кочевнических элементов (конская упряжь, скелеты коней, отдельные типы “сарматского” оружия, курганные насыпи). Однако даже принимая во внимание приведенные эпизоды, можно констатировать, что вплоть до III–IV вв. территориально-этнический баланс (когда финские и балтские оседлые племена занимают большие территории лесостепного Поволжья, в то время как кочевники-иранцы контролируют южное его пограничье) в регионе был достаточно устойчив.

В III–IV вв. этнокультурная ситуация в лесостепном Поволжье изменяется коренным образом. Именно в этот период из Поднепровья и Полесья в регион переселяется значительный этнический массив, связываемый Г.И. Матвеевой со славянским населением (Матвеева Г.И., 1981а; 1986). Наиболее ранние памятники славян в Поволжье исследованы близ с. Славкино в Сергиевском районе Самарской области (Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П., 1981) и у пристани Лбище Ставропольского района Самарской области (Матвеева Г.И., 1998). Уход пшеворско-зарубинского населения на восток, по мнению Г.И. Матвеевой, был обусловлен военной активностью готов (Матвеева Г.И., 1986). По всей видимости, эта же причина лежит в основе определенных изменений в Волго-Донских степях: “сарматское политическое преобладание пало в середине III в. под ударами готов и союзных с ними племен” (Шелов Д.Б., 1979. С. 81). После разгрома готами Танаиса в 244–247 гг. (Шелов Д.Б., 1972. С. 103), племена, входившие в готский союз “потеснили, вероятно, и сарматов, большинство которых

отошло в заволжские степи... Позднесарматские курганы встречаются далеко к северу, причем целыми группами, например в Куйбышевской области и Башкирии" (Скрипкин А.С., 1984. С.107). На территории Самарского Поволжья сарматские погребения III–IV вв. исследованы в Березняковском (раскопки В.В. Гольмстен), Андреевском (Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982), Лопатинском (раскопки 1997 г. Р.С. Багаутдинова, С.Э. Зубова), Гвардейском (раскопки 1994 г. В.Н. Мышкина, В.А. Скарбовенко) могильниках. На некоторое время (вплоть до конца IV в.) в лесостепном Поволжье устанавливается определенный баланс сил, когда территории к северу от Самарской Луки осваиваются славянским населением (лбищенский, славянский типы памятников, именьевская культура), а лесостепное пограничье и степь остаются позднесарматскими.

Вплоть до последней трети IV в. территория лесостепного Поволжья была зоной взаимодействия традиционно европейских этнокультурных групп: иранских, финских, балтских, славянских. Однако в последней трети IV в. гунны "на быстрых конях, все наполняя резней и ужасом" (Евсевий, Иероним), вторгаются в пределы Восточной Европы, полностью изменяя этническую доминанту в Южнорусских степях и на сопредельных территориях.

Исследователи, не без основания, полагают, что отдельные косвенные археологические свидетельства проникновения гуннов на Нижнюю Волгу в сарматскую среду фиксируются в материалах I в. н. э. (погребение с восточным инвентарем в кургане 51 Суловского могильника – Минаева Т.М., 1927. С. 116). В частности, И.П. Засецкая считает, "что здесь мы попали на след затерявшихся в евразийских степях первых переселенцев хунну, впоследствии птолемеевских "хунов" (Засецкая И.П., 1994. С. 138).

Сравнительно недавно на территории Южного Зауралья исследовано более сотни кочевнических комплексов II–V вв., которые были идентифицированы как гунно-сарматские (Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996. С. 178–193). Сегодня, когда все эти материалы еще не систематизированы, достаточно трудно однозначно говорить об этнических составляющих этих зауральских и казахстанских памятников. Однако вполне вероятно, что именно эти этнокультурные группы вынудили часть сарматского населения покинуть Западносибирскую лесостепь, перейти Уральские горы и в конце IV в. начать осваивать Прикамье. Именно с этим угорским населением Р.Д. Голдина связывает материалы таких могильников как Броды, Курманаево, Верх-Сая, Качка, Бурково и др. (Голдина Р.Д., 1996. С. 76).

И.П. Засецкая справедливо отмечает, что "период вторжения и движения гуннов на запад на первом этапе их истории в Восточной Европе пока очень слабо отражен в археологических источниках" (Засецкая И.П., 1994. С. 142). Гуннские памятники "появляются" только после завоевания кочевниками Северного Причерноморья. И главным идентифицирующим элементом гуннских комплексов становятся специфические золотые украшения с вставками из камней. Проблема происхождения полихромного стиля гуннской эпохи и сегодня остается

дискуссионной: “однозначного решения ни по вопросам центра производства, ни по определению этнокультурной принадлежности украшений полихромного стиля не может быть. Совершенно очевидно, что в создании этих изделий принимали участие разные народы и изготавливались они в разных мастерских...” (Засецкая И.П., 1982. С. 26). И все же факт, что ни в гунно-сарматских памятниках степного Зауралья II–IV вв. (Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996), ни на других “восточных” территориях (откуда могло начаться стремительное продвижение гуннов на запад) не найдено вещей “гуннского полихромного стиля” (или их прототипов), датированных временем ранее последней трети IV в., позволяет предполагать западные (причерноморские) истоки этого стиля.

Показательно то, что и на Средней Волге (Тураево, Федоровка), и в Приуралье (Уфа), и в Прикамье (харинская стадия ломоватовской культуры) полихромные украшения появляются в комплексах (в том числе идентифицированных как гуннские, например, Федоровка), датированных временем не ранее V в. И это обстоятельство делает менее актуальным тезис о том, “что именно с территории Среднего Поволжья и Приуралья началось одно из этапных движений гуннов на Запад” (Боковенко Н.А., Засецкая И.П., 1993. С. 85). Скорее наоборот: какие-то группы кочевников, вовлеченные гуннами в движение на запад, после ограбления Северного Причерноморья, отошли в Поволжские и Приуральские лесостепи. В частности, Ф.А. Сунгатов примерно так объясняет появление в Приуралье турбаслинских памятников (Сунгатов Ф.А., 1995. С. 21). Однако это событие, на наш взгляд, произошло не в конце V в. (Там же), а в начале V в., поскольку именно этим временем датируются самые ранние турбаслинские погребения (Генинг В.Ф., 1979. Рис. Л19; Богачев А.В., 1992. С. 120–122). Началом V в. мы датируем гуннские древности, собранные близ с. Федоровка, и ранние могилы Тураевского могильника (Богачев А.В., 1992. С. 120–121).

Письменные источники (Зосим, Созомен) сообщают, что гуннская орда в Причерноморье была неоднородна ни этнически, ни политически: “в 400-е годы территория левого берега Дуная была занята гуннами, которые представляли собой оторванную от общей массы группу... не вошедшую в политическое объединение гуннского племенного союза Северного Причерноморья” (Засецкая И.П., 1994. С. 144–145). Есть в источниках (Евсевий, Иероним) и упоминание о походе гуннов на Восток (в Мелитину), который исследователи склонны относить к 398 г. (Засецкая И.П., 1994. С. 143–144). В этой связи логично предположить, что география гуннских походов не ограничивалась Востоком. Что же касается упоминания, скажем, “северного” направления гуннской экспансии в письменных источниках, то следует иметь в виду, что римские и византийские авторы традиционно комментировали исторические события, так или иначе связанные с интересами империи (заметьте, что о болгарском переселении в Волго-Камье не было упомянуто ни в одном источнике).

Таким образом, появление в лесостепном Поволжье и Приуралье в начале V в. отдельных комплексов с вещами полихромного стиля (Фе-

доровка), подкурганных воинских захоронений (Тураево), а также ранних погребений турбаслинской культуры (и те, и другие, и третьи не имели в регионе культурных корней), можно связывать с оттоком из Причерноморья отдельных этнических групп гуннского племенного союза. Этнокультурная разнопорядковость означенных памятников в данном случае лишь подчеркивает полиэтничность "державы" гуннов.

При этом следует отметить, что если исследователи турбаслинской культуры (Р.Б. Ахмеров, А.П. Смирнов, Г.И. Матвеева, Н.А. Мажитов, Ф.А. Сунгатов и др.), не без основания, говорят о сарматских корнях ее, то культура воинских захоронений Тураевского могильника и Федоровского комплекса не имеет европейских корней.

В.Ф. Генинг считает, что тураевская группа была одной из вовлеченных гуннами в движение на Запад, но перед нашествием гуннов на причерноморские степи, оторвавшаяся и ушедшая на север в Нижнее Прикамье (Генинг В.Ф., 1976, С.108). Принимая во внимание, что основная масса тураевских материалов датируется V в. (Богачев А.В., 1992а; 1992б), а также высказанный выше тезис о том, что вещи, выполненные в технике полихромного стиля, появляются в кочевнических материалах только после разграбления гуннами причерноморских центров, следует полагать, что тураевская группа оторвалась от гуннской орды не до нападения на Причерноморье, а после этого события. К сожалению, сегодня трудно сказать что-нибудь определенное об исходном районе миграции тураевцев, и, прежде всего, потому, что многие типы вещей из могильника (предметы вооружения, поясные принадлежности) являются или интеррегиональными, или уникальными (шлем); полных аналогов погребального обряда тураевцев – пока не известно.

Однако исследование в Зауралье гунно-сарматских памятников II–V вв. (Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996), их систематизация, а также полная публикация материалов джетыасарской культуры Приуралья (Левина Л.М., 1994), вероятно, в дальнейшем дадут основания для более детального сопоставления лесостепных древностей Поволжья и Приуралья, с одной стороны; и зауральских и казахстанских материалов – с другой.

В частности, введение в настоящем издании в научный оборот неискленных прорисовок (собственно самих находок, а не перепубликация не вполне точных рисунков) вещей Федоровского комплекса и начавшаяся публикация огромного культурно-исторического массива памятников джетыасарской культуры позволяют увидеть в материалах определенные параллели. В данном случае имеются в виду наборы полых поясных накладок прямоугольной формы с закрепленными на их концах полыми полусферическими шляпками (см. выше, гл. 5, табл. 4, 10, 11), которые составляют единый комплекс с парными трехсоставными пряжками. В Европе такие пояса представлены всего двумя экземплярами (Федоровка, урочище Кубей – Засецкая И.П., 1994. Табл. 46, 5); находки остальных, известных сегодня 19-ти таких же (или подобных) поясов происходят с территории Казахстана, причем 11 – из раскопок в Джетыасарском урочище, где датируются, по мнению Л.М. Левиной, не позднее

III–IV вв. н. э. (Левина Л.М., 1994. С. 71. Рис. 151–20, 21). Конечно, такого рода единичные параллели сегодня не решают проблему происхождения гуннов, однако именно они позволяют наметить наиболее вероятные пути и направления научного поиска в ответе на этот непростой вопрос.

В связи с вышеизложенным, нам представляется, что прекращение жизни на городище Лбище на Самарской Луке на рубеже IV–V вв., связано именно с движением из Причерноморья (после разгрома его центров гуннским племенным союзом) на северо-восток (в лесостепное Поволжье и Приуралье) кочевнических отрядов, оставивших памятники Федоровка, Тураево и ранние погребения турбаслинской культуры. О том, что это продвижение было достаточно стремительным и однонаправленным, свидетельствует факт того, что спустя некоторое время жизнь славянского оседло-земледельческого населения (именьковская культура) на Самарской Луке возобновляется.

На территории Самарского Поволжья, близ с. Владимировка исследовано еще одно захоронение, традиционно интерпретируемое как гуннское. И.П. Засецкая относит Владимировский комплекс к позднему хронологическому горизонту памятников гуннского круга (Засецкая И.П., 1994. С. 126). А.К. Амброз также включает этот комплекс в позднюю группу материалов (Амброз А.К., 1989. С. 74). Определяя верхнюю дату ХГЗ 2 и ХГА–II (куда авторы определили и Владимировский комплекс) и И.И. Засецкая, и А.К. Амброз ориентировались на хронологию пряжек из Шипова (курган 3) и Верхнепогромного. Анализ этих изделий в контексте эволюции раннесредневековых ремennых гарнитур позволил определить, что они изготовлены в стилистике предгеральдических украшений поясов и должны быть датированы третьей четвертью VI в. (Богачев А.В., 1992а; 1996). Соответственно этим же временем должен быть датирован и Владимировский комплекс. Следовательно, это погребение, равно как и другие материалы из ХГЗ 2 и ХГА–II, можно считать гуннскими лишь условно, следуя принятой сегодня терминологии. Однако по сути таковыми (т.е. собственно гуннскими) они не могут быть уже хотя бы потому, что гунны сходят с политической арены (а, соответственно, перестают упоминаться в хрониках) уже в конце V в. В это и более позднее время обширные пространства евроазиатских степей занимают кочевниками-тюрьками, некоторые из которых, впрочем, не отказывают себе в удовольствии называться гунно-сабирами, гунно-болгарами: “причислять себя к гуннам в VI веке было гордо” (Гумилев Л.Н., 1993. С. 124). Однако исчезновение того или иного народа совсем не предопределяет исчезновение моды (на одежду, украшения), которую этот народ культивировал. В этой связи логично допустить, что “гуннский стиль” еще какое-то время (до третьей четверти VI в.) поддерживался представителями тюркской знати; чего не скажешь о простых кочевнических захоронениях раннетюркской эпохи.

На территории Среднего Поволжья погребения кочевников второй половины VI в. достаточно редки и прежде всего потому, что вплоть до рубежа VI–VII вв. территории Поволжской лесостепи к севе-

ру от Самарской Луки были заняты оседло-земледельческим населением именьковской культуры. Однако угроза нападения кочевников с сопредельных южных территорий, по всей видимости, была перманентной. В этой связи представляется весьма показательным кочевническое погребение третьей четверти VI в., впущенное в курган бронзового века, исследованное на юге Татарстана близ с. Новоселки (Богачев А.В., 1990), т.е. на территории, которая в тот период была далеко не периферией именьковского мира. Вероятно, этот комплекс – одно из свидетельств рейдов кочевников вглубь именьковских территорий.

Сами же кочевья, вероятно, располагались на границе лесостепи и степи: два подкурганных захоронения этого же периода были открыты в Преполовенковском и Кировском I курганных могильниках (соответственно Безенчукский и Красноармейский районы Самарской области) (Васильева И.Н., 1979).

По этим трем комплексам в настоящий момент трудно делать какие-либо обобщения. Погребальный обряд их не унифицирован (за исключением ориентировки всех трех комплексов в северном секторе). Подобная ситуация является отражением процессов, происходящих в тот период в степях Евразии. Именно в последней трети VI в. происходит усиление I Тюркского каганата, и его влияние распространяется вплоть до Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Не исключено, что выявленные в Среднем Поволжье (на северных окраинах Каганата) отдельные кочевнические захоронения оставлены представителями разрозненных тюркских родов, не пожелавших подчиниться власти кагана и ушедших на север, в районы не контролируемые центральной властью.

Может быть, именно этими обстоятельствами объясняется появление в Прикамье на могильниках именьковской культуры (где безраздельно господствовал обряд трупосожжения) во второй половине VI в. обряда трупоположения. Ряд таких погребений исследован в Закамье (Старостин П.Н., 1994; Казаков Е.П., 1996). Наиболее исследованным сегодня именьковским могильником с биритуальным обрядом захоронения является II Коминтерновский (Казаков Е.П., 1998). Из 48 раскопанных погребений – 31 совершено по обряду трупоположения. Автор раскопок Е.П. Казаков отмечает, что погребенные лежали вытянуто на спине головой на север (вспомним северную ориентировку вышеописанных подкурганных захоронений этого периода); в трех захоронениях (26, 43, 46) находились жертвенные комплексы из черепа и костей ног лошади; погребенные сопровождалась жертвенной пищей и погребальным инвентарем. Характер последнего (прежде всего ременная гарнитура предгеральдического стиля) дает возможность уверенно датировать эти комплексы второй половиной VI в. Е.П. Казаков интерпретирует такого рода памятники как турбаслинско-именьковские, при этом отмечая связь турбаслинцев с джетысарской культурой Приаралья: “в состав турбаслинского населения могли входить какие-то группы из хуни (хионитов), вар и орогов, разгромленных в 558 г. тюрками в Приаралье и вынужденных бежать на северо-запад в места летних кочевков” (Казаков Е.П., 1996. С. 48).

Исследование этих и собственно именьковских материалов с точки зрения хронологии представляется сегодня чрезвычайно важным, поскольку верхняя дата именьковской культуры косвенным образом маркирует раннюю дату прихода на Среднюю Волгу новой волны тюркского кочевнического населения – болгар.

Опубликованный нумизматический материал, связываемый с именьковскими слоями, невелик. Это, прежде всего, две монеты – Пероза (457–483) и Кавада (488–497) из хозяйственной ямы Троицко-Урайского городища (Старостин П.Н., 1997). А также монеты из клада Кармалинского городища: три драхмы Кавада (488–497, 499–531 гг. правления), отчеканенные в 519, 524, 527 гг., и четыре драхмы Хосрова I (531–579 гг. правления), отчеканенные в 538, 541 и 545 гг. (Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991). В нашем исследовательском контексте определяющую роль играют монеты Кармалинского клада – наиболее поздние в серии. Самая поздняя монета из клада датирована 545 г. С учетом того, что самая ранняя монета этого комплекса была отчеканена 26 годами ранее, можно традиционным приемом (прибавив к 545 годам 26 лет) определить гипотетическую дату зарытия клада – 571 г. Но поскольку точность такого рода дат (до одного года) в археологии всегда достаточно условна, мы, говоря о времени попадания Кармалинского клада в землю, будем иметь в виду последнюю треть VI в. Таким образом, если при определении верхней хронологической границы именьковской культуры ориентироваться только на даты самых поздних монет, то ее следует определять в пределах последней трети VI в. Однако ориентироваться в этом вопросе только на немногочисленные находки нумизматического материала было бы не вполне корректно. В этой связи нами были привлечены детали ременных украшений (и прежде всего пряжки), хронология которых для региона разрабатывалась специально (Богачев А.В., 1992а). В результате проведенного анализа было установлено, что основная масса пряжек из именьковских материалов относится к эпохе IV– первой половины VI в. (Богачев А.В., 1995, табл. 1). Вместе с тем, в именьковских материалах имеется несколько находок пряжек, морфология которых маркирует новоселковский этап (третья четверть VI в.) развития поясной гарнитуры Среднего Поволжья. Новый пласт именьковских памятников, исследованных Е.П. Казаковым, (прежде всего Коминтерновский II могильник) дали новые находки поясных украшений, выполненных в технике предгеральдического стиля (Казаков Е.П., 1996. Рис. 5). Собственно геральдических наборов в материалах именьковской культуры до сего дня не известно. Все это (с учетом монетных находок) позволяет говорить, что верхняя дата именьковской культуры ограничивается последней третью VI в. (возможно, – рубеж VI – VII вв.).

В.В. Седов полагает, что славяне покинули Волго-Камье и переселились в левобережные районы Поднепровья, где оставили памятники воыльнцевской культуры (Седов В.В., 1994: С. 315). Ю.А. Семькин, исследовавший поселение “Чертов городок” в Старомайском районе Ульяновской области пришел к выводу о том, что какие-то отдельные славянские группы “вступили в контакт с пришедшими раннеболгар-

скими племенами... эти контакты носили характер мирного симбиоза" (Семыкин Ю.А., 1996. С. 73).

Г.И. Матвеева считает, что "основная масса (именьковского населения после прихода болгар. – *Авт.*) осталась в Поволжье" (Матвеева Г.И., 1997. С. 98). Этот тезис, вероятно, должен подтверждаться *массой* материальных свидетельств, каковых, на сегодняшний день, мы не имеем. Известны лишь отдельные случаи взаимного нахождения салтовской и именьковской керамики на отдельных поселениях (Семыкин Ю.А., 1996). В этой связи нам представляется, что, вероятнее всего, на Средней Волге остались (или были оставлены) отдельные славянские коллективы, в то время как большинство именьковцев покинуло регион. Что же касается того, "что такой огромный оседлый этнический массив" не мог "покинуть обжитую территорию" (Матвеева Г.И., 1997. С. 97–98), то здесь уместно вспомнить точку зрения самой Г.И. Матвеевой о том, что все эти славянские племена оказались на Средней Волге именно потому, что во второй четверти I тысячелетия они покинули обжитые районы Среднего Поднепровья и Полесья (Матвеева Г.И., 1981а; 1986).

В то же время, есть основания полагать, что болгары в массе своей начали переселяться в Среднее Поволжье тогда, когда эти территории уже были покинуты славянами, которые предпочли крупномасштабное переселение крупномасштабной войне с кочевниками.

Слои пожарищ на именьковских поселениях в контексте данной версии возможно расценивать как результат добровольного сожжения славянами своих городищ и поселков. В истории такого рода случаи известны. К примеру, Юлий Цезарь в своих "Записках о галльской войне" пишет: *"...геллеты тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города числом до двенадцати, села числом около четырехсот и сверх того все частные хутора, сожгли и весь хлеб... с тем, чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности"* (Цезарь, 1993. С. 9).

Эта версия может быть подкреплена еще и тем, что между самыми ранними праболгарскими материалами Среднего Поволжья (не ранее середины VII в.) и самыми поздними достоверно именьковскими комплексами (конец VI в. – Богачев А.А., 1995) существует хронологическая лакуна. Сегодня не известно ни одного достоверно именьковского закрытого комплекса, материалы которого можно было бы безошибочно датировать серединой VII в. Лишь на периферии именьковского мира был исследован турбаслинско-именьковский Кушнарковский могильник на р. Белой, который продолжал функционировать в первой половине VII в. (Генинг В.Ф., 1977. С. 136), что дает возможность говорить о том, что отдельные славянские коллективы оставались на местах своего проживания вплоть до прихода в Волго-Камье болгар.

Уход именьковских племен в конце VI в. (или на рубеже VI–VII вв.) может быть объяснен усилившимся натиском на славян со стороны ко-

чевников, контролировавших в это время степные районы Среднего Поволжья. В частности, как уже было отмечено, на территории степной зоны Самарской области выявлены отдельные подкурганные кочевнические захоронения VI в. (погребение 2 кургана 6 Преполовенокского могильника, курган 4 Кировского I могильника – Васильева И.Н., 1997); и еще одно погребение кочевника второй половины VI в. найдено у д. Новоселки на юге Татарстана (Богачев А.В., 1990) – на исконно именьковской территории. А принимая во внимание исторический контекст той эпохи (усиление в 70-е годы VI в. I Тюркского каганата), логично предположить, что демографические потрясения, происходившие тогда в степи начинают отражаться и на этнополитической ситуации в сопредельных лесостепных районах. И возможно именно эта нарастающая нестабильность вынудила оседло-земледельческие славянские племена (а земледелие, как известно, предусматривает стабильное соблюдение определенного цикла сельскохозяйственных работ) покинуть обжитые районы Волго-Камья в конце VI в.

Именно в VII в. в лесостепном Поволжье окончательно произошла смена оседлого населения кочевническим. Болгары – народ тюркского корня, – начав осваивать регион именно в этот период, впоследствии создали здесь одно из крупнейших раннефеодальных государств Восточной Европы.

До недавнего времени считалось, что эта миграция праболгар (болгарских и союзных им племен) произошла во второй половине VIII в. (именно этим временем датируются самые ранние находки из могильников типа Больше-Тарханского). Новые исследования самарских археологов позволили значительно расширить представления о характере и времени проникновения болгар в районы лесостепного Поволжья (Матвеева Г.И., 1997; Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998).

Интересно то, что выделенные на Средней Волге две группы праболгарских подкурганных захоронений: 1) под земляными насыпями и 2) под каменно-земляными насыпями – не являются одновременными. Одновременность их появления в регионе достаточно четко фиксируется наличием в самых ранних захоронениях той и другой групп вещей хронологического горизонта Перещепина-Шиловка. Более того, само выделение горизонта стало возможно в контексте анализа самых ранних праболгарских комплексов Среднего Поволжья и их сопоставления с целым комплексом кочевнических древностей Евразии.

М.Б. Шукин отмечал, что “памятники горизонтов рассыпаны на большей территории и располагаются не столь компактно, как в археологических культурах, иногда вклиниваются в инокультурную среду, число интегрирующих типов не столь велико и охватывают они сравнительно узкие хронологические интервалы” (Шукин М.Б., 1986. С. 26).

Территориально памятники **горизонта Перещепина-Шиловка** рассредоточены от Поднепровья до Алтая и от Северного Причерноморья до Средней Волги.

Для выделения горизонта базовыми комплексами явились: Шиловский курганный могильник (курганы 1/2, 2/2), комплекс Малая Пере-

щепина (вещи, относимые к эпохе зарытия сокровища), IV Бруснянский курганный могильник (курган 2), Узунтальский курганный могильник (курган 3), могильник Катанда II (курган 5), Верхнечирюртовский курганный могильник (курган 17), погребение у с. Ясиново. К этой группе по ряду признаков (см. ниже) примыкают погребение V могильника Директорская горка, подкурганное захоронение у с. Портовое (курган 12 погребение 5), погребение 1 кургана 2 Бруснянского II курганного могильника, захоронение в Новых Сенжарах и некоторые другие комплексы (число которых очень невелико).

Интегрирующими типами вещей (и интегрирующими признаками) горизонта Перещепина-Шиловка явились нижеследующие.

Костяные обкладки передней луки седла (или фольга, покрывавшая эти накладки), украшенные резным растительным (реже – зооморфным или антропоморфным) орнаментом, содержали все базовые комплексы (за исключением Ясиново) горизонта. Причем, растительный орнамент в виде трехлепестковой пальметты на обкладках из разных памятников (IV Брусняны, II Катанда, Узунтал, Перещепина) практически идентичен. Трехлепестковая же стилизованная пальметта украшала отштампованные детали поясного набора из Ясиново (Айбабин А.И., 1985. Рис. 3). По стилистике очень близок к описанному орнамент одной обкладки из Верхнечирюртовского могильника (Магомедов М.Г., 1975. Рис. 1–14). Накладки с зооморфным и антропоморфным орнаментом из Шиловского и Верхнечирюртовского погребений выполнены с большим мастерством в реалистическом стиле. Наличие обкладок передней луки седла описанных разновидностей является основным диагностирующим признаком горизонта Перещепина-Шиловка.

Золотые (или серебряные, покрытые золотом) *вещи* содержались во всех комплексах (за исключением II Катанда) горизонта, что отражает достаточно высокий статус их владельцев.

Ременные бляшки (кроме Верхнечирюртовского и II Катандинского комплексов) были *изготовлены в технике штамповки и имели тисненый* (чаще растительный) *орнамент*. Как было отмечено выше, такая технология изготовления поясных бляшек характерна для достаточно небольшого хронологического отрезка – второй половины VII в. (Амброз А.К., 1971а. С. 120–122; Балинт Ч., 1995. С. 43–44). Форма накладок, чаще всего имела геральдические очертания (Шиловка 1/2, Перещепина, II Брусняны, IV Брусняны, Ясенево, Портовое, Директорская Горка). На ременной основе бляшки всегда закреплялись при помощи штифтов (или петелек), напаянных на внутреннюю поверхность изделия; иногда (Шиловка 2/2, Директорская горка) крепежный шпенец закреплялся в пасте. Редко (Перещепина, Шиловка 1/2, Портовое) детали ременных гарнитур инкрустировались вставками из стекла и хрусталя, что продолжалось также достаточно недолго и связано с модой на “роскошные” пояса с псевдопряжками, пик которой в Европе приходится на середину VII в. (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. С. 93).

Серьги из комплексов горизонта Перещепина-Шиловка (за исклю-

чением единственной из Катанды II) изготовлены *из золота*. Их кольца имеют форму несильно вытянутого овала или круга, что принципиально отличает их от серег салтовского типа (с кольцом в виде сильно вытянутого вертикального овала), но сближает с серьгами раннеаварского и среднеаварского времени (Балинт Ч., 1995. Табл. I, 2, II, 1–5; Амброз А.К., 1971а. Рис. 8–1,2). Кольцо серег отлито вместе со стерженьком, на который одет камень (сапфир, аметист) полуовальной формы (Шиловка 1/2, Перещепина, Ясиново). Иногда вместо камня в нижней части кольца серьги напаявалась гроздь-пирамидка из золотых шариков (II Брусяны 2/1), что также сближает серьги горизонта с аварскими второй половины VII в. Отдельные серьги на стерженьке между бусиной и кольцом имели пронизку-трубочку (Шиловка 1/2).

Плоскодонные кувшины с округлобким (яйцевидным) туловом, отогнутой наружу горловиной и круглой ручкой, закрепленной в средней части тулова представлены двумя глиняными (Шиловка 1/2, Ясиново) и одним деревянным (Перещепина), обложенным серебряными пластинами, сосудами. А.И. Айбабин и другие авторы полагают, что такая форма посуды восходит к тюркским образцам (Айбабин А.И., 1985. С. 196; Маршак Б.И., Скалон К.М., 1972. С. 15). Для нас же важно, что все известные сегодня образцы подобных кувшинов найдены в комплексах обозначенного горизонта, и в силу своей малой распространенности в пространстве и во времени, они могут стать надежным хронологическим маркером для этого времени. Считается, что такие глиняные сосуды (судя по глине и технологии) производились в гончарном центре Канцерка – один из канцерских кувшинов по форме близок ясиновскому (Айбабин А.И., 1985. С. 196; Сміленко А.Т., 1975. Рис. 56–5) и шилловскому. Но заказчиками такого рода посуды, судя по характеру ее распространения, были кочевые племена.

Орнамент в виде пальметты перещепинского сосуда усиливает связь вещи с обозначенными выше комплексами горизонта.

Отметим (не останавливаясь специально на их рассмотрении) еще ряд признаков, коррелирующих выделенные комплексы. В 10 из 11 погребениях (Перещепинский комплекс – не погребение) найдены кости коня; в 9 из 12 – предметы конской упряжи (стремена, удила, седла, части конской сбруи); во всех семи мужских захоронениях (и в Перещепине) было найдено оружие (копья, сабли, стрелы, палаши).

Однако последние признаки, усиливая основания для выделения горизонта, все же являются хронологическими маркерами второго уровня. *Основными типами интегрирующих вещей (признаками), определяющими горизонт Перещепина-Шиловка как некий хронологический срез, являются: костяные орнаментированные особым образом обкладки передней луки седла; округлобокие плоскодонные сосуды с боковой округлой ручкой; орнамент в виде пальметты; отштампованные из тонкого листа цветного металла ременные бляхи-накладки и наконечники, украшенные тисненым орнаментом; а также серьги с округлым (или слегка овальным) кольцом, имеющим в нижней части привеску в виде насаженной на стерженек большой каменной бусины овальной формы или в виде пирамидки из напаянных шариков.*

Все приведенные выше аналогии указывают на то, что диапазон горизонта следует определять в пределах второй половины VII в.

Эту дату не опровергают монеты из Верхнечирютовского могильника. В кургане 17 (комплекс с седельными накладками) был найден византийский солид Маврикия Тиберия (586–601); в кургане 14 найдена опорная для даты могильника, по мнению И.О. Гавритухина (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. С. 79), монета-подвеска – подражание солиду Константа II и Константина (654–659). Не противоречит предлагаемой хронологии находка в Шиловском могильнике (1/2) монеты Ираклия – Ираклия-Константина (610–641); а также весь комплекс поздних византийских монет Перещепинского клада (Вернер Й., 1988. Прил. 17–18). Поздняя дата горизонта подтверждается находками в ряде комплексов пряжек шиловского этапа их эволюции (конец VII в.), а также поясного набора катандинского облика в могиле с костяной обкладкой луки седла (Катанда II). Поскольку А.А. Гаврилова считает это погребение самой ранней могилой катандинского типа с элементами кудыргинской эпохи (Гаврилова А.А., 1965. С. 61), мы, соглашаясь с ней, относим этот комплекс к концу VII в. Таким образом, дата горизонта Перещепина-Шиловка определяется рамками второй половины VII в. Этим же временем следует определять дату всех вышеперечисленных праболгарских погребений с ременной гарнитурой зиньковского и шиловского облика.

Кроме того, представляется важным то, что, анализируя весь массив комплексов новинковского типа (215 погребений), удалось определить обрядовые группы, которые отражают изменения погребального обряда во времени, т.е. по сути являющиеся хронологическими (Багутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. С. 48–71). Выявить это удалось посредством изучения взаимовстречаемости обрядовых признаков погребений “ингумации индивидуальные взрослые” (подгруппа 3.Б.2 комплексов новинковского типа, которая в результате разделилась на три).

Первую (3.Б.2.а) составляют погребения (49), совершенные в глубоких (29,9% от общего числа могил этой группы) и средней глубины (22,3%) ямах, с костяками, ориентированными головой на восток (43,8%) и северо-восток (8,4%). Могильные ямы имели овальную (14%), прямоугольную (10%) или прямоугольную со скругленными углами (25%) в плане форму. Длинные стенки около 4% ям были наклонными, 14% ям имели одну наклонную стенку. Около 14% могил имели ступень (или две) вдоль южной длинной стенки, а 10% – подбой (из них 6% – и то и другое). Порядка 2% погребений имели ниши в коротких стенках.

Отметим, что такие из вышеперечисленных признаков, как: точная ориентировка, подбой, ступени, ниши, наклонные стенки, овальная в плане форма могилы, присущи погребениям только этой подгруппы (100%); а подпрямоугольные со скругленными углами могилы представлены здесь абсолютным большинством комплексов (25 из 29). То есть именно эти признаки (детали оформления могил) в совокупности со значениями ориентировки (восток и северо-восток) следу-

ет считать диагностирующими именно для этой (3.Б.2.а) группы погребений.

Абсолютное большинство (за исключением трех) могил этой группы были перекрыты мощной наброской из камней. Лишь 12% погребений не содержали никакого инвентаря. Из 12 погребений с оружием “ингумаций индивидуальных взрослых”, 9 комплексов относятся именно к этой группе.

Другие признаки погребального обряда – наличие костей животных (в том числе коня), углей, погребального инвентаря (украшения, предметы быта, керамика, конская упряжь) – в большей или меньшей степени проявляются и в погребениях другой группы.

В таблице взаимовстречаемости (Там же. Табл. 5) в достаточно компактную группу сгруппировались ряд комплексов, которые объединены сложной морфологией устройства погребальных камер (ступеньки, подбой, ниши, наклонные стенки). На наш взгляд, этих оснований пока недостаточно, чтобы выделять эти комплексы в особую обрядовую серию, и прежде всего потому, что все другие признаки подгруппы 3.Б.2.а распределены в ней достаточно равномерно. Вместе с тем, в перспективе мы не исключаем возможности ее обособления в дальнейшем, по мере накопления новых материалов.

Подгруппа 3.Б.2.б представлена 30 комплексами, 24 из которых имеют северную ориентировку, шесть – смежную (три – северо-западную, три – северо-восточную). Именно ориентировка в северном секторе является здесь главным группообразующим признаком.

Форму порядка двух третей могильных ям определить не удалось, поскольку они были совершены в погребенной почве выше уровня материка; восемь могил (25%) имели подпрямоугольную в плане форму; три (10%) – подпрямоугольную со скругленными углами. То есть намечается тенденция “сворачивания” ряда признаков, доминировавших в материалах предшествующей группы.

Интересно, что все известные погребения, совершенные в каменных оградках, ориентированы в северном направлении, т.е. относятся именно к этой обрядовой группе (диагностирующий признак). Вместе с тем, именно здесь закрепляется признак “надмогильное сооружение отсутствует”, лишь намечавшийся в материалах предшествующей группы.

Порядка 85% погребений этой группы содержали погребальный инвентарь; около половины (43%) – керамику.

В целом подгруппа 3.Б.2.б несет на себе как “сворачивающиеся” признаки подгруппы 3.Б.2.б, так и “разворачивающиеся” признаки подгруппы 3.Б.2.б, занимая промежуточную (но вполне самостоятельную) позицию, и отражает (как будет показано ниже) процесс эволюции погребального обряда памятников новинковского типа.

Подгруппу 3.Б.2.в (15 погребений) составляют неглубокие могилы (все – в погребенной почве выше уровня материка) с костяками, ориентированными в западном (53%) и северо-западном (47%) направлениях. Более половины могил не были перекрыты каменными набросками.

При сохранении позы костяка, в этой серии погребений значитель-

но возрастает процент (до 53%) скелетов, с лежащим на костях таза запястьем левой руки (признак 12.4). В ряде погребений (II Брусыны курган 28 погребения 4, 6, 8) костяк лежит вытянуто на спине, но с ярко выраженным поворотом на левый бок.

Уголь встречен лишь в трех могилах. Значительно сокращается количество и ассортимент погребального инвентаря. Керамика найдена в четырех погребениях, оружие – в двух; украшения – в четырех; предметы быта – в четырех. Вышеобозначенные костяки с поворотом на бок никакого инвентаря не имели.

В целом же, подгруппа 3.Б.2.в развивает обозначенную еще раньше тенденцию к упрощению погребального обряда – не столько накапливаются новые признаки, сколько исчезают старые.

Результаты, полученные на материалах подгруппы 3.Б.2 представляются наиболее интересными, поскольку значительный массив источников (около 100 захоронений) позволил выявить ряд коррелируемых данных. Последние же дают возможность вычленить минимум три группы погребений с различающимся признаковым пространством, при том что значительное число общих значений признаков однозначно свидетельствует о единой культурной (погребальной) традиции населения, оставившего все эти памятники.

Кроме того, признаковая взаимопреemptственность этих групп (Там же. Табл. 1) позволяет говорить об эволюции погребального обряда (от подгруппы 3.Б.2.а через подгруппу 3.Б.2.б к подгруппе 3.Б.2.в) на памятниках новинковского типа, поскольку погребения на всех могильниках, в большей или меньшей степени, “растянуты” по этим группам. То есть последние не являются локальными образованиями, а отражают процесс развития обряда (от сложного к простому) во времени. А принимая во внимание то, что эти группы выделены не по признаку пола (в каждой из них есть и мужские и женские захоронения) и не по признаку социального статуса погребенных (в каждой группе есть воинские захоронения), есть все основания полагать, что выделенные группы погребений являются хронологическими и отражают процесс развития обряда во времени.

Наиболее ранними являются погребения в глубоких могилах с восточной и северо-восточной ориентировкой; самыми поздними – захоронения, совершенные в погребенной почве и ориентированные в западном и северо-западном направлениях; погребения с ориентировкой в северном секторе занимают промежуточное (с точки зрения хронологии) положение.

Погребения новинковского типа с восточной ориентировкой скелета содержали более архаичный вещевой материал: поясную garnитуру геральдического типа, а также вещи горизонта Перещепина-Шиловка.

В этих же комплексах были найдены вещи, датирующиеся временем не позднее VII в. В частности, зеркала пелопонесского типа, содержащиеся в комплексах II Брусынского (34/2) и Мало-Рязанского (3/2) могильников в склепах джетыасарской культуры взаимодействуют с поясной garnитурой геральдического типа (Левина Л.М., 1993. Рис. 49, 2). Перст-

ни с кастом из рубленной бронзовой проволоки, подобные найденному во II Бруснянском могильнике (24/3), в материалах Верхнечирюртовского могильника найдены в комплексе с подражанием монете 613–625 гг. (Магомедов М.Г., 1983. Рис. 26–10, 27–16; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Рис. 81–П), а в древностях неволинской культуры являющаяся характерной находкой в погребениях бартымской стадии (конец VI – VII в.) (Голдина Р.Д., Водолога Н.В., 1990. Табл. LXVII, 72).

Кроме того, как уже было отмечено выше, целый ряд деталей поясной гарнитуры из комплексов с восточной ориентировкой скелета были изготовлены по старым технологическим стереотипам, когда крепежные шпеньки напаивались на внутреннюю сторону изделий.

В комплексах с северной ориентировкой погребенных, напротив, вся ременная гарнитура изготовлена по технологическим канонам VIII в. (бруснянская, неволинская, деменковская, катандинская). Приведенные же выше аналогии псевдошарнирным цельнолитым пряжкам варианта Г1а, позволяют датировать их временем не ранее второй половины VIII в. Небезынтересно отметить и то, что высокие узкогорлые кувшины с округлым, как бы срезанным снизу туловом (так называемого “салтовского” типа) на могильниках новинковского типа встречены только в погребениях с северной ориентировкой скелета и в двух подкурганых кремациях. Следует упомянуть и то, что коньковая накладка (поздняя – см. выше) из насыпи кургана 14 Бруснянского II могильника была найдена вместе с “салтовским” кувшином среди погребений с северной и северо-западной ориентировкой.

Все эти наблюдения позволяют предполагать, что погребения новинковского типа с ориентировкой костяков в северном секторе, были совершены позднее “восточных”. Условной (поскольку оснований еще недостаточно) нижней датой для “северных” могил пока (в свете немногих аналогий) можно считать середину VIII в.

Что касается третьей группы индивидуальных взрослых ингумаций новинковского типа (с западной ориентировкой костяков), то относительное ее место на хронологической шкале достаточно четко определяется взаимовстречаемостью признаков погребального обряда. Однако абсолютную дату этой самой поздней группы праболгарских погребений новинковского типа установить достаточно сложно, поскольку многие из них не содержат погребального инвентаря. Отдельные немногочисленные находки из погребений этой группы (наконечник копья, трензеля, железные пряжки, керамика, пряслица) не являются узко датировочными.

Лишь погребение 2 из кургана 4 Новинковского могильника содержало бронзовые серьги с определенными датировочными возможностями. Калачиковидная серьга из погребения 2 имела достаточно архаичный облик (см. выше, гл. 6, табл. 13, 9). В Волго-Камье верхняя хронологическая граница большинства такого рода серег ограничивается VII в. (Богачев А.В., 1996), на Кавказе “данный тип серег оказывается характерным для VI–VII вв.” (Ковалевская В.Б., 1995б. С. 150). И.О. Гавритухин, исследуя хронологию раннесредневековых материа-

лов из Кисловодской котловины, пришел к выводу, что “простые калачевидные серьги встречены в рассмотренных комплексах вплоть до периода III в.” (Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. С. 66), т.е. до VIII в. включительно. Хронологический диапазон серьги в виде несомкнутого колечка с многогранником на конце – шире; в частности, специально изучавшая их В.Б. Ковалевская, приводит примеры их нахождения в комплексах VI–IX вв. (Ковалевская В.Б., 1995б. С.155–156). С учетом уточнения дат калачиковидных серег (в сторону омоложения верхней хронологической границы их бытования), а также учитывая стратиграфические и планиграфические данные нахождения этого впускного погребения в кургане, можно сделать вывод об относительно поздней хронологии комплекса.

Предлагаемые обстоятельства (в частности, отсутствие в погребениях с западной ориентировкой узко датирующего инвентаря) не позволяют обоснованно очертить хронологические рамки этой группы погребений. В этой связи, до появления новых материалов представляется целесообразным опираться на данные вышеописанных датирующих вещей (в частности, ременных украшений) и определять верхнюю дату праболгарских памятников Среднего Поволжья (а соответственно, и дату комплексов с западной ориентировкой костяков) – концом VIII в. или рубежом VIII–IX вв. .

Таким образом, судя по имеющимся сегодня материалам, болгарские и союзные им тюркские племена, начали активно осваивать Среднее Поволжье лишь во второй половине VII в.

Интересно то, что, судя по самым ранним праболгарским комплексам, на Среднюю Волгу одновременно пришли различные племенные группировки тюрков. Это достаточно четко фиксируется как на археологических материалах (выделено как минимум два типа праболгарских могильников), так и на данных антропологии. Причем, антропологи отмечали расовые различия краниологического материала и в пределах одного типа памятников и даже в пределах одного могильника (Газимзянов И.Р., 1995; Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А., 1996).

Например А.А. Хохлов, анализируя черепа из Выползовского I курганного могильника пришел к выводу о “резком полиморфизме черепов на уровне больших рас”, поскольку череп из кургана 21 – максимально монголоидный, а черепа из кургана 1 – европеоидные (Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А., 1996. С. 89). И.Р. Газимзянов, сопоставляя серии черепов из Мало-Рязанского и Брусаянских могильников, с одной стороны, и из Новинковских могильников – с другой, констатировал вероятность “различных генетических истоков данных групп населения” (Газимзянов И.Р., 1995. С. 99). Если черепа из Новинковских могильников, по мнению И.Р. Газимзянова, наиболее близки к сериям венгров “эпохи завоевания родины”, Большетарханского и Большетиганского могильников; то объединенная серия из Мало-Рязанского и Брусаянских могильников обнаруживает большую близость к мужским черепам из раннеболгарских могильников, таких, прежде всего, как Кайбелы, Больше-Тарханский, Зливки (Там же. С. 99).

Все эти материалы позволяют говорить о том, что начавшаяся где-

то в исходном районе миграции метисация праболгарского населения, продолжалась и на Средней Волге в рамках единого культурного типа (на всех новинковских памятниках фиксируются единые погребальные традиции).

Для того, чтобы говорить о каком-то исходном районе миграции, необходимо провести сравнительный анализ комплекса памятников новинковского типа с хронологически более ранним (или синхронным) комплексом памятников какой-то иной территории. При этом необходимо, чтобы сравниваемые материалы были сопоставимы количественно (однопорядковы). Однако приходится констатировать, что сегодня в степных районах Евразии еще не выявлено сколько-нибудь крупного пласта кочевнических древностей VII в. Вместе с тем, в Северном Причерноморье и Приазовье исследованы отдельные кочевнические захоронения VII в. (Амброз А.К., 1981; Айбабин А.И., 1985; Атавин А.Г., 1996; Орлов Р.С., Смиленко А.Т., 1986). Но сравнивать целое (в данном случае – памятники новинковского типа) и часть какого-то целого (в данном случае – ряд разрозненных погребений) – не вполне корректно. Тем не менее и такого рода материалы не следует игнорировать.

Г.И. Матвеева достаточно убедительно показала, что существует определенная связь между погребальными комплексами Северного Причерноморья (Христофоровка, Новая Одесса, Черноморское, Костогрызово, Портовое, Сивашевка, Сивашское) и памятниками новинковского типа Самарского Поволжья (Матвеева Г.И., 1997).

Исследователи этих памятников связывают новинковские погребения с болгарским этносом (Матвеева Г.И., 1997; Богачев А.В., Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э., 1996). Письменные источники, в частности Феофан и Никифор, локализуют Великую Болгарию в Восточном Приазовье до р. Кубань: *“...от этого озера (Меотиды) до реки называемой Куфис, где ловится болгарская рыба ксистон, находятся старая Великая Булгария и так называемые котраги, являющиеся также их единоплеменниками”* (Феофан Исповедник, 1995. С. 275). В этой связи особый интерес представляют опубликованные А.Г. Атавиным погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья, которые “по своему географическому положению идеально соответствуют местоположению Великой Болгарии”, по Феофану и Никифору (Атавин А.Г., 1996. С. 231). Для нас особый интерес в выборке А.Г. Атавина представляют погребения начала второй трети VII в. (из-под хуторов Крупской и Чапаевской) и третьей трети VII в. (два – из-под станицы Калининской и одно – из-под хутора Малаи). Инвентарь из этих комплексов (поясные наборы геральдического типа) типологически предшествует новинковскому, где геральдическая гарнитура представлена единичными экземплярами (но все же представлена!). Но не менее важно то, что в Приазовских материалах положение костяков (вытянуто на спине) и их ориентировка (восток, северо-восток) соответствуют положению костяков и ориентировке ранней группы новинковских погребений. В большинстве Приазовских комплексов кости коня находились в непосредственной близости от человеческого костяка; а в новинковских –

кости лошади присутствуют, как правило, под курганом на уровне древней поверхности (хотя известны и погребения с конем – Осиновка, Брусяны IV, Малая Рязань 1/1). Однако в данном случае необходимо принимать во внимание то, что в Приазовье погребения были впущены в насыпи других, более ранних курганов (и естественно все обрядовые акценты делались на самой могиле); в новинковских же комплексах обрядовые моменты можно было рассредоточить, поскольку в данном случае самодостаточной единицей была уже не могила, а курган в целом. И, принимая во внимание изложенные выше оговорки, Восточное Приазовье, на наш взгляд, следует рассматривать как один из возможных исходных районов миграции праболгар на Среднюю Волгу.

Вместе с тем, один из главных группообразующих признаков памятников новинковского типа – курганные насыпи с каменными набросками. Такого рода погребальные сооружения характерны прежде всего для тюрок Алтая (Могильников В.А., 1981; Савинов Д.Г., 1982; Гаврилова А.А., 1965). Именно с экспансией алтайских тюрок связано появление подобных курганов в Туве, в Казахстане и Средней Азии. Именно участием алтайских тюрок в миграции праболгар на Среднюю Волгу мы объясняем появление на Самарской Луке могильников новинковского типа.

Это предположение помогает объяснить наличие на Средневолжских памятниках каменных оградок, погребений с конем (и курганов с конскими черепами и конечностями), специфических элементов конской упряжи (S-видных псалиев и костяных путовых пряжек), типично тюркских пряжек и целых поясных наборов (II Брусяны 34/2), железных “мотыжек” и своеобразного комплекса вооружения (стрелы, луки).

Алтайские тюрки явились этническим ядром I Тюркского каганата (552–630), распространившего свою власть вплоть до Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Исследователи отмечают “многокомпонентность древнетюркского этногенеза, участие в этом процессе... в различное время тюркоязычной, ираноязычной, а на севере Саяно-Алтая самодийской этнической компоненты” (Могильников В.А., 1996. С. 24). И это во многом объясняет вышеназванные антропологические различия населения, оставившего памятники новинковского типа.

Многодесятилетнее господство тюрок в Евразийских степях не могло не сказаться на материальной и духовной культуре их обитателей. Но в то же время сами тюрки попали под культурное влияние коренных обитателей Северного Предкавказья и Причерноморья. В частности, гончарная посуда найденная в праболгарских комплексах Среднего Поволжья (лощенные миски, сосудик с зооморфной ручкой, амфоры) изготовлена, вероятнее всего, аланскими гончарами.

Не исключено, что хан Кубрат объединил под знаменами Великой Болгарии целый ряд кочевых народов, потерявших политические ориентиры после развала I Тюркского каганата и, возможно, бежавших далеко на запад, опасаясь преследований (именно этим можно объяснить сильную алтайскую доминанту в археологическом материале). Не

успев растерять свой культурный потенциал, эти племена алтайских тюрок после участия в ряде военных компаний Кубрата переселились на Среднюю Волгу в составе одной из болгарских орд сразу после смерти хана (Кубрат умер между 641 и 650 гг. (Вернер Й., 1988)). Не исключено, что комплексы горизонта Перещепина-Шиловка маркируют все эти передвижения.

Однако переселившиеся праболгары не теряли связи со степью. И, вероятнее всего, на Среднюю Волгу (к родственникам) продолжали переселяться родственные группы населения, желавшие избежать последствий смуты после развала в 744 г. II Тюркского каганата. Не исключено, что появление на новинковских памятниках погребений с северной ориентировкой (которые мы датируем серединой – второй половиной VIII в.) является следствием притока из степи новой волны тюрок. Именно с комплексами с северной ориентировкой коррелируются каменные оградки, именно в погребениях с северной ориентировкой появляются кувшины “салтовского” типа. Заметим, что памятники типа Больше-Тарханского могильника появляются в Волго-Камье в это же время.

Курганы новинковского типа на Средней Волге синхронны праболгарским курганам с земляными насыпями и ровиками. Иногда они составляют один могильник (III Бруснянский). Как отмечает А.А. Гаврилова, для алтайских тюрок “феодализация общества должна вести к выделению сословий, что также нашло отражение в обряде погребения. Вожди и дружинники хоронились в алтайских курганах VII–VIII вв., как отмечено, зачастую по разному погребальному обряду, что могло быть обусловлено и этническими различиями, так как дружинники, как отмечает Б.Я. Владимирцов, были выходцами из разных родов” (Гаврилова А.А., 1965). Два обряда погребения праболгар на Средней Волге – еще одно подтверждение этого тезиса.

В дальнейшем на Средней Волге процесс метисации различных групп тюркского кочевого населения (а также Прикамско-Приуральских этнических групп) продолжился. В процессе оседания болгар на землю и создания государственности эта тенденция развивалась, что в конечном итоге привело к формированию в Волго-Камье единого болгарского народа.

[illegible]

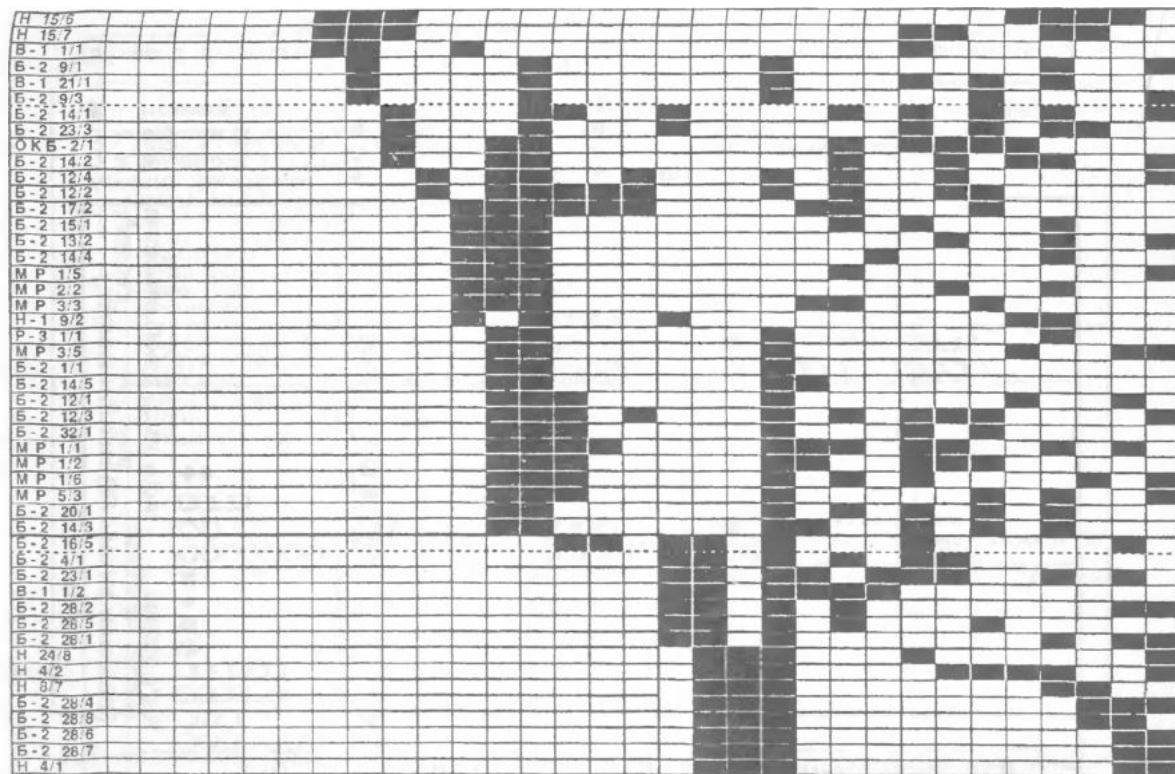

Таблица 1. Взаимовстречаемость признаков погребального обряда в комплексах новинковского типа.

Сплошной чертой отделены обрядовые группы; пунктирной – намечены возможные переходные группы погребений. (*, **, *** – глубина могилы соответственно более 0,5 м от уровня материка, менее 0,5 м, выше материка). Н – Новинки II

		Ориентировка скелета				
Глубина могилы (от уровня материка)	в	В (1)	СВ (2)	С (3)	СЗ (4)	З (5)
		свыше 0,5 м				
Глубина могилы (от уровня материка)	с					
		до 0,5 м				
Глубина могилы (от уровня материка)	в					
	в					

Условные обозначения:

○ - Брусяны II
 ○ - Брусяны IV
 ● - Новинки I

◆ - Рождествено III
 □ - Новинки II
 ■ - Выподзово I

▲ - Малая Рязань
 ☆ - одиночный курган 2 у с. Брусяны
 ✕ - Осиновка III
 ◇ - Брусяны III

Таблица 2. Корреляция комплексов новинковского типа по признакам "глубина могилы" и "ориентировка скелета" (каждый знак – один комплекс)

Ориентировка скелета							
Глубина могилы (от уровня материка)							
		В (1)	СВ (2)	С (3)	СЗ (4)	З (5)	
	а	свыше 0,5 м	Брус. II (2/1; 6/1; 16/6; 18/1; 22/2; 22/4; 34/1; 34/2; 36/2) Нов. II (1/1; 6/3; 7/1; 11/2; 13/1; 13/4; 13/5; 14/3; 16/1; 18/3; 23/1; 24/5) Брус. IV (1/1) Нов. I (9/11) Осин. III (7/1) Рожд. III (6/8)	Брус. II (9/4) Брус. IV (2/1)			
	б	до 0,5 м	Брус. II (7/1; 7/2; 8/1; 21/2; 21/3; 24/2; 24/3; 34/3; 34/4) Нов. II (6/2; 8/2; 14/6; 17/1) Рожд. III (7/1; 7/2)	Брус. II (9/2) Нов. II (15/6; 15/7) Мал. Рязань (3/2) Брус. III (2/1) Выползово I (1/1)	Брус. II (13/2; 15/1; 17/2; 14/2; 14/4) Мал. Рязань (1/5; 2/2; 3/3) ОК Брус. II (1)	Брус. II (14/1; 23/3) Нов. I (9/2)	
в	выше материка		Брус. II (9/1; 9/3) Выползово I (21/1)	Брус. II (1/1; 12/4; 20/1; 14/3; 14/5; 12/1; 12/2; 12/3; 32/1) Мал. Рязань (1/1; 1/2; 1/6; 5/3; 3/5) Рожд. III (1/1)	Брус. II (28/1; 28/2; 28/5; 16/5; 4/1; 23/1) Выползово I (1/2)	Брус. II (28/4; 22/6; 28/7; 28/8) Нов. II (4/1; 4/2; 8/7; 28/8)	

Таблица 3. Распределение комплексов "новинковского типа" подгруппы "ингумации индивидуальные взрослые" (3.Б.2) по секциям.

Границы проведены с учетом анализа взаимовстречаемости признаков

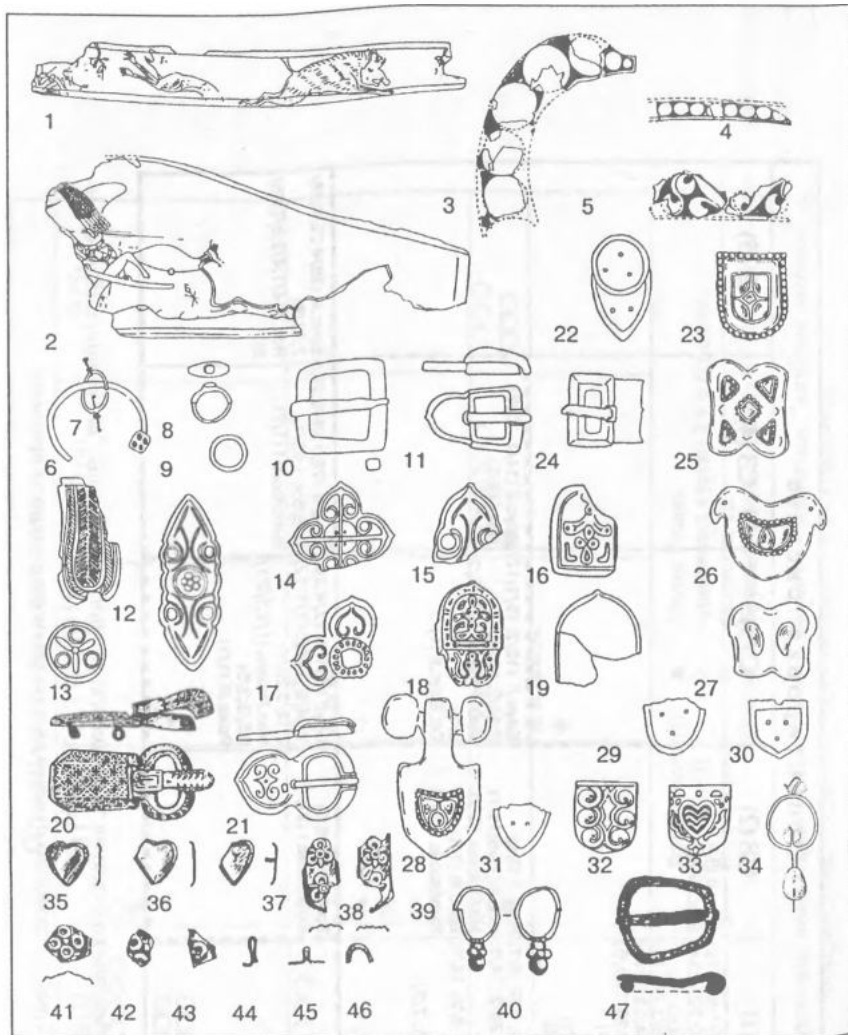

Таблица 4. Вещи из комплексов горизонта Перещепина-Шиловка.

1-5 - Верхнечирюртовский (17/1); 6-21 - Директорская горка (п. 5); 22-31 - Портовое;
32-34 - Новые Сенжары; 35-47 - Брусьяны II (2/1) (по М.Г. Магомедову, М.П. Абра-
мовой, А.К. Амброзу, А.В. Богачеву). Масштаб различный

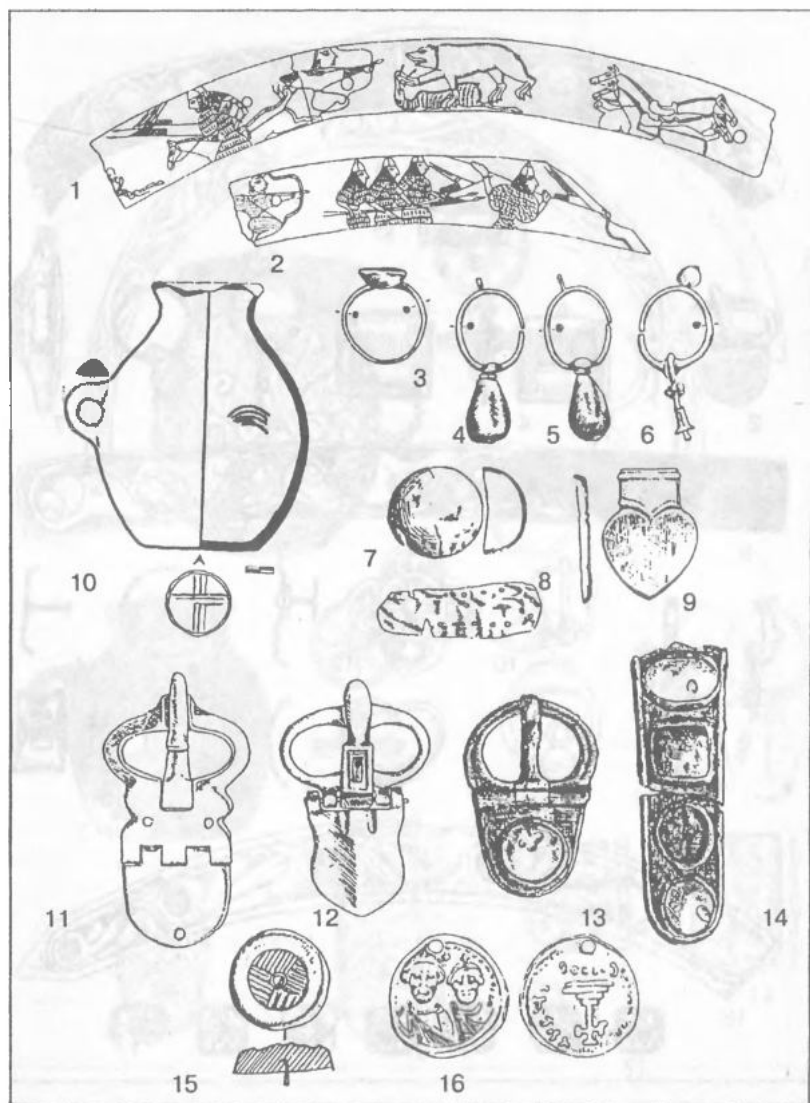

Таблица 5. Вещи из комплексов горизонта Перецепина-Шиловка

Таблица 6. Вещи из комплексов горизонта Переяслав-Шиловка.
1-7 - Катанда II (5/1); 8-15 - Брусяны II (2/1); 16-17 - Узунтал (3) по Д.Г. Савинову

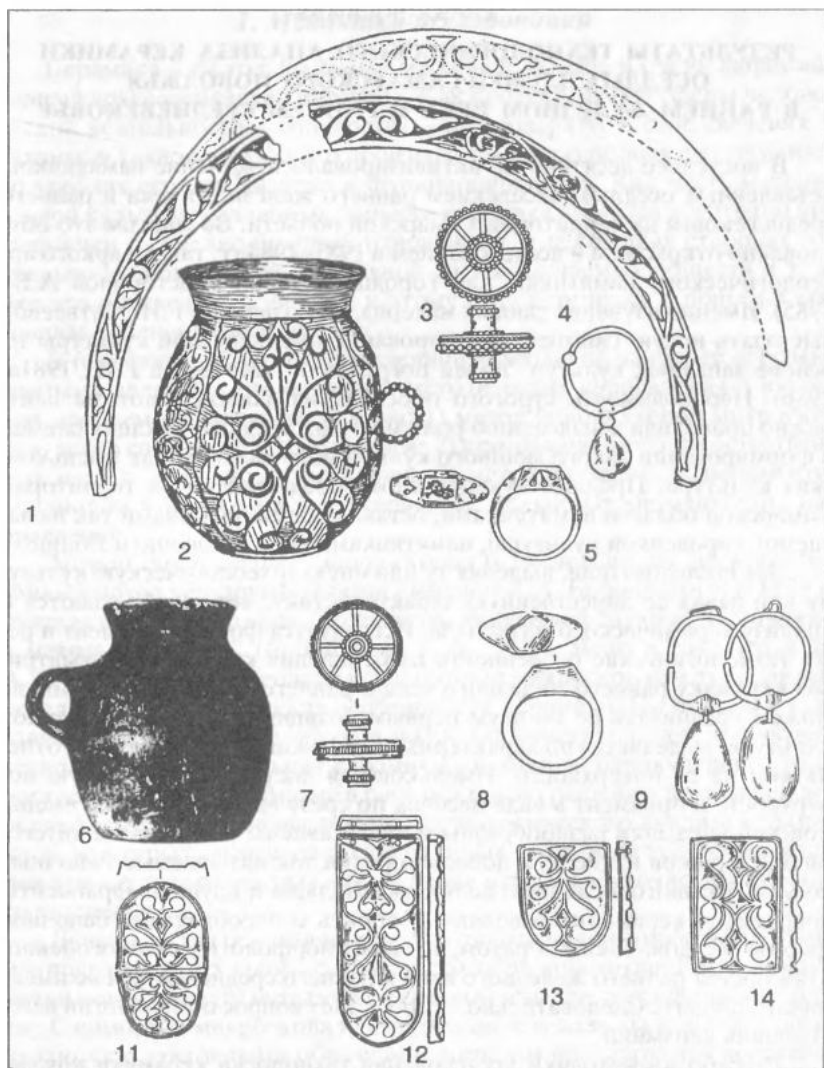

Таблица 7. Вещи из комплексов горизонта Перещепина-Шиловка.
1 – 5 – Малая Перещепина; 6 – 14 – Ясиново (по А.И. Айбабину, Й. Вернеру)

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ ОСЕДЛЫХ ПЛЕМЕН САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В последнее десятилетие активизировалось изучение памятников, оставленных оседлым населением раннего железного века и раннего средневековья на территории Самарской области. Во многом это обусловлено открытием и исследованием в 1981–1984 гг. такого яркого археологического памятника, как городище Лбище (Расторопов А.В., 1985). Именно изучение данных материалов позволило Г.И. Матвеевой высказать новую гипотезу формирования именьковской культуры на основе западных культур “полей погребений” (Матвеева Г.И., 1981а; 1986). Необходимость строгого обоснования данной гипотезы неизбежно приводила к выяснению роли местных предшествующих племен в формировании такого мощного культурного явления, как именьковская культура. Предшествующая эпоха представлена на территории Самарской области памятниками, оставленными племенами так называемой городецкой культуры, памятниками типа Славкино и Лбище.

Все исследователи, выделяя ту или иную археологическую культуру или давая ее качественную характеристику, всегда обращаются к анализу керамического материала. Исследуется форма, орнамент и реже технологические особенности изготовления керамики. Рассматривая керамику раннего железного века и раннего средневековья, мы не можем сравнивать ее по двум первым позициям. Посуда городецкой культуры выделяется по характерным “рогожным” и “сетчатым” отпечаткам на ее поверхности. Именьковская посуда имеет гладкую поверхность и орнамент в виде насечек по срезу венчика. Формы именьковской керамики разнообразны и представлены различными категориями горшков и мисок, и довольно редки так называемые баночные сосуды. Немногочисленные целые экземпляры и крупные фрагменты городецкой керамики позволяют говорить о преобладании баночной формы сосудов. Таким образом, по своим морфологическим особенностям посуда раннего железного века и раннего средневековья не имеет ничего общего. Следовательно, остро встает вопрос о технологии изготовления керамики.

Разработка методики исследования технологии керамики показала, что данные об истории развития практически любых древних производств способны дать в руки исследователей совершенно особый и в научном отношении бесценный материал для решения различных вопросов истории древнего населения. Именно поэтому в данной главе представлены некоторые итоги технико-технологического анализа керамики городецкой культуры и керамики с раннесредневековых памятников: Славкино I, Лбище и памятников именьковской культуры.

Цель очерка – попытаться привлечь новый источник информации к обсуждению проблемы формирования культур эпохи раннего средневековья

1. Методика исследования

Керамика – не только самый массовый, но еще и очень информативный археологический источник. Как продукт особой сферы человеческой деятельности – гончарства – она содержит в себе сведения о технике и технологии самого производства на различных его ступенях, об уровнях его организации и функционирования. Как часть материальной культуры различных обществ керамика является носителем информации о семейно-брачных отношениях, о некоторых сторонах социально-экономической и духовной жизни изучаемых обществ и т. д. Все это определяет и интерес к этому виду источника и попытки его анализа различными методами.

В последнее время в отечественной археологии наиболее перспективными являются три основные методические направления в изучении проблем древнего гончарства: 1) метод бинокулярной микроскопии, тесно связанный с трасологией; 2) применение методов естественных наук и особенно петрографии; 3) метод научного эксперимента. Остановимся кратко на характеристике указанных методических направлений.

Метод бинокулярной микроскопии. В последние два десятилетия данный метод неразрывно связан с именем А.А. Бобринского. В 1978 г. увидела свет монография "Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения" (Бобринский А.А., 1978). Дело в том, что и до А.А. Бобринского археологи использовали микроскоп или лупу для определения технологических особенностей керамики. Но именно в указанной работе впервые четко и полно определены задачи и способы технологического изучения керамики с помощью бинокулярного микроскопа. Основное внимание в работе уделено решению двух задач: во-первых, созданию основы технико-технологического анализа керамики и, во-вторых, выяснению современных возможностей использования данных такого анализа для изучения истории восточноевропейского населения.

Данный метод основан на том, что любые приемы работы с глиной (от подготовки исходного сырья до способов конструирования и обработки поверхностей) оставляют в готовом изделии специфические черты. С помощью микроскопа изучаются свежие изломы изделий и сравниваются с эталонными образцами. Автором предлагаются достоверные и альтернативные следы-признаки по всем ступеням технологии, на основании которых реконструируются навыки труда.

Анализируя источниковедческие особенности навыков труда в гончарстве, А.А. Бобринский пришел к выводу, что с их помощью возможно изучение одного из наиболее сложных процессов развития древнего населения – процессов смешения и слияния различных в культурном отношении групп населения. Было установлено, что навыки труда в гончарстве передаются исключительно контактным путем, что ведет к консервации определенных приемов работы с глиной и выработке устойчивых технологических традиций. Кроме того, выяснено, что навыки труда по-разному ведут себя в условиях возникновения процессов

смешения и при отсутствии таковых. При смешении различных в культурном отношении групп населения разные навыки труда обладают различной устойчивостью к изменениям. Менее устойчивые навыки названы приспособительными (отбор и подготовка исходного сырья, составление формовочных масс, обработка поверхности), а более устойчивые – субстратными (навыки конструирования и формообразования). На этом основании автором методики сформулированы общие принципы изучения процессов смешения древнего населения. Анализ особенностей течения таких процессов наиболее перспективен по керамике неремесленного или ремесленного на заказ производства.

На наш взгляд, особая ценность данной методики в том, что, пожалуй, впервые в отечественной археологии по единственному источнику предложен достоверный метод перевода археологической информации в информацию историческую.

Методы естественных наук. Особенно активно различные методы естественных наук стали использоваться при изучении керамики в 60–70-е годы нашего столетия и связаны они с именами Э.В. Сайко, О.Ю. Круг, Н.С. Гражданкиной и др. (Сайко Э.В., 1965; Круг О.Ю., 1965; Гражданкина Н.С., 1965). В последние годы сторонниками этого направления являются сибирские (Лamina Е.В., 1987; Мыльникова Л.Н., 1991; Гребенщиков А.В., 1990; Жущиховская И.С., 1986; Глушков И.Г., 1996) и некоторые московские археологи (Внуков С.Ю., 1991; Иващенко Ю.Ф., 1991). Наиболее активно применяется петрографический метод.

Петрографический метод как метод геологической науки изучает естественные горные породы. В археологии он первоначально стал применяться для изучения состава и места производства каменных археологических образцов. Сторонники этого метода считают, что при изучении керамики петрографическими методами могут решаться такие важнейшие археологические вопросы, как классификация керамики по ее составу, определение места керамического производства и установление некоторых сторон гончарной технологии (Круг О.Ю., 1965. С. 146–147). Технически данный метод осуществляется следующим образом. Делается очень тонкий срез с глиняного черепка и смолой приклепляется на стеклянную пластину. Получается шлиф. Его изучают при помощи поляризационного микроскопа при проходящем свете и при очень большом увеличении: в 100–1000 раз. Микроскопический анализ, как главный метод петрографии, основан на определении оптических постоянных, характерных для определенного кристаллического вещества (Там же. С. 147).

Наряду с достоинствами (точное определение минералогического состава), данный метод имеет и свои ограничения. В силу трудоемкости подготовки образцов к такому анализу и дороговизны его сложно использовать для массового изучения керамических коллекций. Как верно отметил А.А. Бобринский, отбор образцов как типичных для определенной коллекции является делом субъективным (Бобринский А.А., 1978. С. 13). Кроме того, петрографическим методом довольно трудно выявить органические остатки в составе формовочных масс. Только в

последние годы предпринимались попытки делать экспериментальные эталоны с органикой и изучать их методом петрографии (Глушков И.Г., 1996. С. 24). Невозможно исследовать этим методом и способы конструирования. Самое же главное, что в основном пользоваться методом петрографии археологи могут только при наличии специалиста-петрографа, отсюда трудности с интерпретацией результатов.

Экспериментальный метод. Эксперимент является основным методом исследования физических, химических, технических и биологических наук. В археологии данный метод первоначально стал применяться в области изучения каменных орудий (Семенов С.А., 1965. С. 216–222).

При изучении древнего гончарства эксперимент используется в виде физического моделирования. Под физическим моделированием понимается воспроизведение характеристик изучаемого объекта (археологической керамики) на другом объекте, специально созданном для их изучения (этalone). Процесс познания идет от экспериментов на модели (эталонах) к теоретическим знаниям о модели, которые затем переносятся на объект изучения (археологическую керамику). В последние годы выделились три основные научные школы, которые целенаправленно занимаются экспериментами в области изучения древнего гончарства: московская (Бобринский А.А., 1978), сибирская (Глушков И.Г., 1996; Жущиховская И.С., 1986. С. 55–67) и самарская (Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1991а; 1991б. С. 76–80, 80–85).

Экспериментальный метод тесно связан с методом бинокулярной микроскопии, и в последние годы он стал использоваться сторонниками петрографического метода.

Все вышесказанное обусловило выбор метода бинокулярной микроскопии (методика А.А. Бобринского) для исследования технологии изготовления керамики раннего железного века и раннего средневековья. Анализ проводился при помощи микроскопа марки МБС-9 путем изучения свежих сколов, сравнения их с эталонными образцами и моделирования отдельных ступеней технологии, в частности, способов конструирования.

Весь процесс изготовления керамики складывается из последовательного решения целого ряда узких технологических задач, неизменно возникающих и решаемых в любом гончарном производстве. Общее число таких задач – 10 или 11 (Бобринский А.А., 1978. С. 15). По общим особенностям содержания работы все они группируются в рамках трех строго последовательных стадий гончарного производства, а внутри стадий каждая узкая технологическая задача образует особую ступень производственного процесса (табл. 1). Состояние методики на сегодняшний день таково, что не все ступени производства поддаются анализу. По исследованному материалу оказалось возможным выявить информацию по содержанию следующих ступеней технологии: отбор исходного сырья, составление формовочных масс, изготовление начала и полого тела, формообразование, механическая обработка поверхностей. Сведения о навыках выполнения работы в рамках каждой названной ступени гончарного производства составляют условно полную

программу сбора технологической информации. По всему исследованному материалу собраны данные по исходному сырью, формовочным массам и обработке поверхностей. Способы конструирования оказались возможным выявить только по части привлеченного материала, что связано с его фрагментарным состоянием.

Отбор исходного сырья. Анализ навыков отбора исходного сырья проводился по двум направлениям: определение пирометрических свойств глины и особенностей естественных минеральных включений. Пирометрические особенности глин определяются по цвету черепка, обожженного в окислительной атмосфере: ожелезненные глины приобретают различные оттенки терракотового цвета, а неожелезненные – кремового.

Из естественных минеральных включений в глине отмечаются следующие: мелкий песок (диаметр зерен от меньше 0,5 до 0,9 мм), бурый железняк, известняк оолитовой формы. Кроме таких распространенных естественных примесей, отмечено наличие в глине довольно твердой горной породы белого цвета. По чисто внешним особенностям ее можно отнести к типу доломитных. По концентрации мелкого песка глины разделяются на “жирные” (в которых песок практически не читается под микроскопом даже при значительном увеличении или с концентрацией песка 1:7–1:8), и условно “тощие”, в которых песок присутствует в концентрации 1:5 – 1:6 (табл. 2, 1).

Формовочная масса – это пластический материал определенной вязкости, непосредственно используемый при производстве керамики (Бобринский А. А., 1978. С. 84). В восточноевропейском гончарстве выделено три направления в развитии навыков составления формовочных масс. Первое связано с использованием одной природной глины, второе – со смешением разных сортов глин, третье – с добавлением к глине органических или минеральных добавок. Одним из наиболее древних и широко распространенных выступает третье направление. Добавки неглинистых материалов в глину связаны с решением двух узких технологических задач: уменьшением вредного влияния усадки глины во время высушивания изделий (органические добавки) и увеличение огнестойкости изделий (минеральные добавки). Формовочные массы, образованные путем введения в глину какого-либо одного вида неглинистого материала органического или минерального происхождения, принято называть простыми, а образованные из двух или большего числа искусственных примесей – сложными формовочными массами. В целом все сложные формовочные массы по своему происхождению являются результатом смешения (слияния) разных культурных традиций их составления. Но наиболее отчетливо факты такого рода смешений проявляются в случаях введения в глину каких-либо двух или трех компонентов, качественно различных, но дублирующих одно и то же назначение (например, песок + дресва, шамот + дресва и т. д.). Так как формовочные массы характеризуют группу приспособительных навыков, состав которых в условиях смешения способен чрезвычайно быстро изменяться, то обнаружение в материалах памятника керамики с простыми и сложными рецептами, когда сложные вбирают в себя

компоненты простых рецептов, допустимо также рассматривать как проявление смешения носителей разных культурных традиций даже в том случае, если вводимые компоненты не дублируют друг друга по назначению (например, песок + навоз, дресва + навоз).

В исследованном материале зафиксированы искусственные добавки минерального (дресва и шамот) (табл. 2, 3, 4) и органического (навоз жвачных животных, кальцинированная кость) происхождения (табл. 2, 4, 5). Часть органических добавок на сегодняшний день не поддается четкой идентификации, поэтому в тексте обозначается просто как органика.

Для более детальной характеристики традиций составления формовочных масс проводился анализ состава шамота. Так как шамот – это измельченная битая посуда, то его исследование проводилось по той же программе, что и сам черепок. По возможности определялись особенности глин, в основном их пирометрические особенности и качественный состав формовочных масс посуды, из которой изготовлен шамот.

Следующая стадия гончарного производства – конструирование посуды.

Начин – первая ступень непосредственного конструирования керамики, работа на которой выполняется как один непрерывный технологический акт создания той или иной части будущего сосуда (Бобринский А.А., 1978. С. 114). Особая ценность начинов как источников исторической информации заключается в их способности сохраняться неизменными даже в условиях длительного смешения различных групп населения. Для выявления такой информации используются данные о программах и приемах конструирования.

Для восточноевропейского гончарства отмечено четыре программы конструирования начинов: емкостно-донная, емкостная, донная и донно-емкостная. В рамках любой из указанных программ используются следующие “строительные материалы”: комок глины, жгут, лента, лоскут. Для исследованных материалов зафиксированы две программы изготовления начинов: донная и донно-емкостная при использовании жгутов и лоскутов (табл. 5, 2, 4а).

Полое тело – это фигура, образующаяся после завершения строительства днища и стенок будущего сосуда (Бобринский А.А., 1878. С. 154). Программа исследования способов создания полого тела довольно обширна. Исследованные материалы относятся к классу изготовленных ручными способами, внутри которого выделяются лоскутные и жгутовые. Отмечено использование двух разновидностей лоскутного налепа: лоскутный комковатый, когда наращивание отдельных порций глины (комочков) производилось без определенной системы (табл. 5, 4б), и спирально-лоскутный, когда короткие жгуты наращиваются по спиральной траектории. Наращивание жгутов производилось по кольцевой и спиральной траектории (табл. 5, 1).

Внутри навыков конструирования полого тела отмечается несмешанное и смешанное их состояние. Смешанность навыков проявляется в спирально-лоскутном и кольцевом из жгутов способах конструирования.

ния. Спирально-лоскутный способ возникает как эволюция лоскутного комковатого налепа под воздействием более прогрессивного способа наращивания – спирального из жгутов. “Классический” способ конструирования по кольцевой траектории связан с использованием глиняных лент. В исследованных материалах зафиксировано наращивание жгутов по кольцевой траектории. Переход на новый вид строительного материала и отражает ситуацию смещения навыков.

Полностью воссоздать процесс конструирования сосуда возможно при установлении связи между определенными способами изготовления начина и полого тела. Используя эти данные, выделяются своеобразные технологические группы. *Технологическая группа* – это определенный способ изготовления сосуда, связанный с отдельной группой носителей гончарных традиций.

Всего по материалам раннего средневековья с территории Среднего Поволжья известно на сегодняшний день 15 таких групп (I–XIV). В результате исследования керамики раннего железного века и раннего средневековья Самарского Поволжья удалось зафиксировать 12 технологических групп. Поскольку данные о них опубликованы (Салугина Н.П., 1988), мы сохраняем их общую нумерацию и приводим перечень групп по нашей территории.

Несмешанные технологические группы:

I – начин и полое тело изготовлены полностью лоскутным налепом; процесс конструирования не дифференцирован;

II – начин донно-емкостный спирально-жгутовой, полое тело – жгуты по спиральной траектории;

III – начин и полое тело из жгутов по спирали при непрерывном процессе конструирования;

IV – начин донный спирально-жгутовой, полое тело изготовлено из жгутов по кольцевой траектории;

Смешанные технологические группы:

V – сохранение донно-емкостного начина из лоскутов (от I группы) и конструирование полого тела новым спирально-лоскутным способом;

VI – начин сохраняется донно-емкостный спирально-жгутовой (II группа), полое тело конструируется спирально-лоскутным способом;

VII – сохранение донно-емкостного спирально-жгутового начина и изготовление полого тела из жгутов, наращиваемых по кольцевой траектории;

VIII – начин донный спирально-жгутовой, полое тело изготовлено из жгутов по спиральной траектории;

IX – начин донный спирально-жгутовой (III группа), полое тело конструируется спирально-лоскутным способом;

X – донный спирально-жгутовой начин с выбиванием и полое тело, изготовленное из лоскутов по спирали (смещение проявляется в использовании выбивания);

XI – донно-емкостный спирально-жгутовой начин с выбиванием и полое тело из жгутов по спиральной траектории;

XIV – начин донный спирально-жгутовой с выбиванием и наращи-

ванием второго слоя спирали, полое тело изготовлено спирально-лоскутным способом из коротких жгутов.

Сведения о способах конструирования посуды дополняются данными об использовании *технических средств*. По исследованным материалам отмечено использование подставки, гончарного круга и форм-моделей. Применение подставки фиксируется по следам подсыпки на днищах сосудов (табл. 4, 1, 2) и особенностям обработки придонной части, в частности обстругивания (табл. 5, 6), в результате чего на дне образуется псевдоборт (табл. 5, 5). Гончарный круг фиксируется по отпечаткам на дне сосуда оси гончарного круга и также по особенностям обработки придонной части, в результате чего образуется ровный борт по периметру дна сосуда (табл. 5, 7). Использование форм-моделей оставляет следы на поверхностях сосудов: формы-основы – на внутренних поверхностях (табл. 4, 5, 6), формы-емкости – на внешних. Как правило, применение форм-моделей сопровождается использованием выбивания поверхности сосуда либо гладкой, либо ячеистой колотушкой (табл. 3, 4, 3).

Способы обработки поверхности исследовались по следам, оставленным орудием обработки. Все зафиксированные способы относятся к безгрунтовочным. Наиболее распространено механическое заглаживание (табл. 3, 2; 4, 4), более скромно представлено лощение.

Ниже представлены результаты технико-технологического анализа керамики по соответствующим типам археологических памятников.

2. Городецкая культура

Городецкая культура, выделенная в конце XIX в. В.А. Городцовым (Городцов В.А., 1910. С. 377–382), занимает обширную территорию, включая среднее и нижнее течение реки Оки, бассейны рек Мокши, Цны, Суры, Свияги, а также правобережье реки Волги от Хвалынска до Саратова и Самарскую Луку. В ее составе одни исследователи выделяют семь локальных вариантов (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. С. 20–28), другие – шесть (Миронов В.Г., 1976. С. 5), но они в основном совпадают.

В литературе содержатся частные сведения по технологии изготовления городецкой посуды. В основном упоминается состав формовочных масс. В качестве искусственных примесей к глине отмечается использование песка, дресвы, шамота, известковой крошки, гальки и т. д. (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. С. 16; Матвеева Г.И., 1975г. С. 101; Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. С. 111; Вихляев В.И., 1979. С. 145). В отношении техники конструирования посуды исследователи также ограничиваются общими замечаниями, говоря о ручном, ленточном способе формовки (Матвеева Г.И., 1980. С. 16; Горюнова Е.И., 1947. С. 17). По-разному трактуются “рогожные” и “сетчатые” отпечатки на поверхности посуды. Одни исследователи связывают их с орнаментом, другие – с технологическими приемами (Городцов В.А., 1922; Арзютов Н.К., 1926; Миронов В.Г., 1976. С. 7; Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. С. 111–112).

Таким образом, наблюдения за особенностями изготовления посуды городецкими гончарами носят фрагментарный характер, касаются отдельных, наиболее ярко проявляющихся деталей технологии, совершены путем визуального осмотра черепка без применения технических средств, и, в силу этого, привлекались для самой общей характеристики керамического материала.

Памятники городецкой культуры Самарской Луки относятся к восточному варианту культуры. Микроскопическому анализу подверглось 229 фрагментов от разных сосудов, происходящих со следующих памятников: городищ Каменная Коза (117 экз.), Торновское I (17 экз.), Лбище (57 экз.), селищ Малая Рязань (27 экз.), Ош-Пандо-Нерь II (11 экз.).

Исходное сырье. Городецкие гончары использовали только ожелезненные глины. По составу естественных примесей они делятся на три вида: 1) “жирная” глина без существенных примесей; 2) “жирная” глина, засоренная включениями оолитового бурого железняка; 3) условно “тощая” глина, в которой присутствует мелкий песок в концентрации 1:5–1:7. Кроме того, отмечено составление глиняных концентратов из “тощей” глины с естественным включением песка и “жирной” глины с оолитовым бурым железняком. В целом по группе памятников преобладает использование “жирной” глины с включением бурого железняка – 61,6%. Эту же глину, в основном, применяли на всех памятниках, кроме Торновского I городища, для которого более характерно использование “жирной” глины без посторонних примесей.

Наличие различных видов глин указывает на большое разнообразие культурных традиций в данной области технологии, а использование глиняных концентратов свидетельствует о контактах носителей этих традиций.

Формовочная масса. Зафиксировано семь видов формовочных масс, один составлен по простому рецепту – глина + органика, остальные – по сложным: глина + шамот + органика, глина + песок + органика, глина + дресва + органика, глина + шамот + дресва + органика, глина + шамот + песок + органика, глина + шамот + кость + органика. Дресва представлена дробленой песчаниковой породой.

В целом преобладает использование простого рецепта (более половины всех исследованных составов формовочных масс), из смешанных преобладает рецепт глина + шамот + органика – 24,0%. Остальные рецепты представлены очень незначительно. При определении крупности минеральных включений получается еще более пестрая картина, но более всего представлена крупная фракция минеральных примесей.

Концентрация минеральных включений в формовочных массах невелика. Для мелкого шамота характерна концентрация 1:4–1:5, для крупного – от 1:4 до 1:6, крупная дресва присутствует в концентрации от 1:3 до 1:6, также представлен песок. Органические добавки представлены незначительно, приблизительно 1:4–1:6.

В результате исследования качественного состава шамота выяснилось, что он изготовлен из сосудов, формовочные массы которых составлены по рецептам глина + органика, глина + шамот + органика, глина + дресва + органика.

Навыки составления формовочных масс относятся к группе приспособительных, т. е. очень чутко реагирующих на процессы смешения. В данном случае мы фиксируем именно состояние смешения различных навыков на ступени составления формовочных масс. Наличие большого числа различных рецептов и их незначительная представленность свидетельствуют о постоянных контактах различных культурных групп населения, что выражается в смешанных навыках. Эти контакты смешения происходили как вне истории данных памятников, так и внутри их.

Способы конструирования посуды определялись по 12-ти сосудам, причем особенности конструирования начинцов определить не удалось, так как фрагменты донных частей сосудов очень невелики.

Во всех двенадцати случаях зафиксирован один способ изготовления полого тела — лоскутный из комочков глины. На двух сосудах обнаружены следы формы-основы. Пока трудно судить, был ли лоскутный способ единственным или существовали и другие. На основании изученного материала можно заключить, что для восточной группы городецкой культуры характерно изготовление сосудов на формах-основах лоскутным способом из комочков глины.

Обработка поверхности. По внешним особенностям керамика городецкой культуры с территории Самарской Луки относится к двум видам — “сетчатой” и “рогожной”. Способы получения этих видов поверхности тесно связаны с приемами формообразования. Из-за сильной фрагментированности керамики, особенно “сетчатой”, способы обработки поверхности определить довольно сложно. Можно лишь предположить, что применялось выбивание емкости сосуда, вероятно, ячеистой колотушкой и гладкой колотушкой с тканевой прокладкой (табл. 3, 3, 4). Несколько яснее обстоит дело с получением так называемой “рогожной” поверхности. В коллекции есть несколько достаточно крупных фрагментов, по которым можно судить, что применялось прокатывание штампом (табл. 3, 1). Иногда даже возможно определить ширину зоны прокатывания — приблизительно 3–4 см. Судя по тому, что диаметры сосудов, обрабатываемых этим приемом, были достаточно большие, а сосуды во время обработки находились во влажном состоянии, можно предположить, что прокатывание производилось по сосуду, находящемуся на форме-основе. Следы, зафиксированные на внутренней поверхности сосудов, оставлены, вероятно, кожаной формой-основой (табл. 4, 5).

Сравнивая технологические особенности изготовления керамики городецкой культуры Самарской Луки с керамикой других локальных групп, можно отметить следующее.

Исходное сырье. Повсеместно использовались ожелезненные “жирные” и “тощие” глины. Представлены они почти одинаково. Особенностью восточного варианта является использование “жирной” ожелезненной глины, сильно засоренной бурым железняком, и глиняных смесей, составленных из разных по пластичности ожелезненных глин.

Формовочные массы. Для всего исследованного массива городец-

ких памятников наиболее массовыми являются традиции составления следующих рецептов: глина + органика (30,8%), глина + шамот + органика (46,6%), глина + дресва + органика (10,8%). Причем, везде, кроме Самарской Луки, дресва изготовлялась из гранито-гнейсовых пород.

Несмотря на это многообразие, внутри огромного массива городецкой культуры можно выделить наиболее близкие между собой варианты. К одной группе относятся средне-окский, центральный и южный варианты, связанные с преобладающим введением в формовочную массу дресвы, к другой – северо-восточный, средне-окский и восточный варианты, связанные с традицией использования шамота.

Наличие во всех вариантах, а часто и преобладание “простых” рецептов состава формовочных масс (рецептов с органикой) можно, вероятно, рассматривать как проявление общего компонента, объединяющего все варианты.

Различия в выделенных группах можно связывать с особенностями происхождения и дальнейшего существования, а общие черты, в частности наличие формовочных масс, составленных по рецепту с дресвой, и в восточном, и северо-восточном вариантах указывают, видимо, на передвижение, может быть, расселение определенных племенных групп.

Способы конструирования и обработки поверхности. Хотя сведения о способах конструирования очень скромны, можно выделить общие для всех вариантов традиции. Основной способ конструирования – лоскутный комковатый налеп. Лишь в одном случае зафиксирован спирально-жгутовой способ конструирования начина (южный вариант). Полное тело во всех исследованных образцах изготовлено лоскутным комковатым налепом. Все городецкие гончары использовали формы-модели, в частности, формы-основы. Форма сосудам придавалась, как правило, в процессе обработки поверхности.

Поверхности сосудов обрабатывались, когда они были еще во влажном состоянии и находились на форме-основе. Выбивание колотушкой и прокатывание штампом приводило соответственно к получению “сетчатой” или “рогожной” поверхности и своеобразным напылам на внешней и внутренней поверхности венчика.

Однородный состав культурных традиций, зафиксированный при изучении субстратных навыков, указывает и на однородность в прошлом их носителей. А поскольку субстратные навыки являются наиболее устойчивыми даже при смещении их носителей, то мы вправе предположить, что в сложении городецкой культуры основную роль сыграла общая культурная группа населения с *устойчивыми традициями использования лоскутного налепа*. Вероятно, были еще какие-то группы, о чем свидетельствует наличие донного спирально-жгутового начина, но основной, “*культурообразующей*” группой была группа носителей навыков использования лоскутного налепа. В процессе сосуществования, каких-то передвижений, контактов происходит смешение в приспособительных навыках, что и фиксируется в разнообразии рецептов составления формовочных масс.

3. Славкинский тип керамики

Поселение Славкино I было открыто в 1977 г. экспедицией Куйбышевского пединститута (Петров Ю.Э., 1978). Позже подобные памятники были открыты на территории Татарии и Ульяновской области. Характерной особенностью этих памятников было прежде всего своеобразие керамического комплекса. Первоначально дата этого поселения была определена как III – IV вв. н. э. и высказано мнение, что ряд форм керамики по морфологическим особенностям близок к именковским, другие же находят аналогии в материалах степных культур (Агапов С.А., Пестрикова В.А., Салугина Н.П., 1981. С. 119). Позднее Г.И. Матвеевой поселения этого типа датированы II–III вв. н. э. и определены как памятники, оставленные первой волной переселенцев с запада (Матвеева Г.И., 1986. С. 161, 163). Именно это обстоятельство обусловило необходимость включения памятников славкинского типа в данный обзор. Важно определить черты сходства и различия между двумя группами памятников – именковскими и славкинскими – и более четко определить их место по отношению друг к другу.

Для технологического анализа использован 141 фрагмент керамики, происходящий от разных сосудов с поселения Славкино I.

Исходное сырье. При исследовании навыков отбора исходного сырья зафиксировано существование трех культурных традиций. Две из них связаны с использованием одной ожелезненной глины и одна – с использованием глиняных смесей. Ожелезненные глины по составу минеральных включений делятся на: 1) “жирные”, в которых песок практически не фиксируется, а из естественных примесей отмечен бурый железняк, и 2) “тощие” глины, в которых присутствует некалиброванный песок и оолитовый бурый железняк. Глиняные смеси составлены из ожелезненной “жирной” и неожелезненной глины, которая вводилась в глиняную массу в сухом состоянии, о чем свидетельствуют непромышленные округлые комочки светло-кремового цвета (табл. 2, 2). Глиняные смеси представлены единично.

Качественный состав формовочных масс. По изученным материалам выявлены две культурные традиции в составлении формовочных масс: глина + шамот + навоз животных и глина + шамот + навоз животных + кость. Обе традиции относятся к разряду сложных и представлены на памятнике в уже сложившемся виде. Массово представлен рецепт глина + шамот + навоз (более 90%). Повторение того же рецепта зафиксировано и при анализе качественного состава шамота. Следовательно, традицию составления данного рецепта следует считать устойчивой, что отражает довольно стабильный, однородный состав носителей этой традиции. Кроме того, в формовочных массах шамота обнаружен рецепт глина + органика. Пока трудно предположить что-то определенное, почему он не получил дальнейшего распространения. Возможны по крайней мере два объяснения: либо в какое-то время по неизвестным причинам прекратились контакты между двумя группами носителей различных гончарных навы-

ков, либо носители традиции составления простого рецепта глина + органика были поглощены носителями более сильной традиции — глина + шамот + навоз животных.

Шамот в формовочных массах представлен крупной и мелкой фракцией. Крупный шамот вводился в концентрации от 1:1–1:2 до 1:5, а мелкий — от 1:3 до 1:5.

Способы конструирования начинов оказалось возможным определить по 21 экземпляру. Изготовление всех начинов осуществлялось по двум программам: донно-емкостной и донной. Обе они относятся к спирально-жгутовым. Наиболее массово делались начини по донно-емкостной программе — 85,7%.

При изучении навыков *конструирования полого тела* зафиксировано три способа: лоскутный комковатый, спиральный из жгутов и спирально-лоскутный. Они составляют соответственно 28,1, 59,4 и 16,7%.

Полностью воссоздать процесс конструирования посуды и выделить технологические группы удалось всего по девяти сосудам. Выделяются три группы гончаров со своими специфическими способами лепки. Одна группа использовала жгуты, которые наращивались по спиральной траектории. При этом лепился донно-емкостный мелкий доэлементный (т.е. менее, чем до середины сосуда) начин, а потом на него наращивались жгуты по спиральной траектории, т.е. делалось полое тело (II технологическая группа). Другая группа делала такой же начин, но полое тело — не из жгутов, а из лоскутов, которые наращивались по спирали (V технологическая группа). Система конструирования третьей группы гончаров отличается изготовлением донного спирально-жгутового начини, а полое тело делалось из лоскутов по спирали (VIII технологическая группа).

Картина дополняется данными об использовании технических средств при конструировании посуды. Часть посуды изготовлена на плоской подставке. Следов использования гончарного круга не зафиксировано. На двух сосудах обнаружены следы формы-основы. Причем, ее использование отмечено на сосудах, полое тело которых изготовлено лоскутным комковатым налепом.

Поверхность сосудов обрабатывалась двумя способами: механическим заглаживанием и лощением, причем последнее присутствует незначительно — 2,8%. Инструментами для простого механического заглаживания служили пальцы гончара и кусочек ткани.

По данным технико-технологического анализа керамики поселение Славкино I оставляет впечатление внешне единого памятника (об этом свидетельствуют данные о приспособительных навыках). Но в сложении культурного облика населения указанного поселка принимали участие различные культурные группы (на основании анализа субстратных навыков). К сожалению, бывает трудно связать способы конструирования посуды с ее формами. Фрагментарность поселенческого материала оставляет минимум таких возможностей. Можно указать только преимущественное изготовление сосудов третьего типа спиральным налепом из жгутов. Эта группа посуды нами предварительно

увязывалась (по морфологическим особенностям) с южным, степным миром (Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П., 1981. С. 119). По крайней мере, данная форма посуды выглядит чуждой для основного массива именьевских материалов.

4. Городище Лбище

Исследованию технологии изготовления керамики с городища Лбище посвящен ряд работ (Салугина Н.П., 1986а; 1989). Поэтому мы лишь кратко напомним основные моменты.

Для исследования отобрано 490 сосудов, целых и в обломках. По всем сосудам изучались навыки отбора и подготовки исходного сырья, составления формовочных масс и обработки поверхностей. Анализ способов конструирования проведен по 98 сосудам.

Исходное сырье. Зафиксировано использование четырех видов исходного сырья: 1) ожелезненной “жирной” глины (более 50%), 2) ожелезненной условно “тощей” глины (более 30%), 3) ожелезненной “тощей” глины, засоренной включениями оолитового известняка (единичные экземпляры), 4) глиняных концентратов, составленных из ожелезненной и неожелезненной глин (чуть более 7%). Преобладающей была традиция использования ожелезненной “жирной” глины.

Формовочные массы. Для составления формовочных масс применялись следующие добавки в глину: шамот (крупный и мелкий), кальцинированная кость и навоз жвачных животных. Зафиксированы следующие составы: глина + навоз, глина + шамот + навоз жвачных животных и глина + шамот + навоз + кальцинированная кость. Наиболее массовой и устойчивой (по особенностям состава шамота) выступает традиция составления формовочной массы по рецепту глина + шамот + навоз (более 91%). Это свидетельствует о складывающейся культурной однородности населения.

Способы конструирования. Выделено две программы создания *начинов*: донная и донно-емкостная. Донные начини изготовлены из жгутов, наращиваемых по спиральной траектории. Донно-емкостные начини делались так же из жгутов по спирали, из лоскутов по спирали и из лоскутов без определенной системы наращивания.

Полое тело конструировалось одним из четырех способов: лоскутным комковатым, спирально-лоскутным из коротких жгутов, спиральным из жгутов и кольцевым из жгутов.

Сопоставляя данные о способах изготовления начина и полого тела, мы получаем представление об определенных системах конструирования посуды, существовавших у данного населения. По исследованным материалам выделено восемь таких систем конструирования, или технологических групп.

Группы I, II и III можно определить как несмешанные, т.е. при изготовлении каждого конкретного сосуда используется один вид “строительного материала”: либо лоскуты, причем без определенной системы наращивания, либо жгуты, наращиваемые по спиральной или кольцевой траектории. Далее начинается процесс смешения, который за-

трагивает, в основном, способы конструирования полого тела. Это технологические группы IV, V, VI, VII и VIII. Наиболее массово представлены в изученных материалах II (17,2%), IV (17,2%) и V (39,1%) технологические группы (табл. 8).

Необходимо отметить, что данные группы не являются строго хронологическими. И хотя одни способы появились в результате эволюции или смещения, у нас нет конкретных данных (стратиграфия, абсолютные даты и пр.) для детальной хронологизации указанных технологических групп. В конкретной ситуации они могут долгое время сосуществовать. Вполне вероятно, что население, поселившееся на городище Лбище, уже владело всеми описанными системами конструирования посуды.

Использование технических средств для производства посуды. По внешнему виду практически вся керамика, обнаруженная на городище Лбище, относится к той группе посуды, которую археологи называют лепной, т.е. сделанной от руки. Дело в том, что когда говорят о керамике, изготовленной с помощью гончарного круга, имеют в виду такую посуду, на которой следы использования круга проявляются очень четко. Микроскопический анализ керамики позволяет зафиксировать низкие ступени развития функций гончарного круга.

В коллекции керамики с городища Лбище выделяется посуда, изготовленная как чисто ручным способом, так и с использованием гончарного круга. Основная масса посуды изготовлена на плоской подставке. О конструкции подставки судить сложно, можно лишь отметить, что ее наличие фиксируется по следам подсыпки на днищах сосудов. В качестве подсыпки использовались песок и зола (очищенная и неочищенная).

Использование форм-моделей гончарами городища Лбище проблематично. В настоящее время у нас нет достаточных оснований, чтобы утверждать, что определенные группы посуды делались с помощью форм-моделей. Можно лишь предположить, что посуда, имеющая полный донно-емкостный лоскутный начин (I технологическая группа) могла быть сделана с использованием моделей.

По 14-ти сосудам зафиксировано использование гончарного круга. Поскольку следы технического происхождения на днищах сосудов, внешне выглядящих как лепные, сохраняются не всегда (в силу последующего заглаживания необожженных изделий и механического нарушения следов при использовании посуды в быту), вести учет реальной частоты использования гончарного круга пока затруднительно. Можно только констатировать, что данное население было знакомо с гончарным кругом. Для материалов городища Лбище отмечено довольно низкое развитие функций гончарного круга – РФК-1 и 2, когда он использовался в роли поворотного столика и лишь частично – для заглаживания поверхностей верхних частей сосудов (РФК-3). Использование гончарного круга отмечено для трех технологических групп – II, V и VIII.

Среди материалов городища Лбище зафиксировано два способа обработки поверхностей: механическое заглаживание и лощение по подсушенной основе.

Таковы краткие сведения о технологии керамики с городища Лбище. Всегда возникает вопрос о связи выявленных способов изготовления керамики с определенными формами посуды.

Для конкретных целей – соотнесения способов конструирования и форм посуды – была предпринята самая общая систематизация материала. По общей пропорциональности, т.е. по отношению верхнего диаметра (Д) к общей высоте сосуда (Н) выделено четыре категории посуды: миски, горшки, кувшиновидные и горшки-миски (это смешанные формы, которые обычно в литературе называются высокими мисками или приземистыми горшками). Показатель пропорциональности для выделенных форм следующий: миски – 1,8–2,6; горшки – 0,5–0,9; кувшиновидные – 0,5–0,9; горшки-миски – 1,0. Внутри категорий выделены виды сосудов по составу конструктивных частей. Конструктивные части определяются путем разбиения сосуда на части по определенным точкам. Выделение частей производилось по методике, предложенной А.А. Бобринским (Бобринский А.А., 1986. С. 145–150). В сосудах выделяются следующие конструктивные части: губа, щека, плечо, тулово, основание тулова. Две категории посуды – горшки и кувшины – имеют одинаковый показатель общей пропорциональности (0,5–0,9), но различаются составом конструктивных частей: в горшках определяется щека, а в кувшинах – шея (табл. 6).

Выделенные категории и виды форм характеризуют керамический комплекс городища Лбище в целом. При бедности ассортимента (три основные категории форм) отмечается большое разнообразие на уровне видов, т.е. можно констатировать отсутствие четких стандартов воспроизведения форм.

Для городища Лбище выделено восемь технологических групп или восемь систем конструирования посуды. Соотнеся технологические группы с категориями форм, получаем следующую картину: мисковидные сосуды и посуда смешанных форм делаются способами, характерными для II, V и VIII технологических групп, при преобладании для мисковидных сосудов II технологической группы, а для смешанных – V. Для кувшиновидных форм характерны способы II, IV и VII технологических групп. Горшковидные сосуды делаются всеми способами, зафиксированными по керамике указанного памятника.

Таким образом, устойчивых связей между способами конструирования посуды и категориями форм не зафиксировано. Исключение составляют миски. Основная масса их изготовлена способами, характерными для II технологической группы. В результате процессов смешения посуда этой формы начинает делаться способами, присущими V и VII технологическим группам. Указанные технологические группы сложились: одна (V) на основе II, другая (VII) – на основе V.

Лощение также присуще в основном мисковидным сосудам – 60% всей лощеной посуды – миски. Использование гончарного круга зафиксировано также в основном для мисковидных сосудов, изготовленных способами, характерными для II технологической группы.

Таким образом, изготовление мисок было присуще, вероятно, какой-то одной, обособленной группе гончаров со своими технологиче-

скими традициями. Для остальных форм таких связей установить не удалось. Следует лишь отметить, что смешанные технологические группы дают более разнообразный набор форм.

Анализ гончарной технологии населения, оставившего городище Лбище, показывает, прежде всего, его культурную неоднородность. В процессе жизни на городище шли активные процессы смешения разных групп населения, что проявилось в смешении культурных традиций.

5. Керамика именьковской культуры

Именьковская культура занимает значительную территорию, внутри которой выделяются локальные варианты (Старостин П.Н., 1967; Салугина Н.П., 1987). Памятники Самарской Луки выделены нами в южную группу. Данная группа представлена только поселенческими памятниками: городищами и открытыми селищами. Для исследования гончарной технологии привлекался материал из восьми памятников: трех городищ (Лысая Гора, Каменная Коза и Торновское II) и пяти селищ (Выползовского, Кармалинского, Ош-Пандо-Нерь II, Малая Рязань и Муромского). Всего изучено 475 фрагментов от разных сосудов. Данные технико-технологического анализа керамики именьковской культуры уже частично опубликованы (Салугина Н.П., 1985; 1986б; 1988), поэтому в данном очерке дается характеристика технологии только по южному варианту (Самарская Лука) именьковской культуры.

Исходное сырье. Зафиксированы три основные традиции в навыках отбора и подготовки исходного сырья: применение “жирных” и “тощих” ожелезненных глин и глиняных смесей. Для смесей использовались ожелезненная “жирная” глина с естественной примесью бурого железняка и нежелезненная или слабо ожелезненная “тощая” глина. Перед смешиванием обе глины находились, как правило, в сухом состоянии.

Формовочные массы. Выделено шесть составов формовочных масс: “простые” — глина + навоз и глина + шамот и “сложные” — глина + шамот + навоз, глина + дресва + навоз, глина + шамот + дресва + навоз и глина + шамот + кость + навоз. Господствующими являются формовочные массы, составленные по рецепту глина + шамот + навоз — 95,4%, остальные представлены незначительно. Следует отметить, что кальцинированная кость как компонент формовочной массы отмечена только в материалах городища Каменная Коза.

Качественный анализ шамота показал, что в нем повторяются те же составы, исключая рецепты, связанные с введением дресвы.

На основании анализа составов формовочных масс можно говорить о культурной однородности населения, которая постоянно нарушалась инфильтрацией носителей иных гончарных традиций, о чем свидетельствует многообразие прочих составов, выделяемых на видовом и подвидовом уровнях (видовой и подвидовой уровни определяются по крупности минеральных включений и их концентрации).

Конструирование начина. Зафиксировано семь видов начинов. Они изготовлены по двум программам: донно-емкостной и донной.

Внутри донно-емкостных выделяются начины, выполненные из лоскутов и из жгутов по спирали. Все донные начины спирально-жгутовые. Кроме того, в обеих группах спирально-жгутовых начинов наблюдаются следы выбивания. Известны также случаи наращивания второго слоя спирали (такие днища мы называем двухслойными), которое сочетается как с выбиванием, так и с выдавливанием.

Изготовление полого тела. По изученным материалам выделено четыре способа конструирования полого тела. Все они относятся к группе составных, подгруппам лоскутных и жгутовых. Лоскутное полое тело делается либо из комочков глины, наращиваемых бессистемно, либо из коротких жгутов, наращиваемых по спирали. Целые жгуты наращиваются по спиральной или кольцевой траектории.

Полностью воссоздать процесс конструирования сосуда можно путем определения взаимосвязи между способами изготовления начина и полого тела. Выделено одиннадцать технологических групп: четыре основные (I, II, IIa, III) и семь производных от них (IV, V, VI, VIII, IX, XI, XIV).

Происходившие в среде данного населения процессы смешения не были, вероятно, одновременным актом, а прошли ряд этапов.

Этап I связан с существованием четырех несмешанных групп: I, II, IIa, III.

Этап II фиксирует возникновение начала процессов смешения на ступени конструирования полого тела. К этому этапу относится существование IV, V и VI технологических групп.

Этап III – к нему относится возникновение VIII технологической группы, когда в процесс смешения включаются не только несмешанные, но и смешанные IV и V технологические группы.

Этап IV – начало смешения в способах конструирования начинов, использование процедуры выбивания. В рамках этого этапа возникают IX и X технологические группы.

Этап V характеризуется возникновением XI и XIV технологических групп, которые являются результатом дальнейшего смешения в навыках изготовления донного и донно-емкостного начинов – применение выбивания и наращивания после выбивания второго слоя спирали.

Выделенные этапы развития гончарных традиций не стоит рассматривать в хронологическом порядке, как обязательную смену одних систем конструирования другими. В конкретной исторической обстановке носители разных систем конструирования могут длительное время сосуществовать.

Технические средства представлены данными об использовании подставки, форм-моделей и гончарного круга.

Случаи применения подставки фиксируются по наличию следов подсыпки на днищах сосудов. В качестве подсыпки служили песок, зола, в одном случае зафиксирован кусок овчины (табл. 4, 3). Использование подставки отмечено для всех технологических групп, исключая I и IIa.

Использование форм-моделей зафиксировано для I, IV, V и VIII технологических групп, причем для V – формы-емкости, а для остальных – формы-основы.

Как и всю именковскую посуду, керамику самарской (южной) группы принято считать изготовленной без применения гончарного круга. В результате микроскопического анализа выяснилось, что данному населению был знаком гончарный круг, но использовался он исключительно в роли поворотного столика. Его применение зафиксировано по керамике II и V технологических групп.

Обработка поверхности. Способы обработки поверхности относятся к классу ручных, они делятся на две большие группы: лощение и механическое заглаживание. Лощение проводилось по влажной, слегка подсушенной основе. Лощились отдельные части сосуда (венчик и плечики). Инструментами для заглаживания служили пальцы гончара, кожа, ткань, деревянный нож или щета.

Ассортимент глиняной посуды. Формы глиняной посуды, представленные на именковских памятниках, довольно разнообразны. В данном разделе дается анализ форм именковской керамики, полученный при изучении коллекций со всех территориальных групп. Это обусловлено тем, что целые формы происходят в основном с нижнекамских памятников (из могильников именковской культуры), поселенческий материал фрагментарен, что затрудняет его анализ. Предложенная группировка носит служебный характер с целью определения возможных взаимозависимостей между формами посуды и способами ее изготовления.

Основанием для группировки материала служили два основных критерия: общая пропорциональность форм (отношение верхнего диаметра к его общей высоте) и их размерность, выраженная в объеме. Затем внутри категорий выделялись виды сосудов по составу конструктивных частей. Конструктивные части выделялись путем разбиения сосуда на части по критическим точкам по методике, предложенной А.А.Бобринским (Бобринский А.А., 1986. С. 145–160).

Выделено четыре категории форм: миски, горшки, кувшины и гибридные формы – горшки-миски, и внутри их выделено восемнадцать видов посуды (Салугина Н.П., 1988. С. 136–137) (табл. 7).

Мисковидные сосуды делались способами, характерными только для несмешанной I и смешанных IV и V технологических групп. “Классические” миски в составе именковских коллекций практически не встречаются. Отмеченные мисковидные сосуды по показателю общей пропорциональности ближе к сосудам гибридных форм – горшкам-мискам. Делаются они в основном лоскутным способом. Показательно, что изготовление этой формы замыкается на указанных технологических группах. Дальше уже делаются гибридные формы смешанными способами.

При изготовлении кувшиновидных сосудов использовались способы, характерные для несмешанной II и смешанных V, VI, VIII и XI технологических групп. Можно предположить, что данная категория посуды первоначально делалась способами, характерными для II техно-

логической группы (начин спирально-жгутовой и полое тело – из жгутов по спирали). Затем в процессе смешения населения эта форма заимствуется другими группами гончаров и ее изготовление распространяется в среде именьковского населения довольно широко. Причем, при изготовлении ее различными способами сама форма передается практически без изменений. Тот факт, что смешанные навыки изготовления кувшинов сложились на основе II несмешанной технологической группы, позволяет предположить, что традиции изготовления этой формы передавались по наследству в среде гончаров, связанных отдаленными, но все же родственными узами. Все это указывает на то, что традиция изготовления кувшиновидных сосудов, становясь характерной для именьковских гончаров, все же сохраняет свою культурную обособленность.

Посуда гибридных форм делалась способами, зафиксированными для несмешанных I и II и смешанных IV, V и VIII технологических групп.

Горшковидные сосуды в силу их вариативности и большей востребованности в быту не дают возможности четко определить доминирующие системы их изготовления.

Сравнивая гончарство племен именьковской культуры Самарской Луки с гончарством населения других территориальных групп, можно отметить особую близость гончарства самарской и нижекамской территориальных групп.

При современном состоянии наших знаний многие общие вопросы истории именьковского гончарного производства практически не обеспечены археологической информацией. Как один из компонентов материальной культуры, гончарное производство может быть констатировано для всех именьковских памятников. Судя по особенностям технической оснащенности этих производств, зафиксированным по археологическим материалам (широкое использование подставок, знакомство с гончарным кругом, который выполнял роль поворотного столика), оно находилось на стадии доремесленного производства.

6. Истоки гончарных традиций населения именьковской культуры

Трудовые навыки в гончарстве на доремесленной стадии его развития передаются исключительно по родственным каналам путем непосредственного научения приемам работы с глиной. При отсутствии контактов с носителями иных культурных традиций это ведет к консервации навыков труда и сложению гончарных традиций, характерных для определенных групп родственного населения. Напротив, смешение носителей разных культурных традиций ведет к формированию смешанных навыков работы с глиной. Следовательно, керамика, по которой фиксируются смешанные навыки труда, прямо указывает на процесс смешения носителей этих навыков. Для доремесленной стадии производства характерно существование родственных связей не только между производителями посуды в рамках одного коллектива, но также

между производителями и потребителями посуды, так как обычно посуда использовалась в рамках тех же поселений, где и производилась. Существование на доремесленной стадии производства подобных устойчивых связей между производителями и потребителями посуды позволяет сделать вывод, что смешение носителей разных культурных традиций в технологии гончарства отражает и смешение в целом населения тех культурных групп, членами которых они являлись. Все эти обстоятельства позволяют использовать результаты технико-технологического анализа керамики для получения новых сведений об истории изучаемого населения.

Гончарство населения именьковской культуры и городища Лбище.

Керамический комплекс с памятников южного варианта именьковской культуры и керамический комплекс городища Лбище совпадает по многим параметрам. На ступени составления формовочных масс в обоих комплексах преобладает рецепт глина + шамот крупный + навоз жвачных животных (более 90%). В основном совпадает набор категорий форм посуды: горшки, миски, кувшиновидные и посуда гибридных форм. Разница лишь в том, что в “классических” именьковских памятниках миски более высоких пропорций и приближаются к категории гибридных форм. Сходство проявляется и в способах конструирования посуды: выделяются общие технологические группы, как несмешанные, так и смешанные. В среде именьковских гончаров процесс смешения в навыках конструирования зашел глубже и коснулся уже способов изготовления начинов (самой консервативной части технологии).

Особо следует отметить, что для городища Лбище выделена одна группа посуды, которая может быть достаточно четко увязана с определенным способом конструирования. Это мисковидные сосуды, которые делаются в основном способами, характерными для II технологической группы, т.е. конструируется донно-емкостный мелкий дозлементный начин из жгутов по спирали. Затем полое тело наращивается по спиральной траектории из жгутов. Причем, и использование гончарного круга, и лощение поверхности сосудов связаны в основном со II технологической группой и особенно с мисковидными сосудами. В процессе смешения эту форму начинают делать способами, характерными для V и VIII технологических групп. В собственно именьковских материалах мисковидные сосуды делаются спирально-лоскутным способом. При этом сами формы сильно искажаются и приближаются по внешнему облику к гибридным формам, т.е. делаются, скорее, подражания мискам.

По именьковским материалам II технологическая группа среди несмешанных групп является самой массовой; с ней же связывается использование гончарного круга, но формы посуды, создаваемой этим способом, более разнообразны, а круг используется только в роли поворотного столика. То есть, та четкая связь, которая прослеживается по материалам городища Лбище, когда со II технологической группой связано в основном изготовление мисок, в именьковских материалах размывается. Происходит, с одной стороны, заимствование форм посуды, а с другой – навыков конструирования.

Приведенные выше данные достаточно четко свидетельствуют о преемственности многих технологических традиций, и что особенно важно, — на стадии конструирования. Это позволяет говорить об участии определенной части населения городища Лбище в формировании именьковской культуры и, вероятно, об общих корнях этих двух групп населения.

Именьковский и славкинский керамические комплексы.

При составлении формовочных масс гончары обеих групп предпочитали рецепт глина + шамот + навоз (более 90%). При конструировании посуды использовались идентичные способы. Для славкинского населения характерны три основные системы изготовления посуды, выделенные нами во II, V и VIII технологические группы. Совпадение основных деталей технологии также вряд ли случайно. Вероятно, часть славкинского населения послужила основой для сложения культурного облика населения именьковской культуры. Различия в керамических комплексах заключаются в наличии в коллекции посуды поселения Славкино I сосудов, выделенных в III тип. Эта форма посуды не характерна для именьковского гончарства.

Именьковское и городецкое гончарство.

При сравнении двух керамических комплексов наблюдается больше различий, чем сходства. По морфологическим особенностям посуда городецкой культуры выделяется “рогожной” или “сетчатой” поверхностью, именьковская посуда — гладкостенная. Основной тип городецкой керамики — это сосуды так называемых баночных форм или очень слабо профилированные горшки. Набор форм именьковской посуды гораздо разнообразнее. При составлении формовочных масс городецкие гончары предпочитали использовать рецепт глина + органика (более 50% от всех исследованных образцов), для именьковской посуды характерен рецепт составления формовочных масс: глина + шамот + навоз (более 90%). По способам конструирования в городецких материалах основным “культурообразующим” был способ лепки посуды при помощи лоскутов, с использованием формы-основы. Данный способ можно отнести к I технологической группе. По именьковским материалам выделено 12 систем конструирования. Кроме того, сохраняется хронологический разрыв между этими двумя комплексами. Даже если учесть, что славкинский тип памятников входит в круг родственных именьковским, то разрыв в столетие сохраняется.

Однако следует учитывать и такие обстоятельства. При исследовании качественного состава шамота из коллекций городища Лбище и собственно именьковских памятников зафиксировано наличие “простого” рецепта — глина + органика. В составе технологических систем конструирования именьковских гончаров и городища Лбище зафиксирована I технологическая группа, которая по всем показателям совпадает с единственной системой конструирования городецких гончаров. Вряд ли такое совпадение случайно.

Все вышеизложенное позволяет ставить вопрос о выделении групп населения, которые приняли участие в формировании культурного облика именьковской культуры. Сразу же необходимо подчеркнуть, что

судя по проведенному сравнительному анализу технологии, население памятников типа Славкино, Лбище и именьковских можно отнести к кругу родственных, возможно, имеющих общие истоки происхождения. Выше упоминалось, что в последние годы высказана гипотеза о формировании именьковской культуры на основе культур полей погребений (Матвеева Г.И., 1981а; 1986). В этой связи необходимо сравнение гончарных традиций зарубинецкой и именьковской культур. Технология изготовления керамики зарубинецкой культуры изучалась выборочно, но некоторое сравнение провести можно (Дубицкая Н.Н., 1986. С. 49–50; Бобринский А.А., 1978. С. 151–152, 172–173). При составлении формовочных масс гончарами зарубинецкой культуры использовались следующие минеральные добавки: дресва и шамот. Количественная их представленность на разных памятниках различна. Наиболее массовой системой конструирования посуды, характерной для зарубинецких гончаров (по материалам могильников) выступает традиция создания донно-емкостного спирально-жгутового начина и спирально-жгутового полого тела (по нашим материалам – II технологическая группа).

Совпадение технологических традиций и сходство форм глиняной посуды позволяет предположить, что часть населения именьковской и родственных ей археологических культур составили выходцы из западных районов, в частности из районов распространения зарубинецкой культуры.

Сложнее обстоит дело с определением роли городецких племен в формировании населения, оставившего памятники именьковской культуры. Полное совпадение одного из способов конструирования (I технологическая группа) дает основание с большой долей вероятности говорить о развитии местных (городецких) традиций изготовления посуды в среде именьковского населения.

В свете данных технико-технологического анализа керамики населения раннего средневековья Среднего Поволжья представляется внешне культурно однородным (по результатам изучения приспособительных навыков). Но в его формировании приняли участие как минимум две группы населения: продолжатели местных традиций и выходцы из районов распространения культур полей погребений. Группы населения, владеющие разными навыками изготовления глиняной посуды, вступали в контакты друг с другом, в результате чего складываются смешанные культурные традиции. Нельзя отрицать и инфильтрацию каких-либо инокультурных групп, но на настоящем уровне исследования определить их истоки не представляется возможным.

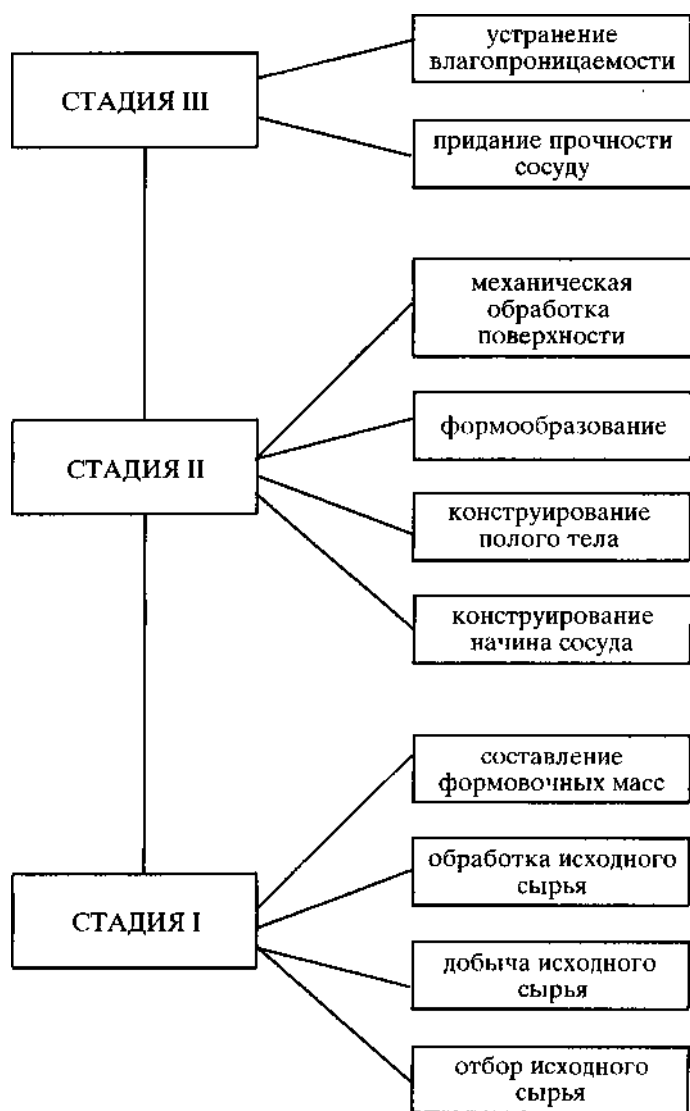

Таблица 1. Структура гончарного производства

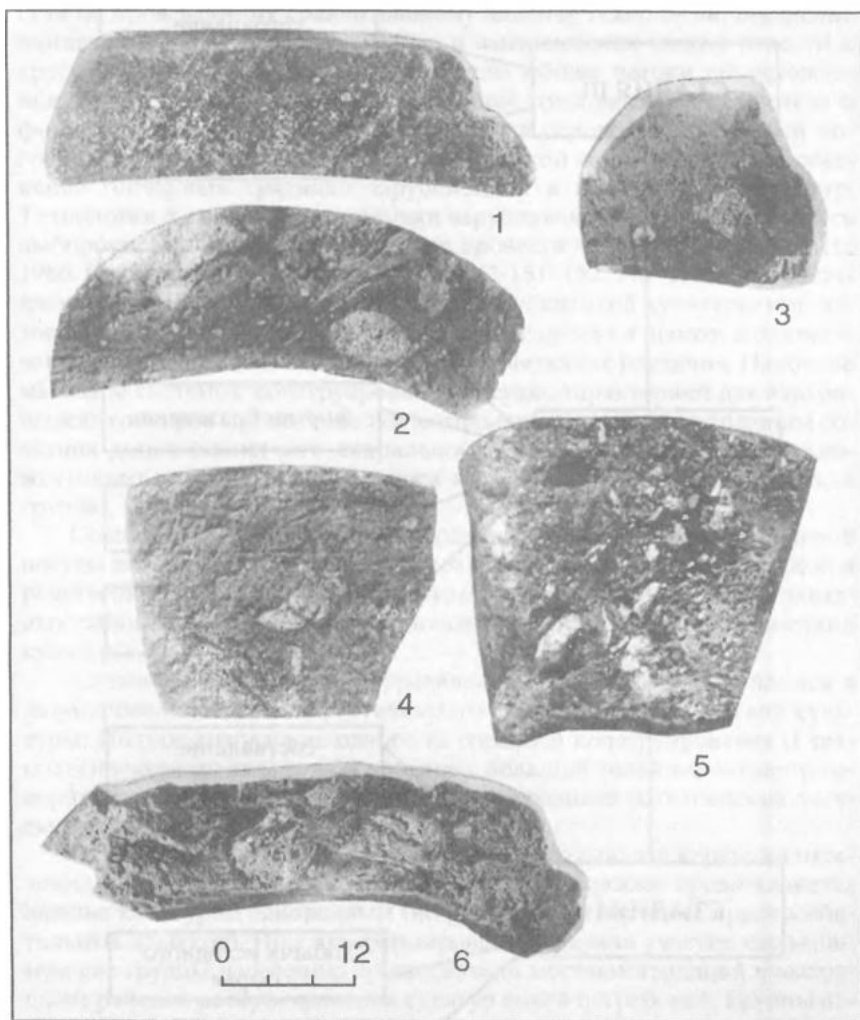

Таблица 2. Особенности исходного сырья и формовочных масс.

1 – среднепластичная глина, городецкая культура; *2, 6* – включения нежелезистой глины, именковская культура; *3* – пластичная глина с включением шамота, именковская культура; *4* – формовочная масса глина + шамот + навоз, именковская культура; *5* – включение кости, городище Лбище

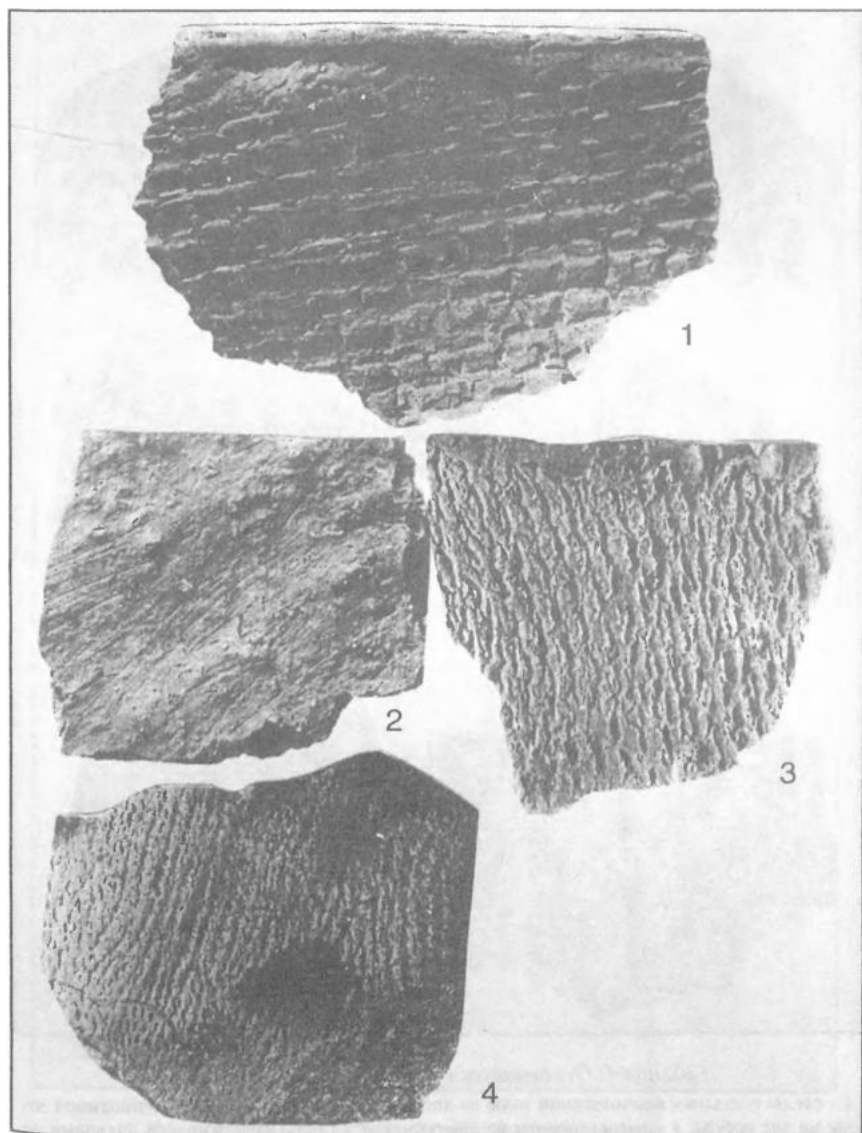

Таблица 3. Способы обработки поверхности.

*1 – прокатывание штампов; 2 – заглаживание тканью; 3 – выбивание ячеистой колу-
тушкой; 4 – выбивание через тканевую прокладку*

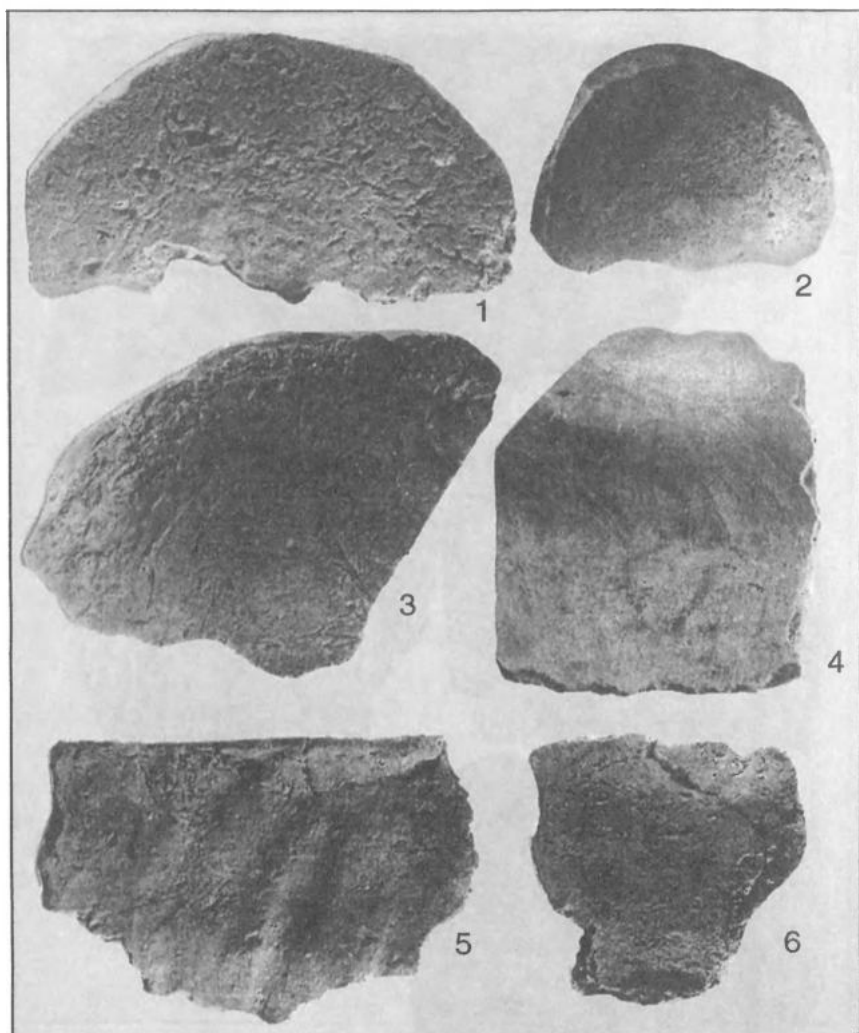

Таблица 4. Особенности конструирования посуды.

1 – следы подсыпки неочищенной золы на дне сосуда; 2 – следы подсыпки очищенной золы на дне сосуда; 3 – следы овчины на дне сосуда; 4 – следы заглаживания пальцами на внутренней поверхности сосуда; 5, 6 – следы использования формы-основы на внутренней поверхности сосуда.

1, 3, 4, 6 – именьковская культура; 2 – городище Лблце; 5 – городецкая культура

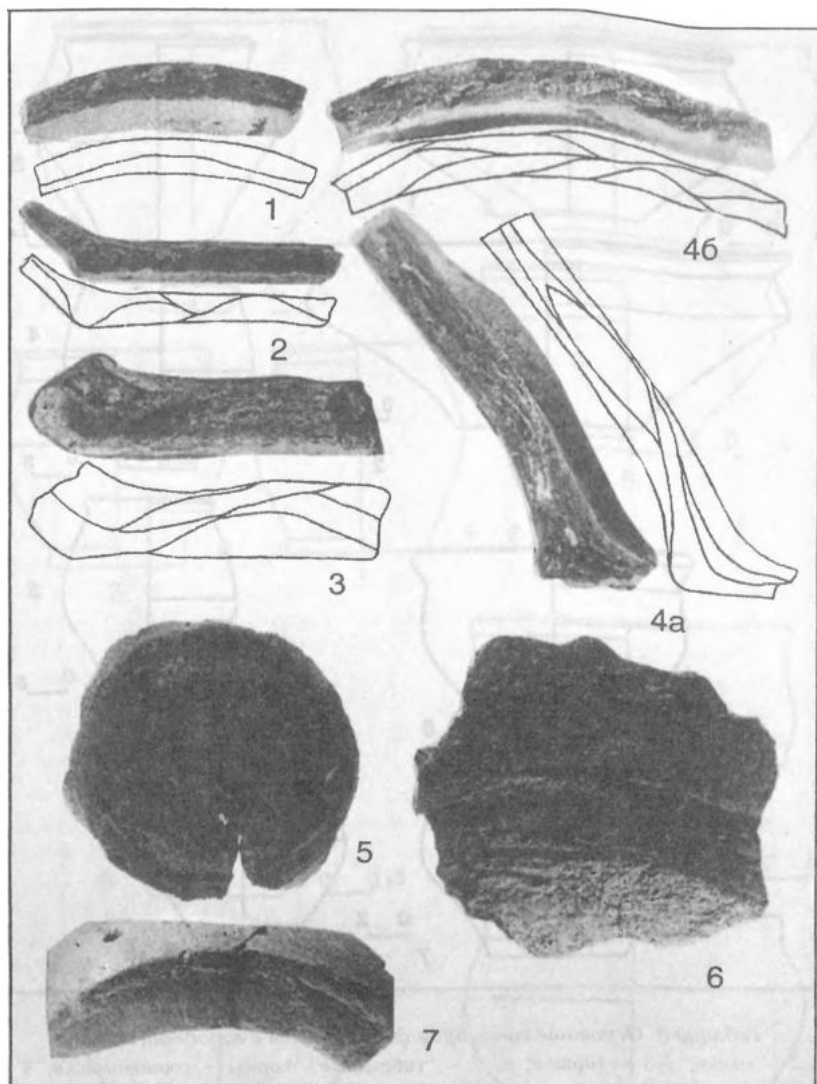

Таблица 5. Особенности конструирования.

1 – спай при кольцевом наращивании жгутов; 2 – конструирование начина из жгутов по спирали; 3 – “двухслойное” дно; 4 – конструирование при помощи лоскутного налёпа: а) продольный разрез, б) поперечный; 5 – образование “псевдобортика”; 6 – обработка придонного участка сосуда путем обстругивания; 7 – образование ровного бортика по периметру сосуда при использовании гончарного круга

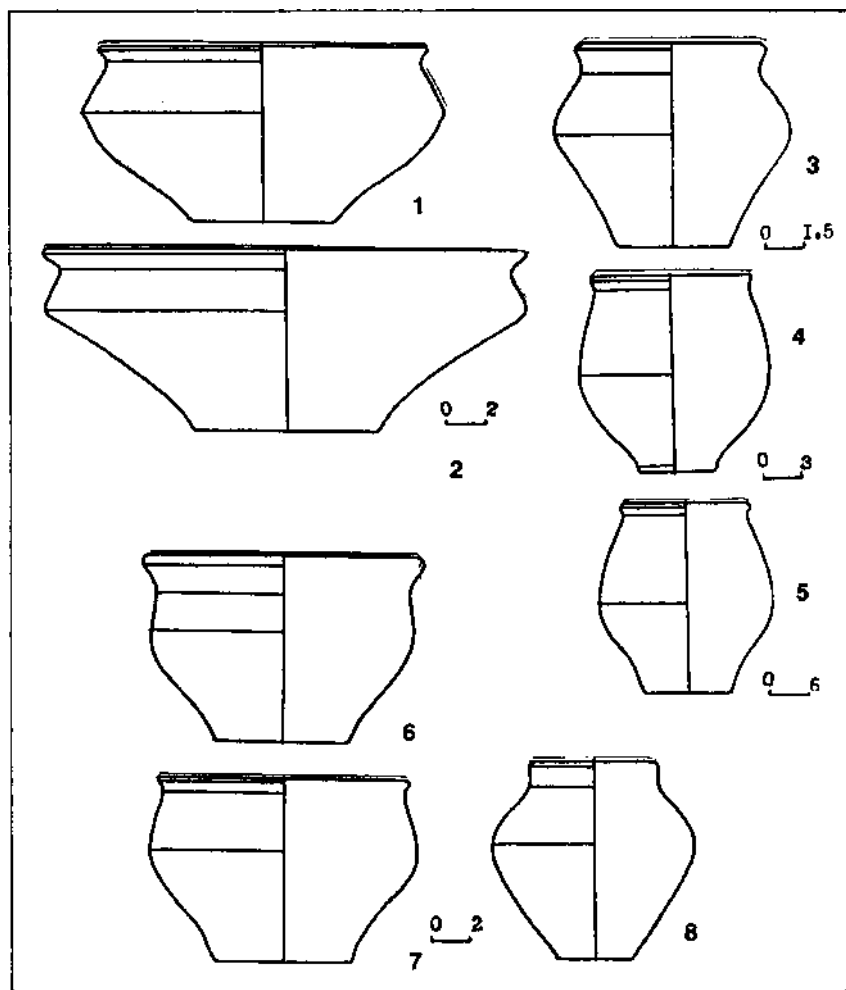

Таблица 6. Основные категории форм посуды с городища Лбище
 1, 2 – миски; 3–5 – горшки; 6, 7 – “гибридные” формы – горшки-миски; 8 –
 кувшинovidная

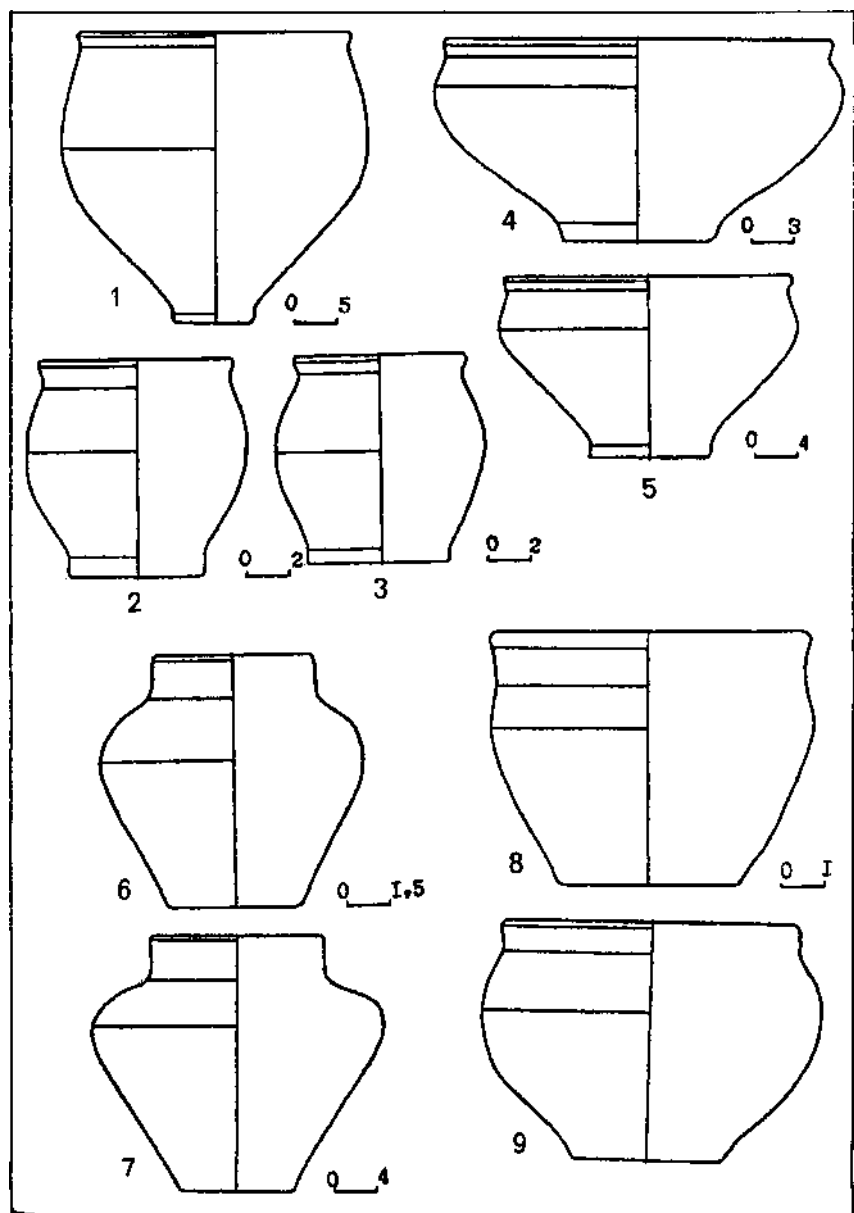

Таблица 7. Основные категории форм таменьковской посуды.
 1-3 – горшки; 4-5 – миски; 6-7 – кувшиновидные; 8-9 – “гибридные” формы

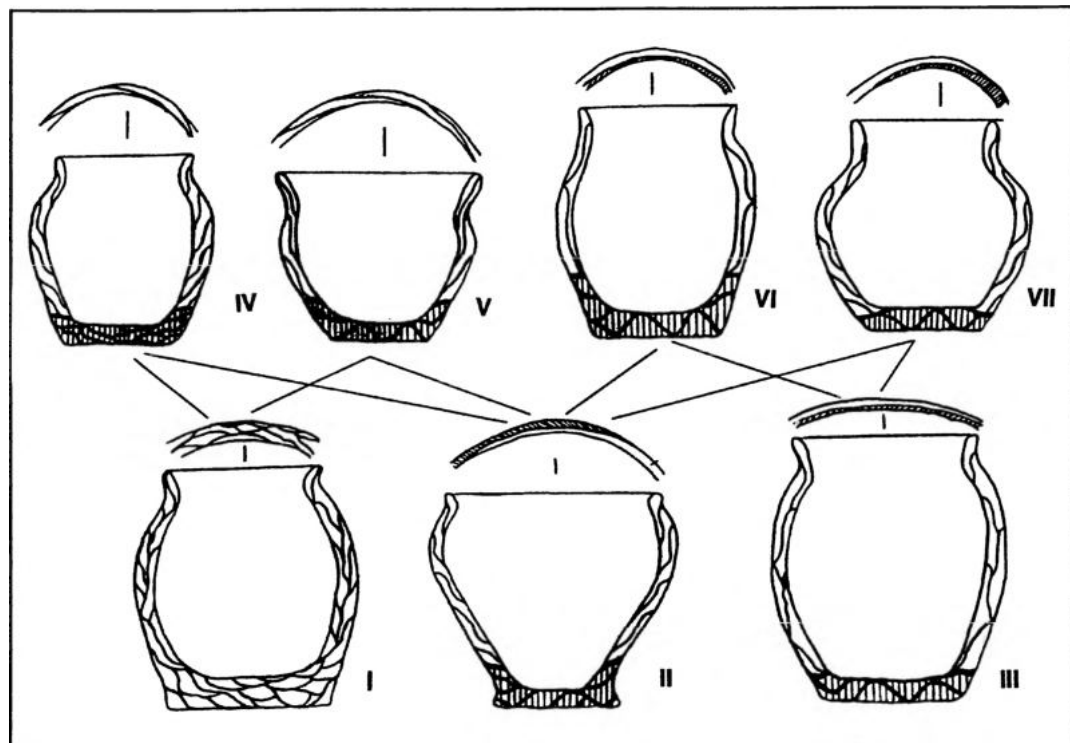

Таблица 8. Схема формирования технологических групп

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (X – XIV ВЕКА Н. Э.)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ (X век – 1236 год)

В VII в. в Приазовье возник союз болгарских племен, известный под названием Великая Болгария. Союз этот был непрочным и недолговечным. Он распался сразу же после смерти его создателя болгарского хана Кубрата во второй половине VII в. После распада Великой Болгарии соседи болгар – хазары – усилили свой натиск на болгарские земли. Болгары оказали им упорное сопротивление, однако потерпели поражение. Часть болгар под предводительством старшего сына Кубрата Батбая покорилась и составила группу подвластных хазарам болгар, позже известных под названием “черные болгары”, что указывало на их подчиненное положение. Память о них до сих пор сохранилась в имени одного из народов центральной части Северного Кавказа – балкарцев. Болгары, не желавшие подчиниться хазарам, бежали из своей страны. Часть их ушла на Дунай, другая переселилась за Дон. Письменные источники ничего не сообщают о переселении болгар на Волгу, но археологические материалы свидетельствуют, что это произошло во второй половине VII в. Именно в это время на Самарской Луке появляются могильники новинковского типа, которые по ряду черт погребального обряда и материальной культуры сближаются с северочерноморскими могильниками VI–VII вв. и, видимо, связаны с протоболгарами (см. выше статью А.В. Богачева и Г.И. Матвеевой). В Ульяновской области исследован Шиловский могильник второй половины VII в., обряд которого указывает на связи с районами Северного Кавказа (Багутдинов Р.С., 1994. С. 6–8). Пришельцы осели в южной части Среднего Поволжья. Впоследствии, в середине или второй половине VIII в., на Волгу хлынула новая волна болгар, которым принадлежали могильники типа Больше-Тарханского и Кайбельского. На протяжении VIII–IX вв. этнический состав населения Среднего Поволжья постепенно усложнялся за счет притока финно-угорских племен из Прикамья и угорских из Приуралья. На рубеже IX и X вв. в Среднем Поволжье возникло государство Волжская Болгария. Оно простиралось от Правобережья р. Камы на севере до Самарской Луки на юге, от верховьев левых притоков р. Свияги на западе до р. Зай на востоке. Уже в X в. в Болгарии возникли крупные города: Болгар, Биляр, Сувар и другие. Между ними шла борьба за главенство, особенно острой эта борьба была между болгарской и суварской знатью. До 976 г. в Болгарии было два политических центра: Булгар и Сувар со своими правителями и монетными дворами. К концу X в. процесс централизации государственной власти завершился: суверенитет Суvara был ликвидирован. В X в. на территории Болгарии оформляются тесные экономические свя-

зи, что привело к сложению сходных форм экономики и ведущих отраслей ремесленного производства. Основу хозяйства составляли пашенное земледелие и мясо-молочное скотоводство. Болгары возделывали плодородные черноземные почвы, освоенные в середине I тысячелетия н. э. именковскими племенами. Орудиями обработки почвы были тяжелый плуг-сабан для поднятия целинных почв и легкая соха с двумя железными сошниками для легких почв. Ведущей системой земледелия была переложная система с применением трехполья. Возделывались пшеница, просо, ячмень, овес.

Скотоводство было пастушеским. Разводили лошадей, а также крупный и мелкий рогатый скот. Значительного развития достигли ремесла. Их продукция не только удовлетворяла внутренние потребности, но и предназначалась для вывоза. Важнейшие отрасли производства уже оформились в ремесла: черную и цветную металлургию и металлообработку, ювелирное, гончарное, косторезное, деревообрабатывающее, кожевенное и др. Большинство ремесленников селились в городах, но были и сельские ремесленники. Уже в X в. большую роль играла внутренняя и внешняя торговля. Купечество составляло значительную часть городского населения. С X в. в Болгарии чеканились серебряные монеты, которые встречаются не только на территории Болгарии, но и на Руси и в Прибалтике. В Болгарии же встречаются монеты западноевропейские. По договору 1006 г. болгарские купцы получили право беспрепятственной торговли в городах Руси. Оживленная торговля развивалась с Востоком. Ежегодно снаряжались караваны в Среднюю Азию и Иран. Развитие экономических связей, распространение единой мусульманской религии, языковая близость различных этнических групп создали предпосылки формирования болгарской народности.

Самарская Лука и бассейн р. Черемшан представляли собой южную окраину Волжской Болгарии. На Самарской Луке в настоящее время известно 55 памятников болгарской культуры домонгольского периода, среди них: два города, 11 городищ, 39 селищ и местонахождений, два могильника и один клад (табл. 1). Бассейн р. Черемшан был довольно густо заселен болгарами. В той части этого бассейна, которая входит в состав Самарской области, выявлено 18 селищ и местонахождений болгарской культуры домонгольского периода.

Впервые болгарские памятники Самарского края привлекли внимание исследователей в XVII в. Академик И.И. Лепехин, в 1768–1772 гг. совершивший путешествие по России, посетил болгарский город, расположенный между селами Валы и Жигули, и составил описание его оборонительных сооружений. Он отметил, что в качестве оборонительных укреплений были умело использованы три оврага, два из которых параллельны, а третий пересекает их: от концов оврагов начинались три высоких вала со рвами. И.И. Лепехин высказал предположение о принадлежности города татарам. В работе упоминается также городище у с. Переволоки (ныне Междуреченское городище) (Лепехин И.И., 1771. С. 336–338, 564).

Сведения о Муромском городке содержатся также в книге другого

участника академических экспедиций академика П.С. Палласа, который называл город "татарским шанцем", состоящим из трех валов со рвами, имеющими несколько верст в окружности. В труде П.С. Палласа упоминается и городище у с. Переволоки (Паллас П.С., 1773. С. 243–245). Сведения о нем содержатся и в записках И.П. Фалька (Полное собрание ученых путешествий по России, 1824. С. 104). В работе К.И. Невоструева, опубликованной в трудах Первого археологического съезда, приводится описание ряда городищ Среднего Поволжья, среди которых упоминается городище Ош-Пандо-Нерь у с. Шелехметь и городище у с. Переволоки (Невоструев К.И., 1871). Тот же памятник отмечен в книге В.Н. Поливанова "Археологическая карта Симбирской губернии" (Поливанов В.Н., 1900).

В 1922–1923 гг. экспедиция Общества археологии, истории, этнографии и естествознания под руководством В. В. Гольмстен произвела обследование отдельных частей Самарской Луки и выявила более 50 памятников разных эпох, свыше 20-ти из которых относились к болгарской культуре домонгольского периода. В 1924 г. В.В. Гольмстен, подводя итоги проведенных исследований, отметила своеобразие Самарской Луки, представлявшей как бы замкнутый уголок Болгарского царства, так как отдельные поселения были разбросаны по ее площади, по краям которой располагались городки в виде укреплений, возведенных на возвышенных местах. Из укрепленных болгарских поселений В.В. Гольмстен упоминает городище на Лысой горе близ с. Моркваши, на горе Манчиха у с. Подгоры и на горе Ош-Пандо-Нерь близ с. Шелехметь. Отмечая небольшие размеры и бедность культурного слоя, В.В. Гольмстен справедливо определяет их как убежища, где во время опасности скрывалось население, обитавшее на открытых селищах, превосходивших городище по площади и мощности культурного слоя (Гольмстен В.В., 1924. С. 167). Дальнейшие работы показали, что из упомянутых городищ только на Ош-Пандо-Нерь встречается болгарская керамика. К числу болгарских памятников В.В. Гольмстен относил селища: Мордова Поляна, Подгорские I и II у с. Подгоры, восемь селищ и местонахождение у с. Сосновый Солонец, два селища у с. Валы, селища на склоне оврага Мочилище между сел Александровка и Моркваши и между деревнями Мордово и Кольцово. Коллекции подъемного материала с этих памятников хранятся в Самарском историко-краеведческом музее.

В другой своей работе В.В. Гольмстен классифицирует керамику поселений Самарской Луки. Она правильно определяет гончарную керамику домонгольского времени, но ошибочно считает ее привозной. К домонгольскому периоду В.В. Гольмстен относит и лепную керамику со шнуровой ornamentацией прикамского происхождения (Гольмстен В.В., 1925а. С. 7).

Особое место среди болгарских памятников Самарской Луки В.В. Гольмстен отводит городу, расположенному между селами Валы и Жигули. В ее работах этот город впервые назван Муромским городком, так как под этим названием он был известен жителям окрестных сел. В.В. Гольмстен отмечает своеобразие его расположения почти на

равном расстоянии от северного и южного краев Самарской Луки, не на возвышенном, а на ровном месте, защищенном оврагами, валами и рвами, охватывающими его кольцом. В отличие от И.И. Лепехина и П.С. Палласа, В.В. Гольмстен говорит не о трех, а о двух валах. Видимо, к 20-м годам XX столетия один из валов уже был уничтожен многолетней вспашкой. Автор подчеркивает большое стратегическое значение Муромского городка. Находясь на южной окраине Болгарского государства, он преграждал подступы к Самарской Луке с запада. В.В. Гольмстен правильно определила культурную принадлежность Муромского городка и датировала его IX–XIII вв., т.е. домонгольским периодом. Уже в результате разведочных работ в 1923 г. В.В. Гольмстен пришла к выводу, что Муромский городок был не только крепостью на южной границе Волжской Болгарии, но и городом с постоянным населением, состоящим из двух частей: внутренней, более густо заселенной и имевшей лучшие постройки, и прогорода, примыкавшего с южной и западной сторон (Гольмстен В.В., 1924). В 1928–1929 гг. экспедиция Общества археологии, истории, этнографии и естествознания под руководством В.В. Гольмстен произвела раскопки Муромского городка. В них приняли участие слушатели Высших этнологическо-археологических курсов. Сначала в западной части города близ внутреннего вала было заложено 6 траншей, соединенных затем в раскоп, который проходил через южную половину курганообразного возвышения, находящегося на валу. К сожалению все планы раскопа были утеряны, поэтому о размерах раскопа и о стратиграфии мы не имеем полного представления. Сохранился только дневник раскопок и фотографии вскрытых каменных зданий.

В результате работ 1928 г. были частично вскрыты два кирпичных здания, примыкавших друг к другу в виде буквы "Г". В качестве строительного материала для фундамента использовались известняковые камни без следов обработки. Стены здания возведены из кирпича размером $25 \times 25 \times 5$ см на глиняном растворе. В 1929 г. исследование зданий было продолжено. При расчистке одного из них было обнаружено два человеческих костяка, лежавших в неестественных позах, с застрявшими в костях наконечниками стрел. Вероятно, это были жертвы татаро-монгольского нашествия, в результате которого в 1236 г. погиб город. Вещи и керамика, найденные во время раскопок, хранятся в областном музее краеведения. Работы В.В. Гольмстен трудно переоценить, так как они позволили не только выявить ряд болгарских памятников, но и определить их культурную принадлежность и правильно датировать. После отъезда В.В. Гольмстен исследования болгарских памятников на территории Самарской Луки прервались на 40 лет.

В 1969 г., с открытием Куйбышевского университета исследование болгарских памятников Самарской Луки было возобновлено. В 1969 г. отряд под руководством И.Б. Васильева обследовал часть Самарской Луки. Был осмотрен Муромский городок, городища Каменная Коза, Ош-Пандо-Нерь, Сосновый Солонец и Подгорское I селище. В 1970–1971 гг. Средневолжской археологической экспедицией Куйбышевского государственного университета под руководством Г.И. Мат-

веевой производились раскопки городища Каменная Коза. За два года было вскрыто 276 кв. м. Собрано шесть разнокультурных типов керамики, среди которых общеполгарская гончарная и лепная прикамского происхождения со шнуровым орнаментом.

В 1971 г. производились раскопки Малорязанского селища, где наряду с материалами городецкой и именьковской культур найдены фрагменты гончарных болгарских сосудов домонгольского периода. В 1973 г. разведочным отрядом под руководством Г.И. Матвеевой выявлено несколько болгарских поселений. Самые крупные из них – Жигулевское и Сосновосолонецкое селище, расположенное рядом с одноименным городищем. Три других селища находились между селами Брусяны и Малая Рязань, между поселком Новый Путь и пристанью Лбище, а также у с. Кольцово.

С 1971 по 1979 г. Средневольтская археологическая экспедиция Куйбышевского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой производила раскопки Муромского городка. Заложено 24 раскопа общей площадью около четырех тысяч кв. м в разных частях города. Исследованы кирпичные здания в северной части внешнего города и в западной части внутреннего города. Прорезан внутренний вал, выявлен ряд производственных сооружений: две медеплавильные печи, два гончарных горна, мастерская медника, найдено несколько орудий ювелира и т. д. Исследованы остатки деревянных и глинобитных жилищ, собран богатый материал, характеризующий экономику, торговые и культурные связи, военное дело и другие сферы жизни и деятельности болгар.

В 1973–1976 гг. отрядом совместной экспедиции Куйбышевского государственного университета и областного музея краеведения под руководством Р.М. Юнусовой (Ключниковой) исследован мусульманский могильник, расположенный к югу от Муромского городка. Вскрыто около 50 погребений. Было исследовано несколько погребений и в другом мусульманском могильнике, находящемся к западу от Муромского городка.

В 1973 г. отряд Средневольтской археологической экспедиции Куйбышевского государственного университета под руководством И.Н. Мажановой обследовал болгарские поселения у с. Подгоры. В том же году жителями с. Подгоры был найден клад болгарских вещей: сосуд-кружка и три серебряных витых браслета. Вещи из клада были переданы в областной музей краеведения.

В 1987–1989 гг. обследование Самарской Луки было продолжено отрядом Средневольтской археологической экспедиции Куйбышевского университета под руководством Э.Л. Дубмана и отрядом экспедиции Куйбышевского пединститута под руководством В.И. Пестриковой. Первый обследовал восточную часть Самарской Луки, второй – западную. Отрядом под руководством Э.Л. Дубмана было обследовано 14 болгарских селищ, некоторые из них (Жуков овраг I, II, селище у устья Усинское I) ранее не были известны. Осмотрены городища: Белая Гора, Манчиха, Ош-Пандо-Нерь.

Отряд под руководством В.И. Пестриковой обследовал восемь селищ и местонахождений (два селища у с. Сосновый Солонец, местона-

хождение и два селища у с. Осиновка, два селища у пос. Красный Пахарь и одно у пос. Новый Путь. Среди перечисленных поселений имеются ранее неизвестные, впервые выявленные отрядом (селище у пос. Красный Пахарь). В 1989–1990 годах САЭ исследовала Междуреченское городище.

В 1992 г. проводилась инвентаризация памятников Самарской Луки. Было проверено состояние всех ныне известных памятников, в том числе болгарских домонгольского периода. В том же году отрядом под руководством А.Ф. Кочкиной открыты три болгарских селища у Муромского городка. В 1994–1995 гг. отряд под руководством А.Ф. Кочкиной произвел раскопки в северной части Муромского городка.

Самарская Лука была прекрасно защищена самой природой, будучи окруженной с трех сторон петлей Волги и изрезанной оврагами, представлявшими собой естественные оборонительные линии. Вершины Жигулевских гор могли служить наблюдательными пунктами, откуда открывался широкий обзор на окружающую местность. Наконец, леса и овраги являлись надежными укрытиями на случай вражеского нашествия. Вместе с тем, природные условия Самарской Луки были исключительно благоприятными для развития хозяйства. Широкие волжские поймы служили прекрасными пастбищами и покосами, а террасы были пригодны для земледелия. Волга изобиловала рыбой, леса – зверьем, птицей, грибами и ягодами. В силу этих причин именно с Самарской Луки и началось заселение Поволжья болгарами, и уже в X в. она играла весьма существенную роль в жизни Болгарского царства. Опасаясь нападения кочевников, болгары не решались селиться к югу и западу от Самарской Луки. Южнее ее известно только одно болгарское селище на левобережье Волги, недалеко от устья р. Самары, на территории г. Самары.

Неукрепленные селища составляют самую многочисленную категорию памятников (табл. 1). Они располагаются на надпойменных террасах Волги, главным образом, в южной части Самарской Луки, однако имеются поселения и во внутренних районах Луки, удаленных от Волги, располагающиеся на пологих южных склонах небольших возвышенностей, а также у оврагов, по которым протекают ручьи или небольшие речки. Очень часто места расположения именковских и болгарских поселений совпадают, что объясняется не только сходством основных отраслей хозяйства, но и, возможно, тем, что именковские племена являлись одним из компонентов этнического состава населения Волжской Болгарии. Среди селищ есть очень крупные, например, Жигулевское, находящееся на территории дачного массива нефтяников г. Жигулевска.

Городища расположены по периметру Луки по берегам Волги, но есть отдельные городища и в глубине Луки (табл. 1). Культурный слой с болгарской керамикой выявлен только на городищах Каменная Коза, Ош-Пандо-Нерь и Междуреченское. На других городищах он не обнаружен. Однако скопление болгарских селищ вокруг городищ указывает на использование последних в качестве убежищ болгарским населением. Болгары углубляли заплывшие рвы городищ, возникших в раннем железном веке, подсыпали валы, сооружали частоколы.

Кроме селищ и городищ, на Самарской Луке расположен один из крупнейших городов Волжской Болгарии, средневековое название которого не известно. В литературу он вошел под названием Муромского городка. Это название дано ему населением окрестных сел, которое связывает город с легендарными "муромцами", якобы жившими в нем. С момента возникновения Муромский городок играл роль важного стратегического пункта на южной границе Болгарского государства. Город был основан не на возвышенности, а в низине, и поэтому издалека он почти незаметен. В непосредственной близости к западу от города имеется возвышенность, с которой открывается вид на окрестности.

При строительстве оборонительных сооружений использовались отроги Яблоневого оврага. Валы и рвы смыкались с их концами. Подобное использование в оборонительных целях оврагов характерно для многих городов Волжской Болгарии (Болгар, Биляр и др.). Для города было выбрано место, где близко подходят друг к другу два крупнейших оврага: Яблоневый, выходящий к Волге в северной части Самарской Луки, и Сухая Брусяна, идущий к южной ее оконечности. По справедливому замечанию В.В. Гольмстен, эти овраги, прорезавшие Самарскую Луку в меридиональном направлении, представляли собой естественную систему укреплений и закрывали вход на Луку с запада (Гольмстен В.В., 1924).

Муромский городок довольно рано стал важным административным центром на юге Болгарского государства. Географическое положение обеспечило ему роль важного торгового, ремесленного и культурного центра. Видимо, уже в XI в. Муромский городок был одним из важнейших городов Болгарии. Об этом свидетельствуют и размеры города. В XII в. его площадь составляла 150 га, а вместе с пригородами, окрестными селами и слободами свыше 300 га.

Город делился отрогами Яблоневого оврага на три части. Древнейшей частью был внутренний город, защищенный с двух сторон отрогами оврагов. Именно эта часть была наиболее густо заселена. Возникновение этой части города относится к середине X в. Первоначально она была защищена с северо-запада и запада глубоким рвом, который впоследствии был засыпан. Установлено, что рвы без валов были древнейшими оборонительными сооружениями многих городов, например, Болгара. Позднее был возведен вал со рвом. Почти одновременно с внутренним городом была заселена северная часть внешнего города. Она была защищена с севера оврагом, а с северо-запада — вторым валом и рвом. Позднее возникла южная часть внешнего города. К XII в. она была надежно защищена двумя оборонительными линиями, состоявшими из валов и рвов.

Во время раскопок Муромского городка выявлены срубные и глинобитные наземные постройки и землянки. На территории внутреннего города исследованы остатки четырех срубных жилищ с печами, сложенными из камней и глины. Одно из этих жилищ датируется на основании находки стеклянной бусины черного цвета с белыми полосками временем не позднее третьей четверти X в. На территории южной части внешнего города выявлены развалины сго-

ревшего глинобитного жилища. Другое подобное жилище было открыто в западной части внутреннего города. Ни одна из найденных на городище землянок не была жилой постройкой. Одна из них была погребом, другая — производственным сооружением, связанным с металлургией железа. Многочисленны хозяйственные ямы цилиндрической, колоколовидной или грушевидной формы. Некоторые из ям имели ступеньку. Сверху ямы покрывались деревянными крышками, иногда над ними сооружались шалаши из жердей и плетня, обмазанного глиной. Ямы предназначались для хранения зерна, мясных и молочных продуктов и корнеплодов.

Особый интерес представляют здания из кирпича и камня, остатки которых выявлены на Муромском городке. Наиболее полно исследовано здание, расположенное в северной части внешнего города у оврага. Оно имело форму прямоугольника размером 10,8 × 10 м и было ориентировано с северо-востока на юго-запад. Фундамент здания был сложен из крупных подтесанных известняковых камней, местами сменявшихся кирпичом размером от 25 × 25 × 5 до 29 × 29 × 5 см. Сохранившаяся часть стен была сложена из такого же кирпича.

Под полом центральной части здания проходили каналы-дымоходы отопительной системы. Основу отопительной системы составляли два магистральных канала, идущих от топки, пристроенной к зданию с северо-восточной стороны. От магистральных каналов отходили в обе стороны более узкие дымоходные каналы шириной от 25 до 35 см. Стенки дымоходов сложены из подтесанных известняковых камней на глиняном растворе. Подпольная система отопления обычна для каменных и кирпичных построек Болгарии, Средней Азии, Китая и вообще для Востока.

Выход из здания находился в юго-западной стене и был обращен к оврагу. Вниз к воде вели ступени, сложенные из известняковых глин. Пол, сохранившийся в западной части здания, был сложен из кирпича и покрыт слоем известково-алебастрового водонепроницаемого раствора. По своей конструкции и планировке здание аналогично исследованному в Биляре кирпичному сооружению, которое С.С. Айдаров и А.Х. Халиков определяли как караван-сарай (Айдаров С.С., 1976. С. 102, рис. 55). С подобной интерпретацией билярского здания трудно согласиться. Видимо, оно, как и вышеописанное здание Муромского городка, было баней. О подобном назначении обоих зданий свидетельствует разветвленная система дымоходов, наличие топок, вынесенных за пределы сооружений, облицовка полов алебастрово-известковым раствором, близость здания на Муромском городке к оврагу, по дну которого протекал ручей, и наличие двух колодцев рядом с билярским зданием, наконец, находка обломков глиняной водопроводной трубы в здании Муромского городка.

В архитектуре и строительной технике здания, исследованного на Муромском городке, проявляются черты, характерные для Средней Азии IX–X вв., до завоевания ее в XI в. турками-сельджуками: квадратная планировка, подпольная система отопления, применение крупномерного квадратного кирпича, использование скрепляющего глини-

стого раствора. Есть и некоторые особенности здания Муромского городка, отличающие его от других аналогичных построек Волжской Болгарии домонгольского периода: отсутствие антисейсмических приемов в строительстве (расширяющихся к подошве фундаментов и глиняных подушек), а также широкое использование в качестве строительного материала известняка.

Частично исследованное здание в западной части внутреннего города близко по конструкции вышеописанному. Однако при его строительстве использовался кирпич меньших размеров ($25 \times 25 \times 5$; $24 \times 24 \times 5$ см). Это свидетельствует о более позднем времени постройки данного здания. Видимо, оно относится к XII в.

Муромский городок был крупным ремесленным центром Волжской Болгарии. В нем, как и в других крупных болгарских городах, обнаружены следы металлургического, кузнечного, медеплавильного, ювелирного, гончарного, косторезного, деревообрабатывающего и других производств.

Ведущее место занимали металлургия и металлообработка. В качестве сырья для получения кричного железа болгары использовали болотную руду. Топливом при сыродутном процессе служил древесный уголь. Углевыхигательные ямы исследованы на Муромском городке. В западной части внутреннего города было сосредоточено металлургическое производство. Здесь было обнаружено свыше 400 кусков железного шлака и несколько железных криц. Выявлены небольшие печки и жаровни для просушивания руды. Исследованы кузницы. Вероятно, одной из них была глубокая землянка с печью. Найдены кузнечные молоты, а также изделия болгарских кузнецов.

В западной части внутреннего города также исследованы две медеплавильные печи (табл. 7). Одна из них, куполообразная, была загружена углем и медной рудой, в яме под печью найдены обломки толсто-стенных сосудов-тиглей. Вторая печь цилиндрической формы, сложенная из глины и известняковых камней, имела в средней части отверстие для глиняных сопел. Возможно, эта печь использовалась и как железоделательный горн.

Неподалеку от медеплавильных печей находилась мастерская медника, где обнаружен развал печи, обрезки листовой меди, обломки медного сосуда, железная кубическая гирилка-разновеска, чуть поодаль сосуд из медного листа цилиндрической формы и матрица для изготовления шариков из медного листа или золотой фольги. Ассортимент изделий медников довольно широк: посуда, чашечка весов, умбоны для щитов, браслеты, перстни и т. д.

Высокого развития достигла деревообработка. Видимо, уже произошло разделение плотничьего и столярного ремесел. Многочисленны находки деревообрабатывающих орудий: топоры, тесла, скобели, долота, стамески, сохранилось дно деревянного ларя и кружок-крышка или дно бочонка. Было развито и косторезное ремесло. Найдены распиленные рога, заготовки и готовые костяные изделия: гребни, петли от колчанов, застежки пут, наконечники стрел, навершия плетей, рукоятки ножей и т. д.

Одним из самых развитых ремесленных производств было гончарство. На Муромском городке обнаружено два гончарных горна. Один из них расположен у вала, отделявшего внутренний город от внешнего. Сохранилась только углубленная в материк топочная камера, стенки которой были сложены из кирпича и обмазаны глиной. Камера имела квадратную форму и была разделена на три части. В средней части проходил центральный канал, по обеим сторонам от него были сложены возвышения – платформы, на каждой из которых располагалось по пять опорных столбов. Горн, видимо, был предназначен для обжига кирпича. Скорее всего, в нем обжигался кирпич для строительства расположенных поблизости кирпичных зданий, исследованных в 20-х годах В.В. Гольмстен. Аналогичные горны исследованы в Крыму (Якобсон А.Л., 1979), Средней Азии (Архаров И., 1962. С. 80–86; Лунина С.Б., 1958. С. 349–365; Шарахимов Ш., 1974. С. 84–89) и в Волжской Болгарии (Смирнов К.А., 1962. С. 90–92), а также в золотоордынских городах Нижнего Поволжья (Гусева Т.В., 1974. С. 125–141).

Второй горн круглой формы был обнаружен в юго-восточной части внешнего города. Сохранились нижняя часть обжигательной камеры и топочная камера, углубленная в толщу почвенного слоя и материка. В центре топочной камеры находился опорный столб, округлой в плане формы, сложенный из кирпича. На него опиралась горизонтальная перегородка, отделявшая топочную камеру от обжигательной. В перегородке имелось 11 отверстий-продухов. Горн был предназначен для обжига посуды.

Продукция гончаров – глиняная гончарная посуда (табл. 2) – представляет самую многочисленную категорию находок. Она сформована из местных глин двух видов: ожелезненных коричневых и неожелезненных. В зависимости от обжига сосуда имеют красный, желтый или коричневый цвет. Посуда делится на тарную, кухонную и столовую. К тарной относятся корчаги, к кухонной – горшки и котлы, к столовой – кувшины, кружки, миски, блюда и чаши. Сосуды обычно украшены орнаментом. Преобладает линейный, волнистый и зубчатый орнамент, но встречаются сосуды со сложным орнаментом в виде фасок и завитков. Внешняя поверхность большинства сосудов покрыта полосчатым лощением: вертикальным, горизонтальным или сетчатым. Встречаются зооморфные ручки сосудов. На 32 днищах обнаружены клейма. Клеймение сосудов было распространено в Волжской Болгарии, на Руси, в Подонье, а также в Дунайской Болгарии, у славяно-аварских племен Паннонии и у других средневековых народов Европы. Самым распространенным клеймом был знак в виде буквы “Т” с отростком с правой или левой стороны. Интересен тот факт, что этот знак обнаружен на днищах сосудов из славяно-аварских могильников Паннонии. Среди гончарных сосудов имеются экземпляры, покрытые поливой, зелено-вато-коричневого цвета. Установлено, что эта керамика изготавливалась в Волжской Болгарии. Кроме гончарной керамики, на Муромском городке обнаружено несколько групп лепной посуды, связанных с различными этническими группами, обитавшими в городке. Одну из них составляют горшковидные сосуды с примесью шамота и навоза, боль-

шей частью без орнамента, иногда венчики украшены защипами. Данная посуда близка к керамике могильников новинковского типа. Подобная посуда встречена и на салтово-маяцких поселениях и в могильниках Подонья, а также в Больше-Тарханском могильнике. Другую группу составляют круглодонные сосуды с горловинами цилиндрической формы, украшенные многорядными отпечатками шнура. Сосуды содержат примесь дробленой раковины. Подобная посуда встречается почти на всех болгарских памятниках домонгольского периода. Найдена она и в раннеболгарских могильниках: Больше-Тарханском и Танкевском. Посуда этой группы имеет прикамское происхождение. Ее появление в Волжской Болгарии связано с притоком прикамского населения в Среднее Поволжье.

Еще одну многочисленную группу составляют круглодонные сосуды с волнистым орнаментом, содержащие примесь шамота. Сосуды этой группы встречены главным образом в южной, наиболее поздней части внешнего города. По мнению Т.А.Хлебниковой, эта посуда имеет казахстанское происхождение (Хлебникова Т.А., 1984, С.120).

Особую группу составляют лепные котлы с выступающими над краем ручками полуовальной формы. Найдены лепные крышки сосудов с длинными пестикообразными ручками. Они относятся к раннему периоду существования города.

Обнаружены также фрагменты сосудов с примесью песка с отогнутым венчиком, край которого загнут внутрь. Сохранившиеся части тулова покрыты рядами пунктирных линий, нанесенных штампом — колесиком или линейным орнаментом. Этот тип посуды был широко распространен в русских поселениях домонгольского времени. Подобные сосуды найдены в Суздале, Владимире, Москве, Городец.

Находки на Муромском городке различных групп лепной посуды свидетельствуют об обитании в городе разных по происхождению и языку групп населения: пришельцев из Подонья, Прикамья, Казахстана и Руси. Столь пестрый этнический состав характерен и для других городов Волжской Болгарии. Видимо, вплоть до XIII в. все эти группы еще сохраняли свое этническое самосознание, особенности своей материальной и духовной культуры, а, возможно, и язык.

Население было неоднородным и по социальному составу. Значительную часть его составляли ремесленники: металлурги, кузнецы, гончары, ювелиры, косторезы, кожевники, плотники и другие. Местом сосредоточения ремесленного люда была западная часть внутреннего города, где были обнаружены медеплавильные печи, огромное количество железных шлаков, свидетельствующее о близости расположения железоделательных горнов, инструменты ювелиров, гончарный горн для обжига кирпича. Видимо, в непосредственной близости от мастерских находились и жилища ремесленников.

Ремесленники жили и в других районах города, например, в южной его части, где был найден гончарный горн для обжига посуды.

Продукция муромских ремесленников весьма разнообразна. Особенно многочисленны железные изделия: топоры (табл. 3, 4, 6), тесла (табл. 3, 7, 8), наральники (табл. 3, 5), долота (табл. 3, 3), кузнеч-

ные молоты (табл. 3, 1), серпы (табл. 4, 1), косы (табл. 4, 5) (табл. 4, 6-13), копыя (табл. 5, 2-5), наконечники стрел (табл. 5, 9-17), чеснок (табл. 5, 8).

О пребывании на территории города торговцев свидетельствуют находки привозной глазурированной посуды кавказского, среднеазиатского, иранского производства, деталей безменов, а также гирек-разновесок. Торговля осуществлялась не только с востоком, но и с западом. Не случайно на городище встречаются фрагменты русских и византийских стеклянных браслетов, шиферные пряслица, изготовленные в славянском городе Овруче, прибалтийский янтарь, найден германский динарий XI в.

Большинство рядового населения Муромского городка занималось земледелием, скотоводством и различными промыслами. Недаром на территории города встречено много земледельческих орудий (косы-горбуши, серпы, плужные резак и лемехи, наральники, мотыги). Анализ костей животных, найденных на городище, позволил выяснить, что его обитатели разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Костей свиньи не найдено, так как население городов в основном состояло из мусульман. Сельскохозяйственную продукцию горожанам поставляли и обитатели окрестных сел в обмен на ремесленную продукцию. Существенную роль в жизни населения Муромского городка играло рыболовство. Обнаружены многочисленные кости рыб и орудия лова рыбы: грузила, железные крючки. Находки костей диких животных свидетельствуют об охоте.

Определенный процент населения составляли мусульманские священники-муллы и феодальная знать, жившая в кирпичных зданиях. Здания-жилища знати пока не выявлены, как и мечети.

К югу и западу от города располагались два больших мусульманских могильника, где погребались умершие обитатели города. В большинстве исследованных могил четко прослеживается строгое соблюдение канонов мусульманской религии.

Муромский городок стал одной из первых жертв татаро-монгольского нашествия: он погиб в 1236 г. и больше не восстанавливался.

Другим довольно крупным поселением, возможно, городом было Междуреченское городище, расположенное в 2,5 км от г. Междуреченска, между селами Переволоки и Печерское в районе Волго-Усинского водораздела. С запада и востока площадка городища ограничена оврагами, с севера защищена валом и рвом. Концы рвов соединялись с оврагами. Площадка городища имела четырехугольную форму размером 600 × 400 м. Кроме основной северной части укреплений отдельные участки оборонительного вала прослеживались вдоль западного предовражного участка. В юго-западном углу площадки отчетливо видны остатки вала высотой 0,5-0,7 м, в основу которого положена деревянная конструкция типа клетей, а поверхность облицована обожженной глиной. Вал защищал небольшой участок площадки четырехугольной формы, условно называемой "цитаделью".

Жилых построек на городище не обнаружено, но выявлено 27 ям различных размеров и конструкций, а также два очага. В северо-запад-

ной части городища выявлены остатки каменной постройки неизвестного назначения. Исследован колодец. Самым многочисленным материалом является керамика. Анализ керамики позволил сделать вывод о сложном этническом составе населения городища. Основную массу посуды составляет группа "общеболгарской" керамики – продукции болгарского ремесленного производства. Преобладают сосуды коричневого цвета. Основные категории посуды: горшки, корчаги, миски, чаши, кружки (табл. 2). Орнамент линейный, волнистый. В качестве сырья для изготовления посуды использовались ожелезненные глины, в основном пластичные и среднепластичные (Васильева И.Н., 1993б. С. 236). Кроме гончарной болгарской керамики найдено несколько групп посуды, изготовленной без применения гончарного круга. В небольшом количестве была представлена посуда с примесью шамота и органики. Сосуды имели горшковидную форму и были орнаментированы защипами по венчику. Данная керамика представлена на большинстве болгарских памятников домонгольского периода. Две другие группы лепной керамики представлены круглодонными сосудами с цилиндрической горловиной, содержащими примесь дробленой раковины. Аналогии этой керамики находятся в Прикамье и Приуралье. Присутствие ее на Междуреченском городище свидетельствует об обитании на нем финно-угорских племен, которым она принадлежала. Все три названных группы посуды были распространены на болгарских памятниках только в домонгольский период. Одну из групп керамики составляют сосуды, изготовленные вручную или с применением гончарного круга из высокопластичной ожелезненной глины с примесью дресвы и органики, находящие аналогии среди русской керамики XIII–XIV вв. На раскопе, заложенном в прибрежной части городища, керамика данной группы составляла 76% всей найденной на раскопе керамики. Это свидетельствует об обитании в этой части поселения русских, вероятно, это были пленные, насильственно переселенные в Среднее Поволжье вскоре после монгольских походов в русские княжества. На городище русские селились компактно в прибрежной его части (Васильева И.Н., 1995. С. 245).

Кроме русской керамики, на городище обнаружена мордовская посуда, находящая аналогии в Барбашином, Муранском и Усинском могильниках. Видимо, кроме русских на городище было представлено и мордовское население.

Судя по находкам прикамской и приуральской керамики, городище возникло в домонгольский период. Находки русской и мордовской посуды свидетельствуют о существовании его и в золотоордынскую эпоху. Подобная датировка подтверждается вещевым материалом. Ранняя дата определяется находкой наконечника стрелы XI в., поздняя – находкой фрагмента чугунного котла. Известно, что чугун появляется на Руси и в Волжской Болгарии в XIV в. Междуреченское городище было крупным торгово-ремесленным центром, игравшим роль важного стратегического пункта на западе Самарской Луки. Памятники бассейна р. Черемшан до сих пор остаются неизученными.

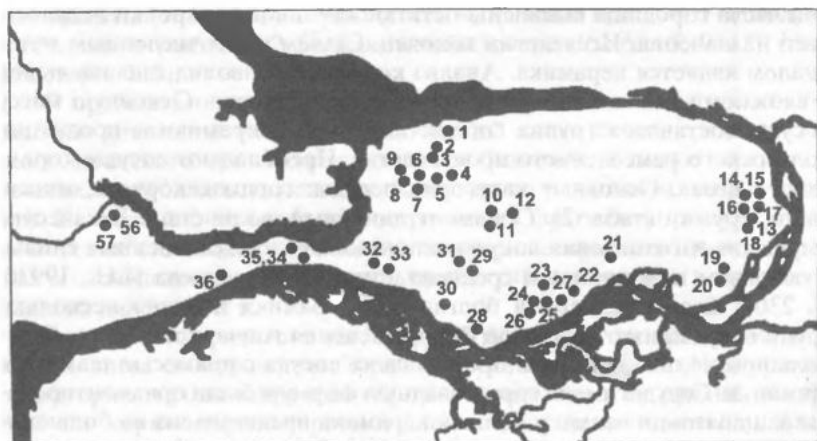

Таблица 1. Памятники болгарской культуры домонгольского времени на Самарской Луке. (Номера памятников соответствуют Приложению 1)

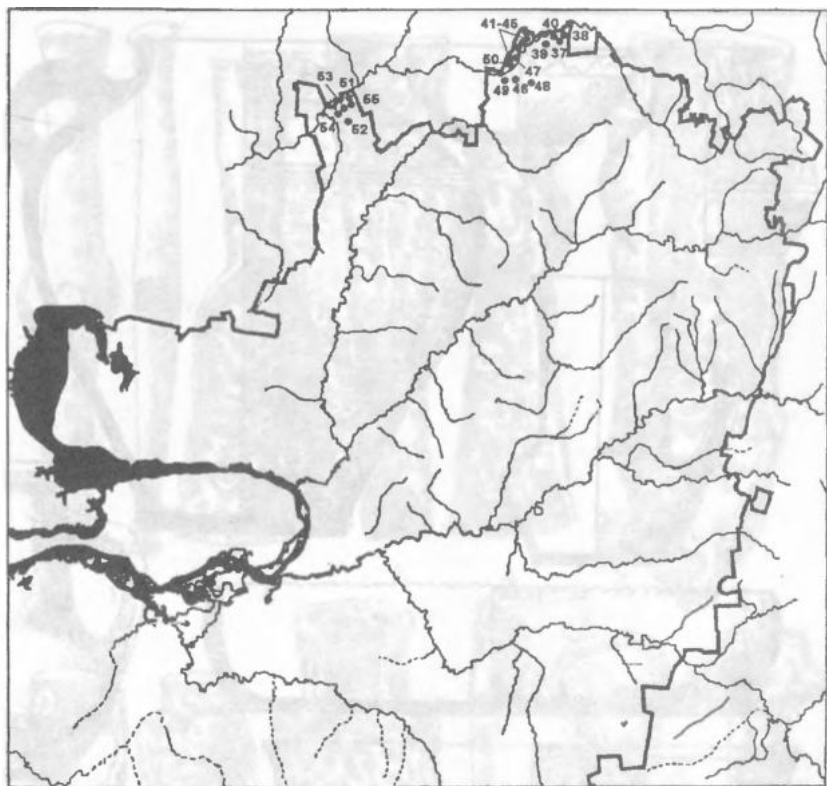

Таблица 1а. Памятники болгарской культуры домонгольского времени на севере Самарской области. (Нумерация памятников соответствует списку памятников в Приложении)

Таблица 2. Гончарная посуда Муромского городка.

1 – кувшин; 2 – миска; 3–6, 8 – кружки; 4 – корчага; 5, 9 – чаши; 7 – чаша-трипад

Таблица 3. Железные изделия с Муромского городка.

1 – кузнечный молот; 2, 8 – тесла; 3 – долото; 4, 6 – топоры; 5 – паравышки; 7 – тесло-мотыжка. 1–8 – железо

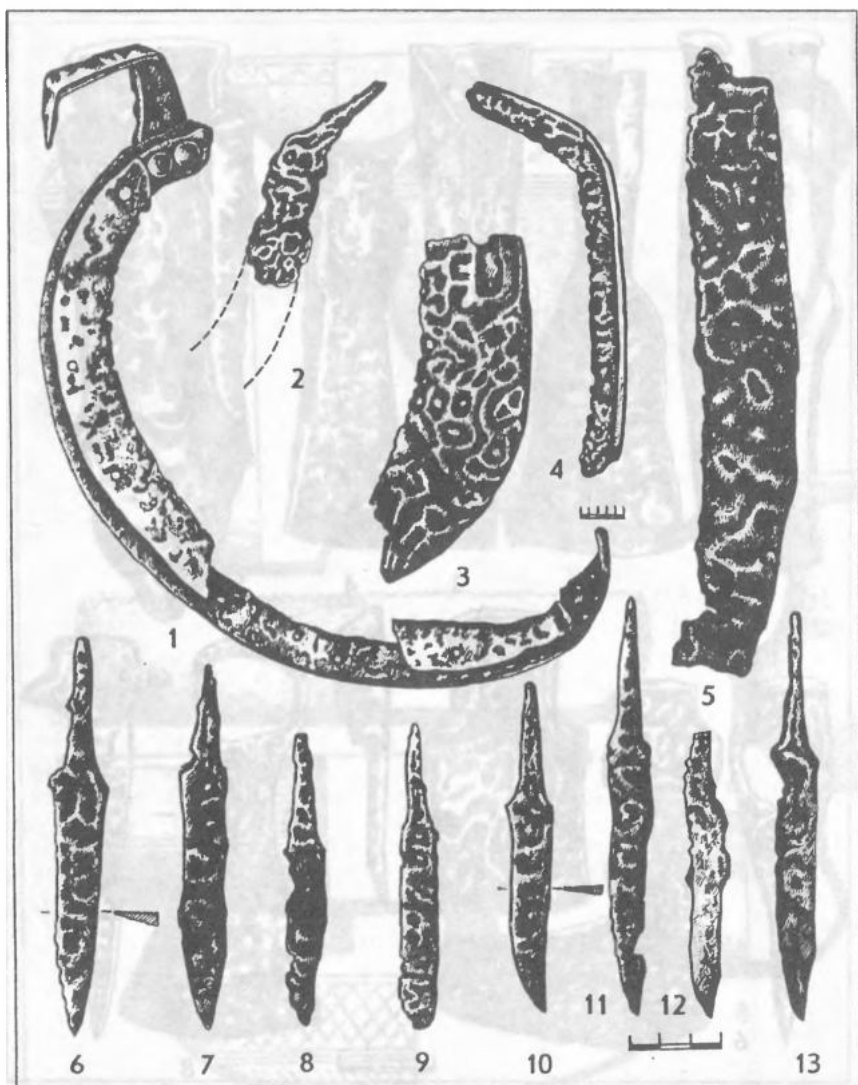

Таблица 4. Железные изделия с Муромского городка.

1, 2 – серпы; 3–5 – обломки кос-горбуш; 6–13 – ножи

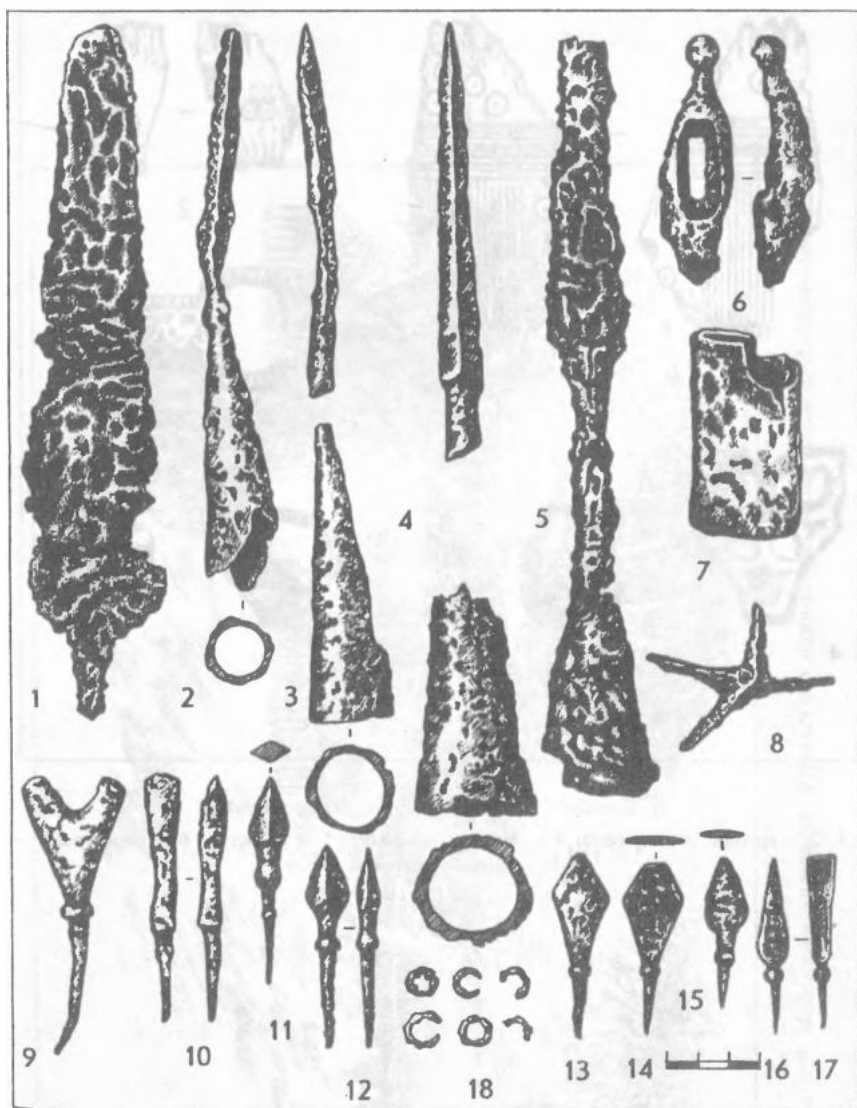

Таблица 5. Железные изделия с Муромского городка.

1 – нож; 2–5 – копья-пики; 6 – перекрестие сабли; 7 – наконечник ножен; 8 – чеснок;
9–17 – наконечники стрел; 18 – колечки от кольчуги

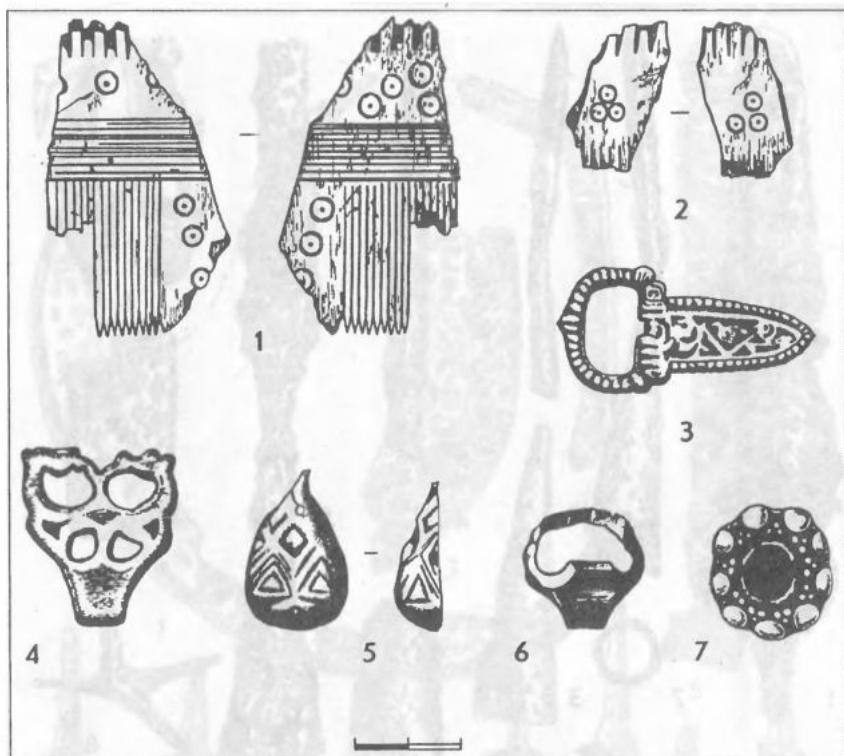

Таблица 6. Находки с Муромского городка.

1, 2 – гребни; 3 – пряжка; 4 – поясная накладка; 5 – подвеска; 6 – перстень; 7 – щиток от перстня

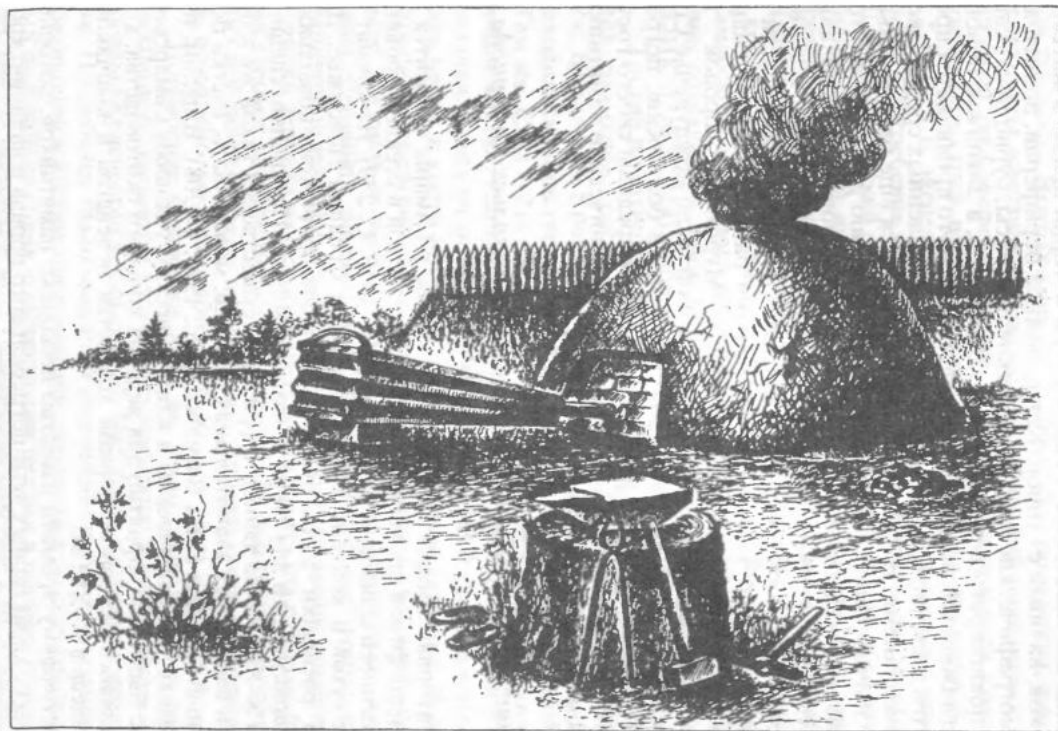

Таблица 7. Медноплавильная печь Муромского городка (реконструкция Ю.А. Семькина)

ВОЛЖСКАЯ ПЕЧЕНЕГИЯ И ПОЛОВЦЫ (X — XIII века)

В средние века степные районы Самарского Заволжья были северной периферией огромной территории, через которую проходили на запад все известные в евразийской истории волны азиатских кочевников, начиная с гуннов. Как на всякой периферии, политические, демографические и экономические процессы, бурно протекавшие в основном регионе расселения кочевников, в Заволжье приобретали сглаженный характер. Археологически это проявляется прежде всего в малочисленности памятников, оставленных средневековыми кочевниками. В X — начале XIII в. появился еще один важный фактор, значительно повлиявший на демографию данной территории, а именно — образование сильного централизованного феодального государства волжских болгар. Средоточие городов и поселений болгар располагалось севернее: в пределах Ульяновской области и Татарстана. Плотным заселенным болгарами районом была Самарская Лука, где находился город-крепость “Муромский городок”. В Заволжье буферной или “нейтральной” зоной было междуречье Сока и Самары, где, по-видимому, патрулировали болгарские пограничные отряды, не допускавшие кочевников в пределы своего государства. Во всяком случае, все известные кочевнические памятники этого времени найдены южнее р. Самары.

1. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье

Территория Самарского Заволжья южнее р. Самары относится к одной ландшафтной провинции — южнолесостепной и степной провинции Низменного Заволжья (Милюков Ф.Н., 1953. С. 239). Ее климат — наиболее сухой и континентальный во всем Среднем Поволжье. До массовой распахки здесь была разнотравно-кыпчаково-ковыльная степь с характерным для степи животным миром. По мнению специалистов, в X—XIII вв. на данной территории существовал такой же климат, как и сейчас, без значительных отличий, может быть, слегка более аридный (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. С. 208). В целом, по своим физико-географическим и климатическим условиям Самарское Заволжье было благоприятно для ведения кочевого скотоводства, которое являлось основной формой хозяйства печенегов и кыпчаков, живших здесь в X—XIII вв.

К настоящему времени известно несколько памятников, которые по комплексу характерных черт погребального обряда и наличию хронологически определенных типов вещей в них, могут быть отнесены к печенежскому периоду истории Заволжья и датированы X—XI вв. (табл. 1).

Один из них был найден полуразрушенным на р. Вязовка у с. Александровка (бывшая Столыпинка) Пугачевского уезда в 1923 г. и ис-

следован В. В. Гольмстен (Васильева И.Н., 1979. С. 216–217). Погребение человека было совершено под курганом, в могильной яме вытянуто-овальных очертаний. Костяк лежал на спине, головой на запад. К северу от него (слева) на ступеньке в анатомическом порядке были разложены череп и кости ног коня. Голова коня была обращена также на запад. Передние и задние ноги расположены в порядке нахождения их при туловище. В зубах коня находились железные удила, а через ноги перекинута железная стремяна. Погребальный инвентарь состоял из остатков лука, железного ножа, поясной пряжки и пяти железных наконечников стрел, из которых сохранилось лишь два (табл. 3, 1–5).

В 1924 г. экспедицией В. В. Гольмстен было исследовано разрушенное погребение кочевника в кургане 8 у с. *Воскресенка* Самарского уезда (Волжский район). Сведений о погребальном обряде не сохранилось. Вещевой инвентарь, сопровождавший умершего, состоял из трехгранного наконечника стрелы, белых пастовых бус, серебряных и бронзовых “поделок”, железного кольца, обломков железных пластин и костяных накладок на лук. Из вышеприведенного перечня в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина сохранились лишь четыре костяных накладки на лук (Фонды СОИМК, № 52/213) (табл. 8, 1–4).

Третий памятник этого круга представлял собой курган небольших размеров, расположенный в могильнике эпохи бронзы у пос. *Кировский* Красноармейского района. Под курганной насыпью находилась единственная могильная яма подпрямоугольной формы (Там же. С. 217–218). На дне ямы, выстланном березовыми ветвями, лежал костяк человека в вытянутом на спине положении, головой на запад. К югу от погребенного (справа) также на дне ямы, находились череп и кости ног коня в анатомическом порядке. К северу от черепа человеческого скелета в анатомическом порядке лежали четыре крупных позвонка животного. Ниже левой руки, вытянутой вдоль туловища, располагался погребальный инвентарь: железные шарнирные ножницы, железное шило с деревянной рукоятью и половинка зеркала из белого серебристого металла с боковой ручкой-выступом и растительным орнаментом на обратной стороне. На костях ног погребенного прослежены остатки кожи коричневого цвета, возможно, от сапог (табл. 3, 6–9).

Погребение кочевника X–XI вв. было обнаружено в результате раскопок *Волчанского* курганного могильника, относящегося к эпохе бронзы (Красноармейский район). Оно было впущено в древний курган. Погребение было частично разрушено норами грызунов. По сохранившимся костям определяется следующая поза погребенного: он был положен на спину, с вытянутыми руками и ногами, головой на запад. На дне могильной ямы прослежена подстилка из древесной коры. К югу от погребенного (справа) находились кости черепа, лопатки, позвонки, конечности и копыта коня, растащенные грызунами. Погребальный инвентарь включал железное калачевидное кресало, пять железных наконечников стрел, нож, железное кольцо, обломок костяной обкладки колчана, железное стремя, фрагменты двух железных пла-

стин с заклепками от колчана (Васильева И.Н., 1985. С. 173–176) (табл. 4, 2–13).

Погребения, оставленные кочевниками X–XI вв. у сел Александровка, Волчанка, Кировский, расположены компактной группой, южнее р. Чапаевка (табл. 1). Другая группа выявлена в бассейне р. Самары, у сел Покровка, Утевка, Гвардейцы.

Группа курганов средневековых кочевников исследована в 4 км к юго-востоку от с. Покровка Нефтегорского района, южнее р. Самары (Васильева И.Н., 1979. С. 218–219, 233). Пять курганов, принадлежавшие кочевникам, располагались рядом с большим курганным могильником эпохи бронзы. Причем курганы № 14 и № 15, относящиеся по косвенным данным к золотоордынскому периоду, были несколько удалены от основной массы курганов, а курганы № 7, 8, 10 находились рядом с курганами бронзового века. Насыпи средневековых курганов были невелики: диаметром 8–10 м, высотой 0,2–0,3 м, и сложены полностью из земли. В кургане 7 находилась центральная единственная могильная яма овальной формы. На дне лежал костяк человека в вытянутом на спине положении, головой на юго-юго-запад. Конь в погребении отсутствовал. Погребенного сопровождал инвентарь: железные шарнирные ножницы, коррозированный предмет (по-видимому, шило) и украшения – пастовые и металлические бусы, раковина “каури” с отверстием для подвешивания, черный бисер, серебрянная серьга в виде незамкнутого кольца (табл. 4, 1, 14–20). Курган 8 был разграблен. В центре кургана находилась могильная яма подпрямоугольной формы, на дне которой обнаружен череп человека, ориентированный на запад. К северу от него (слева) лежали череп коня, также ориентированный на запад, и кости ног коня. В зубах коня находились железные двухсоставные удила с кольцами по обе стороны челюстей. Они были сильно коррозированны, в силу чего форма точно не восстановлена. Курган 10 содержал одно центральное погребение, совершенное в овальной могильной яме. На дне ее лежал скелет человека в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток. Инвентарь отсутствовал.

В 1972 г. И. Б. Васильевым во время планомерных раскопок в Утевском микрорайоне, направленных на изучение курганов бронзового века, было исследовано несколько погребений средневековых кочевников. В кургане 1 *Утевского III* курганного могильника, расположенного к северу от с. Утевка, у дороги в с. Покровку, найдено впускное погребение, совершенное в погребенной почве в центральной части кургана. Скелет человека лежал в вытянутом на спине положении, головой на юго-юго-восток. Ноги погребенного были сильно искривлены, и, хотя они были вытянуты, их положение напоминало позу “всадника”. На запястьях умершего находились железные браслеты. Между правой кистью и бедром лежали обломки глиняного неорнаментированного сосуда, сделанного без использования гончарного круга. *Утевский IV* курганный могильник расположен недалеко от Утевского III могильника. При раскопках кургана 1, воздвигнутого в эпоху бронзы, было обнаружено впускное погребение 5, находившееся в цен-

тре насыпи кургана. Погребение было частично разрушено. По оставшимся костям удалось реконструировать следующую позу умершего: на спине, головой на юго-юго-запад, правая нога полусогнута (возможна также — “поза всадника”). У таза погребенного лежало железное стремя арочной формы, плохой сохранности, с петельчатой дужкой, высотой 7 см и шириной внизу — 10 см. Около костей правой руки найден железный нож длиной 7 см. Вдоль правой ноги человеческого скелета, рядом со стременем лежали кости ноги коня в анатомическом порядке. Между ног умершего и у его левой ноги находились еще две конечности коня с копытами. *Утевский V* курганный могильник находится в 1 км к северо-востоку от с. Утевка, по дороге в с. Покровка. Он относится к бронзовому веку. В кургане 2, где было обнаружено впускное кочевническое погребение, погребения бронзового века отсутствовали. Однако в центре кургана прослежен значительный грабительский вкоп, который, по-видимому, и разрушил центральное погребение. Погребение кочевника находилось в центре кургана, в погребенной почве. Очертания ямы прослеживались плохо. Умерший лежал в вытянутом на спине положении, головой на север. Кости рук находились на тазовых костях. Череп и верхняя часть туловища не сохранились. Справа от погребенного, в ногах, был обнаружен развал глиняного лепного сосуда, орнаментированного по венчику “жемчужинами”. В 1 м к юго-западу от погребения в погребенной почве имелось погребение собаки или волка, частично разрушенное грызунами. В насыпи кургана были найдены кости других животных (коровы?). Следует отметить, что остатки жертвенной пищи были обнаружены и при раскопках вышеописанных курганов у с. Утевка.

В 1994 г. при раскопках *Гвардейского* курганного могильника В. Н. Мышкиным был исследован интересный кочевнический комплекс в кургане № 29. В насыпи кургана были найдены отдельные кости и сочленения ног животных. В юго-восточном секторе кургана на уровне погребенной почвы было обнаружено сооружение, представляющее собой ограду из деревянных столбов, которая ограничивала центральную подкурганную площадку: четыре столбовых ямы располагались по дуге. Вблизи ограды находилась прямоугольная яма, ориентированная по линии запад — северо-запад — восток — юго-восток. Вдоль ее южной стенки лежал берестяной колчан длиной 70 см, шириной 20 см. Рядом с ним находилась костяная петля: удлиненная пластина с ровным основанием и изогнутой спинкой (тип А-4 по Г. А. Федорову-Давыдову), с одним большим и четырьмя маленькими круглыми отверстиями для ремней. В центре кургана располагалась глубокая четырехугольная могильная яма, на дне которой лежал скелет человека в положении на спине, головой на юго-юго-восток. Правая нога была слабо согнута в колене, левая вытянута. Возле черепа погребенного находились две серьги, сделанные из медной проволоки в виде незамкнутого кольца. В ногах лежали половина таза и мелкие кости животного.

Следует отметить, что в вышеописанных погребениях у сел Утевка и Гвардейцы отсутствуют хронологически определенные вещи. Однако некоторые косвенные признаки указывают на их сходство с чет-

ко датированным комплексом в кургане 7 Покровского могильника: территориальная близость; устойчивая черта погребального обряда — отклонение к югу и, возможно, особое положение ног умершего; а также наличие в могилах глиняных сосудов, довольно редких в кочевнических погребениях. Таким образом, вышеперечисленные погребения относятся нами предположительно к кругу памятников X–XI вв.

Последним открытием в области изучения кочевнических древностей X–XI вв. можно считать результаты раскопок одиночного кургана у с. *Красный Октябрь* Большечерниговского района, в бассейне р. Чагры (Богачев А.В., в печати). Насыпь кургана была земляной и имела следующие размеры: диаметр — 32 м, высоту — 1,23 м. Курган был насыпан в эпоху бронзы, а позднее использовался кочевниками. Они похоронили своих умерших, вырыв для них ямы в центре древнего кургана. Поскольку захоронения совершены в погребенной почве, их очертания и конструкция фиксировались очень плохо. В кургане было исследовано два погребения, относящихся к кругу памятников средневековых кочевников. Погребение 1 было совершено в деревянной колоде, выдолбленной из цельного куска ствола дерева, распиленного пополам. Колода была ориентирована по линии восток–северо-восток — запад — юго-запад. В ней лежал костяк человека в вытянутом на спине положении, головой на запад–северо-запад. Руки были вытянуты вдоль тела, а кисти положены на таз. Скелет частично разрушен. Обращает на себя внимание отсутствие черепа умершего. Ввиду того, что шейные позвонки находились почти вплотную к стенке колоды, можно предполагать, что здесь похоронили человека без головы. Погребенного сопровождали следующие вещи: четыре железных наконечника стрел (два — трехгранные, два — плоские черешковые), железные стремена арочной формы, остатки кожаного изделия и деревянного предмета (седло?) (табл. 5, 1–9). Очертания могильной ямы второго погребения частично удалось проследить. Она имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, сужающуюся к ногам, и размеры: 1,8 × 0,8 м, глубину — 0,25 м. На дне ямы лежал скелет человека в вытянутом на спине положении, головой на запад. Череп умершего также отсутствовал. На грудной клетке погребенного находился череп коня, на котором были найдены предметы конской упряжки: бронзовое кольцо, бронзовые заклепки от ремней, две серебряные бляхи-решмы и железные удила с восьмеркообразным окончанием звеньев. Похороненного воина сопровождали предметы амуниции: 1) берестяной колчан со стрелами лежал между правой рукой и тазом. Верхний его край был стянут и укреплен железной пластиной, в середине находился колчаный железный крючок в виде знака вопроса. Длина колчана около 35 см, ширина — 7 см; 2) в колчане находилось пять железных наконечников стрел, расположенных остриями вверх; 3) железные стремена арочной формы с петельчатой дужкой располагались, как и в первом погребении, возле бедренных костей умершего; рядом со стременами лежало железное кольцо; 4) у запястья левой руки находился фрагмент железной пряжки; 5) у ног погребенного обнаружены бронзовые сердцевидные ременные накладки (6 экз.); 6) у запястья левой руки и ноги

найжены две бронзовые прямоугольные ременные накладки, украшенные ромбическим орнаментом; 7) у кисти правой руки лежали фрагменты сильно коррозированного железного ножа (табл. 6).

Погребальный обряд и вещевой инвентарь вышеописанных кочевнических погребений, исследованных на территории Самарской области, дают основание датировать их X–XI вв. и отнести к печенежско-торческому кругу памятников средневековых кочевников Евразии.

2. Заволжская Печенегия

Факт пребывания печенегов в степях Заволжья и Южного Приуралья, зафиксированный в сочинениях средневековых арабских авторов (Ибн-Фадлан, Аль-Масуди) (Ковалевский А.П., 1956. С. 65; Агаджанов С.Г., 1969. С. 127) и знаменитой книге Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, 1934. С. 16), давно уже не вызывает сомнения у исследователей. Первые российские историки, опираясь на труды названных авторов, вообще трактовали рассматриваемую территорию, как древнюю печенежскую родину (Татищев В.Н., 1952. С. 189; Карамзин Н.М., 1842. С. 87–88). И хотя эта идея не была поддержана последующими исследователями, опиравшимися на более широкий круг письменных источников, как часть печенежской ойкумены степи Волго-Уральского междуречья постоянно фигурируют в трудах современных авторов. Одним из первых на эту тему вполне определенно высказался турецкий историк А. Н. Курат, очертивший, на основании сведений Константина Багрянородного, Гардизи и “Худуд ал-Алем”, границы печенежских кочевий в конце IX – начале X в. “... от города Сарай на Идиле, до реки Самары, включая среднее течение Яика и долины таких рек, как Сакмар и Илек. А в засушливые годы местами летовок становились подножия Уральских гор” (Kurat A.N., 1937. С. 36). Аналогичную карту расселения печенегов рисует С.А.Плетнева, привлекая в качестве иллюстрации результаты картографирования удил без перегиба, которые автор считает типично печенежским элементом (Плетнева С.А., 1958. С. 162). Г. А. Федоров-Давыдов вообще рассматривает степи Заволжья и Нижнего Поволжья, как основной центр расселения печенежско-торческих кочевых племен в X–XI вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 134).

Торки (огузы), печенеги, половцы (кыпчаки) — это родственные по своему происхождению тюркоязычные племена, заселявшие евразийские степи во второй половине I тысячелетия н. э. Исследователи неоднократно подчеркивали, что различить эти народы как исторически, так и археологически очень трудно (Плетнева С.А., 1958. С. 153). В письменных источниках сведения об одном народе переплетаются с данными о другом. Погребальный обряд и вещевой инвентарь обладают значительной однородностью. Только в последние годы, благодаря интенсивному накоплению археологического материала по кочевническим древностям, были предприняты попытки типологическо-территориального разделения печенежских и огузских (торческих) памятников и их локализации в заволжских степях. К решению этой задачи исследователи подходят с разных позиций. Е. В. Шнайдытейн, выделяя в

Нижнем Поволжье 71 погребение огузо-печенежского времени (X–XI вв.), разделяет точку зрения Г. А. Федорова-Давыдова о невозможности типологической дифференциации печенежских и огузских (торческих) погребений, объясняя данное свое предположение быстрым слиянием огузов и печенегов в Нижнем Поволжье в единый народ (Шнайдштейн Е.В., 1985. С. 84). Иной позиции придерживается В. А. Кригер, выделивший из 93 учтенных им в регионе погребений огузо-печенежского времени группу собственно огузских (на основании корреляции таких устойчиво встречающихся признаков, как бронзовые копоушки и стилизованные птицевидные подвески, с остатками конской шкуры, помещенными в засыпи могилы над погребенным), а в более северных, прилегающих к лесостепи, районах – группу преимущественно впускных погребений, одним из характерных признаков которой являются остатки конской шкуры, уложенные на дно могилы рядом с погребенным (по В. А. Кригеру – погребения 2-й группы). Об этнокультурной принадлежности данной группы памятников исследователь осторожно умалчивает (Кригер В.А., 1986. С. 125–127).

В данной работе поддерживается точка зрения В. А. Кригера на выделение огузских погребений Заволжья и Южного Приуралья и ниже обосновывается этнокультурная принадлежность “курганов 2-й группы” на основе результатов сравнительно-статистического анализа погребального обряда курганов X–XI вв. рассматриваемого региона.

Следует подчеркнуть, что курганы, трактуемые В. А. Кригером как огузские, составляют довольно компактную территориально и типологически группу, для которой характерно устойчивое сочетание таких признаков, как впускные захоронения в более ранних насыпях, деревянное поперечное перекрытие над простыми могильными ямами, череп и кости ног коня, уложенные над человеком на перекрытие или в засыпи могилы, бронзовые копоушки и стилизованные птицевидные подвески в составе инвентаря. Большинство этих памятников расположены по левобережью нижней Волги, на территории современных Астраханской (дюна Лапас), Волгоградской (Верхне-Погромное, Киляковка, Заплавное, Эльтон, Ченин, у пос. Ленинск, Средняя Ахтуба, Быково, Кано, совхоз Волжский и др.), отдельные погребения известны на территории Уральской (Саралжин-III), Актюбинской (Болгарка-I, Атапа) и Оренбургской (Увак, Тамар-Уткуль, курган I) областей (табл. 2).

Огузская принадлежность перечисленных памятников, кроме отмеченных В. А. Кригером параллелей деталей их обряда и описания похорон гуза, приведенного Ибн-Фадланом, подтверждается также совпадением ареала их распространения с границами огузских кочевий, обозначенными в сочинениях арабо-персидских авторов X в.: Ибн-Фадлана, Ибн-Хаукаля, Аль-Истахри, Абу-Дулафа, Аль-Масуди, “Худуд ал-Алам”. Судя по этим сообщениям, западная граница огузской ойкумены в X в. проходила по нижнему течению Волги (Атил, Итил, Хазарская река), а в целом “держава огузских ябгу” простиралась по степям между северным Прикаспием и Приаральем.

Вторую группу памятников IX–XI вв. в степном Заволжье и Приуралье составляют курганы, для погребального обряда которых харак-

терны следующие признаки: основные погребения под небольшими земляными насыпями, в простых прямоугольных могилах, с преобладанием западной или юго-западной ориентировки погребенных, хотя изредка встречается и восточная ориентировка, на дне могилы, рядом с человеком (как правило – слева) уложены в анатомическом порядке череп и кости ног коня, в составе погребального инвентаря часты детали поясов или целые поясные наборы, иногда встречаются и глиняные лепные плоскдонные сосуды, стоящие в изголовье.

Ареал рассматриваемых памятников включает в себя Волгоградскую (Рахинка, Верхний Балыклеи, Ново-Никольское, Калиновский), Саратовскую (Ровное, Кураевский сад, Новоузенск, Черная падина), Уральскую (Кара-Су, Кара-Оба, Челкар, Рубежка), Оренбургскую (Ханская Могила, Алебастровая гора, Пчельник, II Кольчевский, Мертвецовский, Яман, Тамар-Уткуль, к. 2) и Самарскую области.

Территориально 2-я группа памятников тяготеет к более северным, прилегающим к лесостепи, районам степной зоны Урало-Поволжья, что соответствует локализации печенегов средневековыми восточными авторами, в частности – Гардизи, который очерчивал территорию печенежских кочевий в 25 днях пути к северу от Хорезмийского озера (Аральское море), между кыпчаками с востока, хаза-рами – с юго-запада и “сакалабами” – с запада (Бартольд В.В., 1897. С. 119–120) (под “сакалабами” в данном случае подразумеваются волжские болгары).

Для установления этнокультурной принадлежности рассматриваемых курганов наиболее выразительным и показательным представляется коэффициент типологического сходства погребального обряда этих курганов и собственно печенежских курганов в южнорусских степях (по С. А. Плетневой – курганы первой группы) (Плетнева С.А., 1981а. С. 218) (Каменка, Саркел, Пески, Колпачки, Горшковка, Мамай, Кырнацены, Ново-Каменка, Николаевка, Букановская, Каиры, Миусский полуостров, Суклея, Бурты и другие – всего учтено 153 опубликованных погребения). Значение коэффициента (C_3), вычисленного на основании данных, приведенных в табл. А, по формуле, предложенной Г. А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1987. С. 143–145), вполне определенно указывает на то, что сравниваемые группы памятников оставлены близким по материальной культуре и, видимо, родственным населением ($C_3 = 0,70$), в данном случае – племенами печенегов. Косвенным образом такое заключение подтверждается значением коэффициента типологического сходства между рассматриваемыми курганами и курганами 1-ой группы волго-уральских степей (огузскими) ($C_3 = 0,41$), а также – значением коэффициента типологического сходства между огузскими курганами и курганами печенегов в южнорусских степях ($C_3 = 0,35$).

Таким образом, сведения средневековых письменных источников (Ибн-Фадлан, Гардизи) и данные археологии позволяют очертить границы Заволжской Печенегии в следующих пределах: на западе – левобережье Волги в пределах современных Самарской и Саратовской областей, на юге – низовья Узеней и Илека, на севере – бассейн Самары

Таблица А
Представительные признаки* погребального обряда
печенегов и огузов X–XI вв. (в %)

№ п/п	Содержание признака	европейские печенеги	заволжские печенеги	огузы
1	Погребения основные	64,0	41,0	20,4
2	Погребения впускные	36,0	59,0	79,6
3	Могила простая	84,3	68,2	45,0
4	Ступенька у северной стенки	12,0	16,0	—
5	Перекрытие на засыпи могилы	—	—	40,6
6	Конь слева от человека**	77,4	48,3	—
7	Конь в засыпи могилы** (над человеком)	14,5	27,2	85,7
8	Сбруя без коня	7,3	8,5	—
9	Ориентировка: З	62,3	47,7	43,0
10	Ориентировка: В	9,0	25,0	—
11	Ориентировка: ЮЗ	14,4	22,7	33,0
12	Ориентировка: СЗ	6,6	—	—
13	Дощатый гроб, колода	21,2	11,3	22,4
14	Глиняные сосуды	23,9	9,0	—
15	Поясные наборы	—	28,8	—
16	Птицевидные подвески	—	—	32,6
17	Копюшки	—	—	26,5
	Всего погребений:	153	52	49

* Об установлении иерархии признаков см. Рычков Н.А., 1982. С. 170—171.

** % высчитывался от общего количества погребений с конями в данной выборке.

и район истоков Демы (табл. 2). В этой связи следует отметить, что отрицание В. В. Бартольдом возможности расселения печенегов в среднем течении Волги (Бартольд В.В., 1973. С. 543) следует теперь рассматривать, как следствие слабой археологической изученности в то время данной территории. Известные же в настоящее время археологические памятники соответствующего типа подтверждают выводы С. А. Плетневой, доводящей северную границу печенежских кочевий в Заволжье до Самарской Луки (Плетнева С.А., 1958. С. 154).

Нуждаются в уточнении хронологические рамки периода пребывания печенегов в Волго-Уральских степях: по мнению С. А. Плетневой, печенеги в Волго-Уральском междуречье кочевали в VIII–IX вв. (Плетнева С.А., 1958. С. 164). Однако исследования В. А. Кригера по хронологизации кочевнических комплексов огузо-печенежского времени в Волго-Уральском междуречье (Кригер В.А., 1985. С. 12), проведенные методом статистического анализа и работы В. А. Иванова определенно показывают, что время возникновения и бытования памятников огузо-печенежского типа в регионе укладывается в период X–XI вв. (по В. А. Кригеру – конец IX – первая половина XI в.). Об этом свидетельствуют соответствующие типы вещей, широко представленные в рассматриваемых памятниках: стрелена яйцевидного контура с высокой

прямоугольной или закругленной петлей, удила с прямыми стержневыми псалиями и удила без перегиба, налобные бляхи-решмы, поясные наборы так называемых позднесалтовских и северокавказских типов, перстни с крупной жуковиной, пряжка сросткинского типа, орнаментированные подвески-бубенчики, плоские наконечники стрел треугольной формы (табл. 7).

Время существования заволжских курганов и их типологическое сходство с погребальными памятниками европейских печенегов определено указывают на то, что Заволжская Печенегия и Печенегия в южнорусских степях представляли собой две одновременно жившие группы печенежских племен. Можно предполагать, что из Приаралья на запад печенежская миграция осуществлялась двумя расходящимися путями: 1) с боями через Хазарию – в южнорусские степи и 2) через степи современного Западного Казахстана – к границам заволжской приуральской лесостепи.

Судя по отсутствию каких-либо достоверных свидетельств о пребывании печенегов в бассейне Эмбы и Урала, песчаные степи Урало-Каспийского коридора эти племена прошли довольно быстро, на первой стадии кочевания (по схеме С. А. Плетневой).

Стремительное продвижение печенегов из Средней Азии в южнорусские степи исследователи традиционно трактуют как следствие длительных войн между ними, с одной стороны, и коалицией кимаков, огузов и карлуков, с другой стороны, за обладание территориями вокруг “моря Джурджан” (Аральского), руководствуясь при этом двумя краткими и, фактически, одновременными сообщениями средневековых авторов: Аль-Масуди, который именно в огузо-печенежских войнах видел причину ухода печенегов из Приаралья (Golden P.B., 1967. С. 59), и Константина Багрянородного, объяснявшего причину миграции печенегов из волго-уральских степей натиском огузов с востока (Константин Багрянородный; 1934. С. 15). В результате, по мнению В. А. Кригера, произошло “...вытеснение огузами в союзе с Хазарским каганатом печенегов из Приаралья и Заволжья в южнорусские степи. Но и сами огузы были вытеснены кыпчаками из Северного Приаралья на запад – в Приуралье и Заволжье. В последующие полтора столетия огузы господствовали в этих землях” (Кригер. В.А., 1985. С. 17).

В качестве иллюстрации упомянутых сообщений об огузо-печенежских войнах в современных исследованиях часто фигурируют предания, изложенные Абу-л-Гази в его “Родословной туркмен”, и сказания огузского героического эпоса “Деде Коркут” (в частности – “Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана”) (Огузский героический эпос, 1962. С. 181–186; Агаджанов С.Г., 1969. С. 130–131). Конечно, саму вероятность войн между огузами и печенегами отрицать трудно, равно как трудно безоговорочно принимать указанные литературные памятники, как исторический источник по данному вопросу. Начнем с того, что в “Песне о том, как был разграблен дом Салор-Казана”, возникшей задолго до написанной в 1660–1661 гг. “Родословной туркмен”, вообще нет никакого указания на этническую принадлежность “гяуров царя Шюкли”, напавших на ставку огузского

предводителя Салор-Казана. Правда, в примечании к переводу сказано, что в данном случае имеется в виду эмир Шекли — предводитель туркменов в Сирии в конце XI в. (Огузский героический эпос, 1962. С. 263). То есть, о печенегах, как об исконных врагах огузских племен, здесь речи вообще не идет.

Еще менее понятную картину мы получаем, обращаясь к упоминаниям Абу-л-Гази об “уруке Бечене”, как о давнем (в течение 5–6 поколений) враге огузов (салорского иля) (Кононов А.Н., 1958. С. 56). Как выясняется из “Родословной туркмен”, Бечене — не этноним, а имя одного из 24 внуков легендарного Огуз-хана (так же, как и имя Салор-хана, главы “салорского иля”) (Там же), то есть ханы Бечене и Салор были двоюродными братьями. Этот факт заслуживает внимания, поскольку авторы X—XI вв. представляют огузов и печенегов (“баджинаков”, “кангаров”) как два разных народа, не говоря ни слова об их возможном этногенетическом родстве. Ханы Салор и Бечене, как и прочие внуки Огуз-хана, каждый имел свой аймак или уруг, которые вместе составляли огузский народ или иль. Уруг, который разрастался, выдвигал государя для всего огузского иля, а остальные уруги присоединялись к правящему уругу, хотя “бывало, что все они враждовали друг с другом, совершая набеги друг на друга, захватывали друг друга в плен” (Там же). В свете сказанного, вражда иля Бечене с илем Салор в большей степени представляется враждой двух огузских родовых группировок, уругов, нежели войной двух кочевых народов — огузов и печенегов.

Следует особо подчеркнуть, что ни один из известных средневековых письменных источников, лежащих в основе большинства современных исследований, не раскрывает ни причин, ни хода огузо-печенежских войн (если они действительно имели место). Столкнувшись с этим обстоятельством, П. Б. Голден пытается объяснить причины миграции огузов и печенегов на запад как следствие “продолжительной войны карлуков и их союзников с уйгурами и, позже, с уйгуро-киргизами в 820–840 гг.”, в результате которой карлуки и огузы, вытесненные из Монголии в Восточный Туркестан, в свою очередь, изгнали печенегов из Восточного Туркестана вначале в Приаралье, а затем далее — в Заволжье и Приуралье (Golden P.B., 1967. P. 59—61).

В. А. Кригер представляет освоение огузами и печенегами степей Южного Приуралья как постепенный процесс, начавшийся с расселения в регионе печенегов в середине — второй половине IX в. По мнению исследователя, это был период временного равновесия сил, когда степи азиатской части Евразии оказались поделенными между огузами, печенегами и кыпчаками, что подтверждается сведениями “Худуд ал-Алем” о расселении перчисленных народов (Кригер В.А., 1985. С. 17).

Однако при реконструкции этнической карты Заволжья и Южного Приуралья следует иметь в виду, что все средневековые письменные источники, содержащие сведения об огузах и печенегах в регионе, составлены не ранее X в. и среди них самыми ранними являются записки Ибн-Фадлана, проезжавшего в 922 г. через кочевья огузов у подножия Северного Устьюрта (горы Чинка) и через кочевья печенегов на бере-

гах озера Шалкар, т. е. севернее огузов (Ковалевский А.П., 1956. С. 125–130). Затем, те же самые сведения о соседстве огузов и печенегов повторяются и у всех последующих авторов X–XIII вв.: Абу-Дюлефа, Истахри, Ибн-Хаукаля, Гардизи, Марвази. Причем, во всех случаях территория расселения огузов очерчивается в следующих пределах: к западу от Мавераннахра, севернее и восточнее Хазарского (Каспийского) моря (Истахри), по рекам Урал и Эмба (Масуди), к югу от реки Рас (Илек) (“Худуд ал-Алем”) (Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939. С. 166, 168, 210). Если наложить эти контуры на археологическую карту волго-уральской степи, то это будет: на западе – Нижняя Волга (которую огузы в X в., по Аль-Масуди, пересекали только зимой по льду, нападая на хазарские крепости), на юге – северная граница Прикаспийской низменности, на севере – низовья Узеней и междуречье Урала и Илека (что вполне согласуется с данными Истахри о р. Итиль, как о границе между Гузией и Каймакией, которую (р. Итиль) О. Караев идентифицирует с р. Иртыш (Караев О., 1968. С. 41). Вполне вероятно, это могла быть р. Урал, берущая начало где-то на востоке за Уральскими горами, “вблизи Хархиза”, а затем выходящая к западу, “по верхнему Булгару”, куда, например, ведет р. Самара, если ее мысленно соединить со средним течением р. Урал.

Ареалы расселения огузов и печенегов в волго-уральских степях вплотную подводят нас к вопросу об огузо-печенежской этнополитической конфедерации как реальном историческом явлении. Само это понятие “огузо-печенежская конфедерация” утвердилось в литературе благодаря выводу С. И. Толстова о распространении власти огузских ябгу в первой половине XI в. на огромной территории от среднего течения Сырдарьи до Дуная; выводу, возникшему, как представляется, в результате несколько формального отношения к сведениям русских летописей XII в., на страницах которых печенеги и огузы (торки) действительно фигурируют вместе. В частности, для доказательства появления огузов у границ Киевской Руси уже в X в., исследователь приводит летописное сообщение об участии торков в совместном с князем Владимиром походе на болгар в 985 г. (Толстов С.И., 1947. С. 84). И хотя в летописи не указано, на каких именно болгар ходил князь Владимир, вероятнее всего — на волжских, поскольку перед этим, в 984 г., “иде Володимир на радимичи... и победи радимиче” (ПСРЛ, 1926. С. 83–84), от которых, как известно, шел прямой путь до волжских болгар по Оке и Волге “на лодиях”.

То обстоятельство, что Владимир взял себе в союзники именно торков (огузов), с точки зрения внешней политики этого князя представляется вполне логичным, поскольку печенеги, кочевавшие в то время у границ Руси, представляли постоянную военную угрозу, с которой Владимиру приходилось бороться на всем протяжении его княжения, тогда как союз с торками-огузами, обитавшими в Заволжье, вблизи Волжской Болгарии, был продолжением внешнеполитической линии его отца — князя Святослава, который в 965 г. вместе с торками уже громил Хазарский каганат.

Однако поход огузов вверх по Волге, “берегом на конех”, еще не

означает их пребывания в это время (в 985 г.) у границ Киевской Руси и, тем более, не является свидетельством того, "...что военно-административная система огузского союза в Восточной Европе и в Средней Азии оказывается тождественной в своих основных звеньях, причем, завершение ее консолидации (включая баюндуров и печенегов) происходит одновременно в обеих областях, т. е., другими словами, огузы Сырдарьи и Восточной Европы до середины XI в. представляли единый союз племен или варварское государство, жившее общей жизнью. Огузский ябгу, резидировавший в Янгикенте, был, по всей видимости, правителем всего этого обширного, хотя, судя по дальнейшим событиям, и не особенно прочно сколоченного политического объединения" (Толстов С.П., 1947. С. 87).

Данному утверждению противоречат результаты сравнительно-типологического анализа археологического материала: прежде всего – это отсутствие выраженных огузских (торческих) погребений X–XI вв. к западу от Волги (Плетнева С.А. 1958. С. 161–162; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 141; Добролюбский А.О., 1986. С. 50–53), свидетельствующее о том, что в это время огузы не играли заметной роли в этнокультурных процессах западных областей Великого Пояса евразийских степей (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 139). Соответственно, этот факт ставит под большое сомнение вероятность участия европейских печенегов в "огузо-печенежской конфедерации". В этом плане гораздо больший интерес представляют курганы X–XI вв. в степях Волго-Уральского региона, относительно которых выше было показано, что коэффициент формально-типологического сходства между огузскими (по В. А. Кригеру – курганы I-й группы) и печенежскими (курганы II-й группы) таков, что не дает оснований настаивать на этнокультурном единстве племен, оставивших рассматриваемые памятники. То есть, несмотря на территориальное соседство, огузы и печенеги Заволжья и Приуралья не смешивались между собой и составляли две самостоятельные этнокультурные группы, тогда как европейские и заволжские печенеги, будучи территориально разобщены, стабильно сохраняли свою этнокультурную общность, проявившуюся в типологической близости погребального обряда и материальной культуры.

Отсюда возникает вопрос, на который при имеющемся корпусе источников трудно дать однозначный ответ: что же представляла собой "огузо-печенежская конфедерация" в волго-уральских степях – две различные по происхождению и этнокультурной принадлежности группы кочевников, объединенные в политическую систему государства присырдарьинских ябгу, или два самостоятельных и независимых этнополитических объединения, поделивших между собой рассматриваемый регион? Судя по постоянным высказываниям об изгнании печенегов огузами из Нижнего Поволжья (М. И. Артамонов, П. Б. Голден) или о господстве огузов в Заволжье и Приуралье (В. А. Кригер), исследователи придерживаются первой позиции, опираясь при этом на сообщение Константина Багрянородного о части печенегов, добровольно оставшихся среди огузов и подчинившихся им (рассказ "об отрезанных руках"), и на сообщение Ибн-Фадлана о бедности приуральских пе-

чегенов по сравнению с огузами. Однако в письменных источниках X – первой половины XI в. о печенегах Волго-Уральского региона содержатся и альтернативные сведения, согласно которым они предстают народом воинственным, богатым, а главное – независимым: Абу-Дюлеф: “...Они завистливы и часто ведут войны между собою... Они нас известили, что их земля простирается к северу до владения славян и что дани никому не платят” (Пантусов Н.Н., 1909. С. 125–126); Гардизи: “...Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия, они носят серебряные поясы (Бартольд В.В., 1897. С. 119–120); Джайхани в пересказе Ал-Марвази: “Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки” (Храковский В., 1959. С. 214).

Суммируя результаты сравнительно-типологического анализа курганов заволжских огузов и печенегов, а также и данные средневековых письменных источников, мы приходим к однозначному выводу о том, что если печенеги и входили в политическую систему “государства огузских ябгу”, то, вероятнее всего, на правах своеобразной автономии, со своей четко обозначенной территорией, социально-бытовым укладом и неоднородной этнокультурной структурой (именно в пределах Заволжской Печенегии Ибн-Фадлан встретился с древними башкирами).

Ближайшими соседями заволжских печенегов по археологическим данным с севера были: в Приуралье – полукочевые племена, оставившие памятники так называемого “мрясимовского типа” с характерной керамикой, украшенной оттисками шнурового и зубчатого штампа, своим происхождением связанные с угорским миром лесостепного Зауралья и Западной Сибири; в Среднем Поволжье – волжские болгары. Между печенегами и указанными народами на всем протяжении X–XI вв. сохранялась “нейтральная зона” – территория Бугульминско-Белебеевской возвышенности, по своим климатическим и физико-географическим условиям не пригодная для круглогодичного кочевания (глубокий снежный покров, частые летние засухи, сильно изрезанный рельеф), а потому использовавшаяся кочевниками, вероятнее всего, только как летнее пастбище “яйляу”. На Бугульминской возвышенности, несмотря на ее достаточно тщательное археологическое изучение, не выявлены ни печенежские, ни болгарские памятники и известны немногочисленные угорские, да и то – только по северным и восточным склонам возвышенности: Жититамакский (ранее ошибочно отнесенный В. И. Ивановым к числу печенежских (Кузеев Р.Г., Иванов В.А., 1983. С. 14), что не подтвердилось более детальным анализом обряда и материала данного памятника), Старо-Мусинский; отдельные погребения Такталачукского и Кушулевого могильников.

По мнению С. А. Плетневой, печенеги находились на таборной стадии кочевания, которая характеризуется достаточно развитыми общественными отношениями – военной демократией (Плетнева С.А., 1982. С. 13–18).

Подробное описание расселения печенегов в середине X в. содер-

жится в сочинении Константина Багрянородного (Константин Багрянородный, 1934). Он называет восемь фем (орд) печенегов, одна из которых – Хопон (Гиасихопон) соседствует с Волжской Болгарией, располагаясь всего в полдня пути от ее границ. Типичными чертами этого строя были постоянные войны, участие в грабительских походах. Ради военной добычи они могли пойти в поход против любой страны. Из письменных источников известно, что ими пользовались в качестве наемников византийские императоры, а также русские князья. Однако основную часть средств к существованию кочевники добывали с помощью подвижного скотоводства. Как выше уже говорилось, природные условия заволжских степей способствовали процветанию на них развитого и четко организованного скотоводства. Степные пространства, по-видимому, были разделены на участки с определенными маршрутами кочевий, летовками и зимниками. Как правило, именно рядом с постоянными летними и зимними пастбищами и возникали курганы. Пока археологически исследовано только два таких района на территории Самарской области: в междуречье рек Чапаевка и Вязовка, а также в левобережье р. Самары у сс. Покровка и Утевка.

Два факта, совпавшие во времени и пространстве, позволяют пролить свет на дальнейшую историческую судьбу заволжских печенегов: начавшаяся в середине XI в. половецко-кыпчакская экспансия на запад, зафиксированная письменными источниками и немногочисленными пока археологическими памятниками соответствующего типа, а также выявленное Т. А. Хлебниковой распространение в южных районах Волжской Болгарии (Мало-Пальцынское, Криушское поселения) специфической лепной плоскодонной посуды, украшенной нарезками или вдавлениями по венчику (по типологии исследователя – керамика II группы X–XI вв. в “печенежско-гузском варианте”) (Хлебникова Т. А., 1984. С. 216–219). Последний факт, очевидно, можно рассматривать как свидетельство ухода части заволжских печенегов из-под удара новой кочевой волны с востока под защиту укрепляющейся Волжской Болгарии – явления, ставшего впоследствии характерным для восточноевропейских кочевников-степняков, искавших и обретавших спасение от более сильного врага внутри границ феодальных государств: Киевской Руси, Венгерского Королевства, Византийской Империи.

3. Кыпчаки (половцы) в Самарском Заволжье

Кыпчаки (они же – *половцы* по древнерусским источникам и *команы* по византийским источникам) представляли собой группу тюркоязычных кочевых племен, входившую в состав Кимакского каганата. Данный каганат объединял племена, кочевавшие в VII–X вв. на просторах казахстанских степей. В начале XI в. началось массовое переселение кыпчакских родов на запад.

В последние годы в археологической литературе за этим историческим явлением закрепилось понятие “период завоевания” или “период обретения родины”. По мнению ряда исследователей, в основе миграций евразийских кочевников лежит сочетание экологических и военно-

политических причин (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. С. 4–5). Основной целью нашествия всегда являлся захват новых плодородных пастбищ. В своем движении на запад кыпчаки разгромили и оттеснили печенегов и торков (огузов), захватив огромные степные пространства от озера Балхаш до Дуная. Впоследствии эту территорию стали называть Дешт-и-Кыпчак (Половецкая степь).

Спецификой археологического изучения памятников средневековых кочевников в Самарском Заволжье является почти полное отсутствие комплексов, которые можно было бы с большой степенью достоверности датировать концом XI – первой половиной XIII в. Погребений этого времени в Приуралье и Заволжье вообще пока немного – около 30. Для соседнего региона Южного Приуралья существует такая статистика: погребений XII – начала XIII в. известно – 12; погребений золотоордынского периода – 244 (Там же. С. 39). Малочисленность кыпчакских памятников домонгольского времени в данном регионе объясняется, по-видимому, преобладанием западного акцента в политических устремлениях половцев-кыпчаков в период их наибольшего возвышения (Кузеев Р.Г., 1974. С. 171). Резкое увеличение кочевнического населения в Поволжье и Приуралье происходит в золотоордынский период, что было связано с политикой золотоордынских ханов.

Характерными признаками половецкого обряда погребения являются следующие: восточная ориентировка умершего, наличие камня в насыпи кургана; захоронение рядом с погребенным целого коня или коня в отдельной яме (Плетнева С.А. 1958. С. 172; Федоров-Давыдов Г.А. 1966. С. 145). В Самарском Поволжье известно одно такое погребение (совхоз им. Луначарского). Однако наличие в нем хронологически определенных типов вещей однозначно указывает на его золотоордынскую датировку (Васильева И.Н., 1979. С. 225).

В 1988 г. при проведении земляных работ на террасе у Горелого оврага, в 2,5 км к востоку от с. *Ново-Троевка* Алексеевского района было разрушено кочевническое погребение. Погребальный обряд был реконструирован сотрудником СОИКМ Р. М. Ключниковой со слов очевидцев находки следующим образом: скелет человека лежал в вытянутом на спине положении, головой на запад, руки были расположены вдоль туловища. Удалось найти часть вещей, сопровождавших погребенного: две золотых серьги, сделанные из проволоки в виде незамкнутого кольца, с дутыми биконическими подвесками внизу; пять подвесок-амулетов из лазурита треугольной и ромбической формы; внешняя поверхность их украшена орнаментом в виде параллельных насечек; бипирамидальная 12-гранная бусина из сердолика; овальная уплощенная бусина из стеклянной пасты зеленого цвета (табл. 8, 5–13). Исследователи данного комплекса датировали его XI–XII вв. и отнесли к кругу кыпчako-половецких древностей (Ключникова Р.М., Сташенков Д.А., 1996. С. 239–248). Действительно, предметы Ново-Троевского погребения имели наибольшее распространение в домонгольский период в среде кочевого населения южнорусских степей (половцев и черных клобуков – остатков печенежско-торческих родов) (Плетнева С.А., 1990. С. 124–125), причем в основном в Поросье и на Киевщи-

не. Однако в золотоордынский период серьги с дутой подвеской (тип IV – по Г. А. Федорову-Давыдову) и лазуритовые подвески-амулеты встречаются в Поднестровье, Поволжье, на Кавказе (Маджары, слой XIV в.) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 76, 153]. Поэтому домонгольская датировка Ново-Троевского комплекса нам представляется не однозначной, а только вероятной. Лишь дальнейшие исследования и накопление источниковой базы позволят решить вопрос о том, кому принадлежали степные районы Самарского Заволжья в период, предшествующий монгольскому завоеванию.

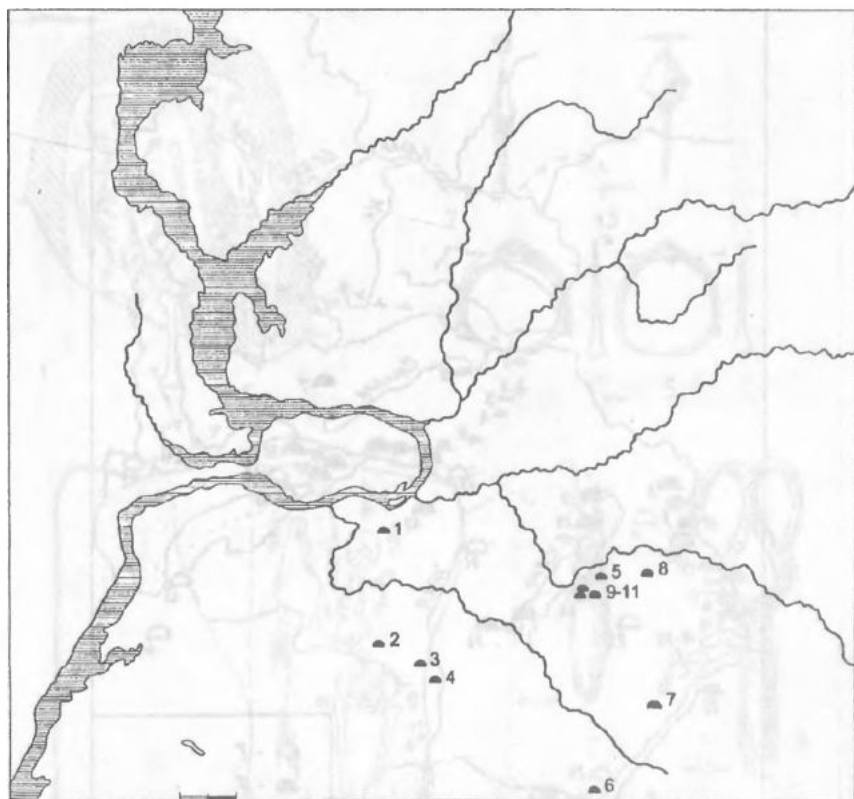

Таблица 1. Памятники кочевников X – начала XIII в. в Самарском Заволжье.

1 – Воскресенский; 2 – Кировский; 3 – Александровский; 4 – Волчанский; 5 – Покровский; 6 – Красный Октябрь; 7 – Ново-Троевский; 8 – Гвардейский; 9 – Утевский III; 10 – Утевский IV; 11 – Утевский V – курганные могильники

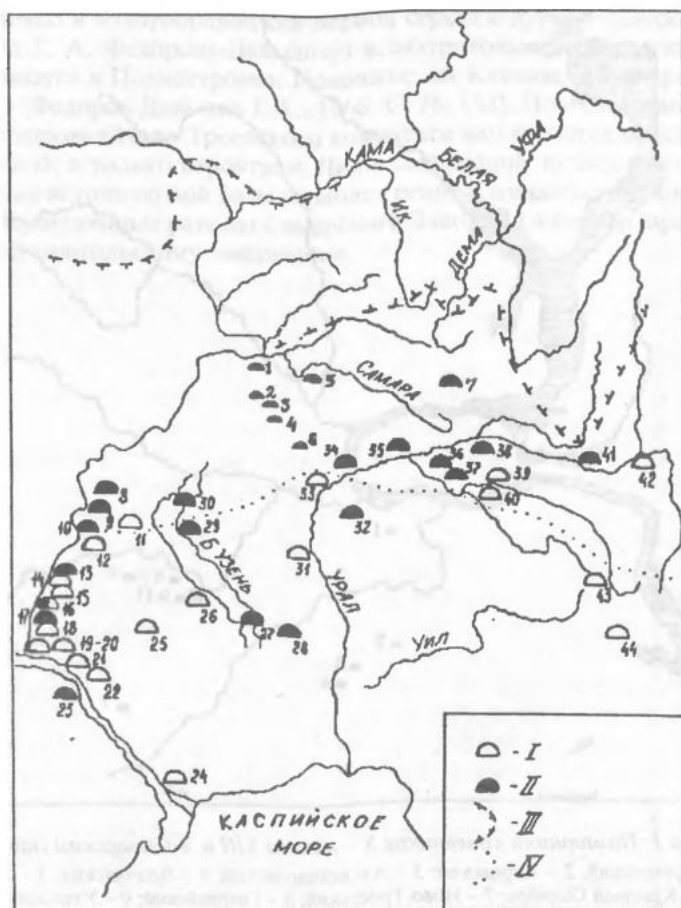

Таблица 2. Карта могильников печенегов и огузов в Волго-Уральских степях в конце IX-XI в.

1 – Воскресенский; 2 – Кировский; 3 – Александровский; 4 – Волчанский; 5 – Покровский; 6 – Красный Октябрь; 7 – Колычевский; 8 – Луговское; 9 – Ровное; 10 – Иловатка; 11 – Кано; 12 – Политотдельское; 13 – Верхний Балыклей; 14 – Ново-Никольское; 15 – Быково; 16 – Калиновский; 17 – Рахинка; 18 – Верхне-Погромное; 19 – Средняя Ахтуба; 20 – Заплавное; 21 – Ленинск; 22 – Кияжковка; 23 – Черный Яр; 24 – Дюна Лапас; 25 – Эльтон; 26 – Саралжин; 27 – Кара-Су; 28 – Кара-Оба; 29 – Новоузенский Сад; 30 – Черная Падина; 31 – Янайкино; 32 – Челкар I; 33 – Уральск; 34 – Рубежка; 35 – Яман; 36 – Мертвецовский; 37 – Пчельник; 38 – Ханская Могила; 39 – Увак; 40 – Тамар-Уткуль; 41 – Хабарный; 42 – Новый Кумак; 43 – Болгарка I; 44 – Атпа.

Условные обозначения: I – могильники огузов; II – могильники печенегов; III – граница лесостепи; IV – условная граница Заволжской Печенегии

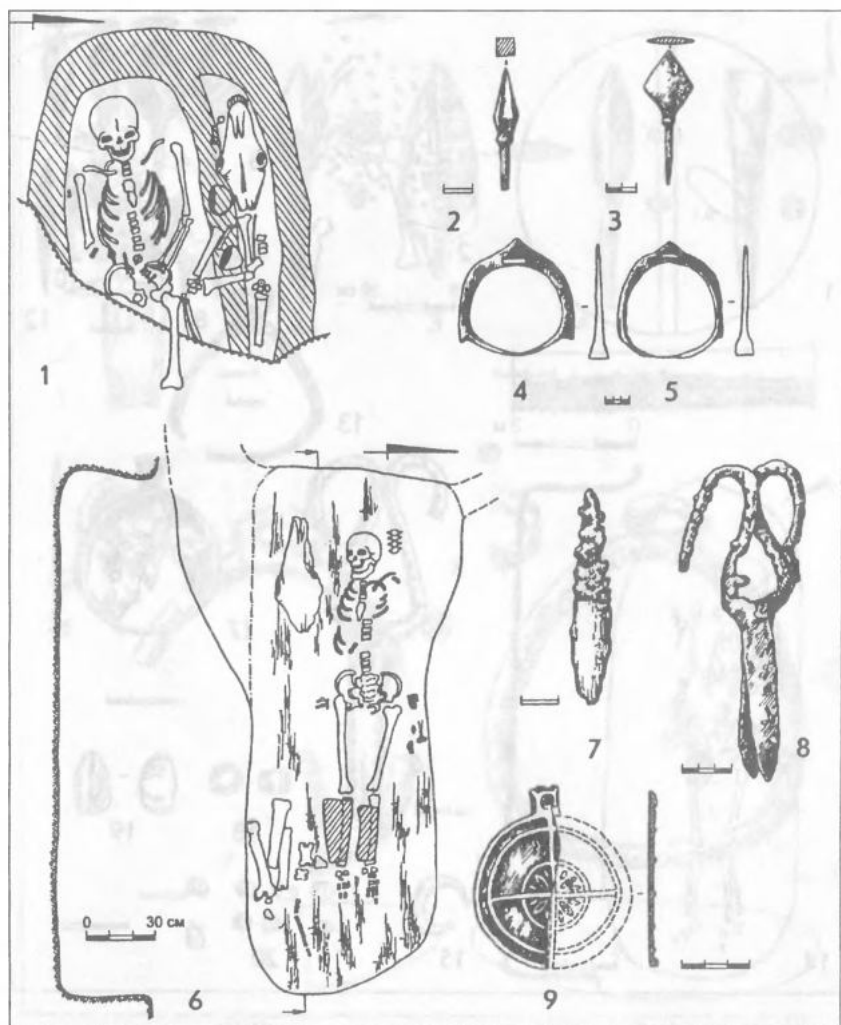

Таблица 3. Кочевнические комплексы X-XI вв.

1-5 – погребение у с. Александровка (на р. Вязовка); 2-3 – наконечники стрел; 4-5 – стремена.

6-9 – Кировский III курганный могильник, курган 5; 7 – пико; 8 – пожница; 9 – зеркало

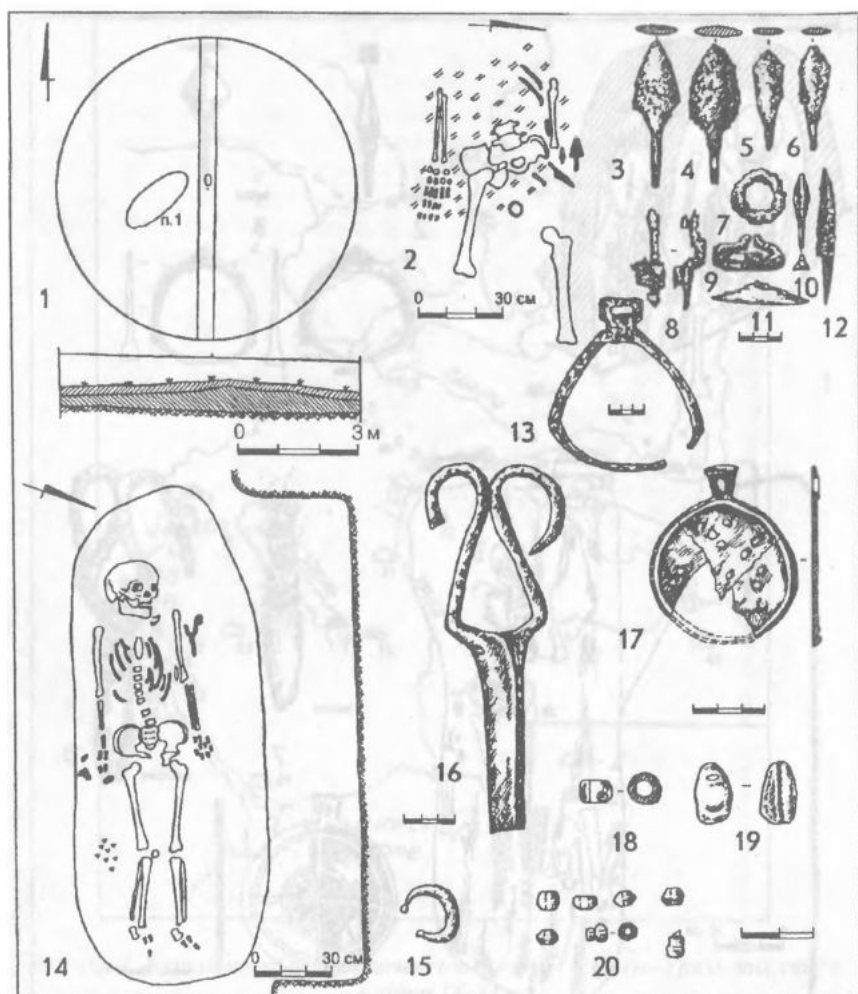

Таблица 4. Кочевнические комплексы X-XI вв.

2-13 – Волчанский курганный могильник, курган 6: 2 – план погребения; 3-6, 10 – наконечники стрел; 7 – кольцо; 8 – деталь колчана; 9 – кресало; 11 – костяная накладка; 12 – нож; 13 – стремя.

1, 14-20 – Покровский курганный могильник, курган 7: 1 – план кургана; 14 – план погребения; 15 – серебряная серьга; 16 – ножны; 17 – зеркало; 19 – подвеска из раковины; 18, 20 – бусы

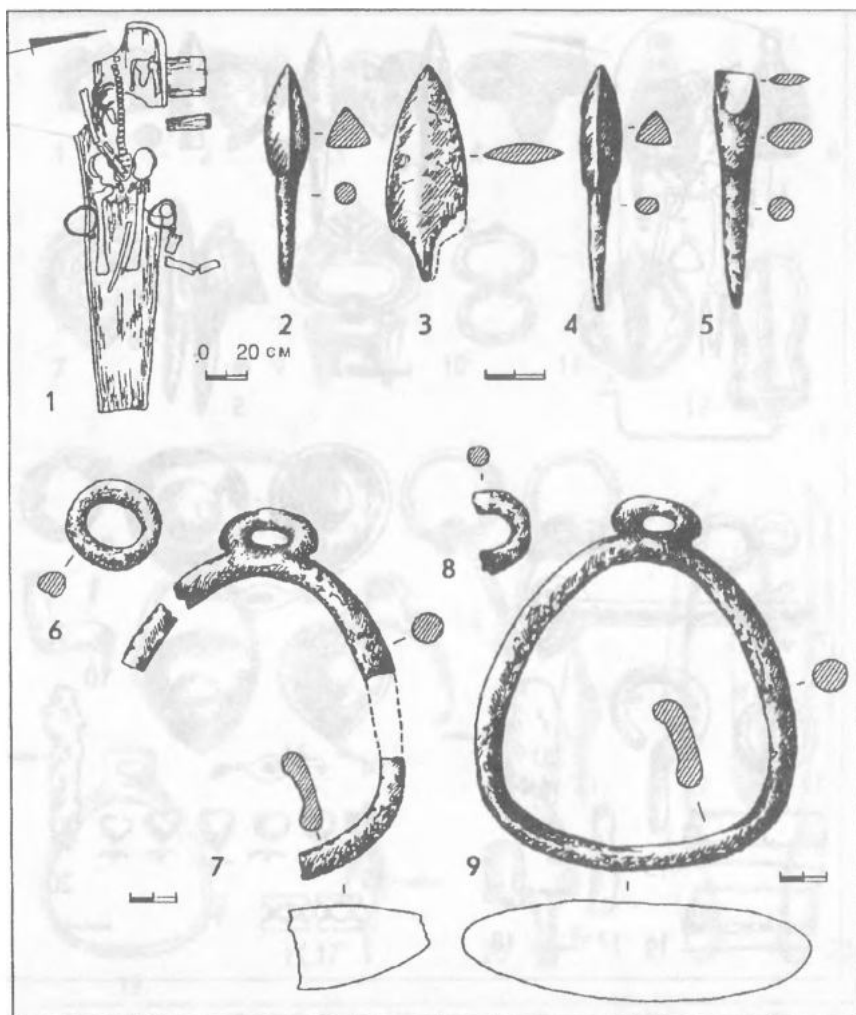

Таблица 5. Одиночный курган у с. Красный Октябрь, погребение 1:
1 – план погребения; 2–5 – наконечники стрел; 6, 8 – кольца; 7, 9 – стремяна

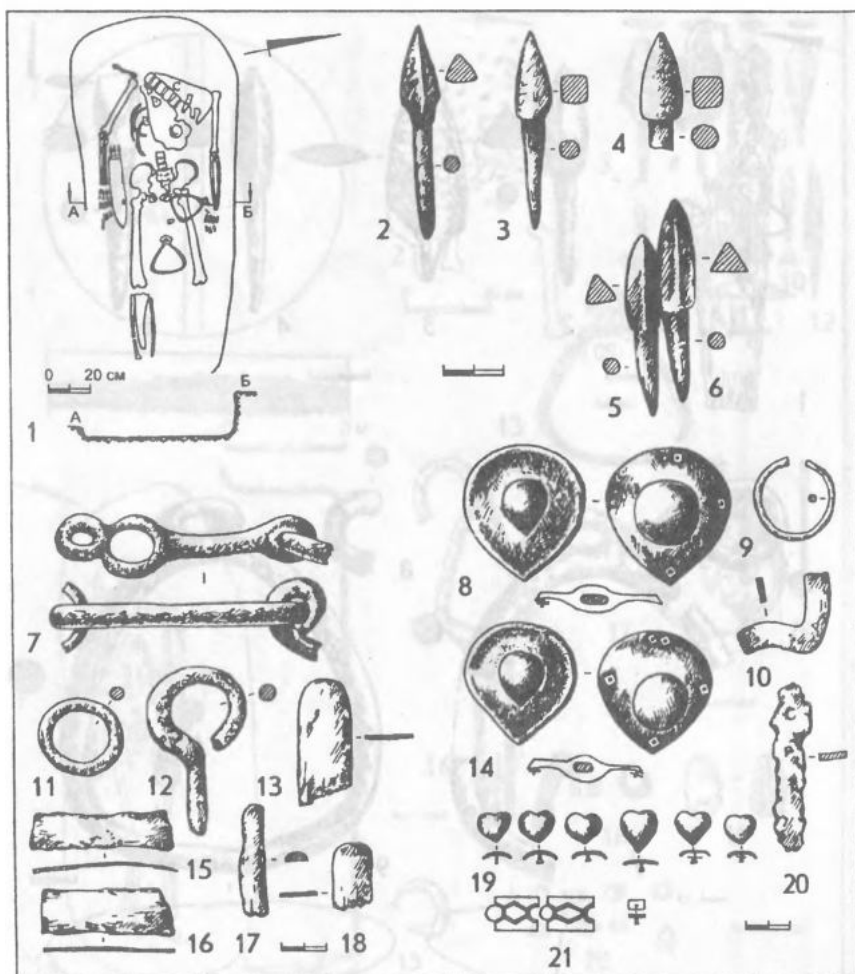

Таблица 6. Одиночный курган у с. Красный Октябрь, погребение 2.

1 – план погребения; 2-6 – наконечники стрел; 7 – удила; 8, 14 – бляхи-решмы; 9 – кольцо; 10, 13, 15, 16-18 – железистые пластины; 11 – кольцо; 12 – колчаный крючок; 19, 21 – ременные накладки; 20 – нож

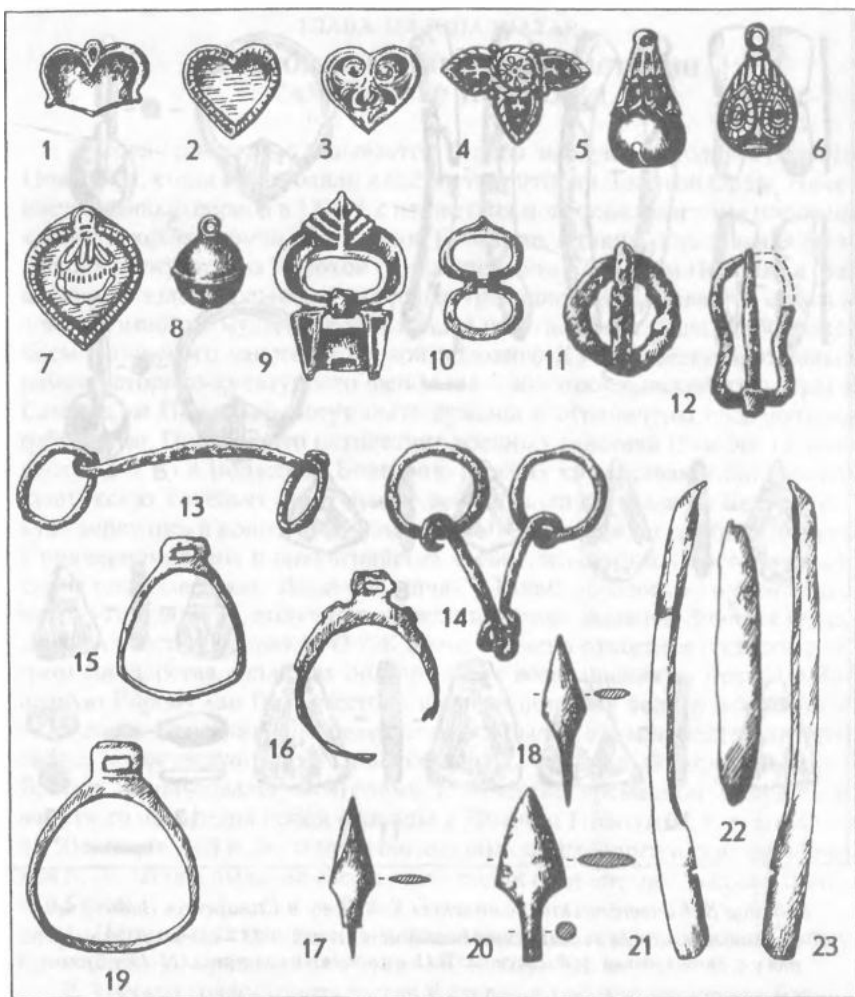

Таблица 7. Комплекс вещей из печенежских погребений Заволжья и Приуралья (масштаб не соблюден).

1-4 – ременные накладки (серебро, бронза); 5, 6, 8 – подвески-бубенчики (бронза); 7 – бляха-решма; 9, 10 – бронзовые пряжки; 11, 12 – железные пряжки; 13, 14 – удила; 15, 16, 19 – стремена; 17, 18, 20 – железные наконечники стрел; 21-23 – костяные обкладки лука

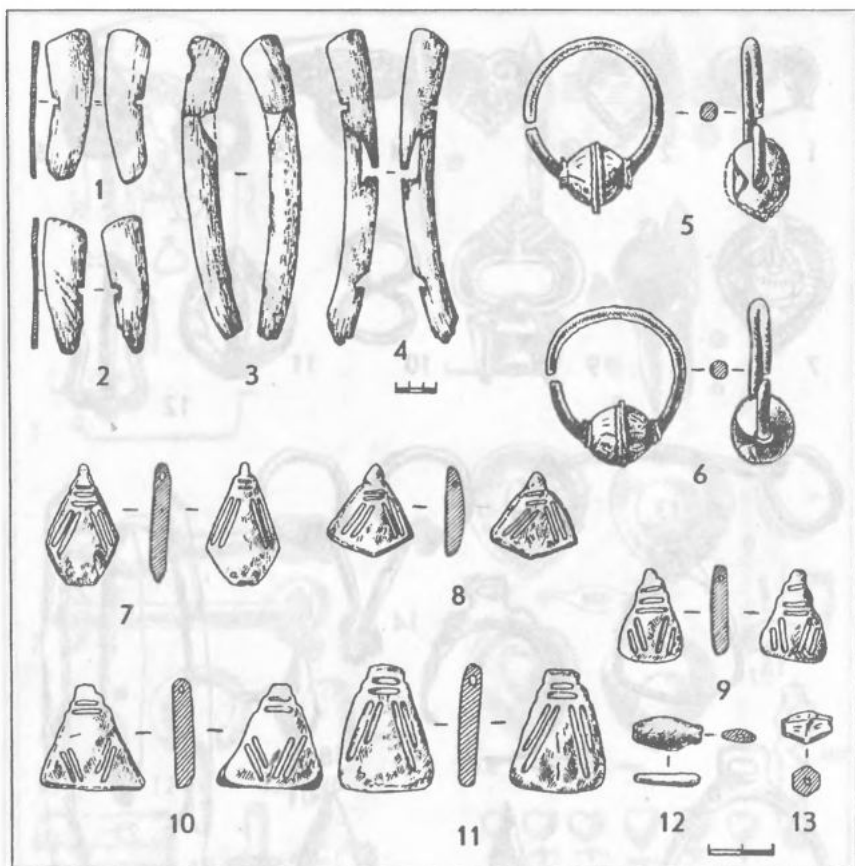

Таблица 8. Кочевнические комплексы X–XIII вв. в Самарском Заволжье.
 1–4 – костяные обкладки лука (Воскресенский могильник); 5–13 – предметы из потребления у с. Новотроевка: 5–6 – бусины; 7–11 – подвески из лазурита; 12–13 – бусы

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
**ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ
САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ**

Золотоордынским называется период истории народов Среднего Поволжья, когда оно входило в состав территории Золотой Орды. Начинается данный период в 1236 г. с нашествия монголов, разгрома половецко-кыпчакских племен и Волжской Болгарии, а также образования феодального государства Золотой Орды с центром в Нижнем Поволжье. Завершение золотоордынского периода традиционно связывается с распадом огромного государства чингизидов на отдельные орды и обособлением Казанского ханства в первой половине XV в. Однако временные рамки историко-культурного феномена – золотоордынской культуры в Самарском Поволжье могут быть сужены и ограничены следующими событиями. После почти пятилетних военных действий (с осени 1236 по весну 1241 г.) в Волжской Болгарии, русских княжествах и половецко-кыпчакских кочевьях монгольские войска ушли в Западную Европу, откуда вернулись в конце 1242 (или в самом начале 1243) г. и обосновались в причерноморских и прикаспийских степях, известных у восточных авторов под названием “Дешт-и-Кыпчак”. Таким образом, возникновение нового государства, получившего впоследствии название Золотая Орда, можно отнести к началу 1243 г. К этому времени относится и второй разгром государства волжских болгар: после возвращения из похода в Западную Европу хан Бату жестоко подавил попытку болгар освободиться от гнета захватчиков. В результате все бывшие земли болгар превратились в составную часть Золотой Орды. Столичный город Великий Болгар использовался монголами в качестве временной резиденции вплоть до появления новой столицы в Нижнем Поволжье, т. е. до начала 50-х годов XIII в. На основе письменных и археологических источников В. Л. Егоров выделил следующие стадии градостроительства в Золотой Орде:

1. Период восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода монголов – 40-е годы XIII в.
2. Начало градостроительства в степях во время правления Бату – первая половина 50-х годов XIII в.
3. Подъем градостроительства при Берке – с середины 50-х до середины 60-х годов XIII в.
4. Период замедленного роста городов – с 70-х годов XIII в. до начала второго десятилетия XIV в.
5. Расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – со второго десятилетия до 60-х годов XIV в.
6. Затухание и упадок градостроительства – с 60-х годов XIV в. до 1395 г. (второй военный поход Тамерлана) (Егоров В.Л., 1985. С. 78).

Именно в середине XIII в. золотоордынские ханы начали проводить активную градостроительную политику в Поволжье. Она была вызвана следующими причинами: необходимостью создания надежной и разветвленной системы взимания налогов и сбора дани с покоренных

народов, т. е. исполнительного, управленческого и налогового аппарата; складывавшимися дипломатическими отношениями; организацией внутреннего рынка, нужного для снабжения огромной массы кочевников разнообразными продуктами ремесленных производств; чеканкой монет. Важным фактором была заинтересованность ханов в восстановлении Волжского торгового пути и караванной торговли. По-видимому, он и стал решающим в заселении узлового пункта Волжского пути, связанного с переправой через Волгу и переволокой судов, – долины р. Усы, и в целом Самарской Луки с противоположным левым берегом Волги. Южная окраина государства волжских болгар очень сильно пострадала во время нашествия. Об этом свидетельствуют раскопки Муромского городка и его сельской округи: в золотоордынское время город и окрестные поселки лежали в развалинах и не восстанавливались. Оставшееся в живых население, видимо, переселилось в отдаленные от Волги, более труднодоступные районы рек Кондурча, Сок, Большой и Малый Кинель. Исследованные здесь поселения болгар, в частности Сухореченское, не содержали домонгольских слоев, их основание относится именно к золотоордынскому периоду. Культура населения, оставившего эти памятники, близка культуре центральных районов Волжской Болгарии XIII–XIV вв. и несомненно продолжает болгарские традиции. Данный вывод подтверждается, прежде всего, результатами изучения керамического комплекса, а также некоторых других элементов материальной культуры. Разгромленное и обезлюдившее побережье Волги было заселено по воле золотоордынских ханов новыми группами населения: русскими, мордвой, болгарами. Сведения письменных источников позволяют предполагать, что это были пленные, увезенные в рабство люди. Их трудом и были созданы поселки на р. Усе и на Самарской Луке. Интересно, что только один памятник, подвергнутый раскопкам, (Междуреченское городище) содержал домонгольский и золотоордынский слои. Монголы не могли его не использовать в силу важного стратегического положения на Волге. Судя по всему, он стал опорным пунктом государственной власти на данной территории и выполнял контрольные функции, связанные с Волжским торговым путем. Раскоп, заложенный на прибрежной площадке городища, выявил большое количество древнерусской керамики, среди которой встречаются домонгольские формы, аналогичные березовским (табл. 2, 1–10) (Васильева И.Н., 1995; Полубояринова М.Д., 1978. С. 103–110). Кроме того, на Березовском поселении были обнаружены такие домонгольские вещи, как подвеска-уточка XII в. (табл. 2, 12) и энкалпион с обращением к Богородице (табл. 2, 11), относящийся к известному типу энкалпионов, изготовленных в Киеве перед татаро-монгольским нашествием. Опираясь на данные факты, а также учитывая общую историческую обстановку в Поволжье того времени, можно предполагать основание большинства поселков на побережье Волги и возобновление активности Волжского торгового пути в середине XIII в., и именно этот отрезок времени можно считать точкой отсчета золотоордынского периода в Самарском Поволжье.

Распад Золотой Орды на отдельные ханства относится к первой

половине XV в. Однако разрушение большинства поселений золотоордынского периода в Самарском Поволжье, по-видимому, произошло раньше, а именно в 1391 г., когда в долине р. Кондурча (приток р. Сок) состоялась грандиозная битва между золотоордынским ханом Тохтамышем и среднеазиатским правителем Тамерланом. Она закончилась полным разгромом золотоордынских войск, и расправа с побежденными была жестокой. По словам Хосан-аддина Булгарского, Тамерлан приказал “разогнать народ в разные стороны, наказав, чтобы они здесь не обитали”, и многие “разбредлись по всем сторонам мира” (Кузев Р.Г., 1974. С. 473). Многочисленные группы болгар и тюркских кочевников ушли на север и восток: в верховья р. Чусовой, в низовья р. Уфы, на Южный Урал и в степи Зауралья. Победа Тамерлана над Тохтамышем в долине Кондурчи дала ему огромную добычу. По сведениям Назам-ад-дина Шами (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. С. 360–361), пехотинцы привели домой по 10–20 лошадей, а одноконные всадники – по 100 лошадей и больше; что касается другого скота, в том числе овец и баранов, то их не сосчитать. Особенно велика была доля военачальников и самого Тамерлана: одних пленных девушек и юношей, которые направлялись в качестве его личных рабов, было более 5000 человек. Разбою и грабежу подвергались как оседлые населенные пункты Поволжья, так и кочевья улуса Тохтамыша. Второй военный поход Тамерлана в 1395 г. нанес сокрушительный удар по большинству городов Нижнего Поволжья, от которого они больше уже не оправились. Таким образом, окончание золотоордынского периода в Самарском Поволжье можно относить к концу XIV в.

Приведенные данные позволяют ограничить период существования археологических памятников, о которых пойдет речь ниже, серединой XIII – концом XIV в.

Итак, хронологические рамки историко-культурного феномена – золотоордынской культуры на территории Самарского Поволжья определяются нами 1,5 столетиями. Каково же содержание самого понятия “*золотоордынская культура*”? Говоря о золотоордынской культуре, мы имеем в виду дошедшие до нас остатки материальной культуры народов Золотой Орды, со всеми присущими ей особенностями, которые объясняются специфичностью самой Золотой Орды. Это было феодальное государство с очень сильной центральной властью, захватившее огромные территории Европы и Азии. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, золотоордынские ханы в рекордно быстрые сроки, ценой разорения покоренных народов создали мощный экономический потенциал, основанный на симбиозе оседлой (городской и сельской) культуры с кочевой, степной. Тесный союз степи и городов явился основой для развития ремесла и торговли, внутреннего рынка государства со своей денежной системой, расцвета культуры и общего подъема производительных сил золотоордынского общества. В Поволжье, ставшее центром этой огромной державы, из всех захваченных стран были свезены ремесленники. Именно их руками и была создана синкретическая, но яркая и своеобразная культура, названная золотоордынской (Федоров-Давыдов Г.А., 1966).

В домонгольское время Самарское Поволжье служило пограничьем между государством волжских болгар и степными кочевниками. Исследователи проводят южную границу Волжской Болгарии по р. Самара (Фахрутдинов Р.Г., 1975. Рис. 1), хотя достоверно домонгольских болгарских поселений на реках Сок, Кинель, Кондурча пока и не обнаружено. Археологические исследования подтвердили факт плотной заселенности в то время Самарской Луки, где находились город-крепость (Муромский городок) и его сельская округа. В золотоордынский период, как уже говорилось, долины рек Сок, Большой и Малый Кинель заселяются болгарами. Река Самара стала местом проживания оседавшего на землю кочевнического населения: здесь изучены несколько дюнных могильников с языческим и раннемусульманским обрядами захоронения, а также ремесленный пункт (дюна "Большой Шихан"). Южные степные районы Самарской области традиционно служили кочевьями тюркских nomads. Вместе с тем, в рамках единого государства с сильной центральной властью происходил процесс размывания традиционных границ между этническими массивами Среднего Поволжья: археологически зафиксировано массовое переселение со своих исконных земель (современные Пензенская и Нижегородская области) в район Самарской Луки и противоположного ей левого берега Волги *мордовских* племен; именно в это время началось и интенсивное проникновение *кыпчаков* и других тюрков-кочевников в города и поселки бывшей Волжской Болгарии. Проявление этого процесса зафиксировано как в центральных районах болгар, так и на окраинах, в частности – в Самарском Поволжье. Так, например, несколько погребений Усинского II грунтового могильника, оставленного в основном мордвой, можно атрибутировать как кочевнические. Кочевническое погребение золотоордынского времени обнаружено севернее г. Тольятти (совхоз им. Луначарского). Кроме того, значительным было присутствие в этот период и *русского населения*: в районе р. Усы изучено большое количество поселков со смешанным составом населения – русскими, мордвой, болгарами и другими.

Таким образом, специфика золотоордынского общества: наличие двух компонентов – кочевнического и оседлого, а также большая этническая пестрота состава населения, нашла отражение и в археологических памятниках Самарского Поволжья.

К настоящему времени накоплен значительный материал по истории Самарского Поволжья золотоордынского времени. Важность данного периода в истории Поволжья велика для понимания динамики освоения этой обширной территории и этногенеза многих современных народов региона: татар, чувашей, башкир. Кроме того, именно в это время началось переселение на берега Волги русского населения, которое монголы приводили в плен и заселяли им опустевшие во время нашествия земли. Одновременно шел активный процесс перемещения мордовских племен в Поволжье с запада, а также тюркских кочевников с юга и юго-востока. Таким образом, в золотоордынское время по существу начинается складываться современная этническая карта нашей области.

Источниковая база изучения истории средневековых народов включает два вида источников: письменные и археологические. К письменным относятся: сочинения восточных путешественников и общие работы по арабо-персидской географии, русские летописи, ярлыки золотоордынских ханов, договорные грамоты русских князей, жития святых, записки западноевропейских миссионеров и путешественников, а также географические карты XIV–XV вв. Противоречивость и недостаточность письменных источников повышают значение археологических данных и делает золотоордынский период истории изучаемым, в основном, с помощью вещественных источников. Результаты такого изучения дополняются и уточняются сведениями письменных источников.

История изучения археологических памятников XIII–XIV вв. в Самарском Поволжье. Историко-археологическое изучение было начато в конце XVIII в. экспедициями Российской Академии наук под руководством академиков Палласа, Фалька, Лепехина. В их записках содержится описание обследованных ими городищ и сделанных находок. Так, у академика Лепехина имеется подробное описание городищ у с. Переволоки (Междуреченское городище) и у с. Костычи (ныне разрушенного) (ПСУЗПР, 1821. С. 351–353).

В XIX в. археологическое изучение золотоордынских древностей проводилось, в основном, в форме собирания и регистрации случайных находок и предметов. В заметке П.В. Алабина в трудах IV Археологического съезда, состоявшегося в Казани в 1877 г., даны сведения о разрушенных погребениях у с. Студенцы на р. Б. Кинель и каменных бабах из Никольского и Новоузенского уездов (Алабин П.В., 1884). В конце XIX – начале XX в. было найдено несколько кладов джучидских серебряных и медных монет у сел Губино, Винновка, Старые Костычи и других (ГЭ ОИПК. Инв. № 529; Федоров-Давыдов Г.А., 1960; Морозов В.Ю., 1995. С. 319–316).

Первые раскопки могильника XIII–XIV вв. у с. Муранка на р. Усе были произведены В.Н. Поливановым в конце XIX в. (Поливанов В.Н., 1893; 1896). Им было изучено более 400 погребений, принадлежавших мордве. Небольшие раскопки и сборы предметов из разрушенных погребений производились в начале XX в. на Барбашиной поляне (Досталь, 1909 г.; Головкин, 1916 г.; Миллер, 1918 г.; Башкиров, 1921 г.; Марущенко, Маткин, 1921 г.; Фонды СОИМК. № 15–23, 22 (61), 23 (87), 202 (38)).

Планомерные разведки археологических памятников в Самарской области начались в 20-х годах экспедицией В.В. Гольмстен. Среди открытых ею памятников были и золотоордынские (Гольмстен В.В., 1925а). В 1935 г. Б.А. Латынин произвел небольшие раскопки Барбашинского могильника, в результате которых было вскрыто 62 погребения. Это были последние раскопки, потому что памятник был застроен дачами. Барбашинский могильник и расположенное рядом поселение были оставлены в основном мордовским населением. В середине 30-х годов проводились разведочные работы экспедиции ИИМК в зоне предполагаемого строительства Куйбышевской ГЭС, в ходе кото-

рых были обнаружены поселения интересующего нас периода, в частности поселения у с. Комаровка (Гроздилов Г.П., 1941а). Эти исследования были продолжены экспедицией Куйбышевского музея краеведения в составе Бакшаева и Муромцевой. Они открыли поселения золотоордынского времени на р. Усе у сел Березовка, Печерские Выселки, Комаровка, Усинское, Муранка, Воскресенка. Небольшие коллекции керамики, собранной ими на этих памятниках, хранятся в фондах областного историко-краеведческого музея (Фонды СОИМК. № 38, 85, 88, 89, 91, 92).

В начале 50-х годов в зоне строительства Куйбышевской ГЭС были предприняты крупномасштабные работы Куйбышевской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова. Исследования золотоордынских памятников на Самарской Луке велись отрядом А.Е. Алиховой и Н.В. Трубниковой. Они произвели сплошное разведочное обследование Самарской Луки и раскопки поселений и могильников XIII–XIV вв. у сел Печерские Выселки, Березовка, Муранка. Следует отметить очень хорошую документированность результатов этих работ. В архиве Института археологии РАН (Москва) хранятся подробные отчеты о работах КАЭ, коллекции находок из раскопок сданы на хранение в Самарский областной историко-краеведческий музей, итоги исследований подведены в научных статьях.

В середине 60-х годов целенаправленные поиски памятников Волжской Болгарии в северных районах Куйбышевской области были проведены Р. Г. Фахрутдиновым. Результаты этих разведок, а также все имеющиеся в то время материалы по данной теме были им использованы при подготовке карт Волжской Болгарии X–XIV вв. (Фахрутдинов Р.Г., 1975).

Характеризуя итоги работ по изучению памятников золотоордынского периода в Самарской области до начала 70-х годов, хотелось бы отметить интересные и важные выводы исторического характера: А.Е. Алиховой – относительно перемещения на рассматриваемую территорию мордовских племен (Алихова А.Е., 1954а); А.Е. Алиховой и М.Д. Полубояриновой – констатация факта проживания в XIII–XIV вв. на Самарской Луке русского населения (Алихова А.Е., 1960; Полубояринова М.Д., 1978); Р.Г. Фахрутдиновым – об уходе оставшегося после татаро-монгольского нашествия болгарского населения в отдаленные лесные районы, в бассейны рек Сок и Кинель (Фахрутдинов Р.Г., 1975). Проблемы истории золотоордынских кочевников в Самарском Поволжье не разрабатывались, так как кочевнические памятники были практически неизвестны. Учитывая находки в более северных, восточных и южных регионах, С.А. Плетнева и Г.А. Федоров-Давыдов включали южные районы Самарской области в зону распространения половецко-кипчакских племен (Плетнева С.А., 1958; Федоров-Давыдов Г.А., 1966).

В 1969 г. начала работать Средневолжская археологическая экспедиция. Одним из направлений ее работ было исследование памятников золотоордынского времени. В ходе разведок был найден ряд новых памятников на р. Сок (Мажанова И.Н., 1976) и р. Самаре (Юнусова-

Ключникова Р.М., 1977). Крупным успехом можно считать открытие и раскопки Сухореченского поселения – торгово-ремесленного центра на р. Большой Кинель. Результаты работ Г.И. Матвеевой 1971–1976 гг. были подведены в специальной статье (Матвеева Г.И., 1977б). Итоги исследования памятника в 1979 и 1981 гг., проведенного автором данной работы, еще не опубликованы. Раскопки единственного в настоящее время обнаруженного и сохранившегося городища золотоордынского времени – Междуреченского городища у с. Переволоки на Самарской Луке производились в 1989–1990 гг. И.Н. Васильевой, С.Э. Зубовым, Г.И. Матвеевой и С.И. Приказчиковым (Васильева И.Н., 1995; Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И., 1995).

В 1980 г. во время раскопок I Шигонского поселения, относящегося к эпохе бронзы, О. В. Кузьминой был исследован также верхний золотоордынский слой.

Интенсивные археологические работы на памятниках неолита – эпохи бронзы, развернувшиеся в 90-е годы в бассейне р. Сок, выявили слои золотоордынского времени на стоянках Чекалино II (Мамонов А.Е., 1993) и Нижняя Орлянка II (Колев Ю.И., 1991; 1993).

В результате работ САЭ в 70–90-х годах значительно пополнилась источниковая база по истории тюркских кочевников, которые являлись значительным компонентом населения Самарского Поволжья в золотоордынское время. Планомерные разведочные работы и раскопки памятников первобытности в бассейне р. Самара отрядом И.Б. Васильева привели к открытию археологических памятников золотоордынского периода: донных могильников у сел Виловатое, Елшанка, Максимовка и ремесленного центра “Большой Шихан” (Васильева И.Н., 1979; 1977). В ходе широкомасштабных раскопок в зонах строительства мелиоративных систем на юге Самарской области было изучено несколько курганов, оставленных средневековыми кочевниками, среди них и золотоордынскими (Александровский курганный могильник в Безенчукском районе). Все материалы по средневековым кочевникам, имевшиеся к концу 70-х годов, были собраны и опубликованы автором данного раздела (Там же). Итоги раскопок Гвардейского курганного могильника, которые проводились в начале 70-х годов Г.И. Матвеевой, в том числе и комплексов золотоордынского времени, отражены в статье Г.И. Матвеевой и В.А. Скарбовенко (Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976). В 1981 г. было найдено и доисследовано погребение кочевника XIII–XIV вв. на дюне “Человечья голова” возле с. Утевка, в бассейне р. Самара (Васильева И.Н., 1985). В 1989 г. в ходе археологических исследований в окрестностях с. Екатериновка были изучены два грунтовых могильника XIII – XIV вв. (Крамарев А.И., 1993. С. 133–135).

Средневожской археологической экспедицией получены новые материалы по истории мордовских племен в Самарской области: был найден и раскопан грунтовый могильник на Самарской Луке, недалеко от с. Рождествено (Васильева И.Н., 1993а. С. 58–76).

Перечисленные материалы археологических раскопок послужили основой для написания очерков по истории нашего края в золотоор-

дынский период (Матвеева Г.И., 1980; Васильев И.Б, Матвеева Г.И., 1986). Результаты технико-технологического исследования керамики золотоордынского времени и характеристика гончарства Волжской Болгарии этого периода подведены в монографической работе автора данной главы (Васильева И.Н., 1993б).

Краткий очерк по истории изучения археологических памятников XIII–XIV вв. на территории Самарского Поволжья показывает значительный объем накопленной информации по интересующему нас периоду, который обуславливает необходимость его обобщения, систематизации и общей характеристики всех имеющихся данных. Этому и посвящена данная работа.

Группировка археологических памятников XIII–XIV вв. Все известные археологические памятники золотоордынского периода в Самарском Поволжье могут быть сгруппированы следующим образом: 1 – *бытовые*: А – городища; Б – поселения; 2 – *погребальные*: А – курганные могильники; Б – грунтовые могильники; В – каменные надгробия; 3 – *клады*. Таким образом, культура населения золотоордынского периода представлена практически всеми известными в Среднем Поволжье видами археологических памятников.

Картографирование памятников XIII – XIV вв. позволяет выделить три района сосредоточения памятников золотоордынского периода, объединенные своим географическим положением, общностью причин заселения и этнокультурной близостью населения, их оставившего (табл. 1).

1. Район Самарской Луки и побережье Волги – здесь располагались поселки смешанного в этнокультурном отношении населения: болгар, русских, мордвы и, возможно, осевших на землю тюркских кочевников. Новое население появилось здесь после монгольского нашествия. По-видимому, большая часть его была приведена насильственным путем для выполнения обязанностей, связанных с обеспечением Волжского пути, перевозкой и переправой судов.

2. Район бассейнов рек Кондурча, Сок, Большой и Малый Кинель (лесные и лесостепные территории) был заселен, в основном, болгарским населением, оставшимся после татаро-монгольского нашествия и ушедшим в более отдаленные от оживленного побережья Волги районы.

3. Район степного юга Самарской области и бассейн р. Самары являлся зоной расселения и кочевания тюркских кочевников, часть которых оседала на землю и осваивала долины р. Самары.

Следует подчеркнуть, что эти районы не были изолированы друг от друга, между ними существовали экономические и другие связи. О проникновении кочевников на Самарскую Луку и в район г. Тольятти уже упоминалось выше. К этому можно прибавить факты нахождения керамики барбашинского типа в культурном слое Сухореченского поселения, наличие ремесленного гончарного пункта “Большой Шихан” на р. Самаре, явно не принадлежавшего кочевникам. Безусловным подтверждением связей данных групп населения является большая близость материальной культуры Золотой Орды, которая имела место во всех трех выделенных районах.

Дальнейшая характеристика памятников будет проводиться в рамках вышеуказанных микрорайонов.

I. Самарская Лука и побережье Волги: карта археологических памятников золотоордынского периода (табл. 1) показывает, что основная их часть располагалась по берегам рек Усы и Волги рядом с Усой. Значительно меньше поселков находилось на самой излучине (пос. Новый Путь, район с. Рождествено и т. д.). Крупное поселение того времени существовало на левом берегу Волги, в районе Барбашиной поляны (Поляны им. М. В. Фрунзе, г. Самара). Состав его населения был также смешанным, хотя основанный рядом могильник принадлежал только мордве. Следует отметить находки золотоордынской ремесленной керамики на территории самого города Самары (в районе ул. Венцека (бывшей Вознесенской), хранящиеся в СОИМК: кол. 85 (216–219). При земляных работах в пос. Зубчаниновке (в настоящее время территория г. Самары) было найдено зеркало с изображением двух рыб, относящееся к хронологически определенным типам вещей золотоордынского периода (Васильева И.Н., 1979. С. 235, рис. 17, 3). По-видимому, левый берег Волги напротив Самарской Луки был заселен довольно плотно.

Зоны расселения на Самарской Луке и побережье Волги были связаны с местами, удобными для переправ и транспортировки судов. Данный факт является еще одним доказательством предположения о планомерном характере заселения приволжского района в XIII в., обусловленном целенаправленной политикой золотоордынских ханов, а вовсе не о простом “продвижении мордвы на восток, вызванном проникновением русских с севера и запада и татар с юга и востока, а также стремлением освободиться от гнета золотоордынских ханов”, как считает Г.И. Матвеева (Матвеева Г.И., 1980. С. 69). Вторая половина XIII в. – это время только что образованного государства с сильной центральной властью, государства завоевателей “половины мира”, а Самарская Лука – важный узел в Великом волжском пути, в котором монгольские ханы были жизненно заинтересованы. Наивно предполагать, что здесь русское и мордовское население получило бы свободу от гнета завоевателей, скорее наоборот: в своих лесных районах, отдаленных от Золотой Орды, они были бы в большей безопасности. По нашему мнению, появление в рассматриваемом районе поселков с разноэтничным населением в середине XIII в. – это результат насильственного расселения пленников, приведенных из соседних покоренных стран. Об этом свидетельствует и очень “пестрый” состав населения: русские из Киева, Владимира и Суздаля (Алихова А.Е., 1960); мордва – мокша и эрзя, на своей “исторической родине” проживавшие раздельно.

Доказательства имеются и в письменных источниках. В них сообщаются сведения о постоянных поездках знати из покоренных стран в Орду, где они жили годами; и о ремесленниках, согнанных в Поволжье для строительства новых городов (Полубояринова М.Д., 1978). Политика ханов, направленная на быстрое строительство городов по всей огромной территории государства, требовала большого количества ра-

бочей силы, которой и были пленные рабы из разных стран. Еще в 1253 г. Гильом Рубрук видел на правом берегу Волги "новый поселок, который Татары устроили вперемежку из Русских и Сарацинов (волжских болгар), перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда" (Путешествия в восточные страны Плано Карпины и Рубрука, 1957. С. 118). Поток пленных не прекращался в течение второй половины XIII и XIV в. Русские летописи свидетельствуют о массовом уgone жителей Руси в Орду во время набегов, карательных походов, об уводе в рабство из-за недоимок в течение всего татаро-монгольского ига. По мнению М.Д. Полубояриновой, археологические следы пребывания русских есть во всех более или менее исследованных золотоордынских центрах: от Наровчата до Маджар, от Поволжья до Крыма (Полубояринова М.Д., 1978). В крупных городах: Болгаре и Сарай-Берке открыты целые кварталы, где проживало русское население. Особенно ярко выделяется русский компонент в материальной культуре небольших городов и поселков, таких как Водянское городище и Березовское поселение, где русские составляли значительную часть жителей. В последние годы саратовскими археологами выявлено и изучено значительное количество памятников с древнерусскими комплексами в лесостепном Прихоперье (Хреков А.А., 1994. С. 103–107).

Таким образом, именно насильственный характер заселения Самарской Луки и побережья Волги в XIII–XIV вв. обусловил специфику размещения поселений: наибольшая плотность населения была приурочена к местам, связанным с переправами и перевозками судов.

Дальнейшая характеристика памятников предполагает использование информации, полученной в результате археологических раскопок. *Степень изученности* археологических памятников этого времени различна. Большая их часть подвергалась только осмотру и шурфовке, что позволило лишь установить их принадлежность к рассматриваемому периоду. Более или менее значительные раскопки производились на следующих памятниках: Муранском могильнике и поселении рядом с ним; поселениях Березовка, Печерские Выселки, Рубленое озеро; Междуреченском городище и Усинском II могильнике, а также Барбашинском могильнике.

Наиболее полно исследованы могильники: на Муранском могильнике вскрыто более 500 погребений: в основном, языческих, принадлежавших мордве, а также несколько погребений, совершенных по мусульманскому обряду. На Усинском II могильнике раскопано 20 погребений, языческих (мордовских) и мусульманских. К сожалению, большой материал, полученный в результате раскопок и сборов на Барбашинском могильнике, хранящийся в фондах СОИКМ, не опубликован. Пять безинвентарных погребений с южной ориентировкой изучено на Березовском могильнике. Несколько мусульманских погребений вскрыто на территории Междуреченского городища (Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И., 1995). Известен могильник около поселения Печерские Выселки. Анализ погребального обряда и инвентаря позволяет их четко датировать, а также сделать некоторые историко-

культурные заключения, касающиеся этнического состава, хозяйственной деятельности и имущественной дифференциации населения. Большим недостатком данного источника является отсутствие результатов антропологического изучения, что значительно затрудняет выяснение этнической принадлежности погребенных, особенно в случаях использования мусульманского или христианского обрядов.

Масштабы раскопок поселений золотоордынского периода в I микрорайоне значительно скромнее, чем могильников. Раскопки А. Е. Алиховой на поселениях Березовка, Печерские Выселки и Рубленое озеро дают некоторое представление о жилых и хозяйственных постройках и видах ремесленных объектов. Имеется коллекция керамики и вещевого материала из этих памятников. Все эти данные могут быть привлечены для характеристики быта и хозяйства населения, его этнокультурного состава и религиозных верований некоторой его части. Безусловно, незначительный объем работ на поселениях сужает информацию по этим вопросам и отражает лишь какую-то часть того многообразия, какое существовало в рассматриваемый период.

Раскопкам было подвергнуто только одно городище золотоордынского времени – Междуреченское. На нем было вскрыто около 1000 кв. м. В ходе работ были изучены хозяйственные объекты, часть мусульманского могильника, получены значительные коллекции вещей и керамики. Удалось определить, что на территории памятника имеются культурные слои именьковского и домонгольского времени. К сожалению, ограниченные сроки работ не позволили выяснить один очень важный вопрос о времени сооружения фортификационных укреплений: вала и рва. Дело в том, что в начальный период существования монгольской империи имелся запрет на укрепления вокруг городов: при сильной центральной власти города не нуждались в защите, крупные поселения и замки лишались укреплений с целью пресечь возможные сепаратистские тенденции. Старые укрепления вокруг городов на завоеванных землях монголы приказали скрыть и рвы засыпать, а новые города строились без них. Только во второй половине XIV в., во время феодальной смуты в Золотой Орде города начали укрепляться (Федоров-Давыдов Г.А., 1966).

Топография памятников золотоордынского периода. Топографические особенности положения поселков на местности, расположение их относительно речной и овражно-балочной сети и лесных массивов – все это определяет *тип заселения*. В ходе хозяйственного освоения Самарской Луки в XIII–XIV вв. преобладающим типом заселения стал прибрежно-речной тип: поселения располагались, в основном, на берегах рек, иногда отступая на пологие склоны верхней надпойменной террасы (Березовка) или на возвышенные участки в пойме реки возле озер (Рубленое озеро, Данилово озеро у с. Усолье). Выбор места для поселения в рассматриваемый период обуславливался их основными производственными функциями (близость к местам переправ и переволоки судов); удобством для занятий сельским хозяйством, а также бытовыми удобствами: близостью источников воды и достаточно глубоким уровнем стояния грунтовых вод. Выбор места для городищ оп-

ределялся, в целом, теми же причинами, но существовала и специфика. Городища выполняли контрольные функции, связанные с Волжским торговым путем; в них находились, по-видимому, военные гарнизоны, обеспечивавшие охрану этого пути и т.д. Два известных городища этого времени (Междуреченское и несохранившееся в настоящее время Костычевское) располагались на очень высоких обрывистых мысах берега Волги, откуда хорошо просматривались значительные участки реки. Особняком стоит Александровское городище, которое находится вдалеке от Волги, в лесу, на "Чиликиной" горе, между с. Александровкой и г. Жигулевском. Городище очень большое, укрепленное высоким валом и рвом с проездами. Шурфовка этого памятника не дала никаких материалов, т. е. культурный слой на нем отсутствует или занимает небольшую часть площади (рядом с городищем был найден обломок гончарного сосуда XIII–XIV вв. (Трубникова Н.В., 1960. С. 126). Обоснованные предположения об этом городище будут возможны после более тщательного обследования. Тем более это интересно, так как, возможно, данное городище – единственный замок золотоордынского периода в Самарском Поволжье.

Грунтовые могильники рассматриваемого периода расположены рядом с поселениями. Кладбище, связанное с поселком Печерские Выселки, находилось от него в 50 м. В некоторых случаях разросшееся поселение занимало площадь могильника, который был основан в более ранний период существования поселка (Березовка, Междуреченское городище). Муранский могильник находился на противоположном от поселения берегу реки. Он занимал площадь 1,7 га. По подсчетам А.Е. Алиховой, в течение одного столетия здесь было захоронено приблизительно 5000 человек, не считая грудных младенцев (Алихова А.Е., 1954). II Усинский могильник расположен на высоком берегу протоки Воложки, его площадь превышала 1 га. Поиски поселения, связанного с этим могильником, пока не дали результата.

Можно предполагать разделение могильников по религиозному и этническому признаку. Так, мусульманское кладбище было основано на значительном расстоянии от языческого Муранского могильника. В то же время при раскопках II Усинского могильника было зафиксировано три типа погребального обряда: 1) языческий мордовский, 2) языческий кочевнический, 3) мусульманский. По-видимому, материал данного могильника отражает активный процесс смешения разных этнических групп населения Самарской Луки, что подтверждается результатами антропологического исследования (табл. 22).

Типы поселения, под которыми нами понимаются разновидности поселений, отличающихся в социально-экономическом отношении, представлены на Самарской Луке в XIII–XIV вв. тремя: 1) крупное укрепленное городище – административный центр или место пребывания должностного лица и военного гарнизона (Междуреченское городище); 2) крупное неукрепленное поселение – село, население которого занималось выполнением определенных государственных повинностей (переправой и перевозкой судов, обустройством торговых караванов и послов и т. д.) (Березовка, Печерские Выселки, Комаровка, Муран-

ка); 3) небольшое неукрепленное поселение – выселки или починки, население их занималось, в основном, сельским хозяйством (Лбищенское, Усинское, Усольское и другие мелкие поселки). Для населения, проживавшего в поселениях 1 и 2 типа, было характерно также занятие торговлей и ремеслами.

Незначительный объем раскопанных поселений на Самарской Луке и побережье Волги не позволяет охарактеризовать *форму поселений*, т. е. расположение жилых и хозяйственных построек. Оно могло быть беспорядочно-гнездовым или уличным. Пока невозможно ответить также на вопрос о характере расселения внутри поселков: селились ли этнические группы населения компактными коллективами или жили чересполосно. В этом отношении интересны результаты исследования Междуреченского городища: основная часть древнерусской керамики была найдена в раскопе, расположенном на прибрежной нижней площадке городища, культурный слой верхних районов практически не содержал такую керамику, там преобладала “общеболгарская” ремесленная посуда (Васильева И.Н., 1995).

Этнокультурный состав населения. Анализ письменных и археологических источников позволяет выделить следующие этнические группы населения Самарской Луки в XIII–XIV вв.

1) *Мордовская группа* разделяется на мордву-мокшу и мордву-эрзю, имевшие некоторые различия в погребальном обряде. Для них был характерен устойчивый языческий обряд со следующими чертами: грунтовые могильники; расположение могильных ям рядами; простые прямоугольные могильные ямы различной глубины: от 0,3 до 2 м; использование деревянных гробовищ, иногда колод; различное положение умерших женщин и мужчин – мужчины клались в вытянутом на спине положении (табл. 3), женщины – в позе спящего, на правом боку с подогнутыми ногами, руки – перед лицом (табл. 4); ориентировка различна для мокши и эрзи: для первых – южная, для вторых – северная; встречается обряд трупосожжения; присутствие многочисленного, как правило, погребального инвентаря: вооружения, орудий труда, предметов конской сбруи, предметов быта – у мужчин; украшений, глиняной посуды, предметов быта – у женщин.

Специфичными женскими украшениями, характерными для мордвы-мокши, являются: 1) полукери – трубчатые наконечники, в которые вставлялась коса; 2) скульгамы – застежки с плоскими треугольными лопастями (табл. 4). Для эрзянских женщин были традиционны кольцевые застежки.

Керамика мордовских племен из памятников Самарского Поволжья представлена сделанными вручную сосудами баночной, горшководной и мисковидной формы (табл. 5). Они, как правило, неорнаментированы, вследствие кострового обжига имеют пятнистый серовато-коричневый цвет. Технология их изготовления очень архаична: формовочные массы из глины с добавкой шамота и органики в большой концентрации; использование лоскутного налепа для конструирования сосудов; отсутствие навыков работы на гончарном круге; костровый обжиг. Микроскопическое исследование не подтвердило предположение

А.Е. Алиховой о специальном изготовлении погребальной посуды: технология изготовления мордовской поселенческой керамики идентична погребальной (Васильева И.Н., 1993а. С. 123–124).

2) *Русская группа* населения Самарской Луки. О пребывании русских в Золотой Орде свидетельствуют многочисленные письменные источники. Эти данные подтверждаются и конкретизируются археологическими источниками. На Березовском поселении были найдены такие русские вещи, как подвеска-уточка, имеющая аналогии в Суздале, Новгороде и датирующаяся XII в. (табл. 2, 12), а также четыре православных креста, два из которых – энкалпионы (табл. 2, 11); железное писало; стеклянные браслеты и т. д. (Алихова А.Е., 1960). Кроме того, там раскопаны три жилища: одно – наземное с остатками глинобитной печи, и два – полуземлянка и землянка. Находки в них православных крестиков и преобладание русской керамики, а также аналогии элементов строительства таких жилищ с суздальскими позволили А.Е. Алиховой считать их русскими (Там же). Анализ костей животных, произведенный В.И. Цалкиным, показал большой процент в их составе костей свиньи – 24%. Мусульмане, как известно, свиней не разводили из-за религиозного запрета. Кости этого животного могли оказаться в культурном слое лишь тех поселений, где жили христиане и язычники (Цалкин В.И., 1958. С. 256–257).

Глиняные сосуды русского населения имеют форму горшка с характерным венчиком изогнутой формы. Небольшая их часть орнаментирована линейным многоярдым орнаментом, иногда волнистыми линиями в верхней части тулова. Цвет сосудов, как правило, серый, иногда бурый (табл. 3, 1–10). Большая часть древнерусской посуды изготовлена с помощью гончарного круга, т. е. является продукцией ремесленного гончарного производства. Другая часть керамики сделана вручную без гончарного круга, в рамках домашних производств. Для гончарной технологии характерны следующие черты: составление формовочных масс из глин с добавкой дресвы или песка совместно с органикой; способы конструирования сосудов – кольцевой налеп из лент и спиральный налеп из жгутов; применение гончарного круга для профилирования сосудов; печной обжиг (Васильева И.Н., 1993б. С. 117–119).

Вопрос о русских погребениях остается открытым. Христианский погребальный обряд имеет много общих черт с мусульманским: грунтовые могильники, простые глубокие ямы, вытянутое положение умерших на спине, западная ориентировка, использование деревянного гроба, отсутствие вещей. Лишь некоторые детали этих обрядов различаются: для ортодоксального мусульманского погребения характерно положение покойника с разворотом на правый бок, с тем чтобы лицо было повернуто на юг, к Мекке, руки вытянуты вдоль туловища или одна из них находится на тазовых костях. Христианский обряд предполагает положение рук на груди. Однако на практике довольно часты отклонения от ортодоксальных правил обряда, особенно в период становления новой религии или в экстремальных условиях. Переселение на совершенно новую территорию можно рассматривать именно как экстремальную ситуацию, когда вполне вероятны ошибки в определе-

нии сторон света и т.д. Все вышесказанное позволяет предполагать, что традиционно считающиеся мусульманскими могильники у сел Березовка и Печерские Выселки могут оказаться христианскими. Они обнаруживают близость в некоторых деталях обряда с русскими погребениями Водянского городища: отклонение от широтной ориентировки к югу, положение рук поперек живота (Полубояринова М.Д., 1978. С. 76–77). Окончательное решение данного вопроса возможно только после антропологического изучения черепов из этих могильников.

3) *Болгарская группа* населения. О присутствии болгар (“сарацинов”) в поволжских населенных пунктах Золотой Орды сообщается в письменных источниках, о чем уже говорилось выше. Косвенными доказательствами проживания данной группы на Самарской Луке в XIII–XIV вв. являются погребения мусульманского Муранского могильника, отделенного от мордовского значительным расстоянием, а также обнаруженное во время разведки в 1974 г. погребение у с. Березовка, совершенное по ортодоксальному мусульманскому обряду, с монетой в области рта умершего. Однако отсутствие антропологического анализа не позволяет считать этот источник достоверным.

В условиях сильного централизованного государства государственная религия (а таковой в Золотой Орде в XIV в. стал ислам) довольно быстро распространяется в среде различных этнических групп. Об этом свидетельствуют мусульманские погребения II Усинского могильника, которые расположены чересполосно с языческими мордовскими. Эти погребения в общих чертах соответствуют мусульманскому обряду захоронения, вместе с тем в них имеются некоторые нарушения: отдельные украшения в женских погребениях, поворот лица на север, неустойчивое положение рук (Васильева И.Н., 1993а). Такие реликты язычества характерны для начального периода принятия мусульманства и утверждения нового обряда. Сведения о распространении ислама в мордовской среде в XIII–XIV вв. получены также при раскопках Старосотенского и Аткарского могильников (Алихова А.Е., 1959).

Самым достоверным источником, свидетельствующим о проживании болгар в данном районе, является керамика. На поселениях этого времени болгарская ремесленная керамика найдена в большом количестве. Технологическое ее изучение показало сходство приемов изготовления с общеполгарскими, в частности с гончарными традициями ремесленников Болгара и Иски-Казани (Васильева И.Н., 1993б. С. 102–110).

4) *Марийская группа* населения – ее присутствие в указанном районе фиксируется только по керамике. Т.А. Хлебникова отнесла ее к XVI “славяновидной” группе керамики (Хлебникова Т.А., 1988. С. 33). Подобный керамический материал имеется в коллекциях Междуреченского городища и поселений: Березовского, Печерские Выселки, Барбашинского, Верхне-Хрящевского (Васильева И.Н., 1993б. С. 120). Он представлен горшками, по форме очень близкими древнерусской посуде. На многих памятниках Волжской Болгарии такая керамика встречается совместно с древнерусской. Отличие ее от древнерусской заключается в технологии изготовления, которая характеризуется следу-

ющими чертами: составление формовочных масс из глин с добавкой дробленой раковины; конструирование сосудов архаичным лоскутным налепом; отсутствие признаков применения гончарного круга; костровой обжиг. Производство данной керамики было домашним (Васильева И.Н., 1993б. С. 119–120).

Присоединяясь к авторитетному мнению Т. А. Хлебниковой об интерпретации указанной XVI группы керамики, хотелось бы высказать и другой вариант объяснения присутствия данной керамики в слоях болгарских памятников совместно с древнерусской. Если под “древнерусской” рассматривать ремесленную русскую посуду (а при характеристике керамики XIV группы Т.А. Хлебникова указывает на “гончарную выделку” этих сосудов), то лепная керамика похожих форм с “грубыми” примесями, которую мы относили к XVI группе при разделении материалов поселений Самарской Луки, могла быть также древнерусской, но сделанной только в рамках домашних производств. Решение данного вопроса будет зависеть от технологического изучения керамики древнерусских памятников, которое к настоящему времени не произведено.

5) *Кочевническая группа* населения: при раскопках II Усинского могильника было обнаружено два расположенных рядом погребения, которые отличались от общей массы погребений могильника. Они находились в простых, менее глубоких, чем языческие мордовские, ямах с закругленными углами. Погребенные лежали на спине, головой на запад и запад-северо-запад. В одном погребении был только железный нож, в другом – нож и бронзовое зеркало. Рядом с последним, к северу от него, в отдельной яме лежал скелет лошади с подогнутыми ногами, ориентированный в противоположную сторону – на восток (табл. 6). Эти черты обряда не характерны для мордвы. В то же время такой обряд зафиксирован в среде кочевников южнорусских степей: тип Б-XXIII по Г. А. Федорову-Давыдову. Подобное погребение с полным костяком коня было найдено также в Ставропольском районе Самарской области, в левобережье Волги, в саду совхоза им. Луначарского. Ориентировка погребенного в данном случае была восточной, как и коня. В погребении было найдено железное стремя, наконечник стрелы и кресало (Васильева И.Н., 1979). Кочевнические грунтовые могильники открыты недавно в левобережье Волги, возле с. Екатериновка (Крамарев А., 1993).

Анализ письменных и археологических источников позволяет дать общую *характеристику социально-экономических отношений* в среде населения рассматриваемого района в XIII–XIV вв. Особенностью социального развития данного района в указанный период было то, что значительную часть населения составили рабы, согнанные из захваченных монголами стран. Однако уже в конце XIII – XIV в. в Золотой Орде повсеместно происходил процесс освобождения рабов и превращения их в феодально-зависимых людей, т. е. процесс образования новой социальной прослойки золотоордынского общества – полусвободного городского плебса (ремесленников и торговцев – вчерашних пленных и переселенных ремесленников (Федоров-Давыдов Г.А., 1973. С. 84;

1998. С. 10–11). Они были связаны определенными обязательствами со своими хозяевами, но могли жить своим домом и семьей. Земледельческое население Золотой Орды было обязано сдавать “тамгу” – сбор в пользу монголов, а также выполнять повинности по обеспечению монгольских властей подводами, кормом, лошадьми. Кроме того, население обладалось поземельным налогом, взимавшимся с плуга, рала, и должно было выставлять по требованию ханов воинов. Свидетельством того, что значительная часть населения в XIV в. уже не находилась в рабской зависимости, являются черты имущественной дифференциации в мордовских могильниках: Муранском и Барбашином. Там раскопаны как бедные, так и очень богатые погребения, в частности, находка костяных орнаментированных обкладок на колчан, единственная пока в Самарской области, происходит именно из Барбашинского могильника (Малиновская Н.В., 1974. С. 163, табл. XVI, № 73–75). Как известно, колчаны с резными обкладками были доступны в основном богатым воинам (Там же. С. 169).

Основными видами хозяйственной деятельности населения были земледелие, пастушеское скотоводство, рыболовство, ремесла. Земледелие было плужным, о чем свидетельствует находка в Муранском могильнике резака от плуга. Там же были найдены серпы. При раскопках Березовского поселения обнаружена коса-горбуша. Скотоводство занимало важное место в хозяйстве населения Самарской Луки в XIII–XIV вв. Остеологический анализ костей животных из слоя Муранского поселения позволил установить следующий состав стада: корова – 62%, мелкий рогатый скот – 22%, лошадь – 14%, свинья – 2% (Цалкин В.И., 1958. С. 274). О занятиях рыболовством говорят многочисленные кости рыб в культурных слоях поселений того времени. Большие лесные массивы Луки давали дичь и мед диких пчел. В одном из погребений Муранского могильника (раскопки В.Н. Поливанова) был найден круг воска в виде половины баранки толщиной 3,5 см и диаметром 13,5 см с углублениями на поверхности. Материал раскопок Березовского поселения и Муранского могильника позволяет установить наличие развитых и специализированных ремесел. На Березовском поселении были обнаружены остатки производства железа. В Муранском могильнике имелось погребение мастера-металлиста: умершего сопровождали такие инструменты, как кайло для добычи руды и топор для разбивания криц. А. Е. Алихова выделила в этом могильнике еще погребение кузнеца, мастера-замочника, “ювелира по железу”, в погребение которого был положен комбинированный инструмент: молоточек-гвоздодер с буравом (Алихова А.Е., 1954).

II. Бассейн рек Кондурчи, Сока, Большого и Малого Кинелей расположен в лесостепной ландшафтной зоне. Реки входят в развитую речную систему левых притоков р. Волги. Здесь много лесных массивов, а некоторые участки пойм труднопроходимы из-за обилия кустарников и деревьев. Степень изученности археологических памятников XIII–XIV вв. в данном районе значительно меньше, чем на Самарской Луке. Исследования ограничены, в основном, осмотром и шурфовкой.

Первые находки предметов золотоордынского времени были сделаны в XIX в. при строительстве Оренбургской железной дороги, на правом берегу р. Большой Кинель, на территории современной станции Кинель. В карьере, вырытом для балласта на полотно железной дороги, был обнаружен грунтовый могильник. Большая часть открывшихся погребений была разрушена, а вещи присвоены рабочими. Граф Н.И. де-Рошфор, строивший вокзал в Самаре, посетил место находки и успел найти в могильнике только два нетронутых костяка: один из них был завернут с головой в парчу, другой – в бересту. Вскоре туда прибыл П.В. Алабин, который изучил одно погребение: костяк взрослого человека лежал в вытянутом на спине положении, “лицом к западу”, на бедре у него находился железный нож, кроме того, там были обнаружены “раздавленный черной глины горшок, со вдавленным узором по борту; часть конских железных удил, наконечник стрелы” (Алабин. П.В., 1895. С. 9–10). П.В. Алабин собрал у рабочих вещи из могильника: две части металлического зеркала, два фрагмента другого зеркала, раковину “змеиную головку” из женского ожерелья, стеклянную разноцветную бусину. Все вышеуказанные предметы хранятся в фондах СОИМК им. П.В. Алабина. Результаты обследования *Кинельского могильника* отражены в статье П.В. Алабина в Трудах IV археологического съезда, состоявшегося в Казани (Алабин П.В., 1884).

В середине 20-х годов в данном микрорайоне проводились разведочные работы экспедиции В. В. Гольмстен. В общем количестве открытых памятников было несколько золотоордынских.

В 1939 г. в пойме рек Сок и Кондурча работал отряд Куйбышевского музея краеведения. Им было обнаружено несколько памятников Волжской Болгарии (Тихомирова В.А., 1948). Разведочное обследование района было продолжено Средневолжской археологической экспедицией, в результате чего были найдены поселения золотоордынского времени у сел Красные пески, Матьян, Сухая Речка, Серноводск и другие. Раскопкам подвергнуто только два памятника этого периода: *Сухореченское поселение* и *Гундоровский одиночный курган*. В ходе раскопок стоянок неолита и бронзового века у сел *Чекалино* и *Нижняя Орлянка* на р. Сок были изучены также культурные слои поселений золотоордынского времени, расположенные на месте древних стоянок (Колев Ю.И., 1993; 1994; Мамонов А.Е., 1993).

Материал большинства открытых памятников ограничивается несколькими фрагментами ремесленной “общеболгарской” керамики с присущими ей чертами, распространенными в золотоордынское время. Эти данные позволяют предположительно датировать памятники указанным периодом и определить тип заселения района. Он был таким же, как и в I микрорайоне: прибрежно-речным. Поселения располагались на возвышенных берегах рек, не затопляемых во время весенних половодий. В основном, это были небольшие поселки типа выселок или починков. Нам известны два крупных поселения типа сел: Толкайское на левом берегу р. Малый Кинель (18 000 кв. м) и Сухореченское на р. Большой Кинель (125 000 кв. м).

Сухореченское поселение находится на высоком обрывистом правом берегу р. Большой Кинель, у с. Сухая Речка Похвистневского района. Общая площадь раскопов (1971–1976, 1979, 1981 гг.) составляет более 2000 кв. м. По словам местных жителей, у подножия высокой второй надпойменной террасы, где располагалась небольшая деревня Сухая Речка, находили кости человеческих скелетов, без вещей. Возможно, рядом с поселением был основан и могильник. Однако археологически он не изучен. Небольшой по мощности культурный слой, достигающий в толщину максимально 40–60 см, а обычно 25–35 см; а также отсутствие существенной разницы в составе керамики и вещей по отдельным горизонтам свидетельствуют о коротком времени существования данного памятника. Находка медной монеты в заполнении хозяйственной ямы (раскопки 1981 г.), по определению Г. А. Федорова-Давыдова: Аноним, конец XIII в., позволяет относить основание поселения ко второй половине XIII в. Вероятно, поселок существовал весь XIV в. Состав керамического материала и находки вещей, характерных для золотоордынского периода: поливной кашинной керамики с бирюзовой поливой и подглазурной росписью черного цвета в виде крестиков (“летающих птичек”); фрагментов сероглиняных сосудов с штампованным орнаментом растительного характера; многочисленных обломков чугунных котлов, массовое изготовление которых началось в XIV в. под влиянием китайских образцов – дают возможность датировать Сухореченское поселение второй половиной XIII – XIV вв.

Сухореченское поселение являлось производственным центром, ремесленники которого снабжали своей продукцией окрестные поселки, а, возможно, также и кочевников. Об этом свидетельствуют остатки различных производств на поселении и находки керамики, аналогичной сухореченской, на поселениях Красные пески, Матьян, а также в насыпи кургана 2 Александровского могильника (Васильева И.Н., 1979. С. 220–222).

В культурном слое и на поверхности пашни найдено большое количество тяжелых ноздреватых кусков, содержащих большой процент железа, – полуфабрикатов железоделательного производства. В раскопе 5 (1974 г.) были обнаружены остатки железоплавильного горна и семь глиняных сопел. Сооружения, связанные с металлургическим производством, имелись и в раскопе 1981 г. Сухореченские кузнецы делали орудия труда: ножи, рыболовные крючки, мотыжки и другие; предметы быта: кресала, гвозди; предметы вооружения: наконечники стрел и дротиков (табл. 7). Находки кусков рогов и костей животных со следами резки, шлифовки, отпиливания, а также различных костяных поделок в слое поселения говорят о наличии обработки кости как одной из отраслей производственной деятельности населения Сухореченского центра (табл. 8). О распространении ткачества в среде данного населения свидетельствует большое количество глиняных пряслиц (табл. 9). Самой важной отраслью ремесленной деятельности было гончарство. Раскопки выявили четыре гончарных обжигательных горна. Они имели обычную для домонгольской Волжской Болгарии двухъярусную конструкцию. Горны были вырыты в глиняном грунте и

обмазаны глиняным раствором (табл. 10). Продукцией сухореченских гончаров была неполированная бытовая посуда: широкогорлые кувшины с ручками (табл. 11); хумы – крупные сосуды с невысоким горлом и бочковидным туловом общей высотой 70–80 см (табл. 12, 7); корчаги с характерным для золотоордынского периода оформлением горловины: валикообразными утолщениями на внешней стороне невысокой горловины (табл. 12, 2, 4); горшки и миски (табл. 12, 1, 3, 5; 13).

Изучение технологии керамики Сухореченского поселения позволило выявить некоторые тенденции развития технологических традиций сельских гончаров-ремесленников, работающих в рамках небольших сельских поселков, оторванных от городских ремесленных центров, случайный привоз ремесленной продукции откуда не мог удовлетворить потребности сельского населения. В определенной мере это обстоятельство послужило предпосылкой возникновения ремесленного центра на р. Большой Кинель. Развитию гончарного ремесла здесь способствовали благоприятные природные условия: близость реки и источников сырья. Микроскопический анализ керамики обнаружил различие технологических традиций сухореченских мастеров почти на всех ступенях гончарной технологии, и главное: на ступени конструирования начинов, что свидетельствует о значительной разнородности и смешанности состава гончаров Сухореченского ремесленного комплекса. При этом важно отметить, что все разнообразие технологических приемов этих гончаров имело место в домонгольском болгарском гончарстве. Это позволяет предполагать, что оказавшиеся в данном районе гончары происходили из разных мест Волжской Болгарии (Васильева И.Н., 1993б. С. 125–126).

Сравнительное изучение сельского (на примере Сухореченского центра) и городского (Болгар, Иски-Казань) гончарного ремесла показало их сходство и определенные различия. В городах существовало гончарное ремесленное производство с рыночным сбытом продукции. Достаточно большой объем производства, обнаруженного на Сухореченском поселении; факт распространения керамики сухореченского типа на соседних поселениях; стандартизация продукции сухореченских гончаров, причиной чего является сбыт продукции на рынке, не рассчитанном на индивидуальные вкусы покупателей; высокий уровень развития функций гончарного круга (РФК – 4/5) – все эти факты говорят о том, что сельские гончары также работали на рынок. Но этот рынок был значительно меньше городского, включал население самого поселка и близлежащей округи и, возможно, соседних кочевников (Там же. С. 126–129).

Отсутствие навесов над гончарными горнами, разделение обжигательных горнов и мастерских указывают на сезонный характер сельского гончарства. По-видимому, на Сухореченском поселении жила группа ремесленников, которая занималась сезонным изготовлением глиняной посуды при сохранении определенных связей с сельским хозяйством. Интересно, что при изучении керамики, происходящей из одного и того же горна, выяснилось, что сосуды сделаны разными мастерами. Этот факт может свидетельствовать о существовании обычая со-

вместного использования обжигательных горнов. Такое совместное владение гончарными горнами предполагается в средневековой Руси (Рыбаков Б.А., 1948. С. 364); средневековом Херсоне (Якобсон А.Л., 1941. С. 60–61), подтверждается многочисленными этнографическими данными (Куфтин Б.А., Россова А.М., 1928. С. 22–27; Пономарев Н.В., 1892. С. 339).

Археологические раскопки были сосредоточены только на одном участке Сухореченского поселения, прилегающем непосредственно к берегу реки. Планировка и тип застройки основной части поселка остались невыясненными. Расположение жилых и хозяйственных сооружений на изученном участке было весьма хаотичным. Производственный комплекс (гончарные и металлургические горны) находился на берегу реки. В непосредственной близости от них обнаружены зерновые и другие хозяйственные ямы, а также жилища: землянка (раскоп 1979 г.) и полуназемное жилище (раскоп VII, 1975 г., яма № 4, охарактеризованная Г.И. Матвеевой как “яма хозяйственного назначения”, на мой взгляд, является именно жилищем полуназемного типа). Кроме того, в раскопах 1971–1976 гг. встречались разрушенные очажные ямы и развалы печей, что может быть следствием существования там наземных жилищ.

В результате общего подъема экономики Золотой Орды и возросшим в связи с этим спросом на продукцию ремесленного производства в конце XIII–XIV вв. повсеместно на территории этого огромного государства появились специализированные поселки – ремесленные центры небольших сельских округ. Производственные центры известны в Нижнем Поволжье, в Молдавии, Казахстане. О существовании таких центров в Самарском Поволжье говорят результаты раскопок Сухореченского поселения и гончарного производственного комплекса на дуне “Большой Шихан” (табл. 10, 6).

Оживление ремесленной и торговой деятельности в золотоордынское время сказалось в значительном развитии товарно-денежных отношений, о чем свидетельствуют многочисленные находки монет в слоях поселений (Муранское, Сухореченское и др.), в могильниках (Муранский, II Усинский, Березовский и др.), в кладях. Ю. В. Морозовым сделана практически полная сводка находок и кладов джучидских монет на территории Самарской области (Морозов Ю.В., 1995. С. 319–326). В ней отсутствуют только находки монет, найденных в слое Сухореченского поселения (1981 г.), в погребении мусульманского Березовского могильника (1974 г.), во II Усинском могильнике. Следует отметить, что наибольшая часть находок и кладов джучидских монет относится к I микрорайону Самарского Поволжья, что объясняется близостью Волжского торгового пути. Самыми значительными были клады у с. Губино (в 1891 г. – 442 серебряные монеты, в 1900 г. – 100 серебряных и 24 медных монет); в черте г. Октябрьска (бывшее с. Старые Костычи) – в 1868 г. найдено 110 серебряных монет; у с. Винновка в 1908 г. нашли клад из 416 серебряных джучидских

монет и обломков массивного серебряного браслета. Можно также предполагать, что имеются неизвестные нам находки монет этого времени, которые осели в частных коллекциях. В целом очевидно, что в золотоордынский период в среде населения Самарского Поволжья существовало интенсивное денежное обращение, которое способствовало развитию товарообмена, мелкого розничного торгова и ремесел.

Некоторые факты позволяют предполагать участие населения Самарского Поволжья в международной торговле. Как уже говорилось, в Кинельском могильнике и кургане 2 Александровского могильника были найдены остатки парчовых тканей, расшитых золотыми нитями. Привозные парчовые и шелковые ткани являлись предметами роскоши и употреблялись только золотоордынской аристократией (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 212–213). Наличие в культурных слоях поселков на р. Усе и Сухореченского поселения многочисленных фрагментов расписной глазурированной и серой штампованной керамики свидетельствует о тесных торговых связях с городскими ремесленными центрами Нижнего Поволжья, Болгара и Хорезма, где известны мастерские по изготовлению подобной глиняной посуды. Выше уже отмечалась находка костяной орнаментированной обкладки колчана в Барбашинском могильнике, ремесленное производство которых предполагается в нижеволжских золотоордынских городах (Малиновская Н.В., 1974). То же самое касается и металлических зеркал, которые найдены в Самарском Поволжье уже в значительном количестве.

Таким образом, исследование памятников XIII–XIV вв. и, в первую очередь, крупномасштабные раскопки Сухореченского поселения, показывают, что в Самарском Поволжье, расположенном между Волжской Болгарией, с одной стороны, и степными кочевьями и нижеволжскими городами, с другой стороны, протекали те же процессы, что и в золотоордынском обществе и экономике государства в целом.

В настоящее время во II микрорайоне известно всего два *погребальных памятника* золотоордынского периода: Кинельский могильник и одиночный курган у с. Гундоровка (Красноярский район). Сведений о первом памятнике сохранилось не много. Следует отметить, что П.В. Алабин специально подчеркивает в своей публикации, что “на поверхности земли никаких признаков его существования, ни в виде кургана, ни в виде вала не было” (Алабин П.В., 1895. С. 9). По-видимому, могильник был грунтовым. Находки вещей в погребениях свидетельствуют о языческом обряде захоронения. Известны такие детали обряда, как вытянутое положение умерших, западная ориентировка одного из них, использование бересты и парчовой ткани для заворачивания погребенных. Определение этнической принадлежности могильника возможно только в предположительном плане: языческий обряд погребения, западная ориентировка, расположение памятника недалеко от впа-

дения р. Большой Кинель в р. Самару, на берегах которой найдено уже несколько дюнных кочевнических могильников, — все это позволяет предполагать близость Кинельского могильника дюнным могильникам на р. Самаре и относить его к данной группе памятников золотоордынского периода, оставленной оседающими на землю кочевниками тюркского происхождения.

Гундоровский одиночный курган находился на вершине одного из возвышенных участков коренного склона р. Сок (“Соколы горы”), недалеко от бывшей д. Гундоровка Красноярского района (табл. 15). Он был расположен на самой высокой площадке крайнего всхолмления гряды. Курган имел небольшие размеры: диаметр 7,2 м, высоту — 15–20 см. Насыпь была земляной. Центральная погребальная площадка была ограничена кольцевым ровиком овальной формы, заполненным супесью с углями. На самой площадке вокруг погребения находилось сооружение из деревянных плашек и досок, большей частью обожженных. Оно представляло собой, по-видимому, “домик мертвых” в виде юрты. В центре кургана имелось единственное погребение. Могильная яма была вырыта с уровня погребенной почвы и имела трапецевидную форму. Ее размеры были следующими: длина — 250 см, ширина — 70–100 см, глубина — 80 см. Яма была заполнена материковой глиной, перемешанной с мелкими камнями. В дне ямы было вырыто прямоугольное углубление, в которое был установлен гроб из деревянных досок. В нем лежал скелет взрослого человека в вытянутом на спине положении, левая нога была слегка согнута в колене, правая расположена прямо. Руки были согнуты в локтях, кисти рук лежали на поясе, чуть выше тазовых костей. Погребенный был ориентирован головой на юго-запад-запад, череп повернут лицевым отделом к востоку. У правого плеча находилась голубая пастовая бусина, в области ног найдены остатки кожи черного цвета, по-видимому, от мягких кожаных сапог. Деревянный гроб был перекрыт крышкой из деревянных досок. Погребальный комплекс имеет черты смешения мусульманского и языческого обрядов захоронения. Реликты язычества: курганная насыпь над погребением и присутствие личных вещей при умершем — позволяют относить данный памятник к кругу раннемусульманских, переходных от языческого к мусульманскому обряду погребения. Его находка во II микрорайоне важна для характеристики процесса распространения мусульманства среди кочевников в золотоордынское время, а также проникновения кочевников в среду оседлого населения Золотой Орды, что было весьма характерным явлением в Золотой Орде, особенно в пограничье с традиционно оседлыми территориями, в нашем случае — с Волжской Болгарией.

Этнический состав населения II микрорайона был смешанным, однако более однородным, чем в I микрорайоне. Преобладающим компонентом было болгарское население, которое и оставило большую часть памятников на данной территории. Открытие

Кинельского могильника и Гундоровского одиночного кургана свидетельствует о проживании в данном микрорайоне кочевников тюркского происхождения. Кроме того, следует отметить наличие в керамическом комплексе Сухореченского поселения керамики "барбашинского" типа, принадлежавшей мордовскому населению (Васильева И.Н., 1993. С. 123), а также сосудов XVIII группы (по Т.А. Хлебниковой) (Хлебникова Т.А., 1988. С. 35–38; Васильева И.Н., 1993. С. 121). Они имеют характерную горшковидную круглодонную форму и специфичные ручки с треугольным сечением и плоской площадкой сверху. Сосуды украшены гребенчатым штампом по плечикам и краю ручек. По мнению Т. А. Хлебниковой, эта керамика принадлежала финноугорскому населению, связанному своим происхождением с районом Нижнего Прикамья (Хлебникова Т.А., 1988. С. 38).

III. Южные районы Самарской области и бассейн р. Самара относятся к переходной лесостепной и степной ландшафтной зоне. Издревле эта территория традиционно служила кочевьем различных народов. В эпоху средневековья здесь кочевали тюркоязычные племена. С XI в. завожские степи принадлежали кыпчакам, которых русские современники называли половцами, а западноевропейские авторы – команам. Татаро-монгольское нашествие нанесло по кыпчакам разрушительный удар. Почти вся знать была уничтожена, о чем свидетельствует исчезновение обычая ставить "каменные бабы" на курганах (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 247). Потерпевшие разгром кыпчаки рассеялись в начальный период нашествия по огромной территории Евразии вплоть до Египта. Монголы вытеснили их с лучших угодий и начали кочевать там сами. Однако с течением времени захватчики ассимилировались в местной среде. Арабский автор ал-Омари писал: "В древности это государство (Золотая Орда. – И.В.) было страной кипчаков, но когда им овладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто от одного рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их" (Тизенгаузен В.Г., 1884. С. 235).

Следует отметить, что подвижный образ жизни кочевников приводил к смешению различных типов погребального обряда, однако существует совокупность некоторых черт обряда, которую можно связать с этнически определенными группами кочевого населения (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 133–163). Археологическое изучение памятников кочевников в Самарском Поволжье, датированных по находкам в них хронологически определенных вещей золотоордынским временем, позволило выделить несколько различных групп кочевого населения данной территории.

I. К первой группе мы относим погребения с "печенежско-торческим" обрядом захоронения, для которого были характерны сле-

дующие черты: земляная курганная насыпь, прямоугольные могильные ямы, вытянутое на спине положение погребенного, западная ориентировка, наличие в могиле частей коня. Наиболее четко все эти черты проявляются в погребении кочевника из кургана 7 *Новоавловского* курганного могильника (Васильева И.Н., 1979. С. 224). Курган диаметром 22 м и высотой 0,6 м, сооруженный из земляного грунта, примыкал к цепочке курганов эпохи бронзы. Центральная погребальная площадка была ограничена кольцевой глиняной вымосткой с проходом в южной части кургана. Мощность глины достигала 20 см. Поверх нее и за ее пределами находилось деревянное сооружение в виде кольца из стволов и веток деревьев, ориентированных концами от центра кургана к периферии. В центре кургана располагалась единственная могильная яма прямоугольной формы и размерами: длиной 2,8 м, шириной 0,9 м, глубиной 1,3–1,4 м. Костяк человека был частично разрушен. Оставшиеся неповрежденными кости скелета позволили реконструировать следующую позу погребенного: в вытянутом на спине положении, головой на запад. Сверху он был закрыт досками. К югу от погребенного, справа от него, лежали череп и конечности коня. В погребении были найдены железный наконечник стрелы, звено кольчатых удил, поясная пряжка (табл. 16, 1–4).

Второе погребение золотоордынского времени, совершенное также под курганом, с западной ориентировкой, но без коня, обнаружено в курганном могильнике у с. *Александровка* Безенчукского района (Васильева И.Н., 1979. С. 220–223). Курган 3 имел диаметр 7 м и высоту 0,15 м. Он был “вставлен” в середину цепочки более крупных курганов, насыпанных еще в эпоху бронзы (табл. 17, 1). В южной половине кургана находилось единственное погребение человека, завернутого в бересту (табл. 17, 4). Очертания могильной ямы не прослеживались. Погребенный лежал в вытянутом на спине положении, головой на запад (табл. 17, 5). С обеих сторон черепа находились височные кольца в виде знака вопроса (табл. 17, 9–10), к которым, по-видимому, были прикреплены по три ромбических подвески, сделанных из серебряной фольги на берестяной основе. Кроме того, в погребении имелись два железных ножа, обломок зеркала, пастовая бусина (табл. 17, 3, 7–8). Погребение принадлежало женщине, возможно, поэтому в нем отсутствовали кости коня. В кургане 4 этого же могильника было обнаружено два впускных погребения, частично разрушенных и ограбленных. Их ориентировка в одном случае была западной, в другом – юго-западной.

Несколько погребений с западной ориентировкой известны в бескурганных могильниках. При раскопках *Виловатовского* могильника в общей массе погребенных с северной ориентировкой имелось погребение 5 с западной ориентировкой (Васильева И.Н., 1979. С. 228). На дюне “Большой Шихан” недалеко от гончарного горна находилось погребение человека в вытянутом на спине положении, головой на запад, с остатками жертвенной пищи в изголо-

вье, железным ножом и пряжкой от пояса (Васильева И.Н., 1979. С. 228). Значительную близость этому обряду обнаруживают погребения у с. Екатериновка (Крамарев А., 1993. С. 133–135). Два языческих погребения с западной ориентировкой, одно из которых сопровождалось целым конем, обнаружены в грунтовом мордовском II Усинском могильнике (Васильева И.Н., 1993а. С. 62).

Не следует думать, что все погребения, объединенные нами в I группу кочевнических погребений с западной ориентировкой, оставлены печенежско-торческим населением. Смешанность обрядовых черт указывает на разнородность самого населения. По-видимому, только одно погребение из Новопавловского могильника можно однозначно связать с этой группой тюркоязычных кочевников.

Данный погребальный обряд в домонгольское время был распространен в южнорусских степях, в Поросье и Поднестровье, а в золотоордынское время переместился в поволжские степи. На основе анализа большого количества кочевнических погребений восточно-европейских степей Г. А. Федоров-Давыдов показал, что в золотоордынский период имело место насильственное перемещение значительной массы кочевников из южнорусских степей в Поволжье (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 152). Вероятно, новопавловское погребение было оставлено именно этим населением.

II. Для второй группы кочевников Самарского Поволжья в рассматриваемый период был характерен “половецкий” обряд захоронения, сочетавший две специфичные черты: восточную ориентировку умершего и захоронение рядом с ним целого коня. В настоящее время известно одно такое погребение: в саду совхоза им. *Луначарского* недалеко от г. Тольятти (Васильева И.Н., 1979, 225).

III. Самой многочисленной, по имеющимся материалам, была группа кочевников с погребальным обрядом, для которого были присущи такие черты: ориентировка в северной половине круга и отсутствие обычая класть в могилу коня. Элементы этого погребального обряда распространились с приходом татаро-монголов. Самым северным памятником, в котором все раскопанные погребения совершены в соответствии с данным обрядом, является могильник у с. Балымеры в Татарстане (Халикова Е.А., 1965. С. 114–115). Исключительная выдержанность и чистота обряда позволили Г.А. Федорову-Давыдову “усматривать в людях, оставших здесь могильник, какое-то вторгшееся извне население, не затронутое еще влиянием восточноевропейских кочевых племен” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 158–159).

Памятники такого типа в Самарском Поволжье разделяются на две подгруппы: А) подкурганные – Гвардейский могильник, Покровский могильник (курганы 14 и 15) и Александровский могильник (курган 2); Б) дюнные могильники (район р. Самары – могильники у сел Максимовка, Виловатое, Старая Елшанка, Утевка).

Гвардейский курганный могильник состоит из четырех десятков насыпей, оставленных населением бронзового века, сарматами

и средневековыми кочевниками. К золотоордынскому периоду относятся курганы 3 и 24. Они имели земляные насыпи и небольшие размеры — диаметры 8 и 11 м соответственно. Интересной деталью погребального обряда являются кольцевые ровики вокруг центральной погребальной площадки. В центре курганов находилось по одной могильной яме. Еще одной общей чертой погребений в этих курганах была северо-восточная ориентировка погребенных. Могильная яма в кургане 3 имела ступеньки, на которые опирались концы досок, перекрывавших ее. На дне могилы также были положены доски. В кургане 24 погребенный лежал в деревянной колоде. Инвентарь погребения в кургане 3 состоял из головного убора “бокки”, железных ножниц, шила, бисерных бус, деревянного гребня, обломков металлического зеркала, серьги в виде знака вопроса. В погребении кургана 24 были найдены железный нож, деревянный гребень, обломки металлического зеркала (табл. 16, 5–7; 18) (Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976. С. 156).

Территориальная близость, небольшие земляные насыпи (диаметр 10 м), ориентировка могильных ям по линии север–юг, наличие кольцевых ровиков вокруг центральных погребальных площадок — все эти черты показывают близость курганов 14 и 15 *Покровского* курганного могильника вышеописанному Гвардейскому могильнику. Данные курганы содержали также по одной могильной яме в центре. К сожалению, погребения почти полностью разрушены. Остатки костей погребенных в неповрежденном состоянии показали позу умерших: в вытянутом на спине положении, головой на север. В погребении 14 были обнаружены обломки металлического зеркала. В насыпи обоих курганов имелось много костей животных, пятен прокаленной глины, обломков обожженного дерева и углей (Васильева И.Н., 1979. С. 233 – 234).

Курган 2 *Александровского* могильника (Безенчукский район) был насыпан племенами срубной культуры. Погребение кочевника было впущено почти в центр древнего кургана. Могильная яма имела прямоугольную форму и размеры: длину 2 м, ширину 0,62 м, глубину 1,6 м (табл. 17, 2). Погребенный лежал в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток (табл. 17, 6). У правого бедра находились кости ноги и лопатка овцы. Погребенный был одет в парчовую одежду, от которой остались фрагменты ткани с растительным орнаментом, вышитым металлическими нитями. Кроме того, в погребении были найдены два железных стремени, кожаный кошелек, медная чашечка, кресало с кремешком, два наконечника стрел, звено кольчатых двусоставных удил (табл. 19) (Васильева И.Н., 1979. С. 220–221).

Ко второй подгруппе кочевнических погребений с северной ориентировкой относятся дюнные могильники: *Утевский* (одно погребение), *Максимовский* (семь погребений), *Виловатовский* (восемь погребений), *Старо-Елишанский* (четыре погребения) (табл. 20). Значительная часть погребенных была ориентирована

на север с отклонением на восток. Кроме погребения, расчищенного на дюне "Человечья голова" у с. Утевка, все остальные дюнные погребения содержат очень бедный инвентарь: один – два предмета (табл. 21, 1–11) (Васильева И.Н., 1979. С. 225–228). Комплекс с дюны "Человечья голова" (у с. Утевка) содержал железные ножицы, металлическое зеркало, деревянный гребень, несколько пастовых и бисерных бусин и брошь. Все вещи лежали справа от головы погребенного (табл. 21, 12–20) (Васильева И.Н., 1985).

Появление безкурганных дюнных могильников, как известно, отражает процесс перехода беднейшей части кочевников к оседлости. Процесс классового расслоения в феодальном государстве и переход к оседлости в среде кочевого населения Золотой Орды наблюдался повсеместно, и особенно в районах, расположенных рядом с земледельческими центрами. На берегах р. Самары существовал целый район компактного проживания оседающих на землю кочевников. Здесь находился и гончарный ремесленный центр (дюна "Большой Шихан"). Технологические приемы ремесленников этого центра обнаруживают большие сходства с нижневолжскими, чем с болгарскими (Васильева И.Н., 1993. С. 114). Возле с. Максимовка на дюне располагалось небольшое поселение золотоордынского времени. Собранные здесь керамика имеет общие черты также с нижневолжской. Монета, найденная на памятнике и датирующаяся временем хана Узбека, позволяет относить данное поселение к XIV в. Большой интерес представляет находка на Максимовском поселенииклада железных орудий труда: лемеха, двух плужных резак, двух серпов, скобеля, обломка косы-горбуши, двух топоров. Наличие данных предметов на поселении может служить доказательством занятия жившего там населения земледелием (Юнусова-Ключникова Р.М., 1977).

Присутствие кочевнических погребений во II Усинском могильнике на Самарской Луке, по-видимому, отражает стремление оседавших кочевников перебраться в центры ремесла и торговли, какими были поселки на Великом Волжском пути, и процесс смешения различных этнокультурных групп Самарского Поволжья. Совместная жизнь в рамках единых культурно-хозяйственных комплексов – поселков делала этот процесс неизбежным.

Таким образом, в золотоордынских кочевнических памятниках Самарского Поволжья прослежено несколько типов погребальных обрядов, за которыми стоят разные этнические группы населения. Широкие рамки хронологического периода (1,5 столетия) не позволяют считать все эти памятники единовременными. Однако они свидетельствуют о том, что в течение всего золотоордынского периода данная территория поочередно или одновременно была заселена разными этническими группами кочевников. За определенными группами кочевников, по-видимому, были закреплены определенные маршруты перекочевок, что и объясняет образование более или менее постоянных могильников.

Золотоордынский период истории Самарского Поволжья закончился событиями конца XIV в. В результате военного похода Тамерлана погибла значительная часть поселений. Традиции прочной оседлости были нарушены в нашем регионе надолго. Хотя возможно, что отдельные поселки продолжали существовать в XV–XVI вв. Однако сплошное заселение и возрождение традиций оседлой земледельческой культуры относятся уже к концу XVII–XVIII вв. – периоду вхождения Поволжья в Российское государство.

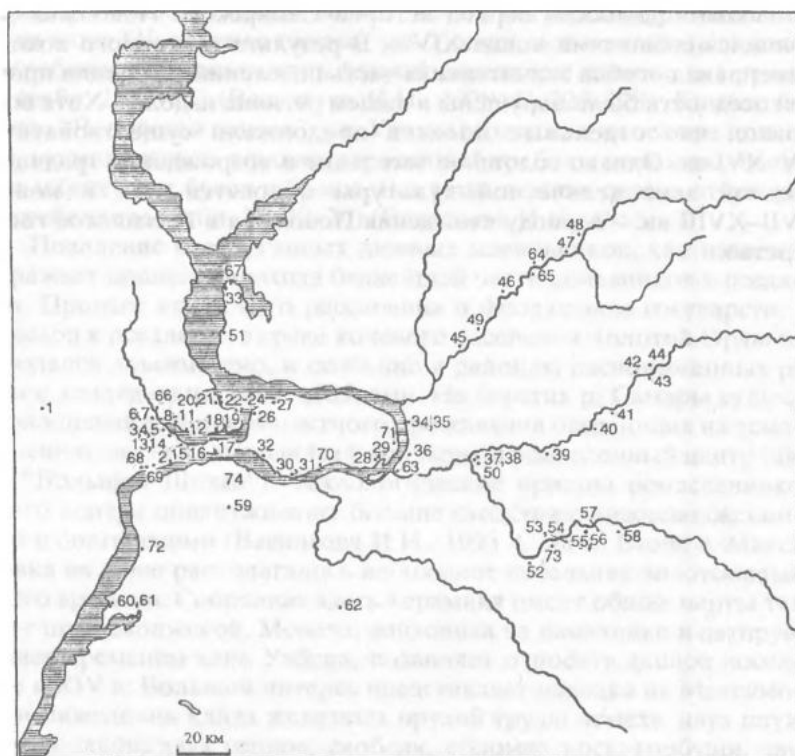

Таблица 1. Карта археологических памятников золотоордынского периода в Самарском Поволжье (номера памятников соответствуют Приложению)

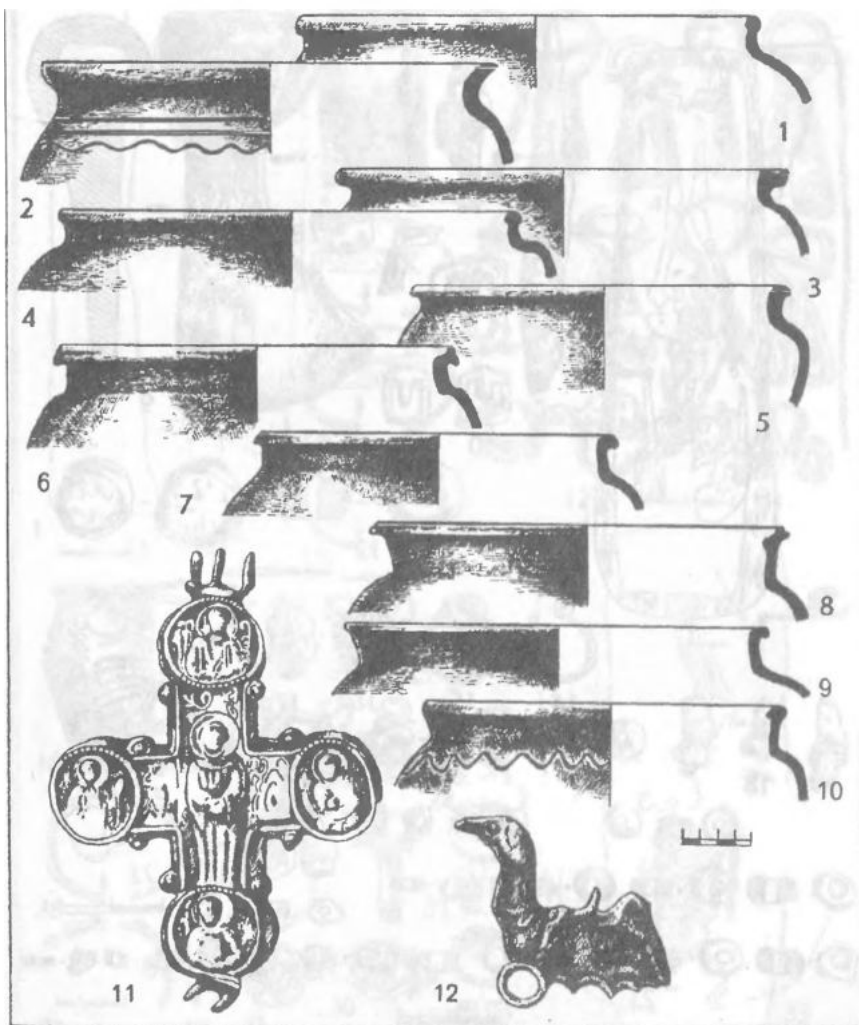

Таблица 2. Материал Березовского поселения.

1-10 – керамика русского населения; 11 – эпоклипс; 12 – подвеска-уточка

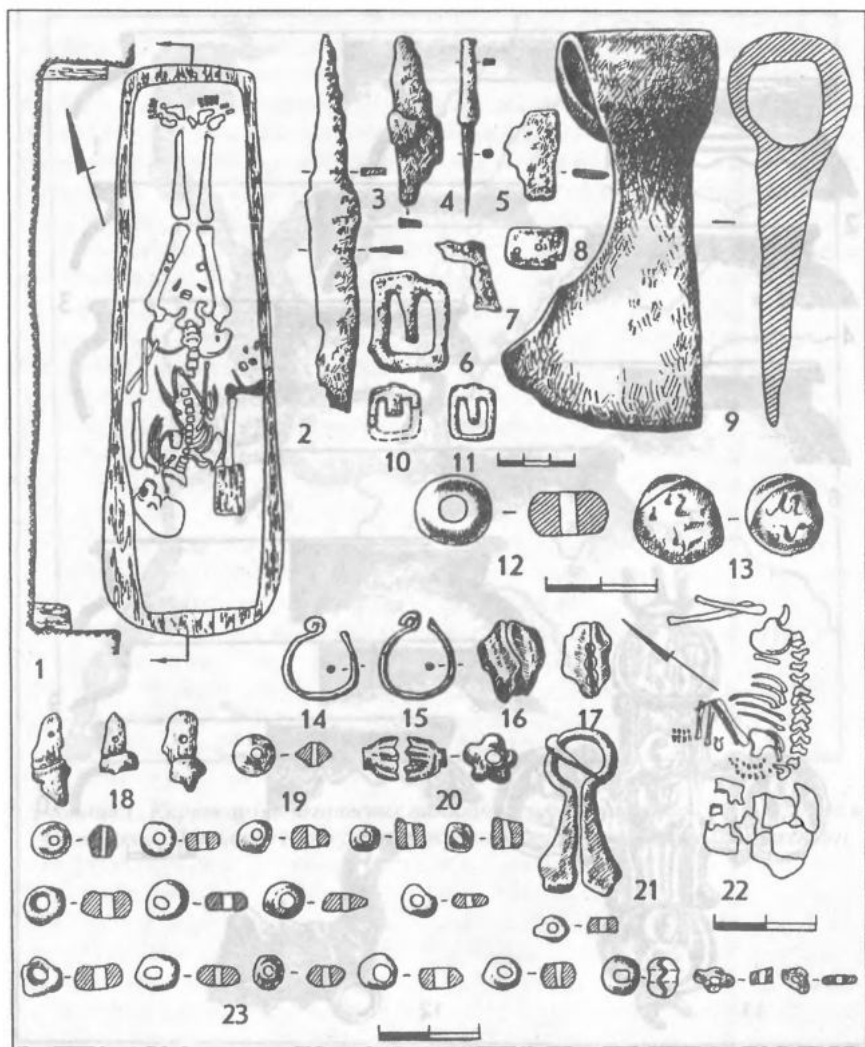

Таблица 3. Погребальный обряд мордовских племен (по материалам Усинского II могильника).

1 – погребение 16 (мужское погребение); 2–13 – инвентарь погребения 16; 22 – погребение 13 (детское погребение); 14–21, 23 – инвентарь погребения 13

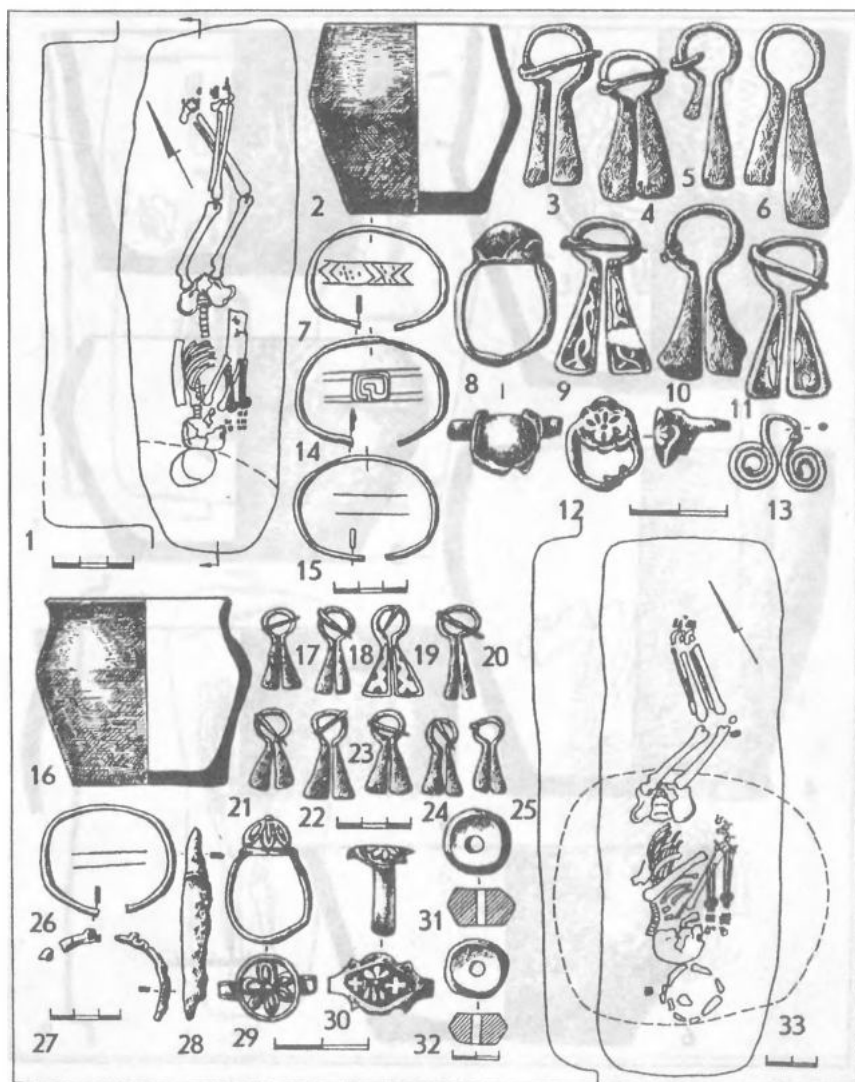

Таблица 4. Погребальный обряд мордовских племен (по материалам Усинского II могильника) – женские погребения.

1 – погребение 11; 2 – 13 – инвентарь погребения 11; 33 – погребение 18; 16 – 32 – инвентарь погребения 18

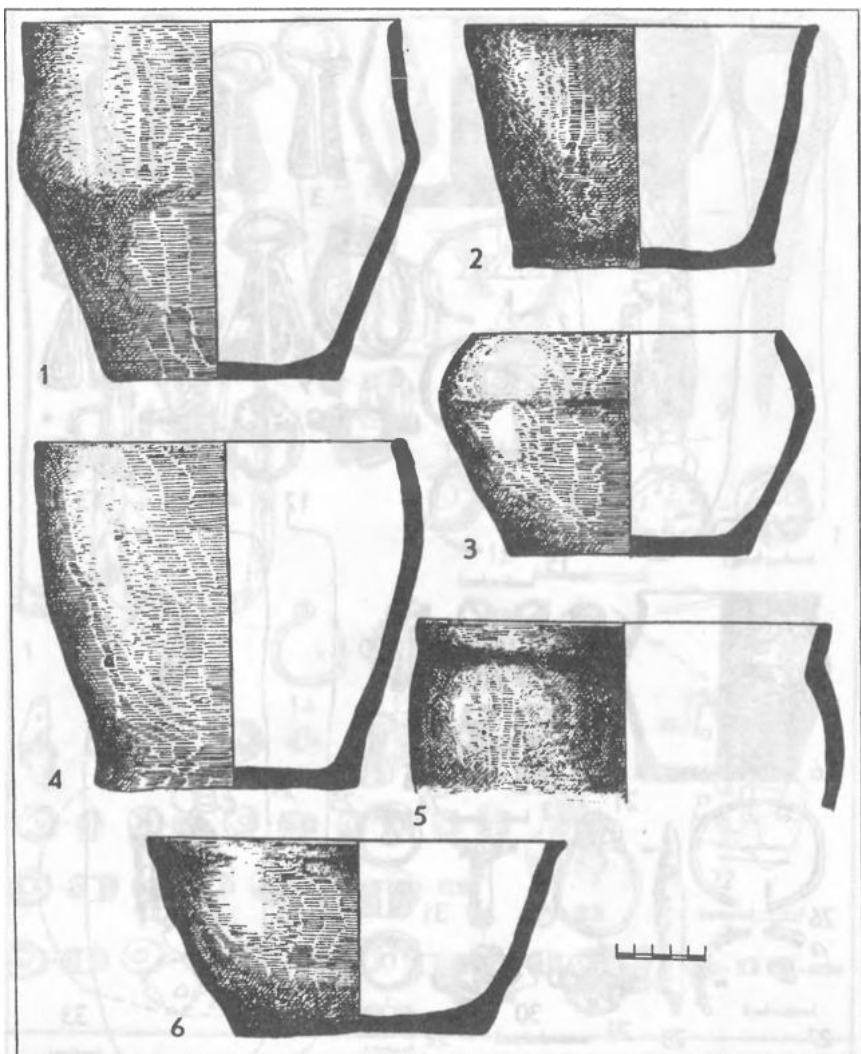

Таблица 5. Керамика мордовских племен второй половины XIII–XIV вв. в Самарском Поволжье (Барбашинский могильник)

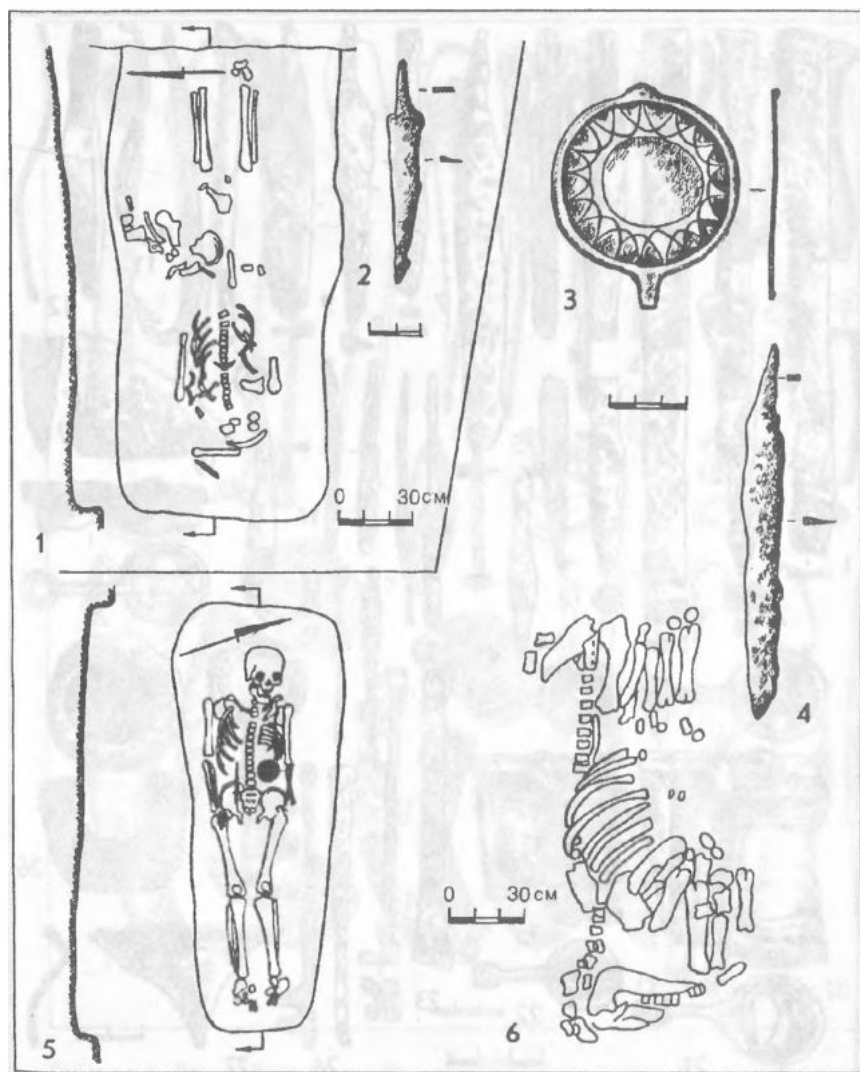

Таблица 6. Кочевнические погребения Усинского II грунтового могильника.
 1 – погребение 14; 2 – нож из погребения 14; 3–4 – инвентарь из погребения 15;
 5 – погребение 15; 6 – скелет лошади рядом с погребением 15

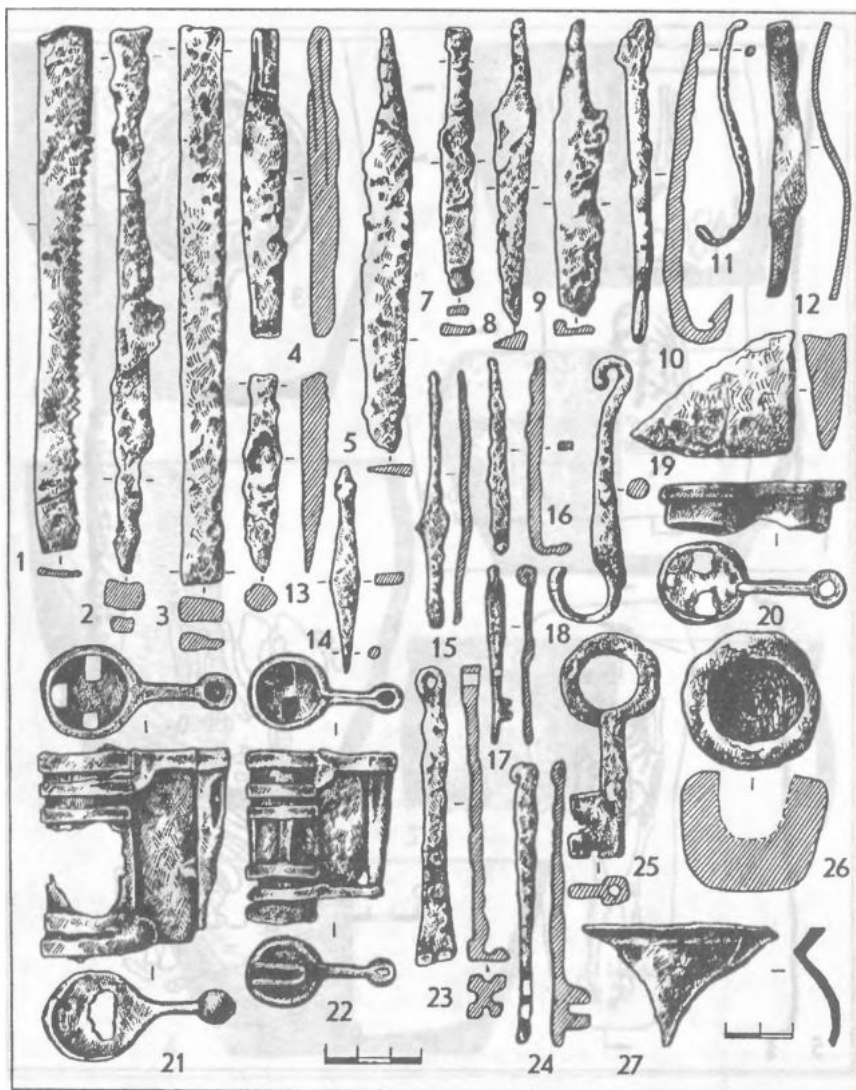

Таблица 7. Вещевой комплекс Сухореченского поселения (железо, чугуны). Раскопки 1979 и 1981 гг.

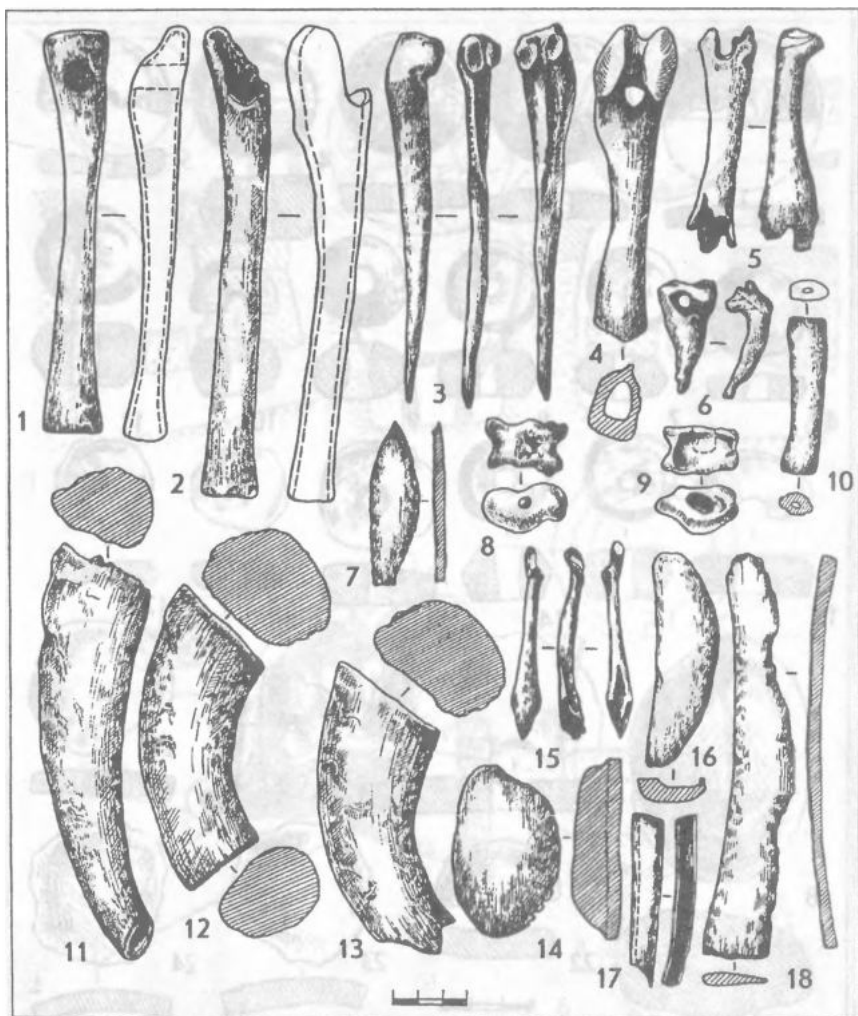

Таблица 8. Вещевой комплекс Сухореченского поселения (кость). Раскопки 1981 г.

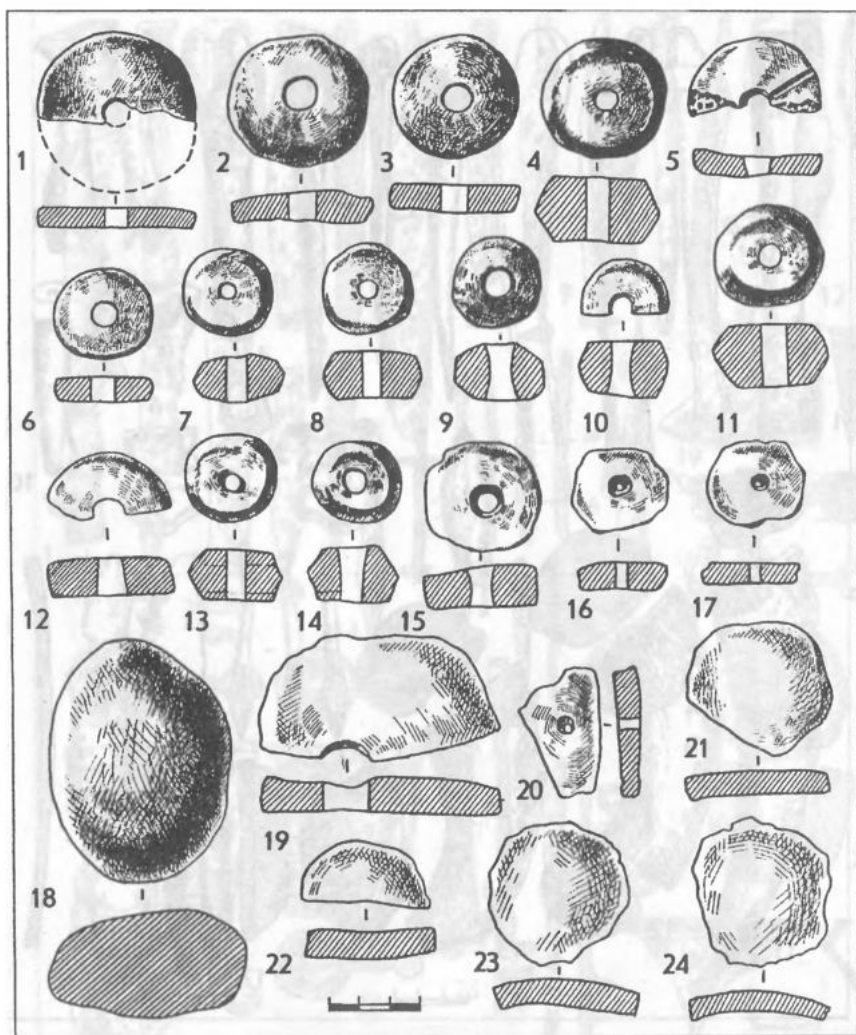

Таблица 9. Вещевой комплекс Сухореченского поселения (пряслища, грузила, заготовки пряслищ из стенок сосудов). Раскопки 1981 г.

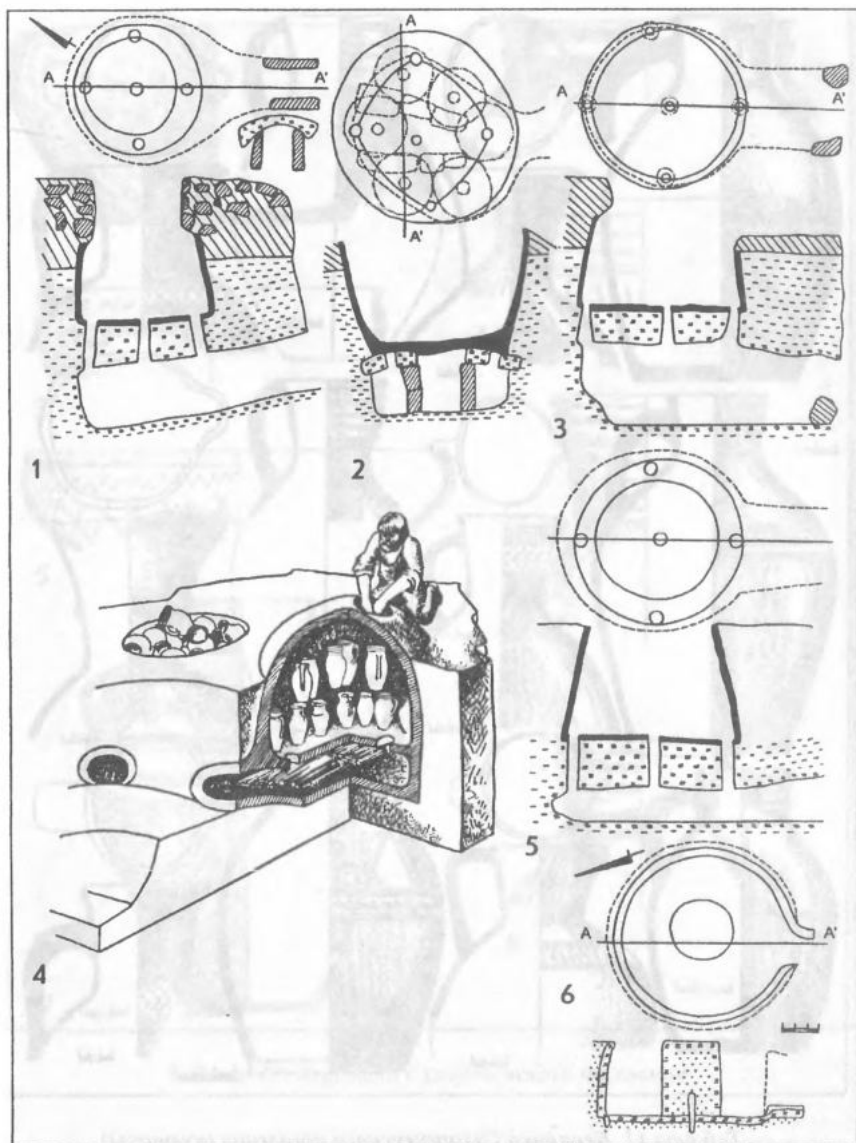

Таблица 10. Гончарные обжигательные горны золотоордынского времени на территории Самарского Поволжья.

1-3, 5 – Сухореченское поселение; 4 – реконструкция двухъярусного круглого гончарного горна; 6 – “Большой Шихан”

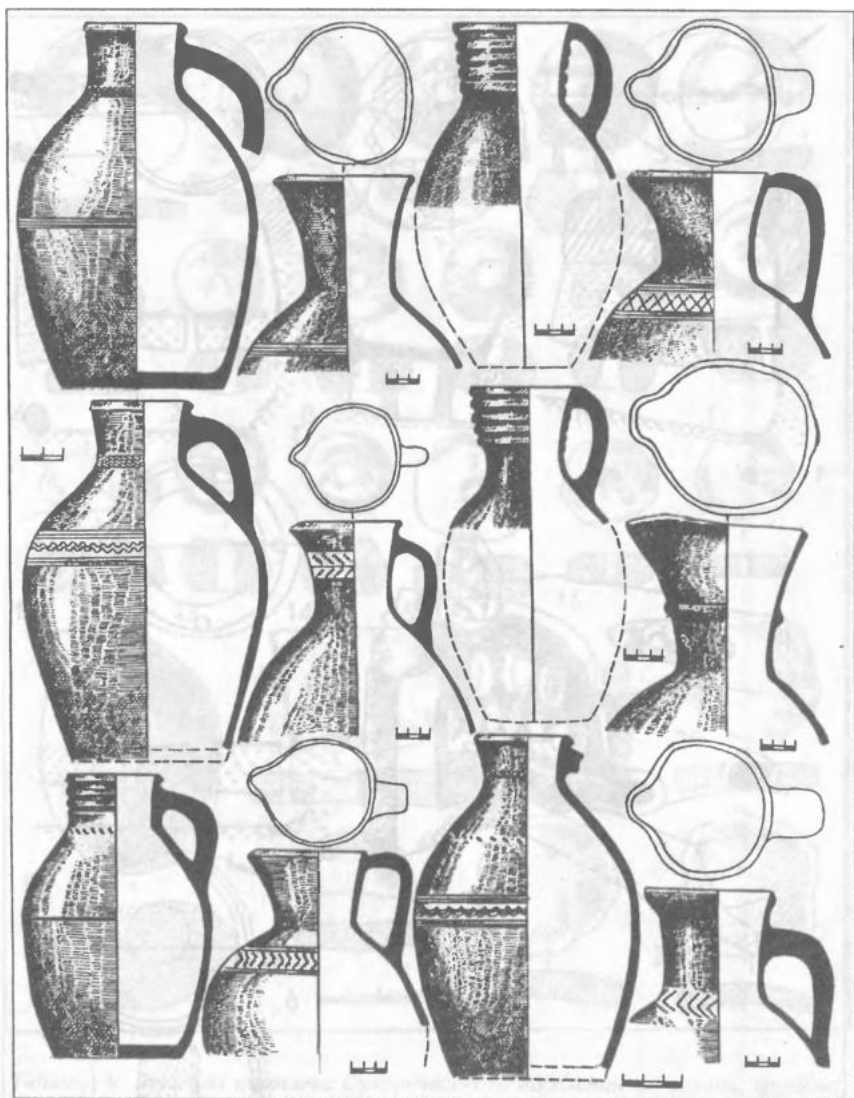

Таблица 11. Керамика Сухореченского поселения (кувшини)

рис. 11.1	рис. 11.2	рис. 11.3	рис. 11.4
рис. 11.5	рис. 11.6	рис. 11.7	рис. 11.8
рис. 11.9	рис. 11.10	рис. 11.11	рис. 11.12

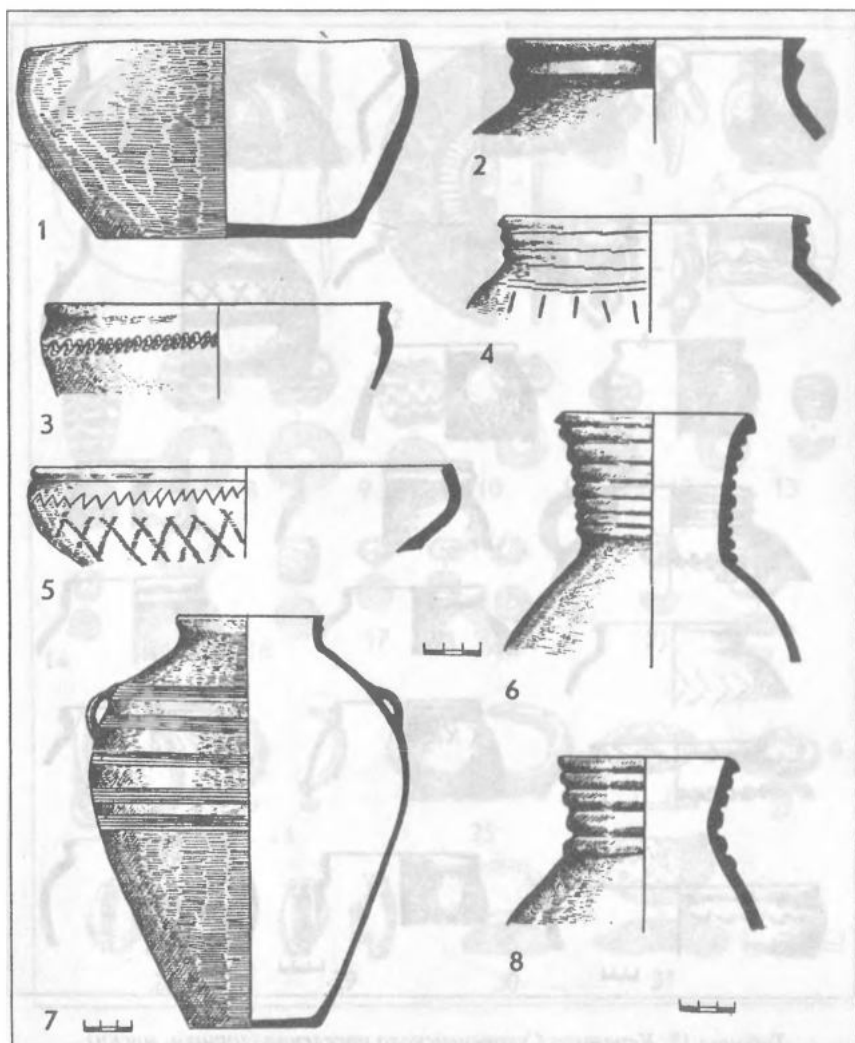

Таблица 12. Керамика Сухореченского поселения

Таблица 13. Керамика Сухореченского поселения (горшки, миски)

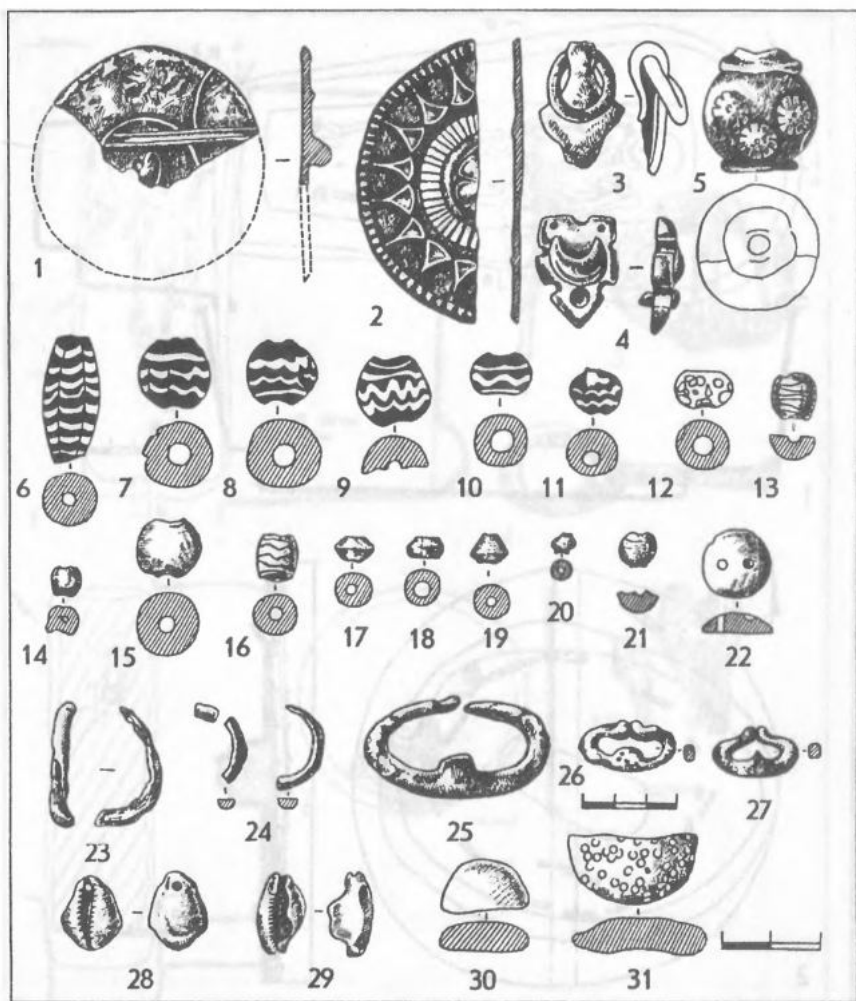

Таблица 14. Вещевой комплекс Сухореченского поселения.

1-2 – зеркала; 3-4 – подвески; 5-22 – бусы; 23-24 – кресала; 25-27 – кресала; 28-29 – подвески из раковин сапги; 30-31 – изделия из глины

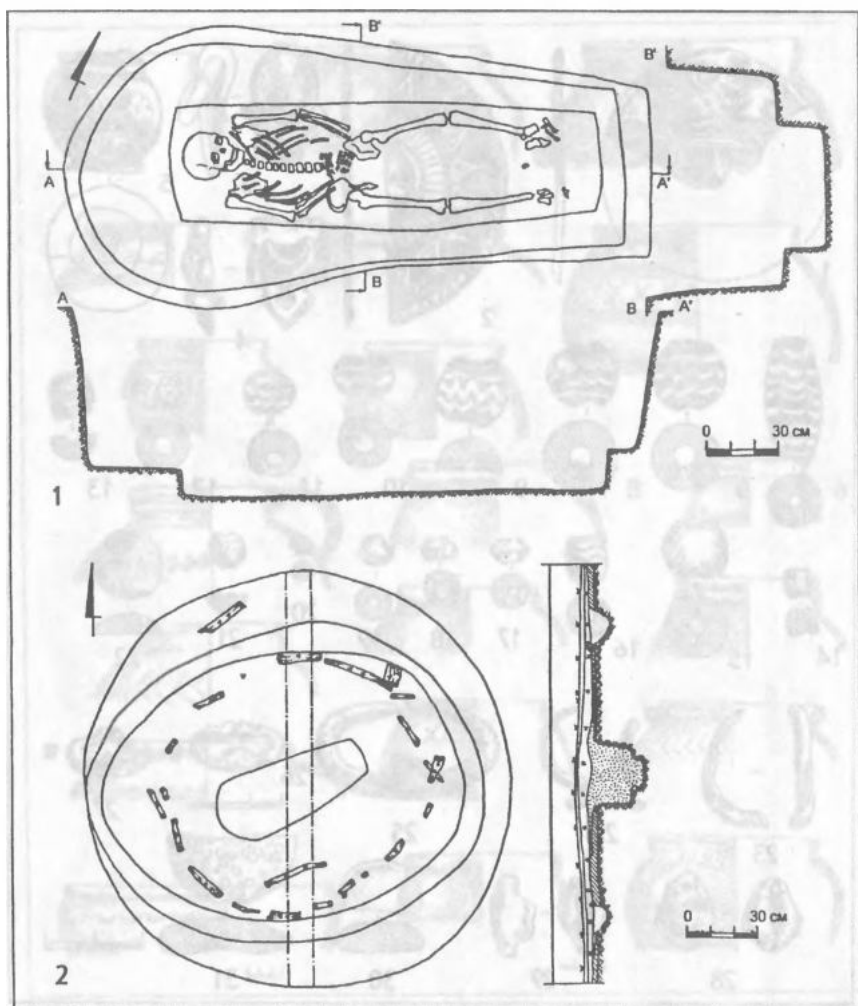

Таблица 15. Гундоровский одиночный курган
1 – погребение; 2 – план и профиль кургана

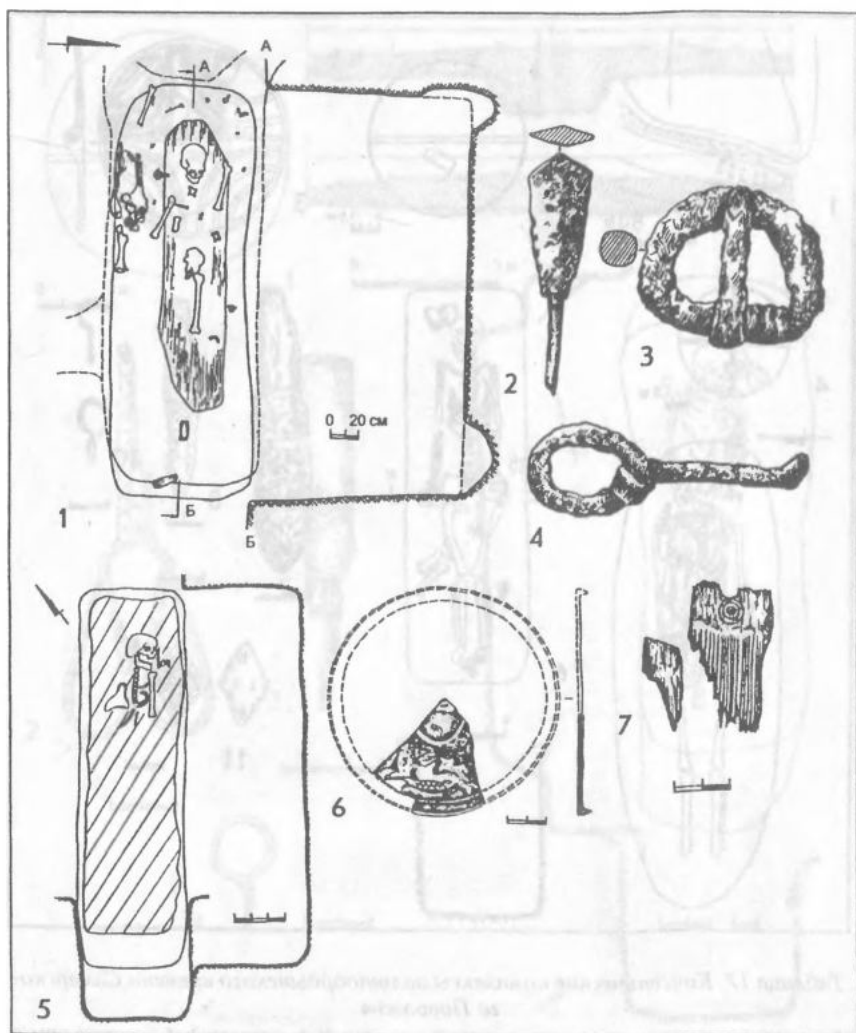

Таблица 16. Кочевнические комплексы золотоордынского времени Самарского Поволжья.

1 – погребение из кургана 7 Новолавловского могильника; 2-4 – инвентарь этого погребения; 5 – погребение из кургана 24 Гвардейского могильника; 6-7 – инвентарь этого погребения

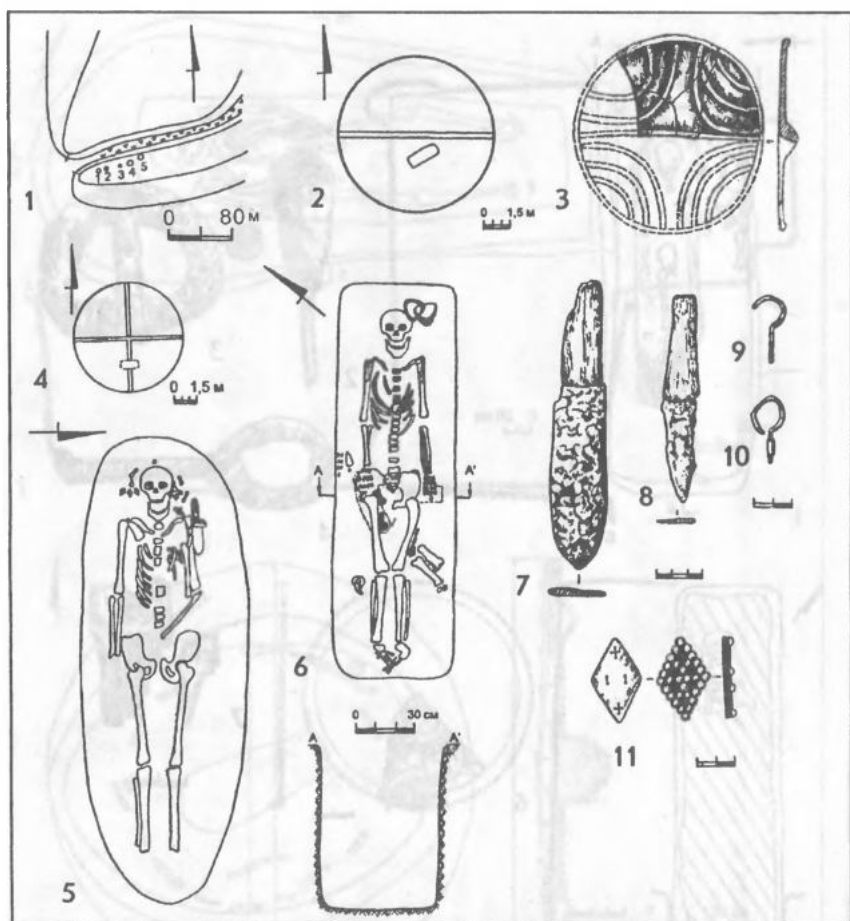

Таблица 17. Кочевнические комплексы золотоордынского времени Самарского Поволжья.

1 – план Александровского могильника; 2 – курган 2; 4 – курган 3; 5 – погребение в кургане 3; 3, 7–11 – инвентарь погребения в кургане 3; 6 – погребение в кургане 2

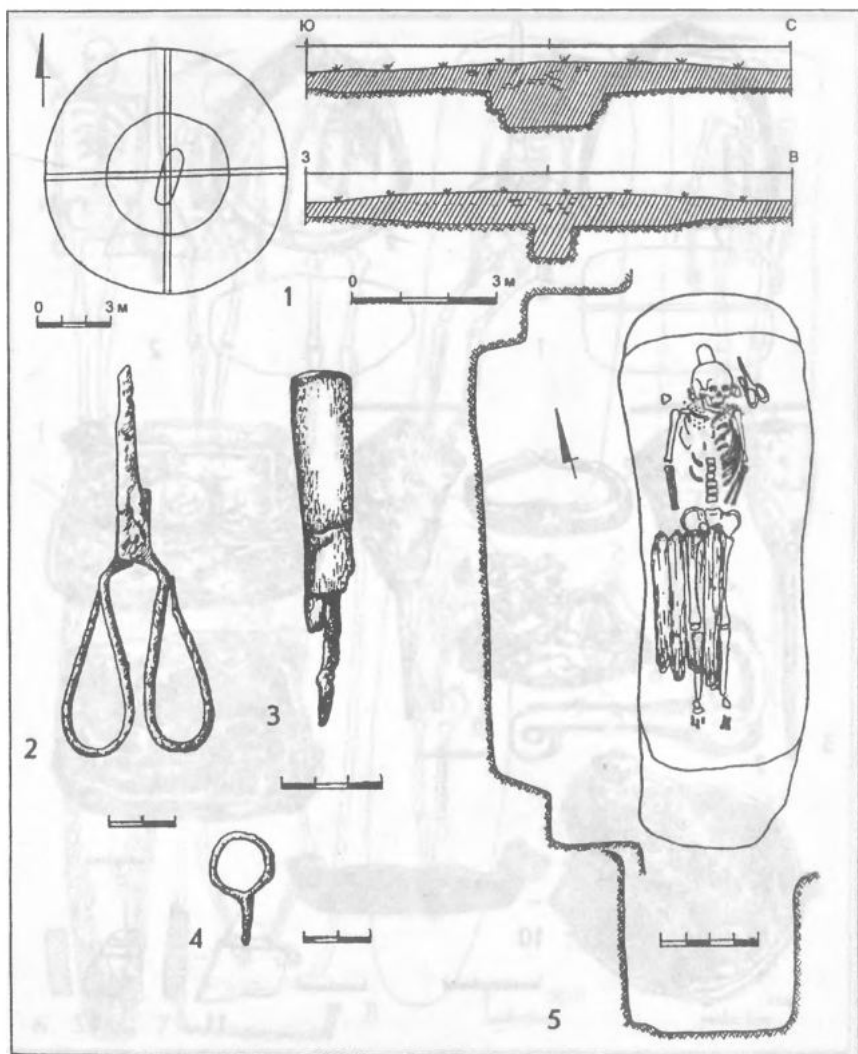

Таблица 18. Гвардейский курганный могильник.

1 – план и профиль кургана 3; 5 – погребение в кургане 3; 2–4 – инвентарь этого погребения

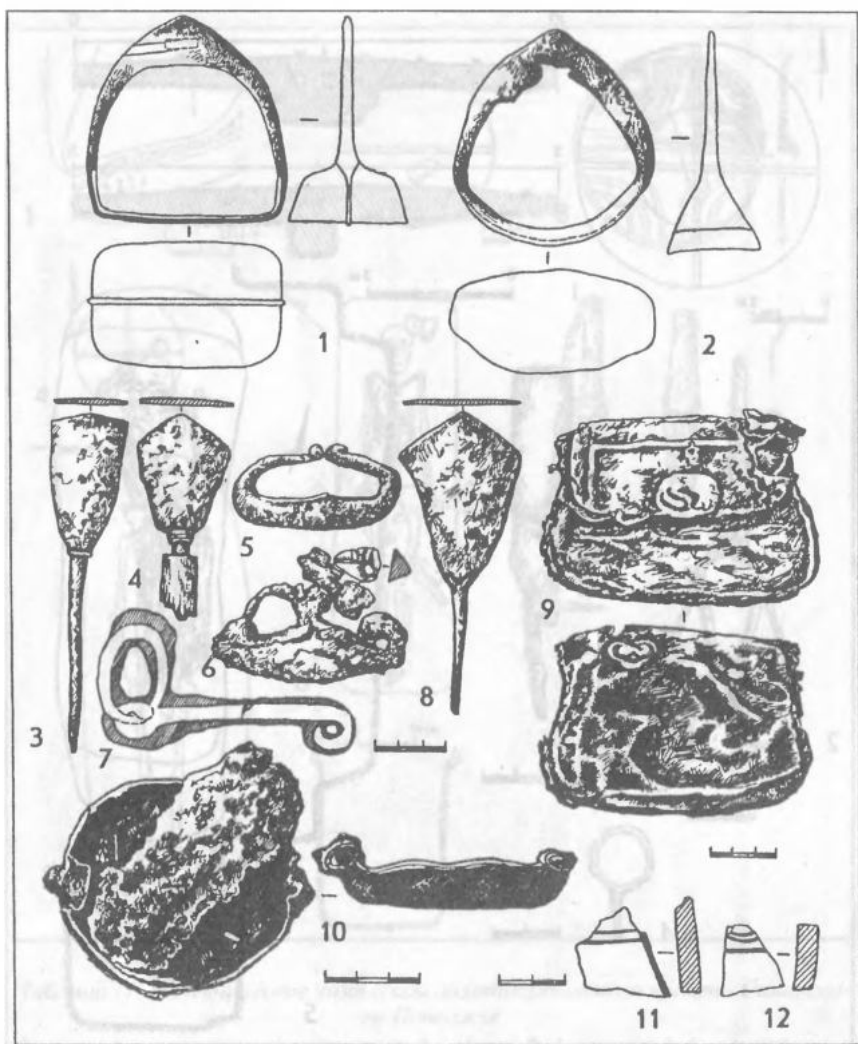

Таблица 19. Александровский курганный могильник. Инвентарь погребения кочевника в кургане 2

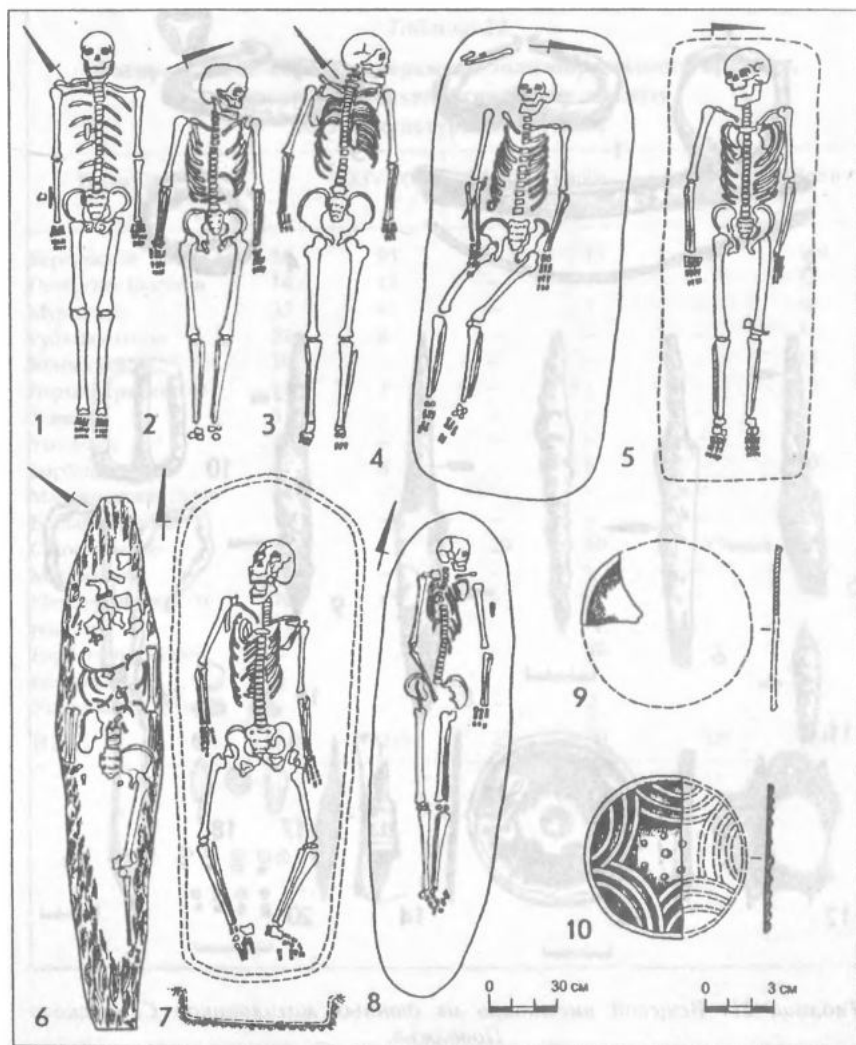

Таблица 20. Дюнные могильники Самарского Поволжья.

1-3 – Максимовский; 4 – “Большой Шихан”; 5 – Вилловатовский; 6-8 – Старо-Елшанский;
 9 – фрагмент зеркала с Максимовской дюны (сбора); 10 – зеркало из погребения 1 Старо-Елшанского могильника

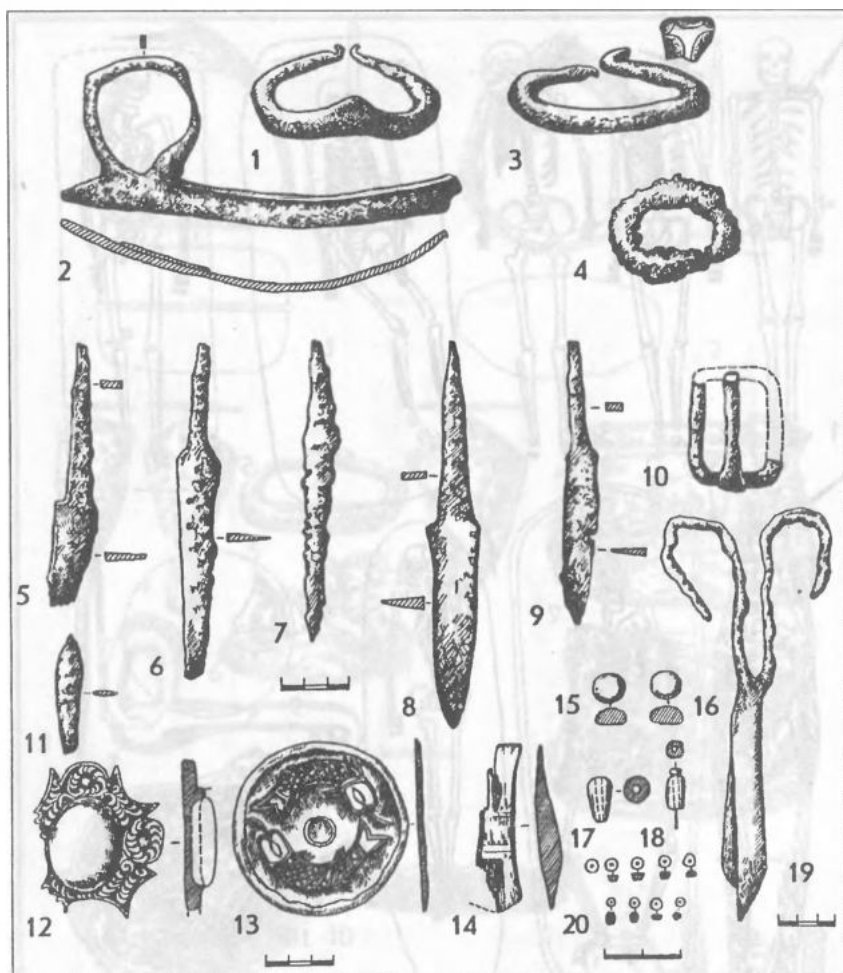

Таблица 21. Вещевой инвентарь из дюнных могильников Самарского Поволжья.

Виловатовский могильник: 1, 9 – погребение 4; 2 – погребение 5; 5 – погребение 7; 6 – погребение 1.

Максимовский могильник: 8, 10 – погребение 6; 3, 11 – погребение 1.

“Большой Шихан”: 4, 7.

Погребение на дюне “Человечья голова” у с. Утевка: 12–20

Таблица 22

Распределение образцов керамики золотоордынского времени,
подвергнутой технологическому анализу,
по этнокультурным группам

Памятник	I	XIV-XVI	XVIII	Барба- шинский	Сухоре- чевский	Всего
Березовское	36	93	—	15	—	144
Печерские Выселки	14	12	—	7	—	33
Муранское	33	4	—	1	—	38
Рубленое озеро	23	8	—	—	—	31
Комаровское	19	—	—	—	—	19
Верхне-Хрящевское	11	3	—	1	—	15
Усинское	8	—	—	—	—	8
Усольское	4	—	—	—	—	4
Барбашинское	6	8	—	6	—	20
Максимовская дюна	35	—	—	—	—	35
Большой Шихан	17	—	—	—	—	17
Сухореченское	428	—	20	10	206	664
Матъянское	14	—	—	—	—	14
Междуреченское го- родище	70	85	—	2	—	157
Барбашинский мо- гильник	—	—	—	46	—	46
Усинский могильник	—	—	—	2	—	2
Итого	718	213	20	90	206	1247

Таблица 23

**Индивидуальные измерения некоторых признаков черепов
из II Усинского могильника (по И.Р. Газимзянову)**

Признаки	Погребения	Мужские					
	п. 1	п. 3	п. 8	п. 9	п. 10	п. 14	п. 16
Возраст	matur	sinil	adult	matur	matur	matur	matur
1. Продольный диаметр	—	175,0	177,0	—	198,0?	—	189,0
8. Поперечный диаметр	—	—	133,0	—	—	—	136,0
17. Высотный диаметр	—	—	—	—	—	—	137,0
8:1. Черепной указатель	брах.	брах.	75,1	мез?	долих	брах.	71,9
9. Наименьшая ширина лба	101,0	97,0	91,0	98,0	—	—	96,0
45. Скуловой диаметр	—	144,0?	135,0?	—	—	—	137,5
48. Верхняя высота лица	75,0	—	—	82,0	73,5	—	66,0
43.	109,0	109,0	101,0	110,0	—	—	104,0
55. Высота носа	53,0	—	—	60,0	56,0	—	47,0
54. Ширина носа	26,0	—	24,0?	28,0	22,5	—	27,0
51. Ширина орбиты	42,5	40,0	39,0?	44,0	42,0	—	40,0
52. Высота орбиты	36,0	34,0	30,0?	36,5	—	—	31,0
77. Назомалярный угол	144,1	136,6	141,6	148,5	—	—	135,2
Зигомаксиллярный угол	132,7	—	—	—	—	—	135,8
SS. Симотическая высота	23	—	—	—	3,3	—	5,2
SS:SC. Симотический указатель	28,8	—	—	—	38,8	—	47,3
DS. Дакриальная высота	8,5	—	—	—	11,5	—	13,8
DS:DC. Дакриальный указатель	38,6	—	—	—	54,8	—	60,0
32. Угол профиля лба	—	—	—	—	—	—	77,0
72. Общий лицевой угол	—	—	—	—	—	—	86,0
75(1). Угол выступа носа	20,0	—	—	—	25,0	—	35,0
1-6. Надпереносье	2,0	4,5	5,5	4,5	3,5	—	5,0
Нижний край грушевидного отверстия	F.Pr	—	Antr	F.Pr	Antr	Ant/FP	Ant/FP
Определения:	монг.	смеш.	европ.	монг.	европ. с монг. при-месью	—	европ. с монг. при-месью

Женские

п. 2	п. 6	п. 7н	п. 7вв	п. 11	п. 12	п. 15	п. 18
matur	adult	adult	adult	adult	matur	adult	adult
—	163,0	176,0	—	183,0	192,0	168,0	193,0
—	134,0	133,0	—	—	—	148,0	—
—	124,0	127,0	—	—	—	—	—
брах.	82,2	75,6	брах.	долих	долих	81,1	долих
09,0	86,0	88,0	—	90,0	90,0	87,0	87,0
—	128,0	123,0?	—	—	—	125,0?	—
—	64,0	64,5	99,0	—	—	74,0	65,0
99,0	100,0	101,0	—	96,0	96,0	103,0	91,0
—	47,0	48,0	28,0?	—	—	52,0	46,0
—	22,0	23,0	—	26,0	26,0	28,0	22,0
42,0	40,0	40,0	—	—	—	39,5	40,0
29,0	30,0	30,0	—	—	—	33,0	32,0
139,4	136,0	136,8	—	134,8	134,8	146,0	134,8
—	126,6	124,0	—	—	—	129,3	—
2,8	3,6	2,8	—	5,3	5,3	3,6	3,3
38,4	42,4	40,0	—	63,8	63,8	36,0	42,3
—	11,0	9,5	—	—	—	9,3	—
—	55,0	43,2	—	—	—	38,8	—
—	78,0	83,0	—	—	—	79,0	—
—	82,0	83,0	—	—	—	85,0	—
—	23,0	23,0	—	—	—	26,0	35,0
—	2,5	3,0	1,5	2,0	2,0	2,0	3,5
Antr	FP/Ant	Antr	—	Antr	—	Antr	Antr
европ. с монг. при- месью	европ. с монг. при- месью	европ. с монг. при- месью	—	европ.	европ.	европ. с монг. при- месью	европ.

Таблица 24

Формовочные массы керамики золотоордынского периода

Формовочная масса	I	XIV–XVI	XVIII	Сухоре- ченский	Барба- пинский	Всего
Орг	516	9	–	44	–	569
П	4	–	1	5	–	10
Д	–	7	–	–	–	7
П + Орг	198	49	12	157	–	416
Д + Орг	–	109	–	–	–	109
ДР + Орг	–	9	–	–	–	9
Ш + Орг	–	9	–	–	79	88
Ш + Д	–	–	–	–	1	1
Ш + ДР	–	1	–	–	–	1
Ш + П	–	–	–	–	2	2
П + ДР	–	–	2	–	–	2
ДР + П + Орг	–	–	5	–	–	5
Ш + ДР + Орг	–	1	–	–	–	1
П + Д + Орг	–	5	–	–	–	5
Ш + П + Орг	–	11	–	–	7	18
Ш + Д + Орг	–	3	–	–	1	4
Итого	718	213	20	90	206	1247
Список сокращений:	Д – дресва					
Орг – органика	ДР – дробленая раковина					
П – песок	Ш – шамот					

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ (VIII ВЕК ДО Н.Э. – XIV ВЕК Н.Э.)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местонахождение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
I. Археологические памятники Самарского Поволжья предсавроматского и савроматского периода							
1	Могильник курганный	Ягодное, курганная группа I, к. 4, п. 1	Ставропольский р-н	Мерперт Н.Я., 1952	Миллер А., 1907	ГИМ	Мерперт Н.Я., 1954
2	Курган разрушенный	Железный Мар	Борский р-н, у с. Благодаровка	Находки кладовщиков, 1989		ГИМ	Смирнов К.Ф., Петренко В.А., 1963
3	Случайная находка, удила, меч, наконечники стрел	Марычевка	Богатовский р-н			ГИМ	Смирнов К.Ф., Петренко В.А., 1963
4	Находка из разрушенного кургана	с. Рысайкино	Похвистневский р-н			ГЭ	Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963
5	Случайная находка, бронзовый топор-оскира	пос. Серноводск	Сергиевский р-н			Сергиевский гос. краеведческий музей	Мышкин В.Н., 1997
6	Могильник курганный	хут. Истомина, к. 3, п. 2	г. Волжский, ст. Безымянка	Голышев В.В., 1925		Фонды СОИКМ	Не опубликован
7	Могильник курганный	Комаровский, к. 5, п. 1	Шенталинский р-н	Алихова А.С., 1952		ГЭ	Алихова А.Е., 1955
8	Могильник курганный	Андреевский, к. 2, п. 2	Богатовский р-н	Матисева Г.И.		Фонды СГУ	Васильев И.Б., Матисева Г.И., 1986

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип па- мятника	Название	Местона- хождение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
9	Могильник курганный	Неприк. к. 4, п. 3	Борский р-н	Васильев И.Б.		Фонды СОИКМ	Там же
10	Могильник курганный	Утевский IV, к. 1, п. 8	Нефтегорский р-н	Васильев И.Б.		Фонды СОИКМ	Скарбовенко В.А., 1976
11	Могильник курганный	Новонавлов- ский, к. 9	Красноармей- ский р-н	Скарбовен- ко В.А.		Фонды СГУ	Мышкин В.Н., Скарбовен- ко В.А., 1996
12	Могильник курганный	Гвардейцы I, к. 25, п. 1, 3	Борский р-н	Мышкин В.Н., Скарбовен- ко В.А.		Фонды СамГПУ	Мышкин В.Н., Скарбовен- ко В.А., Хохлов А.А., 1999
13	Могильник курганный	с. Спасское, у "Каплирского поворота"	Приволжский р-н	Агалов С.А., 1979		Фонды СамГПУ	Мышкин В.Н., Скарбовен- ко В.А., 1996
14	Случайная находка, меч	с. Винновка	Ставрополь- ский р-н				Исмаилов Р.Б., Скарбовенко В.А., 1977
15	Случайная находка, меч	с. Петровка	Борский р-н				Там же
16	Случайная находка, меч	с. Большой Толкаш	Похвистнев- ский р-н			Фонды СОИКМ	Там же
17	Случайная находка, меч	с. Камышла	Кливлнский р-н			Фонды СОИКМ	Там же
18	Случайная находка, меч	с. Лбище	Ставрополь- ский р-н			Фонды Тольяттин- ского краснед- ческого музея	
19	Случайная находка, меч		Богатовский р-н			Фонды СГУ	Мышкин В.Н., 1987

20	Случайная находка, меч		Сергиевский р-н, совх. "Серноводский"			фонды СОИКМ	Там же
21	Случайная находка, меч		Студеный овраг близ г. Самара			Фонды СГУ	Там же
22	Случайная находка, кловец		Красноярский р-н,		1865	МАЭ	Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963
23	Случайная находка, наконечники стрел	с. Немчанка	с. Красный Яр				Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986
24	Случайная находка, наконечники стрел	пос. Нур	Кинельский р-н				Там же
25	Случайная находка, каменный алтарь		г. Самара			МАЭ	Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963

II. Археологические памятники раннесарматской культуры

1	Могила курганный	Кировский I, к. 9, п. 20	Красноармейский р-н	Багаутдинов Р.С., 1976		СОИКМ	Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996
2	Могила курганный	Тамбовка II, к. 2, п. 5	Большеглушицкий р-н			Краеведческий музей с. Большая Глушица Самарской обл. СГУ	Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996
3	Могила курганный	Нижнеозерское V, к. 2, п. 1, 2, 3, 4	Приволжский р-н	Скарбовенко В.А., 1982			Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местонахождение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
4	Могильник курганный	Красноярский I, к. 1, п. 1	Кизильский р-н	Васильев И.Б., 1977		СОИКМ	Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996
5	Могильник курганный	Виловатое I, к. 1, п. 1, 2, 4, 5; к. 4, п. 5; к. 17, п. 3, 4	Богатовский р-н	Васильев И.Б., 1977; Мышкин В.Н., 1984		СОИКМ	Мышкин В.Н., 1992
6	Могильник курганный	Красные Пески (Мордовская шишка), к. 1, 2.	Похвистенский р-н	Скарбовенко В.А., 1974; 1975		СТУ	Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996
7	Могильник курганный	Утевка I, к. 2, п. 2	Нефтегорский р-н	Васильев И.Б., 1973		СТУ	Скарбовенко В.А., 1976
	Могильник курганный	Утевка II, к. 3, п. 2	Нефтегорский р-н	Васильев И.Б., 1973		СТУ	Скарбовенко В.А., 1976
	Могильник курганный	Утевка III, к. 1, п. 1	Нефтегорский р-н	Васильев И.Б., 1972		СТУ	Не опубликован
	Могильник курганный	Утевка IV, к. 1, п. 1.	Нефтегорский р-н	Васильев И.Б., 1972		СТУ	Скарбовенко В.А., 1976
8	Могильник курганный	Новонавловка, к. 8, п. 3; к. 10, п. 1, 2.	Красноармейский р-н	Скарбовенко В.А., 1976; 1977		СТУ	Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996
9	Могильник курганный	Андросовка II, к. 2, п. 2.	Красноармейский р-н	Скарбовенко В.А., 1975		СТУ	Не опубликован
10	Могильник курганный	Гвардейцы I, к. 25, п. 2; к. 26, п. 2.	Борский р-н	Мышкин В.Н., 1994		СОИКМ	Не опубликован
11	Случайная находка, меч	Алакаевка	Красноярский р-н			СОИКМ	Не опубликован

12	Случайная находка, меч	Рубежное	Волжский р-н		СОИКМ	Не опубликован
13	Случайная находка, меч	пос. Красные Пески	Похвистневский р-н			Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986
14	Случайная находка, кинжал	пос. Красные Пески	Похвистневский р-н			Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986
15	Случайная находка, кинжал	Марычевка	Богатовский р-н			Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986
16	Случайная находка, кинжал	Мырычевка	Богатовский р-н			Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986
17	Случайная находка, алтарь	Коноваловка	Борский р-н			
18	Случайная находка, кинжал	Студенцы	Кинельский р-н			
19	Случайная находка, кинжал		Приволжский р-н			
20	Случайная находка, колчаный крючок, наконечники стрел	Немчанка	Борский р-он			
21	Случайная находка, бронзовые наконечники стрел	Ерзовка	Кинель - Черкасский р-н			

Приложение (продолжение)

№ л/п	Тип па- мятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
22	Случайная находка, бронзовый наконечник стрелы	овраг Подкольников	г. Самара				
23	Случайная находка, меч	Сухая Речка	Похвистневский р-н				Васильев И.Б., Матве- ева Г.И., 1996
III. Археологические памятники среднесарматской культуры							
1	Моги́льник курганный	хут. Истомина, к. 3, п. 1	Волжский р-н	Гольм- стен В.В., 1925		СОИКМ	Не опубликован
2	Моги́льник курганный	Березняки, к. 13	Кинель-Черкасский р-н	Гольм- стен В.В., 1923		СОИКМ	Не опубликован
3	Моги́льник курганный	Хряцеевка, к. 3, п. 2	Ставропольский р-н	Мерперт Н.Я., 1951		ГИМ	Мерперт Н.Я., 1954
4	Моги́льник курганный	Гвардейцы I, к. 1, п. 1; к. 2, п. 1,2; к. 4, п. 2; к. 5, п. 1; к. 7, п. 1; к. 8, п. 1; к. 9, п. 1; к. 27, п. 1; к. 30, п. 1; к. 31, п. 3; к. 32, п. 1,3	Борский р-н	Матвеева Г.И., 1970-1972, Мышкин В.Н., 1993-1994		СТУ, СамГПУ	Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976; Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 1999
5	Моги́льник курганный	Андреевка, к. 9, п. 1	Богатовский р-н	Васильев И.Б., 1977		СОИКМ	Не опубликован
6	Моги́льник курганный	Видоватое I, к. 18, п. 1	Богатовский р-н	Мышкин В.Н., 1984		СОИКМ	Мышкин В.Н., 1992
7	Моги́льник курганный	Преполовская I, к. 4, п. 3	Безенгульский р-н	Багаутди- нов Р.С., 1975		СТУ	Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г., 1987

IV. Памятники позднесарматской культуры

1	Могильник курганный	Березняки, к. 6, 7, 8, 9, 10, 12, 18, 19	Кинель-Черкасский р-н	Гольмстен В.В., 1923–1924		СОИМК	Гольмстен В.В., 1928
2	Могильник курганный	Андреевский, к. 3, п. 2; к. 9, 13, 14, 21	Богатовский р-н			СОИМК	Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982
3	Могильник курганный	Вилонатовский, к. 6, 8, 14, 15, 20, 21, 22	Богатовский р-н	Васильев И.Б., Мышкин В.Н., 1986		СОИМК	Мышкин В.Н., 1992
4	Могильник курганный	Гвардейцы I, к. 4; к. 8, п. 1; к. 14; к. 26	Борский р-н	Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., Мышкин В.Н.		СГУ, СамГПУ	Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 1999
5	Могильник курганный	Осинковский, к. 17	Безенчукский р-н				
6	Могильник курганный	Черновский III, к. 3, п. 1	Волжский р-н				

V. Археологические памятники оседлых племен лесной полосы Самарского Поволжья I тысячелетия н. э.

1	Городище	Лысая Гора	У пристани Жигулевск	Матвеева Г.И., 1970	Гольмстен В.В., 1922; Васильев И.Б., 1969	СГУ	Васильев И.Б., 1970
2	Селище	Валы I	В 350 м к СЗ от с. Валы Ставропольского р-на		Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СГУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
3	Селище	Попова Гора	В 0,6 км к В от с. Шириново Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1922; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СГУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
4	Городище	Белая Гора	В 2 км к С от с. Подгоры Волжского р-на	Матвеева Г.И., 1974	Гольмстен В.В., 1922; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СТУ	Васильев И.Б., 1970
5	Городище	Манчиха	В 0,6 км к З от фермы с. Подгоры Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1922; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СТУ	Васильев И.Б., 1970
6	Городище	Торновское I	В 4 км к В СВ от с. Торновое Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1922; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СТУ	Васильев И.Б., 1970
7	Городище	Торновское II	В 1 км к З от с. Торновое Волжского р-на		Скарбовенко В.А., 1992	СТУ	Скарбовенко В.А., 1993
8	Селище	Новинковское IV	В 1 км к В от с. Новинки Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1922	СОИМК	
9	Селище	Новинковское VI	В 1 км к ЮЗ от с. Новинки Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1970; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988

10	Городище	Вислый Камень	В 2 км к З от с. Шелехметь Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1970; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
11	Селище	Винновское VI	В 1,5 км к ЮЗ от с. Винновка Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Матвеева Г.И., 1970	СОИМК СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Матвеева Г.И., 1971
12	Городище	Каменная Коза	В 2,5 км к З от с. Винновка Ставропольского р-на	Матвеева Г.И., 1970, 1971	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969	СОИМК СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Матвеева Г.И., 1971; Матвеева Г.И., 1972
13	Местонахождения	Винновское	В 700 м к ЮВ от с. Винновка Ставропольского р-на		Мажанова И.Н., 1974	СТУ	Мажанова И.Н., 1975
14	Городище	Лбище	В 1,5 км к ЮЗ от с. Винновка Волжского р-на	Расторопов А.В., 1981; Матвеева Г.И., 1982, 1983, 1984	Матвеева Г.И., 1973	СТУ	Матвеева Г.И., 1974; Расторопов А.В., 1982; Матвеева Г.И., 1983, 1984, 1985
15	Селище	Новый Путь IV	В 0,5 км к З от бывшего пос. Новый Путь Ставропольского р-на	Крамарев А.И., 1997	Мажанова И.Н., 1974	СТУ	Мажанова И.Н., 1975; Крамарев А.И., 1998
16	Селище	Севрюкаевское	В 5 км к ЮВ от с. Севрюкаево Ставропольского р-на	Ермаков С.Ф., 1998		СТУ	Ермаков С.Ф., 1999

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
17	Городище	Задельная Гора	В 3 км к ЮЗ от с. Жигули Ставропольского р-на		Трубникова Н.В., 1952; Матвеева Г.И., 1974	СГУ	Трубникова Н.В., 1960; Матвеева Г.И., 1975
18	Городище	Царев курган	На территории пос. Волжский Волжского р-на		Смирнов А.П., Збруева А.В., 1938	СОИМК	Збруева А.В., Смирнов А.П., 1947
19	Городище	Коптево	В 1,5 км к ЮЮЗ от пос. Красная Глинка		Матвеева Г.И., 1969	СГУ	Архив СГУ
20	Городище	Переволоки	г. Куйбышев В 9,5 км к З от с. Переволоки Сызранского р-на	Матвеева Г.И., 1988	Богачев А.В., 1982	СГУ	Матвеева Г.И., 1988б
VI. Памятники начала эпохи великого переселения народов							
1	Селище	Славкино I	В 5 км к ЮЗ от д. Калиновка Сергиевского р-на	Агапов С.А., Пестрикова В.И., 1977; Салугина Н.П., 1978	Петров Ю.Э., 1977	СПУ СГУ	Петров Ю.Э., 1978; Агапов С.А., Пестрикова В.И., 1978
2	Селище	Славкино II	В 3 км к СВ от с. Славкино Сергиевского р-на		Петров Ю.Э., 1977	СПУ	Петров Ю.Э., 1978

3	Селище	Крепость Кондурча	В 450 м к З от фермы с. Крепость Кондурча Сергиевского р-на		Петров Ю.Э., 1977	СПГУ	Петров Ю.Э., 1978
4	Городище	Лбище	В 1,5 км к З от пристани Лбище Ставрополь- ского р-на	Расторо- пов А.В., 1981; Матвеева Г.И., 1982-1984	Матвеева Г.И., 1973	СГУ	Расторопов А.В., 1982; Матвеева Г.И., 1983; Матвеева Г.И., 1984; Матвеева Г.И., 1985а
5	Селище	Лбище	В 1,3 км к З от пристани Лбище Ставрополь- ского р-на	Матвеева Г.И., 1983; Василь- ев И.Б., Тихонов Б.Г., 1984		СПГУ	Васильев И.Б., Матве- ева Г.И., Тихонов Б.Г., 1987
6	Городище	Переволоки	В 9,5 км к З от с. Перево- локи Сызран- ского р-на	Матвеева Г.И., 1988			Матвеева Г.И., 1988б
7	Селище	Переволоки	Сызранский р-н, в 9,5 км к З от с. Пере- волоки		Скарбовенко В.А.	СГУ	Скарбовенко В.А., 1988.
VII. Памятники именниковской культуры							
1	Городище	Лылая Гора	У пристани Жигулевск	Матвеева Г.И., 1970, 1971	Гольмстен В.В., 1923	СГУ	Матвеева Г.И. 1971; Матвеева Г.И. 1972
2	Городище	Ионин Хребет	На горе Ионин Хребет близ г. Жигулевск	Трубнико- ва Н.В., 1952		СОИМК	Трубникова Н.В., 1960

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип па- мятника	Название	Местопо- ложение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
3	Селище	Александровское	В 3 км к С от с. Александровка Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1923	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1923
4	Селище	Валы V	В 2,5 км к С от с. Валы Ставропольского р-на		Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
5	Селище	Валы VI	В 220 м к СВ от с. Валы Ставропольского р-на		Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
6	Селище	Валы VII	В 1,5 км к ССВ от с. Валы Ставропольского р-на		Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
7	Селище	Муромское II	В 3 км к СЗ от с. Валы Ставропольского р-на. На территории Муромского городка	Матвеева Г.И., 1974			Матвеева Г.И., 1975
8	Селище	Муромское I	В 4 км к З от с. Валы Ставропольского р-на	Юнусова Р.М., 1973–1974; Салугина Н.П., 1976, 1977			Юнусова Р.М., 1974; 1975; Салугина Н.П., 1977, 1978

9	Селище	Валы VIII	В 4 км к ЮЮВ от с. Валы Ставропольского р-на	Гольмстен В.В., 1930	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1930
10	Селище	Беляев Колодец	В 1, 5 км к ЮВ от с. Валы Ставропольского р-на	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СГУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
11	Селище	Жуков Овраг I	В 3 км к В от с. Жигули Ставропольского р-на	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СГУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
12	Селище	Жуков Овраг II	В 3 км к В от с. Жигули Ставропольского р-на	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СГУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
13	Селище	Жуков Овраг V	В 1,8 км к Ю от с. Жигули Ставропольского р-на	Кочкина А.Ф., 1993	СОИКМ	Кочкина А.Ф., 1994
14	Селище	Жуков Овраг VI	В 1,8 км к Ю от с. Жигули Ставропольского р-на	Кочкина А.Ф., 1993	СОИКМ	Кочкина А.Ф., 1994
15	Селище	Жуков Овраг VII	В 1,8 км к Ю от с. Жигули Ставропольского р-на,	Кочкина А.Ф., 1993	СОИКМ	Кочкина А.Ф., 1994
16	Селище	Овраг Кругец	к 3 от с. Валы VI В 2,8 км к СЗ от с. Валы Ставропольского р-на	Кочкина А.Ф., 1993	СОИКМ	Кочкина А.Ф., 1994

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
17	Селище	Жигули II	В 2,5 км к СВ от с. Жигули Ставропольского р-на		Кузнецова Л.В., 1977	СГУ	Кузнецова Л.В., 1978
18	Селище	Уркина Гора	У подножья Уркиной горы, близ г. Жигулевск		Трубникова Н.В., 1953		Трубникова Н.В., 1960
19	Селище	Хутор Войков	В 400 м к В от восточной окраины с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1930; Пестрикова В.И., 1987	СОИКМ: СТПУ	Пестрикова В.И., 1988
20	Селище	Сосновый Солонец III	В 5 км к ЮЗ от с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987	СТПУ	Пестрикова В.И., 1988
21	Селище	Сосновый Солонец VII	В 3,5 км к С от с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1930	СОИКМ	
22	Селище	Сосновый Солонец VIII	В 1,5 км к ССВ от с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1930	СОИКМ	

23	Селище	Сосновый Солонец IX (Студененькая водичка)	В 3 км к СЗ от с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на, на южном склоне Валовского оврага	Гольмстен В.В., 1930	СОИКМ	
24	Селище	Сосновый Солонец X	В 3 км к СЗ от с. Сосновый Солонец на северном склоне Валовского оврага	Гольмстен В.В., 1930	СОИКМ	
25	Селище	Сосновый Солонец XII	В 2 км к С от с. Сосновый Солонец	Гольмстен В.В., 1930	СОИКМ	
26	Местонахождение керамики	Сосновый Солонец II	В 1,5 км к ССЗ от дамбы через овраг на дороге Сосновый Солонец – Валы на склоне Жареного Бугра	Пестрикова В.И., 1987	СТПУ	Пестрикова В.И., 1988
27	Местонахождение керамики	Сосновый Солонец IV	В 4 км к ЮЗ от с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на	Гольмстен В.В., 1930; Пестрикова В.И., 1987	СТПУ	Пестрикова В.И., 1988

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местонахождение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
28	Местонахождение керамики	Березовый Солонец II	В 3 км к ЮВ от с. Березовый Солонец Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987	СТПУ	Пестрикова В.И., 1988
29	Селище	Бибависа Колодец	Между селами Аскулы и Бахилово, напротив Бибависа Колодца		Гольмстен В.В., 1930	СОИКМ	
30	Селище	Бахилевское	В 1,5 км к З от с. Бахилово Ставропольского р-на	Матвеева Г.И., 1992	Крамарев А.И., 1992	СТУ	Матвеева Г.И., 1993
31	Селище	Белая Гора	В 2 км к С от с. Подгоры Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1922	СОИКМ	
32	Селище	Подгоры I	В 2 км к С от с. Подгоры Волжского р-на	Седова М.С., 1998	Гольмстен В.В., 1922; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СОИКМ СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988

33	Городище	Манчиха	В 0,6 км к З от с. Подгоры Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1970; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
34	Селище	Выползово I	В 1,5 км к З от с. Выползово Волжского р-на	Юнусова Р.М., 1973–1974	Гольмстен В.В., 1923	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1923; Юнусова Р.М., 1974, 1975
35	Селище	Выползово II	У северной окраины с. Выползово Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1923
36	Селище	Карлинское	В 0,3 км к С от окраины пос. Карлинское Волжского р-на	Сташников Д.А., 1994, 1995, 1996	Богачев А.В., 1987	СОИКМ	Сташников Д.А., 1995в, 1996, 1997
37	Селище	Рождественно	В 0,4 км к СЗ от аэродрома ДОСААФ у с. Рождественно		Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
38	Городище	Торновое I	В 5 км к ЮЗ от с. Подгоры Волжского р-на	Матвеева Г.И., 1974	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1970
39	Селище	Торновое I	В 5 км к В от с. Торновое Волжского р-на		Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
40	Селище	Новинки I	В 3,5 км к В от с. Новинки Волжского р-на		Дубман Э.Л., Мылкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мылкин В.Н., 1988
41	Селище	Новинки II	В 2,5 км к В от с. Новинки Волжского р-на		Дубман Э.Л., Мылкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мылкин В.Н., 1988
42	Селище	Новинки III	В 2 км к В от с. Новинки Волжского р-на	Матвеева Г.И., 1970; Сташенков Д.А., 1993–1995	Гольмстен В.В., 1923	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1923; Матвеева Г.И., 1971
43	Селище	Шелехметь I	На западной окраине с. Шелехметь Волжского р-на		Васильев И.Б., 1969	СТУ	Васильев И.Б., 1970
44	Городище	Ош-Пандо-Нерь	В 2 км к З от с. Шелехметь Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1970
45	Селище	Ош-Пандо-Нерь	В 2 км к З от с. Шелехметь Волжского р-на	Матвеева Г.И., 1970, 1980, 1981; Скарбювенко В.А., 1994, 1995; Седова М.С., 1996	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1970

46	Городище	Каменная Коза	В 2,5 км к З от с. Винновка Ставропольского р-на	Матвеева Г.И., 1970, 1971	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Матвеева Г.И., 1971, 1972
47	Селище	Винновка V	В 750 м к ЮЗ от с. Винновка Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., Зудина В.Н., 1974	СОИКМ	Зудина В.Н., 1975
48	Селище	Винновка VI	В 1 км к ЮЗ от с. Винновка Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., Матвеева Г.И., 1971	СОИКМ	Матвеева Г.И., 1972
49	Селище	Осиновка I	В 2 км к СВ от церкви с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987	СТПУ	Пестрикова В.И., 1988
50	Селище	Осиновка III	В 300 м к З от церкви с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987	СТПУ	Пестрикова В.И., 1988
51	Селище	Осиновка IV	В 750 м к ЮЗ от церкви с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987	СТПУ	Пестрикова В.И., 1988
52	Местонахождение	Осиновка III	В 800 м к ЮЮЗ от церкви с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987	СТПУ	Пестрикова В.И., 1988

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип па- мятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
53	Селище	Ермаково II	В 1,4 км к З от с. Ерма- ково Ставро- польского р-на	Матвеева Г.И., 1984	Набоков А.В., 1982	СГУ	Набоков А.В., 1983
54	Городище	Кармалинское	В 1 км к ЗЮЗ от с. Кармалы Ставрополь- ского р-на		Гольметен В.В., 1923	СГУ; СОИМК	Гольметен В.В., 1923; Матвеева Г.И., 1985б
55	Селище	Кармалинское	В 500 м к Ю от с. Кармалы Ставрополь- ского р-на		Васильев И.Б., 1969	СГУ	Васильев И.Б., 1970
56	Селище	Новый Путь II	В 0,6 км к ЮВ от пос. Новый Путь Ставрополь- ского р-на		Матвеева Г.И., 1973; Пестрико- ва В.И., 1987	СГУ СПУ	Матвеева Г.И., 1974; Пестрикова В.И., 1988
57	Селище	Красный Пахарь II	В 1 км к СВ от кладбища бывшего пос. Красный Пахарь Ставрополь- ского р-на		Гольметен В.В., 1923; Пестрикова В.И., 1987	СОИМК СПУ	Гольметен В.В., 1923; Пестрикова В.И., 1988
58	Селище	Брусяны II	В 40 м к З от пристани с. Брусяны		Крамарев А.И., 1988	СГУ	Крамарев А.И., 1989

59	Селище	Малая Рязань I	В 1,5 км к В от д. Малая Рязань Ставропольского р-на	Косменко М.Г., 1970; Матвеева Г.И., 1971		СГУ; СОИМК	Косменко М.Г., 1971; Матвеева Г.И., 1972
60	Городище	Междуреченское	В 2,5 км к ЮЗ от пос. Междуреченск	Зубов С.Э., 1989; Приказчиков С.И., 1989			Зубов С.Э., Матвеева Г.И., 1995
61	Селище	Сиделькинское I	У д. Сиделькино Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
62	Селище	Сиделькинское II	На правом берегу р. Б. Черемшан, над Сиделькинским I, Челно-Вершинский р-н		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
63	Селище	Сиделькино III	В 0,6 км к З от д. Сиделькино Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
64	Селище	Старозинтебенкинское I	В 1,5 км к ССВ от д. Старое Зинтебенково Ставропольского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, обмеры	Место хранения	Источник информации
65	Селище	Чувашское Эштебенькино I	В 0,1 км к З от д. Чувашское Эштебенькино Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
66	Селище	Чувашское Эштебенькино II	Челно-Вершинский р-н, в 0,5 км к СВ от д. Чувашское Эштебенькино		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
67	Селище	Багана	В 1,2 км к З от д. Багана Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
68	Селище	Каменнобродское I	В 2,5 км к В от пос. Каменный Брод Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
69	Селище	Каменнобродское II	В 0,1 км к С от пос. Каменный Брод Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967

70	Селище	Искровское	В 0,15 км к С от пос. Искра Челно-Вершинского р-на	Сташенков Д.А., 1996, 1997, 1998	Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
71	Городище	Пролетарское	В 0,3 км к СВ от д. Пролетарий Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967; Сташенков Д.А., 1997; 1998; 1999
72	Местонахождение	Кара-Бикуловское	В 1,2 км к СЗ от д. Кара-Бикулово Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
73	Селище	Покровское	В 0,7 км к З от д. Покровка Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
74	Местонахождение	Покровское	В 0,55 км к В от д. Покровка Челно-Вершинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
75	Местонахождение	Покровское	В 0,5 км к Ю от местонахождения Покровское I, Челно-Вершинский р-н		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местонахождение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
76	Местонахождение керамики	Степная Шентала	В 2 км к Ю от д. Степная Шентала Кошкинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967. С. 41
77	Местонахождение керамики	Новая Кармала	В 0,3 км к ЮЗ от с. Новая Кармала Кошкинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
78	Местонахождение керамики	Старая Кармала	В 1,2 км к ССЗ от д. Старая Кармала Кошкинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
79	Селище	Маломаксимкинское I	В 1 км к ЮЗ от д. Малое Максимкино Кошкинского р-на				
80	Селище	Маломаксимкинское II	У северного края д. Малое Максимкино Кошкинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967. С. 40

81	Местонахождение	Старомаксимкинское	В 1 км к З от средней части с. Старое Максимкино Кошкинского р-на		Старостин П.Н., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Старостин П.Н., 1967
82	Селище	Шигоны II	В 2 км к ЮЗ от с. Шигоны Шигонского р-на	Семснова А.П., 1981–1982; Выборнов А.Л., Кузьмина О.В., 1979–1980	Агапов С.А., 1973	СамГПУ	Семснова А.П., 1982, 1983

VIII. Археологические памятники гуниского времени

1	Случайная находка	Федоровское	Окрестности с. Федоровка бывшего Бузулукского р-на Самарской обл.		Гольмстен В.В., 1927	СОИКМ № 54	Гольмстен В.В., 1928. С. 134–135, рис. 54–63
2	Могильник курганный	Владимировский	В 1 км к З от с. Владимировка Хворостянского р-на	Васильев И.Б., 1974		СТУ	Скарбовенко В.А., 1979. С. 164–174.

IX. Археологические памятники постгуниского времени

1	Могильник курганный	Кировский I	В 1,5 км к СЗ от центр. усадьбы совхоза им. Кирова, Красноармейский р-н	Багаутдинов Р.С., 1977		СТУ	Васильева И.Н., 1979. С. 204–205
---	---------------------	-------------	---	------------------------	--	-----	----------------------------------

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
2	Могильник курганный	Преполовен-ковский	В 3 км к СВ от с. Преполовенка Безенчукского р-на	Багаутдинов Р.С., 1976		СТУ	Васильева И.Н., 1979. С. 205-206
3	Могильник курганный	Новоселковский	В 0,2 км к ЮЗ от д. Новоселки Буинского р-на Татарстана	Скарбовенко В.А., 1985		СТУ	Богачев А.В., 1990. С. 15-19
Х. Археологические памятники раннеболгарского времени							
1	Могильник курганный	Выползовский I	В 2 км к З от с. Выползово Волжского р-на	Ермаков С.Ф., 1994	Гольмстен В.В., 1923	СТУ	Ермаков С.Ф., 1995
2	Могильник курганный	Выползовский II	В 1,5 км к СЗ от с. Выползово Волжского р-на		Матвеева Г.И., Ермаков С.Ф., 1994		
3	Могильник курганный	Торновский	Между с. Торновск и ЛТП, Волжский р-н		Скарбовенко В.А.		
4	Могильник курганный	Рождественский	В 350 м к С от аэродрома ДОСААФ, к С от с. Рождественно Волжского р-на		Матвеева Г.И., Ермаков С.Ф., 1994		

5	Могильник курганный	Рождественский III	В 4,5 км к ЗСЗ от с. Рождественно Волжского р-на	Матвеева Г.И., 1970, 1978		СТУ	Матвеева Г.И., 1971; 1979
6	Могильник курганный	Рождественский II	В 0,55 км к С от с. Рождественно Волжского р-на				
7	Могильник курганный	Рождественский IV	В 3 км к СЗ от с. Рождественно Волжского р-на				
8	Могильник курганный	Новинковский II	В 5 км к З от с. Рождественно Волжского р-на	Матвеева Г.И.; Зудина В.Н., 1980, 1981			Матвеева Г.И., 1981б; 1982; Зудина В.Н., 1982
9	Могильник курганный	Новинковский I	В 2 км к В от с. Новинки Волжского р-на	Гольмстен В.В., 1922; Матвеева Г.И., 1970; Сташенков Д.А., 1992–1994	Гольмстен Г.И., 1922	СОИКМ	Матвеева Г.И., 1971; Сташенков Д.А., 1994; 1995а; 1995в
10	Могильник курганный	Новинковский III	У вост. окраины с. Новинки Волжского р-на	Багаутдинов Р.С., 1994	Скарбовенко В.А., 1993	СТУ	Багаутдинов Р.С., 1995
11	Могильник курганный	Шелехметь I	В 600 м к В от с. Шелехметь Волжского р-на		Васильев И.Б., 1969		Васильев И.Б., 1970

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
12	Могильник кургано-грунтовый	Шелехметь II	В 1,5 км к З от с. Шелехметь Волжский р-на	Матвеева Г.И., 1980, 1981; Седова М.С., 1993; Багаутдинов Р.С., 1994		СТУ	Матвеева Г.И., 1981б; 1982; Седова М.С., 1994; Багаутдинов Р.С., 1995
13	Могильник курганный	Осиновский I	В 2 км к СЗ от с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.И.		
14	Могильник курганный	Осиновский II	В 1 км к СВ от с. Осиновка Ставропольский р-на	Мышкин В.Н., 1993	Пестрикова В.И., 1987	СОИКМ	Мышкин В.Н., 1994; Пестрикова В.Н., 1988
15	Могильник курганный	Осиновский III	В 3 км к СЗ от с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987		Пестрикова В.И., 1988
16	Могильник курганный	Осиновский IV	В 1 км к ЮВ от с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987		Пестрикова В.И., 1988
17	Курган одиночный	Осиновский	В 3 км к СВ от с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987		Пестрикова В.И., 1988
18	Могильник курганный	Ермаковский I	В 1,5 км к ССВ от с. Ермаково Ставропольского р-на		Пестрикова В.И., 1987		Пестрикова В.И., 1988

19	Курган одиночный	Ермаковский	В 0,5 км к СВ от д. Ерма- ково Ставро- польского р-на	Матвеева Г.И., 1973; Пестрико- ва В.И., 1987	Матвеева Г.И., 1974; Пестрикова В.И., 1988
20	Могильник курганный	Лбищенский I	В 1,4 км к СЗ от ермаков- ского дачного массива Ставрополь- ского р-на	Пестрикова В.И., 1987	Пестрикова В.И., 1988
21	Могильник грунтовый	Лбищенский	В 1,5 км к З от пристани Лбище Ставрополь- ского р-на	Матвеева Г.И., 1984	Матвеева Г.И., 1985
22	Могильник курганный	Бруснянский I	У северо-вост. окраины с. Брусняны Ставрополь- ского р-на	Матвеева Г.И., 1973	Матвеева Г.И., 1974
23	Могильник курганный	Бруснянский II	В 1 км к З от с. Брусняны Ставрополь- ского р-на	Богачев А.В., Зубов С.Э., 1988, 1989, 1991, 1993	Багаутдинов Р.С., Бога- чев А.В., Зубов С.Э., 1998
24	Могильник курганный	Бруснянский III	В 3 км к ССЗ от с. Брусняны Ставрополь- ского р-на	Богачев А.В., Зубов С.Э., 1991, 1993	Багаутдинов Р.С., Бога- чев А.В., Зубов С.Э., 1998
25	Могильник курганный	Бруснянский IV	В 0,5 км к СВ от с. Брусняны Ставрополь- ского р-на	Зубов С.Э.	Багаутдинов Р.С., Бога- чев А.В., Зубов С.Э., 1998

СТУ

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип на- мётника	Название	Местопо- ложение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
26	Курган одиночный	Брусянский I	В 0,7 км к С от с. Брусяны Ставрополь- ского р-на	Зубов С.Э.			Багаутдинов Р.С., Бога- чев А.В., Зубов С.Э., 1998
27	Курган одиночный	Брусянский II	В 4 км к СЗ от с. Брусяны Ставрополь- ского р-на				Багаутдинов Р.С., Бога- чев А.В., Зубов С.Э., 1998
28	Могильник курганный	Малорязанский I	В 1,2 км к В от д. Малая Рязань Ставрополь- ского р-на	Богачев А.В., Зубов С.Э., 1990			Багаутдинов Р.С., Бога- чев А.В., Зубов С.Э., 1998
29	Могильник курганный	Малорязан- ский II	В 5 км к ЮВ от с. Большая Рязань и в 3 км к З от с. Брусяны Ставрополь- ского р-на	Зубов С.Э., 1996			Багаутдинов Р.С., Бога- чев А.В., Зубов С.Э., 1998
30	Погребение одиночное	Малорязанское	В 1,5 км к В от д. Малая Рязань Ставрополь- ского р-на	Косменко М.Г., 1970		СОИКМ	Косменко М.Г., 1971
31	Курган одиночный	Брусянский III	В 1 км к С от ферм с. Бру- сяны Ставро- польского р-на		Пестрикова В.И., 1987		Пестрикова В.И., 1988

32	Погребение впускное	У с. Васильевка	У с. Васильевка Кошювского р-на	Васильев И.Б., 1971	СТУ	
33	Могильник курганный	Урень II	В 4,5 км к СВ от с. Дмит- рисво-Помря- кино Старо- майянского р-на Ульяновской обл.	Скарбовен- ко В.А., 1986; Багаутди- нов Р.С.	СТУ	Скарбовенко В.А., 1987
34	Могильник курганный	Старомайн- ский I	В 5,5 км к СВ от с. Дмит- риево-Помря- скино Старо- майнского р-на Ульянов- ской обл.	Скарбовен- ко В.А., Багаутди- нов Р.С., 1988		Скарбовенко В.А., 1987; Багаутдинов Р.С., 1989
35	Погребение одиночное	Екатериновское	В 1 км к Ю от с. Екатеринов- ка Приволж- ского р-на	Крамарев А.И., 1989	СТУ	Крамарев А.И., 1993
36	Погребение одиночное	Хрищевское	В 1, 2 км к Ю от с. Хря- щевка	Мерперт Н.Я., 1951	ГИМ	Мерперт Н.Я., 1954
37	Селище	Севрюкаев- ское II	В 2,5 км к ЮВ от с. Севрю- касово Ставро- польского р-на	Ермаков С.Ф., 1998	СТУ	Ермаков С.Ф., 1999

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местонахождение	Автор и год раскопок	Осмотр, обмеры	Место хранения	Источник информации
38	Курган одиочный	Золотая Нина	В 4 км к С от центр. усадьбы с-за им. Луначарского Ставропольского р-на	Жигулина Л.Н., 1977		СТУ	Васильева И.Н., 1979
39	Могильник курганный	Шиловка	В 5 км к З от с. Шиловка Сенгилевского р-на Ульяновской обл.	Багаутдинов Р.С., 1992		СТУ	Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998

XI. Археологические памятники периода Волжской Болгарии

1	Городище	Ионин Хребет	В окрестностях г. Жигулевска, на горе Ионин Хребет		Трубникова Н.В., 1952	СОИКМ	Трубникова Н.В., 1960
2	Селище	Жигулевское	На окраине г. Жигулевск		Габелко Н.Л., 1975	Жигулевский краевед. музей	
3	Селище	Александровское	В 3 км к С от с. Александровка Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1930	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1930

4	Селище	Валы IV	В 2,5 км к ССЗ от с. Валы Ставропольского р-на	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
5	Селище	Валы VII	В 1,5 км к ССВ от с. Валы Ставропольского р-на	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
6	Городище	Муромский городок	В 3 км к СЗ от с. Валы Ставропольского р-на	Гольмстен В.В., 1929; Матвеева Г.И., 1971–1979; Кочкина А.Ф., 1993–1998	СТУ, СОИКМ	Гольмстен В.В., 1930; Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф., 1998
7	Грунтовый могильник	Муромский I	В 3 км к З от с. Валы, 100 м к ЮЗ от Муромского городка	Гольмстен В.В., 1923; Юнусова Р.М., 1973–1974; Салугина Н.П., 1976–1977	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1923; Юнусова Р.М., 1974, 1975; Салугина Н.П., 1977; 1978
8	Грунтовый могильник	Муромский II	В 3,5 км к З от с. Валы Ставропольского р-на	Матвеева Г.И., 1975		Матвеева Г.И., 1975а
9	Селище	Жуков Овраг I	В 3 км к В от с. Жигули Ставропольского р-на	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, обзоры	Место хранения	Источник информации
10	Селище	Хутор Восейков II	В 400 м к В от с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1930; Пестрикова В.И., 1987	СОИКМ СТУ	Пестрикова В.И., 1988
11	Селище	Хутор Восейков III	В 500 м к ЮЗ от дороги Сосновый Солонец – Аскулыг, в 1,3 км к Ю от южной окраины с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на		Пестрикова В.В., 1987	СТПУ	Пестрикова В.В., 1988
12	Местонахождение керамики	Сосновый Солонец III	В 0,6 км к В от хутора Восейкова с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на		Пестрикова В.В., 1987	СТПУ	Пестрикова В.В., 1988
13	Селище	Мордова Поляна	В 400 м к СВ от с. Подгоры Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Мажанова И.Н., 1973; Дубман Э.Л., 1987	СОИКМ СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Мажанова И.Н., 1974; Дубман Э.Л., 1988; Мышкин В.П., 1988

14	Селище	Подгоры I	В 2 км к С от с. Подгоры Волжского р-на	Седова М.С., 1998	Гольмстен В.В., 1923; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СОИМК СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988; Седова М.С., 1999
15	Селище	Подгоры II	В 0,8 км к ССВ от с. Подгоры Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
16	Селище	Подгоры IV	В 300 м к С от с. Подгоры Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СОИМК СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
17	Селище	Подгоры V	В 1,5 км к СВ от с. Подгоры Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Гольмстен В.В., 1923; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
18	Клад	Подгорский	В с. Подгоры Волжского р-на			СОИМК	
19	Селище	Усинское I	В 0,5 км к Ю от пос. Усинский Волжского р-на		Богачев А.В., 1987; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1987	СТУ	Богачев А.В., 1988; Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
20	Селище	Усинское II	На территории пос. Усинский Волжского р-на		Богачев А.В., 1987	СТУ	Богачев А.В., 1988.

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
21	Городище	Ош-Пандо-Нерь	В 2 км к З от с. Шелехметь Волжского р-на	Матвеева Г.И., 1970–1971	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СГУ	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1970
22	Городище	Каменная Коза	В 2,5 км к З от с. Винновка Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1969	СОИКМ СГУ	Гольмстен В.В., 1923; Васильев И.Б., 1970; Матвеева Г.И., 1971; 1972
23	Селище	Осиновка I	В 2 км к СВ от с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.Н., 1987	СПИУ	Пестрикова В.Н., 1988
24	Селище	Осиновка II	В 0,5 км к С от с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.Н., 1987	СПИУ	Пестрикова В.Н., 1988
25	Селище	Осиновка IV	В 750 м к ЮЗ от с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.Н., 1987	СПИУ	Пестрикова В.Н., 1988
26	Местонахождение керамики	Осиновское I	В 0,8 км к С от с. Осиновка Ставропольского р-на		Пестрикова В.Н., 1987	СПИУ	Пестрикова В.Н., 1988
27	Селище	Винновское IV	В 1,5 км к ЮЗ от с. Винновка Ставропольского р-на		Гольмстен В.В., 1923; Матвеева Г.И., 1971	СОИКМ	Гольмстен В.В., 1923; Матвеева Г.И., 1972

28	Селище	Новый Путь II	В 5 км к ЮВ от с. Севрюкаево Ставропольского р-на		Матвеева Г.И., 1973; Мажанова Н.И., 1974	СТУ	Матвеева Г.И., 1974; Мажанова Н.И., 1975
29	Селище	Красный Пахарь II	В 1 км к СВ от кладбища бывшего пос. Красный Пахарь Ставропольского р-на		Пестрикова В.Н., 1987	СПУ	Пестрикова В.Н., 1988
30	Селище	Кольцовское	В 300 м к ЮЗ от с. Кольцово Ставропольского р-на		Матвеева Г.И., 1973	СТУ	Матвеева Г.И., 1974
31	Селище	Красный Пахарь IV	В 30 м к З от плеса Жигулевск – Севрюкаево		Пестрикова В.Н., 1987	СПУ	Пестрикова В.Н., 1988
32	Селище	Малая Рязань I	В 1,5 км к В от д. Малая Рязань Ставропольского р-на	Косменко М.Г., 1970; Матвеева Г.И., 1971		СОИКМ СТУ	Косменко М.Г., 1971; Матвеева Г.И., 1972
33	Селище	Малая Рязань II	В 0,3 км к В от д. Малая Рязань Ставропольского р-на		Богачев А.В., 1982	СТУ	Богачев А.В., 1983
34	Городище	Переволоки	В 9,5 км к ЮВ от с. Переволоки Сьганского р-на	Матвеева Г.И., 1988	Богачев А.В., 1983	СТУ	Богачев А.В., 1984; Матвеева Г.И., 1988б

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местонахождение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
35	Селище	Переволоки II	В 0,8 км к С от с. Переволоки Сызранского р-на	Зубов С.Э., Приказчиков С.И., 1989	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1981	СГУ	Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988
36	Городище	Междуреченское	В 0,5 км к З от пос. Образцовое и в 2,5 км к ЮЗ от г. Междуреченск Сызранского р-на			СОИКМ	Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И., 1995
37	Местонахождение керамики	Старая Тояба	В 3,5 км к ЮВ от д. Старая Тояба Шенталинского р-на		Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
38	Местонахождение керамики	Старая Тояба II	В 3,7 км к В от д. Старая Тояба Шенталинского р-на		Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
39	Местонахождение керамики	Каменный Брод	В 2,5 км к В от пос. Каменный Брод Челно-Вершинского р-на		Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975

40	Селище	Каменный Брод	В 0,3 км к СЗ от пос. Каменный Брод Челно-Вершинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
41	Местонахождение керамики	Багана II	В 0,4 км к В от с. Багана Челно-Вершинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
42	Местонахождение керамики	Багана I	В 1,2 км к З от с. Багана Челно-Вершинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
43	Местонахождение керамики	Зеленая Роща	В 0,3 км к ЮВ от д. Зеленая Роща Челно-Вершинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
44	Селище	Чувашское Эштебенькино II	В 0,5 км к СЗ от с. Чувашское Эштебенькино Челно-Вершинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
45	Селище	Чувашское Эштебенькино I	В 0,1 км к З от с. Чувашское Эштебенькино Челно-Вершинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местонахождение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
46	Селище	Сиделькино II	В 0,8 км к СЗ от с. Сиделькино Челно-Вершинского р-на		Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
47	Селище	Сиделькино I	В 0,6 км к З от с. Сиделькино Челно-Вершинского р-на		Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
48	Местонахождение керамики	Новое Аделяково	В 1 км к С от с. Новое Аделяково Челно-Вершинского р-на		Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
49	Местонахождение керамики	Сергеевка II	В 0,25 км к СВ от д. Сергеевка Челно-Вершинского р-на		Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
50	Селище	Пролетарское	В 0,1 км к В от д. Пролетарий Челно-Вершинского р-на		Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975

51	Местонахождение керамики	Старое Максимкино	В 0,5 км к ССВ от с. Старое Максимкино Кошквинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
52	Селище	Степная Шентала	У северного конца с. Степная Шентала Кошквинского р-на	Гольмстен В.В., 1925		Гольмстен В.В., 1925
53	Местонахождение керамики	Майоровское	В 0,6 км к СВ от пос. Майоровка Кошквинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
54	Местонахождение керамики	Березовское	В 0,7 км к ЮЗ от пос. Березовка Кошкинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
55	Селище	Старокармалинское	В 0,6 км к ССЗ от с. Старая Кармала Кошкинского р-на	Фахрутдинов Р.Г., 1965	Ин-т истории АН респ. Татарстан	Фахрутдинов Р.Г., 1975
56	Селище	Усинское I	У с. Усинское Сызранского р-на	Экспедиция КОМК, 1940	СОИКМ	Фахрутдинов Р.Г., 1975
57	Селище	Усинское II	У с. Усинское Сызранского р-на	Экспедиция КОМК, 1940	СОИКМ	Фахрутдинов Р.Г., 1975

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
58	Городище	Кабанское (городок Стеньки Разина)	В 5 км к В от санатория "Волжский Утес"		Алихова А.Е., Кузнецова Л.В., 1979		Трубникова Н.В., 1960; Кузнецова Л.В., 1980
XII. Археологические памятники кочевников X–XIII вв.							
1	Курган, центр. Погребение	III Кировский, к. 5	В 1 км к В от центр. усадьбы с-за им. Кирова Красноармейского р-на	Багаутдинов Р.С., 1977		Фонды СГУ	Васильева И.Н., 1979
2	Курган, разрушенное погребение	Воскресенский	У с. Воскресенка Волжского р-на	Гольмстен В.В., 1924		СОИКМ № 52/213	
3	Курган? Разрушенное погребение	Александровский (на р. Вязовка)	Близ с. Александровка на р. Вязовка	Гольмстен В.В., 1923		СОИКМ № 27/72, 27/16	Васильева И.Н., 1979; Дневник В.В. Гольмстен; ГЭ. Ф. 44. Арх. № 13. Л. 12
4	Впускное погребение в древний курган	Волчанский курганный могильник	В 2, 5 км к ЮЗ от с. Волчанка Красноармейского р-на	Кузнецова Л.В., 1979		Фонды СГУ	Васильева И.Н., 1985
5	Курганный могильник	Покровский	В 4 км к ЮВ от с. Покровка Нефтегорского р-на	Васильев И.Б., 1973, 1974		Фонды СГУ	Васильева И.Н., 1979

6	Курган одиночный	Красный Октябрь 1, п. 1	В 1,2 км к СВ от с. Красный Октябрь Большечер- ниговского р-на	Багаутди- нов Р.С., Богачев А.В., 1995		Фонды СГУ	Богачев А.В. В печати
7	Погребение разрушенное	Ново-Троевское	В 2,5 км к В от с. Ново- Троевка Алексанского р-на		Ключникова Р.М., 1988	Фонды СОИКМ № 355	Ключникова Р.М., Сташевский Д.А., 1996
8	Курганный могильник, погребение основное	Гвардейский	В 1 км к Ю от с. Гвардейцы Борского р-на	Мышкин В.Н., 1994		Фонды арх. лаб. СПГУ	Мышкин В.Н., 1995
9	Курганный могильник, погребение впускное	Утевский III, к. 1	В 1 км к С от с. Утевка Нефтегор- ского р-на	Васильев И.Б., 1972		Фонды арх. лаб. СПГУ	Васильев И.Б., 1973
10	Курганный могильник, погребение впускное	Утевский IV, к. 1	В 1 км к С от с. Утевка Нефтегор- ского р-на	Васильев И.Б., 1972		Там же	Васильев И.Б., 1973
11	Курганный могильник погребение впускное	Утевский V, к. 2	В 1 км к С от с. Утевка Нефтегор- ского р-на	Васильев И.Б., 1972		Там же	Васильев И.Б., 1973

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
ХIII. Археологические памятники золотоордынского периода							
1	Клад серебряных ювелирных изделий	Жемковский	Село Жемковка Сызранского р-на, правый берег р. Крымза		1890 г.	ГЭ ОИПК № 530	ОАК, 1890. С. 121-138
2	Случайная находка: надгробие из камня с арабской надписью	Правая Волга	Пос. Правая Волга Сызранского р-на				Юсупов Г.В., 1953. С. 26-29
3	Клад монет и вещей	Губино	Село Губино Сызранского р-на		1883 г.		Рыбаков Б.А., 1948б. С. 359, рис. 216, 3
4	Клад	I Губинский	Село Губино Сызранского р-на		1891 г.		Федоров-Давыдов Г.А., 1960. С. 137, № 40
5	Клад	II Губинский	Село Губино Сызранского р-на		1900 г.		Федоров-Давыдов Г.А., 1960. С. 137, № 41
6	Поселение	I Усинское	Близ с. Усинское Сызранского р-на, на правом берегу р. Уса		Экспедиция КОМК, 1940 г.	Фонды СОИКМ № 88	

7	Поселение	II Усинское	У с. Усинское Сызранского р-на, на правом берегу р. Уса		Экспедиция КОМК, 1940 г.	Фонды СОИКМ № 93	
8	Поселение	I Муранское	К С от с. Муранка Шигонского р-на, на левом берегу р. Уса	Алихова А.Е., 1950	Экспедиция КОМК, 1940 г.	Фонды СОИКМ № 85	Алихова А.Е., 1951
9	Поселение	Муранское	В 3 км к Ю от с. Муранка Шигонского р-на, на левом берегу р. Уса	Алихова А.Е., 1950		Фонды СОИКМ № 157	Алихова А.Е., 1954. С. 259–301
10	Могильник грунтовоый	Муранский (мордовский)	Там же, напротив поселения, на правом берегу р. Уса	Алихова А.Е., 1950; Поливанов В.Н., 1891– 1893, 1900		Фонды СОИКМ № 256	Алихова А.Е., 1954. С. 259–301; Поливанов В.Н., 1896
11	Могильник грунтовоый	Муранский (мусульманский)	Там же, на краю поселения	Алихова А.Е., 1950			Алихова А.Е., 1954
12	Поселение	Анновское	Между с. Анновка и Анновский Шигонского р-на, на левом берегу р. Уса	Алихова А.Е., 1950			
13	Поселение	I Воскресенское	К СЗ от с. Воскресенка Шигонского р-на, на правом берегу р. Уса		Экспедиция КОМК 1940 г.; Алихова А.Е., 1950 г.	Фонды СОИКМ № 89	Алихова А.Е., 1951. С. 24– 26; 1952. С. 27

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местонахождение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
14	Поселение	II Воскресенское	В 1 км к СЗ от с. Воскресенка Шигонского р-на, на правом берегу р. Уса	Алихова А.Е., 1951			Алихова А.Е., 1952. С. 26
15	Поселение	Печерское Выселки	В 2,5 км к В от с. Печерские Выселки Сызранского р-на, на правом берегу р. Уса	Алихова А.Е., 1950–1951		Фонды СОИКМ № 255	Алихова А.Е., 1951; 1952; Полубояринова М.Д., 1978. С. 114–116
16	Могильник грунтовый	Печерский	Рядом с поселением, Сызранский р-н	Алихова А.Е., 1951			Алихова А.Е., 1952. С. 12–13
17	Городище	Междуреченское	В 1 км от пос. Образцовый Сызранского р-на	Зубов С.Э., Приказчиков С.И., Васильева И.Н., Матвеева Г.И., 1989–1990		Фонды СОИКМ № 329	Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И., 1995
18	Поселение	I Комаровское	В 2 км к В от с. Комаровка Шигонского р-на, на левом берегу р. Уса		Экспедиция КОМК 1940 г.; Гроздилов Г.П., 1936 г.; Алихова А.Е., 1952 г.	Фонды СОИКМ № 86	Гроздилов Г.П., 1941 в.; Алихова А.Е., 1953. С. 28, 202–204

19	Поселение	II Комаровское	Между с. Комаровка и Муранка Шигонского р-на, на левом берегу р. Уса		Гроздилов Г.П., 1936 г.		Гроздилов Г.П., 1941а. С. 148; 1941в. С. 26–31
20	Поселение	IV Усольское (Данилово оз.)	В 2 км к СВ от с. Усолье Шигонского р-на		Алихова А.Е., 1953 г.	Фонды СОИКМ № 235	Алихова А.Е., 1954б. С. 275–278; Трубникова Н.В., 1958. С. 197–198
21	Поселение	II Усольское	На юго-вост. окраине с. Усолье Шигонского р-на		Алихова А.Е., 1954 г.		Трубникова Н.В., 1960. С. 126; Алихова А.Е., 1955б. С. 217
22	Поселение	I Березовское	В 2,5 км к ЮВ от с. Березовка Шигонского р-на, на левом берегу р. Уса	Алихова А.Е., 1950, 1952–1954	Экспедиция КОМК, 1940 г.	Фонды СОИКМ № 253	Алихова А.Е., 1960. С. 195–209; Полубояринова М.Д., 1978. С. 102–114
23	Могильник грунтовый	Березовский	Там же, на краю поселения	Алихова А.Е., 1952–1954			Алихова А.Е., 1960. С. 195–209; Полубояринова М.Д., 1978. С. 102–114
24	Поселение	II Березовское	Шигонский р-н, к В от с. Березовка Шигонского р-на, на левом берегу р. Уса		Экспедиция КОМК, 1940 г. Алихова А.Е., 1952 г.	Фонды СОИКМ № 92	Алихова А.Е., 1953. С. 253–266
25	Поселение	Рубленое оз.	Шигонский р-н	Алихова А.Е., 1952		Фонды СОИКМ № 254	Алихова А.Е., 1953

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
26	Поселение	Уркина гора	Ставропольский р-н, близ с. Жигули Шигонского р-на, недалеко от устья р. Уса, на правом берегу	Трубникова Н.В., 1954			Трубникова Н.В., 1960. С. 126; Алихова А.Е., 1955б. С. 217
27	Городище	Александровское	Между г. Жигулевск и с. Александровка Ставропольского р-на, на "Чиликиной горе"	Трубникова Н.В., 1954			Трубникова Н.В., 1960. С. 126
28	Поселение	Рождественское	Между с. Рождественно и Выпалово Волжского р-на		Гольмстен В.В., 1922	Фонды СОИКМ № 165	
29	Могильник грунтовый	II Усинский	В 5-6 км к С от с. Рождественно Волжского р-на, у пос. Учхоз	Васильева И.Н., 1988		Фонды СОИКМ № 328	Васильева И.Н., 1993а. С. 58-76
30	Поселение	III Лбищенское	У с. Лбище Ставропольского р-на		Матвеева Г.И., 1973 г.	СТУ	

31	Могильник грунтовый	Лбищенский	Там же		Матвеева Г.И., 1973 г.	СТУ	
32	Поселение	Малорязанское	У с. Малая Рязань Ставрополь- ского р-на		Матвеева Г.И., 1973 г.	СТУ	
33	Поселение	Верхне- Хрящевское	У с. Хрящевка Ставрополь- ского р-на		Экспедиция КОМК, 1939 г.	Фонды СОИКМ № 231	
34	Могильник грунтовый	Барбашинский	г. Самара, поляна им. Фрунзе	Досталь, 1909; Головкин, 1916; Милляр, 1918; Латынин, 1935 и др.		Фонды СОИКМ № 15-23, 202	
35	Поселение	Барбашинское	Там же			Там же	
36	Случайная находка: зеркало	Зубчанниковка	г. Самара		Экспедиция, 1940 г.	Фонды СОИКМ № 215	Васильева И.Н., 1979, С. 236
37	Поселение	"Коммуна"	Близ С-х ин-та в пос. Коммуна Кинельского р-на		Слушатели Самарских высших археологических курсов, 1925 г.	Фонды СОИКМ № 48	
38	Поселение	Кинельское	Восточная окраина пос. Кинель Кинельского р-на, на правом берегу р. Большой Кинель		Гольмстен В.В., 1925 г.	Фонды СОИКМ № 48	АЛОИА, Ф. 44, № 3, П. 86; № 9, П. 242

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
39	Поселение	Федоровское	В 0,2 км к СЗ от с. Федоровка Кинельского р-на, на левом берегу р. Большой Кинель		Гольмстен В.В., 1926 г.	Фонды СОИКМ № 73	АЛОИА. Ф. 2. № 210; Ф. 44. № 8. Л. 99; № 10. Л. 107
40	Поселение	Толкайское	В 1 км к С от ст. Толкай Похвистневского р-на, на левом берегу р. Малый Кинель		Гольмстен В.В., 1926 г.	Фонды СОИКМ № 70	АЛОИА. Ф. 2. № 210; Ф. 44. № 8. Л. 61; № 10. Л. 14-15
41	Случайная находка: зеркало	Уровице "Королев Угол"	Между хут. Винновка и разъездом Тунгус Кинель-Черкасского р-на			Фонды СОИКМ № 207	Васильева И.Н., 1979. С. 236
42	Поселение	Сухореченское	Южная окраина с. Сухая Речка Похвистневского р-на, на правом берегу р. Большой Кинель	Матвеева Г.И., 1971-1976; Васильева И.Н., 1979, 1981		Фонды СГУ № 35; Фонды СОИКМ № 313	Матвеева Г.И., 1977б

43	Поселение	Матьянское	В 220 м к З от д. Матьян Похвистневского р-на	Матвеева Г.И., 1970 г.	Фонды СГУ	
44	Поселение	Красные Пески	У с. Красные Пески Похвистневского р-на	Матвеева Г.И., 1970 г.	Фонды СГУ	
45	Поселение	Студеновское	В 1 км к ЮВ от пос. Студеный Красноярского р-на, на правом берегу р. Сок	Гольмстен В.В., 1925	Фонды СОИКМ № 179	АЛОНА. Ф. 44, № 6. Л. 9; № 9. Л. 325
46	Поселение	Чесноковское	Около с. Чесноковка Сергиевского р-на, пойма	Экспедиция КОМК, 1930 г.	Фонды СОИКМ № 140	
47	Поселение	Сергиевское	Около с. Сергиевск Сергиевского р-на	Экспедиция КОМК, 1939 г.	Фонды СОИКМ № 231	
48	Поселение	II Серноводское	На правом берегу р. Шунгут Сергиевского р-на, в 100 м к Ю от шоссе Серноводск - Кинель - Черкассы	Мажанова И.Н., 1972 г.	Фонды СГУ	Мажанова И.Н., 1976. С. 142-143

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
49	Курган одиночный	Гундоровский	Близ бывшей д. Гундоровка Красноярского р-на	Васильев И.Б., 1986		Фонды СГПУ	
50	Случайная находка (грунтовый могильник?)	Разрушенное погребение у ст. Кинель	Ст. Кинель Кинельского р-на			Фонды СОИКМ № 204	Алабин П.В., 1895
51	Случайная находка	Погребение в саду с-за им. Луначарского	С-з им. Луначарского Ставропольского р-на		Агапов С.А., 1975 г.	Фонды СГУ	Васильева И.Н., 1979. С. 224-225
52	Могильник на дном	"Человечья голова"	Село Утевка Нефтегорского р-на		Плаксин А.В., 1981 г.	Фонды СОИКМ № 347	Васильева И.Н., 1985. С. 173
53	Поселение, клад	Максимовское	В 1 км к ЮЗ от с. Максимовка Богатовского р-на		Юнусова Р.М., 1972 г.	Фонды СОИКМ № 242	Юнусова-Ключникова Р.М., 1977. С. 93-98
54	Могильник на дном	Максимовский	Там же	Васильев И.Б., 1975		Фонды СГПУ	Васильева И.Н., 1979. С. 225-226
55	Поселение	"Большой Шихан"	В 2 км к З от пос. Буревестник Богатовского р-на	Васильев И.Б., 1975		Фонды СГУ № 61	Васильева И.Н., 1977
56	Могильник на дном	"Большой Шихан"	Там же	Васильев И.Б., 1975		Там же	Васильева И.Н., 1979. С. 228

57	Могильник на дуже	Виловатовский	В 2 км к СВ от с. Вило- ватос Богатовского р-на	Васильев И.Б.	Фонды СГПУ	Васильева И.Н., 1979. С. 228
58	Могильник курганный	Гвардейский	В 1 км к Ю от с. Гвардейцы Борского р-на	Матвеева Г.И., 1970-1972	Фонды СГУ	Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976. С. 156
59	Могильник курганный	Александровский	В 1,5 км к ЮВ от с. Алек- сандровка Безенчукского р-на	Багаутди- нов Р.С., 1977	Фонды СГУ	Васильева И.Н., 1979. С. 220
60	Могильник грунтоый	III Заволжский	В 2,5 км к ЮЗ от с. Новое Заволжье Приволжского р-на	Крамарев А.И., 1989	Фонды СГУ	Крамарев А., 1993
61	Могильник грунтоый	IV Екатери- новский	В 3 км к Ю от с. Екате- риночка Приволжского р-на	Крамарев А.И., 1989	Фонды СГУ	Крамарев А., 1993. С. 133-135
62	Могильник курганный	Новопавлов- ский, к. 7	В 1,2 км к ЮЗ от д. Ново- павловка Красноармей- ского р-на	Скарбо- венко В.А., 1977	Фонды СГУ	Васильева И.Н., 1979. С. 224
63	Поселение (?)	г. Самара ул. Воскре- сенская (ул.Венцека), случайная находка	г. Самара		Фонды СОИКМ № 213/52	

Приложение (продолжение)

№ п/п	Тип памятника	Название	Местоположение	Автор и год раскопок	Осмотр, сборы	Место хранения	Источник информации
64	Поселение	Чекалинское II	В 2,5 км к ЮЮЗ от центра с. Чекалина Сергиевского р-на	Мамонов А.В., 1993		Фонды СГПУ	Мамонов А.Е., 1993
65	Поселение	Нижне-Орляинское II	В 4,1 км к СЗЗ от кладбища с. Нижняя Орлянка Сергиевского р-на	Колес Ю.И., 1991, 1993		Фонды СГПУ	Колес Ю.И., 1993; 1994
66	Поселение	Шигонское I	На берегу р. Уса, в 3 км от с. Шигоны Шигонского р-на	Кузьмина О.В., 1980		Фонды СГПУ	Кузьмина О.В., 1981
67	Случайная находка монет	Черемшанская	Берег р. Черемшан, между с. Хрящевка и Табурное Ставропольского р-на		1925 г.	Хвалынский музей	Морозов В.Ю., 1995. С. 322
68	Случайная находка монет	Берсеневская	В 4 верстах от с. Берсеневка Сызранского р-на		начало XX в.		Морозов В.Ю., 1995. С. 324

69	Клад	Старокостычевский	В черте г. Октябрьск (с. Старые Костычи) Сызранского р-на		1868 г.	СОИМК	Морозов В.Ю., 1995. С. 324
70	Клад	Винновский	Близ с. Винновка Ставропольского р-на, в карьере		1908 г.		Морозов В.Ю., 1995. С. 325
71	Клад	Подгорский	Близ с. Подгоры Волжского р-на		1895 г.		Морозов В.Ю., 1995. С. 325
72	Случайная находка монет	Прикльненская	В с. Привольное Безенчужского р-на		начало XX в.		Морозов В.Ю., 1995. С. 325
73	Курганный могильник	Покровский, к. 14, 15	В 4 км к ЮВ от с. Покровка Нефтегорского р-на	Васильев И.Б., 1973		Фонды СГУ	Васильева И.Н., 1979
74	Поселение	Кануевское	В 1,5 км к З от с. Кануевка Безенчужского р-на	Фалеев В.Г., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 1998		Фонды СОИМК	

Принятые сокращения: В – восток; З – запад; к. – курган; п. – погребение; С – север; СВ – северо-восток; СЗ – северо-запад; СЗЗ – северо-запад-запад; ССВ – северо-северо-восток; ССЗ – северо-северо-запад; хут. – хутор; Ю – юг; ЮВ – юго-восток; ЮЗ – юго-запад; ЮЮЗ – юго-юго-запад.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. № 2.

Агаджанов С.Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Агапов С.А., Пестрикова В.И., 1978. Отчет о раскопках поселения Славкино I в Сергиевском районе Куйбышевской области (1977 г.) // АИА РАН. Р-1. № 6702.

Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П., 1981. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Айбабин А.И., 1982. Погребение конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.

Айбабин А.И., 1985. Погребение хазарского воина // СА. № 3.

Айдаров С.С., 1976. Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города. М.

Алабин П.В., 1884. Нам известные остатки древности в Самарском крае // Тр. IV АС. Казань. Т. 1.

Алабин П.В., 1895. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном музее. Самара.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.

Алихова А.Е., 1951. Отчет о раскопках и разведках, проведенных в Шигонском районе Куйбышевской области по р. Усе (1950 г.) // АИА. Р-1. № 477.

Алихова А.Е., 1952. Отчет о раскопках Усинского отряда Куйбышевской экспедиции (1951 г.) // АИА. Р-1. № 567.

Алихова А.Е., 1953. Отчет о работах в Куйбышевской области в 1952 г. // АИА. Р-1. № 680.

Алихова А.Е., 1954а. Муранский могильник и селище // МИА. № 42.

Алихова А.Е., 1954б. Отчет Куйбышевской археологической экспедиции за 1953 г. // АИА. Р-1. № 815.

Алихова А.Е., 1955а. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки // КСИИМК. Вып. 59.

Алихова А.Е., 1955б. Отчет Куйбышевской археологической экспедиции за 1954 г. // АИА. Р-1. № 944.

Алихова А.Е., 1959. Из истории мордвы конца I – начала II тысячелетия н.э. // Из древней истории мордовского народа. Саранск.

Алихова А.Е., 1960. Русский поселок XIII–XIV вв. у с. Березовка // МИА. № 80.

Амброз А.К. 1971а. Проблемы средневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2.

Амброз А.К., 1971б. Проблемы средневековой хронологии Восточной Европы. // СА. № 3.

Амброз А.К. 1973. Ред. на: Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 // СА. № 2.

Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Амброз А.К., 1982. О Вознесенском комплексе VIII века на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи переселения народов V–VIII веков. М.

Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.

Арзютов Н.К., 1926. К вопросу о так называемой “рогожной” керамике // ТСОИАЭ. Саратов. Вып. 35. Ч. 1.

Артамонов М.И., 1949. Этногеография Скифии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л.

Артамонов М.И., 1974. Киммерийцы и скифы. Изд-во ЛГУ.

Архаров И., 1962. Кирпичосжигательная печь XI в. на Старом городище Кувы // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент. Вып. 3.

Атавин А.Г., 1996. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Багаутдинов Р.С., 1989. Отчет об археологических раскопках в Старо-майновском районе Ульяновской области и разведках в Волжском районе Куйбышевской области (1988 г.) // ИА РАН. Р-1. № 12746.

Багаутдинов Р.С., 1994. Шилловская курганный группа // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.

Багаутдинов Р.С., 1995. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге, Самара.

Багаутдинов Р., Набоков А., 1993. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г., 1987. I Курганный группа у с. Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Балабанова М.А., 1998. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI в. до н. э. – I-ой половины II в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Балинт Ч., 1995. Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Баран В.Д., 1981. Черняхівська культура. Київ.

Бартольд В.В., 1897. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. СПб.

Бартольд В.В., 1973. Соч. М. Т. 8.

Бобринский А.А., 1914. Перещепинский клад // МАР. 34.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Богачев А.В., 1983. Отчет об археологических работах в Куйбышевской области за 1982 г. // Архив арх. лаб. СГУ.

Богачев А.В., 1984. Отчет об археологических работах в Куйбышевской области за 1983 г. // Архив арх. лаб. СГУ.

Богачев А.В., 1988. Отчет об охранных раскопках Старо-Майнского городища в Ульяновской области и разведке в Волжском районе Куйбышевской области (1987 г.) // ИА РАН. Р-1. № 12299.

Богачев А.В., 1990. Погребение VI века на юго-западе Татарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Богачев А.В., 1992а. Процедура-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.

Богачев А.В., 1992б. К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV–VIII вв. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Богачев А.В., 1992в. Об одной переходной группе поясных пряжек Среднего Поволжья середины I тыс. н. э. // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.

Богачев А.В., 1995. О верхней хронологической границе именниковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Богачев А.В., 1996а. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.

Богачев А.В., 1996б. К вопросу о поздней дате древностей “гуннского круга” // СА. № 3.

Богачев А.В., В печати. Краснооктябрьский I одиночный курган (средневековые погребения) // Казань.

Богачев А.В., Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э., 1996. Праболгары на Средней Волге // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М.

Богачев А.В., Ермаков С.Ф., 1995. Работы на II Брусянском могильнике // АО 1994 года. М.

Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А., 1996. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.

Богачев А.В., Зубов С.Э., 1989. Раскопки Брусянского II могильника на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Богачев А.В., Зубов С.Э., 1990. Новый могильник эпохи переселения народов на Средней Волге // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum: Sessiones sectionum archaeologica et antropologica. Debrecen. S. 92–94.

Богачев А.В., Зубов С.Э., 1991. Раскопки раннеболгарских могильников на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск.

Богачев А.В., Зубов С.Э., 1993. Брусянский II могильник ранних болгар (раскопки 1988–1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Богачев А.В., Мышкин В.Н., 1995. Раннеболгарский курган у с. Осиновка. // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Бози Ф., 1997. Письменные источники о сарматах (IV–I вв. до н.э.) // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М. Вып. II: Раннесарматская культура.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П., 1993. Происхождение котлов “гуннского типа” Восточной Европы в свете хунно-гуннских связей // ПАВ. № 3.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V вв. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Васильев И.Б., 1970. Отчет о разведках в Волжском, Ставропольском и Красноярском районах Куйбышевской области (1969 г.) // АИА. Р-1. № 3871.

Васильев И.Б., 1973. Отчет о раскопках в 1972 г. Куйбышев // Архив арх. лаб. СГУ

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г., 1987. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982. Позднесарматские погребения могильника у с. Андреевка в Заволжье // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа.

Васильева И.Н., 1977. Гончарный горн XIV в. на дюне "Большой Шихан" // Средневолжская археологическая экспедиция: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Васильева И.Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Васильева И.Н., 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья: [Межвуз. сб.] Куйбышев.

Васильева И.Н., 1993а. II Усинский грунтовый могильник XIII–XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Васильева И.Н., 1993б. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург.

Васильева И.Н., 1995. Болгарский керамический комплекс Междуреченского городища // Краеведческие записки СОИКМ им. П.В.Алабина. Самара. Вып. VII.

Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1991а. О составлении программы экспериментального изучения формовочных масс // Керамика как исторический источник: Подходы и методы изучения. Свердловск; Куйбышев.

Васильева И.Н., Салугина Н.П., 1991б. Роль эксперимента в изучении древнего гончарства (к постановке проблемы) // Керамика как исторический источник: Подходы и методы изучения. Свердловск; Куйбышев.

Васкул И.О., 1985. О датировке пряжки с поселения Шойнаты III // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Вернер Й., 1988. Погребальная находка от Малая Перешчепина и Кубрат-хан на Българите. София.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я., 1997. Сарматы и гибель "Великой Скифии" // Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. III междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории" // Донские древности. Азов. Вып. 5.

Вихляев В.И., 1979. О генезисе культуры южно-мордовских племен // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск. (Тр. МордНИИЯЛИЭ. Вып. 63).

Вишневецкая О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII.

Внуков С.Ю., 1991. Задачи и методика петрографического исследования древней керамики // Керамика как исторический источник: Подходы и методы изучения. Свердловск; Куйбышев.

Воляник В.К., 1972. Поселение у с. Подрижье на Воляни // АО 1971 г. М.

Вязьмитина М.И., 1986. Сарматское время // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 2.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гаглойти Ю.С., 1989. К вопросу о первом упоминании этнонима алан в письменных источниках // I Кубанская археологическая конф.: Тез. докл. Краснодар.

Газимзянов И.Р., 1995. Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Генинг В.Ф., 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН. Казань.

Генинг В.Ф., 1961. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // ВИСДВ. Новосибирск.

Генинг В.Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н. э. // Из археологии Волго-Камья. Казань.

Генинг В.Ф., 1977. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге. М.

Глушков И.Г., 1996. Керамика как археологический источник. Новосибирск.

Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9.

Голдина Р.Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Голдина Р.Д., 1995. О датировке ломоватовской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Голдина Р.Д., 1996. Взгляд на памятники "великого переселения народов" в Прикамье // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Уфа. Ч. II.

Голдина Р.Д., Водолога Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 1990.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д., 1980. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск.

Гольмстен В.В., 1923. Самарская Лука, 1923 г.: Дневник // Архив ИИМК. Ф 44. Д. 3.

Гольмстен В.В., 1924. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Самара. Ч. I.

Гольмстен В.В., 1925а. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюл. общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара. № 3.

Гольмстен В.В., 1925б. Раскопки кургана у хут. Истомина, бывший Котол, на старом русле р. Самарки близ ст. Безымянка Ташкентской железной дороги: Дневник 1925 г. // Архив ЛОИА. Ф. 44. Д. III.

Гольмстен В.В., 1928. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. М. Вып. IV.

Городцов В.А., 1899. Результаты археологических исследований 1898 г., произведенных на берегах р. Оки в пределах Рязанской губернии // АИЗ. М. Т. VII. № 6/7.

Городцов В.А., 1901. Дневники археологических исследований в долине Оки // Древности. М. Т. XVIII.

Городцов В.А., 1910. Бытовая археология. М.

Городцов В.А., 1922. К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела. Казань.

Горюнова Е.И., 1947. Теньгушевское городище // Зап. МордНИИЯЛИЭ. Саранск. № 9.

Гражданкина Н.С., 1965. Методика химико-технологического исследования древней керамики // Археология и естественные науки. М.

Граков Б.Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.

Греч А.Д., 1980. Кочевники в центре Азии. М.

Гребенников А.В., 1990. Рецептуры формовочных масс в практике керамистов уральской культуры // Проблемы технологии древнейших производств. Новосибирск.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.

Гроздилов Г.П., 1941а. Жигулевский массив // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.; Л.

Гроздилов Г.П., 1941б. Куйбышевская область // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л.

Гроздилов Г.П., 1941в. Отчет об археологических работах в 1940 г. // Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 1. № 378–379.

Гумилев Л.Н., 1993а. Древние тюрки. М.

Гумилев Л.Н., 1993б. Тысячелетие вокруг Каспия. М.

Гусева Т.В., 1974. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // СА. № 3.

Гуцалов С.Ю., 1998. Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. Вып. II.

Дворниченко В.В., Коренько В.А., 1989. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Хошеутовский комплекс узденных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. III междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории" // Донские древности. Азов. Вып. 5.

Деоник В.Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3.

Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.

Добролюбский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев.

Дубицкая Н.Н., 1986. К вопросу о технологии изготовления керамики в Верхнем Поднепровье (по материалам поселения Дряжня) // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М.

Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., 1988. Отчет о разведках на территории госу-

дарственного природного национального парка "Самарская Лука" Ставропольского и Волжского районов Куйбышевской области (1987 г.) // АИА. Р-І. № 12207.

Евтюхова Л.А., 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Ермаков С.Ф., 1995. Отчет об археологических работах в Самарской области в 1994 г. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Ермаков С.Ф., 1999. Отчет об археологических работах в Самарской области в 1998 г. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Ефименко П.П., 1937. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н.э. по археологическим источникам // СА. Т. II.

Ефимова А.М., 1962. Городецкое селище и болгарское городище у с. Бальмеры Татарской АССР // МИА. № 111.

Железчиков Б.Ф., 1997а. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н. э.: Научн. докл., представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук. М.

Железчиков Б.Ф., 1997б. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М. Вып. II. Раннесарматская культура.

Железчиков Б.Ф., Пиеничнюк А.Х., 1994. Племена Южного Приуралья в VI–II вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. междунар. конф. Волгоград.

Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С., 1995. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград.

Жутиховская И.С., Залищак Б.Л., 1986. Петрографический метод в изучении древней керамики (на материалах неолитических – средневековых культур Приморья) // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток.

Зайковский Б., 1913. К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века // Тр. СУАК. Саратов. Вып. 30.

Зап. Имп. русского археологического общества., 1855. Т. VIII.

Засецкая И.П., 1983. Классификация наконечников стрел гунской эпохи (конец IV – V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Саратов.

Засецкая И.П., 1986. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гунской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. Вып. 27.

Засецкая И.П., 1992. Классификация полихромных изделий гунской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гунскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.

Збруева А.В., 1954. Гулькинский могильник // МИА. М. № 42.

Збруева А.В., Смирнов А.П., 1947. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла // ВДИ. № 4.

Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И., 1995. Междуреченское городище // Краеведческие записки СОИКМ им. П.В.Алабина. Самара. Вып. VII.

Зудина В.Н., 1975. Отчет о разведке по Самарской Луке в окрестностях сел Винновки и Торнового Волжского района Куйбышевской области (1974 г.) // АИА. Р-І. № 5607.

Зудина В.Н., 1982. Отчет о раскопках Новинковского курганного могильника Куйбышевской области (1981 г.) // АИА. Р-І. № 8916, 8916а.

Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.

Иващенко Ю.Ф., 1991. К методике исследования гончарной керамики // Керамика как исторический источник: Подходы и методы изучения. Свердловск; Куйбышев.

Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. Т. XVIII.

Ильинская В.А., 1965. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. № 1.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1986. Киммерийское время // Археология Украинской ССР. Киев.

Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А., 1977. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневолжская археологическая экспедиция: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Ишмуратова Г.Р., 1975. Керамика ачаньинских поселений западных районов Татарии // СА. № 1.

Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990. Ростов-н/Д.

Казаков Е.П., 1996. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара.

Казаков Е.П., 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Тр. Сер. ист. наук. Казань.

Каминский В.Н., 1987. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // СА. № 4.

Каминский В.Н., 1989. Аланы на Северо-Западном Кавказе // I Кубанская археологическая конф.: Тез. докл. Краснодар.

Караев О., 1968. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе.

Карамзин Н.М., 1842. История Государства Российского. СПб. Т. 1.

Клейн Л.С., 1980. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. III междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории" // Донские древности. Азов. Вып. 5.

Ключникова Р.М., Матвеева Г.И., 1976. Селище Ош-Пандо-Нерь II // Древности Среднего Поволжья: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Ключникова Р.М., Сташников Д.А., 1996. Ново-Троевское погребение (о кыпчакском компоненте в Среднем Поволжье) // Краеведческие записки. Самара. Вып. VIII. (СОИКМ им. П.В.Алабина).

Книга моего деда Коркута, 1962. // Огузский героический эпос. М.; Л.

Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв.: Пряжки // САИ. М. Вып. Е-1-2.

Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Ковалевская В.Б., 1995а. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.

Ковалевская В.Б., 1995б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ.

Ковалевский А.П., 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.

Козак Д.Н., 1985. Поселение пшеворской культуры в с. Подберезцы Львовской области // СА. № 1.

Колев Ю.И., 1988. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.

Колев Ю.И., 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-европейской лесостепи. Самара.

Колев Ю.И., 1993. Отчет о раскопках поселения бронзового века у с. Нижняя Орлянка в 1991 г. Самара // Архив арх. лаб. СамГПУ.

Колев Ю.И., 1994. Отчет об археологических исследованиях в Сергиевском районе в 1993 г. Самара // Архив арх. лаб. СамГПУ.

Кононов А.Н., 1958. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.; Л.

Константин Багрянородный, 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. М.; Л. Вып. 91.

Косменко М.Г., 1971. Отчет об археологических работах в 1970 г. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Кочкина А.Ф., 1994. Отчет об археологических работах в Самарской области в 1993 г. // Архив СОИМК.

Крамарев А.И., 1989. Отчет об археологических работах в 1988 г. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Крамарев А., 1993. Новые погребения средневековых кочевников Самарского Заволжья // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Крамарев А.И., 1998. Отчет об археологических работах в 1997 г. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник. М.

Кригер В.А., 1985. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кригер В.А., 1986. Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья: [Межвуз. сб.]. Саратов.

Кротков А.А., 1912. О памятниках старины в Саратовской губернии // Тр. СУАК. Саратов. Вып. 29.

Круг О.Ю., 1965. Применение петрографии в археологии // Археология и естественные науки. М.

Круглов Е.В., 1992а. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.

Круглов Е.В., 1992б. Хазарские погребения на р. Аксай // Древности Волго-Донских степей. Волгоград.

Кузеев Р.Г., 1974. Происхождение башкирского народа. М.

Кузеев Р.Г., Иванов В.А., 1983. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (V–XIV вв.): Препринт доклада. Уфа.

Кузнецов В.А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106.

Кузнецов П.Ф., 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. СПб. Вып. 1.

Кузнецова Л.В., 1978. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Подстепки Ставропольского района Куйбышевской области (1977 г.) // АИА Р-1. № 6610.

Кузнецова Л.В., 1980. Отчет о разведках в зоне строительства Абашевской оросительной системы в Хворостянском, Приволжском и Шигонском районах Куйбышевской области (1979 г.) // АИА Р-I. № 7621.

Кузнецова Т.М., 1990. Торговые или священные пути греков? // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Кузнецова Т.М., 1991. Этюды по скифской истории. М.

Кузьмина О.В., 1981. Отчет о раскопках I Шигонского поселения в Шигонском районе Куйбышевской области (1980 г.) // АИА Р-I. № 7780, 7780а.

Куфтин Б.А., Россова А.М., 1928. У гончаров Дмитриевского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. М. Вып. 5.

Ламина Е.В., 1987. Применение методов естественных наук в изучении археологической керамики // Новые памятники эпохи металла на среднем Амуре. Новосибирск.

Латышев В.В., 1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. Прил.

Латышев В.В., 1992. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.

Левашова В.П., 1952. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. № 24.

Левина Л.М., 1994. Джетыясарская культура. М. Ч. 3-4.

Левина Л.М., Равич И.Г., 1995. Бронзовые зеркала из джетыясарских памятников // Джетыясарская культура. М. Ч. 5.

Ледяйкин В.И., 1975. О преемственности между городецкой и древнемордовской культурами // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск.

Лепехин И.И., 1771. Дневные записки путешествия // ПСУЗПР. СПб. Т. 3.

Лесков А.М., 1984. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге Европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Лецинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.

Лукашов А.В., 1986. К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья: [Межвуз. сб.]. Саратов.

Лунина С.Б., 1958. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва // Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад. Т. 8.

Магомедов М.Г., 1975. Костяные накладки из Верхнечирюртовского могильника // СА. № 1.

Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.

Мажанова И.Н., 1974. Отчет о разведках в Куйбышевской области (1973 г.). Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Мажанова И.Н., 1975. Отчет о разведках по Самарской Луке (1974 г.) // АИА Р-I. № 5498.

Мажанова И.Н., 1976. Материалы к археологической карте бассейна р. Сок // Очерки истории и культуры Поволжья: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.

Максименко В.Е., 1997. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории" // Донские древности. Азов. Вып. 5.

Максимов Е.В., 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.

Максимов Е.К., 1956. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Археологический сборник. Саратов.

Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.

Малов Н.М., 1987. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Суздаль.

Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.

Мамонов А.Е., 1993. Отчет о раскопках стоянки Чекалино II в Сергиевском районе. Самара // Архив арх. лаб. СамГПУ.

Марков В.Н., 1994. Ананьинская проблема: (Некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань.

Маришак Б.И., Скалон К.М., 1972. Перещепинский клад. Л.

Матвеева Г.И., 1971. Отчет о раскопках в Волжском и Ставропольском районах и разведках в Похвистневском, Кинель-Черкасском, Челно-Вершинском и Борском районах (1970 г.) // АИА Р-И. № 4099.

Матвеева Г.И., 1972. Отчет I отряда САЭ об исследовании памятников железного века в Куйбышевской области (1971 г.) // АИА Р-И. № 4582, 4582а.

Матвеева Г.И., 1973. Отчет о раскопках Сухореченского I селища (1972 г.) // АИА Р-И. № 4826.

Матвеева Г.И., 1974. Отчет о раскопках Сухореченского I селища (1973 г.) // АИА Р-И. № 91.

Матвеева Г.И., 1975а. Отчет о раскопках Муромского городка (1974 г.) // АИА Р-И. № 5610.

Матвеева Г.И., 1975б. Отчет о раскопках Сухореченского селища (1974 г.) // АИА Р-И. № 5611.

Матвеева Г.И., 1975в. Памятники именковской культуры на Самарской Луке // Самарская Лука в древности: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1975г. Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Куйбышев. (Краеведческие записки КОМК. Вып. III).

Матвеева Г.И., 1976. Погребение VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1977а. Погребения VIII–IX вв. у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. Казань.

Матвеева Г.И., 1977б. Сухореченское селище // Средневожская археологическая экспедиция: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1979. Отчет о раскопках III Рождественского курганного могильника (1978 г.) // АИА Р-И. № 7133.

Матвеева Г.И., 1980. Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области: Учебное пособие. Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1981а. О происхождении именковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1981б. Отчет о раскопках Новинковского (Рождественского II) курганного могильника (1980 г.) // АИА Р-И. № 8289, 8289а.

Матвеева Г.И., 1982. Отчет о раскопках Новинковского курганного могильника в Куйбышевской области (1981 г.) // АИА Р-И. № 8818, 8818а.

Матвеева Г.И., 1983. Отчет о раскопках городища Лбище в Куйбышевской области (1982 г.) // АИА Р-И. № 10118, 10118а.

Матвеева Г.И., 1984. Отчет о раскопках городища Лбище в Куйбышевской области (1983 г.) // АИА Р-И. № 10119, 10119а.

Матвеева Г.И., 1985а. Отчет о раскопках Старо-Майнского городища в Ульяновской области и городища Лбище в Куйбышевской области (1984 г.) // АИА Р-И. № 11301, 11301а.

Матвеева Г.И., 1985б. Отчет о раскопках Кармалинского городища в Куйбышевской области (1984 г.) // АИА Р-И. № 10348.

Матвеева Г.И., 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Матвеева Г.И., 1988а. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма: Сб. тезисов, М.

Матвеева Г.И., 1988б. Отчет о раскопках Переволокского городища. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Матвеева Г.И., 1993. Отчет об археологических работах в Самарской области в 1992 г. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Матвеева Г.И., 1995а. Результаты новых исследований III Рождественского могильника // Средневековые памятники Поволжья: [Межвуз. сб.]. Самара.

Матвеева Г.И., 1995б. Грунтовые погребения новинковского типа на Самарской Луке // Краеведческие записки. Самара. Вып. VII.

Матвеева Г.И., 1997а. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.

Матвеева Г.И., 1997б. О происхождении и культурной принадлежности памятников лбищенского типа // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара.

Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф., 1998. Муромский городок. Самара.

Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев.

Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939. М.; Л.

Мацулевич А.А., 1947. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. Вып. 67.

Мачинский Д.А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13.

Мелюкова А.И., 1976. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Мерперт Н.Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. № 42.

Милюков Ф.Н., 1953. Среднее Поволжье. М.

Минаева Т.М., 1927. Погребения с сожжением близ г. Покровска // УЗСГУ. Саратов. Вып. 3.

Миронов В.Г., 1976. Памятники городищной культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Могильников В.А., 1981. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Могильников В.А., 1996. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.

Могильников В.А., Кызласов Л.Р., 1981. Сибирские древности VI-X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., 1981. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Морозов В.Ю., 1995. Топография кладов и случайных находок монет на территории Куйбышевской (Самарской области) // Краеведческие записки СОИКМ им. П.В.Алабина. Самара. Вып. VII.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д-1-10.

Мошкова М.Г., 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири савроматского времени // МИА. № 153.

Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Мошкова М.Г., 1989а. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Мошкова М.Г., 1989б. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Мошкова М.Г., 1989в. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Мошкова М.Г., 1989г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Научн. докл., представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук. М.

Мошкова М.Г., 1994. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II-I вв. н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград.

Мошкова М.Г., 1997. Проблема миграций в советской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. III междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории" // Донские древности. Азов. Вып. 5.

Мурзин В.Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.

Мыльникова Л.Н., 1991. К вопросу о температуре обжига неолитической керамики поселения Кондон (Нижний Амур) // Керамика как исторический источник: Подходы и методы. Свердловск; Куйбышев.

Мышкин В.Н., 1987. Находки савроматского и сарматского оружия в Куйбышевской области и Западном Оренбуржье // Археологические исследования в Среднем Поволжье: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Мышкин В.Н., 1992. Сарматские погребения Виловатовского курганного могильника в Куйбышевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры: [Межвуз. сб.]. Саратов.

Мышкин В.Н., 1994. Отчет о археологических раскопках в Самарской области в 1993 г. Самара // Архив СамГПУ.

Мышкин В.Н., 1995. Отчет о раскопках курганного могильника Гвардейцы I в Борском районе Самарской области в 1994 г. по ОЛ № 573. Самара. // Архив арх. лаб. СамГПУ

Мышкин В.Н., 1997. На окраине степных кочевий // Сергиевский район: Древность и средневековье. Самара.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996. Савроматские и раннесарматские памятники Самарского Заволжья // Краеведческие записки СОИКМ. Самара. Вып. VIII.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 1999. Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. Вып. 3.

Набоков А.В., 1983. Отчет об археологических работах в 1982 г. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Невоструев К.И., 1871. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств // Тр. Первого археологического съезда в г. Москве. М. Ч. II.

Нечаева Л.Г., 1961. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.

Новосадский Д., 1862. Остатки крепости Ош-Пандо-Нерь близ с. Шелехметь // Самарские губерн. ведомости. № 6. 10 февраля.

ОАК за 1890 г., 1890. СПб.

Обломский А.В., 1994. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского левобережья // *Kultura przeworska*. Lublin. Т. 1.

Обломский А.М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М.; Сумы.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское левобережье в первые века н. э. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В., 1990. Распад зарубинецкой культуры, его социально-экономические и идеологические причины. Киев.

Орлов Р.С., Смиленко А.Т., 1986. Погребения кочевников и клады эпохи раннего средневековья // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3.

Очир-Горяева М.А., 1988. Савроматская культура Нижнего Поволжья в VI – IV вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Паллас П.С., 1773. Путешествие по разным провинциям Российской империи // ПСУЗПР. СПб. Ч. I.

Пантусов Н.Н., 1909. Сведения арабских географов о Средней Азии // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань. Т. XXV. Вып. 5.

Пестрикова В.И., 1988. Отчет об археологических работах в 1987 г. // Архив арх. лаб. СамГПУ.

Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.

Петров Ю.Э., 1978. Отчет о разведках в зоне строительства водохранилища в свх. "Кутузовский" Сергиевского района Куйбышевской области в 1977 г. // АИА Р-1. № 6597.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. М.; Л. № 62.

Плетнева С.А., 1981а. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Плетнева С.А., 1981б. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М.

Плетнева С.А., 1990. Половцы. М.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. М. (Археология СССР).

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1997. Савроматы и скифы // Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. международной конф. "Проблемы сарматской археологии и истории" // Донские древности. Азов. Вып. 5.

Поливанов В.Н., 1893. Муранский могильник. Симбирск.

Поливанов В.Н., 1896. Муранский могильник. М.

Поливанов В.Н., 1900. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск.

Полин С.В., Симоненко А.В., 1997. Скифия и сарматы // Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. III междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории" // Донские древности. Азов. Вып. 5.

Полное собрание русских летописей, 1926. Л. Т. 1.

Полное собрание ученых путешествий по России, 1824. СПб. Т. 5.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Пономарев Н.В., 1892. Кустарные промыслы Курской и Киевской губерний // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб. Т. 1.

Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика, 1957. М.

Пьянков И.В., 1975. Массажеты Геродота // ВДИ. № 2.

Радищев М.А., 1914. Хвалынские городища // Тр. СУАК. Саратов. Вып. 31.

Распопова В.И., 1969. Бронзовые серьги Пенджикента // КСИА. Вып. 120.

Распопова В.И., 1979. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА. Вып. 158.

Расторопов А.В., 1982. Отчет об археологическом исследовании Лбищенского городища Куйбышевской области (1981 г.) // АИА Р-И. № 8562.

Расторопов А.В., 1985. Исследование городища Лбище на Самарской Луке в 1981 г. // Древности Среднего Поволжья: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Ростовцев М.И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.

Рудь Н.М., 1987. Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Самара.

Рутто Н.Г., 1975. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности: Краеведческие записки. Куйбышев. Вып. III.

Рыбаков Б.А., 1948а. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А., 1948б. Торговля и торговые пути // История культуры древней Руси. М.; Л.

Рыбаков Б.А., 1979. Геродотова Скифия. М.

Рычков Н.А., 1982. Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. Киев.

Савинов Д.Г., 1982. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северской Азии. Новосибирск.

Сайко Э.В., 1965. Технология керамики средневековых мастеров // Археология и естественные науки. М.

Салугина Н.П., 1977. Отчет о раскопках в Ставропольском районе Куйбышевской области (1976 г.) // АИА Р-И. № 6411.

Салугина Н.П., 1978. Отчет о раскопках Муромского селища в 1977 г. // АИА Р-И. № 6835, 6835а.

Салугина Н.П., 1985. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Салугина Н.П., 1986а. Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Салугина Н.П., 1986б. Технология производства керамики западной груп-

пы именьковской культуры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М.

Салугина Н.П., 1987. Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Салугина Н.П., 1988. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики: [Междуу. сб.]. Куйбышев.

Салугина Н.П., 1989. История населения городища Лбище в свете данных технико-технологического анализа керамики // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя (информационные материалы). Свердловск.

Седов В.В., 1994. Славяне в древности. М.

Седова М.С., 1994. Отчет об археологических работах в Самарской области в 1993 г. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Седова М.С., 1995. Исследование Шелехметского курганно-грунтового могильника в 1993 году // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Седова М.С., 1999. Отчет об археологических раскопках в Волжском районе (1998 г.) // Архив арх. лаб. СГУ.

Семенов А.И., 1987. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе // КСИА. Вып. 192.

Семенов А.И., 1991. Монеты Келегейского комплекса // АСГЭ. Вып. 31.

Семенов А.И., 1993. О датирующих способностях византийских солидов VII-VIII вв. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Семенов С.А., 1965. Экспериментальный метод изучения первобытной техники // Археология и естественные науки. М. С. 216-222.

Семенова А.П., 1982. Отчет о раскопках II Шигонского поселения в Шигонском районе Куйбышевской области в 1981 г. // АИА Р-И. № 8351, 8351а.

Семенова А.П., 1983. Отчет о раскопках II Шигонского поселения в 1982 г. // АИА Р-И. № 10364, 10364а.

Семькин Ю.А., 1985. О металлургических горнах именьковской культуры // Культуры Восточной Европы I тыс. до н. э.: [Междуу. сб.]. Куйбышев.

Семькин Ю.А., 1996. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.

Серебренников Б.А., 1955. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопр. языкознания. № 6.

Скарбовенко В.А., 1976. Сарматские погребения у с. Утевка // Очерки истории и культуры Поволжья Куйбышев.

Скарбовенко В.А., 1979. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья: [Междуу. сб.]. Куйбышев.

Скарбовенко В.А., 1987. Отчет о раскопках у с. Дмитриево-Помряскино в Старомайском районе Ульяновской области и разведках в Куйбышевской области в 1986 году // АИА Р-И. № 10945.

Скарбовенко В.А., 1989. Отчет об археологических работах в 1988 г. Куйбышев // Архив арх. лаб. СГУ.

Скарбовенко В.А., 1993. Отчет об археологических разведках в южных районах Самарской области в 1992-1993 годах. Самара // Архив арх. лаб. СГУ.

Скржинская М.В., 1984. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Скрипкин А.С., 1997. Анализ сарматских погребальных памятников III – I вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М. Вып. II: Раннесарматская культура.

Скуднова В.М., 1962. Скифские зеркала в архаическом некрополе Ольвии // Тр. ГЭ. Т. VII.

Сміленко А.Т., 1975. Слов'яни та їх сусіди в степновому Подніпрові (II–XIII ст.). Київ.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.

Смирнов А.П., 1955. Древняя и средневековая история Ульяновского края в свете новых археологических данных. Ульяновск.

Смирнов А.П., 1971. Из этнической истории западного Приуралья в I тыс. н. э. // Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т. IV.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. М. Д-1-14.

Смирнов К.А., 1962. Керамический горн на болгарском поселении Ага-Базар // МИА. № 111.

Смирнов К.Ф., 1950. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. XXXIV.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Смирнов К.Ф., 1989. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. М. Вып. Д-1-9.

Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени // МИА. № 153.

Спицын А.А., 1912. Саратовские древности // Тр. СУАК. Прибавление к вып. 29. Саратов.

Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. М. Вып. Д-1-32.

Старостин П.Н., 1986. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Старостин П.Н., 1994. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань.

Старостин П.Н., Хомутовы Л.С., 1981. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. № 3.

Сташенков Д.А., 1994. Раскопки раннесредневековых памятников на Самарской Луке // АО 1993 года. М.

Сташенков Д.А., 1995а. Археологические исследования у с. Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Самара. Вып. VII.

Сташенков Д.А., 1995б. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Сташенков Д.А., 1995в. Отчет об археологических раскопках в Самарской области в 1994 г. // Архив СОИМК.

Сташенков Д.А., 1996. Отчет об археологических раскопках в Самарской области в 1995 г. // Архив СОИМК.

Сташенков Д.А., 1997. Отчет об археологических работах в Самарской области в 1996 г. // Архив СОИКМ.

Сташенков Д.А., 1998. Отчет об археологических работах в Самарской области в 1997 г. // Архив СОИКМ.

Сташенков Д.А., 1999. Отчет об археологических раскопках в Самарской области в 1998 г. // Архив СОИКМ.

Степанов П.Д., 1964. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т. II.

Сунгатова Ф.А., 1995. Население среднего течения реки Белой в V–VIII вв. (турбаслинская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.

Таиров А.Д., 1991. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II веках до новой эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Татищев В.Н., 1952. История Российская. М.; Л. Т. 1.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. Т. 1.

Тихомирова В.А., 1948. Краткий обзор докладов, заслушанных археологической секцией НИИ краеведения и музейной работы // Историко-археологический сборник. М.

Толстов С.П., 1947. Города гузов // СЭ. № 3.

Трейстер М.Ю., 1994. Малоизвестный эпизод истории сарматов: сарматы в Британии // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. междунар. конф. Волгоград.

Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты, славяне на Днепре и Волге. М.; Л.

Трубникова Н.В., 1953. Племена городецкой культуры // Археологический сб. М. (Тр. ГИМ. Вып. XXII).

Трубникова Н.В., 1958. Итоги археологических исследований по р. Усе // МИА. № 61.

Трубникова Н.В., 1960. Поселения I тысячелетия и начала II тысячелетия нашей эры на Самарской Луке // МИА. № 80.

Трубникова Н.В., 1964. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958–1959 годах // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. Чебоксары. (Учен. зап. ИЯЛИЭ).

Уманский А.П., Неверов С.В., 1982. Находки из погребений IX–X вв. в долине реки Алея на Алтае // СА. № 2.

Фахрутдинов Р.Г., 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань.

Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1998. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья: [Межвуз. сб.]. Йошкар-Ола.

Феофан Исповедник., 1995. Свод древнейших письменных известий о славянах. М.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

- Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.
- Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VII-VI вв. до н. э.). М.
- Халиков А.Х., 1988. К вопросу об этносе имсеньковских племён // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань.
- Халиков А.Х., 1992. О судьбе населения ананьинской общности на Нижней Каме // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского Каскада. Казань.
- Халикова Е.А., 1965. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. // КСИА. Вып. 104.
- Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.
- Хлебникова Т.А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.
- Храковский В., 1959. Шараф ал-Заман Тахир Марвази // Тр. сектора востоковедения АН КазССР. Алма-Ата. Т. 1.
- Хреков А.А., 1991. Грунтовый могильник с сожжением на западе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
- Хреков А.А., 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научн.-практ. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.
- Хреков А.А., 1995. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья: [Межвуз. сб.]. Самара.
- Цалкин В.И., 1958. Фауна из раскопок памятников Среднего Поволжья // МИА. № 61.
- Цезарь Гай Юлий, 1993. Галльская война // Записки Юлия Цезаря. М.
- Черненко В.Е., 1986. Оружие // Археология Украинской ССР. Киев.
- Черных Е.Н., 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Членова Н.А., 1984. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск.
- Шарахимов Ш., 1974. Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда // Афросиаб. Вып. II.
- Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.
- Шелов Д.Б., 1978. Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Шелов Д.Б., 1984. История античных государств Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. М.
- Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Шилов В.П., 1983. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов: [Межвуз. сб.]. Саратов.
- Шнайдинштейн Е.В., 1985. Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография. Л.
- Шукин М.Б., 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.
- Шукин М.Б., 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. Вып. 31.
- Шукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб.
- Юнусова Р.М., 1974. Отчет третьего отряда Средневожской археологической экспедиции о раскопках памятников эпохи железа в Куйбышевской области в 1973 г. // Архив СОИМК.

Юнусова Р.М., 1975. Отчет об археологических работах в Куйбышевской области в 1974 г. // Архив СОИМК.

Юнусова-Ключникова Р.М., 1977. Максимовский клад // Средневолжская археологическая экспедиция: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Юнусова Р.М., 1985. Исследование памятников эпохи железа на Самарской Луке // Очерки истории и культуры Поволжья: [Межвуз. сб.]. Куйбышев.

Юсупов Г.В., 1953. О некоторых болгарских эпиграфических памятниках // Эпиграфика Востока. М.; Л. VII.

Якобсон А.Л., 1941. Гончарные печи средневекового Херсонеса // КСИИМК. М. Вып. X.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л.

Яковенко Э.В., 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Dambrowska K., Kozłowska R., 1959. Dwie osady we wsi Pivonice M.S. T. 5.

Dekan G., 1976. Velka Morava. Bratislava.

Dekan G., 1983. Velka Morava. Bratislava.

Golden P.B., 1967. The migrations of the Oguz // Archivum Eurasiae Medii Aevi.

Kurat A.N., 1937. Pecenek Tarihi. Istanbul.

Rau P. 1927. Die Hugelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk.

Rau P., 1928. Die Graber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИА – Архив Института археологии РАН
 АИЗ – Археологические известия и заметки
 АЛОИА – Архив Ленинградского отделения института археологии
 АО – Археологические открытия арх. лаб. – археологическая лаборатория
 АС – археологический съезд
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края
 В – восток
 ВА – Вопросы археологии
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВДИ – Вестник древней истории
 ВИСДВ – Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 Дм – диаметр
 З – запад
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 ИГ БФАН – Институт геологии Башкирского филиала АН
 ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
 ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы АН Татарстана
 ИЯЛИЭ – Институт языка, литературы, истории и этнографии при Совете Министров Чувашской АССР
 К. – курган
 КАЭ – Куйбышевская археологическая экспедиция
 КОМК – Куйбышевский областной музей краеведения
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КФАН – Казанский филиал Академии наук
 ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
 МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
 МАР – Материалы по археологии России
 МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской АССР
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МордНИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР
 ОАИЭЕ – общество археологии, истории, этнографии и естествознания (Самара)
 ОАК – Отчет Археологической комиссии
 ОЛ – открытый лист
 П. – погребение
 ПАВ – Петербургский археологический вестник
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 ПСУЗПР – Полное собрание ученых записок путешественников по России
 РА – Российская археология

РАНИОН – Российская ассоциация
научно-исследовательских инсти-
тутов общественных наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источ-
ников
СамГПУ – Самарский государст-
венный педагогический универ-
ситет
САЭ – Средневолжская археологиче-
ская экспедиция
Свх. – совхоз
СГУ – Самарский государственный
университет
СЗ – северо-запад
СЗС – северо-запад-север
СЗ-ЮВ – северо-запад – юго-восток
СМАД – Сборник материалов по ар-
хеологии Адыгеи
СОИКМ – Самарский областной ис-
торико-краеведческий музей
им. П.В.Алабина
СУАК – Саратовская учная архив-
ная комиссия
СЭ – Советская этнография

Тр.ГИМ – Труды Государственного
Исторического музея
Тр.МАЭ – Труды Марийской архео-
логической экспедиции
ТСА РАНИОН – Труды секции архео-
логии Российской ассоциации науч-
ных институтов общественных наук
ТСОИАЭ – Труды Саратовского об-
щества истории, археологии и эт-
нографии.
УЗСГУ – Ученые записки Саратов-
ского государственного универси-
тета
ХГА – хронологическая группа
Амброза А.К.
ХГЗ – хронологическая группа
Засецкой И.П.
хут. – хутор
экз. – экземпляр
ЮВВ – юго-юго-восток
ЮЗ – юго-запад
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская
археологическая комплексная экс-
педиция
ЮЮЗ – юго-юго-запад

Научное издание

**ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ**

**Ранний железный век
и средневековье**

*Утверждено к печати
Самарским научным центром
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, В.М. Ракитина,*
Т.И. Шеповалова

Верстка выполнена в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 15.02.2000
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 26,5. Усл.кр.-отт. 26,5. Уч.-изд.л. 28,1
Тираж 1000 экз. Тип зак. 1808

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

ППП Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

